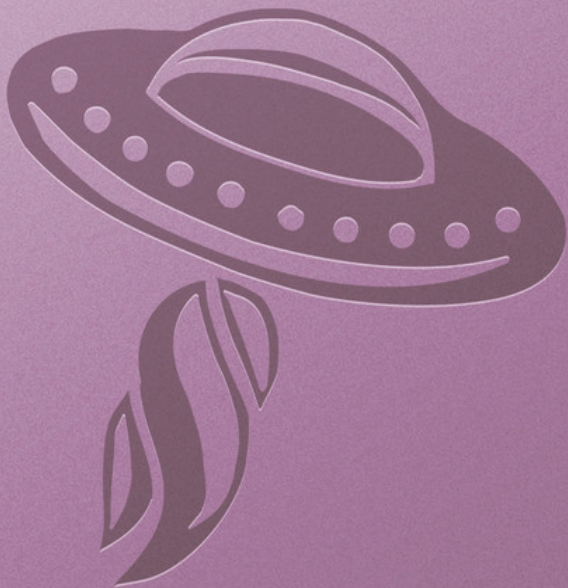

Сергей Болотников

Действо

Сергей Болотников

Действо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142315

Аннотация

Привидений в доме и вправду не было.

Зато было все остальное.

Ничем, впрочем, этот дом странен не был – обыкновенная панельная многоэтажка – четырнадцать неряшливых проткнутых окнами квадратов простираются в небеса, да ровная, как по линейке крыша с торчащими ржавыми грибками вентиляции. Неровные черные стыки, ободранные стены со следами старой бурой краски, неустроенные квартиры, низкие потолки – словом, возвышалось это все из ядреной осенней грязи в одном из близких Подмосковных городов – таких близких, что их уже можно было считать Москвой, только маленькой.

Возвышалось, и не привлекало к себе никакого внимания.

В городе есть дома и получше – даже панельные, благо сейчас даже эта скоропортящаяся продукция вполне может стать элитным жильем с нежно розовыми стенами и стеклопакетами.

Но этот дом не элитный. И у него нет никаких шансов им стать.

Содержание

Пролог.	5
Интерлюдия.	11
Катрен первый.	15
Собачник.	15
Сетевик.	41
Бездомный.	64
Почтальон.	91
Школьник.	116
Жертва.	152
Анна.	185
Интерлюдия вторая.	223
Катрен второй.	227
Революционер.	227
Неромант.	271
Хозяин.	312
Курьер.	348
Гробокопатель.	395
Спайсманавт.	446
Трансфер 001. Андрей Якутин.	455
Трансфер 002. Андрей Якутин.	466
Трансфер 003. А. Якутин.	473
Трансфер 004. Якутин.	484
Трансфер 005. Андрей Якутин.	491

Трансфер 006 Андрей Якутин.	498
Трансфер 007. Сэр А.С.Якутин.	506
Трансфер 008 Андрей Якутин.	511
Черная королева.	515
Мышеломка.	526
О чистке ушей.	555
Дер Жаббервох.	563
Интерлюдия третья.	574
Катрен третий.	578
Красноцветов ищет истину.	578
Тест на кретинизм.	600
Еще один кирпич в стене.	633
Еще один кирпич в стене	644
Эстафета.	673
Долина Фараонов.	705
Разговор по душам.	729
Карнавальная ночь.	765
Акростих.	808
Дао семерых.	808
Арена.	866
Интерлюдия финальная.	890

Сергей БОЛОТНИКОВ

ДЕЙСТВО

© Сергей Болотников. Модификация
24.02.2003

Пролог.

Дом без привидений.

Привидений в доме и вправду не было.

Зато было все остальное.

Ничем, впрочем, этот дом странен не был – обыкновенная панельная многоэтажка – четырнадцать неряшливых проткнутых окнами квадратов простираются в небеса, да ровная, как по линейке крыша с торчащими ржавыми грибочками вентиляции. Неровные черные стыки, ободранные стены со следами старой бурой краски, неустроенные квартиры, низкие потолки – словом, возвышалось это все из ядреной осенней грязи в одном из близких Подмосковных городов – таких близких, что их уже можно было считать Москвой, только маленькой.

Возвышалось, и не привлекало к себе никакого внимания.

В городе есть дома и получше – даже панельные, благо сейчас даже эта скоропортящаяся продукция вполне может стать элитным жильем с нежно розовыми стенами и стеклопакетами.

Но этот дом не элитный. И у него нет никаких шансов им стать.

В нем имеется лифт и три подъезда – и, понятное дело, угластый подъемник может обслужить только один из них. Но жильцов соседних это ни в коей мере не волнует, потому как ценный механизм, принадлежащий одному из подъездов, все равно осчастлививляет своих владельцев более-менее бесперебойной работой крайне редко. Зато в его привычке часто выходить из строя без объяснения причин. Бывалые жильцы это знают и потому не спешат пользоваться коварной машиной, даже если она проявляла твердые признаки работоспособности. Новички же... за прошедшее бурное десятилетие в доме сыграли уже три свадьбы, которые фактом своим полностью и бесповоротно обязаны не вовремя заклинившему подъемному механизму. И сейчас, войдя в его обитое вытертым древозаменителем нутро можно заметить полустертые, писанные шариковой ручкой стихи, что оставили на его стенах безвестные мечтатели, безнадежно опоздавшие домой/на работу/в институт энное количество лет назад.

Помимо лифта у дома есть домофон, который работает всегда, хотя периодически уличные вандалы пытаются пресечь его жизненный путь. Он звенит, впуская вас внутрь и

побренькивает, выпуская. Его стоппер, закрепленный под верхней кромкой дверного проема, пропускает лишь людей ростом ниже метра восьмидесяти. Жильцы выше молча страдают и приобретают раболепную привычку пригибать головы, входя в абсолютно любую дверь, теми самым сильно роняя к себе уважение.

Домофон работает не один, ему помогает консьержка – имени ее никто не знает, и к тому же создается впечатление, что они все время меняются. Возможно, так оно и есть, докапываться до истины никто не пробует, жильцам просто важно знать, что кто-то сидит внизу, олицетворяя собой вторую линию обороны перед ВНЕШНИМ МИРОМ, что настойчиво стремится попасть внутрь панельной крепости большинства живущих здесь людей.

Консьержка смотрит старый черно-белый телевизор и с кем-то разговаривает. С кем – никто не знает. Может быть с домофоном, который всегда отзывчиво звонит в ответ и ободряюще подмигивает красной лампочкой. С жильцами консьержка не разговаривает.

Сразу за ней начинается тонкая кишка коридора, которая ведет куда-то дальше, освещая вам путь одинокими люминесцентными лампами, да изредка встречающимися провалами окон.

Коридор длинен и уныл, и ясно видно, что у архитекторов, что проектировали давным-давно это строение, была масса свободного времени и потуги на эстетство. Нет, ко-

ридор, безусловно, не Критский лабиринт, но свеживъехавшие жильцы тратят не одну и не две завлекательные минуты, чтобы добраться через эти покрашенные зеленоватой потрескавшейся краской хитросплетения до вожаделенного лестничного пролета...

Который в противовес коридора всего один и ведет строго ввысь. Зимой его ступеньки леденеют. Разрываемая лестничными клетками череда ступенек ведет под самую крышу, нигде больше не отклоняясь от строгой прямой. Подход к квартирам прост – пор три на каждой клетке – две двери рядом друг с другом и одна прячется за поворотом. Бывает, жильцы задумываются над этим противоречием коридора и лестницы в небо, но куда чаще просто поминают нерадивым дизайнером крепким словцом, в очередной раз пытаясь в полной разбитых ламп темноте нащупать дорогу к выходу.

Под крышей дома лестница заканчивается завешенной угрюмым амбарным замком лестницы на чердак. О том, что дужка замка только придвинута, но не защелкнута, знают лишь избранные. Тем более, что дверь на крышу находится как раз напротив и потому чердаком почти не пользуются.

Через крышу можно попасть в другие подъезды, минуя домофон, так что это проторенный путь антисоциальных типов различной направленности. Еще на крыше водятся голуби и потому черный рубероид давно приобрел бледно серый оттенок, на котором регулярно поскальзываются ищущие новые пути антисоциальные типы. Голуби мирно ворку-

ют и пикируют с самого верха вниз, где у подъезда радательные старушки всегда сыпят им хлебные крошки.

Вокруг них расстилается двор – узкий, длинный и забитый строительным мусором.

Неизменные качели-карусели смотрятся среди него остовами давно вымерших то ли зверей, то ли угледобывающих механизмов. Дети играют там в сталкеров и диггеров. Еще там выгуливают собак, и потому собачьи отходы жизнедеятельности устилают двор таким же ровным слоем каким голубиные – крышу. Юные сталкеры и диггеры часто в них влипают, чем до слез радуют своих мамаш. Впрочем, иногда оные продукты появляются и в подъездах, непонятным образом минуя консержку и домофон.

Подъезды полны дверей – разных, внутренних и конечно внешних. Картонных доисторических, модерновых железных и новомодных стальных бронированных. Качество их можно проверить лишь опытным путем, потому как внешне они друг от друга не отличаются.

Затейливые номерки радуют глаз пришедших снаружи, а мощные оптические глазки – органы зрения стоящих по ту сторону двери хозяев.

Пол на площадках бетонный и с трещинами. На стенах граффити.

За дверьми живут люди. Их много, они все разные и именно они делают этот дом тем, чем он есть. Ведь без жильцов любой дом мертв. И этот не исключение. И потому всех его

постояльцев – мужчин и женщин, молодых и старых, добрых и злобных – таких разных и не похожих объединяет одно обстоятельство, делаая их неуловимо схожими друг с другом, как могут быть схожими люди волею судеб попавшие вместе в кризисную ситуацию.

Они все – соседи. И все живут в четырнадцатипятиэтажном панельном доме – справа, слева, сверху и снизу друг от друга – разделенные тонкими кирпичными стенками и непробиваемыми барьерами своих собственных обособленных жизней.

Они плохо знают друг друга, они мало разговаривают и считают, что ничем не отличаются от окружающих, но это не так.

В конечном итоге они в одной лодке – высокой, строенной из бетона облезлой лодке, что несет их сквозь жизнь совсем не в том направлении.

Такой он и был этот дом – самый обычный внешне и без привидений внутри. И день за днем, год за годом смотрел он своими пыльными и не очень окнами на своего брата близнеца через крошечный захламленный двор, пока на сырой асфальт, подле одного из подъездов не шлепнулось, запечатанное в белоснежный, с сине-красным пунктиром конверт, письмо. Ветер подхватил его и попытался унести вместе с желтыми, изляпанными в осенней грязи, листьями да силенок не хватило. Протащил и бросил у самой двери.

Письмо осталось лежать.

Все начинается с малого.

Интерлюдия.

Отгремел большой взрыв, а вслед за ним целая череда мировых и вселенских катастроф, коих было так много, что они периодически накладывались друг на друга, давая катаклизм в квадрате. Рождались звезды и умирали звезды, утаскивая в темное небытие все любовно возвращенные свои планеты. Туманности разворачивались циклопическими парусами, гордо реяли и не менее гордо схлопывались в коллапс. Существа, странные и ужасные, большие и маленькие правили бал, отправлялись в походы, строили заговоры, убивали чудовищ и друг друга и мир сотрясался.

Но минули века, родовые корчи вселенной утихли. Сгинули куда то гиганты и циклопы, духи и дети звезд и обезличенные силы разлились по галактикам. Звезды и планеты перестали танцевать канкан и плавно закружились каждая по своей орбите. Галактики умерили свой пыл и даже попридержали более резвые кварки, хотя те все время старались пересечь скорость света. Темнота перестала бурлить, явив долгожданный покой.

И в наступившей менопаузе на вытертых от времени вселенских подмостках осталось только три персонажа.

Кто их здесь забыл, и для чего вообще их создавали – время уже покрыло тайной. Может быть, кто ни будь из отбуйнивших свое хтонических богов и гигантов, а может быть,

они были прямым порождением какого ни будь катаклизма, которые иногда принимали самые удивительные формы. Быть может, они сами этого не знали, они совсем ничего не решали, и потому могли только парить посреди пыльной, оббитой вытертым бархатом вселенной с серебряными пуговицами звезд и смотреть вниз. На крошечную голубую планетку с симпатичными завихрениями облаков. И обсуждать.

Это были:

Клоун (белая, вечно улыбающаяся маска, ни одной мысли по лицу не прочесть. Пышные багровые одежды, жесткий характер).

Поэт (Бледный лик, навевающий мысли о крайней стадии аутизма. Белые одежды. Слезы и море вселенской грусти).

Жница (все чин по чину: темный балахон. Под капюшоном скрывается подозрительной формы лицо. В худых руках держит сельскохозяйственный инструмент. Балахон весь в разноцветных бантиках и ленточках, с шеи свисает мирник, на инструменте наляпаны фенечки. Молчит).

Молчанье. Унылое созерцание звезд. Потом:

Клоун: Друзья! Смотрите, как все завязалось!

Поэт: Опять, и уж не развязать.

Жница: Молчит.

Все вместе смотрят вниз.

Поэт (с тяжелым вздохом): Как все запущенно. Печально. А знают ли они?

Клоун: Они, не знают! Они тупы по жизни. Не то, что

мы...

Поэт: Умерь гордыню. Не знаю, что и делать. Ты помнишь как все в прошлый раз?

Клоун: Вот была потеха!

Поэт: И нас чуть не сверзили вниз. Мне было страшно.

Клоун: Ты ничего не понимаешь. Ведь в этом радость жизни! Весь кайф!

Поэт: А если все ж сверзят. Что нам тогда?

Клоун: Вселенский кайф. The show must go on! Но к делу... гляньте-ка!

Поэт: Все туже! Почему так происходит? Почему?

Жница: Молчит.

Клоун: Ну, раз нельзя распутать... так можно разрубить!

Поэт: Но ведь тогда... тогда они погибнут.

Клоун: Зато потехи море. Не согласен?

Поэт: Нет! Жизнь священна (для нас во всяком случае).

Клоун: Не для меня...

Поэт (задыхаясь от гнева). Ты... ты клоун убийца из космоса!

Клоун затыкается. Молчание. Все смотрят в разные стороны. Земля под ними лениво чешет по своей орбите.

Клоун: Ну хорошо, я палку перегнул – согласен. Но есть же выход, пусть и без потехи.

Поэт (недоверчиво): Какой?

Клоун (показывая на жницу): Она! Всему приходит срок. Пусть он у них случится раньше!

Ей что, раз плюнуть!

Поэт: И вправду выход. Пусть применит силы... (обращаясь к жнице) милейшая!

Жница: Молчит.

Клоун: Эй, там на баке! Мы с вами речь ведем!

Жница: Молчит.

Клоун и поэт переглядываются друг с другом, а потом выжидающе смотрят на жницу. Та упорно молчит.

Клоун: Какая то ты нелепая.

Катрен первый.

Is this the real life?

Собачник.

Вот собачник – душой всегда с животным.

Альма разбудила своего хозяина как обычно – в семь утра промозглым кутающимся в сумерках утром. Хозяин – Алексей Сергеевич Красноцветов с натугой разлепил глаза, а потом, старчески покряхтев, сел на кровати. Хотя до старости ему было еще далеко – сорок пять лет, скорее самый расцвет, чем начало дряхления. И все же вот так вставать в такую рань уже не так легко как в сгнувшейся много лет назад молодости. Не хватает энтузиазма, что ж тут...

Тяжко вздохнув и еще витая в остатках сумбурного утреннего сна, Алексей Сергеевич посмотрел на Альму. Ту явно не мучили проблемы ушедшей молодости – никуда она от нее не уходила, а терзали ее неприятности куда более физического характера, которые заставляли ее низко взрыкивать и умоляюще глядеть на Красноцветова своими медового цвета

глазами.

Альма была восточно-европейской овчаркой в самом расцвете сил. Крупная, насыщенного рыжего цвета с угольно черным чепраком. Красивая псина, и с характером. Знакомые, глядя на нее, всегда удивлялись – ну зачем такая роскошная служебная псина скромному бухгалтеру Красноцветову? С какой стати? Разве сумеешь такой рулить? А тренировка, а ОКД с СКД? Говорят, если овчарку не тренировать, она вырастает избалованной и агрессивной, совсем без тормозов. А ее размеры...

Вообще Алексей Сергеевич служебных собак не любил, но с Альмой получилось так, что не взять ее было просто нельзя. Один приятель, человек военный, владелец не менее роскошной (и огромной) овчарки давно предлагал Красноцветову обзавестись животиной.

Тот отнекивался – говорил, мол, собак он любит, но не таких больших, можно сказать декоративных, к тому же...

– Да брось ты, – обрывал его приятель, поглаживая свою зверюгу (выученную кидаться на посторонних молча, что пугало куда больше любого лая) по мохнатой холке, – Декоративная! Ну что за собака? Табуретка лающая, ножки как спички, глаза навывкат. А шейка! Пальцами от так сожмешь, – он поднимал в воздух заскорузлую широкую руку и проделывал в воздухе сложное движение, – и все! Нету псехи! И не пискнет.

Алексей Сергеевич, глядя на это, всегда задумывался,

что, возможно, после данного движения не пискнул бы и он сам, доведись ему попасть в этот захват.

– Защиты от нее никакой, – продолжал собачник, – а тем, кто сам защититься не может, собака нужна. Вот такая. – И снова гладил свою зверюгу, а та блаженно жмурилась и прядала ушами.

Красноцветов регулярно отшучивался и делал это до тех пор, пока возле подъезда собственного дома его не встретили две глыбастые, разящие перегаром тени и в мягких матерных выражениях посоветовали расстаться с частью собственного кровного имущества.

Добираться до дома пришлось без пальто и босиком (а был январь и крещенские морозы разгулялись вовсю), и возмущению Алексея Сергеевича не было предела, но опять же пока ему как-то раз не пришла в голову мысль о том, что вместе с деньгами и одеждой неизвестные грабители могли отнять и жизнь. После этого возмущение исчезло, оставив лишь тупой и животный страх, который таился где-то в сердце и выползал каждый раз, стоило Алексею Сергеевичу припоздниться на работе и возвращаться домой по темноте.

Собственно уже тогда дело было решенным. Поняв, что рискует сохранить эту малодушную заячью дрожь навсегда, Красноцветов набрал номер знакомого и уже через неделю был гордым обладателем несуразного щенка – пузатого и толстолапого, а также тяжелого и объемистого хомута на шее коему название – собаковод.

Поначалу было тяжело. Потом он привык. Кроме того, собака (к которой довольно быстро прилипло взятое из какого черно-белого старого фильма имя Альма) была такой милой, что одним своим видом компенсировала все неудобства. Щенки вообще красивы, но этот черный плюшевый медведь с темно-золотистыми наивными глазами бил все рекорды умиления.

Пройдя через обязательные вымоченные полы, погрызенную мебель и плачь по ночам, Альма подросла и вызывала уже не умиление, а смутную тревогу темпами и пределами своего роста. Красоту она, впрочем, сохранила – порода говорила сама за себя.

Алексей Сергеевич не заметил, как стал заядлым собачником. В доме вдруг как-то не заметно появились поводок, ошейник и намордник с садомазохистского вида стальными бляшками, две расчески – обычная и жесткая щетка, книги по собаководству, средство от ушных клещей, собачий шампунь на полочке в ванной возле его собственного и шерсть по углам ближе к весне. Он познакомился с собачьим контингентом своего дома и их хозяевами – его соседями, о которых Красноцветов даже раньше и не подозревал. У него вошло в привычку к семи вечера выходить на улицу не зависимо от погоды и проводить там около часа, неспешно кружа по двору в компании галдящей и крутящейся под ногами породистой своры. И разговоры у него стали теперь другими – о дрессировке, о породах, о блохах и клещах да о тримминге.

Дрессировку, впрочем, Альма так и не прошла – и, не смотря на все злословие, характер у нее так не испортился. Впрочем, он у нее всегда был такой – приветливо дружелюбный к своим, настороженный, но не агрессивный к посторонним. Команд Альма не знала, но между ней и хозяином давно уже установилась некая эмпатия, и потому Красноцветов применял к своей собаке обыкновенный человеческий лексикон.

И она понимала, умное животное! А окружающие только удивлялись и разводили руками.

Впрочем, свои желания она доводила до хозяина опять же невербальным образом.

Красноцветов нашарил на холодном полу стоптанные тапочки и с тоской глянул на свою собаку. Альма приплясывала, Альма заглядывала ему в глаза и, казалось, готова вылезти из собственной шкуры. Конечно, утро. Один знакомый парнишка как-то раз заметил, что собаки чем-то похожи на арестантов в тюрьме строгого режима – и те и другие ходят в сортир в строго определенное время. И попробуй, не выведи!

– Ну, ну, Альма, – сказал Алексей Сергеевич, отодвигая в сторону псину, что стремилась положить ему на колени здоровенную свою голову.

Бросил взгляд в окно, но ничего не увидел – стекло запотело и избавило владельца квартиры от созерцания раннеутреннего позднеосеннего пейзажа, который мог вогнать в

тоску и закоренелого оптимизма.

Алексей Красноцветов поднялся и с заметным усилием начал очередной свой день – тягучую череду установившихся ритуалов.

Ванная, урюмое лицо в зеркале, вой бритвы, Альма под ногами, коридор, кухня, чад сторающей яичницы, бодро, но непонятно бормочущий телевизор, Альма, шипение газа в коморке, отчаянная сонливость, вилка-нож, раковина, грязная посуда, чай как спасение, ноги не влезают в брюки, тяжелое пальто, сонливость, Альма.

– Ну подожди ж ты! – молвил Красноцветов с некоторым раздражением, нацепляя на собаку толстый, обшитый металлом ошейник.

Альма не могла ждать – у нее кончалось терпение и потому на месте стоять она не могла. Ей сравнялось три года и юношеский задор еще не до конца из нее выветрился.

Дверь на ключ. Косой взгляд на лифт и по вниз лестнице. Ступеньки хоть не скользкие.

Псина несется где-то впереди, пролета на два.

Алексей Сергеевич спустился вниз с пятого этажа, продрался сквозь лабиринт коридора, не забыв теплым словом помянуть безвестных строителей сего здания, миновал консьержку (абсолютно бодрую старушку – интересно, она хоть когда ни будь, спит?) и с хлопком двери вывалился наружу – в полумрак и холод.

Ветер тут же налетел на него, заставил трепетать полы

пальто, завел вокруг хоровод желтых мертвых листьев. Лохматые, рваные тучи неслись по небу так низко, что начинало казаться, что они излохматились о голые верхушки деревьев. В воздухе был туман, на земле непролазная грязь и свинцовые лужи глубиной с черное море.

Что вы хотите – ноябрь. Начало и до снега еще ого-го сколько.

От восторга свежим воздухом и этой колеблющейся – несущейся мглой Альма бодро гавкнула, выплюнув облачко пара, и понеслась куда-то через двор, к одной ей видимой цели – сгусток бодрости и молодой энергии. Сквозь грязь и морозящее утро.

– Альма, стой!!! – крикнул Алексей Сергеевич и, как всегда был не удостоен вниманием.

Псина исчезла в сочащихся утренних сумерках. Только лай был еще слышен – глухо, за стеной тумана.

Так тоже было всегда. Совершить утреннюю дикую пробежку на дальний конец двора Альма считала своим неотъемлемым правом, покуситься на которое не смел даже такой авторитет в собачьих глазах, как сам хозяин. Они и не соби-рался.

Стоя на крыльце, там, где козырек хоть частично защищал его от морозящего дождя, Красноцветов лениво обозревал окрестности. Вот, под самыми ногами, среди красно-желтой опавшей листвы лежит что-то белое. Бумага еще не успела заляпаться грязью. Конверт вроде – значит письмо. Почта-

льон приходил и выронил, наверное.

– "Подобрать, что ли?" – подумал Алексей, но сходить вниз по ступенькам и копать в холодной грязи было явно лень, – «а пусть себе лежит. Кому надо – подберет».

Его окрикнул женский голос и Красноцветов поднял голову. С натугой улыбнулся – потому что это была компания собачников плотной, ошетилившейся разноцветными зонтами, кучкой двигавшаяся вниз по улице. Преимущественно здесь были женщины, но чуть в стороне виднелось хаки Темина – отставного вояки со злющим доберманом на поводке и дурацкий кепарь Ключникова – старшего научного сотрудника в каком то там заштатном гуманитарном институте.

Народ был знакомый, хотя большую часть собачников он различал по их питомцам. Вот и сейчас в дико натягивающей поводки, или свободно описывающей круги хвостато-зубастой своре можно было различить нескольких четвероногих Альминых друзей.

С первого взгляда можно было различить французскую бульдожку Досю, принадлежащую немолодой дородной тетке по фамилии Щапова, да похожего на сбежавший из костра сгусток пламени огненно-рыжего чау-чау по кличке Дзен, хозяйкой которого была Анечка – симпатичная, хотя и несколько не от мира сего, девушка.

Имя Дзен полностью и бесповоротно подходило к чау-чау – по части отрешенности он легко и непринужденно делал свою хозяйку. Казалось, ничто на свете не может поколебать

каменной невозмутимости это ходячего куска рыжего меха.

Был здесь и крошечный пуделек по имени Чак – как всегда не на земле, а на руках своего хозяина и заливается бешеным визгливым лаем. Чака держали наверху исключительно в плане его личной безопасности – спущенный на землю, маленький, но неизмеримо злобный, пудель тут же норовил кинуться на кого ни будь из своих превышающих его раз в пять ростом соплеменников.

Завершала путь русская борзая с породистым именем Лайма Джус – эта как всегда еле плелась чуть позади всех, настоящая борзая. Ее хозяйка Наталья Степановна – продавец на местном вещевом рынке напротив обреталась где-то впереди процессии.

Красноцветов, который каждый вечер, как штык, присоединялся к этой компании, вяло взмахнул рукой – пятнадцатиминутную прогулку в семь утра он никак не мог себе позволить.

Народ визгливо переговаривался и даже с крыльца было слышно, что спор идет о политике. Как всегда, впрочем. Собаки оглушительно лаяли, рвались с поводков, и лишь Дзен горделиво вышагивал в голове процессии как всегда индифферентный как всему миру и к холодной мороси в частности. Фиолетовый язык свисал из пасти и раскачивался в такт шагам.

Из плывущего неровными сизыми лохмами тумана появилась Альма – шесть встопорщена, в пасти что-то держит. От-

учали ее отучали не брать всякую гадость с земли...

– Альма фу! Ну-ка брось! – крикнул Алексей Сергеевич, но та и не подумала подчиниться.

Пришлось подойти, и, схватив животину за ошейник, причем та вырывалась и пыталась зажать найденное челюстями.

Наконец после некоторых уговоров и посула косточки Альма согласилась выпустить свое сокровище из пасти и оно звучно шлепнулось в грязь – драная и загаженная обертка от мороженого, к которой прилип некий плоский некрупный предмет. Алексей скривился, рассматривая находку, потом, вдруг заинтересовавшись, наклонился чуть ниже, и золотая искорка блеснула ему в глаза.

Вы считаете, что подбирать с земли всякую гадость после того, как ее притащила ваша собака – это в высшей степени необдуманно? Да и что ценного и блестящего может прилипнуть к доисторической обертке? Золотая фольга? Что ни будь еще столь же приземленное?

Красноцветов выпрямился, сжимая в руке находку и одновременно большим пальцем счищая с нее налипшую грязь. Предмет тускло блеснул – крупная монета с неровными краями и грубой штамповкой. Символы не понять, но точно не русский язык.

– Ого... – молвил Алексей, вертя монету в пальцах. Тяжелая... Может быть сувенирная?

Альма уже была внизу у ног и вопросительно поглядывала

на хозяина – чего, мол, встал столбом? Красноцветов подавил неодолимое желание проверить монетку на зуб. Это было бы очень глупо, кроме того, он все равно бы не отличил золото от того же свинца. Но какой, однако, забавный цвет.

– Ну, хорошо, хорошо! – сказал Алексей Сергеевич и пустил неугомонную псину в подъезд.

Альма разлаялась. Консьержка поджала губы, неодобрительно глянула на псину – ни для кого не секрет было то, что она ненавидит всех без исключения собак жильцов, включая Тосю – самую умильную животину в окрестностях.

Монету Красноцветов оставил на столе, на видном месте, а сам отправился на работу.

Шагая сквозь продирающий глаза день к автобусной остановке, он поймал себя на мысли, что думает о кладах. Да, о затерянных пиратских кладах в расползающемся древнем сундуке с железной окантовкой и обязательном скелетом сверху. Гнилые доски сверху, а под крышкой вот такие вот монеты – тяжелые и неровные, но зато золотые. В детстве он любил играть в пиратов и как-то даже закопал во дворе трехлитровую банку с пятьюдесятью копейками мелочью внутри. Пометил на карте место, но видимо неточно, потому что когда вернулся откапывать, то банки не оказалось. Скорее всего, она была где-то рядом, но искать ее, значит перерывать весь двор. Было много слез.

Мысли эти были не серьезны. Большинство о кладах перестает мечтать годам к четырнадцати, когда совсем другие

интересы выходят на сцену. Но разменявший пятый десяток Алексей Красноцветов упорно не мог их отогнать. Тем более, что где-то на самом краю сознания восстал давно похороненный призрак материального благополучия и назойливо давал о себе знать.

– "Вот если бы я нашел клад. Много золотых монет, при цене золота за грамм... или если нумизмату, то это в десятки раз..."

– "Стоп!" – одернул он сам себя, – «Что за ребячество! Это ведь наверняка не золотая монеты – дешевая подделка. Медь! Анодированный алюминий!»

Черная, тонированная в ноль девятка форсировала лужу в опасной близости он него, и Красноцветов поспешно отпрыгнул от грязнувшего, пахнувшего бензином дождя. Здание кабельного завода, где он был ведущим счетоводом, уже высылось впереди.

А на работе привычная рутина уже всю затянула его, так что Алексей Сергеевич и думать забыл о каких-то тамкладах.

В два часа дня на Альму наехал Бульдозер. Случилось это аккуратно в самой середине дневной прогулки и уже не в первый раз. Алексей Красноцветову не раз и не два раза приходила в голову мысль, что, возможно, есть некая высшая справедливость в том, что Бульдозер не родился человеком. Если бы таковое случилось, человечество получило бы наикошмарнейшего тирана с легкостью переплюнувшего всех

до единого мелких деспотов древности и новейшей истории.

Но Бульдозер был ротвейлером. Мерзкой, гнусной, и страдающей лишним весом и непреодолимой злобой тварью. Был он черен как ночь, а о внешности его говорило намертво прилипшее прозвище. Настоящей клички этого зверя Красноцветов не знал, да и не хотел узнавать.

Бульдозер не любил детей. Впрочем, помимо них и не любил и все оставшееся. Собак он просто ненавидел. Вполне возможно, что таким бы стал невменяемый пудель Чак, случись ему набрать лишних пятьдесят кило веса. Не любил Бульдозер и своего хозяина Лапкина – сильно пьющего, работающего в охране субъекта – но это тщательно скрывал. Лапкин же Бульдозера обожал, несмотря на то, что пес как-то раз покусал пятилетнюю его дочь, оставив ей на память жутковато смотрящиеся рубцы. Наверное, он продолжал бы его обожать, сделай Бульдозер это еще раз.

Красноцветов выбрал не то время для прогулки. Так случилось – отпроситься на работе удавалось далеко не всегда. Альма опять с лаем умчалась в тот конец двора – что она там забыла? А Алексей неторопливо пошел вслед за ней. Морось прекратилась, и день уже не пытался пробраться до костей.

Зато сдвоенный, накладывающийся друг на друга рев вполне мог сделать это за него. За ржавой гаражной пристройкой дрались собаки и дрались яростно. За рыком смутно угадывался чей-то мат. Пробормотав себе под нос проклятье, Красноцветов поспешно устремился к месту побои-

ща, потому что кусали там наверняка его псину.

Так и было. Альма опять схлестнулась с Бульдозером. Встречались они редко, но такие встречи неминуемо кончались дракой. Вот и сей час в бешено мятущейся куче – мале трудно было разобрать кто кого рвет на части.

Лапкин обретался поблизости, пытался выцепить ошейник Бульдозера. Увидев подбегающего Алексея, он бросил свои попытки и уставил на подошедшего корявый обвиняющей перст.

– Ты! ...! – молвил он.

Алексей промолчал. Ему было плевать на Лапкина, но вот Альме явно было не сладко. В воздух летела кровь и куски шерсти. Альма визжала, ротвейлер низко бурчал.

– Собаку убери, ты!! – крикнул снова Лапкин.

Красноцветов схватил мечущийся по земле Альмин поводок (еще повезло, что не без него вышел) и дернул на себя, вытаскивая псину из драки. Собака орала и огрызалась.

Бульдозер же явно не хотел выпускать добычу и рыпнулся следом за ней. Алексей вздохнул и съездил его по морде свободным концом поводка. Пес завизжал и отскочил на порядочное расстояние.

– Ты чо! – заорал Лапкин – Ты совсем что ль, б...?

– Держи своего! – крикнул Красноцветов.

Бульдозер замер метрах в двух. Челюсть его отвисла, вниз стекала белая пена и обильно капала в осеннюю грязь, глаза вылезали из орбит – сейчас он как никогда был похож на

сверхъестественно оживший образец снегоуборочной техники. Он раздумывал, нападать или нет.

– Ты чо собаку бьешь?! – крикнул Лапкин и схватил Бульдозера за ошейник, тот напрягся и попытался рвануться вперед, – развели, козлы, зверей! Выйти нельзя!

– Сам хорош... – произнес Алексей. Лапкин вскинулся, явно нарывался на драку. Но, Красноцветов не собирался давать ему шанса – он тащил Альму прочь, к дому.

Увидев, что противника уводят, Бульдозер утробно и яростно завыл, дергаясь в руках хозяина.

– Охренели совсем! – крикнул тот вдогонку Красноцветову, – двор загадили, б..., зверей без намордников выводят!! И...

Но Красноцветов так и не узнал, что еще собирается навесить на него скорый к мордобою хозяин Бульдозера – хлопнула дверь соседнего дома и на крыльце появилась тощая фигура Ключникова с Чаком в обнимку. Бульдозер тут же углядел его и споро ринулся к новой жертве, оценив ее как в разы более доступную, выдравшись из рук хозяина. На лице Ключникова отразился панический ужас и он поспешно юркнул обратно в подъезд.

Скрываясь за дверью своего дома и Красноцветов. Проходя лабиринтом коридоров к лестнице, Альма глухо ворчала и вздрагивала, а у самой квартиры выронила что-то из пасти. Алексей Сергеевич наклонился и поднял трофей – предмет спора Альмы с Бульдозером, который та каким то образом

смогла уволочь с места побоища.

Еще одну золотую монету.

В липкой обертке от мороженого.

Вот так! Раздражение, вызванное схваткой с агрессивным псом, улетучилось мигом, а его место заняло все сильнее разгорающееся любопытство.

Странный шрифт на монете... Латынь? Пожалуй нет, но что-то близкое. Откуда Альма их таскает? Ведь берет где-то!

Всю оставшееся до окончания рабочего дня время он думал о кладах. Сундуках с грубыми золотыми монетами, закопанными в подмосковную грязь. На обратном пути домой он зашел в магазин сельхозтоваров и купил новенькую, вызывающе синюю саперную лопатку.

Продавщица, отпуская товар, смотрела подозрительно.

Впрочем, копать он пока не собирался. Надо было еще проконсультироваться насчет монеты, что Алексей Сергеевич и сделал во время обязательной вечерней прогулки.

Жертвой расспросов стал Ключников – историк со стажем и неумеренной болтливостью.

– Гав! – злобно сказал Чак. Еще одна вселенская справедливость в том, что большинство таких маленьких злобных псешек никогда не станет большими.

– Ну-ну, малыш, – ласково сказал Ключников, – это дядя Леша, он добрый.

Чак думал иначе, ему хотелось откусить доброму «дяде Леше» нос и как следует его пожевать.

– Так вот племянник...

– Да-да... – рассеянно сказал Ключников.

Он внимал Темину. Тот как всегда энергично и в полуматерных выражениях клеймил нынешнюю рекламу. Он так делал почти каждый вечер, неизменно обливая грязью особо приглянувшийся ролик. Его согласно слушали все, кроме собак и Анечки.

– И вот это! Прокладки! Да достали уже прокладками!

Все кивали – хотя прокладки клеймили не в первый раз, и даже не пятый.

– Да мне перед мужем стыдно, когда они по телевизору идут, – вставила Щапова визгливо.

Дзен поднял одно ухо, прислушался. Иногда, глядя на него, Красноцветов думал, что если тот вдруг человеческим языком заявит о своем неприятии современной автохтонной псевдокультуры он совершенно не удивиться.

Но Дзен ничего не сказал. Сверху моросил дождь.

– Привез монету! Хочет, чтобы посмотрели знающие люди.

– Это я, что ли?

– "Ну уж наверняка не Бульдозер..." – чуть не ляпнул Алексей.

Вместо этого он извлек одну из монет и, дождавшись когда они пройдут под ярким рыжерозовым фонарем, предъявил ее Ключникову. Чак попытался схватить монету вместе с пальцами, но хозяин ловко его отдернул.

Ключников поднял монету и на ней на секунду вспыхнули золотые искры. Капли дождя, блеснув, оседали на гладкой поверхности.

– О, как! – сказал Ключников, – Что-то знакомое... Античное.

– Что? – спросил Алексей.

– Не греки нет, и уж точно не римляне... Может быть этрусски? Я плохо помню...

– Она золотая?

– Ну, мой друг, – сказал Ключников, – я не знаю. Она довольно тяжелая и из мягкого металла, но для определения состава требуется химический анализ. Но я могу утверждать, что даже если это не золото, то нумизматическая ценность это вещицы велика.

– Вот как, – произнес Красноцветов.

– Если это подлинник, – продолжил его собеседник, возвращая монетку Алексею, – то ей место в музее, а не в частной коллекции.

Красноцветов вдруг ощутил, что мир вокруг обретает явственный розовый цвет, и в этом были виноваты вовсе не уличные фонари. Безумие, говорите? Кладов не бывает? Этрусски никогда не бывали ближе, чем на четыре тысячи километров от Москвы?

А это золотая монета. В этом Алексей Сергеевич Красноцветов, скромный бухгалтер сорока пяти лет и без особых амбиций теперь был уверен. Перспективы вдруг обрели

невиданную ширь, границы раздвинулись, пропуская неведомое сияющее будущее.

Клад есть. И у него в руках доказательство этого.

Красноцветов сообразил, что стоит посередине мокрого, блестящего от дождя тротуара, что Альма вертится у него под ногами и вопросительно заглядывает в глаза, а впереди удаляется завитой хвост как всегда замыкающей Лаймы Джус. Собачники шли дальше, периодически удивленно оглядываясь. Красноцветов не сомневался, что дальнейший разговор с рекламы перейдет непосредственно на него.

– Наплевать! – по-детски восторженно вымолвил Алексей Сергеевич и потащил Альму домой.

Деньги идут в руки только удачливым. И тем, кто не медлит.

Дома он взял мощный фонарь, не разу еще не бывший в дело, брезентовый рюкзак оставшийся с блаженных времен студенческой молодости хозяина и неизменную лопатку.

Псина следила за действиями Красноцветова с некоторой опаской. Он на миг замер с рюкзаком в руках:

– Альма, ты прелесть! – сказал Красноцветов с чувством, – только не подведи!

Альмин хвост вяло стукнул по полу, отражая некоторое замешательство животного.

Труднее всего было дожидаться ночи – Алексей Сергеевич не мог усидеть на месте. Руки его дрожали и совершали в воздухе бессмысленные пассы. Он то и дело хватал монету,

поднимал ее к глазам, чтобы удостовериться, что она самая настоящая. Дорогая, золотая, а если продать нумизмату так и вовсе бесценная. И где-то их очень много – монет, завернутых в драные обертки каким то шизофреником.

К полуночи пошел дождь – может быть один из последних в этом году – сильный, прямой, очень холодный. Несущий с собой не обновление, а, напротив, всеобщее увядание.

Красноцветову это было только на руку. Дождь означал, что никто не увидит его безумную авантюру. Когда сравнялось двенадцать часов, он нацепил на себя старый, дырявый плащ палатку, экипировался снаряжением. Глянул на себя в зеркале и криво усмехнулся – так он был похож на одиозного гробокопателя прямиком из позапрошлого века.

Взял поводок, ошейник, набруил Альму. Та выглядела обескураженной – ночные прогулки не входили в обыкновение у хозяина.

Почти также выглядела консьержка, о которой Красноцветов почти позабыл.

Когда он выходил из подъезда где-то в небесах низко громынул гром. Впрочем, для грозы уже было поздновато. Альма приплясывала на бетонном пяточке подле ступенек, поджимала лапы от падающих тяжелых капель. Алексей глянул ей в глаза:

– Ну, Альма, веди!

И та рванулась куда то в дождливую тьму. С нервно колотящимся сердцем Красноцветов последовал за ней. Пра-

вая его нога тут же угодила в холодную лужу, разметала в стороны брызги. От ситуации веяло безумием.

Поливаемый осенним, далеко не игривым ночным дождем Алексей Красноцветов пересек пустынный двор. Впереди смутно отражал свет фонарей давешний гараж – уродливое покосившееся строение. Подул ветер, сверху закачались, закрипели голые, растерявшие листья деревья. Дождь кинулся Красноцветову в лицо, ослепил на миг.

Он поднажал, и вскоре был за гаражом – строение частично защищало его от ветра, и здесь было потише. Смутной корявой конструкцией маячили невдалеке ржавые мачты для сушки белья – они стояли здесь давно и ими никто не пользовался. Альма разрывала землю в основании одной из них. Надежда встрепенулась в груди Красноцветова с новой силой, и он включил фонарь, направив яркий белый луч света на роющую собаку.

Грязь, влажная черная земля, пузырящаяся влага.

Резная крышка небольшого сундучка, что выглядывает из земли от силы на треть.

Клад. Сверху снова грянул гром, уже явственнее. Деревья шумели и цепляли корявыми ветками плачущее небо. Крышка была сдвинута в сторону и из нутра сундучка выглядывал белый клочок бумаги – очередная обертка. Даже копать не пришлось!

Все правда! Красноцветов положил фонарь на землю и на негнущихся ногах сделал шаг к сундучку. В его воображение

он уже сиял золотом. Это было... чудо! Это было...

– Стоять!!!

Наверное, даже упавшая с мокрых небес молния не смогла бы поразить отважного кладоискателя сильнее. Чувствуя, что сейчас вот-вот упадет, он повернулся.

– Стой, козел, где стоишь! – сказал Лапкин.

Он стоял прямо, дождь стекал по его брезентовке. В одной руке фонарь, а другая удерживает поводок рвущегося вперед Бульдозера. Глаза пса сияли демоническими зелеными огнями, отражали свет фонаря и он выглядел сейчас совершенным чудовищем.

– Ч-что... – только и смог вымолвить Красноцветов.

– Пагшами не дергай. Стой спокойно, – Лапкин сделал шаг вперед, – думал, один такой умный, да? Думал только твоя тварюга монеты таскает? Кладоискатель, б...

До Красноцветова дошел весь ужас ситуации. Клад и вправду есть, но кладоискатель оказался не один. А еще он понял, что отдавать золото не собирается.

– Нет, – сказал он, – Альма, ко мне!

– Что?! – тихо спросил Лапкин, – ты на кого потянул, б...? Мое оно!

Вот и Альма, Алексей схватил ее за поводок, чувствуя, как псина дрожит от возбуждения. Бульдозер издал низкий звук, сигнализирующий о его немедленном желании разорвать противника. Если собаки накинутся друг на друга, у Алексея есть шанс побороться с Лапкиным.

– Нет, – сказал Красноцветов, страх отступил, осталась только ярость, – оно мое!

Мое!!!

Больше Лапкин ничего не сказал. Сверкнула зарница, осветила на миг его лицо, пустые глаза. Он бросил фонарь и достал из кармана нож. Финка, лезвие сантиметров пятнадцать.

– Пшел вон!

Это был финиш. Красноцветову захотелось завывать, как собака – от бессильной ярости.

Ему хотелось кинуться на Лапкина и задушить его голыми руками, загрызть, наконец.

Но Алексей Красноцветов был человеком и разум у него возобладал. Поэтому он просто отошел в сторону. Руки его бессильно сжимались. Богатство уплывало прочь, и к кому? К Лапкину! Человеку, который этого ни в коей мере не заслуживал.

А тот уже не смотрел на Алексея – прошел мимо, прямоком к сундучку. Бульдозер уперся, глядя на Альму и был грубым рывком подтащен ближе.

– Клад... – сказал Лапкин, мощным пинком он сшиб крышку в сторону и запустил руку в скопище мокрых оберток. Свет фонаря Красноцветова гротескно освещал его с земли.

Лапкин обернулся и показал Алексею горсть золотых, блестящих монет —Клад, – повторил он, – Видишь, чмо?!

И крепко сжал кисть, торжествуя.

Монеты деформировались у него в руке. Изогнулись, измялись, а одна разломилась на две половины и шлепнулась в грязь. Вниз, осенним листом, спикировал кусочек тонкой золотой фольги.

На Лапкина было страшно смотреть. Он выронил потерявшие форму монеты и метнулся к сундучку. Достал оттуда очередную порцию и сдавил – смялись. Он в панике выбросил их и схватил новую. Одна из монет долетела до Алексея Сергеевича, он наклонился и поднял ее. Разломил пополам. Взору его открылись темно синие и явно пластилиновые недра, стыдливо прикрытые сверху тисненой золоченой фольгой.

Лапкин обернулся, и вид у него был такой, словно этот давно переступивший тридцатилетний рубеж угрюмый мужик вот-вот расплачется.

Алексей Сергеевич начал смеяться. Громко и истерически, не в силах остановиться, и сгибаясь чуть ли не пополам. Да ведь они только что чуть не ПОУБИВАЛИ друг друга из-за этой жалкой подделки!

А потом он уже не смеялся, а убегал прочь от разъяренного Лапкина, а Альма волочилась за ним сквозь дождь, как безмоторная лодка следом за океанским лайнером.

Красноцветов бежал через двор, и единственное чувство целиком им владевшее было чувство невероятного облегчения! Добро пожаловать в реальный мир! Не бывает кладов!

Не бывает древних этрусских монеты в Подмосковной грязи! Ничего это нет! Есть лишь наши фантазии, амбициозные и не очень.

На полпути Лапкин отстал, поняв всю бесполезность преследования. В дураках в этот раз остался именно он. Стоял подле запыхавшегося хозяина Бульдозер задрал к небесам уродливую морду и тоскливо завыл.

Две подделки ждали Красноцветова дома. Он схватил их, и, растворив форточки, запустил монеты в дождливую ночь как можно дальше. Они без звука скрылись во тьме. Это был конец Алексея Красноцветова как кладоискателя...

Разгадку он получил только на следующий день, когда, как обычно стоял на крылечке ожидая Альму, буйно носившуюся по двору. Двое мальчишек, появившихся из соседнего подъезда с некоторым усилием несли между собой давешний сундучок. Сейчас, при дневном свете было ясно видно, что сделан он из грубых кусков фанеры и безыскусно разрисован шариковой ручкой.

Глаза детей счастливо светились – их ждало очередное Великое Дело и они были погружены в игру с головой.

Одного из них Алексей Сергеевич узнал – это был Максимка Крохин, сын одной из собачниц. Парень был с фантазией, завсегдатой всех устраиваемых во дворе игр.

– В пиратов играете? – спросил Красноцветов, когда дети проходили мимо.

Малолетние кладокопатели с удивлением уставились на

него – откуда знает?

– Не, – после паузы ответил один из них, незнакомый, – не в пиратов. В Проклятие Фараонов.

– И как оно?

– Никак, – сказал Крохин – мы зарыли, а этой ночью их собаки выкопали и все поразбрасывали. Теперь снова будем.

– Вы сокровища в обертки не заворачивайте, – посоветовал Красноцветов, – А то они собак привлекают.

Дети снова уставились на него, теперь уже с восторгом.

– Это идея! – сказал Крохин – спасибо!

И они поволокли свое пластилиновое богатство вглубь двора. Естественно за гараж.

Примчалась нагулявшаяся Альма и Алексей Сергеевич степенно двинулся в подъезд. Он чувствовал доброе умиротворение и склонен был любить всех на свете. Ему лишний раз напомнили, как легко человек теряет налет цивилизации, и он остался жив после этого напоминания. А еще он теперь знал точно – бесплатный сыр бывает только в мышеловке С легким сердцем Красноцветов отправился на работу.

Тревога и недоумение вернулись к нему лишь через три дня, когда он неожиданно вспомнил, что те первые, принесенные Альмой монеты, были тяжелые, твердые и явно не пластилиновые.

То есть действительно золотые.

Но было уже поздно – золотая тайна навеки исчезла в темном проеме оконной форточки.

Сетевик.

Вот сетевик – запутался в паутине.

Его утро началось в четыре дня. Как обычно. Даже золоченый китайский будильник коряво наиграл ему «love me tender» напоминая, что новый день настал. И уже, в общем-то, катится к завершению.

Впрочем, для Александра Ткачева, известного также под именами Дарк райдер, Дип шадоу, Мензоберран, Паромщик, и еще десятком других не менее идиотских прозвищ, это было нормально.

Нет, он не был уголовником, он вообще редко выходил из дома и был слабоват телом и, наверное, духом. Не был он и членом злобной тоталитарной секты, или сильно запущенного тайного общества. Не был и шпионом, находящимся на службе у Ее Величества со специальным заданием. Он не носил смокинг и разрисованных кабалой балахонов.

Но в чем-то он был не менее одиозной личностью, чем только что упомянутые.

Он был сетевик. И уже довольно сильно погряз в электронном раю.

С первыми звуками будильника Александр поднялся, и прищуренными глазами оглядел крышу соседнего дома, что

виднелась через его собственное окно. Дождя не было, но крыша мокро поблескивала. Из труб вился сизый дымок и смешивался с облаками.

– Новый день! – сказал себе Александр и ничуть этому не обрадовался. Что поделать, хорошее настроение он обретал лишь к вечеру, когда достигался пик его мозговой активности.

Ему часто говорили, что он долго спит. Но на самом деле это было не так. Он спал не больше, чем другие, просто режим у него был сдвинуть часов на восемь.

Раз-два! Осень-на-дворе-но-нам-наплевать! В ванную – плеснуть себе холодной воды в лицо. Это бодрит. На кухню – включить электрочайник – о, сладкое влияние прогресса, сколько сил экономит! Заварки в чашку – пока немного. Вечером настанет места коктейля «Убойный» (полчашки заварки, четыре ложки сахара, пол лимона, все заливается кипятком) ну, а пока надо только взбодриться.

И к компу! К нему, родимому. Удар по кнопке, и агрегат оживает, наполняя воздух теплым гудением.

По экрану проскользнула нортоновская таблица, но Александр даже не заметил ее – он смотрел в будущее.

Бодро загрузились винды, и из колонок победно и оглушительно грянул священный марш свободных воинов Брунуса, проходящий в качестве заставки. Ткачев сморщился и убавил громкость.

Три-четыре. Мышу нежно обхватить рукой и ткнуть в

connection to internet. Модем затарахтел набором.

Ну как ты там, всемирная сеть? Что нового?

Со звонким щелчком на экран вернулись высокие Технологии.

Снова на месте. Снова в деле – входя в сеть Александр всегда чувствовал себя нужным.

Кому? Может быть самому себе?

Сначала проверить почту – сорок сообщений, из них двадцать с рассылками. Новый психологический тест «Способны ли вы хоть на что-то?», письмо от сетевика с ником Аут с вопросом «почему мол, не появляешься в нашем форуме?» Аргументом для немедленного появления, судя по всему, должны была служить фраза «а там сейчас такой тренд шумовой забацали!»

Но не в трендах копаться ему хотелось.

Так, что дальше. Железные новости, анекдоты (пошлые/не), кроссворд, анкета из сайта знакомств. Опять! На экране реют цветастые баннеры с рекламой порносайтов и предлагающие заработать миллион долларов за десять минут. Все знакомо, все вызывает дикую скуку. Новости – короткие, зато емкие.

Дальше. Заботливо скопированный виртуальным знакомым, которого Александр никогда не видел, неприличный стишок про очередного одиозного заокеанского зверька – наследника тамагочей-покемонов-телепузиков. Придуманые для детей таковые звери неминуемо становились культовыми.

ми персонажами среди сетевой общественности.

Посмеялся над стишком, скопировал и отослал еще десятку других. Посмеялся сам – посмейся других.

Письмо счастья. Прямо так и озаглавлено. Саня даже читать не стал – прибил. Чтобы не было искушения скопировать двадцать раз и разослать.

С тихим звонком на комп брякнулось два музыкальных файла, недокаченных вчера. Один в директорию musik, а второй соответственно в trash.

За окном вроде пошел дождь. Или ему показалось?

Синхронизировалась страница с историей «плимутов», неудачно прибитая вчера. Бодро грузились картинки. Связь сегодня хорошая. Черный как ночь модем ласково жмурит красные глаза, проглатывая и выталкивая информацию. И хорошо на душе.

Каждый раз, когда Александр Ткачев заходил в сеть у него появлялось чувство, что он вернулся домой.

Прыг-скок из одного окна в другой, свернуть-развернуть, на миг мелькнула картинка на десктопе – марсианский пейзаж, пустыня Ксанди, реальный снимок вояджера тридцатилетней давности. Посередине мертвой желто-оранжевой равнины незыблемо стоит Волга ГАЗ-21н и далекое солнце заставляет ее отбрасывать длинную черную тень. Монтаж, конечно, зато как реально.

Обычное дневное утро перед монитором. Все так просто и знакомо.

Александр чуть улыбнулся. Он вспомнил, как первый раз вошел в интернет. Да, действительно вызовет улыбку у любого мало-мальски искушенного сетевого серфера.

Глубокая ночь, местный сервер в режиме демо-входа, выпадение через каждый десять минут. Возвращение с извинениями и снова-снова-снова. Там еще был с десятков таких же одуревших от прилива новых ощущений.

У Ткачева была склонность подбирать меткие выражения. Ту ночь, давно сгинувшую в мутном потомке наслаивающейся друг на друга информации, он называл не иначе как «первая брачная ночь с Интернет».

И самое забавное, что это было чистой правдой. Брачная ночь закончилась и за ней последовал семейный быт без отрыва друг от друга. Неизвестно как сеть, а Александр Ткачев, восемнадцати лет от роду без нее жить не мог.

Ну что, легкий утренний моцион подходит к концу. Стоит оставить бездушные скопища информации и переходить непосредственно к живому общению. Ведь что может заменить живое общение?

Живой разговор по чату?

Александр загрузил Irc и mirc – двух братьев близнецов, запрыгал по каналам, выискивая интересные темы для разговоров. Скучно. Народу, как обычно поутру немного – подходить начнут ближе к вечеру.

Тогда на чат. Есть тут один интересный. Александр отыскал его в окошке эксплорера и властным щелчком заставил

того проявиться на мониторе.

Час и вправду был нестандартный. Хотя бы тем, что он был смешанный и царил здесь полный интернетационал пополам с разнузданной анархией. Сюда забредали как русскоязычные пользователи, так и англо, францо, финско и прочие всякоязычные сетевики. Говорили друг с другом, и с соседями через улицу, и с другими странами и потенциальными противниками. В результате в чате мельтешила разноцветная буквенная каша, ломаные фразы на чужих языках и красноречивые картинки, так, что уже через три минуты пользования сего сетевого ресурса начинало казаться, что ты попал на начальный этап строительства нью-вавилонской башни.

Ввиду такой эклектичной человеческой смеси особого смысла в разговорах тоже не было.

Говорить было не особенно интересно. Интересней было слушать – вернее, ввиду полной виртуальности процесса – смотреть.

Особой психоделичностью отличались разговоры о вечном – то есть о погоде. Когда скромный студент из Владивостока, общаясь с одиозной девицей из Калифорнии замечал, что, мол, у нас тут холодно, так что изморозь на окнах, та в ответ ему расписывала ужасы ночного сна при тридцати градусов жары.

И теплело в чате. Создавалась особая, своя атмосфера, присущая только ему. Может, потому и собиралось тут

столько народу.

Нет нужды говорить, что на одного пишущего приходилось с десятков читающих, которые только изредка вставляли страдающие двумя-тремя слоями смысла фразы.

Александр вошел в окошко пароля, просмотрел список присутствующих в данный момент.

Не густо. И народ весь знакомый. Здесь у нас Death claw – переигравший в фолаут, Zvogozaвр – одиознейшая личность из-за моря – этого регулярно выкидывают из чата за развратно-похабные действия. Recket – пионер откуда-то из-под Воронежа, Black beauty – стареющая тетка из Милуоки, что прикидывается семнадцатилетней школьницей и, наконец, Wulfar – наивный Толкиенист. Они все настолько не совпадают характерами, что говорить не о чем. Разве, что только о погоде.

Вздыхнув, сетевик пропечатал в окошке очередной свой никнейм. Сегодня он будет Паромщик. Перевозчик душ человеческих.

С очередным щелчком мыши он ввалился в чат, сходу улавливая нить разговора.

«А, гряд, снег пойдет...» – вещал Рекет, обращаясь к Вульфару, – «У вас там как?»

«Дождик... Прошлый раз на тусовку собрались, так помокли все...»

«And its true that u in your dark forest...» – это ему же.

«With horrible monsters...» – добавлял Цворгозавр, укра-

шая свою фразу немереным количеством желтушных смайликов.

«Not so dark» – отвечал Вульфар с солидной задержкой.

«Не, ну вы че все по не нашему-то?» – снова Рекет.

И все вместе:

«Привет Паромщик» – на двух языках.

Как обычно. Разговору много, а вот смысла?

Стоп. А тут ведь еще кто-то есть. Сидит и молчит. Читает.

Fawn.

Фавн. О, как! Зверь хтонический. И на каком же языке ты общаешься?

«Привет Фавн» – напечатал Александр.

«Hi Paromschik!»

Значит с Запада. Если, конечно не притворяется. И такое бывает. А Фавн уже между тем строчит послание. Заинтересовался что ли? Ну-ка, припомним английский.

«Ты любишь Кэрролла?» – спросил Фавн.

«Читал». – Ответил Александр с некоторым удивлением.

Тема была какая-то чересчур умная для сего сетевого ресурса.

«А Доджсона?»

«Не знаю такого», – честно ответил Ткачев и получил в ответ щедрую россыпь смайликов.

И кстати, Фавн в англоязычном варианте это он или она? Спросить, что ли?

«Фавн, ты он или она?»

«Догадайся!»

– "А я уже догадался", – подумал Саня, – «Игривые такие интонации, женские».

«Разве Фавны бывают женщинами?»

«Как и все звери».

Как странно. Он вдруг почувствовал, что его охватывает азарт – как всегда во время интересной беседы. В сети нет ничего лучше интересной беседы. Даже интеллектуальное вытягивание и наматывание на штык вражеских кишков в бесчисленных онлайн игрищах.

«Так что там у Кэрролла?» – спросил он.

«Нонсенс. Ты любишь нонсенс?»

«Jabberwocky?»

«Не только, не только...»

«Может нам пойти в приват?»

Сие приглашение вовсе не содержало никакого интима, как могло показаться со стороны.

Приватный чат – просто чат для двоих, где тебя не отвлекают посторонним двуязычным маразмом.

Они пошли в приват, а следом, без перерыва в ISQ – электронно-текстовую версию тенниса. Кинь фразу и поймай ответ, и постарайся отразить собеседнику. Онлайнровая беседа это почти всегда танец двух змей – язвительные и насмешливые интонации и минимум подробностей о себе. Но в этот раз все было не так.

Александр Ткачев барабанил по клавишам, боясь ото-

рваться. Фавн была умна, и чрезвычайно начитанна, она с легкостью играла с ним в словесные игры, и периодически ставила своего оппонента в тупик закрученными сентенциями и ссылками на абсолютно неизвестную ему литературу. Кроме того, он так и не смог определить откуда она?

«You Pic?» – просил он и получал в ответ олененка бемби.

Будильник кружил стрелками, японские электронные часы сонно помаргивали зеленым цифр.

А он все общался – бегал на кухню, заваривал себе чай, и скорее назад, продолжать беседу.

Суррогат ли такой разговор? А если он вызывает бурю чувств?

Александр не заметил, как вернулась с работы мать. Что-то вяло буркнул в ответ на ее приветствие. Мать остановилась в дверях комнаты, посмотрела на него, качая головой. Он не заметил. Глаза у него горели.

Минул день. Очередной. Как всегда быстро и не заметно. В сети всегда так. И пусть фантасты и мрачные пророки ближайшего будущего хрипло вещают о полном погружении в мир виртуальной реальности. Для отдельных людей оно уже произошло это погружение – просто вместо громоздких шлемов и подстегнутой ускорителями трукolorной графики, тут используются незатейливые шрифты и самый сложный механизм человеческого воображения.

В два часа ночи они распрощались. За окном утих день, который Александр Ткачев так и не увидел. Может, эти де-

сять часов были насыщены событиями, а, может быть, и нет, он не знал, и ему было наплевать.

Десять часов смотреть в экран и топтать клавиатуру? Да пожалуйста, он привык, а сегодня, так и вовсе не замечал никакой усталости.

– Fawn, откуда ты? – спросил он в десятитысячный раз.

И, через некоторое, время получил ответ. Фавн назвала город, в котором жила. И это ударило виртуального ее оппонента сильнее, чем гром и молния вместе взятые. Он откинулся на стуле, глуповато улыбаясь и вглядываясь слезящимися глазами в переполненный выписанными замысловатым шрифтом Descog экран. Вот как. Ты притворщица Fawn, настоящая притворщица.

Но все-таки хорошо, что мы живем с тобой в одном городе.

Чувствуя опустошение, он протянул руку к мышке и временно покинул мир высоких технологий. За окном всходила мутная, прикрытая тучами луна, но он ее не видел.

Прежде чем померкнуть, дорогой семнадцатидюймовый монитор показал окошко Isq с обещанием новой встречи.

Александр Ткачев, на ощупь пробираясь в темной квартире, отправился совершать каждодневный ритуал завершения дня – а именно заправлять питанием свое живущее по большей части духовной жизнью тело. Он был из тех, кто ел для того, чтобы жить и потому, без сомнения, заслуживал уважение.

Перед сном он снял с книжной полки словарь и отыскал там слово fawn.

И снова широко и глупо улыбнулся.

Fawn – сообщил словарь – олененок, маленькая лань.

Вот тебе и хтонический зверь мужского полу! Фавн с копытцами и флейтой. Знаток ты английского Саня, ничего не скажешь!

Какой замечательный день! И, жизнь, наверное...

Засыпая, Александр Ткачев, которого живущая где-то рядом трепетная Лань знала под именем Паромщик, неожиданно пообещал себе, что на следующий же день предложит ей встретиться в жизни.

Совсем не типичный поступок, ведь как все сетевики одиночки он был весьма робок в жизни. Но сейчас... сейчас он вдруг почувствовал себя готовым на любое безумство. Что случилось? Как это произошло? Его мать, спящая в соседней комнате, легко бы могла ответить на этот вопрос. Но она уже давно распрощалась с мыслью о том, что ее сын будет, когда ни будь, нормально общаться с противоположным полом.

Меж тем, сетевик заснул. Как обычно быстро, с нетерпеливым ожиданием нового дня, и без снов.

Пока без снов.

Утром все пошло наперекосяк. Ранний подъем в три удивил его самого. Он присел на кровати, удивленно вслушиваясь в странную мелодию, что просачивалась сквозь перекрытия откуда-то сверху. Не сразу Ткачев сообразил, что играют

на пианино. Вроде бы это уже было? Он слышал краем уха? Может быть даже каждый день? Наигрывали что-то медленное и красивое. Неклассическое.

Комп в ответ на кнопку включения заревел подозрительно громко, с натугой перемалывая кулерами затхлый воздух. Пришлось его выключить и снова включить для лучшего самочувствия. А то, не ровен час, накроется электронный болван, и отрежет Александра от всех до единого благ.

Но нет, обошлось. Зато на входе в виндоус в тон вентиляторов заревел встроенный антивирус, и Ткачев с омерзением обнаружил, что к нему кто-то запустил червя. Подлая программка угнездилась надежно, попутно изгадив все до единого не отправленные письма.

Вот так, привет из сети.

Александр пустил антивирус в работу, и мрачно следил, как тот отлавливает крохотное членистоногое и педантично отправляет его в лучший мир. Попутно нашлись еще два вируса, что маскировались под системные программки и сбавывали лишь раз месяц.

Метлой их, метлой!

Отгормозить антивирус и отправить его в режим ожидания. Что там у нас новенького?

Ткачеву снова пришло письмо счастья. На этот раз лично на его имя и с подробным указанием адреса. Да еще и подмигивающее, призывно, синим цветом. Гадость какая! Ведь кто-то знакомый старается, наверняка! Найти бы пионера да

отсыпая это же письмо в количестве пятисот штук. Будет ему счастье.

С резким хлопком по клавиатуре сетевик отправил письмо следом за червем. Им там вместе не скучно будет.

Очередной подарок явился от сервера статистики – ваш аккаунт стремится к нулю и, ежели не доплатите на следующий месяц, то связь ваша будет там же.

Ладно! С гримасой недовольства Александр прибил и его. Дальше.

Письмо от Fawn. Сразу вспомнился вчерашний день. Чуть дрогнувшей рукой Ткачев раскрыл его и жадно стал вчитываться в черные ровные строчки.

Сегодня она писала по-русски. Без изысков и сложных словосочетаний. Но смысл этих слов наполнил Александра необузданной радостью, густо перемешанной с волнением.

Она предлагала встретиться! Сама. Взяла инициативу в свои руки! И даже место указано, совсем не далеко отсюда.

И время. Завтра. В полдень.

– "Я счастлив?" – спросил себя Саня Ткачев – «Похоже, что да!»

Вот оно какое. Счастье.

Оказывается это не только компьютер самого свежего поколения.

«Милая Fawn», – написал сетевик в ответ на письмо – «Я согласен. Но, может быть, мы встретимся сегодня? Посмотри, какой красивый сегодня день за окном!» – он вы-

глянул в окно, там шел мокрый дождь со снегом, и прохожие с натугой торили себе дорогу сквозь холодную полужидкую грязь, – "Это лучший день для встречи, правда! Ведь это действительно чудо, что мы живем с тобой в одном городе. Это не может быть просто так!

Ты веришь в судьбу, Фаун?"

И отослал письмо. Оно кануло в сетевые дебри и через пятнадцать минут томительного ожидания вернулось с ответом".

«Паромщик, дружок», – гласило оно – «Будь терпеливее, радость моя, сегодня я никак не могу с тобой встретиться. Подожди до завтра и будешь вознагражден».

Он прочитал и нахмурился. Как-то странно она сегодня писала. Что это сквозит в строках – цинизм? Как-то грубовато.

«Послушай», – напечатал Ткачев, – «Если ты не хочешь, я не буду настаивать. Но давай просто поговорим. Как вчера. Ты знаешь, я нашел в словаре, что означает слово Fawn...»

Они разговаривали еще два часа. А потом прекратили, потому что это стало для Александра Ткачева мучением. Вчерашний разговор ни повторился не в коей мере. Фавн отвечала односложно, больше не пользовалась другими языками и за каждой ее строчкой, почему-то, чувствовалось какое-то тщательно сдерживаемое ехидство.

Он не мог понять, что случилось. Но сегодня было НЕ ТО! Сказка не хотела повториться. Ткачев пытался найти это-

му объяснение. Он говорил, что она, возможно, просто устала, или у нее плохое настроение. Да, в конце концов, чего у них только не может быть у этих женщин!

Лгал самому себе, но Александр, хотя и был сетевиком со стажем, под непрочной броней напускного цинизма оставался полон ничем не замутненного юношеского наива.

Как камень, который лежит себе на дне ручья, созерцает песчинки и, может быть, думает о высоком. А вода, всегда непостоянная и стремительная, как сама жизнь, обегает его со всех сторон, пробегая куда-то дальше, в сокрытые туманами другие страны.

В конце концов, Саня отключил интернет и прислушался к самому себе. Он ощущал смятение. Вроде бы все хорошо складывается, вот только откуда у него ощущение, что его высмеяли.

– Нет! – сказал он себе, – не думай. Просто действуй и все! Может быть, второго такого шанса у тебя не будет.

И все равно оставшийся день превратился в пытку. Александр пытался занять себя, он то входил в сеть, то выпадал в ставший реальным до омерзения мир, и никак не мог найти покоя. Что случилось? Обычные дела перестали приносить радость и моральное удовлетворение. Веселые мелочи перестали казаться чем-то важным. Мысли оборвали всегдашний упорядоченный бег и свили себе новую орбиту вокруг завтрашней предстоящей встречи.

Он хотел идти, и одновременно не хотел.

Фавн, фавн, что ты творишь? Кто ты на самом деле? Он читал о сетевых мошенницах и мошенниках, но никогда не сталкивался с ними в жизни. Или... это все надумки, оправдания обычной трусости?

Минул еще один день, унося с собой покой. Ткачев лег в двенадцать – в детское время.

До этого он смотрел телевизор – что не случилось с сетевиком вот уже несколько лет. И слушал, как наверху кто-то с упоением наигрывает «Only You», отчего его то и дело бросало в дрожь.

Проснувшись в десять, Александр Ткачев поднялся с подушки и удивленно осмотрел комнату. Он не помнил, когда вставал так рано? Это было давно, если вообще было.

Компьютер верно ждал своего хозяина, но сегодня ему не светило быть включенным.

Александр почистил зубы. Постоял, привыкая к новым ощущениям. Причесался. Глянул на себя в зеркало и скривился. Неужели он всегда так выглядел?

Наплевать. Он натянул куртку, и покинул скромную свою обитель, в которой безвылазно провел последние две недели. Выходить ему было, в общем то, не зачем. До недавних пор.

Поплутав по извилистым коридорам, он вышел на улицу, провожаемый неприязненным взглядом консьержки (она его считала то ли за наркомана, то ли за сектанта, то ли просто за шизофреника).

Прищурился – низкие тучи, из которых валит снег. Вроде

бы уже второй день. Прощай осень, здравствуй белая зима – ты скроешь все дерьмо под искристый покров и на миг прикинешься сказкой.

Декабрь скоро. Может быть и дождя больше не будет. Во дворе игрались пара детей, да стареющий дядька выгуливал собаку – здоровенную, чуть ли не больше его самого, овчарку. Он казался знакомым – вроде бы жил в том же доме. Впрочем, сетевик не знал своих соседей.

Ткачев вздохнул и погрузил кроссовки в полужидкую кашу, состоящую поровну из снега и грязи. Ветер выл, норовил пробраться под одежду и кидал в лицо мокрые тающие еще в воздухе снежинки.

Давно Саня все же не был на улице. Вроде в последний раз на деревьях были листья? Он шагал прочь от своего дома, ежился, поглядывал на часы.

У цветочного киоска сетевик приостановился, глядя на красочные лоскуты выглядывающие из-за стекла. Цветы? Вроде бы это нужно?

– Вам какие, молодой человек? – спросила продавщица, румяная пятидесятилетняя тетка, на которую напрочь не действовало царящее вокруг уныние.

– Красивые, – ответил он, – вы знаете, какие для девушек...

Продавщица рассмеялась, звонко и довольно. И Ткачев был награжден пышным букетом, в котором густо перемешались яркие цвета и незнакомые ароматы. Он вдохнул их

запах и ощутил, как на миг закружилась голова.

– Ей понравится, – сказала продавщица, сдирая с него месячную стипендию.

Александр кивнул и зашагал дальше, сквозь снег и морось. Неся цветы впереди, как флаг и немножко чувствуя себя идиотом. Редкие прохожие смотрели на него, и их лица светлели. Нежные лепестки цветов мелко вздрагивали, когда на них падали снежинки.

Фавн, я иду, я купил цветы.

Она назначила место встречи на площади – маленькой торговой площади их городка, сейчас почти полностью заполненной цветастыми ларьками. Чуть дальше на невысоком постаменте громоздилась крашенная в болотный цвет пушка – монумент. Именно там и должна была ждать Александра Фавн. Та, которая так легко меняет настроения.

И сейчас подле пушки виднелась тонкая девичья фигурка. Стоит ждет. Его.

Он остановился, не в силах преодолеть робость.

– Ну же, – сказал он себе, – Иди, ты ведь для этого шел, так ведь? Об этом думал последние два дня.

Глубоко вздохнув, Александр подошел к девушке, выставив впереди себя букет, как последнюю линию обороны. Он выглядел крайне комично. Но не догадывался об этом.

– Фавн? – спросил он.

– Что? – спросила она.

– Ты Фавн? – повторил Ткачев, холодея – Из чата?

– Из какого чата? Какой Фавн? – спросила эта дива слегка удивленно, – молодой человек вы меня с кем-то путаете.

– Но у меня была назначена встреча. Здесь у пушки. В двенадцать! – чуть ли не выкрикнул Александр и взмахнул букетом, девушка уставилась на него уже с опаской, а потом поспешно пошла прочь.

И тут грянул хохот. Был он громкий, смачный, без всяких сомнений мужской, и крайне пошлый. Ржали, гоготали в три голоса и никак не могли остановиться. Хохот грянул как гром среди ясного неба, потом наступила пауза и чей то голос выдал:

– Сморитя! Пришел!! Не, пришел, а!!!

Содрогаясь, Александр Ткачев обернулся, и узрел троих остолопов, которые только что появились из-за пушки. Знакомая компания – Братья Клыковы, гошоватые ребятушки под метр девяносто, а с ними Вася Рябушев – семнадцатилетний, мнящий себя хакером обормот, и ходивший у них в дружках. В руках Клыковы сжимали открытые пивные бутылки. Вся кофла так и тряслась от хохота. Пена из бутылок лезла наружу и шлепалась на желто-белый, в проплешинах асфальта ковер.

– Пришел! – орал Рябушев сгибаясь чуть ли не пополам, – Я ж говорил вам, что этот лох припрется!! Смотрите! И цветы купил!!! Лох!

Все еще хохоча, он повернулся к Александру и выдал, заикаясь от смеха:

– Привет Саша, это я, т-твоя Фавн!! Почему не отвечаешь? Почему ты такой грубый, Саша? Может ты тупой? Ты тупой Саша?

Клыковы, остановившиеся было передохнуть, заржали с новой силою. Бодро и радостно. И даже стали непроизвольно тыкать пальцами в Ткачева.

– Поняли, б... как надо? – восторженно выкрикнул Рябушев, – Лохов уметь разводиться?!

– Ну ты крутой, Вась, – сказал один из Клыковых, и покровительственно похлопал того по плечу. Рябушев засиял.

Александр начал понимать что происходит.

– Вы! – сказал он, и сжал кулаки.

– Че, мля, поймали тебя?! – спросил второй Клыков.

На душе грязь. Такая же, как и на улице.

Этот червь! Ну конечно! Вася Рябушев, мелкий тупой компьютерный хулиган, это ты его заслал. И гнусная программка позволила тебе притвориться Фавн, развести, как ты говоришь, наивного сетевику. Заставить того поверить, что девушка живет с ним в одном городе, что она ждет встречи! И все для того, чтобы посмеяться вместе со своими друзьями – олигофренами над ним, посмотреть как он стоит, обманутый в лучших чувствах, с дурацким букетом в руке.

– Люби меня, как я тебя! – орал Рябушев, – клево прикололись!!!

Фавн не пришла, естественно. Да и была ли она?

До Александра стал доходить масштаб розыгрыша. Нет,

стоило за нее вручить Васе Рябушеву Оскар.

– Вы все сволочи! Тупые ничтожные создания, – сказал Ткачев по-английски, потому, что говорить им такое по-русски было чревато битием лица, а английского, как он помнил, эта троица не знала.

Хохотали так, что один из Клыковых выпустил из рук бутылку и она звонко кокнулась об асфальт, после чего смех сменился негромкими грустными матюгами.

Александр повернулся и пошел прочь. Идиотский букет с сотней будоражащих ароматов волочился следом за ним как укороченный павлиний хвост.

На полпути домой Ткачев вдруг понял, что чувствует некоторое облегчение. Его тяготила эта история с Фавн, занимала мысли и нарушала размеренный распорядок его жизни. Да, его смешали с грязью. Над ним посмеялись, и выставили натуральным идиотом, но вместе с тем вся та буря чувств, что занимала все его существо последние два дня, тоже куда-то испарилась.

Все вернулось на круги своя.

Не бывает чудес! И не бывает любви по проводам.

Дома он аккуратно поставил цветы в хрустальную вазу. Матери. Пусть удивится и подумает какой у нее удивительный сын. Столько времени почти не разговаривал, а теперь вдруг подарил роскошный букет. Нет худа без добра.

В тот же день, ближе к вечеру, как завершающий аккорд в этой сетевой драме, компьютер Александра Ткачева в ре-

зультате скачка напряжения получил омертвление нескольких полупроводников в своем центральном процессоре, которое неумолимо нарастало и кончилось полноценным сердечным приступом дорогой электронной машины с последующим летальным исходом в черном облаке дыма и запахом жженого пластика.

Мучительные попытки реанимации, а потом суетливая беготня за комплектующими, совершенно выбили из памяти сетевика все подробности так и не свершившейся с ним любовной истории. Так что лишь неделю спустя, когда он сидел, глядя в черный пустой экран, ему вдруг пришло в голову, что недохакер Вася никак не мог притвориться девушкой по имени Фавн. Просто потому, что тот первый, волнующий разговор, велся исключительно по-английски. А Вася английского не знал.

Но было уже все равно – гарантийные комплектующие обещали только через две недели.

Бездомный.

Вот бездомный – в ответе за тех, кого приручил.

В отличие от Александра Ткачева бомж Валера был прагматиком. Таким прагматиком, что дальше некуда. Да и как не быть прагматично настроенным посреди нелегкой жизни бездомного бродяги? Тут друзей нет, кроме конечно поллитры дешевой сивухи – райского нектара для каждодневной нирваны.

Бомж Валера обитал наверху и мог справедливо считать себя выше всех остальных – логовом его стало чердачное помещение под самой крышей панельного дома. Здесь проходили трубы отопления, было тепло, сухо и почти не имелось проблем. Для бомжа здесь был просто рай.

И этот рай Валера оборудовал самостоятельно. Была здесь кровать – настоящая, с ржавой продавленной сеткой. И матрас тоже был, и печурка буржуйка хитроумно выведенная сквозь потолок на крышу. Было здесь еще два окошка – подслеповатых и залитых белилами, через которые можно было наблюдать за землей или, по желанию за небом, ход на крышу – тщательно замаскированный от посторонних глаз, и битый раскладной туристский столик, на котором утраивали трапезу.

Попасть сюда можно было через крышу. Или поднявшись по ступенькам снизу – но для Валеры этот путь отпадал, потому что консьержка его ненавидела и всячески пресекала попытки проникнуть с улицы. Особенностью же соседнего подъезда было то, что консьержки он не имел. Обходясь нейтральным к посетителям кодовым замком. Именно через этот подъезд и ходил жилец чердака и его посетители.

Впрочем, консьержка была не самой большой неприятностью в жизни бомжа (а таковых у него было так много, что по настоящему неприятными считались лишь наиболее тяжелые случаи). Была еще зима – когда холодно, мокро и совсем нечего жрать. Была милиция, которая зимой совсем зверела.

И были еще крысы. Вот крысы – это самая настоящая проблема. Валера крыс ненавидел. А те его обожали.

Хотя бомж Валера и не был зоологом (и вообще начитанным человеком – его образование свелось к девятилетнему просиживанию штанов за партой очень средней школы), он был уверен, что крысы должны жить внизу. В подвале, под половицами. Ближе к земле – к разветвленной сети канализации, что скрывается под землей. Зоолог наверняка бы согласился с Валерой в этом.

Но крысам было плевать на зоологов, они упорно жили здесь. На самом верху многоэтажного дома. И каким образом они сюда добираются оставалось тайной покрытой мраком. Что они здесь нашли, помимо очевидно несъедобного бомжа – тоже.

И, как полагается порядочным крысам – они гадили. Грызли бесценную Валерову утварь, оставляли пахучие экс-кременты в тщательно выскобленной и подготовленной для еды посуде, дырявили резиновую, почти целую обувь, и, что самое главное уничтожали съестные припасы. Зачастую полностью.

Еще они мерзко пищали по ночам, и иногда даже среди ночи он чувствовал их маленькие когтистые лапки у себя на груди. Но это были мелочи не стоящие внимания.

Так или иначе, маленькие серые бестии считали себя полноценными хозяевами в этом роскошном пентхаузе на самом высоком этаже панельной многоэтажки, и Валере иногда казалось, что они его просто терпят. Во всяком случае, крыс было столько, что открытая битва «бомж Валера против Полчища крыс» вполне могло закончиться в пользу последних.

Да, он пытался их извести. Он даже потратил бесценные, предназначенные на водку и для водки деньги на покупку крысоловок с мощными пружинами. Он купил их десять штук и заставил все углы – он был настойчивым, этот Валера.

Той же ночью его настойчивость оказала свои плоды – пришедший под вечер приятно пьяный, он с порога попал в первую мышеловку, и метаясь, подвывая от боли, по комнате, не успокоился пока не собрал почти все.

Крысы остались, а Валера два дня вообще не мог ходить. Друзья смеялись, но никто из них даже не пытался принести

ему поеть. Это лишний раз доказывало, что друзей у Валеры, в общем-то, нет.

Возможно, из-за голодухи его посетило еще одно озарение. И он купил яду.

Тщательно перемешал в миске с обычным продуктом и выставил на столик, как приглашение.

Пришедший под утро приятно пьяный бомж по кличке Синявый увидел не тронутую крысами дармовую закуску и с благодарностью ее принял. После чего действительно поси-
сел и Валере с друзьями пришлось тащить его через крышу на улицу, где его положили на самое видное место. Синявый пролежал до вечера, но из вредности не помер, однако походы свои к Валере оставил.

Тоже мне, друг называется!

Определенно, групповой интеллект крыс в данной ситуации оказался сильнее мозговой деятельности отдельно взятой человеческой единицы. Пусть даже и не самой выдающейся.

Очередную мысль подал Валере Костя Слюнявчик – еще один забулдыга, обретающийся в здешних краях еще с самой перестройки. Бездомная жизнь научила Костю мыслить нестандартно или не мыслить вообще.

Валера хорошо помнил этот момент.

Его пентхауз был полон гостей. Помимо хозяина и уже упомянутого Слюнявчика на чердаке обретались звероватого вида бомж Волчок и королева бала – Манька, бездомная

тетка далеко-за-пятьдесят. Она, впрочем, никакого участия в разговоре не принимала по причине глубокой отключки.

Ну, и само собой были крысы. Шныряли где-то по углам. Попискивали.

– От твари!!! – сказал бомж Валера со своего матраса, – житья не дают, паскудники.

– А че те Валер? – спросил Слюнявчик, – ты бы их ловил, да жарил. Из них знаешь какая закусь?

– Говорят, они мертвяков под низом едят, – вставил Волчок.

И уставился прозрачным пустым взглядом на столик, который украшали три бутылки поддельной водки и многочисленные следы предыдущих попоек. Волчок был немного не в своем уме, но беды из этого не делал. Да и в принципе он был нормальным мужиком – только во время полнолуния находило на него – начинал кидаться на людей и вопить, что он оборотень. Но опять же, за день до приступа обязательно окружающих предупреждал.

– Ну ты сказал, Волчок, – молвил Валера, – Да и не буду я их жрать. Мне их извести надо.

– А мышеловки пробовал? – спросил Слюнявчик.

Бомж Валера вздохнул. Волчок разлил воняющую сивушными маслами бодягу под мутным граненым стаканам (настоящим ветеранам денатуратных попоек), и кивнул Слюнявчику – посмотри, мол.

– И яд тоже? – продолжил Слюнявчик и сунулся к буржуй-

ке, к черному промасленному противню, на котором, фырча и шкворча, жарилось сегодня коронное блюдо вечера – бездомная дворняга, самолично отловленная сегодня Волчком. От животного осталось мало – несколько бесформенных кусков темного мяса.

Слюнявчик поворошил куски гнутой алюминиевой вилкой, и пустил слюни – мутные и тягучие, как брага в граненых стаканах. Со смачным шлепком шлепнулись эти следы человеческой жизнедеятельности на пол и расплылись там темными каплями. Никто на это внимания не обратил – Костю потому и прозвали Слюнявчиком, что контролировать он себя не мог. Зато мысли подавал дельные.

– Есть способ, – сказал он.

– Ну? – спросил Валера.

– Берешь ведро. Ставишь доску. А по ней, родименькой, жратву разбрасываешь, чтобы как дорожка получилась. Крыса идет, видит ее – и начинает подбирать, и все выше-выше и выше. А потом доска перевешивать – едрить – и тварь в ведре.

– А назад?

– Что назад? Назад у ней мозгов не хватит. Это тебе не Волчок – универов не кончала.

Тут то ты ее и захомутаешь!

Пораженный глубиной Слюнявчиковой мысли Волчок подвинул тому стакан, который был тут же схвачен и употреблен. Слюнявчик крякнул, утер благодарную слезу.

– Хитро! – прокомментировал Валера. – Вот сегодня и попробую.

– Пробуй, – сказал радушно Костик, – тока наказ. Как тварюгу отловишь, ты ее нам отдай. Мы ее на закуску пустим, хвостатую.

– Не вопрос!

И вечер продолжил, становясь с течением времени все благостнее и доброжелательнее. И лишь к вечеру случился небольшой скандал: часов в десять Манька продрала очи и, ничего не соображая, потянулась к собаке. Пока заметили – половину уже умяла, стерва! Били ее втроем, с гиканьем и нерастраченным чувством справедливости, а как дергаться перестала, вынесли на крышу – на свежий морозный воздух.

С тем и завершили. Слезно распрощались, а Валера приступил к осуществлению смелого научного эксперимента.

Ведро, доска, попытки создание сложной геометрической конструкции трясущимися руками.

В конце концов, ему это удалось, и с чувством выполненного долга Валера заснул, завалившись на пожелтевший от многолетней грязи матрас.

Закончился старый день и начался новый. Такой, как и все предыдущие. Бомж Валера все равно их не считал – какой смысл считать, если они похожи друг на друга как близнецы?

Тяжкое начало и буйное хмельное завершение. А между ними собирательство и подтверждение своей территории.

Неолит все еще с нами. Стоит рядом в оборванном ватни-

ке и дышит перегаром – надо только уметь заметить.

Валера отодрал чугунную свою башку от матраса и вгляделся в мутную оконную даль. Шел снег – крупный, пушистый, уже по настоящему зимний. Этот не растает, как предыдущий.

Это уже хозяин, на ближайšie два-три месяца.

Сейчас самое главное отыскать заботливо оставленную с вечера заначку – без нее жизнь не жизнь. Валера рывком поднялся и зашарил вокруг в поисках бутылки. Рука его задела одинокое оцинкованное ведро и то сдвинулось со странным скрежещущим звуком.

Валера удивленно замер. Память о вчерашнем потихоньку к нему возвращалась. Ну конечно – гений все-таки Слюнявчик – ловушка сработала! Доска вертикально торчит из ведра, рапортуя о выполненной работе. Кусочки снеди разбросаны вокруг.

А в ведре что-то царапалось.

Крыса была там – попалась в хитро настроенную конструкцию!

– Попалась, тварь! – резюмировал бомж Валера удовлетворенно. Тяжкое похмелье вдруг как-то отошло на задний план, а день словно посветлел – еще бы, такой подарок с утра.

– "Я убью ее не сразу, нет" – размышлял Валера, ковыляя к ведру, – «Пусть сначала помучается как следует. Подольше, как меня изводила, гадина! А как прикончу, отдам Косте, заслужил!»

Посмеиваясь и воздавая хвалы хитроумному Слюнявчику, он добрался до оцинкованной посуды и заглянул внутрь. И снова замер. Лицо его удивленно вытянулось.

Воистину сегодня был день сюрпризов.

Ловушка сработала как надо, вот только поймала она не крысу. Вместо здоровой, серой, когтистой бестии с чешуйчатым хвостом и желтыми зубами со дна ведра испуганно взирало совсем другое создание. Больше всего оно напоминало кролика, который воле судеб лишился своего главного украшения – роскошных ушей. Да и цвет у него был какой-то странный – белые и черные пятна перемежаются на длинной шерсти.

Зато все остальное вполне сохранилось – круглые темные глазки, умильный розовый нос, что все время морщится и нюхает воздух, крошечные, совсем кроличьи лапки с розовыми коготками.

Непонятная зверюга. Но симпатичная, надо признать.

– Ты кто? – спросил Валера. Это было глупо, но ничего другого с утра в голову прийти и не могло.

Розовый нос сморщился, глаза-пуговицы испуганно мигнули. Приоткрылся маленький ротик, явив свету два ослепительно белых резца.

– Чук! – сказал зверек, – Фыр!

– Ага, значит Чук – произнес Валера, – А где же Гек?

– Фыр! Тц! – сказал зверь и засучил лапами по гладкой поверхности ведра, пытаясь выбраться. Он явно хотел на сво-

боду.

– Ну нет, родной, – сказал Валера, оглядывая зверушку, – никуда ты не пойдешь. Попался – сиди.

Зверек только фыркнул негодуяще. Он вполне подходил под расплывчато-инфантильное определение «какая прелесть!»

Ну не убивать же такое? Все кровожадно-похмельные Валерины мысли куда-то подевались.

Убить такое создание, это все равно что изрезать своего любимого в детстве плюшевого мишку – жалко до слез.

– Что же мне с тобой делать, а, Чук? – спросил Валера – отпустить? Так ты ж в роде зверь не дикий. Может, сбежал от кого?

Создание сновало внутри ведра, поднималось на задние лапы и начинало забавно сучить передними, будто умоляя бомжа Валеру достать его из этой страшной ловушки да отпустить на все четыре стороны. Теперь стало заметно, что зверушка сильно отошчала – шерсть топорщится клочьями, тусклая.

– Да ты, наверное, жрать хочешь! – решил Валера, – а что такие как ты жрут?

Он добрался до столика, разгреб пустые бутылки и поднял со столешницы высохшую обертку от дешевого колбасного паштета. Наклонился над ведром и предложил ее Чуку.

Тот негодуяще фыркнул и в ужасе подался подальше от повисшего в воздухе сомнительного лакомства. Валера по-

нимающе кивнул – сам он тоже не стал бы такое есть.

– А может, – сказал он, – Ты траву ешь? Ты ж вроде кролика.

Травы в жилище Валеры не оказалось. Да и не могло ее там быть. Там и из еды то наличествовала только вышеупомянутая шкурка – деликатес для мух, да только откуда им взяться в начале зимы?

– Вот что Чук, – сказал Валера, – сиди пока здесь, а я сбегая за зеленью какой нить.

Капустой. Против капусты не возражаешь?

Чук не возражал. Возможно, его сейчас волновали совсем другие проблемы. Бомж Валера нацепил штатный свой ватник – защита от холода и чужих бьющих конечностей – и поспешил на улицу.

Забылся, пошел сдуру не через крышу, а вниз по ступенькам, и у самого выхода наткнулся на консержку. Нажал на кнопку замка, провожаемый ее ледяным ненавидящим взглядом – бомжей она не любила особенно сильно – и вывалился в кружащую пушистыми хлопьями серость. Зима, зима – вон уже какие сугробы намело, таять не успевают. Да и вообще уже не растают – до весны.

Возле подъезда – белое на белом – лежал квадратный запечатанный конверт. И не видно бы его было, если бы не яркая марка в правом углу. Валера покосился на письмо, а потом проследовал мимо – нелюбопытность залог выживания в городских джунглях.

Купил капусты в ярком продовольственном бутике, что светился как одинокий маяк посреди кружащего бело-серого снегопада.

На обратном пути он вспомнил, где он уже видел такое создание. Ну конечно – золотые школьные годы, пионеры, форма, юннаты, живой уголок. А в клетке вот такой зверь обгладывает капустный лист.

Это морская свинка. Чук – это довольно крупная морская свинка. Создание, кстати, весьма нежное и уход за ним нужен.

Валера топал сквозь снегопад, бережно прижимал к груди кочан капусты – травку, еду, впервые за много лет купленную не для себя. Странное какое-то ощущение – в этот серый унылый день бесповоротно наступившей зимы бездомный и никому не нужный Валера вдруг почувствовал, что больше не один. Ощущение это пришло внезапно и сильно – теперь его дома ждут.

Вот он идет с дурацким капустным кочаном, а дома осталась Чук – голодная и одичавшая морская свинка, которая ждет, чтобы ее накормили. И без его, Валеры, животного эта, скорее всего, сдохнет.

Маленькое пушистое создание по глупости попавшее в ловушку для крыс, требующее заботы и ухода. Давным-давно Валера не заботился ни о ком, кроме себя. Он был величайшим эгоистом, как и все бомжи, которые хоть и сбиваются в стаи, всегда держать между собой дистанцию.

Неловкая и неумелая улыбка появилась вдруг на одутловатом, изрезанном морщинами лице Валеры. Он шел сквозь снег и улыбался, и думал о чем-то своем – и настолько погрузился в эти свои заоблачные думы, что когда из снегопада возник вдруг пьяный вдрызг Слюнявчик и окликнул его – даже не заметил этого. Его ждали дома.

От капусты Чук отказался, в очередной раз, шарахнувшись прочь. После некоторых раздумий Валера пришел к выводу, что животное просто боится его, такого большого и страшного. Он оставил капустные листья в ведре, и стал наблюдать с некоторого расстояния. Чук тыкался носом в листья, испуганно отскакивал, гневно фыркал.

– Э, братец, да ты совсем дикий, – произнес Валера с улыбкой – ну да ничего, привыкнешь. Все привыкают.

Память его словно освобождалась от шор – столько давно забытого всплыло вдруг из этих замутненных повседневностью глубин. Много лет назад маленький мальчик из неблагополучной семьи по имени Валера читал книжку. Она называлась «друг воспитанный тобой» и была про собак. Про воспитание собак. Нежность, любовь, доброе отношение – и ты воспитаешь себе друга, а не безвольную, выполняющую любую команду и страшашуюся тебя тварь. Валера решил, что-то, что подходит для собак, годится и для морских свинок, пусть и не в полном объеме.

– Дикий ты Чук, – повторил он, глядя, как его новый пушистый жилец мельтешит в своем ведре, – Но я тебя приру-

чу. Будешь ты у меня ручной.

И с этого дня жизнь бомжа Валеры переменялась – тягучая череда бессмысленных заполненных алкоголем и собирательством дней осветилась изнутри возникшей неожиданно целью. И откуда-то взялись силы, жизненная энергия, чтобы эту цель достичь. Пропала вялость и апатия – словно и не вел столько лет растительное существование.

Дни шли за днями – все больше углублялись в холодную, сыплющую снегом зиму. Валерий купил справочник по уходу за домашними животными – потратил кучу денег и с изумлением обнаружил, что почти разучился читать. Перелистывая страницы, приступил к осуществлению своей цели.

Поначалу Чук страшился. Дрожал, впадал в депрессию и отвергал предлагаемое лакомство.

Но как-то раз положенный к нему капустный лист исчез, как не бывало. А потом еще один и еще. К концу первой недели свинка охотно уплетала травяную свою снесь, и даже делала робкие попытки взять капустный кусочек прямо из рук.

Порывшись в окрестных свалках, Валера отыскал старую, но еще вполне надежную клетку, сделанную из потемневшего дерева и медных погнутых прутьев. Припомнив старые навыки, привел ее в надлежащий вид и скоро Чук получил новый дом – удобный, просторный, с выстеленным газетами полом.

Валера со всей осторожностью переселил своего нового

жильца в клетку, и с умилением глядел, как морская свинка обустроивается.

Клетка Чуку понравилась. Во всяком случае, так показалось его новому владельцу.

За время, прошедшее со своего пленения Чук сильно поправился, шерсть его стала лосниться, а характер явно переменялся в лучшую сторону. Теперь он перестал пугливо вздрагивать, лишь завидя Валерия у своей клетки. Наоборот, вставал на здание лапы и умильно мельтешил передними – словно тянулся.

А потом настал день, когда это мохнатое чудо робко взяло предложенный капустный кусочек из рук Валеры. Чук схватил лакомство из пальцев и утащил в угол клетки – попробовать. А следующий кусочек он уже чуть ли не вырвал силой, смелея на глазах.

Валера глядел на него и улыбался.

Сам он тоже переменялся – неожиданно легко бросил пить – вот уж не ожидал, что такое может вообще случиться. Просто перестал и все – никаких тебе рецидивов и ломок. С утра до вечера в городе – заработанные деньги пускал теперь на обустройство жилья, покупку снеди себе и своей зверушке. А Чук терпеливо ждал его и проявлял все большую радость при его возвращении. Еще Валера стал философствовать, садился вечером у своей печурки и, глядя на огонь, излагал Чуку меняющееся свое на глазах мировоззрение. Тот слушал и со всем соглашался.

– Вот видишь Чук, – говорил Валера, – всякому живому существу нужна цель в существовании своем. Это хотя бы, потому как по максимуму все хотят найти объяснение.

Но это не каждому дано. А вот ежели у тебя есть цель – пусть даже захудалая, то ты уже не пропадешь. Этим мы, люди, и отличаемся от зверей. Потому как только человек может бесцельно существовать. А это дорога вниз. Вот зверье, оно объяснений не ищет, а цель свою, хоть и не понимает, а чувствует. Потому-то животные и не вымирают совсем. Вот как ты, Чук. Даром, что домашний зверь, а среди крыс, однако ж, выжил.

Чук согласно кивнул. Нет, конечно, он просто мотнул изрядно раздавленной своей мордочкой, мало ли от чего, но Валера теперь каждый его жест истолковывал по-своему.

И не было уже ничего удивительного, в том, что совсем скоро после своего пленения морская свинка по имени Чук уже всю давалась в руки, позволяла себя гладить, и даже стала сидеть на плече Валеры, как заправский пиратский попугай. Чук разве, что «пиастры» не кричал.

Занятый своей неожиданной новой жизнью бомж Валера совсем позабыл о старом своем времяпровождении, и потому очень удивился, встретил как-то раз в глухом переулке Слюнявчика. Но тот не дал о себе забыть.

– Э! Валерка, мля! Чевой-то тебя не видно, а? – спросил он и дернул Валерия за рукав.

До того не сразу дошло, кто перед ним. За прошедшие

две недели он совсем позабыл о старом забулдыге по имени Слюнявчик.

– Забываешь нас? – продолжил тот.

– Слю... эээ... Костя, я спешу, знаешь, – сказал Валера.

Это была чистая правда – он собирался купить Чуку замечательную кормовую добавку, из той серии, что можно почти бесконечно долго грызть, на пару с витаминами стачивая растущие зубы.

– Спешишь? – сказал Слюнявчик, – все время теперь спешишь. Занятой стал, блин. Как профессор. – Он помолчал, а потом добавил быстро, – ты ведь грят, поймал там у себя чой то? Ну, в ловушку? И у себя держишь. А ты ведь мне обещал, что как крысу своюймаешь, так нам отдадишь. На прокорм.

– Кто говорит? – спросил Валера.

– Ааааа... – пропел Слюнявчик гнусным голосом, – а не скажу... Хотя... Волчок это был.

Он у нас все видит, все знает!

– Дурак твой Волчок! – сказал Валера резко, – и не видит он ничего! Мозги давно пропил. Ничего я не поймал. Ничего!

И он пошел прочь – ему надо было успеть к закрытию магазина. Слюнявчик уставился ему в спину, как показалось, злобно. Но навязывать свое общество не стал.

Встреча со старым дружкой неприятно поразила Валерия. Он вспоминал перекошенное, бессмысленное лицо Слюняв-

чика и задавался вопросом – что связывало его с этим человеком? Что связывало его с остальными. Некоторое время эти мысли занимали его, а потом он пришел домой, где ждал терпеливо Чук и начисто забыл об этом происшествии.

Через некоторое время он решил, что животному нужен воздух, и стал совершать короткие вояжи во двор. Чук сидел у него на плече и восхищенно нюхал морозный воздух. А потом стал даже отваживаться на короткие пробежки по снегу. Далеко не отбегал – словно знал, что может потеряться. Валера стоял рядом, глядел, как свинка оставляет на свежем снегу ровные стежки следов. Народ на него посматривал, но Валере было плевать – выгуливают же люди своих собак. Почему бы не выгулять морскую свинку?

В одну из таких прогулок он и чуть не потерял своего Чука.

Тот так и не заметил опасности, да и Валера засек ее слишком поздно. Просто вдруг совсем рядом, за спиной, раздался нарастающий рев – низкий, полный угрозы. Так близко, что Валерий лишь успел обернуться.

Огромный черный ротвейлер был метрах в двух – пасть раззявлена, желтоватую слюну сдувает ветром с выдающихся клыков, язык болтается как грязное багровое полотнище.

Псина шла в атаку, и в атаку совсем не на Валерия – тот был слишком массивным для потенциальной жертвы. Пес рвался к Чуку – такому маленькому, медлительному и беззащитному.

В те секунды пока черная собака преодолевала оставшиеся метры Валерий узнал ее – конечно, трудно не узнать эту гнусную псину, если ее ненавидел весь двор, включая оба дома близнеца.

Бульдозер выл от счастья – он снова занимался любимым делом, а именно нападал на жертву совершенно неспособную дать ему отпор. В отличие от того же Валерия. Жаркая собачья кровь требовала отмщения за недавний перенесенный им и хозяином позор.

Чук замер на снегу – черно-белый шерстистый комок, его хватило бы от силы на один укус надвигающейся черной беде.

Валера понял это, как понял и то, что не успеет поднять Чука с земли. А даже если успеет, то будет неминуемо сбит агрессивным зверем.

И тогда он сделал то, чему научился за годы беспросветной своей бездомной жизни – упал ничком и накрыл Чука своим телом. Когда ты вот так лежишь, сохраняя в объятиях ценную и нужную тебе вещь, то тебя можно пинать ногами, бить, чем хочешь – эффекта не будет, ты почти защищен, как большая мягкая черепаха, особенно если на тебе надет толстый бушлат телогрейка, да ворох тряпья под ним.

К сожалению или к счастью знают об этом только те, кого часто лупят ногами.

Бульдозер этого не знал – его в жизни никто не рискнул пнуть, поэтому действия Валеры стали для него совершен-

ной неожиданностью. Тело его еще продолжало поступательное движение вперед, маленький тупой мозг пытался анализировать поменявшуюся ситуацию и не находил адекватного решения. Когда Бульдозер понял, что не успеет за оставшееся время сменить вектор движения, было уже поздно.

Законы физики сыграли против него, и огромный черный пес на полном ходу запнувшись от скорчившегося человека, перелетел через него, и, получив мгновенный крен в сорок пять градусов, вошел в сваливание.

Мелькнули в воздухе скрюченные лапы с тупыми когтями, плоская морда с лезущими из орбит глазами, веер слюней блеснул на слабом зимнем свете, а потом Бульдозер с глухим ударом вернулся на грешную землю.

На миг воцарилась тишина, Валера чувствовал, как трепещет крохотное сердечко Чука, замершего у него в ладонях.

– Ты что творишь, гад?! – страдальчески крикнул кто-то, – что с животным сделал?

Валера искоса глянул вправо, потом влево. Справа к нему бежал Лапкин – на лице боль и злость, слева со льда медленно поднимался Бульдозер – на морде выражение, словно попал под давший ему имя образец строительной техники.

– Сволочь поганая!! – надрывался Лапкин, – Вонючий бомж! Развели вас, шагу нельзя ступить, чтоб не запнуться!! Собак жрут, сволочи!!!

Валера молчал. Он уже знал, что все позади. Чук был спасен – вот он замер в ладонях.

Даже, наверное, и не знает чего избежал.

Причитая, Лапкин миновал Валерия и помог подняться Бульдозеру. Создавалось впечатление, что если бы тот не смог, Лапкин бы понес его на себе. Но Бульдозер встал – горно в нем пересек нулевую отметку, хвост вяло дернулся в стылом воздухе и ретировался вниз, так безопасней.

Лапкин все орал, остановился подле Валеры и даже занес ногу, чтобы ударить, но совсем рядом была улица и пешеходы уже смотрели заинтересованно, так что бить не стал.

Убрался сам и потащил прочь своего ошалевшего пса. Когда Лапкин отошел на приличное расстояние Валера поднял голову и улыбнулся – он выиграл очередную битву, защитил Чука, а значит, живет уже не зря.

Но прогулки пришлось прекратить.

В конце недели снова появился Слюнявчик. Долго и нудно стучал в закрытую дверь, а, на вопрос Валерия что ему надо, разразился длинной и слюняво-угрожающей речью.

– Ты нас не уважаешь что ль? – вопрошал он, – Возгордился блин совсем?! Мы быдло, да?

Такое что и разговаривать с нами нельзя? Так ты хочешь сказать?!

– Уходи! – сказал Валерий, – иди прочь!

– Кого ты там прячешь?! Думаешь, если дверь закрыл, я не увижу, да?

В конце концов, он ушел, буркнув напоследок, что так лучших друзей обижать нельзя, и в следующий раз он при-

дет с Волчком – популярно объяснить Валере, что так не поступают.

Валере было плевать. Волчка он не боялся. Он за себя вообще не боялся – отучила его жизнь думать о завтрашнем дне. Он боялся лишь за Чука.

– Ничего, – сказал он, слушая, как Слюнявчик, гулко топая, взбирается вверх по лестнице, чтобы выбраться на крышу, – Ничего Чук, не пристало нам их бояться.

Он протянул руку к клетке и Чук привычно прыгнул сначала на кисть, а потом ловко перебирая коготками на плечо. Там и замер.

Эх, ничего в тот момент не показалось Валере угрожающим. Не предупредил его внутренний голос, не звякнул внутри тонкий серебряный звоночек – обрати, мол, внимание – плохо это может кончиться.

Ничего этого не было. Жил Валера себе дальше – общался с Чуком, крутился, вертелся, а в последнее время вдруг заметил, что зачастую выходит на улицу просто так – погулять.

И вроде все та же серая зима, да снег сверху, а как-то иначе стал воспринимать окружающее. Может, потому что год кончался – и новогодье давало уже давало о себе знать цветными гирляндами в витринах дорогих магазинов? Может, люди стали чуть напряженнее, может быть веселее, а может просто более нервными? И все чаще слышны на улице чьи то резкие голоса – счастливые или злобные, но не нейтральные. Город слегка ожил, встряхнулся под снегом и многоки-

лометровыми лентами цветных огней, вздохнул, и приготовился к новой своей фазе существования.

Было ли так всегда, или только в последний год? Валера не знал, но склонялся к тому, что было.

Было, просто он уже не видел и не слышал этого.

В конце декабря Валерий пришел домой и объявил Чуку, что собирается устроиться на работу.

– Хватит тунеядствовать, – сказал он восхищенно замершей морской свинке, – будет работа, будут деньги. Будут деньги, будет все остальное. Квартиру снимем настоящую, а Чук? С ванной! Меня теперь возьмут – они непьющих любят.

Чук фыркнул, и завозился в своей клетке. Как и Валера, он, похоже, приближался к своему счастью.

За полторы недели до нового, лучшего, чем прежний, года, ныне бездомный, но владеющий многочисленными мечтами, Валера возвращался домой.

Он гулял – снова гулял просто так, шел себе в толпе, глядел по сторонам и, похоже, наслаждался жизнью. Последний раз это было так давно, что он уже не помнил этого забавного ощущения, когда краски ярче, небо за тучами голубое, а грязный снег скрывает зимнюю сказку, жухлую траву и обещание весны. Хорошо было просто так идти. Гордо, как человек. И никто не трогал его, не приставал, даже не смотрел косо – просто потому, что так может идти только уверенный и ничего не боящийся человек. А одежда... что одежда – это был как раз тот случай, когда не она красит человека. Ред-

кий случай.

Он был вполне счастлив, бож Валера, счастлив до того момента, пока у подъезда его дома вдруг не появилась ско-собоченная тень и не метнулась к нему навстречу. Валера замер. Давешнюю подругу Маньку он не видел уже с месяца или около того – с тех самых пор как произошел тот досад-ный инцидент с собакой. Содрогулся, вспомнив, как лупил ее ногами. У нее и сейчас были синяки под обоими глазами – совсем свежие.

И еще возникло нехорошее предчувствие – маленький се-рый авангард большой армии горя.

– Аа... В-валерка, мля!! – заплетающимся языком возве-стила Манька на пол улицы, говорить ей, впрочем, мешали и разбитые до состояния полной недееспособности губы, – п-пришел? А мы тут к те зашли, а т-тя нет? Где гуляешь, а?

– Зашли? – сказал Валера тихо, – когда зашли?

– Да п-прямо щаз! Я, Костюничик и Волчок! Погудели!

Валере стало очень холодно – куда холоднее, чем было сейчас на улице. Много холоднее.

Мир сделался нечетким, кружащимся серым снегом.

– Что... Что вы сделали?! – прошептал он еле слышно.

Манька раскрыла по шире глаза, взгляделась в него, а по-том испуганно отшатнулась. Что-то подсказало ей, что имен-но с такими глазами человек и совершает убийство.

– Да ниче... – выговорила она, – Я ж грю, погудели хоро-шо. Слюнявчик обещание сдержал и крысу, что ты поймал,

на закусь съел. Поймай еще, а?

Небо рухнуло на землю, соприкоснулось с ней в грохочущем и плавящем снег и мерзлую почву объятии. Он не верил, не мог поверить. Мир кончился, время вытекло из исполинской стеклянной половины апокалипсических песочных часов и замерло. Замерзло.

Все кончилось.

Валерий вдруг обнаружил, что все еще стоит на ногах – каким то образом держится и не падает, хотя хомут обрушившегося несчастья уже висит на шее, черный, неподъемный, и немилосердно давит.

Но силы были – и он, оттолкнув перепугавшуюся Маньку с дороги, побежал вперед к мигающей желтыми окнами громаде дома. Ноги несли его сквозь снег сами по себе, без малейшего понукания. Несли к двери, дальше по коридору мимо опешившей консьержки, вверх по лестнице – выше, выше, мимо разноцветных прямоугольников чужих дверей, за которыми живут себе счастливые обладатели своего жилья, много-много этажей без малейшей усталости, и дальше, к одинокой двери на чердак.

Рывком дернув дверь, он ворвался к себе домой, в свой пентхаус, в место, которое он привык считать домом и надежным убежищем. Ворвался, пылая от ярости, готовый бить и убивать, и твердо зная, что если застанет этих сволочей на месте преступления то живыми они не уйдут. О! Нет прощения этим мерзавцам и нелюдям! Этим человекообраз-

ным прямоходящим тварям! Скотам в человеческом обличье!

Валера стоял на пороге, тяжело и с хрипом дышал, и бес- сильно сжимал кулаки.

Потому что все уже закончилось, и на чердаке уже нико- го не было. Лишь сиротливо ютились на столике остатки ны- нешней трапезы.

Страшной трапезы. Останки Чука плавали в густом воню- чем жиру закопченной сковороды, что стояла на печке. Их было не много, останков.

На негнущихся ногах Валерий подошел к печи и остано- вился. Он смотрел. Смотрел на тонкие желтые кости, на по- крытый ошметками темной шерсти череп, что в неизбывной муке скалил длинные резцы. Смотрел на свитый колечками почерневший хвост и скрюченную переднюю лапу с растрес- кавшимися коготками.

Смотрел на свою новую жизнь – жизнь, сгоревшую в чаде паленой шерсти и запахе дешевого масла.

Окончательно. За окном падали и умирали снежинки – одна из другой.

Этим же днем Валерий запил. Да так, что все предыдущие запои казались на фоне этого легким вечерним коктейлем. Семь дней он пил беспробудно, а на восьмой день у него слу- чилась белая горячка и он стал пускать изо рта пену и бро- саться на прохожих, после чего был отловлен милицией и по- сле соответствующих профилактических побоев отправлен

в вытрезвитель. Сознание к нему не возвращалось еще два дня, и лишь к третьему дню случилось легкое просветление.

Тогда то, в тесной камере-палате районной наркологической больницы ему неожиданно пришло в голову, что у Чука не было длинного, вьющегося кольцами, хвоста, как не было таких выдающихся желтых резцов и серой шерсти. Но было уже поздно – затуманенный интоксикацией и дешевыми лекарствами мозг Валерия уже не мог логически сопоставить факты и пришедшая мысль погасла в очередном приступе горячечного бреда.

Выйдя на свободу, он снова запил. Жизнь вошла в привычную колею.

Почтальон.

Вот почтальон – всегда звонит дважды.

Он поднялся рано утром и вышел в хмурое, туманное, подобие рассвета. Было холодно, темно, шел колючий, резкий снег, но Константин Поляков не собирался оставаться сегодня дома. Как впрочем, и вчера, и позавчера. Как и завтра.

Он любил свою работу – пусть другие называют ее глупой и не соответствующей статусу.

Даже откровенно вчерашним днем – все равно любил. А когда любишь, все равно что, прощаешь многое.

Почтальон по имени Костя, тридцати лет от роду, без особых амбиций и жизненных планов, и, кроме того, единственный сотрудник мужеского полу в районном почтамте бодро топал сквозь вяло просыпающийся день и с удовольствием вдыхал морозный воздух.

Ну и что, что почтальон? Пусть другие подтрунивают – с толстой сумкой на ремне кто стучится в дверь ко мне? Есть работы и похуже, даже много похуже. Вот, например мусорщик – он их регулярно видит по утрам – злых, непохмелившихся, с матом ворочающих смрадно воняющие ржавые бачки, а потом загружающих их на подъемник, глядя как вниз осенним дерьмопадом вялятся отходы жизнедеятельно-

сти окрестных домов. А ведь впереди целый день трястись в благоухающей таратайке, мерзнуть, вдыхать запах отбросов и перегара соседа.

Или вот, например, дворники. Они вообще то неплохие, хотя и необразованные. Просто с утра у них всегда плохое настроение – еще бы, вставать в такую рань и чистить тяжелый, нападавший за ночь снег, прекрасно сознавая, что та же перспектива будет и завтра и послезавтра, и вообще пока не закончится эта мерзкая зима.

Или даже водители грузовиков коммунальных служб – что под утро выгоняют свои, похожие на огромных оранжевых жуков грузовики и начинают полировать ими обросшие снегом улицы.

Час за часом медленно ползут вдоль бордюра под заунывный, давящий на уши шум двигателя, и так хочется спать, и руки мерзнут на сколькой баранке.

Нет, хорошо быть почтальоном. Особенно здесь, у них. Район маленький, легко обходится за пару часов пешком. Места знакомые с детства. С детства знакомый народ, что под конец твоего обхода начинает спешить на работу. Опять же людям полезен. Вот здесь, в этой толстой, криво сшитой из кожзаменителя, сумке на ремне, газеты, журналы и письма – главное письма, которые отправили совсем незнакомые люди другим незнакомым людям, отослав вместе со строками часть себя – хорошую или плохую, поделившись надеждой, счастьем, тяжелыми предчувствием.

А ты работаешь перевозчиком – переносишь чужие эмоции тщательно скрытые от посторонних глаз белыми бумажными конвертами, и может быть поэтому, чувствуешь себя нужным. Это очень важно – чувство долга, чувство полезности. Тебе доверяют, а значит, изволь выполнять свою миссию качественно. И пусть в твоей сумке не секретный план военного наступления, а всего лишь вечный пересуды старушек, треп домохозяек, да воркование влюбленных парочек разлученных случаем, все равно – они на тебя надеяться, и вполне возможно, расстроятся, не получив желанного послания. У них будет испорчен день или даже сломана жизнь – на почте ведь не читают того, что пишется в письмах. Не позволяет им давно сформулировавшееся подобие кодекса чести.

И Константин Поляков не хотел никого расстраивать, а уж ломать жизнь и подавно – он был добрым и мягким по натуре, так что имелось у него одно правило: письма доставлять всегда. Даже если это требует лишних затрат времени и сил. В конце концов эти самые затраты не идут не в какое сравнение с чувством морального удовлетворения и гордости за себя после каждого такого внепланового акта доставки.

Воистину, немного народу может позволить себе такую гармонию. Полякову было чем гордиться. В итоге он был одним из немногих оставшихся настоящих энтузиастов своего дела. А таким людям смешки посторонних и даже язвительные замечания коллег по работе совершенно без разницы.

Вот и этим сумрачным утром самого конца декабря, По-

ляков вышел на обход в приподнятом настроении. Пускай сверху идет мокрый снег, а тучи так низко приникли к земле, что, того и гляди, породнятся с туманом, пускай серая холодная завесь скрывает яркую предновогоднюю мишуру. Пускай, ноги скользят и путаются в грязной, полужидкой каше.

Наплевать, когда в сумке лежат свежие письма, а где-то дальше – в городе, люди ждут их, с нетерпением или хотя бы с легкой заинтересованностью, что уже хорошо.

Константин топал вдоль улицы, сумка хлопала его по боку, он кивал дворникам и те хмуро зыркали на него в ответ, улыбался мусорщикам и они лишь глянув на него, обрушивали очередной мусорный водопад в недра своих машин, он даже приветливо кивал оборванным, вышедшим на дневное собирательство опустившимся бомжам и шутливо отдавал честь занявшим рыбные места милиционерам. Те ухмылялись скабречно и тыкали в него пальцами – вот, мол, придурок пошел! Но Поляков на них не обижался – они явно не любили свою работу.

Утренние сонные фонари проплывали у него над головой оранжевые и синие, добрые и злые, теплые и холодные. Тени от него множились, дробились и играли в какую то свою игру, а со всех сторон, словно дыхание могучего многоглавого зверя доносился шум просыпающегося города, нехотя готовившегося встретить новый день.

Вот и первый дом – подъезд, почтовые ящики как соты

приклеенные к стене. Ворох рекламных проспектов наверху и пара истоптанных листков под ногами.

– Вот и я, – сказал Константин, опуская первую порцию печатного слова в тонкую прорезь.

Сюда пара газет, сюда письмо, а сюда яркую цветастую открытку пестреющую еловыми лапами – их будет все больше, этих поздравлений с новым годом, официальных и не очень.

Толстый глянцевого журнала в пластиковой упаковке – яркий, модный и бессмысленный.

Пара писем – их становится все меньше, надо признать – народ все охотнее осваивает электронную почту, гонится за высокими технологиями. Придет день, и они совсем исчезнут, конверты из плотной бумаги с синими завитками букв внутри. Полякова это слегка печалило, он видел, что день этот уже не за горами. А жаль – есть что-то романтическое в написанных живой рукой строчках.

Он обошел еще один подъезд, и еще, и в каждом оставлял что-то от себя, словно странный сеятель, что вместо зерен рассыпает хрустящие белые листы бумаги.

Константин довольно давно работал почтальоном – он знал свой участок, и почти знал людей, что живут на нем. Он давно выучил их пристрастия. Каждый из этих, живущих за закрытыми дверями людей заказывал себе что-то свое, отражающее его вкусы и пристрастия.

Вот, например, есть здесь автомобилист – большой любитель четырехколесных повозок, и к нему приходит сразу три

или четыре журнала, с ярких обложек которых глядят футуристические мордашки современных автомобилей. Зачастую одних и тех же.

Или вот любитель ТВ – наверняка это его спутниковая антенна торчит из абсолютно плоской стены одного из домов – у него там десяток каналов, и к каждому требуется программа, что он и выписывает. Опять же стопка журналов.

Путешественник – наверное, богат, раз может позволить посетить напечатанные на гладких страницах экзотические пейзажи. А может, напротив, беден и потому посещает их только в мечтах, тоскливо вздыхая над раскрытым журналом.

Компьютерщик – вот этому точно никогда уже не придет бумажного конверта, давно уже перешел на электронную связь. Зато к нему придет журнал о софте и железе и игровое издание с блистающим спрятанной радугой компакт диском. Аккуратно опускаем его в ящик, радуются, виртуальный ты человек!

Вот тут самое интересное – два тонких научных издания. Совсем блеклые, без картинок и кричащих цветов, да и печатаны у нас. Если их открыть то найдешь множество ровных черных строчек научного текста, да похожие на диковинных насекомых хитросплетения формул. Кому это? Поляков представлял, что это профессор – маленький старичок в толстых очках. Лауреат каких ни будь незнакомых премий, владелец патентов на ничего не говорящие обычному обыва-

телю изобретения. С тихим шелестом отправляются в ящик эти порождения науки.

А вот тут у нас совсем другой пример – журнал легкой эротики, журнал о бодибилдинге и глупейшее молодежное издание. Кому это? Да мы, в общем то, знаем – наверняка восемнадцатилетнее дитяtko страдающее одновременно инфантилизмом, скрытыми комплексами и надежно остановившееся в своем развитии еще несколько лет назад.

Поляков отправил в ящик и этот набор, потом улыбнулся собственным мыслям – вполне возможно, что все совсем наоборот. И этот неполовозрелый печатный набор выписывает как раз старичок, каждый месяц с вожделием и потными подрагивающими руками вынимает его из ящика.

Все может быть. Все бывает.

Вот так шел он, Константин Поляков, рассыпая щедрой рукой журналы и газеты, письма и открытки и пакеты плотной бумаги, в которой находилось неизвестно что, и чувствовали себя вполне счастливым.

Чувствовал себя на своем месте. Город потихоньку оживал, смена двигалась к завершению, и вот уже появились первые люди на улицах – сонные и встрепанные, словно пробужденные посреди сияющего полудня ночные совы. Гудят машины с обледенелыми стеклами, в воздух взмывают первые сизые струйки выхлопного газа, сегодня тесно братающегося с искристым водяным паром. Зима на улице. Предновогодье.

Осталось лишь два дома – панельные близнецы, стоящие

друг напротив друга, словно помятые серые отражения одного единственного здания и зажимающие между собой прямоугольный участок заснеженного двора. На плоских крышах снег, а чуть вышел жмурятся гаснущие звезды.

Сюда тоже зайти и все – на почту. Разбирать, сортировать, ставить сизые штампы. Что делать, сотрудников не хватает.

А в этом здании тоже есть свои любители. Сюда идет журнал о собаководстве с мохнатыми зверюгами на обложке, и газета посвященная веб дизайну с еще более кошмарными иероглифами, чем в научных журналах, и поэтический тонкий сборник, который влачит жалкое существование уже не первый год. Приходит сюда и детский журнал – тут краски становятся по истине абсолютно кислотными, так, что глаза начинает резать.

Обычный, в общем то, набор. Константин добрался да заснеженных ступенек в подъезд и в некотором замешательстве остановился.

Вот те на!

Письмо лежало на ступенях. На самом видном месте. И с недавних пор лежало – даже снег, как следует, не успел припорошить.

Потерял кто, когда выходил из подъезда? Ну кто же так с письмами!

Поляков вздохнул недовольный людской рассеянностью. Сами же потом жалеть будут, растеряши. Ну а его дело пись-

мо поднять. Кому как не ему – почтальону. Это его прямая обязанность.

Он стоял у ступенек, держал конверт в руке и силился разглядеть адресата. Ого! А его ведь нет. Вернее есть, да он не живой.

«В дом номер такой то, улица такая та», и город тоже указан. Что же это, выходит, письмо всему дому отослали? Чудеса под новый год! И потеряли послание уже перед самым входом. Рука непроизвольно тянулась почесать в затылке, но мешала толстая вязаная шапка.

Чуть помедлив, Константин принял решение – он доставит письмо сам. Исправит ошибку неведомого и нерадивого почтальона. Письма терять, это последнее дело. Особенно такие.

Все еще держа конверт в руке, зашел в подъезд, рассеянно кивнул консьержке и получил в ответ холодный неприязненный взгляд – почтальонов она не любила. Перед набором почтовых ящичков – одинаковых с лица и крашенных унылой зеленой краской остановился в некотором недоумении.

Легко сказать доставить письмо. А кому прикажете его доставлять, если адресовано всему дому?

– Задача... – сказал Константин.

Он снова посмотрел на конверт. Станный какой-то, бумага плотная, белая, шелковистая на ощупь. Уж не веленевая ли? И почерк фиолетовыми чернилами. Коллективное послание засекреченной организации анонимов соборному

разуму панельной многоэтажки.

Ну не бросать же его здесь!

– "И что ты будешь делать, Костя-почтальон?" – спросил Поляков сам себя, – «Это ведь можно сказать тест твой на профпригодность! Да что там, на мораль тест, на порядочность!»

Может очень важное это письмо, и зависит от него многое. Может быть, люди, что отправляли, его истово молились, лишь бы дошло. А что? Все может быть!

Женщины всегда говорили Константину, что он похож на большого ребенка. Сам он считал, что просто остался в душе молодым. Если вспомнить его детство – проведенное среди запаха сургуча, чернил, хруста желтоватой плотной бумаги и канцелярских скрепок в крохотной конторке его отца, также почтового работника, в этом не было ничего удивительного.

С таким детством точно потом будешь играть всю жизнь. Носить тяжелую сумку на ремне и воображать себя рыцарем без страха и упрека.

Письмо само не дойдет. Ноги письма – это почтальон.

Не доставить его – опозориться перед самим собой. И потому, более не медля ни минуты, Константин Поляков углубился в хитросплетения коридоров, а далее в угластую спираль лестничных пролетов.

Адресат живет здесь – в этом он был уверен, а, следовательно, адресата можно найти.

Первый же звонок в дверь извлек на свет божий небритую

глыбастую личность с похмельной тоской во взгляде. На вопрос «Не ваше ли это письмо» личность чуть помолчала, соображая, а потом изрекла сакральное:

– Мужик, ты дурак?

– Я... – сказал Константин, но был оборван.

– Какое на хрен письмо? – осведомился жилец и стало ясно, что этот тип писем не получал уже много-много лет. Конечно, кто такому напишет, отморозку.

Поспешно откланявшись, Константин поспешил выше, вдавливая кнопки звонков – разнообразных по форме, круглых, квадратных, треугольных и модерново биодизайновых.

Иногда на звонки откликались, и иногда в распахнутой двери появлялся заспанный обыватель. А чаще никто не появлялся, а просто подозрительный голос с затаенной опаской вопрошал: «Кто там?» или «вам кого?» или даже «что вам надо?» причем таким тоном, словно в задверенье были твердо уверены, что он пришел сюда ограбить квартиру, а их самих поубивать страшным и мучительным способом. Эти последние ему так и не открывали, ничуть не поверив в то, что он почтальон.

Почтальоны не ходят по квартирам – это да.

Как бы то ни было, ответ всегда был один: нет, не знаем, не видели, молодой человек вы, по моему, дурию занимаетесь. Странный конверт мялся в руках, его брали, смотрели чуть удивленно, а потом поспешно возвращали почтальону. Как правило с уверениями в безнадежности его задачи.

– Ну тебе что, больше всех надо? – толстая неестественно крашенная под блондинку тетка с десятого этажа возвратила Константину успевший поднадоесть конверт, – Не твое ж письмо. Да и адрес какой-то дурацкий. Кинь ты его, пусть лежит!

– Да не могу я его кинуть, – вздохнул Поляков, – люди ж писали, старались, надеялись что б дошло. Вам бы понравилось, если бы ваше письмо вот так вот в снег забросили?

Тетка помолчала, взглядываясь в него – по виду типичная продавщица с вещевого рынка.

Типичнейшая. Может быть, вспоминала, кому когда в последний раз писала такое письмо.

Такое, чтобы страстно желалось ему дойти.

– У вас на почте все такие? – спросила, наконец, она.

– Нет, – ответил Константин сухо, пряча письмо в сумку, – Ну если вы не знаете, то я пойду. Мне еще четыре этажа обходить.

– Постой, – после паузы сказала наверное-продавщица-с-вещевого-рынка, – дай-ка мне еще раз глянуть.

– Что, вспомнили, что прийти должно? – Поляков извлек конверт и передал собеседнице.

– Не... не должно. С таким адресом оно вообще никуда не придет, – она взгляделась в письмо, в писанный фиолетовыми забавными чернилами адрес, – То-то я смотрю почерк знакомый.

– Узнали?

– Это ж Красноцветова почерк! Точно его! Этого, у которого собака есть еще.

– Ну вот, выходит есть смысл в моей затее, – сказал Поляков, – а где он живет ваш Красноцветов.

– А вот, – хочу-быть-блондинкой кивнула на дверь напротив, – здесь он и живет. Только ведь не он вам тогда нужен. Не станет же он сам себе письмо адресовывать.

Константин кивнул и, перейдя лестничную площадку, вдавил кнопку звонка неведомого Красноцветова, который находит удовольствие в написании писем самому себе.

Где-то в глубине курлыкнул звонок – раз другой, потом еще раз. После настала тишь.

Поляков обернулся – тетка-продавщица все еще стояла в железных дверях своей квартиры и с интересом следила за его действиями.

Константин позвонил снова и опять тщетно – ни Красноцветов, ни его большая собака не отозвались.

– Нету его, – откомментировала словоохотливая соседка, – наверное, собаку пошел гулять. Ты подожди немного, он ее нагуляет и вернется. Хочешь, зайди ко мне?

– Да нет, спасибо, – быстро сказал Поляков, – у меня время... смена скоро к концу подойдет. Он, небось, во дворе гуляет? Пойду, попробую его там поймать.

– Ну, пробуй, – усмехнулась «продавщица», – у него большая такая овчарка. Альмой кличут.

С грохотом захлопнулась за ней дверь. Поляков впри-

прыжку побежал вниз, перескакивая по две ступеньки зараз. Сумка постукивала его по боку – не сильно, она много убавила в весе под конец обхода.

Впору было себя поздравить – странное письмо все же нашло адресата. Стоило приложить чуточку усилий ради этого. Взамен получаешь целое море морального удовлетворения.

Лишь бы Красноцветов – письмописец анонимный оказался сейчас во дворе. Поляков припомнил, что вроде бы смутно видел некую собаку во дворе. Может быть даже овчарку.

Выходя на улицу, Константин против воли широко улыбался – к нему всегда приходила эта идиотская улыбка после удачно выполненной смены. Ухмыл абсолютно счастливого, а потому стоящего на грани идиотизма человека.

Хлопнула дверь и почтальон замер на крыльце, полной грудью вдыхая морозный воздух.

Прибавилось света на мутных небесах, прибавилось озабоченного народа на улицах, машины резали снег шинами и грозили превратить его к полудню в грязно-бурое месиво. Последние звезды неохотно покидали играющий сине-фиолетовым небосклон. Где-то за монолитными стенами домов занималась заря. Припозднившийся автомобиль мусорщиков, обросший коричневыми дурнопахнущими сосульками, замер подле мусорных баков.

Поляков шумно и с чувством выдохнул воздух, орлиным взором оглядел двор в поисках собачника (ни какого намека

на того), и сделал шаг вперед.

Правый его каблук поскользнулся на ледяном пяточке размером с мелкую монетку, центр тяжести моментально сместился, левая нога начала перемещение в поисках утраченного равновесия, но ей на пути встала маленькая снежная горка, что терпеливо копилась здесь последние полмесяца. Вся это мудреная игра гравитации и вестибулярной системы Константина Полякова случилась в течение одной единственной секунды, по истечении которой он стал необратимо заваливаться назад, дергано размахивая руками в поисках опоры. Ноги выскользнули из-под него и взвились куда-то вверх, голова закинулась и изумленные глаза успели лишь обозреть низкий потресканный козырек над подъездом.

Руки патетически взмахнули, а сумка... сумка, груженная остатками почты, последовала вслед за ними, шумно и во всем выбросив свое содержимое в холодный зимний воздух.

Потом притяжение приняло Константина в свои жестковатые объятия, так что на миг или два он потерял всякое ощущение, кроме звона в ушах и играющей колкими звездами темноты в глазах.

А когда открыл глаза и сумел приподняться, то увидел, как содержимое его сумки уносит игривый новогодний ветерок. Всего ничего содержимого – журнал, две мигом вымокшие газеты и одно письмо.

То самое письмо! И так как оно было много легче, чем остальная почта, то и летело все быстрее – прочь от предна-

значенного ему дома, подъезда, и нерадивого почтальона.

Оскальзываясь, Поляков поднялся на ноги и, проклиная все на свете, побежал вслед за злосчастным куском бумаги. Но куда там – ветер был явно быстрее.

Белой бумажной птицей письмо сначала воспарило вверх на уровень второго-третьего этажа, а потом, мягко спланировав к земле, величаво опустилось на играющую гниlostным многоцветием мусорную кучу. Прямо в мусорный бак.

Константин болезненно скривился – ну почему, почему так не везет? Почему все срывается в последний момент.

Мусорный бак тоже поднимался в воздух – туда, где только что парил белый конверт.

Только не сам – ему помогла подъемник мусоровозки, той самой, что припозднилась.

Письмо лежало на краю бака и его было четко видно, вот только недолго ему оставалось быть на дневном свету.

– Нет! – закричал Поляков, – нет! Стойте! Стойте! Там письмо!!

Подъемник достиг верха и, оглашая окрестности надрывным воем и скрежетом, вывали содержимое контейнера в благоухающее нутро грузовика. На миг мелькнул белый цвет и тут же скрылся под слоем отбросов. Хлопнула дверь машины.

Грузовик тронулся. Поляков все еще бежал за ним и что-то вопил, хотя больше всего ему сейчас хотелось сесть на землю и расплакаться от бессилия. Прохожие с неприязнью

и даже с откровенным страхом косились на него – вон, мол, псих побежал. Допился совсем.

Шапку потерял, куртка в грязище какой-то...

В конце концов, он устал и остановился прямо посреди улицы. Это был конец истории с письмом. Никто его уже не получит, никто не узнает, что там было написано. А он, Константин Поляков такими темпами точно разучится уважать себя. Грузовик с выписанным белой краской номером на борту заворачивал на соседний проулок.

Грузовик. Номер... Стоп. Тяжело дыша, Константин всматривался как белые буквы исчезают за углом. Запомнил их, так ведь? Их легко запомнить.

– Я же почтальон, – сказал Поляков.

– Че, правда? – спросил проходящий мимо парень в черной кожанке. Спросил и пошел себе дальше.

– Я почтальон! – продолжил Константин, – Мне же вся информация доступна. Где ж ей еще быть как не на почте!

– "Дубина!" – это уже про себя.

Надежда имеет гнусное свойство помирать последней. Поляков уже ловил машину. Ему не останавливались – видимо из-за внешнего вида и диковато блестящих глаз. Усилии воли он привел себя в порядок, даже вернулся и подобрал выпотрошенную сумку, лежащую на заснеженном тротуаре, как недавно сбитое автомобилем маленькое животное. Отряхнул грязь с куртки, запихал отсыревшие журналы в сумку – кто-то получит некондицию, ну да ничего, это вам

не письма, еще придут.

С тонкой сумкой на боку он стал выглядеть приличнее – потрепанный жигуль со своим водилой милостиво согласился взять его на борт.

– Что парень так смотришь? – спросил пожилой, со следами былой интеллигентности, водила.

– Письмо, ушло.

– От невесты?

– От собачника... всему дому... в помойку.

И Поляков получил в свой адрес очередной подозрительный взгляд. Удивительно, как быстро начинается людской остракизм, стоит лишь ненамного ступить в сторону.

– Я почтальон. – Сказал Константин, – я должен доставить письмо.

– Да-да, должен, – быстро сказал водитель и замолчал. Впрочем, ненадолго – почтовое отделение было уже совсем рядом.

Из машины Константин вылетел пулей – он не знал, сколько времени осталось существовать безвременно пропавшему листку бумаги.

В помещении почты было пустынно – как обычно. День будний, народ большей частью на обходах. Благодать.

Не снимая заснеженной куртки, Константин подсел к одному из компьютеров и, вознося горячечные славословия современной технике забрался в базу коммунальных услуг города.

Комп зашкворчал жестким диском – медленно и заторможено, аппаратура у них в отделе была не очень. Но и этого должно хватить.

Информация неохотно выползла на экран – о, это просто чудо! О том, сколько бы пришлось рыться в бумагах, не будь этих компьютеров, Полякову и думать не хотелось.

Так. База. Дальше листать, дальше. Вот оно – у нас тут три свалки и два мусоросжигателя. Ну надо же! Теперь карту района, и ближайший пункт переработки мусора. Все просто и логично – все централизованно, и именно туда свозят свой дурнопахнущий груз машины обслуживающие район.

Нашел. И подробный адрес тут же. Поляков чувствовал, что снова улыбается. Довольно глупо, и может быть, даже безумно. Но ему было плевать.

Письмо дойдет. Дойдет!

Отловил очередного частника на выходе из почты. На это раз подержанную выше всяких пределов иномарку. Назвал адрес и поехал. Смена была в этот раз какая-то ненормальная.

Авантюрная была смена.

Константин не мог понять, почему его так волнует это письмо. Это походило... скорее на одержимость. Было в нем что-то нездоровое. Он хотел доставить письмо. Доставить... любой ценой!

И надежда расцвела, распускаясь буйным цветом, пока он ехал по проснувшимся улицам, слушал гудки машин и

неумолчный, затмевающий все и вся шорох людских шагов.

Мусоросжигатель оказался именно таким, каким и представлялся Константину Полякову – большим, скособочившимся и уродливым. Высокая закопченная труба делала его неприятно похожим на крематорий.

В узких раскрытых воротах никого не было. Одинокий и ржавый мусоровоз притулился справа. Видно было, что он давно не ездил.

Сбоку обнаружилась бытовка, у которой обретался сморщенный, запойного вида старичок в заляпанной до полной заскорузлости телогрейки. В руках у него дымилась мятая «Беломорина». Руки старика подрагивали и красный огонек чертил в холодном воздухе замысловатые кривые, как подожженный бензиновой смесью шмель.

– Ты куда, а? – спросил старикан.

Константин резко повернулся к нему и гордый обладатель телогрейки вздрогнул, увидев его взгляд.

– Где у вас сжигают мусор? – четко спросил Поляков.

– Т... тама... – сказал старичок неожиданно дрогнувшим голосом, – а...

– Мне нужна машина с номером триста девять! Там есть машина с номером триста девять!?!

– В-вроде была... – молвил телогрейка и, вдруг уронив «Беломорину», заспешил себе в бытовку.

Константин пошел прочь от него, вглубь предприятия. Он заметил, что из трубы уже всюду валит дым. Такой, какой и

положено крематорию – тяжелый и маслянистый.

Машину номер триста девять он отыскал у одной из печей – глупо было бы не отыскать, она одна единственная находилась сейчас на территории, самая последняя. Кузов вплотную к печи, уже готов вывалить свое содержимое в широкий желоб, что заканчивался в ревущем оранжевом пламени. Подле неторопливо работали два мусорщика.

Увидев подбежавшего Константина, они приостановили свою деятельность – один из них застыл, положив руку на рычаг опрокидывания кузова. Пламя ревело и бесновалось в печи – совсем рядом. Мусорщики стояли и смотрели на Полякова. Удивленно и с некоторой тревогой.

– Тебе чего, парень? – после паузы спросил один из них – низенький, массивный, с темным нездоровым лицом.

– Вы не должны сжигать сейчас мусор. – Сказал почтальон.

– Что? – не понял мусорщик.

– Вы! Не должны! Сейчас! Сжигать мусор! – Повторил Константин, чувствуя, как что-то сжимается в груди. Он кивнул на второго мусорщика, – отойди от рычага.

– Эй, да ты чего! – не понял тот.

– Отошли от машины!!! – заорал Поляков – мусорщики отшатнулись от него – а затем рванулся вперед, к мусоровозке.

Наплевать на этих двух идиотов! Да он сам разгребет эту мусорную кучу!

Плотный мусорщик его не пустил – вцепился мертвой хваткой, силясь оттащить от товарища, и заорал оцепеневшему напарнику:

– Васька! Беги к Толянычу, пусть охранку зовет!!! Ну, быстрее!

– П-Пусти!! – злобно хрипел Константин.

И напарник побежал. Резво так. Вот только перед этим все-таки дернул рычаг. С натужным гудением кузов начал подниматься, а первые потоки мусора устремились в пылающую печь. Увидев это, Поляков похолодел.

– Нет... – шипел он, напирая на мусорщика, стремясь завалить его, затоптать, пройти по нему и добраться до машины, прежде чем письмо окажется в огне. Но мусорщик попался сильный – держал, как и прежде, хотя глаза у него же вылезали на лоб – никогда раньше он не встречал человека, который бы вырывался с такой силой.

Мусор устремился вниз, пламя вспыхнуло ярче, взревело как дорвавшийся до добычи дикий зверь. У дальних ворот кто-то испуганно кричал.

– Что ж... ты делаешь... сволочь... – хрипел Поляков, но уже понимал – все напрасно.

Письмо должно быть сверху, оно ведь было в последней порции отбросов. Наверняка оно уже бесследно исчезло в пламени. И надежду тоже можно сжечь.

И тут... Константин даже подумал, что это у него мелькает в глазах... Белое, белый ослепительно белый листок взмыл

вдруг от машины, прямо из мусорной кучи, подхваченный тепловым потоком из печи. Белый-белый конверт. Кружась, как исполинская снежинка, он мягко приземлился под ноги борющимся Полякову и мусорщику.

Игра случая, чудо, не вовремя возникшее крошечное возмущение воздуха – и вот легкий конверт, подхваченный ветром взмывает из тяжелой, разлагающейся массы.

Поляков обмяк. Не ожидавший этого мусорщик мощным толчком опрокинул его на снег.

Прямо к письму. Оно было рядом, письмо, только протяни руку.

И Константин схватил его. Письмо. Его письмо, которое надо доставить. Словно от этого зависит твоя жизнь.

Мусорщик оторопело пялился, как этот ненормальный, только что рвавшийся к машине, схватил с земли какой-то грязный бумажный листок и побежал прочь. Побежал, честное слово – УЛЫБАЯСЬ! И бравый работник коммунальных служб не стал его преследовать – парень был явным психом. А с такими связываться – себе дороже.

Константин Поляков бежал по утреннему городу, натыкался на людей, шарахался от них и снова бежал. Все было хорошо, он победил.

Вроде бы от мусоросжигателя за ним кто-то бежал. Вопили угрожающе в спину – он не обращал внимания, может быть, это была пресловутая охрана. Наплевать. Вопящий отстал через полкилометра.

Еще через километр Поляков остановился, чтобы отдышаться – люди обходили его со всех сторон, а он стоял, и пальцами нервно гладил шероховатый конверт...

Шероховатый?! Но, постойте, он же был гладким!!!

Дрожащими руками почтальон поднес конверт ближе к глазам, чтобы блекнувший свет фонаря освещал написанное на неровной бумаге:

Кому: А. В. Щелкову.

Город. Московской области. Дом такой, квартира такая то.

Почтовый индекс указан.

От. Сихрулева О.Д.

Город Алма-ата. Казахстан. Почтовый индекс...

Указан...

Почтальон Константин Поляков без толстой, равно как и тонкой сумки на ремне (потерял где-то, пока бежал) громко и жизнерадостно засмеялся. Заливисто и громогласно, и люди сразу же подались в стороны от него, обходя на безопасном расстоянии. А он все смеялся и смеялся, а пот ом стал с остервенением рвать конверт. Не тот конверт с не тем письмом. Рвал его на мелкие кусочки и разбрасывал их в воздух в пародии на снег. Это было даже красиво.

Постояв еще минут десять, он неторопливо пошел домой. И только через половину квартала он задал себе вопрос: «Что это было?»

Еще через километр все происшедшее в это утро уже ка-

залось то ли дурным сном, то ли прошедшим безумием.

Он все шел и шел, и спрашивал себя, на кой черт ему понадобилось доставлять это письмо. Зачем ему оно вообще сдалось? И не находил ответа.

Уже у самого дома он уже был полностью уверен, что не было никакого послания обращенного всему дому, а бегал он с этим идиотским посланием из Казахстана. Просто маленькое помутнение... совсем маленькое.

И пребывал он в этой святой уверенности еще две недели. Встретил новый год и почти что забыл об этом злосчастном утре. Вот только как-то раз у давешнего дома его окликнули. Поляков обернулся и увидел ту самую тетку, что выглядела типичной продавщицей с лотка. Он смотрел на нее и глупо мигал.

– Ну что? – спросила она, – Нашли Красноцветова то своего?

Константин открыл рот, чтобы что-то сказать, да так и остался. Воспоминания и нереализованные желания пронеслись у него в голове.

Но было уже поздно – после того случая Константин Поляков, почтальон, понял, что больше не любит свою работу.

Школьник.

Вот школьник – один в диких джунглях.

– Ну что, хрен моржовый, попался? – спросил Сеня Гребешков.

Он возвышался совсем рядом – огромный как башня, тяжелый как штурмовой танк. И страшно было даже подумать о том, что можно нанести ему хоть какой ни будь вред, не говоря уже о том, чтобы сбить с ног.

Прижатый к мутно коричневой стене школьного коридора, Максим затравленно огляделся.

Видеть было особенно нечего – три метра вытертого линолеума, деревянная потрескавшаяся рама окна, да облупившийся потолок. Остальное заслоняли собой Гребешков и его друзья – такие же большие и несокрушимые, как и он сам.

Положение было тяжелое, неудачное – может быть одно из самых неудачных за всю неделю.

Четверо здоровых хулиганов, и совсем никого из учителей на этаже.

Да, следовало признать, что Гребешков и компания подобрали удачное вовремя для тотального притеснения.

Теперь только держись, Максим Крохин, держись, как держался всегда. Как будешь держаться дальше, если пере-

живешь вот этот момент.

Максим подался ближе к стене, бросил взгляд направо, мимо массивной туши Сениного напарника – ну должен же быть хоть кто ни будь!

И встретился с испуганными глазами Петьки Смирнова – единственного друга в этом угрюмом и полном опасностей заведении. Петька тоже был не в лучшем положении – два других отморозка загнали его в угол подле эмалированной двери в женский туалет, отрезав все пути к отступлению. Петька пытался отбиваться, но тут же был намертво скован длинными ручищами этих мастодонтов. Лицо его покраснело от натуги, волосы стояли дыбом от страха – знал, что ничего хорошего его не ждет.

Как и Максима, кстати.

– Че ты молчишь то? – спросил Сеня с кривой ухмылочкой, которую он сам, наверное, считал тонкой и саркастической. Максиму же она всегда напоминала оскал Бульдозера – огромного пса, что жил в соседнем доме, – ну?

Крохин не ответил и тут же ласково получил по ребрам – в наказание. Пришлось говорить:

– Отпустите нас, а? – сказал Максим, – ну что мы вам сделали?!

Его мучители заржали, а Сеня еще раз двинул Крохина по бицепсу – не сильно, но болезненно, так чтобы остался синяк. Для своих четырнадцати лет Гребешков находился в отличной физической форме. А вот с мозгами у него явно

было хуже.

Максим почувствовал, как на глаза сами собой стали наворачиваться слезы. Он знал, что плакать при этих уродах нельзя, но ничего, совсем ничего, не мог поделать. Соленые капли обильно покатались, Максим Крохин беззвучно оплакивал себя, оплакивал беспросветную жизнь и свое не менее беспросветное будущее. Потому что даже если его сейчас отпустят, такие встречи будут еще не раз и не два. И даже если, гребешков и компания уйдет из школы, на их место обязательно встанут новые.

Само собой, от слез все стало только хуже.

– Да он ревет, Сень! – восторженно заорал второй его учитель, – не, в натуре глянь, ревет!

– Ага, ревет, – добродушно согласился Сеня, – Чмо он, вот и ревет.

Содрогаясь от рыданий, Максим поднял красное от стыда и слез лицо вверх, туда, откуда с недостижимой высоты пялились ненавистные тупые рожи, и в отчаянии закричал:

– Что вам надо!!?

Кулак врезался ему в живот. Это было уже серьезно, это было началом настоящих неприятностей. Крохин согнулся, и, болезненно вздрагивая, смотрел, как его собственные слезы падают и расплываются по линолеуму, образуя крохотные, идеальной формы лужицы.

А когда разогнулся, то увидел, что улыбка Сени исчезла.

– Что мне надо? – тихо и спокойно спросил Сеня и слегка

наклонился, приблизив в лицу Максима уродливое свое подобие человеческих черт, – Мне надо, чмошник, – отдельно сказал он, – Тебе в ... дать! Понял че мне надо?

Крохин понял, что это конец. Все произойдет сегодня. И пусть он последние два года умудряется избегать серьезных побоев, сегодня это все-таки случиться. И придется идти домой с разбитым лицом, в разодранной окровавленной одежде, и врать родителям, что-то врать насчет хулиганов, поймавших его на улице, про то, что он совсем-совсем не знает, и не беспокойся мам, просто я не успел убежать.

И знать, что на самом деле это может повториться. Может быть даже завтра, или после завтра, или через месяц – но это будет!

Будет всегда.

Гребешков снова заулыбался гаденько, показывая большие и серые зубы, точно такого же цвета как у Бульдозера. Они с ротвейлером вообще были похожи как родные братья – несмотря на то, что один был собакой, а второй имел несчастье родиться человеком.

– Ну че с ним будет делать? – спросил Сеня у напарника.

Напарник заржал, в глаза его разгорался азарт.

– Давай мельницу, Сень? Давай, а?!

– Че, чмо, хочешь мельницу?

Максим в панике замотал головой, но приговор уже был произнесен и немедля приведен в исполнение. И все же на фоне дикого животного ужаса, вперемешку со стыдом Кро-

хин чувствовал некоторое облегчение – может быть серьезных побоев не будет. Может быть пронесет. И он смиренно поддался экзекуции, как хронический больной пришедший к врачу на неприятную болезненную, но в месте с тем дящуюся не очень долго, процедуру.

А сильные руки с короткими толстыми пальцами уже влекли его прочь от стены и затхлый коридорный воздух бил в лицо, и мелькали светлыми пятнами свободы незашторенные окна.

Крохин сжал зубы и внутренне собрался, как космонавт перед решающей перегрузкой.

Сеня крутил его на вытянутых руках, что, учитывая его массу, было совсем нетрудно.

Коричневые стены неслись мимо, снизу шуршал грязный линолеум, а Гребешков все раскручивал и раскручивал свою легкую жертву, а потом на каждом новом обороте стал добавлять по пинку, сначала он, а потом и его приятель. Били, наверное, для скорости.

Хотя куда уж быстрее.

Удары сыпались один за другим, упасть он не мог, стены в бешеном танце неслись мимо, стремительно менялись свет и тень, и было больно, а еще обидно, и еще звенело в ушах и начинало тошнить.

Кажется, его мучители что-то орали, вот только Максим уже не слышал, мир несея вокруг него в бешеной, пахнущей ужасом карусели, чужие ноги оставляли на нем отметины и

хотелось только одного – что бы это поскорее закончилось. Любой ценой. Только скорее.

Мельница. Невинная совсем забава, если рассудить. Кто-то, а уж Максим Крохин знал много таких забав. И большинство испробовал на собственном опыте.

Он закрыл глаза. Будь что будет. Крохин чувствовал, что его вот-вот вырвет, и возможно, это случится прямо на Сеню. Что ж, тем лучше. Все лучше, чем крутиться на адской мельнице.

И в этот момент Гребешков его отпустил. Жесткая хватка чужих рук на запястье исчезла, было мгновение звенящей пустоты, а потом жесткий удар о пол. Очень жесткий, так что перехватило дыхание.

На заднем плане его сознания обидно ржали грубые голоса. Кто-то кричал еще дальше, что обязательно расскажет учителям. Сеня что-то сказал в ответ, от чего его напарники дружно грохнули здоровым гоготом.

Максим открыл глаза и обнаружил себя у самой лестницы – далеко улетел. Он стал подниматься, зная, что долго лежать нельзя, как нельзя больше здесь оставаться. Сейчас могут прийти учителя, и если они увидят его здесь, и подозрение падет на Сеню и компанию... Нет, страшно подумать, что будет тогда. Лучше сразу броситься сейчас в лестничный пролет.

Петьку тоже выпустили – но он не убежал, оставался рядом, помогая Максиму подняться.

Вот кто всегда готов помочь – даже измывательства они отгребают на пару, хотя Петьку, если он не заступится, никто и не тронет. Не годится он роль жертвы – Петька Смирнов.

Крохин поднялся на ноги, и поспешно побежал вниз по ступенькам, хотя лестница странно шаталась и все грозилась броситься в лицо. На миг возникла мысль, что бы было, если бы Сеня не рассчитал и отпустил его лететь не вдоль коридора, а куда ни будь в сторону стены. Возникла и тут же исчезла – этого не произошло, а счастливо избегнувшей ловчей ямы зверушке не пристало сокрушаться о том, что кол на дне ловушки был смазан ядом.

Равно как и о том, что уже завтра она может попасть в такую же.

Лесные зверушки и Максим Крохин жили одни днем. И потому не жаловались.

На втором этаже беглецы остановились, и чтобы отдышаться, привалились к стене. В этом коридоре было полно народу, и нападок ожидать не стоило.

– Ушли – констатировал явный факт Петька, – теперь не достанут.

– Гады, – сказал Максим еле слышно, голова у него все еще кружилась.

– Как есть гады, – согласился Смирнов, – к тем, кто слабее, пристают, а сильных боятся. Трусые.

Крохин кивнул. Он знал, что не так давно Гребешков вяпался в криминальную аферу с угоном автомобилей. Види-

мо прокололся, потому что неделю ходил так, словно только что обгадился, а как-то раз Максим увидел как он через дворы от кого-то бежит. Один. Хоть какое-то было удовлетворение. Крохин только и мечтал, чтобы, когда ни будь, Сеня прокололся по крупному. Это был, пожалуй, единственный шанс Максима дотянуть до окончания школы. С остальными недругами он, как ни будь, справится.

– Ну, пошли? – спросил Петька, и они побрели еще ниже – на первый этаж, к выходу.

Смирнов болезненно кривился и потирал левый бок. Заметив взгляд Максима, пояснил:

– У одного из этих иголка была. Колол, сволочь, глубоко. Кровь идет.

– Сволочи... – Крохин сжал кулаки – увы, слишком маленькие и нежные, чтобы побить кого-то сильнее третьеклассника. Что-что, а сила явно не числилась в главных достоинствах Максима Крохина. Зато вот фантазия у него работала – дай бог каждому.

В раздевалке они оделись – нацепили теплую и тяжелую зимнюю одежду, зимнюю обувь – тоже тяжелую и заляпанную солью. Сменку отправили в мешок, а на бок подвесили сумки, доверху набитые учебной макулатурой – тетрадами, яркими цветастыми учебниками, карандашами и прочей канцелярской братией и тремя картами тщательно выписанными на куске плотного ватмана.

В клады уже не играли около месяца, после того как поте-

ряли любовно скопленные Максимом полторы сотни – просто закопали их так, что потом не смогли найти. Было жалко до слез. А теперь вот жалко было выкидывать карты – слишком много труда в них вложено.

Приятели закончили экипироваться и, отворив тяжелую школьную дверь, вышли в сверкающий зимний мир. Солнце слепило сверху, снег снизу, а между ними колыхался и свивал тугие невидные кольца мороз. Настоящий январский мороз, от него першило в горле и слезились глаза. Но все равно было здорово!

– Снег! – сказал Петька с удовлетворением, и попытался слепить снежок, но ничего не вышло – пушистая, рассыпчатая снежная масса склейке не поддавалась – рассыпалась белыми легкими перьями. Тогда Петька поднял горсть снега к лицу и дунул – получилась маленькая метель. Он с гордостью обернулся к Крохину – какого, мол!

Но Максим не смотрел. Он думал. Думал о ловушке с колом на дне, а еще о древних людях – как они ловили мамонтов, загоняя их в ямы. Много-много мелких людей против одного гиганта. Или вот, скажем, саблезубый тигр – его то никак не загонишь в яму. Зато можно заманить, и...

– Максим ты че? – спросил Петька, – выдумал что? Игру? Как «катастрофу», да?

«Катастрофой» называлась очередная игра – та, что была до кладов. Очень простая, чтобы в нее играть надо лишь толику фантазии, да умение видеть мир по другому. У Макси-

ма этого умения было с избытком.

– Они сильные, – сказал он, – Сеня и остальные.

– Ага, и еще как, – подтвердил Смирнов, – а что?

– Сильные, но глупые, – продолжил Максим задумчиво, – знаешь, чем человек отличается от зверей?

Петька задумался – ему как-то не приходила в голову эта проблема. Через некоторое время он неуверенно выдал свою версию:

– Ну... у людей шерсти нет?

– Не только, – сказал Максим, – самое главное, то, что звери хотя и сильные, но глупые. А человек маленький и хитрый. Потому-то человек всегда может победить зверя.

– И что?

– Мы не можем победить Сеню силой. Но мы умнее. Мамонт большой, но что он может в яме?

Петька остановился и глянул на Крохина в один миг восхищенно загоревшимися глазами.

– Ты придумал, как одолеть Гребешкова?!

– У меня есть план. – Сказал Максим.

Энергии обоим было не занимать, и потому разработка ловушки для грозы всей школы Арсентия Гребешкова не заняла много времени.

– Представим, что Сеня – зверь. Могучий зверь с клыками когтями и длинной шерстью, – говорил Максим, склонившись над плоскостью стола, с расстеленным поверх бумажным листом.

– Да, Сеня зверь! – восторженно подтвердил Смирнов, представить Гребешкова в образе животного не составляло никакого труда.

Приятели находились дома у Петьки – в тепле и уюте, спрятавшись от жестокого зимнего мира за двойными стеклами в рамах и крашеного дерева. К работе Крохин подготовился основательно – он всегда так делал, что придавало возбуждающий привкус реальности любой выдуманной им аванюре. Капиллярные ручки, фломастеры, несколько резиновых доисторических штампов – все живописно лежало вокруг пустого пока листа. В углу сонно помаргивал экраном компьютер Петькиного отца – тоже необходимый инструмент для задуманного.

В окна было видно снег и насупившийся дом близнец против.

– Охотник, чтобы заманить любого зверя, хищного или травоядного, все равно, приманивает его на манок, – продолжал меж тем Максим, – Но для каждого зверя манок должен быть свой. То, что он любит. Что любит Сеня?

– Ну... – сказал Петька, – наверное, мучить слабых.

– Не только, – кивнул Крохин, – мучит слабых это у него так... хобби. А по настоящему он любит одно...

– Что?

– Помнишь, как он от бандитов убегал? Помнишь? А из-за чего?

– Говорят, задолжал кому-то и... Я понял!

– Больше всего на свете Сеня любит деньги, – торжественно сказал Максим и аккуратно вывел на бумаге несколько цифр, а рядом строгим взрослым почерком написал: «все-го».

Петька смотрел восхищенно – все-таки друг у него просто гений. В одиннадцать лет такие мозги иметь – это что-то!

Максим рисовал сосредоточенно, вдумчиво шептал себе что-то под нос. Лист перед ним покрывался строгими линиями и значками, приобретая удивительно серьезный и официальный вид.

– Вот это да! – выдохнул Смирнов, – ну ты даешь, голова!

– А знаешь, какой еще недостаток есть у Сени, кроме жадности?

– Нет...

– Любопытство, – сказал Максим Крохин, – вот на этом мы его и поймаем.

И он замолчал, глядя на свое творение. С первого взгляда было видно, что это карта.

Но не такая, что они рисовали совсем недавно, нет! Те карты были стилизованы под старину, и даже выкрашены разведенной акварелью, чтобы имитировать древний папирус – они рождали ощущение погребенной во тьме веков тайны. Но эта карта была другая. Она была серьезной! Вот, что приходило в голову при первом на нее взгляде. Больше того с виду она была настоящей!!

При взгляде на этот исписанный ровными чертами и бук-

вами лист сразу представлялся скособоченный небритый контрабандист с острым взглядом грызуна, закапывающий глухой полуночью алчно поблескивающие под луной драгоценности. Которые, кстати, в карте были обозначены как «изделия из драгметалла и другие ценности». Или даже тайную организацию, закапывающую на черный день накопленное за годы существования добро, или даже... Елки-палки, если бы Петька не присутствовал при акте творения сего документа, он бы безоговорочно решил, что перед ним реальная карта! Да в нее кто хочешь поверит!

Ну Максим, ну дает!

А когда Смирнов присмотрелся ГДЕ Крохин расположил свой клад, пометив место захоронения аккуратной точкой с указанием метража, то прыснул в кулак, а потом ликующе захохотал, и хлопнул Максима по спине, не удержавшись, воскликнул:

– Максимка ты гений!

Крохин криво улыбнулся, глядя на ровные черточки и окружности своей карты. Для него это была не просто игра. Мамонт силен, но что значит его сила, если он в яме?

Минул день, и настоящее с тоскливым утренним вздохом сделало еще один шаг к весне.

Максим Крохин стоял на пороге своего родного многоэтажного дома, и ждал, когда из соседнего появится Петька. День сегодня был важный – день охоты на крупного зверя. А капкан на это мощное, но тупое создание сейчас лежал у

Максима в сумке.

Где найти Гребешкова Максим знал – за долгие годы измывательств изучил все места обитания своего врага. Знал он и каким образом подсунуть Сене карту. Когда тебя долго преследуют, ты неминуемо начинаешь знать охотника не хуже собственного лучшего друга.

Много мелких жизненных подробностей, просто скрашенных ненавистью, вместо чувства товарищества.

То, что Сеня поведется на карту, Максим тоже не сомневался. Сеня был слишком любопытен и жаден, чтобы пропустить такое заманчивое предложение. К тому же он явно был склонен к авантюрам, что доказывали несколько нехороших историй, случившихся с Гребешковым в последнее время. Он клюнет на подсунутую ему сладкую наживку.

И в этом мудрый охотник на крупного зверя Максимка Крохин был абсолютно прав, хотя и не сознавал того. Во время приготовления своей хитроумной ловушки, ему совершенно не приходило в голову, что любой взрослый с легкостью ее разгадает – из-за множества ляпов и несуразностей, сделанных по причине простого незнания, да и по общей наивной и идеалистичной картине. Но Сеня Гребешков, не смотря на все свои монументальные габариты, был всего лишь на три года старше своих жертв, а по уровню логического мышления не только не находился с ними на одном уровне, но и кое-где даже отставал.

Именно поэтому то вся эта странная затея с картой и по-

лучила возможность работать.

Главным загонщиком крупного зверя Арсентия Гребешкова оказался он сам.

Смирнов появился из соседнего дома, сияющий, как майское солнце. Он был полон сил и уверенности. Максим тоже улыбнулся и спустился вниз по ступенькам. Взгляд его рассеянно заметил белый, еще не испачканный уличной грязью конверт. Чье-то письмо коротало часы в снежном плену. В другое время Максим бы обязательно заинтересовался – еще бы, кто знает, какие страшные тайны скрывает конверт. Но сейчас он был полностью поглощен идеей загона Сени и так и оставил письмо в снегу.

Ровный поток не очень свежего воздуха дул сквозь полупустой коридор. Было что-то от метро в этом потоке. Он выходил из лестничного пролета, ведущего на третий этаж, а уходил в другой – тот, что шел вниз.

У лестницы воздух оведал собранных и сосредоточенных Максима и Петра, а чуть дальше, ведомый неясной атмосферной флюктуацией, достигал монументальной фигуры Сени Гребешкова. Максим Сению видел, Сеня Максима – нет. Крохин кивнул другу – считай, мол.

– Раз, два, три... – сказал Петька, замирая от страха и восторга.

Отпущенная Максимом на волю карта была тут же подхваченная сквозняком, и, расправив испещренные «взрослым» почерком крылья понеслась навстречу судьбе.

Расчет был точен – карта попала прямо в Гребешкова, можно сказать прямо в руки, хотя на самом деле она не слишком дружелюбно облепила лицо грозы всех начальных и средних классов. Сеня матюгнулся, но из-за карты это вышло нечетко.

– Сейчас, – сказал Максим, – внимание...

Мощным рывком головы Сеня освободил себе поле зрения, руки его нервно дрогнули, и на миг Крохину даже показалось, что его враг сейчас разорвет карту пополам. План допускал эту возможность, и тогда пришлось бы...

Руки замедлились, потом движения их утратили пугающую резкость, и сделались плавными и мягкими, словно под руки Арсентию попало что-то очень приятное. Например, любимая женщина, или стобаксовая бумажка.

Сеня смотрел на карту и улыбался. Он улыбался, хмурил брови, и напряженно шевелил губами, раз за разом прочитывая указанную в «серьезном» документе сумму. Она, видимо, не слишком укладывалась у Сени в голове. У Сени никогда не было столько денег, и вполне возможно, ему не светило столько в будущем (на идущие следом за первой цифрой нули Максим не пожадничал).

И Сеня поверил. Это было видно с первого взгляда. У Гребешкова в голове уже образовывались мыльные радужные планы один ярче другого. Сеня заглотил крючок глубоко и надежно.

Петька не удержался и восторженно ткнул Максима в бок.

Крохин поморщился, но тоже улыбнулся – расслабляться не следовало, самое главное было еще впереди.

После утренней ловли на живца день прошел как-то быстро и незаметно. Максим отрубил свое в школе, получил несколько обидных прозвищ от недоброжелателей рангом пониже, и чуть не подрался с еще одним зубоскалом, но вовремя вмешавшийся Смирнов предотвратил разгоревшийся конфликт. Обычный день, что Максима Крохина всегда удивляло, так это как в такой атмосфере можно еще и получать знания?

– Теперь самое главное, – говорил Крохин по пути домой, – если я что-то поминаю в характере Сени он пойдет копать сегодня же вечером. Когда ему что-то втемяшивается в голову, то он прет к цели как бык. Нам же важно его не пропустить. Поэтому ты занимаешь дежурство у окна. И, если его видишь, сразу звонишь мне, будем подсекать.

– Он сам себя подсечет! – сказал Смирнов радостно, – Сам!

У дома они расстались. Кинув восторженный взгляд в глубь двора, Петька Смирнов двинул на свой наблюдательный пост, а Максим отправился домой и стал ждать. Мысль его активно работала. Ему вдруг пришло в голову, что подобный трюк можно повторить еще с кем ни будь, и еще...

Перспективы были, безусловно, не столь радужные, чем у заглотившего приманку Гребешкова, но для не желавшего много Максима они были более чем заманчивы. Сам того не

зная, Крохин открыл первый закон интригоплетения: «Силу всегда можно победить хитростью». А также важное к нему дополнение: «Сколько силы – не имеет значения».

Время тянулось мучительно медленно. Максим сидел, смотрел в окно на мерзнувший город в бликах негреющих огней, сизые зимние тени падали ему на лицо, придавая ему недетское, странно жестокое выражение. Минуло восемь, девять, десять и шум на улицах стал утихать, и только далекие электрички стучала заиндевелыми колесами. Прошло еще полчаса и пошел снег.

В одиннадцать раздался звонок от Петьки.

– Он идет, – коротко сказал он.

Максим кивнул, потом понял, что собеседник его не видит и сказал:

– Да, я выхожу.

Родители его уже легли спать, так что покинуть квартиру оказалось делом не сложным.

Замирая от собственной храбрости, Максим поспешил вниз. На полпути к земной тверди ему пришло в голову, что консержка неминуемо его запомнит (а она запомнит точно, потому что люто ненавидит детей) и Крохин поспешил обратно, после чего с некоторым колебанием перебрался по крыше. Небо было совсем близко и холодные звезды роняли вниз колкие снежинки – точные свои копии.

Петька ждал его у соседнего дома – тепло экипированный и полный нетерпения. На вопрос Максима он нетерпеливо

махнул рукой вглубь двора.

Там, в конце широкой полосы образуемой домами близнецами тесной группой ютились старые бревенчатые хижинки – медленно гниющие останки сгинувшей ныне деревенской жизни.

Стояли они тут лет сто, не меньше, и даже сейчас сносить их никто не собирался – район был не из престижных. Цепко держась за стылую землю, покосившиеся эти домики гордо исполняли роль местных трущоб – со всеми полагающимися трущобам атрибутами. Народ здесь жил небогатый и во все бедный, свежестиранное белье тянулось от одного дома к другому, везде валялись пустые бутылки и вскрытые консервные банки, и во множестве водились крысы.

Еще здесь должны были бы быть во множестве бродячие ободранные кошки, да отошальные злющие дворовые псы с вечно подведенными животами. Но ни тех, ни других тут не водилось, да и водиться не могло.

Потому что здесь жили Бульдозер со своим хозяином Лапкиным.

Именно в его огороде, напротив его крашенного жизнерадостной синей краской домика с затейливой потрескавшейся резьбой, и возвышалась сейчас фигура Сени Гребешкова. Сеня копал.

Метрах в десяти от него, отойдя от своей уродливой приземистой будки, стоял Бульдозер и смотрел на Сеню. Больше он ничего делать не мог, потому что его не пускала тол-

стенная цепь, возникающая откуда-то из снега. Бульдозер напасть не мог и потому злобно молчал. Картина была от-
радная, хотя и пахла каким-то сюрреализмом. В гла-
зах Бульдозера читалось поистине дзен-буддистское спокой-
ствие. Как часовая мина с взведенным запалом он считал,
что смерть Сени это только дело времени. Гребешков же, по-
нятно, считал иначе.

– Ух ты! – восхищенно молвил Смирнов, – как смотрит!
А Лапкин где?

– Уехал из города, – сказал Максим, – я все рассчитал. Он
каждый два месяца покидает город, на день или около того...

– А Бульдозер?

– Бульдозера он всегда оставляет. Кто ж к такому зверю
подойдет?

Сеня копал в точно указанном на карте месте. Сейчас,
с минуту на минуту он должен был наткнуться на вещицу
напоминающую врытый в землю люк с куском цепи вместо
ручки. И, естественно, он должен за нее дернуть, дабы под-
нять створку отделяющую его от сокровища. На самом де-
ле он открывал себе прямую дорогу на больничную койку,
потому что квадратный кусок металла так похожий на люк
на самом деле удерживал в земле начало цепи, которая тихо
змеилась где-то под землей, а после, пройдя через чугунное
ушко в центре двора, брала круто вправо и оканчивалась на
Бульдозере. Хитрая сия система позволяла без потери каче-
ства варьировать длину Бульдозеровой цепи, позволяя тому

при максимальной длине хватать за пятки прохожих по ту сторону хлипкого забора. Но сейчас круг его возможностей ограничивался пяточком у самого крыльца, да окрестностями будки.

Бульдозер молча ждал, когда провидение даст ему возможность добраться до захватчика.

Гребешков обо всем этом не знал – он жил в другом районе, не знал, кто такой Бульдозер, и что его вечная жертва Максим Крохин живет совсем рядом. А если знал бы, то все равно не сумел бы связать воедино элементы сложного Максимова плана. Жадным он был, а вот умным не очень.

В три минуты разбросав засеребрившийся под звездами снег, он принялся методично долбить замершую землю. Земля подавалась с трудом. Иногда Сеня приостанавливался и нервно оглядывался на безмолвствующего Бульдозера. Возможно, его настораживало молчание пса. Максим решил, что настораживало не напрасно.

Затаив дыхание, отважные ловцы хищных зверей смотрели как освобождается стопор собачьей цепи. В тусклом свете он до боли напоминал люк в некое секретное убежище.

Когда стопор полностью явил свои квадратные очертания ночи, Сеня бросил лопату и на минуту замер, глядя на открытое сокровище. Дыхание с шумом вырывалось из кладоискателя и серебрилось в воздухе невесомым паром. Цепь лежала у ног Гребешкова – слишком заманчивая, чтобы за нее не дернуть. Сеня наклонился.

– Сейчас... – выдохнул, замерев от какого-то парадоксального чувства неизбежного, Максим.

Сеня дернул за цепь и стопор так похожий на люк в земле... открылся! Явив миру темный квадрат лаза неизвестно куда. Обмякшая цепь выпала из руки Гребешкова и тонко зазвенела по вывороченной земле. Максим в панике кинул взгляд на Бульдозера и застал его на том же месте, в том же положении. Стальной поводок ротвейлера не ослаб ни на йоту. Бульдозер холодно глядел, как незванный пришелец пролезает в непонятно откуда взявшийся на его огороде люк.

Которого быть, по идее, не должно. Это было странно... да нет, страшно непонятно и противоестественно. Максим глядел во все глаза и не мог понять, что же удерживает на месте Бульдозера? Не воздух же!

Максимово мышление сделало заведомо безнадежную попытку здраво и логично осмыслить происходящее. В голове его возникали и тут же пропадали возможные объяснения появления люка на месте стопора, но ни один из них не мог объяснить, почему не ослабла собачья цепь!

Сеня высунулся из люка. По отсутствующему выражению лица Гребешкова Максим понял, что тот отыскал клад. Крохину на миг стало дурно от мысли, что сейчас в руках Сени возникнет одно из описанных в карте сокровищ. Мир шатнулся, от ночи разило снежным кружащимся сюрреализмом, а Крохин мог лишь стоять да смотреть, как руки его вечного гонителя выкладывают на припорошенную мелким снежком

землю черные поблескивающие предметы.

Один, другой, третий – в рассеянном зимнем свете мелькнула спусковая скоба и играющий пугающе острыми гранями прицел. Четыре вороненых, замысловатых чуждых форм, автомата улеглись рядом подле люка. А Сеня все доставал и доставал – три осколочных гранаты, которые выглядели совсем как в тысячи раз смотренных боевиках, светло серые брикеты с маркировкой и хитрыми поблескивающими штуковинами в комплекте к ним.

– Я вон тот автомат узнал, – прошептал еле слышно Петька, – это агран-2000, десантный автомат. А вот там хеклер и кох марк пять, его в американском спецназе использует, смотри там еще фонарик в подстволье, помнишь в как той игрушке?!

Максим молчал. Ему было страшно, очень страшно и холодно. Он чувствовал себя неудачливым медиумом, что вызвал к жизни такие силы, контролировать которые не смогут и люди в десять раз более опытные несчастного вызывателя. Оранжевый джин вылезал из бутылки на его глазах, но вовсе не для того чтобы выполнить три желания.

– А это глок-17, клевый пистолет! Магазин на семнадцать патронов, возможность вести огонь очередями... – вещал вдохновенно Петька, пока Максим не двинул его жестко в бок.

– Ты что?! – спросил тихо Крохин, – ты хоть понимаешь, чем это все грозит, а? Склад оружия во дворе дома?! Да еще

такого?! Да тут все кто рядом окажутся под удар могут попасть!

Видимо сходная мысль пришла в голову и Сене, потому что он приостановил свою деятельность по извлечению клада, и после минутного раздумья стал укладывать все обратно в яму. Крупных серых брусков к тому времени накопилось уже штук пять и ничем иным кроме как пластиковой взрывчаткой это быть не могло.

Гребешков работал целеустремленно и быстро. Сложив поблескивающие орудия уничтожения в лаз, он выбрался на поверхность и приладил крышку люка на место, а потом, быстро и не оглядываясь, пошел прямо на Максима с Петькой. Оторопевшим приятелям на миг показалось, что он увидел их в густой тени отбрасываемой забором напротив, но Сеня, не дойдя метров десять, свернул чуть правее двигаясь вдоль узенькой улицы и Максим понял, что Гребешков просто выбрал себе наиболее удобный выход из местных трупщоб. Вжавшись в обледенелые доски забора, приятели проводили взглядом его широкую спину.

– Куда он? – прошептал Петька, когда Гребешков скрылся за углом крайнего дома.

– Обсудить находку с местным криминалом. У самого у него мозгов не хватит правильно распорядиться кладом. Так что он предпочтет посоветоваться. На его языке это называется: «переговорить с серьезными людьми». И он вернется! Это ясно.

– Что же теперь делать нам? – спросил Смирнов.

– Что-что, молчать в тряпочку! – хмуро ответил ответил Максим, – пошли домой, поздно уже...

Ночью Максим не мог заснуть. Странные мысли приходили к нему в голову, по свойски – пинком отгоняли утвердившийся было сон, мучили и рисовали страшные по своей простоте картины. Почему-то Крохин был уверен, что это оружие, попав в дурные руки, станет источником неисчислимых бед и несчастий для незнакомых Максиму людей, которые, останься смертельные агрегаты гнить в земле, возможно, продолжали бы жить поживать, топтать землю еще много-много лет.

Можно назвать сии возникшие чувства голосом совести или вдруг пробудившейся гражданской ответственностью не атрофируйся эти понятия в нынешнем поколении десятилетних до полной невыевляемости.

На следующий день в школе Крохин отыскал Петьку и сразу направился к нему. Смирнов заметил, что друг чем-то удручен больше обычного. Боязливо оглядевшись по сторонам, Максим полусшепотом заявил:

– Так нельзя!

– Что нельзя?! – спросил Смирнов.

– Оставлять так нельзя! В смысле оружие! Если оружие, а особенно взрывчатка попадет к тем людям, что контактирует Сеня... Это же, представляешь, что будет? Сколько людей от него погибнет? А мы будем молчать, зная что могли это

предотвратить?

– Ну а что мы можем сделать? – удивился Петька.

– Мы знаем главное – что оружие есть, и где оно лежит.

Знание – это половина победы!

Кроме нас и Сениных покровителей об этом не знает никто! В наших силах не допустить, чтобы оно не попало в руки бандитов!

– И как же? Прийти и им сказать: «не берите, мол, потому что это не хорошо и из этого можно пораниться?»

Крохин помолчал, потом снова оглянулся как шпион из дешевого фильма, потом приблизился к Петьке вплотную и произнес:

– Нет, приходить нам не надо. Надо лишь сообщить куда следует...

– Ого... – сказал Петька, обдумывая услышанное. Максим стоял рядом, смотрел выжидающе и у Петьки Смирнова вдруг возник постыдный позыв сейчас развернуться и пойти прочь от своего друга Крохина, который по собственной воле влип в какую-то жуткую авантюру, а теперь собирался влипнуть еще глубже. Но Петька с некоторым содроганием позыв подавил – как уже говорилось, он был настоящим другом.

Сжав зубы, Смирнов кинулся в омут с головой.

Звонок в местное отделение милиции произвели тем же днем – как заправские террористы пользуясь телефоном автоматом на городском вокзале, что был весьма удален от их

собственного дома. Хмурый Петька, прочитав текст написанного Максимом сообщения, вынул из кармана белую пластиковую коробочку с китайским иероглифом и решеткой как у древнего радиоприемника. Тряхнув аппаратом, он пояснил:

– Говорить будем низким «взрослым голосом»! Это вокодер, дешевый правда... но он работает.

Дрогнувшей рукой набрав номер, Смирнов, с неподвижным лицом и без выражения, прочитал текст в трубку. Голос, который выходил из вокодера, вполне мог принадлежать какому ни будь особо одаренному пожилому индивидууму из племени даунов – говорил он четко, но несколько растянуто и низко. Максим ни за что бы ни поверил, что Петька Смирнов может выдать вот такой голос – слишком он не соответствовал зеленой внешности говорящего.

Отговорив положенное, Смирнов повесил трубку и они поспешно пошли прочь с вокзала.

– Что теперь?

– Теперь ждать, – сказал Крохин, – они на обычные вызовы не выезжают, но на такой должны. Они всегда выезжают на сообщения о заложенной бомбе. А это склад с оружием и взрывчаткой – почти то же самое, даже круче.

– Максим... а нас, не поймают? – спросил Петька тихо.

Крохин только головой мотнул раздраженно:

– Не пори ерунды. Кто нас видел? Никто! Ты сейчас иди домой и за двором Лапкина наблюдай. Потом мне скажешь, как

там все прошло.

Смирнов только кивнул неуверенно. Ему вдруг пришло в голову, что на свете есть проблемы покруче нападок Сени Гребешкова.

Звонок последовал в семь вечера. Срывающийся голос Петьки в телефонной трубке сообщил:

– Он вернулся!

– Сеня? – быстро спросил Максим.

– Нет! – крикнул Смирнов, – Лапкин вернулся!

– Но он не должен был... – прошептал Крохин, – хотя...

Это даже к лучшему. Ведь это, наверное, его склад.

– Что-то будет! – возвестил Петька Смирнов, – до связи.

И он положи трубку, оставив Крохина со все усиливающимся ощущением неудачливого вызывателя духов. Очень неудачливого.

Итак, Лапкин выбрал очень неудачное время для возвращения. Оставалось надеяться, что все обойдется без большой крови.

В восемь телефон истерично взвякнул таким тоном, что Максим сразу понял – это его.

– Идет Сеня! – коротко сообщил Смирнов.

– Ох... я тоже иду!

– Mam я погулять пойду? – сказал Максим одеваясь, – еще не поздно!

– Все в клады играете? – спросила мать.

– Ага, – произнес Крохин, чувствуя себя партизаном на

задании, – и уже один нашли.

Снаружи светила луна – и совершенно непонятно было, откуда с чистого неба сыпется редкий снежок – создавалось впечатление, что это крошатся от мороза звезды.

Сеня был тут как тут. Максим и Петька на этот раз заняли наблюдательную позицию в тени облезлых берез, чуть в стороне от участка Лапкина. Здесь была отличная видимость на двор, притом, что сами они оставались в глубокой темноте.

Гребешков, не задумываясь, перемахнул через забор. В этот раз он тащил с собой объемистый китайский баул из поблескивающей синтетической ткани. Не было сомнений, что груз должен был переместиться туда.

И Сеня был один – Максим догадывался, почему – старшие товарищи Гребешкова не поверили ему. Либо поверили, но решили перестраховаться. Кладокопатель споро начал разбрасывать снег над люком, совсем не замечая, что окошко домика Лапкина светится неярким желтым светом. Гребешков вонзил принесенную с собой саперную лопатку с целью поддеть ей люк.

В следующую мерзлую минуту на сцене возникло еще трое персонажей, причем появились они на диво синхронно, хотя и совершенно независимо друг от друга. Луна подсвечивала картину холодным софитом.

Из своей конуры вышел Бульдозер и плавно натянул свою цепь до отказа. Он был готов ждать вечно.

На крыльцо своего домика вышел Лапкин в накинутаой на

плечи драной телогрейке. В отличие от своего пса он был склонен к более эмоциональной оценке происходящего и уже открыл, было, рот для гневной матерной фразы, если бы не внезапное появление третьего участника представления.

Побитого милицейского бобика, который с потушенными фарами вдруг вырулил из соседнего переулка, а на подъезде к участку врубил сирену и сигнализацию.

Надрывный вой жестко и страшно ударил по окрестностям. Петька и Максим замерли, остолбенел на крыльце Лапкин и конечно в ужасе замер дважды застигнутый Сеня Гребешков. И только Бульдозер на вой никак не среагировал. Он ждал.

Узик притормозил у ворот и неестественный механический голос из громкоговорителя с ленцой посоветовал:

– Стоять... Все встали не шевелятся.

Все и так стояли – абсолютная оторопь делала их похожими на каменные статуи. Максиму вдруг показалось, что он присутствует на какой то апокалиптической игре в «замри».

Проблесковый маячок ронял на окрестности синие блики.

Из узика появилось двое – как и положено в черных кожаных куртках и с АКСУ наперевес. Оба мента были грузноваты и низкорослы, отчего казались почти братьями. Они не торопились – вразвалочку проследовали через калитку, но остановились у самой изгороди. Один качнул автоматом в сторону замершего на крыльце хозяина дома:

– Ты Лапкин? – спросил страж порядка.

– Я, – сказал Лапкин, – а что...

– А это кто? – так же с расстановкой спросил мент и указал стволом АКСУ на Сеню.

Сеня побледнел – это казалось невозможным, если учесть что сверху светила луна, делая всех присутствующих похожих на живых мертвецов, но Сене это удалось. Похоже, он сейчас напряженно раздумывал что будет, если сейчас взять и побежать и будут ли при этом стрелять в спину. Видимо Гребешков решил что будут, и потому не стронулся с места.

– Да откуда я знаю? – неверно и на повышенных тонах произнес Лапкин, – Кто он такой вообще?! Че он здесь делает?!

Милиционер величаво обернулся к Сене и, сняв автомат с плеча, мягко спросил:

– Склад копаешь?

– Какой склад?! – крикнул с крыльца Лапкин, – вы че вообще?! У меня ведь там...

– А ну молчать!!! – с неожиданной злобой крикнул второй мент, а потом кивнул Гребешкову, – копай!

Максима стала бить крупная дрожь. У него на глазах пропал его давний враг. Но не чувствовал Максим Крохин не радости ни даже злорадства. Страшно было. И еще страшнее оттого, что по щеке Сени Гребешкова вдруг прокатилась скупая мужская слеза.

Трясущимися руками он начал освобождать люк от земли. Охранители закона нервозно оглядывались по сторонам

– им было неуютно потому, что анонимный звонок, судя по всему, оказался правдой. Может быть, они решали – стоит вызвать подкрепление или нет. Сеня рыл мерзлую землю с таким видом, словно по завершении ему придется туда лечь. Зрелище было не для слабонервных.

А вот и люк снова блеснул в подлунном свете. Лопата выпала из руки землекопа и глухо стукнула оземь. — Это... это здесь. – Трясущимися губами вымолвил Сеня.

Максиму вспомнилось, как Гребешков бежал через дворы от своры своих бывших подельничков. У него, тогда, как раз такое было лицо – бледное и испуганное, как у маленького мальчика, застигнутого за какой ни будь непристойностью.

– Да вы че, охренели, что ли все!!! – завопил Лапкин, сжимая кулаки и делая шаг с крыльца, – с ума посходили?! Ведь это же...

Второй милиционер рывком нацелил на него автомат и звучно щелкнул затвором. Лапкин остановился, потрясая руками и тяжело дыша. На низком лбу стража порядка выступил пот и тут же попытался замерзнуть.

– Тяни... – хрипло приказал первый мент и кивнул на цепь.

Трясущимися руками Сеня Гребешков взялся за цепь и посмотрел на милиционеров. Глаза у него были большие и совершенно дикие от страха. Он знал, что открывает дверь в свою несчастье.

Лапкин беззвучно матерился. Менты нервничали. Сеня

обмирал, а Максим подавил желание зажмуриться.

Сеня дернул.

Дернул изо всех сил и от рывка своего упал наземь, а вслед за ним волочилась толстая цепь, на конце которой болталась большая квадратная чушка с комьями прилипшей земли по бокам. В земле осталось аккуратная, соответствующая чушке выемка.

И никакого люка!

Гребешков застыл на земле, сжимая непослушными руками цепь и безумными глазами глядя на ментов.

Позади него с низкими вибрирующими звуками набирал обороты Бульдозер.

Лишенная стопора цепь, глухо позванивая, волочилась за ним.

Доблестные работники городской милиции увидели надвигающегося на них ротвейлера и в ужасе попятились. Бульдозер был страшен. В этот короткий миг, когда он преодолевал несколько снежных метров до упавшего Гребешкова, он был самым воплощением необузданного яростного мщения.

Менты преодолели ступор и бросились прочь, не попытавшись сделать не единого выстрела. Может быть, им показалось, что воплощение мщения яростного невозможно убить из обычного оружия. Потрясенный Максим наблюдал, как они бегут через калитку и с перепуганными лицами забираются в своего козла.

Бульдозер достиг Сени и Сеня закричал.

Лапкин бежал в одних тапочках через глубокий снег по направлению к Гребешкову и, как Крохину показалось, во-все не для того, чтобы оттащить собаку. Менты что-то показывали через заиндевелые стекла своей машины. Бульдозер ревел, Сеня орал.

Не выдержав, Максим и Петька бросились прочь.

В спину им неслись вопли, рев, чей то сдавленный мат, а потом несколько одиночных выстрелов, поразительно четко прозвучавших в морозной ночной тьме.

Наползшая на луну одинокая туча послужила своеобразным занавесом к разыгравшейся трагедии.

После этого жить стало легче. Во всяком случае, Максиму Крохину. Сеня Гребешков в школу на следующий день не пришел, да и не мог прийти в ближайшие два месяца, потому что, как говорили сведущие люди с такими травмами в больнице лежат еще минимум полгода. Лапкин со своего участка исчез и сейчас сидел в КПЗ за мелкое хулиганство, а хмурые люди в форменных куртках каждый день тщательно просеивали каждый квадратный метр его участка, извлекая из-под земного покрова ржавые жестянки, битые бутылки и клубни прошлогодней картошки. Их провожал злобным взглядом Бульдозер, в которого так никто и не попал.

А Максим наслаждался странным и новым для него чувством уверенности в себе. Петька его только что не обожествлял, заявляя, что только настоящий гений мог провер-

нуть такую сложную операцию.

В какой то момент Максиму и самому стало казаться, что это он хитро подловил Сеню Гребешкова в тщательно спланированную ловушку, и что склад с оружием был атрибутом одной из многочисленных выдуманной им игр, и в реальности никогда не существовал.

Мысль эта была странная, но отдавала неким прагматизмом – еще бы, ну откуда склад оружия в их дворе? Короткая детская память сослужила Крохину хорошую службу, через некоторое время начисто утратила все детали операции по загону Сени, погребя их под навалом новых интересных и разнообразных игр, оставив лишь осознание собственных не таких уж и маленьких сил и возможностей.

Как-то раз, на очередную угрозу школьного хулигана из седьмого класса Крохин не отмолчался, а ответил бескомпромиссным жестким ударом в лицевую часть обидчика, расквасив ему нос. К удивлению Максима казавшимся несокрушимым семиклассник вместо того, чтобы ударить неожиданно сел наземь и расплакался, размазывая по лицу мутные слезы. Эта стычка послужила серьезной ломкой мировоззрения Максима Крохина, после чего началось его бодрое восхождение по лестнице социального статуса.

Так что когда через три месяца Петька, листая свежкупленную энциклопедию вооружения указал на чем-то знакомый пистолет и произнес:

– Вот, глок! Совсем как в кладе! – Максим только плечами

пожал, он уже не помнил, в какой игре у них был оружейный клад.

А когда вспомнил, то было уже поздно – в том ярком и цветном мире взросления, куда он сейчас вступал, не было места необъяснимому.

Вместе с осознанием своей силы почти всегда пропадает вера в чудеса.

Жертва.

Вот жертва – gone a ticket to the moon.

Это реальность? Или горячечный бред?

Андрей этого не знал, но хотел, очень хотел и надеялся, что все это было бредом.

Но даже если так, то следовало признать, что это очень длительный и основательный бред, который к тому же зациклился и повторялся снова и снова.

Это, впрочем, как раз входит в особенности горячечных снов.

Хуже всего было думать, что все это происходит в действительности. Он и не думал – в последнее время ему стало тяжело то соображать. Может быть, это из-за тех белых округлых таблеток, что они подмешивают ему в еду? Но с другой стороны если их нет, то, каким образом, эти таблетки попадают к нему? Не сам же он их берет.

Нет. Куда проще считать это все сложной галлюцинацией, психозом или даже ярко выраженной параноидальной шизофренией. Все лучше, чем предполагать, что все это может реально существовать на белом свете. И какой же он после этого белый?

Вот взять эти две рожи – ну с каких гравюр Дантова ада

ни сбежали. Одна круглая как луна, мясистая, с отвисшей багрово-синей плотью в сетке сиреневых перенатруженных сосудов – не поймешь, вроде бы человек, а похож на свинью. Так, словно жирный откормленный боров вдруг попытался стать человеком, да не вышло это у свиней его натуры – так и остался на полпути.

Но это еще ничего по сравнению со вторым обитателем этого жуткого места – вот этот был настоящим исчадием. Кошмарный демон в человеческом обличье. Худой как скелет, лицо с правильными чертами, невыразительное и малоподвижное. Но это если не глядеть в глаза – зеркало души, которую у этого типа, похоже, заменяет неугасимое пламя.

Хари эти – такие разные, но с чем-то неуловимо объединяющим начинали каждое утро Андрея Якутина и предвараля собой каждый вечер его же.

Да, все же больше всего это походило именно на кошмар.

Андрей не помнил, как он очутился здесь, и что именно предвараляло его появление под этими сумрачными сводами. Он напрягал память, но память была почти девственно пуста.

Почти, потому что хранила в себе все те же две образины да смутное воспоминание как он, Андрей Якутин, идет вдоль густо посыпанной снегом улицы, а неоновый свет подмигивает ему из витрин и игриво прыгает по тонированным стеклами проносящихся автомобилей – раз, два. А сам Андрей, он другой, то есть он, конечно, тот же самый, но вместе с тем

другой. Он, как бы это сказать... чище? Нет... наивней и с великолепными сверкающими впереди перспективами! Это он еще до того, как жизнь ударила его в голову измазанным в нечистотах подкованным сапогом.

Это, пожалуй, было наилучшее сравнение. Андрею, почему-то доставляло некое горькое удовольствие придумать вот такие непрезентабельные метафоры для собственного жизнепроезда. В конце концов, у него была всего лишь одна альтернатива – целый день созерцать двух inferнальных уродов, творящих вокруг действо совершенно неясного свойства.

Да, тому Андрею, что жизнерадостно рассекал сыплющий остатком зимы воздух, явно не приходилось думать о чем-то подобном. Как и упорно пытаться не задумываться о своей дальнейшей судьбе.

Это если сжать зубы и признать, что все происходит в реальности.

В чем он, кстати, и убедился в один прекрасный зимний день начала февраля, когда забытье неожиданно кончилось.

– С добрым утром, – сказала одна из рож, та, что похудее.

И кто-то хмыкнул из угла – наверное, второе не порождение бреда. Якутин болезненно моргал и щурился – голова была тяжелая и соображала с трудом.

Со стоном он попытался сесть и у него это почти получилось – спина уперлась в жесткие ребра батареи. Вот только правую руку никак не удавалось уложить на пол – сколько

не пытался. Скосив глаза, он обнаружил, что рука его левитирует в воздухе у самой батареи и соединена с ней тонкой стальной цепочкой.

Понадобилось почти три минуты непрерывного осмотра цепочки, чтобы уяснить – это наручники. А рука, стало быть, прикована.

Андрею сразу захотелось чтобы все это оказалось бредом, но теперь сомнений не было – реальность, суровая и жесткая.

Прикована рука, прикован он сам... зачем? Как он вообще тут оказался? Память мучительно подыскивала здоровое объяснение, но пока в этих попытках не преуспела.

– Где я? – спросил Андрей Якутин.

– На планете Земля, – ответил худой, – в правом спиральном рукаве галактики «Млечный путь». Это твой точный адрес. А ведь есть еще луна!

Якутин принялся обдумывать фразу – ничего нового она явно не несла. Тогда он принялся глядеть на худого – тот сидел так же привалившись спиной к обклеенной дешевыми моющимися обоями стене. Сидел на белоснежном объемистом матрасе, судя по всему, недавно снятом с роскошной кровати. А где еще могут быть такие матрасы? Еще в комнате был паркет, голые стены и сияющая позолотой по пластику изящная люстра под потолком, которая смотрелась тут абсолютно не к месту. В углу скорчился обладатель второй хари – никакое прозвище кроме как Боров ему не подходи-

ло. Боров спал, тоненько всхрапывая и беспокойно держа пухлыми руками с короткими пальцами.

Где-то позади Андрея обреталось окно, за которым шел снег. Тени пушистых игривых снежинок порхали на прозрачно-светлом квадрате, что падал на стену напротив. За окном вроде бы начинался новый день.

При виде падающего снега прежнее воспоминание о вечернем бульваре вернулось с пугающей силой и реальностью. В голове словно что-то щелкнуло и нехотя стало восстанавливать все происшедшее до начала мучительной наркотической Нирваны.

Да, наркотической – он вспомнил!

Вот он идет по проспекту – довольный собой и жизнью, что остается позади гладкой белой дорогой, а спереди стелиться под ноги – такая же ровная и не омраченная ни какими рытвинами неприятностей. Жизнь, сплетенная из маленьких и больших радостей, вышитая уверенностью в завтрашнем дне и инкрустированная большими и амбициозными планами.

Уж с кем с кем, а с Андреем Якутиным любимым сыном обеспеченных родителей уж точно не могло произойти ничего плохого. Такие еще с колыбели стают на свой гладкий и прямой как автобан жизненный путь и идут по нему уверенно и быстро, глядя только вперед и вверх, на возвышенный Олимп собственного благосостояния.

Все у него было в тот снежный день, когда он шагал по

проспекту, и можно было бы сказать, что он был счастлив, если бы состояние сего перманентного счастья у Андрея Якутина почти не прерывалось. А как же иначе, если грязь и ненависть мира сего всегда обходит тебя стороной и черная деготь людской зависти не касается твоих сияющих белых одежд.

И естественно идущий сквозь снегопад Андрей был сангвиником – доброжелательным, деятельным, умным, и немного ограниченным как все люди с детских лет поставившие себе какую-то цель. У Якутина были друзья, он был гордостью семьи и у него имелись богатые матриархальные планы на будущее, у него были деньги и хороший автомобиль – все то, из-за чего идущий по заснеженной улице человек просто и светло улыбается, вызывая у одних прохожих ответные улыбки, а у других неприязненные взоры – в зависимости от их собственного положения.

Андрей шел к своему приятелю Павлику. Приятелю, которого он считал другом, но так уж получилось, что приятелей у Андрея было много, а вот друзей не одного. Сам он, впрочем, об этом и не догадывался – не случилось в его светлом мирке такого, что могло проверить эту дружбу на прочность.

Павлик жил совсем рядом в потрепанной панельной многоэтажке – вот она виднеется впереди темной угрюмой глыбой с моргающими из-за снегопада блестками окон. А Андрей идет туда, чтобы взять... да он хотел взять стопку му-

зыкальных дисков и пару журналов и еще...

Да не важно, что еще. Важно то, что, свернув с проспекта, Андрей Якутин одновременно свернул и со своего светлого жизненного пути. Свернул с многополосного шоссе на узкий, избитый проселок с зарослями высохшего чертополоха по сторонам. А вела эта дорожка к обрыву.

Теперь же, вяло шагая по ней через тягучие минуты к пропасти, Андрей задал себе основной вопрос всех попавших в неприятную ситуацию – ну почему, почему, скажите, это случилось именно с ним?!

– Вы кто? – спросил Андрей у замершего напротив собеседника, – что вы хотите?!

Теперь он узнал это худое как смерть лицо – именно этот человек открыл ему дверь, когда Якутин позвонил в квартиру Павлика. Андрей еще тогда удивился – вроде бы он знал наперечет всех Павликовых родственников – как никак семьями дружили. И удивлялся он еще полторы секунды, потому, что в этот момент его грубо толкнули в спину и прижали к лицу что-то мокрое и мощно пахнущее медициной. Вслед за мигом бескрайнего удивления последовала тьма и неделя бредовых видений.

– Можешь звать меня Николай Петрович, – сказал худой, – хочешь есть?

Андрей ощутил, что хочет – они его ни разу не кормили за прошедшие дни.

Худой поднялся и открыв дверь, прошествовал на кух-

ню. Дверь так и осталась распахнутой, явив зрению Якутина часть хорошо знакомой Павликовой прихожей. На элегантной белоснежной вешалке обреталась дубленка Андрея. А рядом висела куртка Павлика.

Какая-то темная, нехорошая догадка стала медленно обретать форму в мозгу Андрея, но тут худой вернулся с тарелкой, полной немудреной снеди – ломти грубо нарезанного хлеба, желтоватая масса на проверку оказавшаяся картофельным пюре.

Якутин съел все – пюре оказалось холодным и полным липких комков. Он хотел задать еще один вопрос худому, но неожиданно ощутил тяжелую сонливость. Глаза закрылись сами собой, выключая его из негостеприимного мира. Откуда-то издалека донесся огорченный голос худого:

– Ну вот... эта была последняя Глубокой ночью Андрей очнулся от легкого толчка. В освещенной лунным светом комнате прыгали диковатые тени. Над ним нависало раздутое нездоровое лицо того второго. В глазах отражались две крохотные яркие луны.

– Я тебя съем, – сказал он, – слышь?! Я тебя съем!

«Красная шапочка...» – хотел добавить Андрей Якутин, но снова отключился.

– Я понял, – говорил он на следующий день неподвижно глядящему на него худому, – вы похитители да? Вы меня похитили! И хотите выкуп?

– Ты удивительно прозорлив, – молвил в ответ худой.

– И... – Андрей замылся, – что же вы хотите?

– Ну как тебе сказать... Ты считаешь, в этом мире все измешается в материальных ценностях?

– Вы не похожи на похитителей! – сказал Андрей.

– Я не знаю как должны выглядеть похитители, – произнес Николай Петрович, – Так как насчет моего вопроса?

– Что? – невпопад спросил Якутин, он пытался переварить сказанное, но смысл до него не доходил.

– Помимо материальных ценностей современным человеком движет еще одно, – с бесконечным терпением сказал худой, – а именно идея. Чисто эмпирическая составляющая. Люду вообще делятся на прагматиков и эмпириков. И заметь, не смотря на свою видимую оторванность от реального мира, потенциально эмпирики гораздо сильнее прагматиков, ибо в концентрации энергии равных им нет.

– О чем вы?!

Худой вздохнул:

– Ну посмотри, например, на него, – и он указал на своего свиноподобного напарника, что обретался в углу.

Тут он был вынужден сделать паузу потому что, как и Андрей, внимательно смотрел на Борова.

Боров жрал – горка коричнево-черного мяса валялась у самых его ног, безобразно марая дорогой паркет темной тягучей влагой. Боров подцеплял корявой короткопалой рукой кусок и отправлял себе в пасть. Чавкал он тоже громко – вполне по-свински. Андрей подавил в себе дрожь.

– Так вот, – налюбовавшись, продолжил худой, – вот он у нас яркий представитель прагматиков. Не очень умен, зато крепко стоит на ногах и имеет простую и ясную цель. А вот я – полная ему противоположность. Так уж получилась, что моя цель куда более метафизична и труднодостижима, чем его. Понимаешь, в этом мире можно не только жрать... Хотя и на жранье можно выстроить целую эмпирическую концепцию, привлечь Дарвина и Бигля и Ронни-младшего, но зачем тебе все это, если ты практик? Практик ведь не задумывается над своей целью – он вообще не склонен к рефлексии, его теория, она, можно сказать, образуется у него на подсознательном уровне, проникая в высшие зоны сознания, но они однако служат неким моторным аппаратом возникающему в мозгу практика осознанию собственной правоты. Это как скелет служит для воссоздания его нечетко выраженной потребности достичь цели – так, глядя на стальной кожух вычислительной машины, мы и не догадываемся о сложной структуре, спрятанной у него внутри. В конечном итоге для внешнего наблюдателя нет никакой разницы между этим кожухом и, скажем, бетонной опорой, но только не для того, кто с этой машиной работает. Ты понимаешь меня?

С истерично колотящимся сердцем, Андрей попытался приподняться с пола и срываясь, закричал:

– Что это значит?! Зачем вы меня держите!? – он на миг замер, широко открытыми, испуганными, глазами глядя на худого, – это розыгрыш, да? Вы меня разыграли? Это Пашка

придумал, вон его пальто в прихожей висит! Он ведь рядом, я...

– В некотором роде он с нами. – Произнес худой, – но уверяю тебя, это не розыгрыш. Ты невнимательно меня слушаешь, я говорил о концепции практицизма...

– **ЧТО ВЫ ХОТИТЕ!!!** – заорал в истерике Андрей Якутин и рванулся к двери, но цепочка не пустила, и он упал обратно на пол, и тут же снова вскочил, дергаясь снова и снова, как обезумевший цепной пес, – **ЧТО ВАМ НАДО?!? ЧТО?!? ЧТО?! ЧТО?!?**

– Давай... – сказал худой, и Боров, оторвавшись от своей трапезы, тяжело прошествовал к бьющемуся на цепи Андрею. Помедлив, выловил момент и тяжело, с оттягом, ударил Андрея в правую скулу.

Андрей захлебнулся криком, и, приложившись затылком о чугунное ребро батареи, повалился на пол. Лежал и смотрел, как на паркет капают прозрачные злые слезы и красные темные капли, падают, смешиваются в розовую влагу.

Когда он прекратил всхлипывать и кое-как принял сидячее положение то увидел, что худой стоит рядом:

– Не плачь, – сказал он, – я, конечно, скажу тебе, что мне надо. Я хочу, чтобы Лунатики обрели независимость.

Темный как деготь, как полярная ночь в угольной шахте ужас затопил сознание Андрея Якутина, прежняя догадка вернулась, и теперь раскрылась, распустилась во всей своей красе. Не в силах вымолвить не единого слова Андрей смот-

рел снизу-вверх на худого.

Прямо в его странные блестящие глаза.

– Ну что ты на меня так смотришь? – удивился худой, – я просто хочу дать народу Луны свободу. Что тут странно-го? Я ведь и сам с Луны – и зовут меня Николай Петрович Лунатик.

С Андреем Якутиным случилось то, о чем он раньше мог только читать в манерных исторических романах – как нежная барышня, он, без единого внешнего физического воздействия, провалился в глубокий обморок.

Ближе к вечеру он очнулся и даже немного пришел в себя.

– Чертовы психи... – бормотал он, глядя, как Николай Петрович Лунатик расхаживает из угла в угол, заложив руки за спину и чего-то ожидая, – сволочи... психопаты поганые.

На что я вам? Вам ведь даже деньги не нужны.

– Я же сказал тебе, Андрей, – отвечал Лунатик – деньги ничто по сравнению с идеей! Они могут быть лишь средством ее достижения. Лестницей, так сказать, в небо.

– Ты больной...

– Да, меня признали сумасшедшим. В той больнице, откуда мы недавно сбежали.

Представляешь, долго лечили меня от снохождения, а потом вдруг выявили шизофрению. А это вещь забавная – ее, если постараться, и у тебя можно выявить. Только они не понимают ничего – просто на меня луна так действует по-особому. Те, кто на ней живет – они ведь как: луна влияет

на приливы в море, а жители луны, они влияют на приливы и отливы в человеческом мозгу.

– Псих...

– Жаль, что у нас кончились таблетки, Андрей. – Сказал Лунатик печально, – они очень помогали. Но если ты будешь по-прежнему называть меня этим словом, я буду вынужден попросить своего друга прервать его трапезу и снова тебя ударить.

Андрей замолк, только затравленно следил за перемещениями Лунатика.

– Ведь мой друг, – продолжал меж тем тот, – он ведь настоящий сумасшедший. Опасный опасный псих. Знаешь кто он? Он каннибал. Как доктор Лектер из кинофильма. Он действительно ел людей, и по секрету тебе скажу – очень хочет съесть тебя.

Якутин непроизвольно кинул взгляд в сторону и встретился глазами с Боровом. Тот смотрел ласково и чуть насмешливо. Вот только от этой насмешки холодило спину.

– Где Пашка? – спросил Андрей.

– Твой приятель? – улыбнулся Лунатик, не прекращая мерить шагами комнату, – он тоже с нами. Рядом.

– Вы приковали его?

– Он не может покинуть комнату.

Андрей снова замолчал, глядя, как падает по стене теневой снег. Якутин был заперт в комнате с двумя психами. Это было похоже не дешевый триллер или даже на не менее де-

шевую комедию. И эти двое были похожи на актеров – уж очень неестественной они себя вели. Особенно Лунатик. Боров то почти все время проводил у себя в углу и жрал, отлучаясь видно только в сортир. И временами поглядывал на Андрея своими маленькими масляными глазками.

– Ты его не бойся пока, – сказал Лунатик вечером, подавая скудную снедь в трогательной фарфоровой тарелке со сложным рисунком, – я тебя съесть не дам. Ты нужен.

– Зачем... – прошептал Андрей понуро.

Лунатик в ответ показал на окно. Что там было, Андрей не видел, потому что находился к нему спиной.

Ночь он не спал – да и как тут заснешь? Глядел на световой квадрат напротив, смотрел, как по нему бегут легкие прыткие тени, складываясь на миг в диковинных многоногих животных. Лунатик к полуночи расхаживать прекратил и как истукан замер у окна. Боров прекратил жрать, свернулся клубочком и захрапел на всю комнату.

– Вот... – сказал Лунатик часам к двум ночи.

– Что?...

– Вот она. Почти полная. Как головка сыра, которую погрызли вселенские мыши.

– Вы о Луне?

– О ней, малыш. Она все растет и растет, она раздувается как воздушный шар которому помяли бок. Скоро она станет большая и круглая. И именно тогда ты понадобишься.

– Но что я могу сделать? – устало и тихо сказал Якутин, –

каким образом я освобожу тех людей. Их ведь нет.

Лунатик тихо усмехнулся в млечной темноте:

– Просто их не видно. Их можно заметить лишь в полнолуние – в это время луна ближе всего к земле. На минимальном расстоянии. Видишь ли, Андрей, тот, кто хочет достигнуть луны должен уметь высоко прыгать! А мы не можем высоко прыгать – я уже стар, мне пятьдесят пять, а вот соня слишком толстый – он не подпрыгнет даже на метр! А вот кто-то вроде тебя – молодой, сильный и здоровый, вот кто нам нужен!

– Но ведь, – сказал Андрей, – тут есть еще Павлик.

В воздухе повисла пауза. Лунатик молчал и смотрел на желтый земной спутник, а тень его печаталась на стене жутким костлявым чудовищем. Казалось там, у окна, стоит скелет.

– Он отказался, – досадливо молвил, наконец, Лунатик, – такой несознательный молодой человек! Но ты не такой. Я же знаю, что ты не подведешь!

– Я не смогу допрыгнуть до Луны, – произнес Андрей.

– Ты же не будешь прыгать с земли, – успокоил его костлявый пленитель, – Мы поможем тебе с разгоном и ты прыгнешь из окна, Андрей. В полнолуние. Через два дня.

И слушая эти слова, Андрей Якутин четко увидел пропасть, которой кончался его жизненный путь. Синие таблички на столбах отмечали дни оставшиеся до него, а перед самой ямой громоздились корявые козлы с надписью: «осто-

рожно конец путей»

Он заплакал так тихо, как мог, и плакал так до четырех ночи, пока не сморил сон – темный и пустой мешок, где прячутся от кошмаров реальности.

Утром последовала новая порция холодной снеди – все той же. Андрей пришел к выводу, что ее берут из холодильника на кухне – шикарного четырехдверного агрегата модного антрацитового цвета. Якутин слышал, как он брэнчал.

– Ешь давай, – сказали Андрею, – тебе силы понадобятся прыгать.

– Луна находится на расстоянии несколько миллионов миль от земли, – говорил Лунатик, – даже когда подходит ближе всего. Поэтому прыгать придется как можно дальше. К счастью в полнолуние от нашей земельки до спутника протягивается ионизированный канал, который облегчает перемещение физических тел в небесном эфире. Так что ты только ногами отталкивайся – а Луна, она сама сделает все за тебя.

– Ну допрыгну я до Луны, а дальше что? – спросил Андрей мертвым голосом, – обратно ведь спрыгнуть не смогу.

– Ты не волнуйся так, – сказал Лунатик, – я все продумал. Все будет очень технично. Мы дадим тебе веревку с крючком на конце – ей ты зацепишься за лунный диск, по нему и спустятся все остальные. Помнишь, как в западной сказке про бобовое растение?

– Помню... – сказал Якутин, – значит, мне надо только

допрыгнуть?

– Сказка ложь, да в ней намек – корова же смогла достичь луны? В конце концов, ведь на луне уже были люди! Значит, ты будешь не первый.

– Я понял.

Боров жрал и хитро поглядывал на Якутина. Где-то во второй половине дня Лунатик приволок ярко-желтую эмалированную утку – явно из арсенала больницы. На днище утки был черной краской выведен номер – "1". Эта цифра показалась Андрею полной тяжкого пророческого смысла – до того, как его заставят прыгнуть оставался всего один день.

– Зачем это? – спросил Якутин, кивая на утку, – может, проводите меня до санузла?

Лунатик и Боров переглянулись. Боров улыбнулся диковато и подмигнул Андрею.

– Да, – сказал Лунатик, – ничего не выйдет. Ванная тут совмещена с санузлом. А сортир занят.

– Чем?

– Продовольствием, Андрей. – Сказал Лунатик и стал смотреть в окно. Якутин уже знал – астеничный сумасшедший ждал когда взойдет луна.

До вечера пленник думал о корове, что перепрыгнула лунный диск. Он гнал от себя этот привязчивый образ, но тот, как преданная собака, возвращался снова и снова, до тех пор, пока в световом квадрате на стене напротив Андрею не начал мерещиться обрюзгший рогатый силуэт с потеш-

ными тонкими расщепленными на концах копытом ножками. Нелепый этот призрак застыл в стремительном и изящном прыжке – только такой может заставить грузное тело миновать пенаты земной атмосферы и сквозь колкую космическую ночь обогнуть спутник по дуге, заставляя испуганно шарахаться подвернувшиеся космические аппараты.

А на улице снова шел снег. Как тогда, на проспекте. И никому не было дела до прыгуна через луну Андрея Якутина.

– "Ищут меня?" – думал он, – "ну конечно, ищут. Все службы на ноги подняли. Милиция, спасатели, может быть даже спецслужбы. Обзвонили больницы и морги, а кто ни будь решил, что это просто Андрейке свободы захотелось. Плюнул на все и из семьи убежал.

Бывает такое. Обзвонят все друзей и знакомых, всех до кого смогут дотянуться... Но ведь и сюда тогда должны были позвонить?"

Звонок, если он и был – то только когда Андрей находился в беспамятстве. В последнее время телефон не звонил. Да и был ли он в этой квартире. И кстати, куда они дели Пашкину мебель? Безумцы проклятые.

– "Бесполезно", – подумал Андрей, – «за то время пока они меня ищут я уже успею прыгнуть, и, может быть, приблизиться на пару метров в белесо-желтому блину в небе. А потом сразу отдалюсь метров на двадцать и повстречаюсь с землей».

От мыслей этих на глаза снова стали проситься слезы –

но Андрей их отогнал – хватит малодушничать! На ум ему снова пришло рогатое парнокопытное создание, замершее на фоне ночного светила – готовая реклама пастеризованного молока для полуночников.

– "Но она ведь смогла?" – неожиданно сказал он себе, – «смогла, не так ли?» Рогатый зверь, который решил что сможет преодолеть земное притяжение всего лишь силой ног, хоть и известно было, что это совершенно невозможно? В чем было ее преимущество?

Создание пошло против невозможного и победило!

Значит положение безвыходно? Наручники, запертая дверь и два психа в охране? Ладно, пусть, нет ничего невозможного! И с Алькатраса однажды сбежали.

– Хорошо, – прошептал Андрей, глядя сквозь темноту на Лунатика, – хорошо... Я перепрыгну тебе Луну, ублюдок!

План побега выработался почти моментально – незагруженные больше никакой рефлексией мозги пленника работали с повышенным КПД. Психи доверчивы, если идти на поводу их мании. Они хитрые, эти психи, но здоровый человек всегда сможет их обмануть. Просто потому, что он не заиклен на чем-то одном.

– Николай Петрович? – вежливо позвал пленник в два часа ночи.

Лунатик пробудился, поднялся со своего роскошного матраса, на котором когда-то ночевали неизвестно куда сгинувшие родители неизвестно куда сгинувшего Павлика. Волосы

у Лунатика были растрепанны, лицо сонное и вялое, но, когда он проморгался и уставился на Андрея, в зрачках вспыхнули две бледные мертвенные точки – как луна отражает солнце, глаза сумасшедшего отражали полноющую луну.

– Чего тебе?

– Я знаю, откуда легче будет допрыгнуть, – сказал Андрей.

Взгляд Лунатика сразу стал жестче – ни дать не взять пламенный революционер, жизнь готовый отдать ради своих идей.

– Откуда? – спросил он.

– Но это же элементарно, Николай Петрович. Квартира на восьмом этаже. Высоко не спорю.

Но прыгать надо все равно с самой высокой точки!

Пауза. Лунатик раздумывал. Потом раздался его голос, хриплый и напряженный:

– С крыши...

– Да, с крыши! – подтвердил Андрей уверенно.

Раздался шорох – сумасшедший подобрался совсем близко. Глаза его смотрели уже не на Андрея – в окно.

– Крыша – идеальная стартовая площадка, – продолжил Якутин, укрепляясь в правильности выбранной манеры поведения.

– Да-да, площадка. Хорошо, что ты с нами, Андрей, – неожиданно тепло промолвил Лунатик. Помолчав, он добавил:

– И не бойся больше. Борову этому я тебя точно теперь

не отдам!

Сказав это, он вернулся на матрас, а Андрей сидел у своей жесткой батарее, чувствовал, как болит натертая спина и ломит в прицепленной руке и улыбался. Свой разбег для прыжка он уже начал.

На крыше они должны будут развязать ему руки, иначе он не сможет кидать веревку. И когда его руки станут свободны...

Когда они освободятся...

Луну перепрыгнут Боров с Лунатиком. Андрей клятвенно себе это пообещал.

Весь следующий день прошел под знаком предстоящего события. Якутин сам себе стал казаться отважным космонавтом, ожидающим волнительной минуты старта в звездное небо.

Только на этот раз шел отсчет времени до прыжка – десять часов до прыжка, восемь часов до прыжка – задвинуть забрала – пять часов до прыжка – морально подготовиться – три часа до прыжка.

Лунатик сыпал техническими терминами, жестикулировал, указывал в серый день за окном.

На свет появился плетеный из цветастого нейлона автомобильный канат с заботливо согнутым толстым гвоздем на конце. Поняв, что этим хлипким приспособлением он и будет цеплять лунный диск, Андрей был вынужден приложить усилие, чтобы избежать глупой кривой ухмылки – она бы-

ла сейчас явно не к месту. Напротив, он со всей серьезностью осмотрел свою лестницу в небо, подергал свободной рукой и почувствовал, как канат растягивается в руках. Якутин сказал, что да, действительно серьезный канат, выдержит не только Андрея, – но и три десятка проклятых лунатиков, что ждут не дождутся ночи, чтобы покинуть осточертевший земной спутник.

Два часа и тридцать минут до прыжка. На улице стало темнеть. Андрею мнилось призрачный, исполненный неземного пафоса голос, что размеренно и величаво, как диктор из старых хроник, отсчитывал минуты оставшиеся до обретения свободы.

Или до смерти.

До той или до другой оставалось совсем немного.

Боров жрал. Паркет перед ним пропитался мясным соком и безобразно вспучился. Что бы сказали родители Павлика?

Час до старта – большой город за окном тяжело выдохнул, растягивая многокилометровое тело в усталой истоме. Глаза фонари моргнули розовым и стали разгораться как странные зимние светляки. Суетливый муравьиный бег машин прервался и их, одну за другой, отправляли на ночевку в квадратные жестяные и кирпичные норки. И люди шли домой – усталые или не очень, а может быть совсем свежие. А кое-кто просто гулял по проспекту и любовался карнавальным отблеском ярких витрин на снегу.

То, что когда-то именно так и делал Андрей Якутин, ны-

нешнему покорителю луны казалось какой то нелепой детской сказкой.

Его же сейчас интересовал совсем другой свет – тот, что медленно разгорался где-то за линией горизонта – пока еще слабенько, бледно, но скоро станет так силен, что перебьет, задавит собой соборный свет всех городских фонарей.

Луна – жестокое светило. Об него бьется живой солнечный свет, расшибается и падает в ночь серебристым остывающим сиянием.

Андрей уже знал, что если доведется ему остаться этой ночью в живых, то этот бледно молочный свет всю оставшуюся жизнь будет вызывать у него тяжкую нервную оторопь.

– "Десять!" – сказал величавый голос сгинувших во времени соцреалистичных покорителей пространства – «Де-
вять!» – и Андрей понял, что в счет идут последние секунды.

– "Восемь!"

Боров жрал, истекая слюнями, ему было плевать на всякую луну.

– "Семь!" – зазывал в неведомые дали апокалиптический глас, звучащий лишь у Андрея в голове, – «шесть!»

– "Пять!" – на дальних дорожках неведомых планет останутся наши следы. На самом деле след останется на ледяной корке далеко внизу, – «Четыре!»

Из окна уже падал мертвенный знакомый отсвет.

– "Три! Два! ОДИН!"

Настала тишь, а потом пятно на стене вспыхнуло ярким

синеватым светом, словно кто-то снаружи направил в окно прожектор. Это полная яркая луна выбралась из-за крыши соседнего дома.

– "НОЛЬ! ... Зажигание!"

И Лунатик, неторопливо поднявшись с матраса, вытащил из нагрудного кармана поблескивающие изящные ключики и очень буднично и негромко сказал:

– Ну что, пойдём?

Кольцо наручников, отчетливо шелкнув, страстно обхватило запястье Андрея. Теперь его руки были скованны и он держал их перед собой, тоскливо глядя на распухший, синеватый рубец, что оставили стальные кольца на правой руке. Якутин шел к двери следом за Лунатиком и Боровом и лишь один раз оглянулся на квадратный метр паркета на котором провел последнюю неделю. Почему-то сейчас этот закуток у батареи показался родным и близким, как вид своего дома с выходящей из селения дороги.

Впереди лежала освещенная луной неизвестность.

Лунатик заботливо накинул Андрею на плечи пальто Павлика. Тот, было, запротестовал – но потом увидел глаза Николая Петровича и замолчал – были они стеклянные и пустые, словно стали фарфоровыми медицинскими подделками.

Дверь в ванную была приоткрыта – когда проходили мимо, Андрей скосил глаза и различил темные бесформенные предметы на крытом дорогой итальянской плиткой полу. Бо-

ров, проходя дверь, тяжело засопел и посмотрел на Андрея. Потом с некоторой опаской покосился на Лунатика. Про себя Якутин вдруг понял, что из этой парочки массивный и звероватый Боров внушает куда меньший страх, чем его астеничный напарник.

Хлопнула дверь, дохнуло холодом – они поднимались вверх, звучно шагая по ступенькам и одинаковые светлые стены, изрезанные затейливой похабной вязью плыли мимо. Андрей вдруг понял, что различает каждый сантиметр этих стен – все их трещинки и неровности.

Матерные письма казались наделены двумя, а то и тремя слоями смысла, исполненными какой-то тор неземной, высшей мудрости.

Воздух был какой-то напряженный, словно озонированный. Тени резки, а свет резал не хуже теней – бил в глаза из сияющих ламп. Каждый звук отдавался гулко и долго резонировал под готическими сводами подъезда.

Якутин дивился по сторонам, пока, неожиданно не понял, что подъезд остался прежним, а это он Андрей переживает сейчас критический момент в жизни – сопровождаемый диким выбросом адреналина.

Пленника трясло, а он шел, и все думал – испытывают ли то же самое приговоренные к смерти, поднимаясь на эшафот? Кажется ли им мир вокруг таким же ярким и насыщенным жизнью?

И навязчивое воображение подсуло очередную герои-

ко-космическую аналогию: стена рядом – это козух исполнинской стальной ракеты, в кабину которой и поднимался отважный покоритель луны.

Дверь на чердак была приоткрыта, и на пороге застыл заросший неопрятный субъект откровенно бомжеватого вида. Он открыл, было, рот, дабы выразить какую-то мысль, но увидел глаза поднимающейся троицы и поспешно скрылся в темноте, слышно было как где-то в глубине чердачного помещения открывают окно.

Андрею было плевать. Он думал, что дрожит от холода, но когда они поднялись на крышу, то вовсе не почувствовал мороза. Ветер бил в лицо, а оно словно одеревенело и потеряло чувствительность. Мир то становился болезненно резким, то расплывался мягкой пастелью.

Идущий впереди Лунатик остановился и восхищенно вздохнул. Дрогнувшей рукой взял подошедшего Андрея за плечо и указал в небо.

Андрей глянул и тоже застыл.

Луна была совсем рядом. Она была огромной, круглой, яростно светлой. Нависала над ними, как некое злобное древнее божество, и кричащая голова ясно и четко рисовалась на глади этого страшного диска. Оспины и язвы покрывали вопящий в агонии лик, а по краям шевелились и извивались в корчах черные щупальца.

Это могли быть облака, но Андрей знал, чувствовал, что это не так.

Потому что это была ночь Луны. Ночь прыжков на Луну.

Безжалостный, как у ртутной лампы, мертвенный свет высвечивал лица стоящих, рисуя им новые, ночные и резкие черты, и Андрей увидел, что лицо Лунатика точь-в-точь повторяет мертвую голову на сошедшем с ума земном спутнике.

И на какой то миг, крошечную долю секунды, глядя на лицо своего пленителя, Андрей поверил что да, бывают ночи, когда Луну можно достичь.

Такие как эта ночь.

Но в следующую секунду он стянул оцепенение – как бы то ни было, приближался момент истины.

Лунатик зябко повел плечами, робко поднял руку и махнул Луне, словно ее невидимые жители могли сейчас наблюдать за ним, и пошел к краю крыши, волоча за собой Андрея.

Впереди колыхались их тени – короткие и полные чернильной мглы.

А сверху падал резкий свет самого большого на свете софита, который как поется в песнях светил в эту ночь лишь для них троих.

Стоя на краю, Андрей собрался в тугую пружину. Действовать надо быстро, так, чтобы они не успели среагировать. И только когда ему сунули в руки канат, он не сразу понял, что произошло. А когда понял, то с испугом и изумлением обернулся к Лунатику.

– Вы что, не развяжите мне руки? – спросил Андрей, –

ведь мне не удобно прыгать с наручниками.

Лунатик смотрел на него и жестко улыбался. Его лицо было похоже на череп – не очень было понятно, что производило такое впечатление.

– Нет... – сказал Андрей, – нет, ну пожалуйста...

– Ты считаешь меня сумасшедшим, да? – мягко спросил Лунатик, – решил обмануть бедного психа? Здоровый лоб хотел расправиться со старым человеком?

– Нет, я не хотел, я же просто...

– Я конечно псих, Андрей, но не настолько, – сказал Лунатик с легкой усталостью в голосе, – ты сможешь держаться за канат и связанными руками.

– КАКОЙ КАНАТ!!! – закричал Андрей Якутин, стоя на краю крыши четырнадцатизэтажного дома, – ПРОКЛЯТЫЙ БЕЗУМЕЦ, ВЕДЬ Я ЖЕ РАЗОБЬЮСЬ!!!

Лунатик смотрел и улыбался – теперь уже мягко. И тем страшнее казалась эта улыбка на угластом черепе, что проступал сквозь нее.

– Андрей, смотри какая ночь. Ты должен прыгнуть и зацепить канат. Ты прыгнешь сам, или мы просто сбросим тебя с этой крыши.

– Я не смогу зацепить канат... – простонал Андрей, потрясая скованными руками, – ну как вы не понимаете... я не смогу его зацепить... – слезы выступили у него на глазах и покатались по щекам. Все было так... глупо.

Лунатик кивнул Борову и они стали наступать на него, от-

тесняя к обледенелой кромке площадки.

– Стойте! – крикнул Якутин, – стойте я... сам.

Они остановились, а Андрей обернулся к четырнадцати этажам замороженной тьмы.

Он стоял на самом краешке, чувствуя себя маленьким, сгорбившись, и вместе с тем таким тяжелым, что было понятно – никогда и ни за что ему не полететь.

Он смотрел вниз и видел родной город – заснеженный и млеющий в розовом и желтом электрическом сиянии под этим снегом. Видел огни реклам и красные огни радиовышки, и самолет высоко в небе, чей черный силуэт, как стремительная дюралева корова мелькнул на миг на злобном фоне луны.

Слезы капали у Андрея из глаз, ползли вниз по щекам и замерзли на подбородке, и вроде бы должна была перед глазами пройти вся его счастливая и недолгая жизнь, все его большие радости и мелкие незначительные печали, да только не было ничего. Царила в мозге какая та переполненная сумрачным адреналином пустота. Точно такая же что отделяла сейчас Андрея Якутина от мерзлого квадрата асфальта в точке его приземления.

Лишь пустота эта, да горькое, совершенно детское чувство обиды – за что? – спрашивал Андрея у ветра, тьмы и уходящие вслед за ним зимы – почему я?

Выл ветер, а сверху луна, до которой нельзя было допрыгнуть, смотрела как самый благодарный и внимательный зри-

тель.

Якутин понял, что жизненный метроном его отсчитывает последние мгновения, и было просто жаль, так жаль несбывшихся надежд.

И Андрей Якутин, с широко раскрытыми навстречу вечности глазами, с тонким, жалобным криком «мама!», прыгнул в холодную, недобрую пустоту, налитую снежащей тьмой бездну, в нелепом защитном жесте выкинув вперед руки с зажатым в них сплетенном из нейлона автомобильном канате.

Ветер дунул со страшной силой, обжег и заледенил лицо. Андрей закричал, но вставший на дыбы эфир тут же заглушил эти слабые крики.

Мир перевернулся, сделал безумный кульбит, канат рванулся из рук, обжег ладони, Андрей выпустил, потом снова схватил, а потом тяжкий и громогласный удар выбил из Якутина его последний хриплый вздох...

Тьма сгущаться не спешила. Андрей лежал на спине и смотрел как плывут под звездами легкие облака – как кисея, они прикрывали серебристые далекие светила и делали их мягкими как длинные пушистые ресница могут смягчить ледяной взгляд.

Он лежал и смотрел и никак не умирал. Облака плыли, луна светила, рядом кто-то надсадно хрипел.

Время шло. Через сколько-то циклов капли вечности Андрей понял, что происходит что-то не то. Он поднял голову и

ощутил, что она вполне цела. Взгляд Якутина бессмысленно шарил вперед.

Оказалось, что Андрей все еще на крыше. Непонятно как, но он лежал у самого входа на черном, обмерзшем рубероиде. Позади из двери дул теплый поток воздуха и чем-то напоминал о метро.

Впереди Боров душил Лунатика, сжимал его своими похожими на окорока руками, бил о жестяную трубу вентиляции. Это Лунатик хрипел, только теперь он уже перестал и обмяк в могучих руках борова. Глаза освободителя Луны выпучились, на губах мерзла пена и дыхание белесыми облачками больше не вырывалось на волю.

Покончив с Лунатиком, Боров очень аккуратно уложил его на рубероид, а потом, взяв за ногу, потащил за собой и пошел к Андрею. Лунатик ехал позади и звучно скреб затылком ледышки.

– Ну что, Андрюша? – неожиданно мягким и интеллигентным голосом произнес Боров, – утомил тебя этот безумец, да?

– Да... – одними губами сказал Якутина.

– Вот и меня утомил, сумасшедший эдакий, – продолжил Боров, легко поднимая Андрея на негнущиеся ноги, – но он, Андрюш, как и все на свете существовал не просто так. Он, как все живое был нам нужен...

Они шли вниз по лестнице, мощная рука Борова дружелюбно обнимала Андрея за плечи, а Лунатик болтался позади

и собирал ступеньки затылком.

– Вот знаешь, – говорил Боров, – на зоне у матерых зеков есть такой обычай – они, идя в побег, берут с собой зелено-го новичка, якобы чтобы тому свободу дать. Но это не так, Андрюша, зеки народ прагматичный, они знают, что в тайге, где они будут отсиживаться, жрать нечего, а потому новичок этот, он что-то вроде мешка с продовольствием, только на двух ногах и ни о чем не догадывается. Вот какая смекалка у людей. – Они добрались до квартиры Павлика, и Боров одним движением освободил одну руку Андрея и защелкнул кольцо на ручке двери, ведущей в жилую комнату. Лунатика же он подхватил и потащил за собой в ванную, продолжал говорить – так и Николай Петрович, несмотря на свои бредовые идеи, нес эту царственную ношу, не подозревая как он, несчастный сумасшедший мне нужен. Как ты Андрюш. Еще бы, как окончатся жильцы, где мне добывать пропитание?

И Боров включил в ванной свет. Павлик и вправду находился рядом, покойный Лунатик не врал, он был здесь, в ванной, вот только был... не целиком.

А точнее осталось от него совсем немного. Как и от его любящих родителей.

Андрей заорал, надрываясь, хрипло смеясь и воя зверем. Тьма пала ему на мозг, и последующие дни он провел в этой горячечной сумасшедшей тьме, из которой все на свете казалось легким и не имеющим никакого значения.

И пребывая в дарующем облегчение помутнении, он ни

разу не вспомнил о том, что видел в тот короткий, ослепительный миг, сразу после прыжка с крыши.

А если бы и вспомнил, это ничуть не сделало бы страдания бывшего золотого мальчика легче.

Миг, когда канат делает рывок, а Андрей задирает голову и видит туго натянутую нить, ровно, как струна уходящую в лунный диск.

И ощущение качелей секундой позже.

Но ему было плевать. С огорчением можно было констатировать, что здравомыслящий и рассудительный мозг Андрея Якутина так и остался на Луне.

Анна.

Вот она – размер не имеет значения?

– Что это? – визгливо спросила мать, – что это, скажи мне, и сколько это будет продолжаться?

– Отдай! – крикнула Анна, – отдай, ну!

Ее душило бешенство. Смятый кусок холста в материнских руках бесил и доводил до неистовства. Так бы и расцарапала лицо отмороженной родительнице! Но нельзя, нельзя, мать все-таки.

В комнате царил бардак, два стула перевернуто, большой мольберт лежит на полу, вытянув ноги как мертвое животное. В дверях чау-чау Дзен неподвижными глазами индийского святого наблюдал за сорящимися хозяйками.

Мать, увидев злобу в глазах дочери, попятилась к дверям, но картины не отпустила, начала снова, с некоторой, правда, опаской:

– Ну что это, ты мне скажи? Что это за мазня? Доколе ты будешь дурью этой меня изводить? – и она развернула картину лицевой стороной к дочери, так, что рисованное на ней предстало во всей красе.

Картина и вправду была странноватой, но только если оценивать ее куцыми мерками соцреализма – разлив пастель-

ных тонов, мелованных бесформенных пятен, а ближе к центру холста неожиданно резкая и острая, как лист осоки, спираль тусклых стальных тонов, что сужает свои кольца к бледно-фиолетовой анемичной розе, мертвенный цвет лепестков которой явственно контрастирует с пышностью форм.

Дали, не Дали, а может быть перекуривший каннабиса Рене Магрит? Отцы психоанализа, покопавшись в этом полотне, вполне возможно нашли бы десяток перверсий и девиаций, а знатные мистики, под знаменами Кастанеды три десятка скрытых символов жизни смерти и бесконечности.

Мать в картине не нашла ничего. Она ее просто раздражала. Как и все остальные рисунки.

– Мама, – тихо, но с угрозой сказала Анна, – отдай.

– А не то что? – в запале крикнула мать, но попятилась от наступающей дочурки, и чуть не наступила на Дзена. Тот с королевским величием переместил скопище атомов именуемое своим телом на безопасное для одного расстояние.

Анна сжала зубы. Проклятия так и рвались наружу. Но портить отношения было нельзя – и так почти не с кем ни контактирует, не общается.

– Отдай, – сказала она еще раз, – просто отдай и все...

– Да получай!!! – крикнула мать в истерике и кинула в Анну картиной, которую та бережно поймала и разгладила, – все прорисуешь! – без паузы сменила тему любимая родительница, – всю жизнь так и будешь кистью возить?! Тебе уже двадцать два! Когда замуж выйдешь?!

Это уже было чересчур – прижав картину к груди, Анна повернулась и гордо пошла к себе в комнату. Как всегда после таких скандалов на глаза просились слезы, но она им воли не давала – мать не увидит ее плачущей!

– Иди-иди! – крикнула та, вдогонку закрывающейся двери, – Так всю жизнь и просидишь в старых девах! Кому ты такая нужна?!

Анна не сдержалась – хлопнула дверью. И настала долгожданная тишина.

Здесь, когда ее никто не видел, Анна могла дать волю чувствам – села на краешек обшитой ярким поддельным шелком софы и немного поплакала. Потом вытерла глаза и потерянно обвела взглядом свою маленькую комнатку.

Здесь все было ярко, пестро, и от этого помещение казалось еще меньше – пыль толстым слоем оседала на ярких крашенных тканях. На сероватом ковролине как диких животных мягкие валуны валялись увенчанные забавной кисточкой подушки со сложным рисунком – на них очень удобно сидеть и размышлять, наверное, со стороны кажешься сюрреалистичной копией Роденовской скульптуры. Восточный ковер на стене, и еще один на другой – на одном буйство цвета и хитрых плетеных узоров, на втором нейтральный светло-бежевый фон на котором грубые, примитивные рисунки журавлей, двоих уродливых птиц, одна из которой находится выше другой.

Парадокс рисунка в том, что не очень понятно что делают

журавли – взлетают, или, напротив низвергаются в свою бежевую бездну? Все зависит от того, как ты повесишь ковер. Коряво вытканные неумелой рукой работница люберецкой фабрики ковров птицы символизировали собой нечто настолько глубокое и наполненное несколькими этажами смысла, что просто страшно становилось, если задуматься.

Впрочем, кроме хозяйки комнаты, над бежевыми журавлями не задумывался никто.

Еще в комнатушке были книги – в мягких обложках и твердых, с яркими глянцевыми обложками. Книги по йоге, по трансценедальной практике, истории даосизма и много еще чего – тоже пыльное, и от этого кажущееся величественным. На самом деле к ним довольно давно не прикасались.

Модерновый пластиковый столик с компьютером прятался в углу. Аппарат гудел и наполнял теплом воздух, как самый дорогой в мире электрообогреватель.

Над чудом современной технологии висел портрет Льюиса Кэрролла. Постаревший безумный сказочник смотрел устало, грустно, и может быть, чуть испуганно – гений эскапизма на пороге жестокого материального века. Анна повесила сюда портрет не зря – как-то легче становилось в минуты тяжелых раздумий. Кэрролл обещал, что есть мир за горизонтом – дивный, новый мир, и пусть его видишь только ты, а остальные пустые глаза и пену изо рта – наплевать, устрицы видят свою раковину изнутри.

Анна и чувствовала себя устрицей – с толстым-толстым

слоем хитина, из-за которого надо кричать, надрываясь, чтобы тебя услышали другие.

Ну и конечно здесь были картины – много картин, больших и маленьких, одинаково абстрактных, варьирующихся в стиле от нарочитого примитивизма цвета и формы, до неожиданно фотореалистичных, но вместе с тем совсем нереальных композиций.

Среди них привлекала внимание картина с изображением трогательного плюшевого мишки с повязанной на шее голубой ленточкой, одиноко висящего на остром корявом суке высохшего дерева, повешенный за эту самую ленту. Глаза мишки сияли теплом и добродушием, но вот только общий фон вызывал острую тоску и уныние. По мысли автора это было место, куда уходит детство.

В целом же картины были добрее – если конечно добрым можно считать изображение эллипса шафраново – цвета, или что ни будь ему подобное.

Одного, у этой тесной комнатухи, в которой бывало душно по ночам и много пыли днем, отнять было нельзя – она была очень уютна. Настоящее, обшитое коврами гнездом, место, где отдыхают, и куда возвращаются из большого, шумного мира. Наверное, именно таким и видит моллюск свою раковину изнутри – скопище теплого, гладкого, розоватого цвета – возведенный в идеал уют.

И еще что нельзя было сказать про обвешанную картинами комнату – никто бы никогда не предположил, что эта

комната принадлежит женщине. Несмотря на весь уют. Может быть, виноваты были книжные стеллажи?

Мать эта комнатка раздражала, и немногочисленным гостям, бывающим, в их двухкомнатной квартирке она говорила, что это комната мужа – ей охотно верили, несмотря на то, что муж, отец Анны уже пять лет, как покинул земную юдоль.

От воспоминания об отце слезы снова вернулись на глаза художницы. Отец, вот кто всегда ее понимал – он и сам рисовал, в молодости, может быть не так хорошо, как его талантливая дочь... И, он много читал – книги на стеллажах, это то немногое, что осталось от его обширной библиотеке. Читал, пробовал писать стихи и прозу. Он и приучил дочь к чтению, рисованию, мучительному самоанализу, и части других несколько не свойственных женскому полу занятий. Он никогда не говорил, но Анна знала, что отец очень хотел сына, а получил дочь. В конце концов, ему надо было передать свои знания наследнику и когда он начал учить всему дочь это и было некоторой ошибкой с его стороны... Впрочем, по мнению Анны, самая большая ошибка совершенная ее отцом была его женитьба на матери – они друг другу настолько не подходили, что странно становилось, как прожили вместе столько лет? В конечном итоге он и получил что хотел – начитанного, умного, и совершенно неспособного жить потомка.

Анна сердито встряхнула головой – ну хватит рефлексии,

от этого только хуже! Как бы не уютна была комната, а сейчас слова матери о том, что всю жизнь так в ней и просидит не давали покоя, и Анна поступила как обычно – взяла складной пластиковый мольберт, и отправилась на улицу рисовать. Эти зарисовки очень помогали от регулярных душевных травм.

В коридоре прихватила с собой Дзена и складной мольберт. Сегодня она будет рисовать.

И плевать на прохожих, что косятся как на умалишенную. И пусть на дворе зима.

Дзен подошел, и с достоинством положил на пол свой поводок. Этот пес все делал с царским величием, откуда взялось? Анна как-то со смехом предположила, что этот оранжевый встрепанный зверь – это инкарнация какого ни будь китайского императора. А что, чау-чау же?

Матери не было видно – закрылась на кухне и невнятно выговаривает что-то столу, стульям и набору кухонной посуды. Жалуется на жизнь, наверное. Не понимает ведь, что жизнь не похожа на однотонную плоскость.

Анна вздохнула и покинула негостеприимное свое обиталище.

Консьержка внизу наградила ее презрительным взглядом – где-то прослышала про картины.

Художников она не любила, абстракционистов в особенности.

На улице и вправду была зима, только ей этой ночью плес-

нули в лицо кипятком.

Температура подпрыгнула градусов до двух-трех, снег поплыл, стал ноздреватым и липким, как сахарная пудра. Анна выскочила на крыльцо, остановилась на миг, потому что сквозь рваный неряшливый проем на нее упал золотистый и несущий тепло солнечный луч. Где-то под снегом журчали ручьи – партизанили и скрывались, понимая, что их время еще не пришло. Но вот в воздухе появилось нечто, чего не было еще вчера.

Дзен стоял и величаво вдыхал этот запах черными влажными ноздрями. Его хозяйка вдохнула тоже и зажмурилась.

В воздухе пахло весной и выхлопными газами.

Несколькими ступеньками ниже белый конверт с синими письменами размачивал твердый острый уголок в маленьком крошечном сугробе. Бумага темнела на глазах, приобретая сероватый оттенок. Анна хотела, было, взять конверт, негоже ему мокнуть, люди ведь писали, старались, да так и не взяла. Может быть оттого, что среди этой скрытой капли конверт напоминал не тающий кусочек зимы? Пусть себе лучше лежит, кто ни будь еще поднимет.

Идти ей было не далеко – она обычно не питала особой приязни к пейзажам, особенно к тем штампованным, что продают на каждом рынке, но попадались в ее родном городе такие места, которые так и просились, чтобы их запечатлели. Сколь обычные, столь и странные были они, ее пейзажи, в которых самые простые предметы складывались в затейли-

вые и выразительные комбинации, приобретая вид загадочный и сюрреалистический.

Иногда ей казалось, что вот такие-то пейзажи и отражают лучше всего текущую вокруг жизнь, она даже придумала название – бытовой сюрреализм, и думалось даже, что большинство людей, что ее окружают, видят лишь ту половину, что им ближе. И в этом они совсем одинаковые – погрязшие в быту, и оторвавшиеся от земли в поисках эмпирей. И уж совсем малая часть видит эти две половинки вместе. Может это и есть гармония?

Вот и здесь, совсем рядом нашлось такое местечко.

Если смотреть от местных трущоб (в которых, по слухам, в середине зимы разыгралась кровавая драма, и пес принадлежащий одному из жильцов чуть было не загрыз человека), то двор превращается в подобие улицы – чересчур он все-таки узкий. Или даже нет, в некое ущелье, уменьшенное в сотню раз подобие гранд каньона, а может быть в шлюз, каким видят его с теплохода, в точке крайнего отлива воды. Два дома – копии друг друга нависают над ним, наподобие испещренных квадратными норками отвесных сероватых скал.

Но главное даже не в этом, хотя и кажется иногда, что когда ни будь дома, прихотью природы сдвинутся и схлопнут между собой запущенную полосу земли, испещренную детскими качелями-каруселями и удобренную дерьмом поколений местных собак.

Главное в той потусторонней симметрии, возникшей то

ли в мятущемся под гнетом типового строительства мозгу архитектора, то ли сама по себе, как причудливые образования в том же гранд каньоне.

Странно, но, глядя от трущоб, создавалось впечатление, что дом всего один – угрюмый, серый, панельный, а его близнец, через земляную речку двора лишь отражение. И мнилось исполинское, сияющее голубой амальгамой зеркало, где-то на середине двора. Подойдешь, и упрешься рукой в гладкое стекло.

Дома совсем одинаковые, но стоит взглянуть получше, чтобы понять какой из них реален, а какой отражения.

Это было непонятное ощущение, потому что Анна твердо знала, что дом напротив абсолютно реален – в свое время они чуть не въехали туда, ходили даже примерялись к квартире, но... глаза и нудно стремящийся к логике разум говорили одно, а чувства совсем другое.

Как бы то ни было – эти были как раз то, что ей нужно.

Анна рисовала часа два, прилежно зарисовывая на холсте черным грифелем два дома и зеркало между ними. Тут главное передать настроение, ощущение, что один дом нереален.

Ноги ее купались в выползшей из ближнего сугроба луже, и там же купались пластиковый треножник мольберта. Дзен бродил где-то неподалеку, а редкие прохожие награждали ее удивленными взглядами – в зависимости от настроения теплыми или осуждающими.

И как всегда отошли куда-то обиды, тягостное ощущение

стояния на перроне, когда мимо несется экспресс жизни. Вообще все отошло. Осталась лишь Анна, холст и два дома, угрюмо позирующие будущей нетленке.

И ощущение нужности и необходимости, которые приходили только в моменты работы.

Результат ей понравился – теперь дело за малым, не ошибиться в подборе цвета. Но это уже дома, закрывшись надежной дверью, изолировавшись от внешнего мира, с шаблоном будущей картины в голове и надеждой на лучшее.

А вот о том, что и это полотно повиснет рядом с остальными, так и не увидев свет, думать не хотелось.

Мигнув обещанием весны, солнце скатилось к горизонту и очередной день прошел. Может быть, со стороны он и показался слишком обычным, но Анна сегодня начала новую картину, а значит, он уже запомнен, останется в памяти, законсервированный на сумрачного цвета холсте. Вечером она нанесла немного краски, еще раз подивившись чарующей симметричности картины – для контраста надо добавить одинокий солнечный луч высоко над крышами – как в тот момент, когда только вышла на крыльцо. Краски ложились аккуратными мазками – светло-серая, черная как ночь, холодно-серебристая и одно пятно яркой бирюзы.

Красиво. И день хороший. Ночь же она провела у компьютера, одиноко бродя по странным, экзотическим сайтам, да бесцельной болтовне в странных же чатах. Это было притягательно, хотя и только и в первое время. Не зная того, Анна

была совершенно согласна с проживающим двумя этажами ниже Александром Ткачевым – стоящих людей в сети почти нет.

Впрочем, ночной этот серфинг отвлекал от гнетущих мыслей, а значит, имел положительный эффект.

В конце концов, что такое ее жизнь, как не вечные прятки от закутанной в серую шаль старухи депрессии.

Утром весна поняла, что зашла слишком далеко и из облаков снова пошел снег. Начатая картина стояла под кружащим снегом окном и вызывала непреодолимое желание поработать.

Ну и хорошо – Анна взяла кисти, краски – она будет рисовать-рисовать-рисовать. Сегодня день рисования – хороший день.

Буквально через две минут хороший день преподнес ей неприятный сюрприз. Картина – теперь на нее падал серый, притушенный снегом свет и она выглядела по иному.

Анна нахмурилась, всматриваясь в свое навеянное весной творение. Два дома – кусочек неба сверху. Вроде все как было, вот только...

– Вот кривые руки, – молвила художница недовольно – мои кривые руки.

Тут она, конечно, лгала, руки у нее были вполне себе прямыми и довольно изящными, но нарисовали и вправду нечто странное.

Картину перекосило. Не очень явно, но вместе с тем за-

метно – очаровавшая Анну вчера симметрия на полотно не передалась. Один из домов был чуть-чуть больше своего близнеца, и это сразу ломало ощущение зеркала, а значит весь дух полотна.

– Ну, почему так всегда получается? – спросила Анна у самой себя, – Дальтоничка.

Квадрат правильно нарисовать не смогла...

Хорошо, что не успела как следует начать красить. Все поправимо.

На кухне ее ожидала мать. Смотрела масляно и выжидательно. Анна сразу поняла, что та в очередной раз решила сменить гнев на милость, и вместо кнута попробовать сладкий пряник:

– Садись, чай готов, – сказала мать, – потом с Дзенем погуляешь?

– Я не могу, – хмуро молвила Анна, – мне рисовать надо.

– Новое что?

Анна уставилась на родительницу – опять замыслила что, или все-таки проблеск сознания?

– Новое...

– Анна, – произнесла мать, – а ты не пробовала рисовать что ни будь такое... поближе к реальности?

– Рисую, что рисуется. Пейзажи мне не интересны, а для портретов... может быть, не хватает мастерства?

Мать, помолчав, сказала:

– Я ж не просто так говорю... мне просто тут встретился

Николай Петрович, ты его знаешь... Он увидел, как ты стоишь, рисуешь и предложил... в общем, он сказал, что может твои картины пристроить!

Вот это да! Анна оторвалась от еды и посмотрела на маму во все глаза. Вот уж откуда не ожидала поддержки!

– Ты это серьезно?

– Серьезно.

Все-таки хороший день. Может быть, даже очень хороший.

– Вообще-то у меня есть кое-что... – медленно сказала художница, – которое ближе к реальности...

– Ну вот и хорошо, – сказала мать, поднимаясь, – а Николай Петрович обещал заглянуть к концу недели. Покажешь ему свою картину.

Анна кивнула. После завтрака взяла Дзена и в смятенных чувствах отправилась на прогулку. С неба шел снег и засыпал давешний конверт – бумага вся просырела, но почерк не расплылся – чернила были въедливые.

Так никто и не поднял.

Дзен шагал впереди, аккуратно ставя огненно рыжие лапы в снег, диковинный фиолетовый язык на миг возникал в пасти, глаза были непроницаемые. Анна размышляла.

– "Что же это" – думала она, – «конец войне? Конец придирам? Разве такое бывает? Раз – и переменялось все. А если и вправду картину пристроят? Ее купят, за нее заплатят деньги? И это будут ЕЕ деньги. Честно ею заработанные! А

за этой могут пойти и другие, и дальше!»

Перед Анной на миг распахнулись и замаячили самые, что ни на есть радостные перспективы, что зачастую распахиваются перед каждым человеком творческим, потому как наделены они, как правило, не только талантом, но и непомерными амбициями. Фантазия скромной художницы Анны разыгралась, и мерещились ей уже персональные выставки, презентации, разговоры в элитных кругах, вспышки фотоаппаратов, фанаты и, может быть, поклонники.

Из сладких грез ее вывел Дзен – резко дернув поводок. Анна очнулась и оказалось, что она стоит как раз на том месте, где рисовала вчера картину. Отсюда симметричность двора была видна очень отчетливо.

Чтобы картину купили, она должна быть хорошей – решила Анна, а значит теперь надо работать, работать и еще раз работать. Не для себя – для других, чтобы приняли, чтобы оценили. Что бы Николай Петрович – облеченный связями знакомый матери, нашел показанное полотно достойным.

– Мы будем работать Дзен, – сказала Анна и сквозь снегопад поспешила домой, – будем работать над собой.

Дзен волокся позади на своем поводке, и недоумевал из-за такого скорого завершения выгула. А возможно он просто знал, к чему зачастую приводит фанатичное самоуглубленное творчество!

Весь следующий день она рисовала – исправляла, выравнивала, перерисовывала, а под конец стала слой за слоем

класть сероватые мазки краски. Дошло до того, что стояла с линейкой и измеряла углы и расстояния, дабы достигнуть стопроцентной симметрии. А потом стала лихорадочно придавать дому и его зеркальному близнецу глубину и цвет.

Картина шла. Получалась, и симметричность вновь возвращалась на нее.

Где-то к вечеру мать заглянула к ней в комнату, и некоторое время смотрела, как ее сумасшедшее чадо рисует. По комнате разбросаны кисти, куски дешевого холста, а на огненной шерсти Дзена просматривается пятно цвета небесной синевы. Ничего так и не сказав, мать ушла, а Анна так ничего и не заметила.

Оторвалась от увлекательного занятия только вечером, когда ранние зимние сумерки напомнили о существовании электрического света. Анна отошла на метр, оглядела картину издали – именно так их и надо оценивать.

Она сумела – симметрия восторжествовала и была тождественна с идеалом всех симметрий – видом рельсовых путей из кабины локомотива. Дома были одинаковыми, угрюмые, в серых красках, что еще больше подчеркивал небесный лоскут над плоскими крышами. И все хотелось найти то место, где кончается прозрачный зимний воздух, и начинается амальгированное стекло.

– Вот так, – сказала Анна, – теперь правильно.

Из окна полотно подсвечивала луна – стареющая, тощает с каждым днем, а ведь девять дней назад была такая огром-

ная, полная, висела низко над крышами! Картина в ее лучах приобрела вид загадочный и древний.

Она была далека от завершенности, но главная художница сумела – суть была ухвачена, зафиксирована и упрятана под несколько слоев мощно пахнущей масляной краски.

– И назвать «Зеркало весны!» – произнесла Анна, – Турманно и напыщенно.

Довольная, как всякий обильно самовыразившийся человек творческий, она остаток дня провела в мелких, приятных делах и мечтах. Не известно как рисовать, а вот мечтать у нее получалось лучше всего.

Мнился ей белый-белый зал, яркие галогеновые софиты, скрипучий паркет, собственные картины на светлых стенах, а между софитами и паркетом пожилые эстеты с одобрительными усмешками и восхищенная молодежь. А в стороне она – Анна, скромно и не бросаясь в глаза, но вот только увидев ее, глаза посетителей распахиваются, сияют восторгом – вот же она, автор, здесь, гениально, великолепно, вы молодое дарование, у вас все будет.

И предложение купить картину за многозначную сумму от солидного, представительного мужчины в дорогом костюме.

Мечты были не новые, но как заклинившая пленка возникали в честолюбивом сознании двадцатилетней девушки Анны снова, снова и снова.

Весь вечер она наигрывала на старом материном пианино мелодии из масштабных заокеанских мелодрам.

Белый свет моргнул – ночь прошла.

Анна открыла глаза и посмотрела на картину – та, стояла совсем рядом с постелью – видимо сама художница поставила ее так, что б было видно. Когда, правда, не помнила.

Серая краска на грубом холсте, синее небо сверху. Два дома и один...

Секунду художница наблюдала свое гениальное творение, свой отделанный позолотой билет в светлое будущее, а потом грязно выругалась. Мать, услышь это, несомненно, была бы шокирована, но Анна в тот миг и не вспоминала о матери.

Картину перекосило. Выглядело это так, словно полотно разбил немалых размеров флюс, исказив и смазав все перспективы. Левый дом выпятился, искривился, как на известной картине Дали, став чуть ли не в полтора раза крупнее своего дойника. И он играл красками – непередаваемыми оттенками серого в черно-белом телевизоре. Близнец же остался как есть – на фоне вздувшегося напарника скучный и убого-мышинного цвета.

Анна встряхнула головой, потом еще раз, чтобы удостовериться, что ей это не сниться.

Посмотрела на полотно, потом на Кэрролла на стене. Тот взирал утомленно – в картине он не сомневался, а вот в Анне вовсю.

– Что происходит? – спросила та, – что с моими руками?!

Так, подумаем логично – сама картина измениться не могла, так ведь? Значит это Анна вчера, своими руками, доводя

до симметрии, тем не менее умудрилась ошибиться в пропорциях.

Правильно было бы спросить – что с моим восприятием?

Но неудачливого автора перекошенного полотна волновало сейчас вовсе не это.

Анна думала о том, что она предъявит к концу недели – не эту же мазню, что на стенах.

А если она не представит что-то удобоваримое, то прости прощай, честолюбивые мечты!

А холст был основательно загублен.

Горькие слезы покатались из глаз художницы и закапали на покрывало, расплываясь бесцветными розами с тысячей лепестков. Потом из горестного, выражение ее лица стало свирепым.

– Аня, ты куда?! – окрикнула мать любимое чадо, когда та пронеслась мимо двери в кухню, волоча за собой мольберт.

Хлопнула дверь.

– Не понимаю, – сказал мать растерянно, и замолчала, подумав вдруг, что ей не понимать уже давно не в первой.

Белой краской по холсту – вот так, убрать эту гадость, искривленные пропорции. Прочьпрочь.

Сверху сыпался вялый позднезимний снежок, падал на холст и смешивался с белой краской. Позади холста падал на дом и не таял, покрывая серые плиты седой изморозью.

На небе свинец – как будто растянули свинцовый лист. И не скажешь, что весна скоро.

Едва дождавшись, пока просохнет, начала рисовать, и делал это со столь зверским выражением лица, что прохожие, ранее косившиеся снисходительно теперь стали посматривать с опаской.

Она рисовала, махала кистью как мечом, вырубая прочь неуютную диспропорцию. Шмякшмяк-шмяк – дом вставал как живой. Как фотография, и странно было видеть, как из этих судорожных, резких и полных угрозы движений происходит созидание.

Кисть вдруг оторвалась и каштановой безобразной копенкой расплылась по свежей краске.

Анна замерла – с удивлением глянула на сломанную ручку кисти и выронила ее в снег.

Почти половина полотна была создана – угрюмое зеркало глядело на нее с холста – ровное, симметричное.

Сколько же прошло времени?

Ответ дало солнце, висящее над крышами и красящее их в нежный персиковый цвет.

Вечер. Четыре часа работала, не меньше.

– Зато картина почти готова, – сказала Анна, и вернулась домой.

Перед сном, она аккуратным автоматическим движением закрыла холст белым, в пятнах краски покрывалом. Так то лучше, чем смотреть. Анна на миг замерла перед покрывалом.

«Зачем ты это сделала» – спросила она сама себя, – «Уж

не для того ли, что бы она ни изменилась там без тебя?...»

– Да ну бред какой, – оборвала художница глупые мысли, – это ты ее нарисовала, не так ли?

А закрытый холст стоял в том углу, куда его отодвинули – молчаливый и загадочный в густом полумраке. Глядя на него, Анне вовсе не казалось, что промасленная ткань скрывает ее творение. Она убеждала себя, что это глупо, вот сейчас можно подойти сдернуть ткань и тогда...

Но в тот вечер она так и не решилась обнажить холст, а ночью плохо спала и наутро встала с головной болью.

Следующий день ознаменовал собой окончание выходных, и все утро Анна провела в институте – бледная, с кругами под глазами, она на все вопросы отвечала невпопад, и никак не могла вникнуть в суть лекции.

Вместо этого ей вдруг пришло в голову, как можно закончить картину. Просто полотно вдруг встало перед глазами как наяву и оно было... гениальным! Ослепительным! Внешне простые линии и грани, но это только если смотреть на них не больше секунды. Скромное очарование, серая красота.

– Я смогу... – сказал Анна.

Дома она сразу двинулась в свою комнату и остановилась перед завешенным мольбертом.

Серый дневной свет падал на него из окна, и в этом рассеянном освещении мольберт выглядел буднично и немного уныло, так что одного взгляда на него было достаточно, что-

бы устыдиться во всех вечерних страхах.

– "Господи, да чего я боюсь!" – воскликнула художница про себя, – «Собственную картину! Ну-ка, что там у нас?!»

И она резким движением сдернула покров, честно ожидая увидеть свое вчерашнее незаконченное полотно.

И, в ужасе подалась назад, лишь усилием воли задушив панический крик. Покрывало выпало у нее из руки и распласталось на полу. Анна смотрела, смотрела, и не могла поверить. Черный, панический ужас восставал откуда-то из трясин подсознания, стремясь затопить сознание и заставить ее бежать прочь, скорее, как можно дальше.

Она не побежала. Она, в сущности, была куда храбрее, чем думала.

Если вчерашний перекус напоминал небольшой флюс, то сегодняшний процесс зашел куда дальше – так бы могла выглядеть зубная инфекция, если ее запустить недели на две.

Кошмарная, уродливая пародия на дом заняла всю левую сторону картины, нависая над своим двойником, который теперь казался маленьким и съезжившимся от страха. Выглядело это так, словно холстина вдруг стала резиновым воздушным шариком, а теперь какой вселенский шутник надувал его изнутри, жутко деформируя рисунок на поверхности.

Дом сиял серыми оттенками, лоснился и поблескивал окнами домов. Он напоминал жирную отъевшуюся крысу, вольготно расположившуюся посреди кучи отбросов – огромную, разжиревшую, довольную жизнью, раскинувшу-

юся во всей своей неприкрытой отвратности.

Сердце Анны тяжело билось, в голове звенело. Один момент ей казалось, что она сейчас отключится и растянется на полу, подле этого ужасного творения.

Но она удержалось. И в этом Анне помогла мысль о матери – та, не должна это видеть, ни в коем случае. Если, предыдущие картины были просто бессмысленными то эта... эта была еще исполнена какого-то жуткого смысла.

Весь остаток дня художница провела в темном ступоре, не способная рассуждать, думать, захлестываемая каким-то темным атавистическим страхом, когда кругом тьма и не знаешь чего бояться.

И что, пожалуй, пугало ее больше всего – с навязчивым желанием снова взяться за кисть и исправить картину.

– Нет, – сказала она себе, – нет, все, хватит.

– Я больше не буду заниматься рисованием, – сказала она час спустя.

– Все поддается логике, – сказала она еще через час, – отец говорил, что осмыслению и логическому объяснению поддаются даже самые невероятные вещи.

Стрелка часов сделал очередной шестидесятиминутный интервал и Анна понял, что стоит перед картиной и сжимает в руках кисть. Художница тут же отшвырнула от себя орудие созидания, и поспешно отошла от холста.

– Что же происходит?

«Почему бы не перерисовать снова?» – подумалось ей ве-

чером, – «А что, хорошая идея».

Точку во внутренней дискуссии поставила потрепанная книжка в мягкой обложке, которая попала на глаза ближе к ночи.

«Снохождение: что есть реальность?»

– "А ведь и вправду, что есть реальность?"

– Это реальность? – громко спросила художница Анна у своей комнаты.

И тут, словно в доказательство явилось правильное, удобное, логичное объяснение, чарующее разумное – она рисовала во сне. Ночью вставала и искажала свою картину. Вот так – лунатизм, просто лунатизм.

Нет, ничего хорошо в таких симптомах, безусловно, не было, но по мнению испуганной, дрожащей девушки Ани, это было, по меньшей мере, в десять тысяч раз лучше, чем осознавать, что картина изменилась сама.

Странно, после этой мысли Анна полностью успокоилась, и пообещала завтра же закончить полотно. Руки уже чесались и тянулись к кисточке.

Утром робко подняла край покрывала и тут поспешно вернула его обратно. То еще зрелище скрывалось под ним.

Почему растет дом? Что за выверт сознания заставляет ее рисовать строение таким?

Учеба длилась мучительно, картина стояла в пустой комнате и ждала.

Метром начал свой отсчет последних дней зимы. Все

когда ни будь кончается – но зима этого еще не чувствовала и морозила вовсю. За одну ночь температура упала на десять градусов, снег захрустел, стекла подернулись инеем, а небо приобрело особую прозрачную голубизну, что возникает лишь при сильных морозах.

Краски вязли на холоде, кисть деревенела, деревенели и руки, но они, в отличие от остальных части тела вполне радовались тому, что дорвались до любимой работы.

– Любимой? – спросила Анна, но ответа не дождалась, и продолжила свой труд.

Временами ей приходил в голову логичный вопрос: что она делает на улице сейчас, в такую холодрыгу, но она поспешно отметала его – всякая логика сейчас была не к месту.

А вот картина – это было главное. Необходимо ее закончить, и как можно скорее. Кто ее закончит, тот получит счастье и процветание.

Еще одна мерзкая логичная мыслишка болталась на задворках ее сознания, билась в ворота мозговой деятельность – такой маленький зачуханный фактик: картина становилась все реальней.

Разве она так рисовала раньше? Разве не было на ее рисунках грубых мазков, несоответствия цвета, общей корявости, из-за которой она так и не нарисовала ни одного портрета? Была? Анна не помнила – эта картина получалась совсем другой. Больше того, художница стала замечать, что может накладывать мазки как угодно грубо – результат все равно

будет идеальным, фотографичным.

– Здравствуйте... – раздалось за спиной.

Анна вздрогнула, обернулась, и тогда стоящий сзади тоже недоуменно попятился – видно выражение лица у нее было еще то.

Впрочем, она тотчас узнала подошедшего – один из собачников, живет в том же доме, что и она. И собака с ним! Большая овчарка – ее звали Альма, а вот имени хозяина Анна припомнить никак не могла.

– Рисуете? – спросил собачник.

– Да, – сказала Анна, – Да, рисую.

– А я и не знал, что художники делают зарисовки с натуры в такой мороз.

– Все зависит от их желания зарисовать.

– Но ведь есть же фотографии и к тому же... – сказал сосед, но его псина оборвала, она подобралась к картине и осторожно понюхала край мольберта. Верхняя губа Альмы задралась, обнажила немалых размеров клыки, она глухо и низко рыкнула. Анна могла поклясться, что в этом рыке слышно крайнее отвращение.

– Ну что, Альма, что? – спросил собачник. Красноцветов его звали – вспомнила, наконец Анна, Алексей Сергеевич.

Красноцветов наклонился над картиной, взгляделся, нахмурился:

– А вот этот дом, он вроде такой же должен быть?

Анна поспешно развернулась к мольберту и узрела ре-

зультат своих трудов. Всего за последние пол часа дом вырос процентов на десять и успел слегка нависнуть над заснеженным двориком. Отвлеклась, задумалась, перестала сохранять пропорции.

– О, да! – воскликнула художница, и обернулась к Красноцветову с очень милой и любезной улыбкой, – надо же... исказилось... а ведь очень важно сохранять пропорции!

– Да-да, – пробормотал собачник вполголоса, видно Анна милая улыбка вполне походила сейчас на таковую же Альмину, задайся та повторить этот мимический трюк.

– Мне надо закончить картину, – сказала Анна, – и важно сохранить пропорции до конца.

Красноцветов кивнул и поспешно пошел прочь. Анна знала, что он, как и все собачники считает ее слегка полоумной. Ну и пусть! Да что они понимают в искусстве. Вот взять ее нынешнее полотно...

Тут она опомнилась и принялась за работу с новой силой. Следовало все исправить.

Краски, которые по идее, должны были густеть и ложиться на морозе комками, падали на холст легко и изящно.

К вечеру картина была готова. Полностью. Перед тем, как идти домой она остановилась и тщательно взгляделась в картину. Ровненько-ровненько-ровнехонько. Симметрия. Два дома абсолютно одинаковы. **РОВНЫ!** И никакого перекоса она не сделала, важно это запомнить.

На обратном пути она увидела давешнее письмо, тор-

чащее наполовину из снега, как диковинный пожелтевший флаг. Так никто и не подобрал. Ну что ж, значит не судьба.

Дома поставила мольберт в угол и привычно накрыла полотном. На кухне мать глянула на Анну как-то странно – новым взглядом, в котором, Анна могла поклясться, была тревога.

Вот уж не ожидала!

– Аня, – спросила мать, – ты себя хорошо чувствуешь?

– Замечательно мам, – произнесла та в ответ, почувствовав вдруг неясное душевное тепло по отношению к своей стареющей родительнице, тоже давно забытое ощущение, – я соблюла симметрию, а это самое главное.

Мать смотрела на нее – и ведь точно, встревожено.

Со странным чувством обладательница самой симметричной картины на свете легла спать. Она ощущала усталость, облегчение, но вместе с тем неясную тревогу – как если на приеме у зубного врача вам говорят что поставили пломбу на один зуб, но придется придти еще раз, чтобы обработать другой.

Ночью что-то пробудило ее. Анна замерла в своей постели, глядя в потолок – на бледный квадрат света, падающий из окна. За окном молочный лунный полумесяц шагал по крышам в неблизкое утро. Час был самый глухой, полночный. Зачем же она проснулась?

Ах да... Анна поднялась и, поджимая ноги от нещадно щекочущего их ковра, направилась в угол, к мольберту. Уве-

ренным движением передвинула его к окну, так чтобы луна освещала ткань. Сдернула покрывало и швырнула его в угол.

Открывшееся зрелище по эстетичности могло поспорить с состоящей из червей мясной запеканкой. Оно вызывало омерзение, страх, но вот только ни грана удивления.

С каменным лицом Анна смотрела на свою картину. Дом занял почти всю поверхностью омерзительной перекошенной массой серо-черных оттенков. Он как будто тек, словно состоял из расплавленного гудрона. Уродливые кривые окошки сияли то подслеповатым белесым бельмом, то адским багровым отсветом, какого, Анна была уверена, никогда не существовало в реальном здании. Но теперь она знала – кошмарное строение вело себя как агрессивная культура бактерий, распространяющаяся и захватывающая все новые и новые пространства.

Поглощающая их. И, что теперь легко можно было заметить невооруженным глазом, слой краски, из которого состоял разбухающий дом, был ощутимо толще, чем на остальных частях картины. Дом расширялся не только вширь. Он уже давно поглотил собой двор, и вплотную подобрался к ассимиляции своего двойника. Да и не двойника даже – бледную тень, потому, что вопрос какой из домов настоящий теперь сомнений не вызывал.

Глядя на картину со страхом, отвращением, переходящем временами в приступы тошноты, Анна, однако, знала что надо делать.

Она аккуратно сняла холст с мольберта и скатала в неровную трубку, попутно замечая, каким тяжелым кажется полотно. Потом, неслышно ступая по ковру, проследовала на кухню – темную, полную серебристых пляшущих теней. Механически положила картину в раковину, с полки сняла коробок спичек. Ощущение ПРАВИЛЬНОСТИ переполняло ее. С негодующим шипением пламя расцветило кухню еще и набором багровых отсветов, что братались с луной и вместе создавали дикую и сюрреалистичную картину.

Анна думала, что полотно гореть не будет, но то бодро занялось, как и должна гореть картина, написанная масляной краской. Яркое пламя взвилось из раковины, лизнуло набор материных декоративных разделочных досок. Едкий чад пошел по кухне, высветились все доселе темные углы – ночные тени в панике спасались бегством. Еще несколько секунд картина пылала, а потом осталась лишь нещадно дымящая горстка пепла. В густом, воняющем женой пластмассой дыму, Анна довольно улыбнулась. Вот так – почему ей сразу не пришло это в голову?

– Аня что... что здесь происходит?!

Мать стояла в дверях кухни, похожая в своей белой ночной рубашке, на почему-то не убежавшее от огня привидение. Увлекаемый сквозняком сизый дым струился мимо ее ног в коридор, как безразмерный дымчатый кот.

– Теперь все в порядке, – сказала Анна, – можешь идти спать. Я поняла, что надо делать и... – тут ее согнуло в при-

ступе жестокого кашля, и несколько секунд казалось что она вот-вот упадет на пол и отключиться. Но пересилила. Дым резал глаза.

Мать вела ее назад к спальне, из кухни дуло холодным ветром – окна распахнули, чтобы сберечься от угарного дыма, хотя запах горелого никуда не исчез и явно собирался остаться там надолго.

Анна с удивление заметила, что руки у нее подрагивают, да и шла она как-то не очень твердо. На миг в зеркале увидела свое лицо – да, если кто тут и подходит на роль привидения, так только она. Не мудрено, что люди шарахаются.

Через пять минут она уже мирно спала, натянув на себя одеяло и свернувшись калачиком.

Мать под утро звонила кому-то по телефону и долго консультировалась плачущим голосом.

Художница этого, впрочем, не видела – чувство освобождения владело ею.

Следующие несколько дней прошли в странном напряженном спокойствии – вроде бы штиль, но почему же казалось, что это затишье в центре бури?

Анна исправно вставала с утра, шла в институт, гуляла с Дзенем, созерцая, как умирает зима.

Не рисовала картин, не мечтала. Голова опустела, стала звонкой и прозрачной под волосами. Анна сама себе казалась странным китайским болванчиком, у которого внутренняя поверхность черепа сделана из гладкого фарфора и по

его гладкой поверхности скатываются любые, имеющие наглость возникнуть мысли.

Подсознательно она чего-то ждала. Мать снова начала язвить, видимо признаки помешательства больше не проскакивали в испуганном взгляде ее дочери.

В четверг снег снова потек ледяными ручьями, солнце светило и уже почти грело, а по ночам его сменяла полнеющая луна.

В четверг Анне приснился кошмарный сон. Она, в тонкой ночной рубашке, стоит в своем дворике и созерцает угрюмый туннель, а сверху падает лунный свет. Рубашка у нее была странная – расписанная какими-то дикими извивающимися полосами. Дул ледяной ветер, обезумевшим псом хватал за голые ноги и Анна вся сжималась от ужаса, потому что знала – это не ветер, а выдох гигантских оледенелых легких дома. Дом проснулся, нежился во вселенском софите луны и хотел чтобы его запечатлели. Почему-то именно это связное выражение мыслей, исходящее от угрюмой мешанины серого бетона особенно испугало Анну, так что она закричала и попыталась убежать. Но ноги вязли в обжигающем вязком снегу.

С задушенным воплем она выпала в этот мир. Было восемь утра и розовый рассветный туман стелился за окном, стучал в стекло и ждал когда солнце разгонит его теплеющими лучами.

Мольберт стоял на его фоне как монумент, массивное и

полное величия сооружение темным силуэтом на фоне зари – так изображают Кремлевские башни на открытках. И картина, снова и как ни в чем не бывало стоящая на нем, тоже излучала величие. Это были скрижали, полные великих тайн вечности, наподобие Розетского камня.

Анна смотрела на картину, всю разбухшую и выпяченную, потом перевела взгляд на рубашку и та и вправду оказалась раскрашенной извилистыми полосами, как развернувшийся символ бесконечности. Анна провела по одной полосе пальцем и часть линии перешла на него. Пахло знакомо – краска, масляная краска. И все руки в краске, а на полу валяются изломанные останки кисточек.

Художница осторожно сняла картину с мольберта и поставила в угол, после чего отправилась в ванную отмываться. Идя через тихую и пустынную большую комнату, она с ледяным спокойствием осознавала как близка к полному умопомешательству. Нет, это был не стресс, не обычная женская истерия – это было что-то тихое, подспудное и ледяное.

Логически выверенное безумие, если хотите.

– Помнишь, Николай Петрович обещал зайти? – спросила мать днем.

– Ага...

– Так, он завтра может...

– Пусть заходит, – сказала Анна, – я приготовила ему шикарную картину. Очень-очень реалистическую.

– Вот и хорошо, – сказал мать, душевно, – вот и славно.

Николай Петрович пришел в пятницу. За час до его прихода Анна поставила на мольберт одну из своих старых картин, и для эффекта прикрыла покрывалом. Безумие-безумием, а портить себе будущее нельзя – с серьезным лицом подумала она – Анна рисовальщица, логичная до отвращения.

Внутри она чувствовала пустоту, которую все время хотелось заполнить смешком или словом – все равно каким. Ощущение как после наркоза мир яркий и незнакомый. Предметы казались гипертрофированными. Проблемы куда-то исчезли, наверное, испугались света.

Николая Петровича Анна ждала со смешливым нетерпением, с какими ожидают начала циркового представления. Почему так? Объяснить не могла, да и не хотела.

Николай Петрович поднимался по лестнице – уверенно и вальяжно, шагами человека который много достиг в жизни, и еще много достигнет. В холеных руках с золотым перстнем на пальце он нес светлое будущее Анны.

Вот он позвонил в дверь – один раз, без спешки. И сразу подбежала мать, засуетилась, заговорила-затараторила, рассыпаясь в приветствиях.

И, чуть ли не ведомый ею под руки, Николай Петрович проследовал в комнату Анны – большой и представительным, очень видный, пахнувшей дорогим одеколоном. Увидев Анну, он покровительственно улыбнулся и провозгласил ободрительно:

– О! А вот и наше юное дарование! Художницей хочешь

быть?

– Хочу... – тоненько сказала Анна и улыбнулась.

От улыбки этой Николай Петрович слегка увял, но задора и важности не утратил.

– Ну что ж, – представительно молвил он, оглядывая комнату с некоторой неприязнью, – давай, показывай, что у тебя есть... Посмотрю, так сказать, оценю...

Мать, выглядывала из-за его широкой спины и вся лучилась невменяемой радостью.

Замахала руками – показывай скорей.

– А вон на мольберте, – с той же улыбочкой указала Анна.

Чуть нахмурившись, Аннино светлое будущее – Николай Петрович – наклонился и взяв промасленное полотно двумя пальцами с идеальными обработанными ногтями, потянул на себя.

Полотно упало. Анна вдруг заметила что картина, которая должна быть на мольберте стоит в углу, понуро наклонившись.

Николай Петрович молчал. Он смотрел на картину. Он не мог произнести ни слова. Анна улыбалась. Лицо матери медленно принимало удивленное выражение.

Пауза затянулась. Солнечные лучи медленно ползли по комнате и норовили лизнуть ноги присутствующим. На пороге комнаты Дзен бесстрастно медитировал на колышущиеся случайным сквозняком занавески.

Николай Петрович издал странный визгливый звук. Анна

иронично приподняла бровь.

Николай Петрович хрюкнул, а потом из его голосовых связок вырвалось первое за последние две минуты слово:

– Мама... – тонким-тонким голосом выдавил из себя Николай Петрович, а потом, покачнувшись, начал неотвратно падать, утаскивая в свой прощальный штопор Анино будущее.

Он упал на ковер, глаза его закатились. Мать в ужасе смотрела на распростершееся на ковре тело.

Анне стало совсем покойно. Она миновала неподвижного Петровича и, подняв мольберт, пошла к выходу.

– Куда ты, доча? – севшим голосом спросила мать.

– Николаю Петровичу не понравилось, – указала Анна на тело, – картину надо доработать.

И, неся в руках выпятившийся ужас, она пошла к дверям. Как была – в домашних тапочках.

На середине пути ее накрыло и мир померк, потерял очертания, утонув в черной, как смола дымке. На миг Анна пришла в себя во дворе, когда стоя на знакомом пяточке рисовала дом. Руки ее увлеченно работали, мозги перегорали и источали сизый дым, очень похожий на тот который был при сжигании картины.

Анна рисовала и рисовала, как есть криво, а потом подняла голову и вдруг поняла, что все это время рисовала чистую правду.

Дом рос. Он разбухал, взмывал на все новые и новые эта-

жи, и маленькие его окошки источали багрянец, он терял прямоугольную форму, становился округлым, серо-лишайчатым, отвратительным. Он стремился поглотить все и вся вокруг. Он нависал, наступал – огромный черный зверь со множеством пылающих глазок-окон. Он становился все выше и выше, и тень его пала на Анну и она закричала, потому что понимала, что произойдет дальше, а она не хотела... не, еще рано... слишком рано...

Дом накрыл ее, чернота пала на тающий мир и закрыла Анне глаза.

Кисть выпала из руки и утонула в пропитывающемся тьмой снеге.

Юную художницу Анну Воронцову нашли лишь час спустя – она сидела в тающем снегу, промокшая, выпачканная в краске и совершенно невменяемая. Следующие несколько недель она провела в психиатрической клинике с диагнозом: «параноидальная психопатия на фоне острого нервного расстройства», где добрые люди в белых халатах и с острыми шприцами быстро доказали ей, что все происшедшее являлось плодом ее расстроенного рассудка.

Она приняла это объяснение с радостью, и после ускоренного курса лечения быстро пошла на поправку.

Мать приходила к ней каждый день и подолгу баюкала в своих нежных руках, плача и приговаривая:

– Ах ты мое дитяко... красавица моя... доченька...

А Анна прижималась к ней, и тоже плакала. И чувствовала-

ли они, как что-то важное и нужное, без чего невозможно жить, возвращается к ним, становится всеобъемлющим.

– Мама, моя мама... – шептала Анна и глотала слезы, – я так виновата...

Картину так и не нашли. Так же как и мольберт.

Через две недели Анна вернулась домой, и на пороге своего дома увидела письмо.

Подняла его, распечатала, но за то время, пока конверт пролежал в мокром снегу строчки расплылись и исчезли с желтой бумаги.

Николай Петрович успешно вылечился от инсульта и вернулся к руководящей работе. В семью Воронцовых он, впрочем, так и не вернулся, предпочитая не узнавать их, встречая на улице.

Жизнь вошла в колею и бодро покатилась сквозь весеннюю капель.

Анна и не вспоминала бы о случившемся с ней в конце зимы, если бы как-то раз Дзен не приволок с прогулки кусок замерзшего холста с несколькими крупинками серо-черной краски. Холст был чем-то смутно знаком, художница не могла вспомнить чем, а когда вспомнила, то ужаснулась, но было уже поздно чего-либо делать и решать.

Потому, что той же ночью начались сны, и жизнь ее разительно переменялась.

Впрочем, не у нее одной.

Интерлюдия вторая.

Пыль. Тишина. Вокруг пьяно кружатся галактики, а снизу овеивает бледно-голубой свет Земли. В белесом этом отсвете белая маска клоуна смотрится чуть ли не страшнее, чем «лицо» жницы. Все молчат и глядят вниз.

Поэт: Ну вот... дождались.

Клоун: бывает и хуже.

Поэт: Куда уж хуже. Ты только глянь на это!

Клоун: А что?

Улыбается дурашливой улыбочкой. Видно, что он так к ней привык, что лицо его совершенно не отражает творящуюся внутри бурю чувств. Глаза поблескивают, отражая звезды.

Поэт: Не вышло... я так и знал. Все этот дом, проклятый...

Клоун: Ну, положим, с картиной было забавно и...

Поэт: И надо ж так случиться – в нашу смену!!! И эти семь – ну посмотри на них, что видишь ты?

Клоун: Семь идиотов. Они смешные, так как любят жизнь. Амбиций море – славно копошатся! А!?

Поэт: Собачник, весь обросший шерстью, что любит золото, а выше – чокнутый маньяк, отброс высоких технологий и этот...

Клоун: Просто Отброс!

Поэт: Любитель хомячков... юннат, давно не юный! Да главпочтамт ходячий с толстой сумкой.

Клоун: Уже не толстой...

Поэт: Молчи, я думаю... еще есть школьник – не дай Бог он повзрослеет, мир еще знал таких тиранов, а следом тот прыгун через луну – ты думаешь, был шанс?

Клоун (косясь в сторону Жницы): Ну, разве только в отражении в луже... А ведь не полетел, повис как на тарзанке.

Поэт: Вот-вот, а лучше бы упал, красиво б распластался... И эта, городская сумасшедшая.

Клоун: Я видел полотно – всего аж передернуло. Нас это ждет, ха-ха! (широко улыбается, но в месте с тем видно, что не искренне. Вообще создается впечатление, что внутри Клоун патологически серьезен) Поэт: Нас ждет... Их уж захватило, а дальше будет больше. Что нам делать, Клоун?!

Жница (в течение беседы продолжает молчать, задумчиво глядя из-под капюшона на красивый полукруг Земли. Белые худые пальцы перебирают ребристую ручку садового инструмента, потом вдруг делает взмах, словно разминаясь).

Клоун (вздрагивая): А что мы можем. Она ведь нам не хочет помогать. Быть может дом сровнять с землей?!

Поэт (тяжко вздыхая): И не думай. Ведь там такие силы, замешаны, что нам пред ними только расстилаться... Куда как проще шлепнуть семерых!

Клоун: Все так плохо? А как же гуманизм?

Нервно улыбается, галактики наворачивают парсеки на

вселенском спидометре. Обитатели сцены угрюмы и подавлены. Жнице все параллельно, эфирный ветерок треплет ее черное одеяние и яркие блески на нем. Поэт задумчиво смотрит, как колышется балахон. Потом лицо его озаряется.

Поэт (после паузы): Мне очень жаль. Жизнь людей бесценна, но наша-то бесценней будет их... Клоун!!

Клоун: А?

Поэт: Я, кажется, придумал... Идея! Эврика!!

Клоун: Выкладывай!

Поэт: Уж коль мы не смогли достать их здесь. Так может быть... попробовать нам тонкие миры?!

Клоун вскакивает и делает колесо по сцене, руки у него слегка трясутся, так что в верхней части колеса он чуть не падает.

Клоун: Тонкие миры!! Да! Да! Да! Да! И как я не додумался?

Поэт (про себя): Не удивительно... (громко): Сквозь тонкие миры – ведь это так же сильно влияет на событий ход земной. Возьмешься, Клоун?!

Клоун: Возьмусь! Не будет семерых, а черт с ним с домом! Пусть обстоит там до обалдения!

Поэт: Ага... хоть было бы лучше, если бы она взялась (кивает в сторону Жницы, та не реагирует) но и мы сгодимся. Изящный ход – своими же мозгами, себя загубят. Я гений, да?

Клоун: Сказал бы кто ты, но нам работать вместе. Присту-

пим друг мой!

Поэт: Приступим!

Вместе поднимаются и творят, отчаянно взмахивая руками в сторону земного шара и яростно споря. После завершения труда бессильно опускаются обратно на подмости. Клоун шумно отдувается. Вдвоем они неприязненно посматривают на Жницу.

Клоун: Одно я не пойму... что она вообще здесь делает?

Жница (Молчит, молчком, однако приходит в голову, что она знает что-то недоступное остальным).

На земле начинается закат. Из космоса это так же красиво, но напрочь лишено всякой патетики и мистической окраски.

В самый прекрасный момент прощания со днем вконец озлобившийся Клоун смачно плюет в сторону земного шара.

Катрен второй. СНЫ.

Is this just fantasy?

Революционер.

В первый день весны Алексей Красноцветов заснул и увидел сон.

Мнилось ему, что стоит он посреди цветущей летней лужайки, и теплый ветерок колышет ему волосы, а сверху пригревает ласковое июльское солнышко.

Но что-то странное было в этой лужайке. Красноцветов мигнул, втянул носом воздух.

Лужайка была черно-белой.

Как в старых фильмах, когда даже сама пленка кажется покрыта пылью от времени. И небо было черно-белым, и черно-белые облака плыли по нему, а снизу сверкающему белому солнцу приветливо качали головками черно-белые цветы. Мир выцвел. Красноцветов подумал, что, наверное, надо испугаться такому явлению – не видеть цвета это ж почти что быть слепым! Но не испугался, потому что полностью черно-белым лужок все-таки не был.

Над травой плавал текучий, полупрозрачный туман диких кислотных расцветок, он был слоистым, где-то густым, а где-то подобен прозрачной кисее. Он колыхался, менялся слоями, как грозовые тучи, закручивался в крошечные водовороты, воронки и смерчи.

Делал он это, впрочем, совершенно бесшумно.

И опять захотелось Красноцветову испугаться, больно уж дико было кругом (ему пришло в голову, что такой эффект может возникнуть от наркотика, он читал об этом, но ведь точно знал что никаких наркотиков не принимал!) Тогда он просто закрыл глаза, спасаясь от мельтешения цветных вуалей, что вились вокруг подобно флагам на демонстрации душевнобольных.

А вуали не исчезли. Остались под веками, как остаются фиолетовые тени на сетчатке, стоит глянуть на солнце. Красноцветову подумалось, что, возможно, он видит ауры – жизненную силу травы и деревьев, и цветов, но потом отменил эту мысль – какие уж там ауры, он цвета то больше не видит.

Кроме того, Алексей Сергеевич неожиданно сообразил, что видит их, в общем то, не глазами. Ноздрями он их видел, ноздрями.

Чувство было до того необычным, что он изумленно фыркнул. И тотчас перед его закрытыми веками возник давно знакомый силуэт, присел на травяную кисею (совсем не зеленую, а медово-золотистую), и дружелюбно взмахнул кисеей хвоста. Вернее взмахнула.

Красноцветов открыл глаза и увидел Альму. Большая овчарка, почему-то стала еще больше. В черно-белых (он помнил, что они были медовые, почти как нынешняя трава) светился ум и понимание.

– Это ты Альма? – спросил Красноцветов, – пришла ко мне?

– Пришла, – кивнула Альма, – я всегда с тобой, помни это.

– Ты разговариваешь... как человек.

– Нет, – овчарка встряхнула головой, – это ты говоришь как собака.

– Но я... – сказал Алексей Сергеевич, – постой, я...

Альма сидела на черно-бело-золотистой траве и улыбалась. Красноцветов не мог понять, откуда он это знает, ведь морда животного была совершенно неподвижна, пока не сообразил, что улыбается цветная Альмова вуаль.

Разгадка пришла неожиданно.

– "Да это же запахи" – воскликнул про себя Красноцветов, – «Вот как они выглядят».

И переступил мохнатыми когтистыми лапами – они-то как раз отвращения не вызывали – мощные, созданные для быстрого бега.

– Но почему? – спросил он Альму.

– Может быть, ты подсознательно хотел этого? Ведь не зря же ты стал собачником.

Помнишь, все цитировал про то, что чем больше узнаешь людей, тем больше любишь собак?

Вот и воплотилась твоя потаенная мечта, вот ты и оказался здесь.

– Но как это случилось, и где это здесь?

– Об этом тебе лучше спросить Дзена – сказала Альма и снова улыбнулась по собачьи (он теперь понял, каким нелепыми и уродливыми кажутся попытки собак подражать человеческой улыбке с помощью мимических мышц, улыбаться запахами у них получалось куда изящней), – он у нас главных по метафизике. А здесь... это значит здесь, у нас, в Мире собак.

– Мир собак... – выговорил Красноцветов потрясенно.

Он глянул на небо – оно должно быть голубое, но сейчас было серебристое, неживое, почти полностью потеряло свою глубину. В трех или четырех местах мертвый блеск прерывали оранжево-красные шлейфы. Алексей решил, что видит самолеты, но ведь это запахи, а значит все проще – это птицы. Яркий красный запах бешеного птичьего метаболизма.

– Не вздумай отрубаться! – строго сказал Альма, – быть собакой совсем не плохо.

– Я и не говорил, что плохо, – сказал Красноцветов, – А где Дзен?

– Ты разве не чувствуешь?

Он чувствовал – ощущения потихоньку вставали на свои места – первичная дезориентация проходила.

Красноцветов обернулся, и действительно увидел остальных.

Тут были все – кривоногая и лупоглазая Дося, безумный Чак, смотрящий с высокомерием, элегантная Лайма-Джус в облаке фиолетовой пахучей шерсти, и Дзен – который, как сразу понял Красноцветов, был вожаком. Чау-чау поглядывал снисходительно и дружелюбно.

Алексей Сергеевич ощутил, что животных стало куда легче различать. Словно они вдруг обрели скрытую доселе индивидуальность. Да так оно и было – воспринимая запахи, Красноцветов уже не за что бы ни спутал того же Дзена с другим чау-чау. Дзен был настоящим мыслителем, это сразу бросалось в глаза. Красноцветов почувствовал невольное уважение к этой импозантной, рыжеволосой фигуре.

Ему не показалось это странным – мозговые ресурсы, отвечающие за сравнения тоже перестраивались. Мир собак с каждой секундой становился все понятней.

– Я вижу все здесь, – сказал Дзен низким представительным баритоном. Собаки засуетились, кое-кто стал преданно заглядывать в глаза вожаку, – И даже наш спутник тоже – он кивнул в сторону Красноцветова, – в таком случае, я рад объявить, что наш поход продолжается.

– Да! – крикнул Чак, – Да! Вперед! Рвать глотки ненавистным палачам, да!

– И это тоже, Чак, – сказал Дзен, – но всему свое время. Сейчас нас шестеро – не слишком хорошее число, но мы больше никого не смогли переманить на нашу сторону. Все слишком бояться Мясника. И не напрасно. Но, нам обещали

всяческую поддержку, питание и снаряжение.

– Было бы неплохо получить часть питания прямо сейчас, – сказал Дося ворчливо.

– Извини. Как я уже сказал всему свое время.

– Надо рвать им глотки и питаться кровью. Пусть знают, что не один Мясник может пить кровь! – крикнул Чак.

На этот раз животные заволновались, Лайма низко тявкнула, выражая согласие.

Красноцветов вдруг заметил, что собаки выглядят плохо – они худые, их шерсть свисает грязными космами, а на боках слиплась от крови. Да и в глазах горел какой-то диковатый огонь.

– А что здесь происходит? – спросил Алексей против воли.

На него уставились глаза – вроде собачьи, но совсем не бессмысленные. Он заметил, какие яростные они у Чака, и что у Доси понурые и затравленные.

– У нас поход, – сказал Чак – поход против зла!

– Можно сказать и так, – произнес Дзен, – сейчас мы двинемся в путь, и если ты не возражаешь, я расскажу тебе обо всем по дороге.

Красноцветов кивнул, и словно только этого и ожидали – компания псов неторопливо затрусила сквозь черно-бело-пахучую траву – куда то вглубь лужайки. Алексей Сергеевич, все больше срастающийся со своей собачьей шкурой занял место подле Дзена. В нос шибало одуряющими, уво-

дьящими в сторону запахами, которые рассудительный мозг Красноцветова раскладывал на составляющие, да выражал в виде цветной вуали.

– Это Мир собак, – сказал Дзен, вальяжно вышагивая, – в нем живут собаки, он для них создан. Это не Собачий рай, но место тоже вполне приятное. Здесь много глупой, не боющейся нас дичи, вода в ручьях ледяная, а небо прекрасного стального оттенка. Здесь не бывает зимы, дожди идут редко и в меру. Здесь нет волков или других крупных хищников. Это может показаться Эдемом, но как я уже сказал это не Собачий рай. Потому что здесь есть Мясник.

– Мясник, о да, Мясник!! – подпрыгнул Чак в пароксизме ярости. Остальные при упоминании этого имени слегка приуныли.

– Мясник, – выговорил Дзен, – он тиран. Деспот. Он правит нами и всей этой благоуханной и богатой землей. Но на этих самых богатых пищевых землях мы голодаем! Нам не разрешено охотиться, не разрешено пить из ручья больше определенной нормы. Мы в рамках закона. А закон – это Мясник.

– Это его реальное имя, или прозвище?

– Прозвище, но и реальное имя у него примерно такое же. Он живет в могучей крепости из черного вара, посередине нашего Собачьего мира. Его охраняет гвардия – элитные спецчасти, задачей которых является всеобщее контроль над населением.

– Все их бояться, – сказал Дося понуро, – он знает толк

в казнях.

– И что, – спросил Красноцветов, – неужели у него совсем нет противников, оппозиции?

– Есть, – сказал Альма, – весь Собачий мир.

– Так что же, неужели не было попыток поднять восстание, бунт?

Дзен покосился на него. Алексей обернулся и увидел такой же напряженный взгляд Альмы.

Позади Чак гневно фыркнул.

– Что? – сказал Красноцветов, – мы? Но нас же только шестеро!

– Дося права, – произнесла Альма печально, – все его боится. Знаешь, что он делает с непослушными режиму? Раздирает на куски перед дворцом. Может быть, ты слышал ночью, как стая собак уничтожает одну пришлую?

– Так получается это он, Мясник?

– Его влияние.

Они пересекли лужайку и сейчас двигались по густой траве, вдоль лесного массива. Если бы не запахи, Красноцветов бы и подумать не мог что здесь проходит дорога. Однако так оно и было – сероватый пыльный тракт, состоящий из смеси запахов сотен и сотен животных проходил здесь, не видимый простому глазу.

– У нас не очень много больших собак, – продолжил Дзен, – а гвардия Мясника вся состоит из отборных доберманов и ротвейлеров. Это настоящие звери. У них не очень

хороший рассудок, но зато быстрые рефлексы!

В отряде зафыркали – видимо у собак это считалось позором.

– Прямая агрессия ничего бы не дала. Силы слишком не равны. Но вот маленькая группа смельчаков, пробравшаяся в сердце дворца и убившая Мясника... она могла бы дать нам свободу!

– Свободу! – шепнула Альма.

– Свободу... – выдохнула, замучено Дося.

– Да, свободу! – экзальтированно рявкнул Чак.

– И мы дадим ее! – молвил Дзен, – дадим ее нашему Собачьему миру! Даже если... даже если сами погибнем от руки Мясника!

– Революционеры... – сказал Красноцветов ошеломленно, – Альма, скажи мне. Ну а ты-то как попала сюда? Разве я плохо тебя кормил?

Альма улыбнулась – тепло и нежно, как маленькому щенку:

– Я в Движении уже много лет. Просто ты не замечал этого, когда был человеком. Сейчас все изменилось.

– Я не замечал, – сказал Красноцветов, и ужаснулся, потому что ему представилось все многообразие отношений животных, начиная с собак, и через мышек, переходя ко все мельчающим создания вроде кузнечиков, божьих коровок, и, наконец, блох.

Почему-то мысль о блохах наполнила его отвращением.

– А что? – спросил он, – у мелких животных тоже есть свой мир?

– Мир мышей, Мир кроликов, и мир насекомых? – произнес Дзен – вполне возможно, но не здесь, в Мире собак. Здесь только собаки.

– А Мир людей?

– Ты же в нем жил. Там есть только люди, а остальные служат им фоном, и...

Тут Дзен осекся и Красноцветов с дрожью ощутил исходящий от пса острый болезненножелтый запах тревоги, от которого непроизвольно становилась шерсть дыбом.

– Что это?! – спросил Дзен.

Чак принюхался, зажмурил глаза. Теперь и Красноцветов ощутил – темно красный, как бархатное дно шкатулки, как ангина в глотке моллюска, запах. Он был не неприятный, нет! Просто пугающий.

Чак открыл глаза. Лимонный кислый испуг струился отовсюду.

– Патруль!! – тьякнул Чак визгливо.

– Быстро в лес!!! – скомандовал Дзен и они стремительно понеслись прочь от тракта в густое сплетение молодых елей.

– Попались! – пискнула Дося, – Ой, попались!

– Тихо! – рыкнула Альма, – может быть пронесет... копайте.

Животные принялись копать, яростно разбрасывая остро пахнущую опавшую хвою. С изумлением Красноцветов уви-

дел, как густо перемешанный со ржавыми палыми иголками, белесыми корнями и умирающей подземной живностью серый лесной суглинок оседает на и так не слишком чистой шерсти собак. Альма грубо толкнула его, обдала земляной пылью, и он понял – надо подражать остальным.

Работали в исступлении, не жалея себя, и скоро стали похожи на собачью версию земляных элементарей. Дзен почти полностью скрылся в выкопанной им яме, только голова торчала на поверхность.

Маскировка дала свои плоды. Алексей Сергеевич видел, как на глазах исчезает присущий животным запах, забитый мощным ароматом поднятого почвенного слоя. Красноцветову показалось, что он утратил зрение – его спутники потеряли индивидуальность. Почти исчезли. Только раздавалось то там, то тут тяжелое дыхание.

Замерли. Напряженно ловили сочащийся запахами воздух.

Багровое приблизилось – патрульные явно шли по тракту. Со стороны казалось, что вдоль леса течет охряной, вдруг обретший яростное сознание ручей – тяжелый злобный дух шел за патрульными, как хвост кометы, и от этих миазмов сами собой замолкала мелкая лесная живность, птицы переставали петь, и даже, казалось, луговые травы прекращали свое легкомысленное раскачивание и замирали неподвижно.

В тот момент, когда патруль поравнялся с укрытием группы, Красноцветов осознал, что, не видя их, может сказать

состав и численность патрульных.

Их было пятеро. Все ротвейлеры – тяжелые, мускулистые звери, им сровнялось по три года. Черные как ночь. Уверенные в своей силе и превосходстве. Злые. Склонные впадать в неконтролируемую ярость.

Информация все поступала и поступала в мозг Красноцветова от его обонятельных рецепторов, и скоро оказалось, что он знает об этих ротвейлерах все.

Ему стало нехорошо от сознания что псы, таким же образом, могут учуять его. Тяжело же здесь быть партизаном...

Ротвейлеры ему кого-то напоминали. Он не мог этого постичь нюхом, но на помощь пришла логика. Составляющие головоломки – набор качеств присущих патрульным, сложились воедино и явили общую картину. Очень знакомую. Слишком...

Патруль миновал ухоронку, и потрусил дальше, наводя страх и ужас на черно-белые цветущие окрестности. Псы молчали. Только Чак гулко выдохнул, словно все время отсидки сдерживал себя от тяжкого позыва-то ли напасть на патрульных, то ли, вскочить и бежать прочь.

– Ушли... – тихо выдохнула Дося, – не заметили.

– Я всегда говорила, что наш Дзен – гений, – сказала Альма, – ну кто бы еще придумал так маскировать запах?

– Природа, Альма, – добродушно молвил Дзен, – это метод волков. Они таким образом маскируют свой аромат, когда подбираются к дичи.

Красноцветов молчал. Ему было холодно и страшно. Видимо страх этот тоже имел какой то запах, потому что звери повернулись к нему с некоторым недоумением.

– Мясник это Бутч, да? – спросил Алексей, – А Бутч это... Бульдозер?

– Ты его знаешь, – мягко сказал Альма, – да, мы все его знаем...

– Он правит там, и правит здесь, – произнес Дзен.

– У меня один вопрос, – продолжил Красноцветов, – вы хорошо подумали, прежде чем отправиться в свой поход?

И на него глянули пять пар глаз, в которых на миг вспыхнуло знакомое исступление. В чем-то оно было пострашнее, чем багровая злость патрульных.

Долго и безуспешно отряхивали шкуры от земляной пыли. Кашляли, чихали – пыль лезла в глаза и отбивала нюх. Потом три долгих часа тащились под утратившим ласковость и наливающимся с каждым часом жаром солнцем. Хотелось пить, с высунутых языков капала слюна и утопала в серости тракта.

Хриплыми от жажды голосами собаки начали напевать тягучую песню, сопровождающуюся подвыванием и скулежом. Ритм у нее видимо был изначально маршевым, но, то, что выдавали пересохшие глотки как марш годилось, пожалуй, лишь для волжских бурлаков.

В песне говорилось о Стране собак. О ее полях и лесах, о беспечной дичи, что пасется на этих полях, о теплом солнце,

и звенящих ручьях. Еще там был Мясник, который сравнивался с черной грозовой тучей, закрывшей солнышко (сейчас это казалось, скорее благом, чем проблемой), и бедные звери, что тяжело страдают под пятой Мясника. И пелось о мире, дивном новом мире, который наступит, когда падет злобный тиран, и вновь будут колоситься поля, и беспечная живность будет глотать воду из прозрачных ледяных ручьев.

Тут Красноцветов не выдержал и спросил, нет ли тут хотя одного из этих прозрачных и звенящих источников? Дзен тяжело вздохнул, и печально сообщил, что один источник неподалеку есть, но не факт, что они до него доберутся.

– Это как это?

Дзен еще раз вздохнул и партия потащила дальше. Километра через три вожак остановился и объявил, что источник совсем рядом, всего лишь метров пятьсот в сторону от тракта по бурелому. Никто не возражал – пить хотелось лишком сильно. Красноцветов все ожидал услышать шум воды, или тем паче почуять ее сырой, вкусный запах, но ничего этого в воздухе не ощущалось. Поэтому, когда Дзен, тяжело дыша, остановился и объявил, что они пришли, для Алексея Красноцветова это стало полной неожиданностью.

– Где? – спросил он.

– Здесь, – сказал Дзен, – немного физических упражнений мы у цели.

– Мы, что колодец собрались копать? – пробурчал Красноцветов и принялся рыхлить почву когтями – получалось у

него на удивление хорошо, так бы и работал землероем!

Остальные тоже стали раскапывать почву, извлекая на жаркую поверхность нежных белых личинок, белесые корешки, которые от этих личинок почти не отличались, черных муравьев, которые злобно пытались кусаться, изумительно красивые кремни, и отбросы странной формы, явно искусственного происхождения. Из-за этого строительного мусора Алексей чуть не пропустил собственно сам источник. Когда же рубленные его очертания проступили на зеленоватой от хвои лесной свет, Красноцветову ничего не оставалось кроме как вытаращить глаза.

Из выкопанной ямы восставал водопроводный кран. Обычный, советской еще выделки, ржавый, с оббитыми острыми краями. Кран выглядел дико, но от него шел знакомый медный водяной дух.

Но звери оживились, стаи негромко переговариваться, Чак шумно облизывался.

– Это что, и есть ручей? – спросил Красноцветов.

Дзен отбросил последние горсти серой, высохшей сверху и влажновато-глинистой внизу земли, сказал печально:

– Да это ручей. По приказу Мясника все водяные источники загнали в подземные коммуникации и выдают нормировано раз в два дня.

– Ко второму дню вода почти всегда загнивает, – вставила Дося.

– А все коммуникации сосредоточены у него во дворце.

Говорят, там даже есть бассейн.

Мы собаки, а не кошки, мы любим воду... К счастью, в нашей среде есть работники коммунальных служб, которые и указали на резервные краны.

Красноцветов потрясенно кивнул. Ему представлялись километры и километры водопроводных труб, что тянулись под этой черно-белой землей.

– Все-таки мы не одиноки в нашем деле, – произнесла Альма, – и этот источник, лишнее тому доказательство.

Дзен кивнул, аккуратно ухватился зубами за кран, и пошел по кругу поворачивая ржавую ручку. Теперь стало понятно происхождение многочисленных вмятин на поверхности старого водопроводного аксессуара. Кусали его не раз и не два.

Усилия Дзена скоро были вознаграждены – с глухим рокотом из-под земли вырвался настоящий фонтан, несущий комья земли и хвою, остро воняющий железом, который повис в воздухе водяной пылью, породив маленькую черно-белую радугу.

Подождав, пока не заполниться естественная выемка в земле и не образуется маленькое мутное озерцо, животные начали пить. Кто чинно и спокойно, кто устало и замедленно, а кто (Чак) шумно и с нетерпением. Красноцветов остановился на берегу прудика и посмотрел в колышущуюся воду – оттуда на него печально глядел серый бородатый эрдель, который, впрочем, был удивительно похож на Алексея Сер-

геевича. Собачья эта морда удивительным образом переняла многие человеческие черты Красноцветова, так что с самоидентификацией проблем не возникало.

После того, как все напились и блаженно развалились в теньке, Дзен завернул кран обратно. Алексей мрачно глядел, как желанная влага впитывается обратно в сухую почву.

Дзен перехватил его взгляд, сказал:

– Так надо, берем понемногу, иначе на подстанции заметят утечку и пришлют патруль.

Фонтан иссяк с негодующим клокотанием.

– Если ручьи звенят в трубах, – сказал Красноцветов, – то беспечно пасущаяся дичь...

– Беспечно пасется за решеткой в зверофермах Мяслика, – окончил за него Дзен.

– Теперь я, кажется, понимаю, почему вы отправились в свой поход, – сказал Алексей Сергеевич и со стоном воздел себя на лапы.

Ближе к вечеру тракт расширился и пахло далеким жильем. К этому времени все уже выбились из сил и едва тащились. Больше всех утомились коротконогая Дося и массивный, не склонный к быстрому передвижению Дзен. Мелкий Чак, напротив, топал как заведенный.

Патрулей больше не попадалось, да и вообще тракт казался опустевшим. Дзен сказал, что основное население живет подле дворца Мяслика, там, по крайней мере, не бывает перестрелок с водой.

В какой то миг дорога пошла в гору, миновала пахнущее вереском и паутиной редколесье, и миг побалансировав на вершине холма, побежала вниз. Звери же на гребне остановились.

– Собачий хутор, – сказал Дзен, – нам повезло, я думал, не успеем до темноты.

Красноцветов смотрел вниз на нелепое сооружение, которое и являлось постоянный двором.

Чем-то оно напоминало соты, по недомыслию скрещенные с колонией птичек-ласточек или чижей. А технократ, несомненно, нашел бы аналогию в многоэтажном гаражном комплексе.

Только на огромной, лысой, вытоптанной, проплешине роль гаражей исполняли будки.

Типичные и очень характерные собачьи домики теснились рядом друг с другом, выстраиваясь в идеально правильный строй. Меж ними образовывались какие то свои улочки, переулки и тупички. В данный момент плотно забитые разношерстным собачьим стадом. Будки были совершенно одинаковые и безликие – по аналогии с гостиничными номерами.

Дух от хутора шел потрясающий. Был он похож на запах тракта, но если тракт был серый, вымерший, тот тут запахи были живые и яростные, смешивающиеся в одну крикливых расцветок, массу. Из-за этого двойственному зрению Красноцветова казалось, что проулки ярко освещены.

С тревогой он отметил, несколько черно-багровых теней мелькнувших в общей, пахучей, массе и указал на это Дзену. Тот качнул головой:

– Не страшно. Тут такой фон, что легко затеряемся.

Они спустились вниз, и следуя за своим вожаком начали пробираться сквозь нелюдскую толпу. Красноцветов отметили, что животные в основном отощавшие, с выпирающими из-под тусклой шкуры ребрами. Но не грызлись, даже не высказывали неудовольствие, когда толкались и налетали друг на друга. Неожиданно утратив возможность обонять в этом смешении запахов, Алексей, чуть было не потерял своих спутников. Испуганно стал оборачиваться – собаки были везде, светло-серые, темно-серые, черные. Только очень сильные эмоции, а, следовательно, и запахи могли прорваться, через общий благоухающий фон.

Красноцветова нашла Альма и легонько куснула за холку – не отставай!

Судя по всему, Дзен хорошо ориентировался в лабиринте собачьего хутора. Не прошло и четверти часа, как он вывел команду на окраину, и, остановившись подле будки-коттеджа с номером 256, стукнул в дощатую стену.

Из пахнущей псиной тьмы будки возник потрепанный фокс с седой, клочковатой бородой.

Увидев группу, он комично вытаращил, глаза, но совладал с собой и даже не стал испуганно оглядываться в поисках патруля.

– Мы пришли, – сказал Дзен.

– Я вижу, – пробормотал Фокс, нервно переступая лапами, – все готово. У нас переполнено, но для вас... для вас всегда найдется! Вы не бойтесь.

– Еда, питье? – спросила Альма, – патруль догадывается.

Фокс прижал уши. Пахло от него страхом:

– Воды нет, два дня как выдали пайку. Уже все выпили!

Но кролик есть, старый, правда...

– Давай!

Фокс засеменил сквозь толпу, короткий обрубок хвоста его понуро висел. Видно было, что пес до икоты боится.

Конуры ими нашлись опять же на окраине. Но удобные – стояли рядом друг с другом.

Животные стали размещаться в своих одноместных будках, устало вздыхая. Фокс торчал рядом и выкладывал местные слухи:

– Ищут вас. Мясник знает, скоро по провинциям разошлют описания. Запах они ваш найти не смогли... повезло.

– Уничтожили? – быстро спросил Дзен.

– Красный перец... – сообщил фокс и вздрогнул.

На мордах собак отразилось искреннее отвращение. Красноцветов оглянулся на Альму:

– Не пробовал? – спросила овчарка, – повезло. Ядерная смесь дышать ей – все равно, что нюхать горящий напалм.

У себя в будке Красноцветов нашел травяной матрас, пропитанный чужими выделениями, да ржавый кран без венти-

ля. Что торчал аккурат из центра торцевой стены. Под ним обнаружилось треснутое деревянное корытце, абсолютно пустое и вылизанное до блеска легионами чужих языков.

Возможно, это и был комфорт по-собачьи. Рожденный человеком Алексей Сергеевич тяжело вздохнул и вышел в вечеряющий день.

Фокс принес кролика. Посмотрел на одинокую пыльную тушку и сказал:

– Не поверите, всем коллективом собирали. Нам ведь для движения ничего не жалко, вы не думайте. Душой мы всегда с вами, – он огляделся и, понизив голос до еле слышного шепота, тьякнул:

– долой мясника! Долой!

Звери понуро рассматривали товарищескую помощь. Кролик выглядел неважно. Начать хотя бы с того, что он мертв уже недели две. Кроме того, приходилось признать, что умер он, скорее всего, от голода.

– Ну что ж, – вздохнул Дзен, – нам хороша любая помощь. Мы признательны.

Фокс подобострастно закивал, вздымая пыль и чужие ароматы, еще раз, дурея от собственно смелости рявкнул «долой Мясника!», и поспешил оставить их – в улочку вывернул патруль.

Красноцветов смотрел, как лощеные псы проплывают мимо – ровным, самодовольным строем.

Глаза горели, ноздри жадно раздували и ловили миллио-

ны окрестных запахов. Надохлого кролика даже не покосились – были сыты.

Переждав патруль, группа устроила скудную трапезу. Глядя на серую, высушенную тушку, Дзен мрачно пропел несколько строк о беспечной, резвящейся на просторах дичи.

По негласному договору кролика отдали самым маленьким – Досе и Чаку. Причем последний жрал так активно, что бульдожке перепало от силы треть.

– Мне нужны силы для борьбы против тирании, – объяснил сконфуженный Чак, видя негласное осуждение товарищей, – ведь, это я, я поведу вас!

Они кивали, пряча глаза. К счастью, толкнувший очередную речь Дзен, отвлек их от тяжелых мыслей.

– Нас всего шестеро, это да, – сказал он, вольготно располагаясь подле своей конуры.

Остальные уселись рядом – не дать ни взять группа студентов перед лектором, языки высунуты, глаза горят и смотрят с обожанием, – Но мы не собираемся брать врага силой.

Мясник могуч. Его крепость из антрацита венчает собой абсолютно неприступную скалу, и есть только один путь наверх. Узкая эта тропа день и ночь патрулируется отборной личной гвардией мясника. Не пропускает никого, никакие личные просьбы и мольбы не могут долететь до самых верхов. Помимо этого есть три поста охраны и могучие стальные ворота. Ключи от них есть только у охранников на постах, и

охрана не спешит ими поделиться.

Целая армия псов не сможет прорваться к замку, благо прецеденты уже были.

Собаки загрустили, взгляды опустили к вытоптанной, пахучей земле. Видимо, вспоминали прецеденты. Красноцветову пришло в голову что этот мир и вправду мало похож на собачий рай.

– Но даже прорвись мы ценой огромных жертв в замок, – говорил Дзен, – то и тут мы упремся в хитроумный лабиринт, заполненный ловушками и ведущий во внутренние покои замка. Только самые приближенные Мясника знают как через него пройти. А они, увы, редко посещают нас.

– Боятся нашего гнева! – рявкнул Чак фанатично.

– И заслуженно, – вставила Альма.

– так или иначе, силой нам не пройти. Но сила – это лишь один путь!

Потихоньку начинало темнеть, небо теряло свой стальной блеск и наливалось мутной чернотой. Красноцветов с тоской подумал, что красота закатов в этом мире для него полностью и бесповоротно утрачена. Звезды на небесах так и не зажглись, то есть теория, что собачье зрение слишком слабо, чтобы видеть их полностью подтвердилось.

Черно-белый и оставляющий массу места фантазии закат частично был компенсирован возможностью отлично ориентироваться и в темноте. Яркие шлейфы запахов с окончанием дня ничуть не померкли – напротив, стали ярче, изыскан-

ней, словно исчез тот постоянный мощный фон, что приглушал их краски при солнечном свете.

Красноцветов втянул воздух ноздрями, теперь и он знал, что может добраться в другой конец лагеря не заблудившись. Алхимическое смешение тысячи ароматов освещали улицы куда лучше тысячи ксеноновых ламп. Алексей Сергеевич, глянув на это буйное цветное мерцание, вдруг сделал для себя забавный вывод – а ведь не плох этот мир собак... и даже ощутил неясный позыв спеть песню про пастбища. Может быть, Дзенова харизма подействовала?

– Так как же вы собираетесь проникнуть к Мяснику? – спросил Алексей.

Дзен наградил его кивком, каким лекторы награждают задавшего правильный вопрос слушателя:

– Вот здесь стоит Чак, наш с вами товарищ, который не побоялся выступить против Мясника. Раньше Чак работал информатором и осведомителем в службе тирана! Он, вот в этой своей маленькой голове держит сеть коммуникаций антрацитового дворца! Есть труба...

– Цельный тоннель!! – воскликнул Чак.

– Да, тоннель, который ведет во внутренние покои. Обычно он полон воды, но раз в три дня, она отключается для плановой проверки. Именно в этот момент...

Именно в этот момент полыхающая ароматами ночь вдруг расцвела болезненнооранжевым духом напряженного ожидания. Именно так, подумал Красноцветов, может пах-

нуть наркоман, перед очередной дозой – болезненно тяжкое ожидание.

Одновременно вой сотен глоток придал, почти заглушил одинокий хриплый сигнал рога.

Чак вскочил:

– Нам повезло! Сегодня выдают воду! Скорее по конурам! Действовали быстро, Алексей Сергеевич и не заметил, как оказался в душном своем номерке, в почти молитвенной позе перед ржавым сантехническим агрегатом.

Вслед за воем последовала долгая, мучительная и смешанная с запахом ожидания пауза.

Кран издал рыгающий звук в лицо Красноцветову. Острый железистый запах потек из его нутра, а следом в корытце рванулся поток чистой и прозрачной как слеза воды – почти такой, о которой пелось в песне. Поток этот низвергался с гневным шипением, пока не наполнил корытце до половины, после чего кран еще раз рыгнул и воду перекрыл.

Только глянув раз на свое отражение, Красноцветов жадно припал к благословленной влаге, и не замечал ничего, пока его язык не начал впустую шлепать по дну корыта.

Жажда была более или менее утолена, но и воды больше не осталось. Алексей Сергеевич качнул кран, но выдавил лишь еще одну тяжелую каплю влаги.

– "Да", – подумал он, глядя, как она шмякается о полированное дерево (языками ведь полированное!), – «теперь, кажется и мне хочется свергнуть Мясника».

Остальные ждали его на улицы. Выглядели довольными, но вместе с тем смущенными, еще бы – в очередной раз отведали с милости Мясника!

– И это на два дня? – спросил Красноцветов.

– Увы, – сказал Дзен.

В густеющей (но вместе с тем проницаемо для запахов) тьме, поговорили еще о туннеле, его длине и пропорциях. Подробно обсудили хронометраж. Но никто почему-то и не упомянул о том, что они будут делать собственно после того, как попадут внутрь.

С тяжелым чувством и проснувшейся жаждой обросший шерстью Алексей Сергеевич Красноцветов удалился спать, и всю ночь просыпался оттого, что подрагивающие и бегущие куда-то лапы то и дело бились о край пустого корытца.

Встретив черно-белый рассвет, снова тронулись в путь. Долго и мучительно тащились сквозь благодатные, черно-земные, наполненные сочной серой травой пастбища. Увы, беспечная и не догадывающаяся о своей тяжелой судьбе дичь паслась теперь за чугунной решеткой. Трава радовала глаз, но здесь, в Мире собак, ее сочность была скорее оскорблением.

Дорога тянулась, вытоптанная сотнями чужих лап и впитавшая сотни чужих запахов, так, что теперь они сливались в единый тяжелый аромат, пресловутый запах пути. Вдыхая его пополам с едкой пылью и мошкаррой (единственным представителем беспечной дичи на этих просторах) Алексей

Сергеевич Красноцветов подумал, что уже чувствовал его раньше.

Выезжая в шесть утра, в сторону Москвы, чтобы успеть на самолет, или пробираясь под холодным дождем к электричке, чтобы отмахать семьдесят километров и попасть на дачу – в такие моменты он и чувствовал этот запах – сливающийся из горячего металла, или промокнувшего от дождя дерева запах пути. Просто тут он ощущался отчетливее. И у этого запах была своя особенность – его чувствуешь только пока идешь, находишься в движении.

И собаки устают – к вечеру четыре лапы начали надсадно болеть. Дважды скрывались от патрулей в лесу, шерсть окончательно пропиталась мелким суглинком и все животные сровнялись в цвет, так, что издали их, наверное, можно было принять за группу уродливых волков разного возраста.

Один раз раскопали источник. Пили долго и с удовольствием, вспоминая собачий хутор, и с чувством ругая Мясника. Вид уходящей в грунт воды пробуждал застарелую грусть.

Вечером говорили много и чувством, о все том же Мяснике, о политике и о тучных стадах беспечной дичи. Красноцветов спросил откуда возник Мясник и что было до него, но получил в ответ расплывчатые философствования Дзена. Вообще, начинало казаться, что до мясника не было ничего, либо этого просто не помнили.

– А ручьи и беспечная дичь? – спрашивал Алексей Сер-

геевич, – а что будет если пройти мир собак насквозь?

– Может быть, новый мир? – отвечал Дзен, – природа циклична, и за Миром собак, может быть, например Мир Кошек, или – сразу поправился он, видя написанное на мордах соратников отвращение, – скажем Мир Хомячков. А над нами Мир Птиц и Пчел. Но это неважно! Важно, что там наверняка есть свобода.

Спели собачий гимн, а ночью взошла луна. Красноцветов совсем не удивился, когда увидел на ней череп собаки.

Весь следующий день тоже прошел в пути. Леса поределли и сменились высушенными солнцем степями, поросшими крошащимися мертвыми злаками. Трава, хоть и неживая, была, однако достаточно высока, чтобы в ней можно было прятаться, что и проделала компания низвергателей престола, когда почуяли впереди стаю степных волков.

Звери были поджарые, злые, с такой же белесой и выжженной солнцем как и окружающие злаки, шерстью.

Чтобы избежать хвостатых мародеров компании пришлось сделать порядочный крюк и топать лишние тридцать километров по ровной как стол степи, в которой двигалось разве что солнце, да и то к горизонту.

– Откуда эти волки? – спросил Красноцветов, – они ведь нападают на путников?

– Нападают, – подтвердил чау-чау, – они гроза одиночек. Волки были и раньше, но в последнее время их становится все больше и больше. Тракты пустеют, все стараются дер-

жаться в городах или хотя бы постоянных дворах – там, где есть выход воды. Вот эти и занимают свободные площади. Приходят откуда-то из-за границы. Так, что если и есть какой ни будь мир подле Мира Собак, то наверняка это Мир Волков.

– А Мясник, с его патрулями, он их не гоняет?

– Мяснику это не нужно. Он только хочет, чтобы его боялись. В данном случае волки ему только на руку.

К вечеру достигли города – выстроенного прямо в степи, шумного грязного и похожего на увеличенный в сто раз собачий хутор. Конуры здесь были трех и четырехэтажными, тут и там торчали замысловатые конструкции, целью которых было, несомненно, удерживать и доставлять воду. Было здесь шумно, и пыльно настолько, что ело глаза и напалал нестерпимый кашель.

В город вошли уже в поздних сумерках, но перед тем как устроится на ночлег, Дзен повел всех посмотреть на дворец.

Обиталище тирана располагалось на самом высоком месте города – земляном кургане, когда-то видимо бывшим пологим и напоминавшим древние захоронения в восточной Монголии. Но теперь курган кто-то обтесал со всех сторон и он обрел отчетливые цилиндрические очертания, постепенно сужаясь к вершине. В подножии он уходил ниже уровня земли, потому что имелся еще и широкий ров, заполненный до середины густой, словно каша, и омерзительно (даже для собак, которые могли выделить полсотни запахов, каждый из

которых был омерзителен по-своему) воняющий.

Замок был наверху – абсолютно чужеродная ландшафту конструкция из черных поблескивающих блоков. Было в нем то-то готическое, не был он не воздушным, не просто красивым – никаких изящных башенок и шпилей. Нет, он скорей напоминал прижавшегося к вершине горы ежа – злобно растопырившего острые иглы, вершины которых венчали химерические флюгеры.

Дорожка была и впрямь одна – ровный и укрепленный пологий остаток холма шириной от силы в метр. Дважды эта дорога в небо прерывалась черными арками, с массивными запертыми воротами. Когда окончательно стемнело, в караулах затеплился тусклый свет.

И здесь нашелся сочувствующий движению – на этот раз беспородный облезлый пес с буйным прошлым и кривыми задними лапами. Поминутно оглядываясь и разговаривая сиплым тюремным шепотом, он провел их чуть в сторону от дворца и разместил на третьем этаже местной многоэтажки. Ровные ряды круглых проемов больше, чем когда-либо казались безумной версией птичьих колоний.

Не без умысла, но фасад здания выходил на дворец – четко выделяющегося во тьме.

Темное на темном... Алексей Сергеевич долго не мог найти объяснения, почему дворец виден. Потом понял – это запахи. На фоне запахов он выделяется. Дворец пах водой и чьей то болью. От этого духа непроизвольно вставала шерсть

на загровке.

Глубокой ночью Красноцветов проснулся. Полежал на боку в тесной, пропахшей чужими снами каморке. Двинул ухом, чутко вслушиваясь в ночную жизнь.

Тишина. Где-то лают собаки.

Он почувствовал, как пасть расплзается в нелепой гротескной улыбке. Конечно собаки... мир собак.

Красноцветов понял, больше не хочет спать. Запахи будоражили.

Он вышел на шаткий деревянный помост, служивший здесь одновременно коридором, балконом и лестницей. Замер, втягивая ноздрями ночь. Дворца не видно, но сразу можно сказать, где он находится.

Дзен лежал на краю помоста, бесстрашно деля обиталище с пятнадцатью метрами пустоты.

По небу взбиралась собачья луна, и невозмутимый профиль чау-чау на ее фоне казался египетским сфинксом.

Красноцветов улегся рядом, вперил чувствительный взор в темноту, спросил:

– Не спиться?

– Нет, – сказал Дзен, – как тут заснуть. В восемь утра поток нечистот отключают и идет тестинг в течение часа. Мы должны успеть пройти до коллектора.

– Успеем? Чак точно знает?

Дзен помолчал. Красноцветов подумал, что он так ничего и не скажет, когда чау-чау тихо проговорил:

– Есть еще один повод, почему мы идем к Мяснику.

– Какой же?

– Это ведь самоубийство, лезть в самое гнездо, к сотне стражей? Движение, движением, но никто из нас не хочет так умирать. Убив мясника, или оставив его в живых.

– Так на что же вы надеетесь? – спросил Алексей Сергеевич.

– Есть Собачий рай, – сказал Дзен.

– О, да. По-моему имеется много способов попасть туда куда более простым путем.

– Нет, Собачий рай существовал в действительности, и он находился, – Дзен поднял лапу и ткнул в пахучую тьму, – Там. Где сейчас стоит дворец Мясника. Там были ворота. Кто чувствовал потребность или желание – уходил туда. В рай для собак. Не знаю, как он выглядит, да это и не важно. Важно, то, что он есть. Но Мясник... и его закрыл.

– Постойте, но... это разве не миф?

– За тронем узурпатора есть люк, обычный квадратный люк – наша мечта и всех, кто живет вокруг нас. Мясник не пускает туда никого. Сделав нашу жизнь невыносимой здесь, он перекрыл путь и туда. Пусть раньше уходили лишь, избранные, пусть! Но теперь и им дорога закрыта!

Дзен досадливо мотнул головой:

– Наше единственное право! Наш выбор! Наш рай! – он повернулся и глянул на Красноцветова поблескивающими от Луны глазами, – и клянусь, я доберусь до него за это!

До него, а потом до его запечатанного эдема!

Он замолчал, тяжело вдыхая вонючий воздух.

– А они, – Красноцветов мотнул головой в сторону спящей команды, – знают?

– Это знание избранных, друг мой, – сказал Дзен, – но они будут рады пойти вслед за мной туда. Первые за много-много лет.

Он поднялся со скрипнувших досок, повернулся к Красноцветову:

– И ты будешь рад.

И ушел к себе, напевая про тучные стада и звенящие ручьи.

Ночью Красноцветов не спал – слышал, как ходят патрули и источает угрозу дворец.

Рано утром все поднялись – напружиненные, собранные, глаза остекленели, челюсти сжались, а кое у кого подрагивали лапы. Незамеченными, собаки пересекли город и оказались у котлована, в чахлах зарослях у кромки которого сочувствующими был спрятан плот.

Солнце вяло ковыляло по небосклону, выставив свой серый ото сна диск на свежий воздух. Поднималось оно позади дворца, и потому та часть вонючей болотистой жижи, по которой плыл неряшливо собранный плот, находилась в густой тени, а миазмы, что поднимались от этой жижи к солнцу, надежно маскировали любые посторонние запахи.

Жерло трубы надвинулось, пахнуло особо ядреной вонью.

Похоже, сливали по ней исключительно отходы. Труба широкая, ржавая, целый тоннель.

Дзен оглянулся, принялался – но из-за запаха фекалий совершенно невозможно было понять, есть там кто ни будь или нет.

Вылезли из нервно качнувшегося плота и направились в глубь трубы. Темно здесь было абсолютно – и запахи совершенно не помогали. Уныло выстроившись цепочкой, команда потянулась в глубь Мясниковой крепости.

– Ну что, Чак? – сказал Дзен, – показывай дорогу.

– Сейчас-сейчас! – невидимый во тьме Чак шумно захлопал по фекалиям где-то впереди, – счас поворот будет... ответвлениице, значит, не пропустить бы.

– Постой, Чак! – сказала Альма, – но ты ничего не говорил про ответвление.

– Не говорил! Не существенно это было. Да только если вы пойдете прямо – то попадете в отстойник. Вы хотите в отстойник?

– Водой пахнет... – сказал Красноцветов.

– Здесь вся вода, – Дзен повернул в указанное ответвление.

Некоторое время шли молча. В трубе было душно и вонюче. Кто-то попытался пропеть пару строчек из собачьего гимна, но сталь так зарезонировала, что все испуганно замерли и несколько секунд напряженно прислушивались.

– Чак, по-моему, мы слишком долго идем...

– Скоро уже! – твякнул Чак, нервно, – верняк, вот-вот перекресток будет.

– Держитесь! – молвил Дзен тихо, но твердо, – час мести грядет.

– Да! – сказал Чак, – грядет.

Они достигли перекрестка – квадратной камеры со стальными стенами и полом, но не успели дойти даже до его середины. Яркий, слепящий свет пал сверху и высветил изляпаную в грязи собачью группу.

– СТОЯТЬ! – рявкнул голос, – НЕ ДВИГАТЬСЯ! НЕПОВИНОВЕНИЕ КАРАЕТСЯ РАЗДИРАНИЕМ НА МЕСТЕ!!!

– Это патруль! – в ужасе взвизгнула Дося, – они нас выследили!

– КАК!?! – воскликнул Дзен, но больше ничего не успел сказать, потому, что черные мускулистые тела, посыпавшиеся из туннелей сверху, заполонили все вокруг.

Мощным тычком духовного лидера повстанцев опрокинули в жижу. Гвардия Мясника действовала быстро и четко. Альма пыталась было дергаться, но пара чувствительных укусов быстро заставили ее замереть. Огромный, с лоснящийся антрацитовый шерстью ротвейлер ударил Красноцветова плоской, как лобовая броня танка, башкой и бывший собачник повалился навзничь. Кругом топали мощные лапы, жижа брызгала в стороны.

– Как они засекли нас, как?! – стонал Дзен, потом извернулся, чтобы осмотреть группу.

И встретился глазами с Чаком. Тот не лежал – стоял, окруженный четырьмя могучими псами, в блестящих позолотой ошейниках. Чак выглядел испуганным, но не более.

– Чак, ты что?!

– Пастбища! Стада, тучные! Будут вам стада! Будет тебе Собачий Рай!!!

– Ты что, нас заложил! – воскликнул Дзен, – ты предатель!! – и он, оскалившись, рванулся вперед, но тут же был опрокинут обратно в грязь. Оскаленные зубы чау-чау звучно лязгнули о металл трубы – по жиже поплыл багрянец.

Чак испуганно попятился. И куда только делся весь его пыл?

– Нет, – сказал пудель, – я не предатель, нет! ЕГО я не предавал.

Дзен только что-то булькнул, да искоса глянул с ненавистью на бывшего соратника.

Красноцветов поднял голову и увидел, что на него смотрит один из гвардейцев – откормленный и широкомордый.

– Ну че, революционер? – спросил патрульный, – цирк закончен, нас догнали будни?

Тяжелая лапа опустилась сверху, лишая возможности видеть, дышать, думать...

– Вы что, правда, думали, что вас не заметят? – спросил Мясник-Бульдозер.

Уж он то совсем не изменился, просто к злобной его и тупой внешности прибавилась злобная и тупая аура запахов

– черно-багровая, как и у его псов.

– Вас вели от самого хутора, передавали от одного к другому, а вы не видели! – продолжил Бульдозер.

Справа от него стоял трон, а справа изрядно нервничавший Чак. Стены были из антрацита и патруль в дверях практически сливался с ними по цвету.

– Почти каждый, с кем вы имели несчастье говорить, сообщил в патруль!

Дося тихо и безнадежно заскулила – бока у псины были в крови, ухо разорвано. Впрочем, точно также выглядели и остальные после тщательной обработки в патруле.

– Мы дали вам понаслаждаться жизнью, когда вы ползли по трубе, но потом пришлось остановить ваш благородный порыв, – сказал Бульдозер и развернулся к Дзену. Ротвейлер казался спокойным, говорил иронично, но Красноцветов видел, что еще чуть-чуть и он начнет рвать их на части прямо здесь, в зале.

– Так я спрашиваю, на что вы надеялись?!

Играющая острыми углами морда Мясника развернулась к Дзену – тот гордо молчал уже сорок пятую минуту – с тем самых пор, как их пленили на выходе из трубы. Промолчал он и сейчас. В глазах чау-чау стояла смертная тоска.

– Я хочу порвать тебя прямо сейчас, – хрипло сказал Бульдозер, и глаза его блеснули красным.

За его спиной, начинаясь от основания трона, хитрой паучей вязью расползались поблескивающие медью трубы. Тут

и там из этой сантехнической симфонии выглядывали медные лепестки вентиляей. Несложно было догадаться, что назначение конструкции – дозировано подавать воду в разные концы Собачьего мира.

Из кранов беспрерывно и мелодично капало.

– Но я хочу и помучить тебя, – размышлял Бульдозер, – если я разорву тебя здесь, то, как же я смогу мучить тебя?

И ротвейлер скрипнул челюстями – охрана на входе подобралась, группа провалившихся революционеров вздрогнула, а Чак в панике подался в сторону от босса.

– В каземат, – сказал Бульдозер, – убивать по одному.

Алексей Сергеевич никогда не был в тюрьме. Оказывается, она похожа на... на будку.

Стальную конуру с зарешеченным входом-выходом. Неизменный кран прилагался.

Тюрьма располагался на самом нижнем уровне замка – чередой глухих стальных скворечников. Красноцветова сразу же отделили от товарищей, и он успел только поймать взгляд Дзена. Алексей не сомневался, что прощальный.

Время в тюрьме не ощущалось. Вода не текла, ветра не было, запахов тоже, движения не ощущалось. Красноцветов мог сделать два шага вперед и столько же назад. Развернуться не мог. Где-то в невидимом конце коридора шевелился и надсадно тюремщик.

Алексей Сергеевич Красноцветов, борец за правду собачьего мира стал потихоньку впадать в уныние. Через какой

то ничем не отмеренный отрезок времени он пришел к выводу, что ни капельки не сомневался в подобном исходе их экспедиции. Это было ясно с самого начала.

Еще через какое-то время он задумался о вменяемости Дзена, который пошел на штурм, ведя за собой кучку таких же сумасшедших, хотя весь Собачий мир знал об их наивном партизанском рейде.

Потом собачник немного поразмышлял о том, может ли пес сойти с ума, и решил, что может, раз это Собачий мир.

Потом он думал о том, что ждет его самого.

Еще горстку неподдающихся отчету минут размышлял о Собачьем рае и метафизике собак.

Еще через некоторое время случился прорыв.

Красноцветов сначала не понял что произошло. Просто раздался гулкий тяжелый удар, да кто-то заорал панически в дальнем конце коридора. Потом по замку прошла легкая, но вместе с тем всеобъемлющая дрожь, где-то зазвенело, а потом чутким ушам ошеломленного Красноцветова – веселое журчание горного потока.

Теперь вопили по всему замку – многоголосая, исполненная паники сирена. Журчало все ближе, повеяло родником. Красноцветов не верил – откуда здесь вода?!

Облезлый терьер со сломанной передней лапой, который принес ключи и отпер клетку впопыхах объяснил ему ситуацию, и понесся дальше.

– Да постой, что случилось то?! – крикнул Красноцвет-

тов, – откуда вода.

– Прорыв!!! – рявкнул терьер, – Тут все трубы, раз в неделю стабильно прорывает!

Мясник бесится, но ничего не может поделывать – слишком много труб.

– Что же мне делать?!

– Беги, дурак, а то утонешь!!! Такого прорыва давно не было!! – прохрипел пес, и понесся дальше, шлепая по проступающим на плитах пола лужам, – подле последней камеры он на миг замер и рявкнул отрывисто – службу революции!!

Красноцветов побежал за ним и уже на первом же повороте увидел воду. Поток нахлынул сразу, он был ледяной, как в лучших песнях собачьих повстанцев, приподнял на полом, и некоторое время Алексей скорее плыл, чем бежал.

На выходе из забитого мечущимися в поисках спасения собачьими телами тюремного лабиринта он столкнулся с Дзеном. Тот выглядел дико – вся морда была изуродована, шерсть слиплась и свисала красными сосульками, язык утратил радикально синий цвет – кровь у чау-чау, несмотря ни на что красная.

– Бежим!!! – выдохнул Дзен, – Скорей!!!

И они побежали по коридору, сначала вдвоем, а потом вдруг во главе целого отряда отошальных диких псов – частью узниками, частью обслуживающим персоналом.

И вся команда была здесь – Альма касалась его боков, До-

ся и Лайма-Джус неслись на перегонки чуть позади. Вся сво-
ра галдела, визжала и жаждала мести.

Скоро оказалось, что Дзен ведет их не просто так – он
явно хорошо ориентировался в хитросплетениях замковых
коридоров.

Подрастерявшую задор охрану на входе в королевский зал
смяли с ходу – в воздух полетели брызги крови и черная
шерсть. Вода все прибывала, лилось ото всюду – стены на-
чинали угрожающе потрескивать и давать трещины.

Зал был пуст – только трон уродливо раскорячился подле
водосточного органа.

А еще был люк позади него – открытый, и вода свободно
изливалась куда-то вниз.

– Здесь!!! – крикнул Дзен, – за мной!

Как мощная морская волна, животные рванулись к трону,
вода разлеталась под лапами – ледяная и одуряюще пахну-
щая.

– Стойте! – раздался мощный голос с противоположной
стороны зала, – стойте твари!!!

Мясник стоял у второй двери в зал. Глаза его дико бега-
ли из стороны в сторону. Дзен замер у самого люка, поток
тащил его, и пес с трудом удерживался на ногах.

– Нет! – сказал Бульдозер почти испуганно, – вам туда
нельзя!

– Что? – спросил Дзен.

– Вам. Туда. Нельзя! – опять сказал Мясник. Он мерил

глазами расстояние до трона, и ощерившуюся собачью свору, что перекрывала путь к нему.

И тут Дзен сделал то, что от него никто не ожидал. Он задрал заднюю лапу и пометил трон. Зал онемел и лишь потоку было на все наплевать. Он бодро звенел.

Мясник под черной шерстью побагровел. Весь лоск мигом покинул тирана собачьего мира.

– Ты... – сказал Бульдозер.

А потом он уже ничего не говорил – пер через зал с налитыми глазами, расталкивая арестантов. Те пытались остановить его, но не таков был Бульдозер – он лишний раз доказал, что заслужил свою кличку не напрасно.

Но он не успел пройти и пятой части отделяющего его от трона пути – Дзен расслабил напряженные мышцы и позволил потоку унести его в Собачий рай. Мелькнула рыжая шерсть – собачья свора потрясенно выдохнула.

Мясник заорал – его враги, казавшиеся такими беспечными и неспособными защититься один из другим исчезали в глубинах святыни.

– Ненавижууу!!! – орал Мясник, и странное дело – то Красноцветов понимал, что орет надвигающийся на него ротвейлер, а то просто слышал нечленораздельный вой. Мир вздрогнул, черные стены обрели какую-то новую глубину.

Алексей Красноцветов развернулся и прыгнул в колодец, успел напоследок увидеть, как Бульдозер настигает Альму, но та уворачивается и прыгает следом, оставляя за собой

шлейф красных, и в чем-то даже красивых брызг.

Бульдозер завыл, а потом был жесткий удар. И паркет.

Алексей уперся руками в пол, и со стоном принял более-менее вертикальное положение.

Пижама его смялась, одеяло валялась на полу. Из угла на хозяина смотрела своими медовыми глазами овчарка Альма – глуповато недоуменно. Видимо разбудил своим падением.

– Так что же, Альма, – спросил Красноцветов, – это и есть собачий рай? – он встряхнул головой, приводя в порядок спутавшиеся мысли, – Господи, да что я несу...

Он сходил в ванную, ополоснул лицо, глянул в зеркало – опух со сна, мешки под глазами, а сами они в красных прожилках. Вот ведь присниться. Сюжет-то еще какой! Так вот инфаркты и ловят после сорока.

Вернулся в комнату, и присев на развороченной кровати, не удержался от довольного замечания:

– А ведь его жадность подвела, Бульдозера то нашего! А, Альма? Не сведи он всю воду в одну точку, никогда бы такого не произошло.

Альма, видимо посчитав, что хозяин зовет, подошла и ткнулась влажным носом ему в руку. Красноцветов посмотрел на собаку и онемел.

Он механически продолжал поглаживать псину по холке, а сам все глядел и глядел на заднюю лапу Альмы.

Заднюю лапу, из которой был выдран солидный клок шерсти, и кровь из некрасивой рваной раны текла и текла вниз,

собираясь аккуратной круглой лужицей на дорогом паркете
Алексея Красноцветова.

Неромант.

Алекс спал тридцать минут, а потом проснулся. Он давно уже приучил себя спать урывками – выключаясь и вновь возвращаясь в сознательный мир подобно электронному устройству с функцией sleep. Полезное качество в их нынешнем положении.

Он моргнул – пары секунд хватило, чтобы прийти в себя. Окинул напряженным взглядом вымокшую улицу – вроде бы все по-прежнему.

Сверху лил дождь и бил вечную барабанную дробь по крыше машины – старенького «Крайслера круизера» – с битой правой фарой, похожей теперь на эндопротез, ржавыми пятнами и антенной дальней связи в багажнике, лихо замаскированной под пятое колесо.

На передней панели сонно помаргивал экран бортового компьютера, перемалывая в кремниевом своем нутре гигабайты пустой информации. Белые мелкие строчки ползли по экрану, а с него по витой паре уходили к антенне, которая устремляла их в небеса, туда, где за обнявшей обшарпанные небоскребы пеленой, висели похожие на многокрылых стальных стрекоз ретрансляционные спутники. Впрочем, на что они похожи, можно было увидеть только на картинках – самих спутников давно никто не наблюдал. Оставшиеся без призора, они постепенно сходили с орбиты и сгорали в загажен-

ной атмосфере. Новые никто уже не засылал. Иногда Алекс задумывался над тем, что же будет когда сойдет последний спутник и информационные каналы окажутся перерезанными? Что будет тогда?

Отключим системы и начнем взламывать асфальтобетонную корку тротуаров и сажать рожь?

Или проложим кабели по дну океанов, охраняя буквальный каждый его метр.

Улица – глухой переулок – вызывала уныние. Были здесь красные кирпичные стены, потресканный асфальт, мусорные баки и серебристые волокна оптоволокну. Еще здесь была неприметная черная дверь, обитая таким дешевым дерматином, что тошно становилось, особенно если знать, что за ней живет Бутчер – тот самый, которому принадлежит эта улочка, этот район с этими небоскребами и, кстати, ретрансляционный спутник, а также почти четыре сотни боевиков и агентов, раскиданных по всему мегаполису.

Да, Бутчер был силен и опасен, он был одним из трех самых больших боссов в этой части города и уж, без сомнения, самым жестоким.

Ломать его было чистым безумием. И все-таки они пошли на это.

При мыслях о взломе, Алекс снова цепко оглядел улицу. Баки, меченая кошка-барометр с торчащим из спины ярко-красным проводом. Кусаки нет – еще не пришел.

Кошка, пощелкивая вживленным счетчиком Гейгера, вя-

ло брела через улицу. Прибор щелкал громче обычного – где-то фонило. Может быть, из обители Бутчера – там вечно ставят рискованные эксперименты, а в подвале по слухам скрыт сам...

Кошка исчезла во мраке мусорных баков – ловить крыс и через встроенные в клыки датчики передавать своим хозяевам концентрацию ядовитых веществ в крови хвостатых, в частности чумных бактерий – чума в последнее время разгулялась, и поголовная вакцинация населения почти не помогает. А когда кому-то там ввели вместе с вакциной пеленговые маячки – был жуткий скандал.

Улица вновь затихла. Алекс напряженно смотрел в темный проем. Мысли о Кусаке заставили вспомнить сон, который видел только что.

Как они встретились, как ломали Бутчера. Кто бы мог подумать, что это так отразится на подсознании.

Впрочем, подсознание ломщика Алекса по кличке Ткач было с давних пор наполнено таким суровым (и по большей частью не его) мусором, что ничего хорошего от этого подсознания уже не ожидалось.

Взять хотя бы тот случай, когда он, на пару с Кусакой влип в грязнейшую историю с кибер-рабством. Алекс, поежился – хотя Кусаке тогда пришлось куда хуже.

Кусака был сумасшедшим. Само по себе это не было странным – мегаполис рождал одиозных личностей с удручающим постоянством. Но Кусака был кроме всего проче-

го еще жизнерадостным сумасшедшим. Его оптимизму можно было только позавидовать – так, раз за разом сбиваемый на шоссе человек, поднимается и, в паузах между сбиваниями бежит трусцой, объясняя ошеломленным прохожим, что, мол, бег очень хорошо влияет на сердечно-сосудистую систему.

Кусаку сбивали достаточно регулярно – такой тип всегда влипает в неприятности, гоняясь за несуществующим призраком наживы. Он поднимался и с широкой улыбкой снова бежал. Как ни странно, ни разу его не сбили насмерть, хотя того, что он перенес вдоволь хватило бы на десять таких как Алекс. Да что уж говорить – Алексу хватило одного рабства, после которого ему периодически снились сны, в которых он был медной проводкой.

Вообще, ничего хорошего, когда тебя используют наподобие сложного предохранителя при тестинге новейших систем, которые по идее должны далее пойти служить на благо человеку. Сколько ради этого людей загублено – транскорпорации предпочитают молчать.

Что снится после этого напарнику Алекс не знал. Да и не хотел знать!

Во время последнего конфликта Кусака служил связным. Таскал блоки памяти, прятал спутниковые антенны в запасных колесах машин. И прирабатывал денег, не без этого.

Что-то там даже продал на чужую сторону. Ничего удивительного, что его не слишком любили по обе стороны фрон-

та.

В конце концов, он зарвался и жизнь кинула его под очередной метафизический грузовик.

Кусака никогда не признавался, но Алекс подозревал, что его подстрелили свои. Причем, предварительно загнав в угол, после долгой охоты.

Так или иначе, ему всадили в живот тридцать две пули из АКСУ, выворотив вместе с почками большую часть кишечника через отверстие в спине.

Кусака не умер и тогда, хотя был чрезвычайно близко. Он так скрипел зубами от боли, что начисто их раскрошил. «Похоже на песок, Алекс», – говаривал он потом, – «Как будто ты нажрался песка».

Врачи спасли ему жизнь и наладили пищеварение, но собственных органов было уже не вернуть. И дальше по жизни Кусака пошел с системой гофрированных труб и сплетенным из титановой сетки желудком в брюшной полости. Желудок иногда работал, иногда нет. И да, алкоголь он не расщеплял в принципе. Вот так Кусака, можно сказать, стал на путь здорового образа жизни, и занялся зарабатыванием денег.

По прежнему улыбаясь. Зубами из контрабандного сплава палладия – сверкающими, словно сделанные из чистой ртути. За эту жизнерадостную улыбку его и прозвали Кусакой. Еще бы!

В тот майский денек в подпольном магазинчике софта они и познакомились. Алекс был на мели и одержим жадной дей-

ствия, так что этот акулозубый типчик с дергаными манерами и тотальным оптимизмом пришелся как раз кстати.

– Держись меня, парень! – сказал тогда Кусака, – я твой билет в счастливую жизнь!

И Алекс поверил – он очень хотел попасть в счастливую жизнь в тот майский день, когда смог опустился так низко, что парализовало движение и вынудило прохожих нацепить респираторы «лепесток». Хотелось уехать отсюда – на райский тропический остров, а еще лучше – потому, что остров это банально – в страну широких полей, синего неба и лиственных могучих лесов, в которых резвятся могучие туры, огненно-рыжие лисы, пушистые кролики и нежные лани.

Последние особенно ласкали воображение погрязшего в мегаполисе Алекса, потому что были созвучны с названием сетевого протокола.

Погруженный в сладостные мечты, Алекс и Кусака покинули магазинчик и весь вечер отмечали будущие победы в соседней с ним забегаловке. Кусака пил газировку и дурел на глазах. Алекс ему завидовал.

Может быть, он слишком сильно настроился на успешное завершение их первого взлома, так что неуспешное его завершение стало полной неожиданностью. Сервер информационного агентства, который они выбрали жертвой из-за более менее слабой защиты, встретил их глухой бетонной стеной, которая издевательски реально выглядела в виртуальности. Они пробовали новые и новые тараны, Кусака ругал-

ся, творил, но все их усилия оказывались совершенно напрасными. Отчаявшись, они ушли, напоследок написав на стене защитных программ короткое матерное словосочетание, и только тогда заметили, что стена ими просто пестрит – следы других неудачливых взломщиков.

Кусака сказал:

– Это ерунда. Мы просто были не готовы.

Алекс согласился, хотя и несколько скрипя сердцем. Буквально через день у него исчерпался кредит и он чуть не лишился легального выхода в сеть, так что деньги понадобились по крупному.

Единогласно решив не встречать в требующие спецтехники дела, они предпочли заняться самой, что ни на есть несложной работой, а именно нанялись в курьеры. Дело было простое – они должны были колесить на старом «Крайслере» Алекса по улочкам мегаполиса, в то время как через закрепленную на багажнике антенну транслировался непрерывный поток данных. Пока они двигались, возмущенные утечкой информации оппоненты нанимателей не могли их обнаружить.

Это было весьма опасно, но Кусаке пообещали поистине астрономическую сумму, и потом они согласились.

Четыре часа Алекс с Кусакой колесили по темным улицам в районе местных трущоб, на ходу сменяя друг друга при первых признаках усталости. На пятый час бензонасос «Крайслера» отказал и дряхлый агрегат встал прямо на

кроме тротуара местного трущобного Бродвея.

Спустя полторы секунды они были локализованы, и следующие полчаса напарники бежали прочь от машины, распу- гивая нейрокрыс и перепрыгивая мусорные развалы. Нераз- говорчивые люди в черных комбинезонах гнались за ними несколько кварталов, а потом отстали.

Возможно, им просто стало противно.

Кусака всю вину свалил на Алекса. Мол, кабы не его дран- дулет, все было бы хорошо. Да только их бы все равно вы- числили – это Алекс узнал много позже. Больше того, не за- глухни их агрегат в трущобах, приятелей ждала бы теплая, а самое главное хорошо подготовленная, встреча тремя квар- талами позже и из той засады они бы уже не ушли.

Крайслер тихонько увезли двумя днями позже и зарек- лись работать курьерами. Потом Кусака сумел взломать сер- вер одной местной компании и стясти энное количество де- нег со счетов районных благотворительных организаций, из- за чего чуть было не пришла к краху одна из немногих бес- платных лечебниц для душевнобольных.

Мечта о зеленых равнинах вернулась вновь и развернула над напарниками свои небесной синевы крылья. Алекс рас- платился с долгами, починил «Крайслер», и назвал Кусаку гением.

Тот принял это как должное и посоветовал Алексу дер- жаться рядом – мол, ныне заработанное – это все гроши, по сравнению с теми золотыми горами, что ждут их в будущем.

А еще он поведал о своей сокровенной мечте – Алекс совершенно не удивился, узнав, что он мечтает о настоящем желудке. В мегаполисе было полно таких страждущих – ковыляющие на стальных ногах, хватающие за руку дешевыми эндопротезами и вращающие пластиковыми глазами с обратным цветоразрешением. Их было много, этих осколков войны – а вот органов маловато, из-за чего в трущобах постоянно шла бойкая ими торговля.

Как уже говорилось, удача вдохновила приятелей на новые свершения. Зря, потому что грузовики на трассе жизни хакера Кусаки никогда не переводились.

Поэтому далее было рабство.

Алекс поморщился, вспоминая неприятный эпизод. Ощущение от гибнущих в собственном мозгу нейронов из тех, что помнишь всю жизнь. Бог знает, насколько они с Кусакой стали тогда глупее – человеческие мозги не лучшее, хотя и самое объемистое, место для хранения машинных кодов.

Из рабства бежали, избегнув, таким образом, перспективы остальных рабов – полного идиотизма. Желудка Кусака не купил, и даже его титановый помялся от молодецкого пинка надсмотрщика. Алекс был уверен, что пленители до сих пор ищут их по всему мегаполису, а сны его и Кусаки с тех пор изобиловали обрывками непонятых электронных схем.

Кусака улыбался, хотя и через силу. Деньги окончательно закончились и Алексу все же отрубили легальный выход в

сеть, после чего он был вынужден пользоваться незаконными, каждую минуту рискуя быть пойманным.

Вместо синей птицы удачи над их головами теперь вился черный вороной предвестник голода. Мегаполис не любит неудачников – он приемлет их лишь в разобранном состоянии.

Алекс тяжело вздохнул и поудобнее устроился за рулем – ну что же Кусака все не идет.

Опять ведь втравил в авантюру. Все-таки он такой же сумасшедший, как ограбленные им клиенты больницы.

О, да! После рабства любую Кусакину идею хотелось воспринимать в штыки. А уж такую, много лет бытовавшую в области сетевого фольклора!

И все-таки они на это пошли. Потому что старик не врал, он и впрямь видел что-то грандиозное.

Старика привел Кусака – весь сияя и лучась от гордости. Он держал долгожителя за руку, потому что тот не очень хорошо видел и носил корректирующие фотохромные очки.

Старик выглядел не очень, но по его рассказам еще год назад он был бодрячком. Но подвалы Бутчера легко превращают в развалину даже молодых.

– Они водили меня вниз дважды в неделю. У меня умирали нейроны – хуже, чем в любом рабстве, к счастью мне выжгли в основном зрительные участки мозга, так что мыслительная деятельность не пострадала. И я видел, правда все хуже и хуже, как они ходят мимо меня и подключаются к ма-

шине. Уходят туда.

– Куда же? – спросил Алекс, а Кусака тут же толкнул его локтем в бок:

– Ну сейчас упадешь.

– Ребята, – сказал старик, – Это Электронный рай. Он там, внизу в подвалах у Бутчера.

Алекс сказал тогда, что это бред. Кусака возмутился, а старик просто полез в карман скрюченной от артрита рукой и достал аккуратно скатанную в рулон мнемодиаграмму. Она была красноречивее любых слов, эта мнемодиаграмма одного из подопечных Бутчера, который по слухам побывал ТАМ. Мощнейший пик мозговой активности не мог принадлежать человеку. Во всяком случае, еще остающемся в человеческом обличье.

– Это Электронный рай, – сказал старик, и Алекс поверил. Должно же было им когда ни будь повезти!

Электронный рай оставался загадкой, одной из самых известных мифов мегаполиса. Никто не знал, как он выглядит и что из себя представляет. Известно было лишь, что он есть, и тот, кто его найдет... о да, тот вполне может стать властителем всей сети. Артефакт новой электронной эры, вот что это было.

А Бутчер спрятал его в подвале.

Старик получил свое вознаграждение из скудеющих денежных запасов Алекса, и оставил приятелей с зернами надежды, что с каждым днем пускали все более ветвистые по-

беги.

Ломать Бутчера было безумием. И все-таки они собирались сделать это. Просто потому что Электронный рай этого стоил. Елки-палки, Электронный рай стоил всего на свете.

– Все наши провалы были от несобранности, – говорил Кусака, – мы пытались взять с налету, кавалерийским наскоком. Но крепость можно одолеть лишь долго осадой, – он поворачивался к Алексу, сверкая титановыми зубами и безумными своими глазищами, – или прорыть ход!

Он был совершенно прав. Надо быть червем или крысой, чтобы просочиться в резиденцию Бутчера и уйти оттуда живым. За этой скромной дверью из дешевого дерматина длинный извилистый лабиринт, доверху напичканный системами слежения. А сам Бутчер – он даже не в этом районе, а где-то там, на полпути к земным недрам. Иногда Алекс думал, что случись атомная война, из всех живущих на Земле останутся лишь тараканы, да Бутчер.

Уж больно глубоко он зарылся.

Если вы думаете, что в виртуальности все было проще, то вы сильно ошибаетесь. Бутчер знал, что сеть – это его слабое место, и потому защитил свое обиталище беспрецедентным числом силовых программ. О том, чтобы околачиваться подле стены на манер их первого взлома, нельзя было и думать! Любое воздействие активировало вирусную атаку третьего порядка – губящую и машину, и иногда мозги штурмующего.

Как вам система, которая в ответ на попытку написать

на стене непристойное слово активировала противотанковую мину? Бутчер любил такие штуки, а его системщики были людьми абсолютно лишенными морали.

И все таки Кусака не был бы Кусакой, если бы не нашел решение. Да, он был сумасшедшим, но он был гениальным сумасшедшим. Он понял, как одолеть неодолимого.

Между двумя глыбами бетона – сетью и реальными замками с охраной, существовала тоненькая трещина – маленькое место незащищенности. Стоит просунуть туда рычаг, расшатать и...

Когда Кусака принес клетку с маленьким копошащимся существом, Алекс подумал, что приятель окончательно сошел с ума. Но потом пригляделся и заметил красные провода, выглядывающие из серой шерстки и розовый венчик универсального коннектора, торчащий из пасти зверька. Бедный грызун жил на одних внутривенных инъекциях.

– Ты что! – воскликнул Алекс, – Ты достал радиокрысу!

Кусака кивнул, и продемонстрировал дешевый пластиковый пульт.

Радиозверьки с имплантированной в центры движения контроль платой официально были запрещены. Но мегаполис привык плевать на запреты. Управляющие по радио, лишенные всякого проявления свободы воли радиозвери были идеальными шпионами.

– Ты действительно решил ее использовать? – спросил Алекс.

– Поверь, это лучше любых программ, – сказал Кусака и погладил зверька по лысеющей шерстке.

Этим же вечером крыса была выпущена подле двери к Бутчеру. Алекс с Кусакой расположились в квартале оттуда и управляли крысой, следя за ее передвижениями по черно-белому монитору.

В какой-то миг дверь отворилась, выпуская подручного Бутчера и радиокрыса шмыгнула внутрь. Лапы у нее чуть заплетались, а хвост спазматически подергивался, но в остальном она шла прилично для живого существа, чьи нервы контролируются извне. Кусака бодро рулил, двигая большими пальцами по триггерам пульта.

Позади двери оказался унылый коридор с вытертым линолеумом на полу. Крыса топотала вдоль стены, сверху проплывали похожие на маленькие солнца ксеноновые светильники.

Миновав ряд запертых дверей, хвостатый шпион уперся в гладкие створки лифта. Опять пришлось затаиться и подождать, пока кто ни будь не решится спуститься в недра муравейника. Этот кто-то не заставил себя долго ждать – ноги в дорогих ботинках из натуральной кожи остановились подле дверей, где-то в высоте звякнула кнопка вызова.

Над ботинками болтались брючины из гладкого материала – выше разглядеть, увы, не удавалось, голову крыса поднимать не умела.

Пришедший набрал код, который тут же был зафиксиро-

ван и переместился к напарникам.

Кусака довольно подмигнул – первый барьер на пути к Бутчеру рухнул. Алекс же смотрел, как ноги неизвестного шагают в открытый лифт, который был, заметьте абсолютно пуст и с гладкими стенами. Неизвестный зашел, крыса все еще торчала возле лифта, тупо пялясь в раскрытые створки.

– Кусака! – тревожно сказал Алекс.

– Счас... – отозвался напарник и двинул крысу вперед.

Прямо в лифт. Под ноги неизвестному подручному Бутчера! Тот стоял спиной ко входу, нажимал номер этажа. Заплетаются крысиные лапы несли ее к изящно скроенной брючине.

– Кусака, то что, собираешься...

Крыса подняла передние лапы и вцепилась в брючину. Острая ее морда теперь смотрела вверх и камера демонстрировала напарникам потолок.

Человек повернулся, картинка дернулась, на миг возникло мельтешение, а потом изображение вернулось – бесконечно длинная нога, и край пиджака. Крыса висела на ноге, а пришедший этого не замечал!

Он что-то напевал, пока лифт нес его ниже и ниже. Кусака подпел ему, довольно ухмыляясь.

Звякнуло, двери отворились и за ними открылся еще один коридор. Но то была уже реальная вотчина Бутчера – белые бетонные стены, жгуты проводов под потолком, гладкий пластиковый пол. Человек шел вперед, волоча за собой наспи-

гованного электроникой зверька и в упор не замечал этого! Кусака был вне себя от радости! Картинка мелькала.

Они слышали лишь гулкие удары ног, смутные голоса. Мелькнула тень – кто-то прошел мимо. Кусака нажал на триггер.

Картина продолжала мелькать. Он нажал еще раз с тем же эффектом. Крыса бодро держала брючину и сведенные лапы не собирались разжимать свою хватку.

– Эй, что это там у тебя? – спросил кто-то.

Картинка мелькнула, показав поочередно стену, пол, потолок с длинным извилистым кабелем, светлый проем кабинета, стойку и стены.

– Где? – спросила их тягловая лошадь и в этот момент крыса разжала лапы.

Человек разворачивался, чтобы осмотреть штанину и центробежная сила отшвырнула крысу в сторону и она покатила по полу. Чуть в стороне закричали. Кусака выругался.

Монитор показал бешеное слайдшоу, а потом сразу пластиковый плинтус в опасной близости от носа крысы.

– Дави ее!!! – явственно заорали рядом.

Проклинаая корявую технику, Кусака пинком по кнопке поднял зверя на ноги и запустил ее вдоль коридора, выжимая из атрофированных мускулов крысы все возможное. Позади топали, орали и призывали извести поганых грызунов. Алекс мысленно отблагодарил судьбу за то, что их зверя все еще принимали за обычную крысу. Если заметят провода – вся

охрана встанет на уши.

Пол коридора несся под ними, заметно качаясь – у зверька отказывали лапы. Рядом свистнуло, а потом о стену гулко грянула резиновая дубинка. Кусака пригнулся, уворачиваясь от отстоящего на два километра от них снаряда. Его пальцы яростно наигрывали на пульте, заставляя крысу идти изысканным стрейфом.

Через три прыжка справа открылся дверной проем и по-нукаемая электричеством крыса шмыгнула туда.

Здесь было темно и полно мебели. Тихо гудели вентиляторы и равномерно мигали где-то вверху лампочки.

Кусака завел зверя под стул и затаился. В светлом дверном проеме пробежало несколько человек в черной униформе. Один из них заскочил в комнату, запнулся о стоящий на полу полуразобранный блок и выругался. Крыса сидела тихо-тихо. Грохнула дверь – уходя, охранник от души притворил ее. Воцарилась тьма, потом мигнуло и комната возникла вновь в неярком серовато-зеленом освещении – включился режим ночного видения.

– Есть! – сказал Кусака.

Мейнфрейм, три монитора и кожаное кресло – виртуальный блокпост Бутчера. Алекс сразу отметил, что старый проходка не держит связи с внешним миром без необходимости – паутичатая антенна смотрела в сторону двери. То есть сеть здесь была отрезана и включалась только на определенные промежутки времени, подобно средневеково-

му подъемному мосту. Бутчеру хорошо подготовился к вторжению.

Кусака ядовито улыбнулся. Двинул пальцами – крыса, цепляясь острыми коготками, заползла на стол, опрокинул забытую кем-то банку с прохладительным. Экран был совсем рядом. Крыса ткнула мордой в экран, в глазах на миг отразились бегущие строчки, потом сместилась к мейнфрему и, найдя вход, нежно поцеловала его коннектором. Замерла – через мозг зверька сейчас транслировалась маленькая несложная программа, которая, однако, сработав, ориентировала антенну на прием извне.

Секунда, две, и крыса, отсоединившись, спрыгнула вниз. Программка осталась в компе – намертво присосавшись к сетевой оболочке.

Протиснувшись в приоткрытую после хлопка в дверь, они отправились дальше. Коридор вел вниз – идеально ровный и похожий на больничной. У самого потолка виделся ряд серебристых вентиляционных решеток, из которых дул поток ровного, пахнущего резиной воздуха.

Еще полчаса они преодолевали лабиринт, прячась при виде людей. Охранников в черном здесь почти не было – были люди в белых халатах, и, иногда в воздухонепроницаемом, блестящем перламутром костюме.

Крыса бодро неслась по наклонному коридору, сопровождаемая зычными воплями управляющих, когтистые лапы звонко цокали по полу, а штекер коннектора торчал из

пасти наподобие головки самонаводящейся ракеты. Тайны Бутчера продолжали открываться перед Алексом и Кусакой, облаченные в пластик и металл, в обрамлении цветных проводов и мигающих LSD дисплеев.

Еще один поворот и крыса влетает в обширный зал с высокими сводами, усиленными бетонными балками наподобие исполинской реберной клетке. Тут много людей, гладкий металлический пол, собранный из тысяч и тысяч одинаковых восьмигранников, а в центре...

Тут Кусака не удержался и восхищенно хлопнул Алекса по плечу.

В центре зиял казавшийся бездонным черный провал, из которого на поверхность лезли похожие на обессиленных голоданием змей оптоволоконные кабели.

Еще в дальнем конце зала были парадные двери из темного дерева – смотрящиеся нелепо в этом царстве металла и светлого пластика. В зале было много людей, но все они кучковались подле провала. Там что-то происходило.

Кусака обернулся к Алексу – в глазах у него сверкали искорки безумного веселья.

– Мы совсем рядом, – сказал Кусака.

– Ты думаешь, это и есть... – произнес Алекс и замолчал, потому что напарник уже вел крысу к провалу, лихо маскируя серую шерсть грызуна на металлическом фоне восьмиугольников.

Теперь Алекс понял, что сделаны они не из металла. Что-

то намного прочнее и неизмеримо – дороже. Палладий, наверное.

Монитор демонстрировал приближающийся край провала, Алекс уже видел их цель – стоящий чуть в отдалении терминал с характерным сетевых входом и антенной, штекер в крысиной пасти вибрировал в предвкушении контакта, но тут крыса попалась.

Разведчик поневоле, бедная радиокрыса, возможно мечтала о совсем другой доле. Может быть, ей в немногие свободные от использования минуты грезилась темная, уютная норка, жесткий зерновой корм, о который так здорово стачивать растущие зубы и теплые, копошащиеся под боком комочки юных крысят и свобода, недостижимая свобода и миллионы мусорных баков с объедками, ждущие впереди... Увы, это был ее последний поход. В спину грызуна впились острые зубы и крыса напоследок смогла только что-то просипеть сквозь заткнувший пасть коннектор.

Камера работала еще некоторое время и успела только передать сигнал о прекратившейся сердечной деятельности радиозверя да резкие отчетливые щелчки счетчика Гейгера из спины удаляющейся кошки. Судя по всему, крыса при жизни была сильно радиоактивной, но раздасованный Кусака только пожал плечами в ответ на взгляд Алекса – мало ли где использовали грызуна раньше!

Алекс вздохнул, сидя в относительном тепле машины. Радиокрыса сдохла, но дело свое выполнила, как оказалось да-

лее почти на сто процентов. А им бы стоило задуматься, что на секретном объекте Бутчера наверняка связанном с радиацией есть что-то помимо людей.

Улица пуста и безмятежна, но сетевик Алекс ощущал напряжение. Ему все сильнее хотелось завести мотор и убраться отсюда прочь, не дожидаясь Кусаки, кого бы он там не нанял на этот раз. Стоит вспомнить, на ЧТО они наткнулись во время второй фазы взлома, сразу пробирает дрожь.

Что ж, он закрыл глаза и расслабился, перебирая в памяти события двухдневной давности. Тогда они прямо лучились энтузиазмом – он и Кусака. Еще бы! Кто кроме них, да самых близких Бутчеровых прихвостней может сказать, что побывал в самом центре осинового гнезда, в царской камере муравейника!

Они, естественно, отпраздновали этот триумфальный момент сидя в загаженном электронно-бытовым мусором сквере и попивая газировку из бутылок с пиликающими однообразную восточную мелодию пробками. Над ними плыли сизые облака, через которые звезды не проглядывали уже с четверть века, сверху, как и сейчас, как и всегда, моросил дождик, а напарники были почти счастливы.

Алекс рассказал о своем желании выбраться из мегаполиса на живую еще природу, а Кусака в порыве откровенности признался, что первым делом, купив себе новый желудок, он напьется вдрызг.

– Чтоб потом вывернуло, – с блаженной улыбкой сказал

хакер.

Его нынешний желудок таких слабостей был лишен и переваривал все с энтузиазмом термоядерного реактора.

Фазу два готовили обстоятельно. Провели налет на магазинчик подпольного софта и на последние деньги приобрели два тарана. Собственно им они нужны были, чтобы украсть третий – с красноречивым названием «семь казней» у одной тоталитарно-религиозной организации. Штука была сколь мощная, столь и негуманная.

Еще один вирус Кусака припас довольно давно – трудился, модифицировал и в конце концов создал программу-камикадзе, имеющую особенность заражать чужой софт, а потом гибнуть вместе с ним, распространяясь при этом как атомный взрыв или вирус бубонной чумы. Тут было, главное в момент действия тарана не находиться в сети.

И, наконец – о ирония судьбы – они арендовали на три с половиной минуты один из спутников-трансляторов Бутчера, которые должны были послужить препятствием для обнаружения налетчиков.

Старенькие нейрошлемы и просроченный выход в сеть составляли остальной их багаж.

Иногда Алекс сам себе казался плоскодонной моторкой, которая штурмует атомный авианосец. Впрочем, пресловутую атомную бомбу можно разместит и в моторке.

Во время взлома должны были пострадать несколько охранников. Что ж, чуть покореженные мозги гораздо лучше

пули в голове – сказал Кусака и вздохнул от тяжелого воспоминания.

У него уже было и то и другое.

Время для налета выбрали в три тридцать утра. Мегapolis не спит никогда, но в предрассветные часы активность всегда затихает, действие стимуляторов слабеет и даже взятые совы начинают сонно моргать.

Перед выходом в сеть Кусака вытянул большой палец в дарующем жизнь жесте римского патриция. Алекс ответил таким же жестом в глубине души уверенный, что поймай их сегодня Бутчер, жест будет прямо противоположный.

Кусака разместил дешевую сенсорную клавиатуру перед собой, пальцы мягко легли на черные клавиши с японо-латинской письменной мешаниной. Он набрал коннект и замкнул контакт в нейрошлемах.

Мир исчез, и вокруг распростерлась мутная черно-серая сеть с миллионом цветных огней.

Часть из них уже спешило сюда, в место нынешней дислокации напарников. Кусака был рядом – бесформенный, но ясно ощутимый сгусток нейро-цифровых импульсов. Кажется, он все еще показывал большой палец, оптимист неисправимый.

Знаете, как выглядит Бутчерово убежище в сети? Да также. Абсолютно неприметный домен, который непременно был бы обшит дешевым дерматином, буде таковой имелся в манере оформления дешевых серверов. И также, как

и в реале за ним скрывались первая, вторая, третья линия обороны и, наконец, геенна огненная, или большой каньон, как больше нравилось называть его Алексу – отключенный от общего сетевого пространства кусок бункера. Маленький мостик имелся – но надо было знать, где он находится.

Первые два уровня Кусака взял таранами – по одному на каждый уровень защиты.

Сигнализация, вкупе с барьером сломалась, не успев подать весть о своей скоротечной гибели. Напарники проломили сквозь недерматиновую дверь, и двинулись вглубь, образуя за собой широкую, сокращающуюся стенами червоточину. Потревоженный код вибрировал, но не рушился – тараны позаботились, удерживая несколько секунд стены туннеля для взломщиков. Третий уровень встретил их похожей на давешнюю бетонной стеной – гладкой и серой, с минимумом полигонов и совершенно смертельной при прикосновении.

Кусака послал на смерть третий таран, и пока программы защиты перемалывали вирус, успел вставить клин-блокиратор – многократно скопированный, закольцованный кусок файла, который при уничтожении имел неприятную привычку копировать себя под другим именем и с новым порядковым номером.

Стена поглотила клин и он тут же встал у нее поперек горла, задавив помимо защитных функций еще и охранно-сигнальный. Писк тревоги походил на пропущенный че-

рез скрипер предсмертный хрип.

Тоннель колебался и сжимался позади, и потому взломщики поспешили проникнуть в образовавшийся проход и выпали в малый системный сервер, полностью отданный под контроль трубопроводных коммуникаций. Хитросплетение труб было само по себе интересным – судя по всему, Бутчер что-то охлаждал в районе пролома. Реактор там у него что ли?

Но сейчас надо было просто ждать. Кусака завис подле труб, зачарованно следя за пульсирующей внутри статистикой напряжений. Скоро охранник на дальнем блокпосте подключится к сети и тогда их маленький, оставленный крысой запал активируется и ориентирует передающую антенну сюда. А обратно на пост пойдет «семь казней» – вещь крайне негуманная.

Охранник включился через полторы минуты, вошел в сеть не замечая жужжания разворачивающей антенны. Еще через три микросекунды после ориентации чуть в стороне от труб возник ярко-алый, похожий на кишку туннель и Кусака отправил туда «семь казней» поставив ее сразу после мозгломного блока.

Программка эта, разработанная для пущей внушаемости собственной паствы наносектантами проникала в сознание жертвы, пользуясь целым веером гипнотическо-зомбификационных эффектов и закладывала необходимую для истинной веры информацию, попутно уничтожая остатки воли

неофита. Эффект был мощнее чем у сетевого рабства – секта имела особенность торговать своими аколитами по заоблачным ценам. Аколиты не боялись боли, не верили в смерть, и их невозможно было перевести под свой контроль – нейроны в головах сплавлялись в однородную, спаянную любовью к Гуру массу.

Полсекунды спустя вирус начал действовать, затопляя сознание охранника. Его личность была почти моментально подавлена, сознание раскрылось подобно бутону всем сетевым ветрам.

Когда туннель поменял окраску с красного на голубой и еще слышно вздохнул, Кусака сказал:

– Ну, пошли, – его голос глухо доносился откуда-то издалека – здесь, внутри защитного пояса, всякое электронно-вербальное общение блокировалось и можно было общаться только с помощью собственных голосовых связок.

«Семь казней» продолжали действовать. Восприятие охранника распухало по давлению бесчисленных гигабайтов пустой информации – он сейчас превратился в аппендикс – слепой отросток, омываемый бурными потоками сетевого кода. Двое взломщиков, рыбками проскользнувшие сквозь этот водопад, заметить было никакой возможности.

Алекс прерывисто вздохнул, когда мельтешение сети вдруг сменилось нечеткой и смазанной картинкой внешнего мира. Они – Кусака и Алекс, сгустки защитно-атакующих и коммуникационных программ с обратной связью, истекаю-

щие из подключенных к виртуальности мозгов взломщиков сейчас находились в сознании охранника, связанные с длинным и извилистым шнуром канала. Перекачка атакующего барахла прекратилась и спутник далеко наверху отключился, выполнив свою задачу. Канал остался – тонкий и почти незаметный. Антенна вернулась в предыдущее положение – больше ее занимать было нельзя во избежание тревоги.

Зрачки охранника были расширенны, а по подбородку наверх сейчас обильно текла слюна – быть аппендиксом не слишком приятно. А уже вмещать спроецированное сознание двоих взломщиков и подавно.

Ощущения были странные, тело охранника вроде бы повинилось тому, что приказывал Алекс, но вместе с тем как-то неявно, словно осуществлялось это управление через рычаги и педали. К тому же в кабине рядом с ним сидел Кусака и тоже пытался управлять.

Омываемый потоками сетевых импульсов охранник держался в своем кресле как паралитик и задушено хрипел, издавая звуки очень похожие на тем, с которыми встречала свой смертный час радиокрыса. Алекс начинал понимать, почему «семь казней» запретили.

Удовольствие, что ни говори специфическое.

Мутный мир вокруг качнулся и поплыл вниз – Кусака, наконец разобрался с управлением и поднял охранника со стула. Вокруг изящных пластиковых ножек натекла желтоватая лужа – взломщики не чувствовали запаха, и это было явно к

лучшему – все функции жизнедеятельности охранника впали в ступор.

Кусака шел, переставляя ноги контролируемого человека, те глухо стукали об пол как деревянные колоды. Жертва вируса шла как зомби, наверное, и выглядела как зомби.

Зомби с нейрошлемом на голове. Позади охранника волочился длинный сетевой кабель.

Идти было недалеко – до следующего блокпоста. Это ведь только в сети здесь бездонная пропасть, а в реальности это просто два кабинета, между которыми нет оптоволоконного кабеля.

Охранник прошествовал к терминалу блокпоста, опустился в кресло, и неловкой рукой вставил в соседнее гнездо шлема очередной кабель. Дернулся, кабеля выходили у него из височных долей и змеились к мейнфрейму. Он стал полупроводником на пути электронных импульсов, приходящие по одному кабелю и уходящим в другой. Токи текли сквозь мозг с изяществом гусеничного бульдозера пробирающегося через альпинарий.

Путь вглубь был открыт – твердыня Бутчера рушилась под умелым нажимом квалифицированных взломщиков.

Играющий холодным голубым светом туннель возник на краю зрения, а затем расширился, вбирая в себя весь мир – они вернулись в сеть. С некоторым облегчением Алекс оставил перегруженные мозги охранника, оставив того в сдвоенном подобии паралича-комы. Мозг тоже может оптимизиро-

ваться – через какой-то период времени переключенные синапсы распрямятся и он снова сможет связно мыслить. Увы, программы вложенной в «семь казней» неизвестным идейным Гуру вытравить не сможет уже никто, так что верный страж предаст Бутчера при первой же возможности и незапланированно вернется в ряды породившей вирус организации.

Здесь уже были внутренности муравейника – за внешними бетонными стенами, широким каньоном который не перелетит ни одна сетевая птица, здесь бурлила жизнь.

Информационные магистрали тлели золотом, перекачивая терабайты денежно-незаконных операций Бутчера. Чуть выше парили серые аэростаты электронных библиотек, тянулись и тянулись бесконечные ленты коммуникаций, ссылок и ссылок на ссылки, а у самого горизонта взмывали ввысь алые пламенные ленты принадлежащих Бутчеру личных каналов связи со спутниками.

Наметанный глаз Алекса сразу отметил некоторую упорядоченность в этом бурлящем хаосе – муравейник был радиален, нечто скрытое в центре притягивало к себе все коммуникации, да и столбы прямых каналов выходили туда же.

Кусака махнул в сторону каналов – «нам туда». Алекс внутренне содрогаясь, оседал магистраль и они понеслись сквозь внутреннюю сеть – два тонких и безразмерных электронных червяка, имевшие наглость в чужой муравейник. О несуществующих километрах канала за спиной не хотелось

и думать.

Потом был Центр...

Алекс тяжело вздохнул, на миг открывая глаза – хотелось увидеть этот дождливый мир, увидеть во всей его грязи и неприглядности, лишь только для того, чтобы убедиться, что он реален. Он пока есть. Но теперь Алекс знал, что есть и еще кое-что.

Кое-что, к чему стоит стремиться.

Они были в центре через исчезающе малый промежуток времени. Они были во взломе всего семь с половиной минут – причем большая часть их ушла на неторопливое передвижение туши охранника между блокпостами. В сети все делается быстро.

Провал был и здесь! Было что-то жуткое в этом копировании реальности. Только тут он не был черен – а играл багровым отсветами.

Электронный рай? – хотел спросить Алекс, – нет, скорее электронный ад.

Напарник не медлил. Он завис подле дышащим каким-то пульсирующим теплом шахтой и стал активировать свой последний таран.

Через четыре секунды их вычислили. Алекс не знал, как им это удалось – но, в конце концов, у Бутчера работают асы из асов. Далекий звон у самого горизонта, небо потемнело и разбилось на сектора – напарников вычисляли стремительно, но в месте с тем с устрашающей методичностью.

Рой оранжевых точек спускался с небес в некоторой пародии на золотой дождь – этот, впрочем, никаких благ с собой не нес. Сетевые киллеры работали быстро и профессионально. Операторы Бутчеровой сети уже знали, что к ним проникли не вирусы, а люди и приняли соответствующие меры.

Алекс понял, что их сейчас убьют. Пустьят что ни будь мозгобойное и утро встретят пара кретинов сидящих рядом за дешевой азиатской клавиатурой. Кусака просчитался и...

Но Кусака не просчитался. Он активировал таран.

Прямо в шахту. Алекс смотрел как модифицированный вирус уход в огнедышащее жерло.

Сетевик ждал чего угодно – открывшегося прохода, сотрясения и коллапса Бутчеровой тайны, моментальной и всеобщей гибели.

Но вирус вернулся. По кускам. Словно там, в шахте стоял вращающийся пропеллер и вирус попал в него и теперь рваные куски кода буквально ИЗВЕРГАЛИСЬ из пульсирующего нутра провала мутным, несущим заразу веером.

Киллеры не успели пройти и половины расстояния, как их хлестнуло этим жутким потоком и золотые искры мигом померкли. А провал все извергался и извергался, он плевался раздробленным вирусом он...

Он заражал все вокруг! Алекс побледнел под своим шлемом, когда понял, что внутренняя сеть Бутчера вот-вот будет полностью уничтожена. Сектора плавилась как воск, магистрали судорожно сокращались, а в центре этого хаоса ви-

сел Кусака и торжествовал.

На Алекс то понимал, что заслуги Кусаки в этом кошмарном действе нет никакой! Это был кто-то... нет, было что-то другое. Снизу – из шахты.

А потом из провала взвился багровый огненный язык и лизнул их, даруя знания, выжигая электронные схемы и тогда Алекс понял.

Одновременно с гибелью всей участвовавшей в атаке электроники он осознал, что же именно прячет в своих подвалах Бутчер...

Далеко наверху, но ниже спутника связи громыхнул гром. Зарница даже не попыталась пробиться через толстый полог городского смога. Дождь усилился, став на мгновение сплошной стеной отдающей бензином воды. В «Крайслере» капало – худая крыша пропускала воду, грозя замкнуть электронику.

Улица вдруг стала полна смутных теней, и не понятно было, живые это люди, или порождение буйной стихии.

Алекс внимательно взгляделся в дождливую тьму. Люди! Плохо видно, но перекошенный силуэт Кусаки узнать несложно. Внутренне содрогаясь, Алекс вышел под дождь. Холодно было не от промозглой ночи – просто взлом вступал в финальную фазу.

Кусака встретил сетевику острым взглядом – не трудно было заметить, что он тоже волнуется. Две тени за его плечом, как и обещалось, оказались боевиками-наемниками.

Лица их были спокойными и отстраненными, и вместе с тем слишком бледными, даже для жителя мегаполиса – ребячки были до верху напичканы электроникой. Титановые щитки, закрывающие самые уязвимые места – это далеко не самое сложное в их организме. Скорее всего, и от мозгов у них осталось не больше половины – остальное заменено микрочипами – зато реакция сверхчеловеческая.

– Кусака, ты нанял их! – крикнул Алекс, – сколько это стоило?!

– Да ерунда, восемь тысяч с копейками.

– Но у нас же нет таких денег! Откуда...

– Не бойсь, все законно, – сказал Кусака устало и тут Алекс заметил, что напарник тоже очень бледен, – Я заложил свой желудок.

– Ты... что?!

– Нам нужны были деньги, Алекс! – крикнул напарник, – нужны они, и я продал свой желудок. Ведь если мы прорвемся... он будет уже не нужен!

– Если мы прорвемся! Если там будет искин! Если он позволит с ним слиться! Слишком много «если», Кусака!

– Не тушуйся! – сказал тот и улыбнулся своей фирменной безумной улыбкой, – все будет в порядке!

Алекс только головой качнул. Кусака кивнул боевикам и те, не таясь, вынесли дверь в обиталище Бутчера. После недавнего вирусного душа все системы охраны должны быть парализованы, а по уцелевшим клочкам сети бродили злоб-

ные, многократно дублируемые копии «Семи казней», поражающие всякого, кто пытался сунуться в локалку через официальные входы.

Ну и, конечно, оставался еще искин – искусственный интеллект – который почему то пошел против своего хозяина, позволив двум взломщикам посеять такое смятение. А теперь, может быть, ждущий их.

Короткие автоматические дробовики в руках боевиков – черное на черном, хищно смотрели вглубь коридора. Глаза у боевиков были скрыты за зеркальными линзами, но Алекс был уверен, что под очками они столь же эмоциональны как и глазки стволов их оружия. И те и другие к смерти относились, как истинные дзен-буддисты – а именно даже не вспоминали о ней. Алекс недолюбливал наемников – встроенная им программа, была чем-то похожа на сетевое рабство, но в этом случае без них было не обойтись.

Они вбежали внутрь и уже через пять минут наткнулись на первое последствие сетевой атаки. Могучий охранник в черном улыбнулся им с детской непосредственностью и непринужденно пустил изо рта слюни. Еще одного нашли чуть дальше – «семь казней» работали вовсю, и Алексу подумалось, что секта, пожалуй, должна заплатить им за такой неожиданный подарок.

Лампы под потолком мягко пульсировали – напряжение скакало, в глубине базы ворочались некие механизмы, огромные мощности без толку сновали туда-сюда лишённые

поводков управляющих систем.

Следует признать – все-таки это был триумф Кусаки.

Возле лифта им попытались оказать сопротивление еще двое охранников, эти стреляли сквозь сужающиеся створки подъемника, пока один из боевиков со снайперской точностью не всадил заряд вглубь кабины. Там заорали – один из стражей вывалился на пол зажимая лицо, а из под пальцев обильно била кровь. Створки нежно сжали его и тупая автоматика дала команду на открытие. Второй завизжал, яростно тыкая в кнопки, но получил выстрел в затылок и оставил часть мозгов на управляющей панели. Алекса слегка затошнило от этого зрелища, а вот Кусака остался спокоен – ну да, у него же нет теперь желудка.

В нижней базе царил хаос – низведенные до уровня идиотов там и сям торчали техники в белых халатах, пол был заблеван, часть мейнфреймов перевернуто, а мониторы выдавали причудливую восточную вязь.

Еще один стрелок засел за перевернутым столом и лупил из АКСУ вдоль коридора, иногда попадая в расслабленных техников. Боевики действовали быстро – граната закатилась за стол, а следом коридор содрогнулся от взрыва, швырнув в быстро чернеющем облаке дыма искалеченное тело прямо под ноги нападавшим. Кусака подхватил автомат, глаза у взломщика горели диким огнем.

С очередным взрывом вылетели двери в центральный зал, а следом за ними вломились боевики, поводя стволами ору-

зия слева направо. Вокруг дымило, искрили кабели, а впереди виднелся знакомый провал – в отличие от своего двойника в сети, и не искаженный восприятием радиокрысы, он выглядел вполне буднично – просто неширокая шахта, в которую уходили простые поручни из нержавеющей стали – прямо как в бассейне.

Взломщики шагнули в зал, боевики шли впереди как два черных, подвижных тарана. Алекс уже успел внутренне возликовать, когда заметил, что деревянные, массивные двери широко открыты. Боевики синхронным движением развернулись к дверям, но было уже поздно – пара гранат зазвенели по полу в опасной близости от вошедших.

Дальнейшее произошло почти мгновенно – один боевик оценил обстановку, и, пнув ногой первую гранату, накрыл вторую своим телом. Грянул взрыв и тут же, без перерыва, загрохотал шотган напарника покойного ассассина. Кусака тоже стрелял – в темные фигуры, что текучими движениями выскальзывали из открытого дверного проема. Оттуда вели огонь короткими резкими очередями. Алекс оценил обстановку и пал наземь – те, кто сейчас атаковал, их тоже были убийцами, тоже тренированными, с купированными эмоциями.

Бой был короток – их боевика прошило в четырех местах автоматной очередью – по полу запрыгали металлические осколки, окрашенные кровью. Кусака высадил всю обойму своего АКСУ в стены и потолок, после чего тоже залег.

Боевик сделал еще три выстрела, а потом подождал пока один из убийц подойдет поближе, активировал взрывчатку на поясе и с оглушительным грохотом отошел в страну вечной охоты.

Алекс с Кусакой пытались бежать, но их тут же нагнали и дали прикладом по затылку.

Мир вспыхнул, а потом померк, как меркнет лишённая питания вакуумная трубка старого ЭЛТ-монитора.

– Вы что, правда, надеялись прорваться? – спросил Бутчер.

Выглядел он как на портретах – коренастый, с уродливым квадратным лицом, в котором проглядывало что-то собачье. Так, наверное, выглядел бы бульдог, если бы ему приспичило вдруг стать человеком – маленькие, близко посаженные глазки, выдвинутая челюсть и нездоровые брыли на месте щек. Впрочем, бульдогу свойственно еще и добродушие.

Бутчер добродушным не был. Он был злобен, и полон медленно закипающей ярости – человек скороварка с не очень крепкими стенками и без спускающего клапана.

Хотя нет, клапан все-таки был – Алекс с Кусакой. И весь праведный гнев хозяина этой части мегаполиса должен был вылиться на них.

– Вы, твари, тупые недоумки! Недохаеры, мошкара, вы решили взломать МЕНЯ!!!

– И нам это удалось, – сказал Кусака и тут же получил по зубам.

Взломщики сидели на самом краю проема – чуть поодаль суетились техники что-то горело и искрило, а еще там обрелись боевики Бутчера – спокойные и индеферрентные к царящему вокруг разгрому.

– Ничтожество... – выдохнул Бутчер, – если бы ты знал, тля, сколько ты загубил, сколько усилий пошло на дно из-за твоей дерготни!

Кусака улыбался, как ему казалось, победно.

– Зачем тебе искин, Бутчер? – спросил Алекс.

Бутчер замер, тяжело дыша, и глянул, казалось, со страхом. Лицо властителя местных трущоб медленно краснело. Он прохаживался вдоль провала, ступая дорогими ботинками по гладкому белому полу. Внезапно Бутчер остановился и глянул на Кусаку:

– Я знал, что это он все подстроил. Вы, слишком мелкая мошкара, чтобы пройти через три линии защиты. Он, а не вы... Эта машина вообразила себя богом!

– Электронным Раем, – сказал Кусака, – и не только он.

Бутчер снова смотрел на него, но ярость ушла – глаза заледенели и смотрели теперь совсем холодно и расчетливо.

– Я никогда не был в нем уверен, – сказал Бутчер, – эта электронная тварь... я всегда предпочитал простые методы, надежные... – он снова прошелся вдоль шахты, а потом замер, – ...и я к ним вернусь. А вас убьют прямо здесь. Вместе с ним. Сейчас.

Убийцы вскинули стволы единым слитным движением.

Бутчер смотрел. Позади в шахте что-то гулко вздохнуло, словно заработало разом два десятка генераторов. Алекс закрыл глаза, а улыбка заледенела на лице Кусаки. Лампы чуть померкли – напряжение скакнуло.

– Аы... – сказали у двери.

Курки никто не нажал. Бутчер вскинул голову, моментально закипая.

– Аегэ... – сказал давешний охранник, он стоял в дверях, заметно пошатываясь. Глаза его были открыты и горели неземным бешеным светом, слюни сплошным потоком стекали по подбородку. Длинный черный провод тянулся от поцарапанного нейрошлема и исчезал в коридоре. Алекс внезапно понял, под чьим контролем находится сейчас человек.

– Пошел!!! – заорал вдруг Бутчер, размахивая руками, – Пошел отсюда!!!

В глазах охранника плясали цифры – мозги его стремительно выгорали, но тело все еще стояло и улыбалось.

Алексу внезапно стало легко и совсем нестрашно. Выход был рядом – они дошли, добрались до цели, а Бутчер – это изрыгающее проклятья убожество, просчитался!

Взломщик Алекс, по кличке Ткач, неудачник со стажем, глубоко вздохнул, дружески кивнул свету в глазах охранника, а потом как водолаз легко откинулся спиной назад – в черную шахту, в которой скрывался искин.

Наверху снова закричали, потом все звуки поглотил слитный рокот автоматных очередей, но и он становился все ти-

ше, тише и тише, сменяясь странной искаженной звуковой оцифровкой.

Звук выродился в редкие, насыщенные, щелчки, а потом вообще ушел за предел диапазона, сменившись тихим гулом.

Электронный Рай встретил Александра Ткачева жестким ударом в правую скулу. Где-то наверху щелкнуло и мелодично звякнул колокольчик. Почта пришла.

Перед глазами пол с жестким синтетическим ковровином. Смятая кровать сверху – отсюда он падал, как сумасшедший лунатик!

Александр поднялся, тупо оглядываясь вокруг – взгляд его скользил по оклеенным постерами стенам, по полкам с разным компьютерным барахлом, по книжной полке с книжками Гибсона, по окну, за которым занимался рассвет.

Комп шуршал кулерами, похрустывал жестким диском, бесконечно что-то в себе оптимизируя. Сонно помаргивала лампочка, красная как глаза Бутчера.

Приснится же такое!

Ткачев подсел к компу – все равно теперь не уснуть. Экран пересекала сильно пикселизированная череда пулевых отверстий – еще одна скаченная из сети примочка.

Хмурый спросонья сетевик тупо глядел на виртуальные дырки, еще не замечая, что на стене позади него идет точно такая же полоса глубоких выщербин в хрупком бетоне.

С той стороны плоского стекла монитора стучался рисованный попугай, раз за разом повторяя с жутким синтезиро-

ванным акцентом одну и ту же фразу. Слова вылетали у него из клюва и выстраивались в квадратном облаке у птицы над головой, выписанные стоящим по умолчанию шрифтом MS SansSerif8b:

«Проснись! Новый день ждет! Проснись! Новый день ждет! Проснись...»

Хозяин.

"...не всякий знает, что в Перу есть не только майя и пирамиды. Кроме этого, там есть и морские свинки. Перуанцы – сами бывалые свиноводы, знают двадцать и один способ избавления от всех болезней. Вот один из них: заболевший перуанец берет свинку к себе на ночь в постель, до самого рассвета бодрствуя, и не давая спать зверьку. Таким образом, свинка перенимает чужую болезнь.

Утром свинку убивают, ее разрезают и внимательно смотрят все внутренние органы.

Орган, который видоизменился у зверька больше всех и есть причина болезни хозяина.

Теперь дело за самым главным – задача больного извлечь из других свинок здоровые органы и поедать их семь дней строго следуя указанной дозировке и не пренебрегая нормами гигиены.

Соблюдающий эти нормы перуанец будет всегда гарантированно здоров, бодр, весел, не иметь проблемы с личной жизнью и не страдать похудением кошелька.

Что же до морских свинок, то их мнения, не идут ни в какое сравнение с их нежным вкусом и к тому же..."

Вздрогнув, Валерий Валерьянович Золотникофф пробудился от зыбкого, неглубокого сна. К счастью никто не заметил – фуршет все еще шел, но уже вяло и сонно – только по

инерции.

Граф Трышкин толкал речь – длительную, подробную и переполненную пафосом. С дикцией у графа никогда не ладилось, и потому все его спичи обращались в сильнодействующую колыбельную для имевших неосторожность его послушать. Чуть поодаль сидел мэр провинции в окружении свиты и благосклонно внимал графу. Свита ела, пила и тихо-мирно подремывала.

У самого входа примостилась поблескивающая брильянтами и золотом полномочная комиссия Вратари клуба, которая в составе шести человек, приехала сюда исключительно из-за Валерия Валериановича.

– И в заключение, не могу не поблагодарить отца-основателя пушной-мясной лиги, крупнейшего держателя свиноферм в провинции, и, наконец, нашего большого друга Валерия Валериановича Золотникова! – завершился Трышкин.

Все заплодировали – мэр со свитой подобострастно, члены Вратари – с некоторым сарказмом.

Валерий Валерьянович приподнялся, дружелюбно и с легкой улыбкой кивнул присутствующим, в голове у него всплыл недавний сон – перуанцы, пирамиды, морские свинки...

– "Приснится же такое!" – подумал Золотников, и уселся на свое место.

Фуршет, так и не приобретя беззаботности, сильно прибавил в официальности и бодро катился к завершению. Звез-

нел хрусталь, закуски расползались по серебряным блюдам, звенели приборы, велись напыщенные речи и поднимались тосты за благо провинции.

Золотые часы на стене, подаренные нынешнему мэру самим Зиц-Патрицием отмеряли время.

В какой то момент Золотников обнаружил, что рядом сидит Серьгюссон – глава Вратари клуба и сверлит его взглядом. Валерий Валерьянович вздохнул и обратил к главе снисходительный взгляд.

– Наши постоянные активисты обеспокоены, милейший Валерий Валерьянович, – молвил Серьгюссон.

– Ну?

– Они озабоченны перебоями в поставках меха.

– У меня небольшие технические трудности, – сказал Золотников, подавив раздражение, – временные трудности!

– Мы остановили три из четырех конвейеров по переработке меха, милейший, – холодно сказал Серьгюссон, – дальнейшие простои могут обернуться большими издержками.

– Я знаю основы торговли! – буркнул Золотников, – Издержек не будет, я в ближайшее время возобновлю поставки!

– Как скажете, Валерий Валерьянович, – улыбнулся глава Вратари тонко и по-змеиному улыбаясь, – Воля ваша.

– Вот именно!

Серьгюссон исчез, растворившись в вялой круговерти фуршета, оставив Золотникова в мрачной задумчивости.

Копают. Подкапываются уже. А ведь всего два месяца на-

зад и не посмели бы так вот, в лицо заявить! Вот так пугать самого Валерия Валерьяновича Золотникова – самого богатого владельца пушных свиноферм в провинции!

А все тварь.

Золотников снова прикрыл глаза, вспоминая, как все было.

Тварь пришла непонятно откуда, просто из воздуха возникла, и окопалась у самой большой свинофермы – вольготно раскинувшегося на пяти гектарах сверхсовременного комплекса. До пятисот шкурок морских свинок в месяц – как вам такое?

Свинки жили в квадратных вольерах, маленькими колониями, отделенные одна от другой крупноячеистой сеткой. По периметру высокий бетонный забор – не подкопаться, не перелезть. Но тварь то смогла!

Когда управляющий Костик прибежал с вытарашенными глазами и сказал, что в одном из вольеров свинок кто-то перерезал, Золотников сразу заподозрил конкурентов – тех было двое, и их фермы располагались соответственно справа и слева от комплекса Валерий Валерьяновича. От них и раньше не приходилось ждать ничего хорошего, но нынешний случай был настоящим объявлением войны!

Поэтому в тот же день Золотников навестил соседей и получил с ними очень неприятный разговор с обескураживающим, к тому же, результатом.

Конкуренты – звероватый Волков и задыхающийся от гру-

за лет Синявкин как один отвергли все обвинения Валерия Валерьяновича, да и вид имели при этом несколько обескураженный, обычно им не свойственным.

– Да и подумай, соседushка! – сказал Волков, – Ежели гадить, то так, чтоб все производство стало! По крупному!

И, правда. Как-то очень уж мелко это было. Один вольер из пятидесяти!

Настораживал еще один факт – пушных зверей разодрали в клочья. Куски их дорогой шкуры были разбросаны по всему вольеру, а от самих свинок остались только головы с панически выпученными глазами, и головы эти были насажены на тонкий прутик хребта, наподобие отработанной селедки. Остальное исчезло.

Нет, тут может и не в конкурентах дело. Зачем было бедных зверей так уродовать, когда можно было тихонько отравить – поместил отраву в кормушку, и все поголовье дружно отправляется их грызуний рай!

Даже дикий Волков не стал бы так делать – слишком хорошо знал его Валерий Валерьянович. Даже подошли он людей, куда подевались остальные части убитых животных.

Их как будто... съел кто-то!

Круговорот насущных дел тогда закружил Золотникова и он не придал должного значения происшедшему.

А той же ночью все повторилось.

Вольер номер сорок девять потерял всех до единого своих обитателей. Обращенные в пародию на селедку свинки

укоризненно смотрели в налившиеся кровью от гнева глаза Валерия Валерьяновича. Среди погибших оказалось три беременные самки и одна с только что народившимся потомством редкой жемчужной масти. Разбросанные ошметки догогой шерсти, к слову сказать, обретались за толстой запертой решеткой, а на самой территории вольера не наблюдалось и следа подкопа! Мохнатые сородичи погибших изумленно пялились сквозь крупные ячейки сетки.

– Не может быть это человек, Валерий Валерьянович, – сказал Костик, – должно быть зверь.

– Но как он проник через решетку?

– Должно быть, это очень хитрый зверь, – сказал Костик и поспешно отошел на несколько шагов от помрачневшего хозяина.

Очень хитрый зверь, если это был он, посетил вольер номер тридцать восемь как стемнело, после чего вольер опустел. Свинки там были уже подготовлены к переработке, и потому Золотникову пришлось пускать в дело резервную партию. Это был уже открытый удар по экономике фермы. Удар, после чего бронированный эшелон Валериного бизнеса медленно, но уверенно пошел под откос.

Золотников рвал и метал. Этим же вечером он нанял одного из рабочих для охраны.

Вооруженный вилами труженик зорко патрулировал вольеры с десяти вечера до шести утра.

Фонари освещали ферму, сверху добавляла света луна, а

казалось, ни одна самая хитрая тварь, если только она не состоит из одной тени, не сможет пробраться через охраняемый периметр.

Но она пробралась.

Вольер номер десять осиротел. Выпученные глаза свинок смотрели с укоризной.

Настораживало еще то, что свинки погибли бесшумно – ни криков, ни хрипов, ничего того, чем могло бы сопровождаться кровавое побоище. Кучка полупережеванных внутренностей лишний раз доказывали, что поработало какое-то животное.

Рабочий клялся собственной матерью, что не видел и не слышал абсолютно ничего странного. Озлобившийся Золотников выматерил труженика и его мать, и сгоряча уволил работника с фермы.

Как показало время – зря.

Тварь забралась в цех по переработке свинок, миновав глухие стальные ворота и двух испуганных судьбой предшественника и оттого бдительных стражей. Внутри здания она уничтожила два десятка ожидающих своей участи свинок, а потом, словно издеваясь, изгадила тридцать уже прошедших обработку шкурок. Похоже, что именно шкурки и вызывали у нее вожделение – от продукции ни осталось почти ничего. От твари тоже – ни шерстинки, ни следа на полу.

Охранников на этот раз никто не увольнял, а к праведному гневу Валерия Валериановича стало примешиваться

некое опасение. Дело и впрямь начинало попахивать мистикой.

Но неуловимость зверя была ничем по сравнению с грядущим финансовым кризисом. В этот день пришло первое письмо от Вратари клуба – пока с извещением, и вежливым вопросом насчет задержек. Увы, в продажу пришлось выкинуть партию некондиционного товара, в результате чего стоимость шкурок морских свинок на Центральном рынке провинции упала сразу на пару пунктов, исказив весь бизнес-план на будущий месяц.

Вот тут то Золотников и задумался. Что-то подсказывало ему, что действовать надо решительно, и как можно скорее, потому что тварь не успокоится, пока не порешит всех свинок на ферме. Особенно неприятен был случай в цеху – иначе как экономической диверсией сей акт вандализма и назвать то было нельзя. Чего добивалась тварь? Почему предпочла вымоченные в растворе шкуры целым, живым зверькам?

Ночью погиб еще один выводок и Золотников понял, что ждать больше нельзя. Стиснув зубы, он нанял почти шестьдесят человек – большую часть работников фермы, на одну ночь. Каждый из них получил месячную зарплату и условие – провести темное время суток в вольере со свинками, и убить тварь, буде таковая явится.

Валерий Валерьянович улыбался и довольно потирал руки – ну изволь, неведомая зверушка, попробуй теперь приий-

ти! Идея казалась почти гениальной, и Золотников про себя окрестил сию операцию «маневром вытеснения».

Вечером, обычно тихая, ферма шумела – гул голосов стоял в воздухе, возносились в луне дымы костров, тут и там горели керосиновые фонари, да попискивали испуганные многолюдьем морские свинки. Со стороны казалось – большая армия стала на постой, перед очередным марш броском. И когда хозяин фермы Валерий Золотников смотрел на это людское, сильное скопище, тревога ненадолго покидала его.

Потом... Да, потом случился кошмар.

Фуршет, наконец, пришел к завершению. Золотников пожал руки подскочившему мэру, дружелюбно кивнул свите, и покинул зал, пройдя, под отмеряющими очередные вечерние минуты часами.

У входа он еще раз увидел Серьгюссона – тот задержался, словно бы для того, чтобы послать Валерию еще один предупреждающий взгляд – не связывайся с нами, мы сильнее, нас больше, пойдя против и ты мертвец! Вратари клуб – сборище самых богатых и властолюбивых людей планеты – скопище акул, вот они кто! Или волков – любят загрызать поодиночке, отбился от стада и вот уже ты их жертва. Но не сейчас, пока еще нет.

Валерий Валерьянович ласково улыбнулся Серьгюссону и вышел из помещения. На улице было тепло, воздух был по вечернему свеж, пах сладким дымом, а где-то вверху, на недостижимой высоте над провинцией светили звезды. Меж

них гулял ветер, который иногда спускался вниз, чтобы потрепать роскошные головные уборы гостей, позвенеть чужими бриллиантами, да поиграть кронами завезенных с теплых югов пальм. И все бы хорошо, да вот только приближалась очередная ночь, а с ней приближалась тварь – зубастый вестник краха. Нет, не думал Валерий Золотников, что крах когда ни будь обретет реальные, физические черты. Бизнес и без того чересчур непрочен.

В одиночестве прошагал Золотников через небольшой атриум перед мэрией, горы позади здания были темны и дики и едва различались на фоне темнеющего неба.

Машина – выделяющийся размерами и белоснежным цветом лимузин «Роллс-ройс силвер сераф» ждал хозяина на стоянке. Золотников с удовлетворением отметил, что дорожки машины на парковке не было – «Бентли» Синявкина уже отвалил, скрывшись в густых южных сумерках. А даже если он и остался бы – все одно круче Золотниковского лимузина не найти. Тень былой гордости закралась в душу Валерия Валерьяновича, на миг отогнав темные мысли.

Шофер подобострастно снял форменную фуражку, расплываясь в угодливой улыбке:

– Куда, Валерий Валерьянович?

– Домой... – ответил тот.

В салоне было темно и слабо пахло хорошо выделанной кожей. За окном проплывали черные силуэты сосен, да похожие на диковинных светляков китайские фонарики, раз-

вешанные по случаю очередного юбилея провинции. Тихо шуршали шины, и Золотников снова отвлекся, погрузившись в воспоминания о той ночи.

Да, Костик разбудил его в четыре утра – когда заря уже занялась, но солнцу еще долго нужно было ползти где-то за краем земли. По лицу управляющего – полуобморочно-бледному Валерий сразу понял, что стряслась очередная беда. И нельзя сказать, чтобы это очень шокировало.

– Что? – спросил Золотников.

– Тварь... – молвил Костик и махнул рукой в сторону светлеющего горизонта, – пришла.

– Сколько, – вздохнул хозяин.

– Один, – выговорил управляющий и Валерия Валерьяновича вдруг пробрало холодом.

Накинув халат, он вывалился в промозглое утро и сразу понял куда идти – былая армия скучковалась у одного из вольтеров. Там молчали и Золотников понял, что произошло что-то совсем неприятное. Он поспешил туда. Рабочие не глядели ему в глаза, просто расступились, явив вольтер номер тридцать три.

Тварь снова пришла, и, встретив на этот раз препятствие в виде охранника, не стала убегать и прятаться. Он убила человека, почти оторвав ему голову.

А потом спокойно прикончила всех свинок.

Знакомые скелетики с кошмарным цинизмом были аккуратно сложены на теле убитого.

Шкурки исчезли, а вот человечья кожа твари не понравилась – вся осталась при владельце. Что характерно – рогатина, оружие стража, так и осталось стоять, аккуратно прислоненное к стенке вольера.

Видя взгляды работников, Золотников поспешно толкнул речь, в которой призвал всех присутствующих отыскать и уничтожить зловредную гадину, пока она, гадина не добралась до них самих, их жен и детей. Призвал к мобилизации, и защите домашнего очага.

Резонные вопросы о том, что до этого дня тварь вроде бы не собиралась нападать на домашний очаг, потому как интересовали ее, в основном, морские свинки, хозяин тут же задавил железной логикой.

– Тварь попробовала человеческого мяса! Теперь она ни перед чем ни остановится! – сказал он.

Несмотря на речь, около трети работников после этого случая поспешили покинуть ферму – часть уволилась по собственному желанию, а часть просто сбежала. Зато оставшиеся поклялись хозяину в верности и пообещали поймать зловредного зверя, а заодно попросили поднять зарплаты. Так, экономике фермы был нанесен еще один удар – экономический аналог хука в левую скулу.

Так выяснилась еще одна неприятная подробность – тварь была достаточно сильна, чтобы одолеть человека. Так что о кунице или лисице разговор уже не шел, больше того, старики и припомнить не могли – что же такое ужасное мо-

жет водиться в здешних мелких лесах? Выходило, что ничего чересчур зубастого и быть не может. Вот тут робкие разговоры и пересуды стали потихоньку набирать силу, а то и выходить на уровень узаконенных легенд. Ощутимо повеяло мистикой, и рассказы передавались один другого страшнее. Ночной душитель, свиной черт – вот как быстро окрестили тварь в окрестных хуторах. Крестьянство боялось особенно, хотя у них то, как раз никто ничего не крал.

Слухи, понятно сделали свое дело и от Золотникова отвернулось несколько давних клиентов – причем один совершенно в открытую заявил, что боится, как бы неудача не перекинулась на него. Золотников проклял про себя все суеверия, а также безмозглых их разносчиков. Но увы, все чаще он теперь замечал на себе косые взгляды сильных мира сего.

Оставшиеся при хозяине сплотились. Больше было решено по одному в вольерах не оставаться, а плотными группами патрулировать вольеры, вооружившись огнестрельным оружием и рогатинами, с которыми ходят на медведя. С этого часа свинки больше ночами не спали, пробуждаемые от дремоты тяжким топотом охранников, и зычными их перекличками. Охранники боялись, и потому говорили как можно громче.

От бессонницы нежные звери начали хиреть на глазах, их гладкая блестящая шерстка тускнела и вылезала клочьями. Валерию же Валерьяновичу казалось, что от нервной его жизни клочьями волосы ползут уже у него. Перспективы

впереди обретали пугающе мрачный окрас.

Кроме того, народные эти дружины так и не помогли – тварь все равно наведывалась на ферму и била свинок во множестве. Когда, и каким образом она успевала это делать, оставалось загадкой – в выпученных глазах грызунов читалась тяжкая обреченность, и потому один из работников старожилов предположил, что на ферму нападает рептилия. Мол, гипнотизирует она свинок как удав зайца, вот и молчат зверьки до самой гибели.

Золотников сказал, что ему плевать, как тварь разделяет грызунов, ему надо, чтобы она перестала это делать.

Дружины удвоили, потом утроили, а свинки стали нервозны и пугались яркого света.

Однажды вечером Костик снова посетил хозяина и задышающийся голосом сообщил, что у ограды видели темную фигуру, и она, видать, вот-вот полезет за периметр. С тяжело бьющимся сердцем Золотников выскочил из дома, и во главе группы сподвижников провел стремительный и неукротимый ловчий гон твари. Сподвижники прочесали поле, и благодаря хитрому тактическому маневру темная фигура была загнанна к самым воротам фермы.

Под прицелами двух десятков стволов тварь заметалась, а потом сверху на нее пал свет прожектора и высветил в прищельце явно человеческие черты.

Посетитель пал на колени и пополз к Валерию Валерьяновичу, высказывая на ходу, что про все расскажет, и при-

мет с гордостью положенное наказание, если только означенный Валерий Валерьяныч соизволит спасти его от ужасной твари, что гналась за ним вдоль периметра и чуть не догнала.

Золотников подобрал пришельца и под конвоем сопроводил его в дом, где плененный еще долго ползал на коленях и вымаливал прощение.

Из его слов оказалось, что он шпион, посланный на ферму за экономическим шпионажем соседом Синявкиным. Должен он был пересчитать свинок, а также шкурки готовые к производству, и еще много чего еще, но у самого периметра страшный зверь взял его след, и шел позади, потихоньку нагоняя. Что за зверь, шпион сказать не мог, но, судя по дыханию, было это что-то большое и невероятно злобное. Тварь загнала человека к самым воротам, а потом исчезла, спугнутая сбежавшимся людом.

Видя бледное, перепуганное лицо страдальца, а, также выслушав его бессвязные, но искренние благодарности, Валерий Валерьянович шпиона отпустил, напоследок дав ему десяток плетей для науки.

А большая и невероятно злобная тварь опустошила очередную вольер и осталась как всегда незамеченной.

Золотников считал убытки, мрачно глядел в антрацитовое будущее и стал подумывать о суициде с помощью любимого, инкрустированного костю, дробовика, как неожиданно пришли добрые вести.

Старый пастух с гор, вид которого эти вести обрели, пришел под вечер и скромно дожидался аудиенции. Когда ему было велено войти, пастух прошествовал к Золотникову и просто сообщил, что знает где логово твари. И в доказательство принес шкурку морской свинки.

Увидев шкуру, Золотников онемел, потому что шкурка была редкой масти, из той самой серии, что порешила тварь еще в самом начале. А значит, не врал пастух, который ушел в этот день домой богатым человеком.

А привыкший действовать Валерий Валерьянович, наконец, понял, что скоро сможет сразиться с тайным своим врагом лицом к лицу.

Шкурку он повесил над входом в дом – как флаг или трофей.

Валерий вздохнул – лимузин нес его сквозь теплую ночь, дорога петляла и вот на одном из отрогов стала видна ферма, уютно расположившаяся в неглубокой долине. Отсюда она казалась маленькой – скопище цветных огоньков, словно кто-то положил на дно долины кучку цветных фонариков, вроде тех, что висели у мэрии, но Золотников знал – там, внизу много людей, большие строения, вольеры, свинки, там замешано много чего – внизу, свитой в кольцо цветной гирляндой лежала крошечная его, Золотниковская империя. Эти огни были вершиной айсберга, который почти полностью состоял из денег, надежд и опасений.

И айсберги тонут. Теперь хозяин знал это наверняка.

Золотников тоскливо смотрел на свою ферму, которая выглядела сейчас такой цветущей, словно и не нависла над ней и ее хозяином тень краха.

Крах – страшное, жесткое слово. Вот, что Валерий Валерьянович боялся всегда. Вот о чем, всегда думал он, засыпая вечером и просыпаясь ранним утром. Крах. Остаться без денег. Обеднеть. Опуститься. Пасть на дно. Чем выше ты, тем больнее тебе падать.

Наверное, это единственное, что он по настоящему боялся. Крах был невидим, неуязвим, потому что не материален. С ним трудно было бороться – и он всегда, всегда мог прийти, независимо от твоих тщетных усилий.

– "Потерять все деньги?" – думал Золотников бессонными долгими ночами, – "Обеднеть?"

Продать дом, машину, все! Стать бездомным? Побираться, мерзнуть холодными ночами, медленно спиваться, бояться всех и вся. Нет! Не бывать этому! Лучше умереть как лев, чем жить как дворняжка!" – и только тут он засыпал, слегка успокоенным. Рожденный в небедной семье, Золотников не знал, почему страх бедноты так настойчиво преследует его. Словно он знает, каково это – побираться. Это знание пугало и настораживало.

Потому с юности Золотников только и делал, что пытался избавиться от этого призрака бедности – он зарабатывал, зарабатывал и снова и снова умножал заработанное, и когда тяжкие мысли лезли в голову он просто шел и покупал себе

новую машину, яхту или дом на побережье. И крах отступал, бессильно скрежеща зубами.

«Что есть ад?» – думал Золотников, – «Если не беднота?»

От всех попрошайек он шарахался как от чумных, проявляя худшие из возможных суеверий.

И Валерий делал деньги – больше, больше и больше, надеясь создать в будущем такую империю, которая будет работать на него, и которая уже не сможет потерпеть крушение.

Его личная империя, и если бедность была адом, то богатство, несомненно, раем – обетованной землей, куда всю жизнь стремился Валерий Золотников.

В свой личный Денежный Рай.

А теперь на пути в золотые кущи стояла тварь – и угрожала свергнуть в тартар.

Ферма манила ее как огонь мотылька, вот только огонь этот не обжигал. Почему так вообще получилось? В провинции множество свиноферм, почему же тварь повадилась именно сюда, к Золотникову? Или эта кара – жестокая, и бьющая в самое больное место, как и положено личному проклятью.

Страшно, когда детские страхи обретают лицо. И крушение надежд вдруг облеклось шерстью и оскалило острые клыки.

Дорога снова сделала поворот и маленькое скопище огней, мигнув, скрылось за склоном.

Валерий радовался как ребенок вестям старика. В тот же

день он нанял двух бывалых охотников из ближайшего села, заплатив им деньги, на которые они могли оставить опасный свой промысел и до конца жизни разводить маргаритки. Охотники выслушали его, степенно кивнули, и, подобрав свои берданки, к вечеру вышли. Вся ферма провожала их, им махали руками и подбадривали выкриками. Ловцы скрылись в лесу и головы их на следующее утро обнаружили в вольтере номер десять. Берданок не было, равно как и свинок. После этого случая, половина из оставшихся верным хозяину работников позорно бежало с фермы, а все остальные дружно ударились в мистицизм, густо мешая его с религией.

Поражение охотников, на счету которых был не один десяток медведей, подтолкнуло новый виток слухов. По округе шли разговоры, главным в которых был вопрос «на кого же мы охотимся?!» и «кто же там?!»

Крестьяне запирали на ночь окна и двери, скотину не выгоняли дальше плетня, а невысокие зеленые горы, красующиеся на открытках провинции как символ тепла и удачи, стали преисполнены вдруг некоей мрачной угрозы и ветер по ночам гудел в кронах деревьев с сумрачной тоской.

Надо заметить, что экономический спад был все-таки не только у одного Валерия Валерьяновича – туристские компании потеряли часть пугливых клиентов, что спаковали вещички и отправились домой сразу после второго убийства. Но это продолжалось недолго, потому что в провинцию неожиданно хлынул совсем другой люд – охочий до риско-

ванных сафари, хорошо вооруженный тяжелыми ружьями и безрассудной храбростью.

Эти рыскали по лесам, в надежде отыскать знаменитого Ночного Черта, убить его, а после повесить шкуру в каминном зале своего особняка. Скоро провинция зашевелилась как растревоженный муравейник. Неприятным было то, что в суете этой немалое место уделялось Валерию Валерьяновичу и его странной с тварью связи. Цены на шкурки падали как осенние листья. Предупреждения, приходящие из Вратари клуба становились все менее вежливыми и все более конкретизированными – между черных строк чувствовалась почти неприкрытая угроза.

Золотников снова пошел в атаку – сцепив зубы и почти вслепую. Шестеро охотников и трое спецназовцев с табельным оружием оценили предложенные им суммы и согласились отловить тварь. Эти люди были высокие, крепкие, с неподвижными лицами и прицельно стреляющими глазами. Они казались неуязвимыми и от них явственно разило чужими смертями. Они знали и любили свое дело.

Их не провожали с почестями, но народ с фермы нет-нет, да и посматривал вслед уходящим с тоскливой надеждой. Также смотрел и Золотников – идущие прочь люди уносили его судьбу в своих больших, покрытых шрамами и мозолями руках.

Всех убили. Назад не вернулся ни один. Тварь пришла в полночь и унесла жизни свинок из вольера номер три. Ко-

стик нашел своего хозяина, сидящим на веранде и плачущим как малый ребенок. Выглядело это столь необычно, что управляющий растерялся. Босс выглядел абсолютно раздавленным.

Люди продолжали бежать. Весть об убийцах быстро разнеслась по округе и часть толстосумов с ружьями отбыло из провинции. У остальных это лишь прибавило азарту.

Мистические слухи набрали силу и стали почти каноном. В том, что на ферму наведывается потусторонняя тварь не сомневался уже никто.

Впрочем, в эти дни бесповоротного падения в пропасть случались и хорошие новости. В вольере номер семьдесят семь у самой обычной пары зверьков родилась свинка удивительной перламутровой масти. Даже у новорожденной шерстка отливала замечательным розоватым отблеском, дымчатым и одновременно глянцево поблескивающим. Валерий Валерьянович полчаса провел, держа это чудо в руках, любуясь красивым оттенком, а свинка пригрелась у него в ладонях, перебирала розовыми лапками и жмурила фиолетовые глаза. Это могло быть началом новой, редкой, а значит дорогой породы, и потому, глядя на свинку, Золотников на время забывал о своих бедах.

Увы, беды не забывали о Валерии Валерьяновиче. Он нанял новых стрелков, и проводил их, стараясь не глядеть в лица. Естественно никто не вернулся. Из Вратари клуба пришло предложение встретиться с глазу на глаз на приеме у

мэра, что тут устраивал в очередную годовщину провинции. Золотников подумал, и принял предложение, прекрасно зная, что если он не сможет убедить Серьгюссона в своей кредитоспособности, то этот прием может стать для него последним. В бизнесе всегда так – не ты так тебя. Ты сидишь высоко, но стоит ослабнуть – и вот ты падаешь вниз, в гущу таких же как ты, и тебя терзают и рвут на части. Самая длительная ролевая игра – «царь горы». В нее играют всю жизнь.

В последующие три дня перед приемом производство окончательно стало. Свинок осталось меньше половины. В продажу поступали некондиционные шкурки, но даже эти убогие меха не могли полностью покрыть дыры в поставках. Завод остановился, империя Золотникова вошла в последнее пике.

Но терпение хозяина фермы лопнуло лишь предыдущей ночью, когда была похищена перламутровая свинка. Нет, тварь не убила ее, как это делал с остальными. Просто ночью свинка исчезла, не успев издать ни звука, а с утра Валерий ждал лишь осиротевший вольер. Это лишний раз доказывало, что тварь в своем роде тоже была ценителем, планомерно отнимая у хозяина самое дорогое. У Золотникова потемнело в глазах и отчаяние вдруг покинуло его, уступив место мертвенному покою камикадзе. Он постоял перед пустым вольером, а потом собрал работников фермы и произнес перед ними речь, столь страстную, что конец ее потерял в бурной овации. Так, наверное, приветствуют командира бойцы по-

павшей в окружении дивизии, что три недели скиталась по болотам, а потом решила дать последний, отчаянный, и на-верняка, самоубийственный бой. И только Костик, глядя в мертвенно-бледное лицо шефа чувствовал озноб. С таким лицом люди и идут на таран.

Весь день Золотников провел в лихорадочной деятельности, собирая самых лучших бойцов, расходуя на это оставшиеся деньги. Истратил так много, что наверное, ферму уже нельзя было поднять с колен. Но он не думал о завтрашнем дне – того словно не существовало.

Да так оно и казалось. Были только Золотников и его тварь.

Уезжая, хозяин наказал бойцам чистить ружья и ждать.

А вечером был фуршет.

В свете фар лимузина возникли ворота – чугунные, с замысловатыми химерическими извивами. За решеткой светились огни большого дома, окна фабрики, фонари аллея между вольерами, а еще дальше вздымались безмолвные черные горы, в которых было логово твари.

Золотников почувствовал, как сердце бьется все быстрее от странной смеси страха и азарта и глубоко запрятанной ненависти. Сегодня! Сегодня я взгляну тебе в глаза тварь, в твою морду, с оскаленными клыками! Людям редко дается шанс поразить собственный страх – но мне он выпал и это большая честь.

Хозяин вышел, неожиданно тепло улыбнулся шоферу и

пошел к воротам фермы. Озадаченный шофер смотрел ему в спину, снедаемый непонятной тревогой – Золотников словно прощался навсегда.

Бойцы ждали на лужайке у дома – двенадцать отчаянных, закаленных людей, у которых жажда наживы смешалась с ненавистью и тягой к освобождению – здесь были наемники, были самые отчаянные работники фермы, были родные погибших от клыков твари. Эти стояли чуть в стороне и глаза их горели жаждой мести. Они были вооружены – ружьями, тяжелыми и не очень, полуавтоматическими винтовками, карабинами, и слобойными автоматами, десантными пистолетами-пулеметами с лазерным прицелом. Они собирались убить легенду. И были полны решимости это сделать.

На этот раз Золотников ничего не говорил – просто прошел в дом и взял свое ружье, дорогое, с замысловатой инкрустацией и патронташ дорогой кожи. Валерий чувствовал некоторое облегчение – было приятно действовать, идти вперед без оглядки, с надеждой глядя вперед. Это было куда лучше тягостного ожидания прошлых недель.

Провожали их только несколько крестьян – печально, а кое-кто даже со слезами на глазах, да морские свинки, чьи блестящие глаза смотрели вслед с ожиданием.

Свет фермы остался позади и горы сомкнулись над группой бойцов. Над головами светили звезды, да где-то далеко вставал из залива молодой рогатый месяц. Провинция притихла.

Впереди вилась узенькая звериная тропка, освещаемая мощными галогеновыми фонарями в руках идущих. Народ молчал, погруженный каждый в свои думы. Валерий Валерьянович, сжав зубы, шагал в самом авангарде колонны, готовый принять на себя, если что, первый удар судьбы.

Тропка шла вверх, в гору, никто, впрочем, и не сомневался, что тварь выберет себе лежбище высоко на склоне – так куда неприметнее. Невидимые во тьме деревья глухо шумели от налетевшего ночного бриза. Где-то в отдалении закричала ночная птица и люди на миг замерли – лучи фонарей шарили по непролазной чаще, утыкались в колючие заросли самшита, облизывали гладкие стволы лиан, уходящие куда-то вверх. Где-то выше росли сосны – их резные верхушки слегка выделялись на фоне ночного темно-синего неба. Ночи в провинции темные – что поделаешь, юг.

На первый след они натолкнулись спустя пол километра выше по горе – на кусте дикой, незрелой, ежевики висела знакомая сухопутная селедка, сделанная из грызуна. У этой свинки сохранилась часть шкуры, видно тварь в запале утащила вместе с шерстью и самого грызуна, но по пути заметила и второпях расправилась со зверьком. У этой свинки глаза были закрыты, а пасть распахнута в последнем оскале, так что желтые резцы все еще агрессивно поблескивали. Свинка билась за свою жизнь до последнего.

Костик поднял грызуна, показал хозяину. Золотников кивнул – теперь уже недолго.

– "Я иду, тварь!" – подумал Валерий, решительно шагая через ночной подлесок, – «Я иду в свой Золотой рай, и ты не сможешь, слышишь, не сможешь меня остановить, потому что я буду драться как эта свинка! Биться до последнего!»

Народ приободрился – проверяли на ходу ружья, зорко мерили глазами ночной лес. Высоко в небе в медленном танце кружились звезды.

У самой пологой вершины, в зарослях колючего, неприветливого ельника находился неглубокий овражек, дальний конец которого венчала темная, неряшливая дыра. Темная даже для оврага – провал в ничто.

Здесь и жила тварь.

А встречали новоприбывших давешние охотники в пародии на известную картину разложенные вокруг аккуратной кучки собственных внутренностей. Вольготные позы никого не обманывали – бесстрашные убийцы медведей давно остыли. Ружья, столь же аккуратной пирамидкой обретались чуть поодаль – твари была не чужда артистичность.

Нора тупо смотрела на пришедших слепым черным оком – пугала, давила, что-то подсказывало, что тварь была внутри.

Остановились, фонари разом уперлись яркими световыми копиями в пещеру. Но нора так и осталась темна – видимо, сразу после входа сворачивала куда-то вниз. Стали видны белесые корни одной из сосен, проросшие через земляной потолок. Из глубин земных тянуло специфическим душ-

ком, который работники фермы, однако сразу распознали – он был связан с их профессиональной деятельностью – запах вымоченный в растворе свиных шкур.

– Здесь она, – нарушил молчание Золотников, – почивает на награбленном, тварюга!

– Что делать то будем? – спросил Костик.

– Выкурить мож ее? – сказал один из охотников, – как медведя, наружу?

– Не, – сказал Валерий после паузы, – не такая она тварь, чтобы дыма бояться. И поглядите – они уже пытались это сделать.

Лучи как по команде скользнули ниже – земля перед входом была выжжена, и выжжена давно – пепелище уже успело разметать дождями.

– Наверное, те еще, первые, – сказал кто-то из рабочих.

– Вниз надо, – произнес один из убийц, – подманить под плотный огонь, так, чтоб не прорвалась.

– Там гранатами нельзя, потолок обвалится. Может засаду?

– Обойдет, я уверен. И мины обойдет. Ее можно только так – лицом к лицу.

– Лицом к лицу... А глядите, у этих то, жмуриков, что у них вместо лиц?

– Лица на месте, просто их шкурками накрыли – развлекается тварь.

– Отродье богомерзкое...

– Тихо!!

Замолчали, и вовремя – и глубины норы донесся шелестящий ноющий звук, от которого мороз шел по коже и волосы вставали дыбом. Может быть оттого, что больно это было похоже на сдерживаемый смешок – если бы смеяться вдру! вздумала бетономешалка.

– Пошли, – сказал Золотников, – светить прямо перед собой. При малейшем шевелении – стрелять!

И они вошли внутрь – кучка переполненных жаждой победы людей. Своды пещеры закрыли от них остатки света и лишь туннель вился все ниже и ниже, подобно пустому чернотемному червю, форма от которого осталась через много лет после его гибели.

В норе было сыро, холодно, и бледные корни свисали с потолка, и нежно проводили самых высоких из охотников по головам. Те от таких прикосновений вздрагивали и втягивали головы в плечи. Костик ощутил, что, несмотря на холод пещеры, вспотел. Народ нервно переглядывался и лишь Золотников по-прежнему решительно шел вперед – темная фигура из которой бьет ослепительный свет. Мороз шел по коже от этого сочетания.

И тут туннель завершился – широкой пещерой с низким потолком и гладким, утоптаным полом. Воняло здесь дико – в воздухе угадывался запах формалина, гнили, разлагающейся шерсти. В сочетании с холодным неподвижным воздухом все это создавало ощущения присутствия в морге. Лю-

ди напряженно замерли – лучи фонарей прыгали по своду, жадно обшаривали стены.

А потом уперлись в темную прелую кучу у дальней стены – которая казалась бы компостом, если бы так не воняла. Свет высвечивал мелкие детали – кое-где на куче поблескивали тусклые искры – шерсть свинок покинула своих хозяев, но все еще лоснилась.

– Здесь... – сказал Валерий, – вот здесь она все хранит... Ну где ты?! – крикнул вдруг он, и стоящие позади вздрогнули от неожиданности, – Где ты, тварь?! Я пришел!! Я вот он! Здесь! СЛЫШИШЬ?!!

И Валерий Валерьянович Золотников пошел вперед, к куче наворованных у него шкур.

Верный Костик шел рядом с шефом, прикрывая ему правый бок.

– ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?!!! – Заорал хозяин неистово, потрясая ружьем, – ТЫ...

Тварь прыгнула справа, словно материализовавшись из окружавшей ее тьмы. Золотников только успел увидеть смутное, ребристое тело, горящие яростью желтые глаза, да фарфоровый отблеск оскаленных клыков, а потом его толкнуло, он упал, беспомощно размахивая руками и ударился затылком о твердый пол.

Мир поплыл. В лицо щедро плеснуло горячим. Кто-то стонал, а позади уже открыли огонь.

Тварь, мерзкая, тварь, знала, что он придет. И она целила

в Золотникова, но Костик оказался рядом в последнюю минуту. И встал на пути прыжка. Теперь он умирал на груди у хозяина, обильно поливая его черной, в электрическом свете, кровью.

Народ стрелял. Пещера переполнилась грохотом и запахом порохового дыма, над головами свистело и визжало, алые вспышки от выстрелов мешались с льдистым отсветом фонарей в безумное стробоскопическое шоу. Все двенадцать стволов одновременно работали, сея кругом смерть и запах гари. Гильзы обильно орошали землю латунно-свинцовым, горячим дождем. Пыжи порхали как ночные, опаленные бабочки.

Валерий Золотников пытался встать, но тело не слушалось его, а потерявший лицо Костик все плакал и плакал кровавыми слезами у него на груди. Золотников кричал, но его совершенно не было слышно. Ему в лицо сыпался мусор, а свинцовые вестники смерти пели короткую, зато победную песню у него перед глазами, на миг взблескивая красноватой искрой, и летели дальше, как стая разогнанных до сверхзвуковой скорости металлических ос.

Стремительные вспышки сливались в одну бесконечную огнестрельную дискотеку, на которой танцевало двенадцать человек и одна тварь. А потом тварь развернулась и прыгнула в толпу. Она получала все новые и новые удары в бок, в голову, в лапы, и изящная паутиная россыпь алых брызг на секунду вспыхивала в сошедшем с ума свете, пули рвали ее

тело, но шла вперед и убивала, убивала, убивала. Вой, ор, крики боли и чей-то отчаянный мат смешался в монотонное звуковое сопровождение в стиле габба. Дым от выстрелов диковато колыхался в лучах от фонарей, меняя цвета с сизого на нежнорозовый. Людские силуэты неистово танцевали в нем свой последний танец. И их становилось все меньше.

Кто-то с криком бежал, и эти выжили. Кто-то сражался до последнего, и когда магазин верных ружей опустел, пытался бить чудовище прикладом. Кто-то, сминаясь страшными челюстями бил по желтым глазам с криком «никогда не сдавайся!». А кто-то ловил чужие пули и падал на потеплевший от крови пол. Пули рикошетили от ружей напарников, вспышки выхватывали из тьмы перекошенные обезумевшие лица, и люди уже стреляли в них, они уже не контролировали себя, полностью погрязнув в смертельной пляске.

Последним умер Костик, тяжело изрыгнув кровью на парадный костюм хозяина.

Валерий Золотников остался жив.

Неверными руками он стряхнул с себя тело управляющего, и с трудом поднялся на четвереньки.

В пещере стояла тишина – горячая, пропитанная порохом, потом и чужими смертями.

Сначала казалось, что он оглох, но под земляными сводами и впрямь поселилась тишь.

После недавнего грохота она приносила чуть ли не физическое блаженство. Золотников рывком воздел себя на ноги.

Голову ломило от боли.

На полу в живописном беспорядке были раскинуты фонари, которые изящно подсвечивали нечто вроде японского сада камней – бесформенный, но со скрытой гармонией натюрморт.

Вот только вместо камней были людские тела.

Тварь убила всех. Но и сама не уцелела.

Валерий Валерьянович шел вперед, то и дело запинаясь о неподвижные тела, пока не достиг самой середины сочащегося черной влагой альпинария. В своеобразной решетке из трех искореженных ружей покоилось неподвижное тело врага. Золотников подобрал один из фонарей и направил его на тварь.

Это был пес, или около того. Стоит признать, что опознать мертвую тушу было довольно сложно – плотный огонь превратил шкуру чудовища в решето. Но это был пес, только очень большой, и вместо шерсти его топорщились хитиновые, сизые шипы. Да и не бывает у обычной собаки десятисантиметровых клыков. Мощное, приземистое животное, похоже на кого-то из бойцовых пород – пит-буля, а может быть, ротвейлера. Длинный, красный язык с раздвоением на конце вывесился из костенеющей пасти. Один из желтых глаз отсутствовал, а второй был мутен и пуст, похожий на подгоревший желток.

Тварь была мертва.

Одежда Золотникова пропиталась не его кровью.

Он победил.

На негнущихся ногах, Валерий Валерьянович подошел к своему дурнопахнущему Золотому Раю. Шкурки. И какое-то шевеление на самом верху. Он наклонился и увидел перламутровую свинку, выбравшуюся из завала шерсти павших собратьев и потешно щурившуюся на свету.

Она была еще совсем крохотная, ничуть не испуганная грохотом стрельбы.

Валерий Валерьянович улыбнулся, и взял зверька на руки. Так, с прижатой к груди свинкой он пошел через зал, аккуратно переступая через трупы охотников. Улыбка не оставляла его, рассеянно блуждая и одаривая собой неровные стены и переплетения древесных корней. Свинка пригласилась и тихо посапывала, забавно фыркая во сне.

Золотников шел вверх, к свежему ночному воздуху. В душе было пусто как в голове у этой забавной розовой крохи.

У выхода он остановился, рассеянно глядя на теплые, южные звезды.

– Глядите, это он! – крикнул кто-то, – Он это сделал! Не может быть!

И тут же другой голос:

– СТОЯТЬ!

Валерий посмотрел вперед – они все были здесь: Волков в своем камуфляжном охотничьем костюме, с восьмизарядным карабином в руках, Синявкин, зябко кутающийся в дорожное кашемировое пальто, Серьгюссон в черном, остальные

члены Вратари-клуба с холодными жестокими лицами, и десяток наемников с воронеными автоматическими ружьями.

Понятно. Значит, шанса ему не дали.

Больше всех удивился Волков. Он крикнул, почти испуганно:

– Как ты это сделал?! – но Серьгюссон нетерпеливо оборвал его, властно махнув наемникам:

– Вали его!!!

Золотников повернулся и побежал обратно в нору. Позади начали стрелять, а затем кинулись следом. Наемники тихо матерились, Серьгюссон подгонял, Волков и Синявкин бубнили о чем-то в отдалении – может быть, обсуждали, кому отойдет освободившаяся собственность.

Бывший хозяин бежал прочь, прижимая зверька к груди. Стены туннеля плясали перед глазами, голова раскалывалась, сердце испуганно билось. Потом кто-то выстрелил, совсем рядом, Золотников шарахнулся, споткнулся и покатился вниз по наклонному полу, из всех сил стараясь защитить свинку. Стены и пол больно били его по бокам, пинали раз, два, болезненно, по ребрам. Над ухом завопили:

– Ушел! Ушел... пшел. Пшел, давай!

Очень яркий солнечный свет бил ему в глаза, отражаясь от стекол унылой панельной многоэтажки. Серый и такой же унылый мент вполне вписывался в это окружение. Сапог его еще раз вяло, но болезненно приложил Валерия в бок.

– Что?! – крикнул Валерий, закрываясь рукой.

– Пшел, грю, чмо бездомное! – объяснил мент, – я грю, здесь баа-альшие люди ехать будут, а тут ра-азлегся, как гно на солнышке.

– Кто... – вымолвил потрясенный Валерий, но тут мент, видимо разозлился и пнул его по настоящему, так что Валера поспешно вскочил и привычно побежал вдоль улицы, шлепая ступнями по холодным весенним лужам.

Через два квартала, в темной, загаженной подворотне, он остановился передохнуть и привести чувства в порядок. В голове все еще саднило от вчерашней попойки. Мир казался омерзительным, но надо было идти, просить денег, потом искать где бы добавить, чтобы придать краски существованию. Горечь и разочарование были так велики, что Валера тоскливо завыл.

Он прислонился к стене, и вдруг почувствовал, что под его правой рукой что-то зашевелилось. С величайшей осторожностью он отодвинул руку, и дал доступ к воздуху почти задохнувшемуся зверьку. Морская свинка вяло отталкивалась от Валериной груди сморщенными крысиными лапками.

– Чук! – сказал Валера дрожащим голосом, – Чук, ты вернулся!

Он гладил зверька, называл ласковыми именами, а свинка тупо смотрела на него большими, поблескивающими глазами, да подставляла холеную свою шерсть под нежно глядящие пальцы.

Шерсть цвета перламутра.

Курьер.

– Тля меня возьми, если понимаю я, нафига, вы курьеры, добровольно в такую даль претесь, – говорил Порожняк, – али дома дел нет совсем.

– Долг, папаша, – сказал Константин отвлеченно.

– Долг! – повторил Порожняк, – так и останетесь со своим долгом как голь перекатная.

Ни кола, ни двора. Сгинете где нить со своими письмами.

– А долг дело такое, Порожняк, – вставил водила, – не ты, он тебя выбирает. Ты нам лучше уши не конопать. Ты про дорогу побольше расскажи.

Порожняк тяжело вздохнул. Посмотреть со стороны – и впрямь жалко ему уходящих. Вот только более прижимисто-го торгаша свет еще не видывал, и все это знали. Хотя, может, и было у него о чем сожалеть – в конце концов, гости платили, и платили исправно, как испокон веков делают это курьеры. Стояли все у западных ворот, и из которых по летучей пыли убегал вдаль тракт. Было тут пустынно, солнце палило сверху – белесое и распухшее, но от того не менее жаркое. Небо было под стать – серое, словно пропитанное пылью. От вездесущих крохотных частиц пепла невыносимо хотелось кашлять, пыль лезла в глаза, вызывала мучительный зуд.

Впрочем, трое из стоящих здесь людей к пыли давно уже

привыкли, настолько, что сомнительная чистота внутри периметра города казалась им чуть ли не стерильной – они плохо спали ночами, если песок не пел им колыбельные. А четвертый – этот не собирался здесь долго задерживаться.

Поляков обвел взглядом далекий мутный горизонт, привычно щуря глаза – город стоял на самой границе, а дальше расстилались ровные как стол степи Мертвых земель – в которых ничего не росло, кроме ободранных, серых как пыль колючек, да хрупкой агатовой вездетайки – твердой как сталь и куда более хрупкой, которую не смог бы проглотить никакой верблюд.

Впрочем, никто уже давно не видел живого верблюда.

Мертвые земли, тянущиеся километр за километром, населенные лишь пугливыми ночными рептилиями, змеями кислотных расцветок, да крылатыми и пыльными демонами. Ну и пыль, конечно, пыль была единственным и самым главным достоянием Мертвых Земель. Пыль засыпала следы и трупы погибших животных, пыль засыпала все. Она была воплощением времени – эта пыль, рано или поздно она скрывала все без возврата.

– А че о них говорить? – сказал Порожняк, – Вот тебе тракт. Он идет туда, к горам, и дальше. А местность вся одна и та же – пыль, песок. К востоку сильно не отклоняйтесь – там город был, фонит слишком. К востоку захоронения одни – трупоедов развелось – не дай бог! Пользы от них никакой – есть нельзя, мясо жесткое, тяжелые металлы опять же на-

капливают, твари. В общем, не едите туда и целы останетесь. Еще дикари есть.

– Что, тоже там? – спросил Константин.

– А как же, дикие места, – сказал Порожняк почти доволь-
но, конечно, ему что, здесь оставаться, – возле захоронений
кучкуются. Когда-то были люди – лет сто назад. Но переме-
шались все, браки пошли с демонами и, не поверишь, чуть
ли не с трупоедами.

Теперь там такой сброд – сунься, и ты без головы.

Позади, из-за городской стены выглядывали головы лю-
бопытных. Детей среди них было не много – этим смотреть
на курьеров не давали, чтобы тягой к путешествиям не зара-
зились.

Курьеров уважали, да, но уважали на расстоянии.

– Еще змееволки, – продолжал Порожняк, – но эти тупые,
и только по ночам орудуют.

Кроме того, им за вами все равно не угнаться – медли-
тельные.

Чуть в стороне подрагивал корпусом потрепанный песча-
ный багги. Трубы каркаса покрылись желтоватым налетом,
но мотор тархтел ровно, мощно. Агрегат бодро расходовал
дефицитный высокооктановый бензин и был особой гордо-
стью Водилы. Сам Водила с легким омерзением слушал сей-
час Порожняка. Ганнслингер, как никогда сейчас похожий
на рыбака из забытой богом скандинавской деревни обрета-
лся на своем обычном месте – в кокпите стрелка и к беседе

не прислушивался.

Установленный на турели авиационный пулемет Дегтярева недвусмысленным символом пялился в пыльное небо.

А в багажнике багги гнезился стальной, обшарпанный ящик, в котором и находилось самое ценное – два десятка запаянных металлических трубок, похожих на сгинувшие в древние времена контейнеры для пневматической почты. И даже функция у этих поблескивающих цилиндров была одна и та же – они защищали письма во время транспортировки.

Что-что, а письма могли вынести много больше, чем почтальоны.

Толстая, приземистая сумка на четырех колесах, трое курьеров, и один долг на всех.

– А ближе к долине Ксанди, – сказал Порожняк, – там вообще ничего нет. Одни мавзолеи в землю вкопанные. Вы там, все ж, поосторожней – там грят, Мусорщики ошивались.

– От, черт! – сказал Водица и сплюнул, – когда ж их перебьют?

– А никогда, они плодятся быстрее, чем их убивают. В общем... гиблое место, куда ни глянь.

– Брось, Порожняк, – сказал Константин, – не тебе ж, туда ехать.

– Ну, погнажи что ли? – подал голос Ганнслингер, – Водица наш как, бодр?

Тот поднял руку в знак подтверждения – в своем кожаном танкистском шлеме он выглядел безумной версией пи-

лотов самых первых аэропланов. Блестящие зеркальные очки в стиле семидесятых только усиливали это ощущение.

Константин Поляков дружески кивнул Порожняку, и, легко подхватив кожаную потертую сумку с письмами, зашагал к багги. Чувствовал себя курьер великолепно, дышалось полной грудью, глаза привычно шурились от пыли, а впереди лежала новая дорога, и чувство близкого пути будоражило кровь. Хорошо, когда ты любишь свою работу, когда ты нужен. В таком случае ты будешь счастлив и опасности, трудности и неурядицы – они только позабавят тебя, только бросят вызов.

В сумке лежали письма, которые надавали Полякову жители городка – с примерным указанием адреса на другом конце материка. Вместе с письмами они отдавали свою надежду и теперь только на нем, Константине, лежала ответственность, осуществятся они или нет.

Водила запрыгнул к себе на сиденье, Поляков вывалил письма в ящик и сел на место пассажира. Горожане из-за частотокола закричали, замахали руками – слышались пожелания удачного пути, легкой дороги. Константин тоже в приветствии поднял руку и багги, провернув большими задними колесами по пыли, отвалил. Пыльное облако совершенно застлало Порожняка, тот закашлялся, но тоже помахал на прощание.

Багги шел на Юг – и впереди лежали Мертвые земли. А позади, в ящике, три десятка чужих писем, которых ждут не

дождутся в самых экзотических местах этого порушенного края. А также те, которых уже не ждут. Пыль вилась за колесами, текучая как вода, неутомимая, как песок, целеустремленная как ход ледника.

Все как всегда – багги летит сквозь пыльный день, мотор мерно рычит, Ганнслингер в своем кокпите меланхолично держит руку на кожухе пулемета и неподвижным взором смотрит вдаль, как птица, сохранись здесь хоть одна. А Поляков на переднем сидении, щурится от пыли, чувствует, как горячий ветер овеивает лицо, задирает голову и смотрит в серебристое небо, на котором уже много лет не появляются звезды. Курьер – это не только работа или стиль жизни. Курьер – это призвание. Это и есть жизнь – здесь вдали от городков, в мертвой пустыне, с надеждой руках и взглядом за горизонт.

Много писем, и одно из них в самый гиблый район Мертвых земель. На юг от захоронений.

Кто туда пишет? Константин держал это письмо в руках, сжимал гладкий стальной футляр и все не решался его открыть. Письмо было тяжелым, слишком тяжелым для бумаги. Поляков обнаружил его на крыльце своей собранной из оргалита хибары, что по милости Порожняка служила ему в последнее время домом. Кто-то принес футляр и побоялся дать в руки курьеру. Адрес, однако, указал подробно, да добавил пометку срочно. Письмо было важным – вот что оно излучало, важность, необходимость, и Поляков поклялся

ся сам себе, что непременно его доставит. Надо сказать, что при упоминании адреса слегка зароптали даже Ганнслингер с Водилой – мол, долг – долгом, но лезть вот так вот на рожон! Но Поляков настоял на своем. Письмо должно дойти до адресата – это нехитрое правило давно уже тянуло на смысл жизни, для почтальона. И хотелось добавить – это письмо, в особенности.

Константин снова ухмыльнулся набегавшему ветру, в конце, концов, что есть рай, если не выполненный сполна долг? Только тогда и живешь в мире с самим собой.

Ехали весь день, и к вечеру удалились на приличное расстояние от города. Видели несколько скоплений волков – по мере удаления от обжитых земель звери мельчали, мутировали, шерсть у них становилась все реже, торчала неряшливыми клочьями. Волки были голодны, они подбегали к багги, и некоторое время неслись рядом с машиной, вывесив сизые, покрытые сыпью языки, и косясь дикими желтыми глазами. Но нападать, понятно, не стали. Тракт вился впереди, а по праву сторону дороги пролегла извилистая неглубокая трещина, дно которой залило черной, непроглядной тенью. Казалось, там что-то движется, что-то течет, как будто агатовая, вязкая река, но конечно это не было водой – в Мертвых землях вообще напряженка с жидкостью.

Поляков откинулся на спинку сидения, и предался любимому делу – читал письма. Желтые, потрепанные конверты в его руках: листы из дрянной веленевой бумаги, скатанной из

тряпок, и куски настоящего пергамента у тех, кому не хватило денег на велен, и обрывки газет с уже никому не нужными новостями, и ломкий пластик – наследие древних времен, и магнитные кассеты для счастливиц имеющих генератор, и покрытые мелким письмом деревянные планки для не имеющих ничего. Множество чужих мыслей отпечатанных почти на все носители, что знало многострадальное человечество.

Солнце, красное как кровь, с трудом пробивало свой анемичный закат через пылевую завесу. Тяжкие, сизые тучи зависли над горизонтом наподобие причудливых гор. Казалось вот-вот облака прольются горьким дождем, но нет – тучи никогда не проливались, уже много лет. Они были сухими – эти тучи. Сухими и жаркими, как и все Мертвые земли.

Багровый блик отражался в зеркальных очках Ганнслингера, пулемет вырисовывался на фоне заката и казался таким же красивым, как фотографии пальм на фоне садящегося солнца в рекламном буклете. Пыль под ногами багровела, и вихрилась, и местность была похожа на Марс, и курьеры знали что ночью она засеребрится и станет похожа на Луну.

Когда-то она была зеленой эта местность. Поляков знал это, хотя верилось с трудом.

Водила вставил потрепанный жизнью и временем диск в CD вертушку с треснутым и заботливо заклеенным синей изоляцией корпусом. Диск скрипнул, провернулся, подставляя шелушащийся бок лазерному лучу. В динамиках за-

шипело, а потом низкий, приглушенный, голос поплыл над пыльной равниной, мешаясь с гулом двигателя и шипением пыли под крышками:

«...love letter, Love letter... Go better, go better...»

Глаза Полякова бегали по строчкам.

"Здравствуй, Володя. Как ты там в Москве? Говорят, это очень большой город, и красивый. Совсем не такой, как у нас. Наш маленький, но зато все друг друга знают. А ведь в больших городах и позабыли давно, как это.

Мы все очень скучаем. Весь класс. С тех пор как ты от нас ушел, все грустят, ведь ты у нас был главой компании. Как говорит моя мама – ты был лидером класса. А теперь у нас, наверное, лидера нет, вот как-то стало и грустно.

А вообще у нас все хорошо. Я закончила шестой класс с отличными отметками – представь себе, ни одной четверки! Представляешь! Мне теперь завидуют. Инка говорит, что я зазналась – мол, важничаю, перед учителями выслуживаюсь, может тоже, хочу в лидеры класса попасть. А, да ты ее знаешь! Ничего она не понимает, а навредить всегда готова.

Сама-то кончила четверть с тройками, вот и завидует! А завидовать не хорошо!

Наш классрук Маргарита Алексеевна шлет тебе привет, желает тебе хорошо учиться и получать хорошие отметки, как ты это делал у нас. А вот злюка Майя Николавна от нас ушла – а помнишь, как она тебя линейкой по пальцам съездила! Как ты ей навредить поклялся, да все решиться не мог?

Вот смешной был! А Васька Сидоров тоже ушел, уехал куда-то под Питер. Разбегаемся мы кто куда! Мама говорит, что у нас в городе совсем нет работы, и к тому же, граница слишком близко, и мама говорит, что это опасно. Вот не знаю, почему – ты не верь телевизору, у нас в городе тихо, и сирень цветет. Знаешь, как чудесно пахнет!

Скоро уже лето, и я все надеюсь, что ты оставишь свою Москву и приедешь к нам. Хотя бы на три месяца! Мы все скучаем и очень хотим тебя снова увидеть. Приезжай! Сходим на наше озеро – оно совсем заросло, но кое-где еще видна вода. А на твоём бывшем доме аисты свили гнездо – говорят это к миру. Аисты, они понимают!

Ну, вот и все. Жду не дождусь.

Лена М.

PS...и вот тут еще Марта с Витькой хотят подписаться и тоже говорят, что ждут, так что ты приезжай и..."

Гнали до темноты, а потом остановились на краю тракта. Ночью дорога казалась серебристо-молочной летной, словно непомерно выросшая разделительная полоса, что приходила из тьмы и уходила во тьму. Ночью спали в палатке возле автомобиля – ветер шуршал тонкими матерчатыми стенками, вдалеке кто-то выл – долго и заунывно, словно жалуясь на тяжкую свою судьбу. Где-то ближе к утру пришли волки и долго шатались вокруг палатки утробно взрыкивая, пока Водила не продрал глаза и не отогнал их несколькими выстрелами из дробовика. Волки пождали хвосты и исчезли в

пыльной тьме.

Все как всегда.

Утром на пыль пала роса, ненадолго размочила тракт, а потом впиталась без остатка.

Восход был такой же мутный, а воздух свеж только первые три часа, после чего снова навалилась жара и марево – друг и спутник миражей – поднялось с поверхности высохшей земли.

Иногда, в такие моменты, Константин вспоминал прежние времена – когда все было хорошо, на пустошах росла трава, а воздух оставался свеж целый день. Это было давно, но курьер еще помнил. Тогда еще были дороги – они всегда завораживали его – ровные и прямые, без единой выщерблены бетонные тракты. И если ты вышел на эту дорогу, то можешь идти и идти по гладкому покрытию, идти долго, через всю страну, пока не упруешься в океан. Дороги были артериями – они связывали, помогали пересекать чужие земли, они были как телеграфная линия, только для людей, они были ниткой, что стягивала разрозненные куски страны. Она была... упорядочена. Сейчас таких дорог нет, не бетонных, ни железных – еще большего чуда.

Константин знал, что здесь, под метровым слоем пыли есть такая дорога – две стальные полосы, соединенных бетонными брусками. По такой дороге ходили специальные составы – поезда. Пассажирские, грузовые и да... почтовые. Тогда это было проще.

Если он не ошибался, часа через три они минуют остов тяговой машины, железного мула, как его называли местные, пока не сгнули – остатки тягового локомотива, чудом сохранившегося, когда пошли жгучие дожди.

Пыль под колесами приобрела красноватый оттенок – верный признак, что дорога была здесь. Может быть и одни из этих поездов тоже – но дожди не щадили металл – он расползлся на глазах под жгучими каплями.

В полдень, когда солнце расплылось по зениту расплавленной медной монетой, они достигли цепь разрушенных городов. Часть из них построили на фундаменте еще старых – изначальных. Часть была новыми – народ стремился жить возле тракта. Но когда Мертвые земли наступили, поселения оставили – а кто не оставил, тот вымер или был убит набравшими из пустыни дикими.

– Если я не ошибаюсь, километра через три будет Береговая Охранка, и речка Куманика.

Единственное оставшееся поселение. Пара писем туда.

– Говорят, там мор, – вставил Ганнслингер.

– Брось, – Водила чуть притормозил перед ухабом, багги мотнуло, двигатель кашлянул, задрезжал клапанами, – Генетические изменения. Они слишком близко к пустыне. Ребята уверенно идут к тому, чтобы стать дикими.

Поляков кивнул. Четыре письма были в этот городишко. Мор там, или не мор, а люди ждут.

Города призраки проскакивали на скорости, вихрем про-

носились через мертвые, иссохшие улочки, а кое-как собранные лачуги смотрели им вслед черными провала выбитых окон. От рева двигателя в строениях начиналось шевеления, да оставалось еще чувство, что кто-то тупо, но пристально смотрит на пришельцев. Не любил Константин эти городки – мертвые снаружи, но полные какой-то потаенной жизни внутри немые свидетели прошедших лет. По опыту курьер знал – такие города редко пустуют. И живут там, как правило не люди.

Въезд в Береговую Охранку преграждал выцветший, ржавый шлагбаум. Выглядел он нелепо, тем более, что никакого забора рядом не имелось. По правому борту машины тянулась рыжая извилистая лента реки. Вместо воды там была пыль, из-за чего речка казалась точной копией тракта.

– Что такое куманика? – спросил Водила.

– Ягода, – сказал Поляков, – обладала наркотическим действием. Вызывала состояние называемое «кумар».

– Эй, там! – крикнул от шлагбаума, – Вы кто! Смотрите, у нас ружья есть!

– Да курьеры, мы курьеры!! – заорал Водила, – Письма привезли! Открывай что ли!

Береговая Охранка тоже вымирал. Как река с обнажившимся руслом, он только сохранял видимость поселения. Багги медленно катился по центральной улице, вздымая красноватую пыль в пропитанный духотой воздух. Отчетливо пахло гнилью и нечистотами. Где-то плакал ребенок. Пе-

рекошенные лачуги были темны и с виду безжизненны, но где ни будь в глубине нет-нет, да мелькнет человеческое лицо. В конце улицы, на покосившемся от времени бетонном столбе подобно жутковатой грозди винограда висело пять фигур, с первого взгляда на которые пробирала дрожь.

– А они не слишком стремятся стать дикими, – сказал Ганнслингер, – раз вешают своих мутантов.

К багги стал стекаться народ – все худые, выжженные солнцем, смотрели с непонятной надеждой. Поляков поднялся, и, держа в руках пачку писем, стал выкрикивать фамилии адресатов, как делал до этого много раз. К нему тянулись скрюченные руки, и тогда он отдавал письма, и каждый раз наблюдал странную вспышку счастья на изможденных лицах горожан. Что их делало такими счастливыми? Не от того ли, что чувствуют себя не забытыми? Что о них помнят? Те триста километров, что отмахали от последнего цивилизованного поселения для них все равно что три или тридцать тысяч – невообразимая, невозможная пропасть.

– "Почта, – это нити, связывающие мир, – подумал Поляков, отдавая очередное письмо – то, что не дает ему окончательно развалиться".

– Как у вас тут? – спросил Водила старика, сморщенного и согбенного до того, что возраст уже не угадывался.

– Живем, потихоньку. Народ болеет, но все незаразно. Говорят, болезни передаются по наследству. Мутантов вот, вешаем, чтобы генофонд, значит, не портили. Мусорщики еще

лютуют очень. Волки...

Старик ждал письма, но так и не получил. Народ на площади потихоньку рассасывался, мутанты качались на ветерке как диковинные сумрачные мобили. Горожане говорили Полякову спасибо, и храни тебя Бог, и ты там поосторожней в пустыне, и я счастлива, от того, что еще есть такие люди как вы.

– Я слышал, вы в Гробницу собираетесь? – спросил старик.

– Именно, – произнес Водила, – письмо туда есть.

– Это ж, кому?

– Как кому? – спросил Поляков, – там же живут.

– Вы что не знаете? – сказал старик, – туда с неделю как нагрянули Мусорщики и почти всех вырезали! А кого не вырезали, отправили на работы.

– Вот черт, не ожидал, – сказал Водила, – совсем ведь страх потеряли. В наглуую лезут!

– Из города обещали вроде прислать солдат, – произнес старый горожанин, – но то было с полгода назад.

Четыре письма так никто и не забрал. Адресаты были или мертвы, или затерялись в круговерти строящихся и тут же вымирающих городов.

Константин получил еще несколько писем, и провожаемый добрыми пожеланиями багги покинул город. Люди махали ему вслед, кое-кто плакал, потому что с уходящим автомобилем обрывалась их последняя ниточка связи с внеш-

ним миром. Радиоприемники давно не работали – висящая высоко в облаках, пропитанная жестким излучением пыль не пропускала никаких волн.

Справа тянулась мертвая лента реки Куманики, справа стал громоздиться красноватый, изрезанный трещинами массив. Солнце приобрело оттенок красный металлик и сползло к горизонту. В наступившей полутьме миновали несколько городов призраков – пустынных, и вместе с тем полных сумрачной жизни.

Ночью опять пришли волки – трехглазые, с чешуйчатыми крысиными хвостами. Передние лапы у зверей срослись в одну уродливую, многосуставчатую конечность, а задние были неимоверно удлинены, как у кенгуру. Под мутным светом луны они сновали подле палатки, пока Ганнслингер не застрелил троих. Но и после этого их глаза (красные, а не зеленые) то и дело возникали из душной, пропитанной пылью тьмы.

– Так все-таки, что будем делать с Гробницей? – спросил Водила.

– Письмо, – сказал Поляков, – мне кажется оно чем-то важно.

– Но не Мусорщики же в получателях?

– Нет, оно... внутрь.

– В Гробницу? – сказал Ганнслингер, – вот это да.

– Не боишься?

– Мы же курьеры...

На вороненом металле пулемета сконденсировалась роса. Но долго не удержалась – испарилась тяжелым, пахнущим аммиаком, паром. Утренние часы прошли в пути. Поляков задремал на своем пассажирском сидении, а Водила все гнал и гнал через Мертвые земли, и странные чешуйчатые создания, потревоженные шумом двигателя, высывали из нор уродливые морды и провожали машину желтыми бессмысленными глазами.

К полудню стукнула задняя рессора, и Константин с Водилой устало матерясь, битых полчаса вправляли ее на место. Ганнслингер в это время прикрывал их из стрелкового кокпита, водя стволом пулемета по запыленным, выжженным солнцем скалам, в которых наблюдалось какое-то шевеление.

Потом снова поехали, миновав развилку, где тракт и русло реки расходились, и дорога уходила в самое сердце Мертвых земель.

А через час повстречали первого демона.

Он возник у самого горизонта – грузная, высокая тень, и вдруг очутился совсем рядом, словно расстояния для него не существовало. Демон был огромен, метров пять высотой, явственно антропоморфен и фигура его сделал бы честь любому культуристу. Туго натянутая кожа была ярко алого цвета, золотистые глаза с вертикальным зрачком сияли под роговыми щитами век, а голову украшали два витых рога, цвета старой слоновой кости. Длинный раздвоенный хвост во-

лочился за демоном по пыли, а в руках тварь держала два меча с зазубренными лезвиями и хитрой резной гардой. Демон глухо ревел.

Поляков еще не успел соориентироваться в происходящем, как Водила уже дал по тормозам, останавливая багги. С визгом колеса крутнулись назад, разворачивая машину правым бортом к демону.

Ганнслингер не медлил – качнувшись в своем кокпите, он развернул пулемет в сторону твари и звучно поставил его на боевой взвод.

Демон попер вперед, занося меч – все тело твари дышало невероятной силой, а меч он держал так, что не оставалось сомнений – он опытный фехтовальщик. Трехпалые лапы гулко топали по пыли. Мышцы ходили как шатуны. Тварь еще раз взвыла, как, наверное, могли бы выть сгинувшие поезда, так, что заглушила даже завывание двигателя багги.

А потом все перекрыл дробный рокот пулемета. Первая же очередь, пущенная с близкого расстояния, без остатка вошла в тело демона. Красная кожа лопалась, пули вонзались в плоть, в воздух взлетали оторванные кровоточащие чешуйки. «Дегтярев» работал без остановки, орошая пыль потоком поблескивающих на солнце латунных гильз. Демон наступал, а Ганнслингер все стрелял и стрелял, и свинцовые подарки из старых времен делали огромные, кошмарные воронки в теле твари. Зазвенел, а потом переломился один из мечей, а следом под напором крупнокалиберных пуль ото-

рвалась левая рука.

Водила дал газ и багги рванулся назад, загребая пыль своими большими колесами с высоким протектором. Передок машины припадочно подпрыгивал на кочках.

Демон заорал, но вопль был уже не тот. Тварь была похожа на решето, ее пробивало насквозь и кровоточащие куски жесткой шкуры оставались позади. Три заряда вошли в правую глазницу и оранжевый глаз лопнул, а потом пули, звонко пробив толстый череп, застряли в маленьком мозгу твари.

Демон сделал еще шаг и рухнул. Пыль взлетела столбом, а потом осела, пропитавшись брызжущей в стороны кровью. Когтистые лапы бессильно скребли по земле. Меч воткнулся в грунт и торчал, покосившись, наподобие очень старого надгробья.

Багги снова встал, а потом подкатился поближе и Ганнслингер высадил еще одну очередь в голову отходящего демона. «Дегтярев» замолчал, и слышно стало, как потрескивает нагревшийся корпус.

– Готов, – сказал Водила.

– А то, – молвил Ганнслингер, и погладил пулемет, – этот агрегат еще никто не выдерживал.

Чудовище еще раз спазматически дернулось и с утробным стоном испустило дух. Со стороны могло показаться, что тварь пропустили через камнедробилку – живого места на туше не было.

– Дикае их боятса, – сказае Поляков, – у них стрелы, ме-

чи. Не могут даже как следует просечь шкуру.

– Когда ни будь и мы будем опасаться, – произнес Водила и тронул багги, непочтительно проехав демону по сплюснутой морде, – таких огнестрелов немного осталось. Еще поколение-два и совсем не останется.

Через полчаса уродливо раскоряченная туша демона исчезла с горизонта.

"Здравствуй Маша. Вот решилась я тебе написать, хотя глаза уже не те, да и руки подводят. Ты мне все не пишешь, не звонишь, я хотя и знаю, что от вас к нам звонить дорого, а ты все-таки позвони, уважь подругу.

Посылка твоя дошла, но денег в ней не оказалось. Уж не знаю, кто их взял, может почтальоны, а может из вагона украли – говорят на перегоне возле урала целые банды хозйничают – чистят составы. Может кто и забрал. Ну да Бог ему судья, главное письмо дошло. Письма, они всегда доходить должны.

У нас все как обычно, а может быть немного хуже. Свет вот, отключают, так, что сидим в темноте, а вечером жгем свечи, прям как в старину. Народ у нас сметливый, когда газ отключили понакупали обогревателей электрических. Грелись. Ну вот им теперь незадача, как говорит младшая внучка – «облом».

Что же до нас, то мы греемся по старинке печкой-"буржуйкой", тепло, только за дровами далеко ходить приходится. Власти обещали к январю мазут подвести, да вот беда,

танкер, что топливо вез, наткнулся на мину, что с прошлого конфликта тут плакал и пошел ко дну. Так, что, наверное, мазута нам не будет.

Бывает, грущу я. Тяжело. Виталик, внук, школу закончил, а в институт идти не желает, говорит слишком это все умно. Лежит на диване, ничего не делает. Гляну я на него, Маша, ну вылитый отец – такой же непутевый. А тот все сидит. Мы с дочкой ходим, носим ему передачи, он их берет, да кажется мне, что у него там все отбирают.

Очень боюсь, что Виталик по его стопам пойдет. Но, может обойдется. Сосед, Федор Михайлович его обещал пристроить дрова колоть, для богатеев. Работа тяжелая, ну и пусть, зато из него человека сделает!

Сама я ничего. Артрит мучает, когда холодно, но внучка мне пояс достала из собачьей шерсти. Шерсть я узнала – видно соседям внаклад стало содержать своего Тузика. Но теперь зато тепло.

Внучка у меня вообще умница. Помогает, работает за троих, учится в кулинарном техникуме на повара. Замуж бы ее, а не за кого – кругом пьянь да рвань. Когда свет есть, смотрим телевизор. Новости все не очень. Очередной конфликт, подожгли нефть. Как там у вас, в центре, тихо? А то над нами, то и дело самолеты летают. Не гражданские военные – воеет так, что сервант дребезжит. Боюсь, как бы не было опять войны.

Оп! Опять свет отключили. Свечку зажгла. Тяжко стало.

А помнишь, Маша, как мы институт кончали? Какие были времена золотые. Вся жизнь впереди, а главное, не боялись ничего.

Как ты там? Напиши, обязательно! Как Михаил, не пьет? А Виктор как, не забрали еще в армию? Передай мой привет Анечке, скажи, чтобы росла большая и такая же красивая, как мама. Настасья как, все такая же беспутная? И всем остальным передай наилучшие мои пожелания и поздравление с новым годом, да боюсь, пока письмо дойдет, у вас уже весна наступит.

Ну и пусть. Главное, что дойдет.

До свидания. Всегда твоя подруга Ирина".

Вечером снова пошли мертвые города – сделанные руками людей, но в этой вымершей пустыне казавшиеся чем-то далеким и неизмеримо чуждым. Фанерные щиты трепал ветер, хлопали двери и незапертые ставни окон – а общий угластый, рваный силуэт, выделялся на фоне тусклого заката, и казалось, город сделан какими-то гигантскими насекомыми, так, словно взорванный изнутри муравейник. Голые балки, скелеты на улицах под слоем красноватой пыли.

Второй город не был пустым. Он был заселен дикими. Тракт нырял в центр городишка и выходил с другой стороны, а по бокам вздымались причудливые песчаные кряжи, полные выточенных ветром замысловатых барельефов.

Дикие были здесь. Выползли на шум двигателя – скорченные, перекошенные, невообразимо уродливые, они преграж-

дали путь машины, тянули изуродованные конечности в жалостливо агрессивных жестах. Та часть, что поздоровее, похватала, палки, камни, примитивные мечи из сырого железа. Дикие невнятно выли, лающе переговаривались друг с другом.

Ганнслингер застрелил троих, а остальные разбежались, испугавшись пулеметного грохота.

Но и тогда их фигуры возникали то справа то слева от набравшего скорость багги, а кто-то даже пытался ухватиться за раму.

Из-за опасного соседства решили не ночевать, а гнали до рассвета, и когда солнце соизволило пролить серый свет на сморщенное лицо мира оказалось, что курьеры достигли Захоронений.

Унылые пустоши тянулись по сторонам, но слева они, казалось, заросли диковинным металлическим лесом. То были надгробия – стальные, мраморные, бетонные, пластиковые, и самые последние, деревянные. Здесь были те, из прошлого мира, который сгинул ныне безвозвратно. Они лежали вместе – друзья и враги, братья и сестры, отцы и дети, навсегда упокоившие амбиции своего времени под слоем пропитанной излучением пыли.

Тогда погибло много, очень много – ныне те, кто остался, лишь жалкая горстка, кучка муравьев из залитого водой муравейника. Много-много людей, лишь глянув на Захоронения своими глазами, можно было осознать, как много их бы-

ло. Исполинское кладбище, самое большое в этом краю, да и на всей материке тоже. Самое большое по нынешним жестоким временам, но и самое большое по старым временам тоже! Глядя на проносящиеся мимо стальные, причудливые растения, еще хранящие по прихоти судьбы лица давно сгинувших людей, Поляков подумал, что это, наверное, и есть самое грандиозное строение за время существования человечества. Площадь Захоронений никто не измерял, опасно, да и не нужно это было. Просто километры и километры надгробий. Захоронения.

Обитала здесь нечисть, что пришла в мир после того, как погибли ныне лежащие здесь люди. Нечисть гнездилась в склепах, питалась древней мертвечиной, и любила откусывать заблудших путников, но таких год от года становилось все меньше.

Дикими нечисть брезгала. Или, как предполагали некоторые, просто была с ними в родстве.

По непонятной причине вездесущая пыль не заносила надгробия. Так они и оставались вечным укором проезжающему люду. Отсюда рукой было подать до Гробницы – места наиболее гнусного во всех Мертвых землях.

Но Константин все же уговорил Водилу притормозить у края кладбища, а потом, выйдя из машины, зашвырнул далеко в Захоронения четыре письма, владельцы которых их не дождались. Может быть дикие, некоторые из которых еще могли читать, подберут эти пахнущие людским духом ци-

линдры и отнесут на могилы адресатов. Была у диких такая манера.

Гнали вдоль Захоронений несколько дней. По ночам было беспокойно – на кладбище кто-то выл, печально и заунывно. И трехлапые изуродованные волки сновали вокруг, шугались от выстрелов и снова возвращались, садились в отдалении и смотрели бельмастыми, гноящимися глазами на людей. А иногда скалились и было видно, что вместо зубов у них лишь голые, сизого цвета десны.

Впрочем, тракт был не мертв. Иногда встречались причудливые повозки, собранные из остатков давно умерших механизмов, в которые были впряжены местное подобие мулов – мелкокостная вырождающаяся скотинка. В возках сидели дикие – те, что еще не утратили разум, и эти были похожи на волков – столько же жалкие, они пытались убежать при виде багги, да издали потом грозили уродливым самодельным оружием. Полированное песком лезвие тускло блестело.

На третий день местность изменилась, вспучилась угрюмыми пологим холмами, что, возможно, и были когда-то горами, да неведомая сила прижала их, придавила к плоскому лику Мертвых земель, и, не выдержав тяжести, холмы оплыли, утратили мощь и несокрушимость.

Захоронения все тянулись, но теперь это уже был не сплошной массив самодельных надгробий, а все более редкие островки. Пыли здесь было поменьше, и в ней встреча-

лись катышки шлака цвета старой канифоли.

Иногда на холмах встречались странные каменные образования, торчащие из пыльнокаменной почвы как обломки зубов из десны. Формы были самые причудливые – казалось, их сотворила рука гениального безумца, но Поляков знал, что это был ветер. Ветер, возникший тогда, когда кончилась прежняя жизнь. Начавший существование на обломках, сгинувший и возродившийся вновь, как птица Феникс.

На ночь остановились в мелкой ложбинке с иссеченными эрозией стенами. Пыль сюда почти не залетала, и потому дно ложбины было густо покрыто колючкой. Поставили палатку.

Водила на ночь долго ковырялся в двигателе, а Константин читал письма. Да еще подолгу вертел в руках тяжелый цилиндр загадочного письма, место назначения которого – Гробница – древний заброшенный город, была совсем близка. До нее было подать рукой – через холмы, чуть в сторону от тракта. Ночью там было какое-то свечение, призрачное, бледное, Константин не мог определить его источник. Так и не отложив письмо, курьер заснул под привычно заунывный вой со стороны Захоронений.

Проснулся Поляков от болезненного тычка в шею. Дернулся, было, но тут же ощутил холодный металл. Ствол, стало быть. В подтверждении над ухом оружие звучно поставили на боевой взвод.

– Встаем! – бодро скомандовали сверху.

Поляков, внутренне содрогаясь, поднялся и встретился

взглядом с обладателем огнестрела. Не дикий, человек. Лицо обветренное, одет в вытертую до белизны кожанку, перепоясан патронташами.

Мусорщик. Константин сжал зубы, потому что плен у Мусорщиков почти всегда означал скорый конец. Банда была дикая, отмороженная – да и какая еще могла быть в самом сердце Мертвых земель.

– Пошли, – сказал Мусорщик, и Поляков покинул палатку.

На улице было жарко. Воздух содрогался от рева моторов, криков, воплей – неказистых агрегатов собралось десятка два и разной степени убитости. И тут было полно Мусорщиков – по виду, сброд-сбродом. Здесь были люди, и дикие в жестяных доспехах, и мутанты с бледными, перекошенными лицами, и еще какие то твари. Воняло бензином, горелым маслом и грязью. Чуть в стороне от палатки несколько Мусорщиков методично пинали Водилу, а Ганнслингера уже вели, заломив руки.

Лениво отделав по ребрам, курьеров усадили в ближайший агрегат и вся свора погнала куда-то на запад. Впрочем, было ясно, куда – слухи о заселении Гробницы оказались на сто процентов правдивыми.

Гробница открылась внезапно – древний город на дне пологой котловины кишел как муравейник. Людей здесь было полно, вполне возможно, что даже больше, чем в дни его былой славы. На въезде путников (буде таковые найдутся)

встречал перекошенный синий щит с надписью «Саров – 22 км». Что это означало, никто не знал, но считали, что так назывались ранее Гробницы. А 22 – количество людей в ней проживающих.

Поляков был в Гробнице дважды – оба раза по делу своей опасной службы. Но теперь город переменился – конгломерат порушенных кирпичных и бетонных стен пробороздила глубокая канава, постепенно понижающаяся к дальней своей стороне. Там, в обрамлении свежеврытой земли угадывались очертания какого-то строения. Рубленные, brutальные формы и повсеместное использование нержавеющей стали говорили о том, что строение осталось еще со старых времен.

В канаве копали и сейчас – множество людей и нелюдей, сосредоточенно орудующие лопатами. Вырытую почву вытаскивали в корзинах и насыпали достигшим уже трехметровой высоты курганом. На дальнем краю впадины громко тархтел старенький экскаватор.

Мусорщики развернулись всюю.

Курьеров препроводили в одну из вырытых в стенах котловины пещер – со стальной решеткой и песчаными стенами, в которую набилось человек десять. Все были измождены, с потухшими взглядами и стертymi до крови руками.

В пещере провели остаток ночи. Снаружи доносился однообразный шум перемалывания земли.

– Ночная смена, – сказал в ответ на вопрос Полякова заморенный мужичок по кличке Ханурик, – им хорошо, не

жарко копать.

– А что копают? – спросил Водила.

– Ни что, а кто, – сказал Ханурик, – копает Плотный. А вместе с тем копаем мы.

– Кто это Плотный?

– Плотный – Мусорщик, главный Мусорщик, – сказал один из рабочих, сидевший у самой решетки, – он одержим.

– Да, одержим, – сказал Ханурик, – Плотный хочет выкопать Гробницу.

Народ закивал. Снаружи копали.

– Гробницу? – спросил Поляков, – но ведь город... вот он?

– Нет, – ухмыльнулся работник у решетки, – Он хочет вырыть настоящую Гробницу!

Изначальную!

– Вот это да... – сказал Водила.

Повисло молчание. Поляков осмысливал сказанное.

– Он, что псих, этот ваш Плотный?

– Ага, и еще какой, – ухмыльнулся Ханурик, – и завтра ты будешь копать для него.

Под утро пришел отвратного вида Мусорщик и швырнул Полякову сумку с письмами, процедив:

– Развлекайтесь.

Рассвет был встречен тяжким вздохом ночной смены. Она отправлялась на отдых, а также, не менее тяжким смены дневной, что пинками поднимали Мусорщики.

Всех новоприбывших выстроили в неровную колонну под

палящим солнцем мертвых земель и каждому новобранцу вручили в руки лопату. Проинструктировать работников явился сам Плотный. Начальник раскопок был худ как скелет, при ходьбе его покачивал бриз из пустыни, облысевшую голову закрывала дурацкая панاما – наследие старых времен. Одет Плотный был в некогда синий, а теперь выцветший до белизны комбинезон с загадочными надписями на спине – обычная униформа всех Мусорщиков. В глазах главы раскопок горел неугасимый огонь одержимости.

– Народ! – крикнул Плотный, надсаживаясь, – сегодня распорядок такой! С утра и до вечера освобождаем правый угол гробницы! Не ленитесь!

Копальщики выдали стон, после чего по команде шефа Мусорщики прошлись по строю раздавая тычки и пинки – утренний заряд бодрости. Кто возмущался – получал опциональное валяние в пыли. Плотный ждал.

– Бодрей парни! – крикнул он по окончании экзекуции, – мы найдем его!!!

Весь следующий день они копали. Дно канавы кишело людьми. Лопаты вгрызались в неподатливую землю, на голову сыпалась пыль, на землю капал пот. Насколько Поляков мог понять – исполинское здание было целиком скрыто в земле. Канавка огибала его сбоку – по всей длине раскопок тянулась однообразная серая бетонная стена, без каких-либо окон или просто выемок. Качество изготовления говорило само за себя – это здание было из старых времен. Большое

здание, но маленьких тогда и не делали. Народ копал, освобождая все новые и новые участки стены. Жара давила. Кто-то из рабочих отрубался и его оттаскивали в тенек, где он приходил в себя, после чего его снова отправляли копать.

Мысли путались.

– Как насчет обеда? – спросил Константин у Ханурика, долбившего каменистую землю рядом.

–обеда? Здесь не бывает обеда. Здесь вообще ничего не бывает, кроме этой земли да стены. Жди до вечера.

Мутный закат курьеры встретили в полубеспамятном состоянии. В таком же была почти вся бригада. Среди людей слышались проклятия в адрес ночной смены, которая, по мнению многих, имела чересчур много привилегий. Появившийся откуда-то Плотный снова толкнул бодрую зажигательную речугу и был обласкан двумя десятками невнятных матерных ругательств. Снова заработали кулаки Мусорщиков, после чего смену отправили на отдых и ужин.

Только когда на замусоренный небосвод взошла крошечная, яркая луна и свет ее пал на обитателей темницы Поляков кое-как пришел в себя. Рядом в бессознательном состоянии лежал Ганнслингер. Водила сидел в отдалении, привалившись к стене. Вроде спал.

Константин поводил взглядом по спящим вповалку телам и увидел блеснувшие в лунном свете глаза Ханурика.

– Намаялся? – спросил тот.

– Угу...

– Это ниче, – произнес Ханурик, – толи еще будет...

– Это Плотный. Он и вправду ненормальный.

– Совершенно безумный! – с улыбкой сказал работник, что вчера сидел у решетки, он тоже не спал, – но тут вообще забыли, что такое норма.

– И вы не пробовали сбежать.

– Вокруг Мертвые земли, мужик! – сказал Ханурик, – здесь, у Гробницы, можно выжить. В пустыне – нет!

– Ох, – сказал Поляков и пошевелил рукой цилиндры с письмами, что со вчерашнего дня лежали на полу, – он что, собирается откопать Гробницу целиком?

– Зачем целиком? Плотный ищет вход. Во всех древних зданиях был вход. Их строили прагматики.

Поляков кивнул. Он тоже привалился к стене так, чтобы была видна луна. Так он и смотрел на нее, невидяще перебирая тяжелые конверты писем. Потом веки его смежились, но за миг до этого, ему показалось, будто над луной пронеслась какая-то смутная тень.

«Корова» – подумал курьер, засыпая, – «Снова перепрыгнула луну». Старый, старый стишок. Еще с ТОГО времени.

Утром их поднял неизбежный, как крик муэдзина с минарета, утренний вопль охраны.

Ночная смена, подвывая, заползала в пещеры. Плотный был свеж, и хорошо выспавшийся.

Зажигательная его речуга плавно обтекла сознание курьеров, но смысл был понятен и так.

Сжимая лопаты, все побрели копать.

День минул в жарком, тягучем, мареве. Слева была стена. Справа край канавы. Сверху было солнце, а снизу земля безропотно принимала в себя лопату. Ганнслингер на этот раз не выдержал и его, бесчувственного, отволокли в местную реанимацию в тенек. Через полчаса он уже угрюмо копал. Кто-то из новичков плевался, но потом у них кончилась слюна. Вся смена злобно завидовала одному из диких, у которого шкура затвердела костяными пластинками, пока Ханурик не сказал, что у парня отсутствует испарения с кожи, а значит, он в своих пластинах жарится как дичь в скороварке. Завидовать перестали, а кое-кто даже стал сочувствовать.

Между делом откопали угол здания – абсолютно ровный, после чего повернувшая на девяносто градусов стена продолжилась.

– Так держать орлы! – напутствовал Плотный, – гордитесь, ибо вашими скромными силами добывается Великое Знание!! Ибо вошедший в Гробницу обретет всякие блага и желания его исполнятся! Так завещали нам древние!

– А потом сгинули! – крикнул Ханурик и трое Мусорщиков заставили его вдоволь нажраться пыли.

Если бы в телах копальщиков еще оставалось хоть капля лишней влаги, они бы давно закипели от ненависти.

– Скажи Ханурик, – сказал ночью Поляков, – а что будет, когда Плотный найдет вход? Он и вправду получит, все то, о чем говорил.

– Получит, – кивнул Ханурик, – а потом его нагонят и он еще получит.

– Как это?

– Ты что, не знаешь? – копальщик придвинулся ближе к Константину, заговорил полупшепотом, – правда, не знаешь о Гробнице и ее Проклятьи?

– Я знаю, что Гробница нехорошее место, но более конкретно...

– Демоны, приятель, – произнес Ханурик, печально, – откуда они взялись? Ты не знаешь?

Никто не знает... Но замечено верно – там, откуда ушли древние, всегда появляются демоны. А там, где древние умерли, не успев закрыть за собой двери там... в общем, здесь как раз такое место.

– Так, что же будет, когда он откопает?

– Наверное, Плотный умрет, – просто сказал Ханурик, – и все, кто будет рядом, тоже. А я, на твоём месте, постарался бы отсюда сбежать, воспользовавшись суматохой. Ты же видишь, Плотный, он не оставит нас в живых. Мусорщики жестоки. Но сила древних еще более жестокая. И она сильнее их.

Перед сном Поляков достал из-за пазухи то самое письмо. Задумчиво покрутил в руках, любуясь лунным отсветом на металле. На торце цилиндра был выдавлен непонятный знак – то ли волчья, то ли собачья голова. И частокол странных полосок разного размера.

Старый конверт, очень старый.

И адрес: Саров – 22, улица Куусинена, корпус 2, здание номер 13.

Где могло находиться такое здание, Поляков не знал. Чем-то его пугало письмо, пережившее хаос смутных времен, и упрямо ползущее к адресату. А где он может быть, адресат? Не Плотный же!

Так и заснул снедаемый недобрыми предчувствиями. Народ храпел, постанывал и делал во сне копательный движения.

Утром Ганнслингер не смог подняться. Ноги его не держали и мусорщики по обыкновению хотели отвезти стрелка за котлован и там шлепнуть, но Ганнслингер, обливаясь слезами, упросил их не делать этого, а дать до полудня полежать в пещере, и тогда он, мол, придет в себя. По непонятным причинам мусорщики сжалились и оставили курьера в живых – как оказалось в дальнейшем, ему в тот день повезло дважды.

Остальные преисполнились ненавистного воодушевления от утренней речевки Плотного и отправились копать. Стена тянулась. На место отсутствующего Ганнслингера поместили того самого работника, что сидел у решетки. Он и сделал открытие, перевернувшее весь характер раскопок.

Когда бешеное солнце Мертвых земель нехотя поднялось к зениту, он откопал на идеально гладкой стене квадратную металлическую платину и отверстие в ней. Возникла пластина так неожиданно, что работник еще некоторое время без-

думно копал, и только потом остановился с тупым удивление на лице. Наверняка в глубине души он уже давно поверил, что в стене вообще нет никаких отверстий.

Зато среагировал Ханурик. Он обернулся к Полякову и обречено вымолвил:

– Ну все, теперь начнется... Эй там! – заорал он стражам, – зовите Плотного, мы что-то нашли!

Но Плотный до раскопок дойти не успел. Пока стражи бегали за шефом, а народ тупо отдыхал от тяжелой работы, откопавший пластину работник заинтересовался отверстием и ткнул в него черенком от лопаты.

Внутри здания что-то гулко вздохнуло. Испуганный люд попятился прочь от стен, кое-кто попытался выпрыгнуть из канавы, но песок осыпался под пальцами. Здание вздрогнуло, и из-под слоя пыли донесся утробный гул механизмов.

А потом под самой пластиной возникла воронка. Песок задвигался, зашевелился под самыми ногами сделавшего открытие работника. С чмокающим звуком в глубинах земных что-то отворилось, и песок ухнул вниз. Работник заорал, взмахнул руками, увлекаемый песком куда-то вглубь. Блеснула на солнце лопата и все исчезло.

Дверь закрылась. У присутствующих вырвался потрясенный вздох.

Но тут прибежал Плотный и устроил всем разнос, пополам с напутственной речью. Под конец глаза у мусорщика блестели, а в уголках рта скопилась пена. Он призывал положить

все силы на ударный труд. Руки его дрожали.

Больше вдоль стены не копали, а сосредоточились на участке под пластиной. Копали вглубь, и под сосредоточенными усилиями всей смены возник обрамленный облицовкой участок стены, а потом монолитная стальная дверь. Копали дальше, и вот свет увидели мраморные ступеньки, чуть вытертые, блестящие хромированные перила, а также, чуть правее от двери еще одна стальная табличка, блестящая свежо и ново, сохранившаяся в первозданности под слоем горячено песка.

Когда Поляков увидел надпись на табличке, лопата выпала у него из рук.

Надпись подле двери извещала: «Научно Исследовательский Институт трансмутационных технологий. Корпус №2, дом №13».

Плотный громко прочитал надпись, отчего копальщики прониклись благоговением, а некоторые даже попадали на колени. Это было нечто древнее, давно позабытое.

– Мы у цели! – сказал Плотный.

Солнце неторопливо ковыляло к горизонту, ничуть не убавляя жара, и весь остаток дня потратили на то, чтобы открыть двери. Напрасно. Распахнувшись однажды на краткий миг, они больше не хотели открываться. Повторный тычок черенком от лопаты, а также рукояткой кирки, стальной ручкой от скребка, стволом автомата, ничего не дали. Вход не срабатывал. Сначала открыть пробовал сам Плотный, потом

он устал и вспотел, после чего уступил свою миссию добровольцу. Копальщики радовались незапланированному отдыху. А Поляков стоял в отдалении и все смотрел и смотрел на табличку с указанным номером.

Где-то там, в глубине, скрывался почтовый ящик адреса-та.

Плотный устал и стал потихоньку злиться. Двери грелись под солнцем и безмолвствовали.

Мудреная техника древних упрямылась и не собиралась открывать Плотному дорогу в подземный рай. Заскрипев зубами, глава мусорщиков дал сигнал ломать. Двери били киркой и ломami, потом подогнали бульдозер и сломали ему ковш. Плотный посмотрел на осколки закаленной стали ковша, на ни капли не пострадавшую дверь и побагровел. Глаза у него вылезали из орбит, и это было смешно, но горе тому, кто засмеялся бы в этот миг.

С тем и пришла ночь. Ночная смена праздновала выпавший отпуск, а дневная, с шутками, прибаутками и говорком проследовала на ужин. Плотный долго стоял у двери – костлявый силуэт в лунном свете, иногда что-то орал и колотил в створки. Те, безмолвствовали.

У себя в пещере Константин Поляков, пытаясь заглушить дурные предчувствия, читал письма.

"Привет братишка! Вот, выпала возможность написать. Втайне от прапора, гада, потом как он с родными общаться не разрешает. Нельзя говорит, положение, говорит, шибко

серьезное сейчас. Сволочь он! И всегда сволочью был.

Ну, короче, не об этом я. О том, что все со мной в порядке. Живой. Маме передай, сестре и Насте. Скажи, что б не забывала меня. Вернусь еще. У вас, там говорят, чрезвычайное положение ввели, да комендантский час. На улицах не стреляют еще? Не бойся, не будут. Прапор говорит, что сейчас армия самое безопасное место, мол, если все же случится, то только тут и выживут.

Ты не бойся, не случиться. У нас тут вся часть гудит как муравейник. Все бегут куда то, офицерский состав на ушах и бросил пить. Вчера поймали ханурика одного, боеприпасы пер и на сторону продавал – не поверишь, поставили к стенке и шлепнули! Прапор говорит, так со всеми будет! Так, что я тоже пока притих. А еще прапор говорит, что бы помнили – мы мол, часть самая элитная, на нас бремя защиты Родины лежит.

А вообще, боюсь, скоро начнется. Враг не дремлет, ставит ПВЫ свои у самых границ. В море армады. Бандиты и террористы у обеих сторон крадут бомбы и все время кого-то подрывают. Как упрут, что нить больше, так все и начнется. Боязно мне, братец. Чем-то, все кончится? Вы же там, на гражданке и не знаете ничего, живете, почитай как у Христа за пазухой, спите спокойно. Нам бы так. И к тому же... О, прапор идет!

Ушел, гад. Надо дописать письмо, не знаю дойдет ли? Брат, началось. Передали приказ о срочной мобилизации и

вся наша ракетная часть приведена в состояние боевой готовности.

Меня зовут на расчет. Попытаюсь отправить письмо с почтальоном и тот отнесет, если его не расстреляют по дороге за дезертирство. Прощайте! Скажи матери, что я ее целую, и сестру тоже, от души!

И еще, братишка, пожалуйста, передай Настюхе – когда нажму кнопку, буду думать о ней!

Рядовой ракетно-стратегических войск Вадим Р."

Поляков поднял голову и увидел Ганнслингера. Выглядел тот плохо – с таким видом долго не живут. Ганнслингер смотрел жалостливо.

– Что? – спросил Константин.

– Костя... – вымолвил Ганнслингер, – не могу я больше так, Костя. Помираю. Если меня не вытащат отсюда, точно ласты склею.

– Что ж поделаешь, друг, – участливо молвил проснувшийся Ханурик, – судьба у нас всех собачья.

А Поляков все смотрел на Ганнслингера. Потом, внезапно решившись, достал из-за пазухи то самое письмо. Вгляделся в выдавленные на корпусе строчки. Вздохнул и, двинув по прутьям оболочкой письма, заорал стражам:

– Вы там, зовите Плотного! Я знаю, как войти внутрь!!!

В лагере моментально поднялась суматоха. Смену подняли ноги, откуда-то прибежал, застегивая на ходу комбинезон, заспанный Плотный.

– Я, кажется, знаю, как попасть внутрь, – повторил Константин и его проворно выдернули из пещеры и чуть ли не под руки доставили к месту раскопок. Плотный махнул рукой, наверху затарахтел дизель. Яркие лучи прожекторов падали на безмолвствующую дверь.

Мусорщики бодро сгоняли к траншее дневную и ночную смены. Дневная смена еле передвигала ноги. —Ну, смотри, если не откроется! – процедил Плотный Константину и толкнул зажигательный спич. Люди застонали. Оказавшийся рядом с курьером Ханурик заметно нервничал и водил глазами по сторонам, словно выискивая пути к бегству.

– Ох, чует мое сердце, паря, зря ты это затеял.

Константин вручил Плотному письмо, и тот, с легким недоумением осмотрел конверт.

Потом заметил адрес и кивнул, убежденный. Расправив узкие плечи, Плотный, под взглядами рабочих и мусорщиков прошествовал в дверям, прижимая письмо к груди.

И замер. Яркий электрический свет падал ему на спину, высвечивая черную тень на гладкой поверхности Гробницы. Силуэты Мусорщиков рваным частоколом торчали сверху.

Внизу сгрудились работники. В воздухе повисло напряжение.

Плотный неожиданно развернулся и под гробовое молчание направился назад и вручил письмо Константину.

– Ну-ка, – сказал с некоторым замешательством Плотный, – Ну-ка лучше ты открой.

Поляков пожал плечами и взял письмо. Курьеру вдруг стало не по себе. Он посмотрел на Ханурика и увидел, что тот близок к панике. Под светом софитов Константин Поляков, курьер прошел в дверях. Яркое освещение делало происходящее похожим на некое безумное представление, действующими лицами которого были Поляков и стальные двери. По-прежнему было тихо и только дизель тарактел в отдалении.

– Давай же! – крикнул Плотный и голос его дрогнул.

Со смешанным ощущением Поляков поднял цилиндр письма и вставил его торцом в выемку.

Футляр подошел как родной. Да так оно, собственно и было. Пшикнуло, в воздух взметнулась тучка пыли, поднятая сервоприводами. И ворота отворились. За ними была непроглядная тьма и ноги рабочего.

Тишина над поляной достигла могильной кондиции – позади онемевших стражей, Ханурик поспешно выбирался из замершей толпы.

Кроме ног от рабочего не осталось ничего – две ступни в потрепанных ботинках сорок пятого размера и кровоточащая рана на месте их присоединения к телу. На полу осталась лишь кучка песка и несколько лохмотьев неясного назначения.

Нервно сглотнув, Константин Поляков отвел взгляд от останков рабочего и, отойдя вправо, принялся вытаскивать письмо из приемника. Именно поэтому курьера и минула об-

щая чаша, и смерть, дыша огнем и паром как сгнувшийся в веках тепловоз, пронеслась совсем рядом с ним.

Во тьме туннеля снова гулко вздохнуло – и это уже не было машиной. Народ испуганно попятился, и тут стоящий на гребне подле генератора Ханурик истошно завопил:

– Люди! Спасайтесь! Бегите отсюда!

Рабочие попятились и уперлись в цепь мусорщиков. Из туннеля пахнуло паром, перемешанным с густым, утробным ревом. Земля содрогнулась и темнота расцветилась тусклым багрянцем.

Стоящий перед туннелем Плотный ошарашено наблюдал исполнение своей мечты.

Земная твердь дрогнула еще и еще раз, а потом страж Гробницы явился на свет.

Сколько лет он дремал там, в подземной тьме, куда ни солнце, ни звуки не имели дороги? Сколько копил силы и злость? Кто породил его? Это был демон – вероятно сильнейший из демонов, он опирался на четыре кривые, но мощные и толстые как колонны когтистые лапы. Он был похож на пса, только вместо шерсти его покрывала отливающая агатом гладкая чешуя. В узких щелях, закрытых броней глазниц полыхала алое пламя.

Вырывающееся сквозь желтые, цвета серы, клыки дыхание отдавало дымом.

– Бегите! – кричал Ханурик, – Бегите, твари, спасайте свои жизни!

Демон сделал шаг вперед и одним движением оторвал Плотному голову. Безголовое тело пало вперед и замерло, обхватив руками ноги сгинувшего рабочего.

Только тогда все побежали. Демон ревел, шел вперед и наступал, наступал бегущих, его лапы давили людей, пасть кромсала. Толпа в панике бежала, роняя наземь мусорщиков.

Миг, и лишившиеся шефа мусорщики уже бежали вместе со всеми. Кое-кто из них опомнился и начал стрелять – выстрелы звучно грохали на фоне воющей в истеричном страхе людской массы. Пули били в броню демона, высекали оранжевые праздничные искры и отскакивали, не причиняя вреда. Страж шел вперед и ревел, перекрывая перепуганное людское стадо.

Со звучным взрывом окончил свои дни генератор, выбросив в тусклое небо сноп искр, расцветив его на миг сонмом быстрогаснущих звезд.

Три секунды спустя на холме знакомо застучал пулемет – кто это был? Ганнслингер или просто один из мусорщиков, защищающий свою жизнь? Полков не знал – он все так же стоял, у дверей, незамеченный стражем и сжимал в руках послужившее ключом письмо.

Пулемет стрелял и стрелял, а потом багги звучно взорвались, осветив окрестности алой вспышкой. Кричали все реже и уже поодиночке. Страж гулко шагал где-то неподалеку.

Содрогающийся от страха Константин Поляков, понял,

что сейчас демон вернется. Ему не нужным были эти ору-
щие, впавшие в панику людишки, он жаждал одного – хра-
нителя письма, по неосторожности открывшего ход в Гроб-
ницу.

Шаги стучали все ближе. Словно приняв решение, Поля-
ков нырнул внутрь здания.

Странно, стены здесь едва светились. Туннель уходил ку-
да-то глубь, вился, Константин, спотыкаясь, бежал, а позади
шел страж, и шаги его гулко отдавались все ближе и ближе.

В воздухе пахло серой и паленой резиной. Демон орал.

Туннель закончился цилиндрическим помещением с
гладкими, облицованными сталью стенами. Курьер вбежал в
него, и в ужасе остановился.

С той стороны, дальше, выхода не было. Тупик в стиле
хайтек. Позади, демон преодолел уже половину тоннеля и
быстро надвигался. Полутьма расцветилась красным. Взгляд
Поляков обегал помещение и зацепился за странный вырост
на гладкой стене. Он подошел ближе и остановился, не веря
своим глазам.

Здесь, в подземной, оставленной древними, и заселенной
силами зал Гробнице, на полированной до блеска стальной
стене висел почтовый ящик.

Самый обыкновенный, Поляков такие видел не один раз.
Проем ящика был приглашающе открыт.

И тогда Константин понял, что надо делать. Не обращая
более внимания на демона, который прошел тоннель и сунул

уродливую черную башку в помещение, он шагнул вперед, поднимая письмо, которое пронес через все Мертвые земли, многие километры радиоактивной пыли, Захоронения и плен мусорщиков. Письмо, которое он несмотря ни на что все же доставил по месту назначения.

Чувствуя странное освобождение, он опустил письмо в ящик. В спину дохнуло жаром, уши заложило от рева, когда страж кинулся к курьеру в бешеной попытке схватить и смять посягнувшего на знание древних.

Но не успел. Пол под ящиком бесшумно раскрылся и Константин Поляков рухнул вниз, успев только услышать, как демон со всего маху врзается в стену над ним.

Обиженные рев обманутого чудовища раздался откуда-то сверху, а потом затих, поглощенный расстоянием.

А потом был жесткий удар о паркетный пол.

– Костя! – вскрикнула жена, которую разбудил шум падения, – Ты чего, Костя?!

– Ничего... – сказал тот, с трудом поднимаясь с пола.

За окном разбушевавшийся ветер трепал кроны деревьев сдувая с них зеленую дымку.

Внизу выла чья то разбуженная сигнализация.

– Что с тобой Кость, а? – жена выглядела испуганной. Константин усмехнулся про себя.

Да, это тебе не от демонов удирать.

– Ничего, я же сказал... черт, скула болит, приложился...

– Ты все про письмо какое-то твердил. Заработался бед-

ный.

Поляков поднялся на ноги и поплелся в ванную. Пощелкал выключателем и не добился эффекта – свет отключили. За окном царила тьма – значит во всем квартале. Чертыхаясь, Поляков искал в комнате фонарь – был такой – на три батарейки со стальной, удобной ручкой. Нашел, и попытался отыскать кнопку включения. Похожая на маленькое испуганное привидение жена смотрела на него.

Кнопки не было. В голове мешались остатки сна – бормоча что-то под нос, Константин Поляков подошел к окну и поставил фонарь под лунный свет.

И замер – потому, что это был не фонарь. Четкий, знакомый адрес на боку цилиндра – сетка насечек на торце.

Жена что-то спрашивала у него, а Поляков все стоял у окна, сжимая в руках цилиндр и смотрел, как спускается все ниже и ниже луна.

Футляр от письма в его руках был пуст.

Но самое страшное было то, что он все-таки был.

Гробокопатель.

Кроха проснулся в полной тьме и некоторое время просидел, непонимающе вслушиваясь в отдаленную капель, приглушенную толщей камня.

Потом память вернулась к нему и он издал глухой стон. Их положение было страшным, мучительным, безысходным.

Вчера догорел последний прутик.

А ведь еще не так давно казалось, что они почти достигли своей цели.

Кроха потянулся во тьму и естественно наткнулся на Пеку. Тот спал, но когда Кроха злобно толкнул его, зашевелился во тьме, стал отпираться руками. Но Кроха его толкнул еще раз – просто из мстительности – еще бы, кто как ни Пека виноват в происшедшем.

Впрочем, и Крохина доля безрассудства в этом была.

– Ч...что? – пролепетал Пека, – что случилось?

– Все то же... – ответил Кроха мрачно, – все как всегда.

– Есть хочется как, а мокрицы, поди, кончились...

– Вчера последнюю съели.

– Прутики...

– Кончились. Все кончилось Пека, да и мы, похоже, кончаемся.

Пека засопел печально – Кроха с удивлением понял, что почти не помнит, как выглядит давнишний приятель – тьма

была похожа на всеобъемлющую грифельную доску с которой кто-то педантично стирал его Крохину память. Где-то там, за пределами пирамиды шелестел яркий солнечный мир, полный запахов, звуков и шевеления. Был там яркий рыжий песок, который иногда был белым, иногда черным, а на закате окрашивался багрянцем. Были пятилистные ярко-зеленые пальмы. Было синее-синее море, в котором водились акулы, а еще там можно было спастись от жары. Да, там еще было тепло.

Здесь тепло не было. Здесь всегда было темно, холодно и что, пожалуй, больше всего удручало Кроху, всегда очень тихо. Собственное дыхание как никогда не ошибающиеся часы с каждым вздохом отмеряло оставшееся им время.

Вздохнув, Кроха поднялся. Ткнул приятеля в бок:

– Пошли Пека.

Тот поднялся беспрекословно, уже не нудил и не стонал, как в первое время, понимал – пока идешь, ты жив. Лег, значит оледенел, умер. Здесь слишком много было ледяной неподвижности, слишком хотелось поддаться ей. Сесть и не двигаться, пока не обратишься в такой же холодный, сочащийся влагой камень.

Они пошли как всегда – Кроха впереди, чуть касаясь рукой гладких стен коридора, а Пека следом за ним, чуть касаясь Крохи. От стен веяло сыростью, и тьма обволакивала кругом как плотное, кожистое одеяло. Шаги стучали как метроном. Кроха уже научился отличать по звуку что под

ногами – вот сейчас камень, потом утоптанная земля, а вот хрустят чьи-то тонкие косточки.

Да еще капала вода с сырых стен – кап-кап-кап, как исполинский, состоящий из бесчисленных водяных струй земляной метроном, что на пару с дыханием отмерял краткие мгновения утекающей жизни.

Тьма обволакивала кругом и потому идущий вперед, в неизвестность Кроха предавался воспоминаниям – это была единственная доступная ему забава – уж в мыслях то он был свободен, над ним был сияющий, высокий купол неба, а под ногами изумрудная, мягкая трава или на худой конец, жаркий желтый песок.

Но как всегда его мысли вернулись к началу – к тому проклятому дню, когда Пеке загорелось обогатиться и он втянул в свое грязное дельце Кроху – мало того втянул, так еще и повесил на него всю разработку плана – воспользовался чужими мозгами. Ну что ж, будет ему наука, как полностью доверять все другим. Хотя, по сути, Пека устроил бы еще хуже. С Пекой не прошли бы и первый кордон.

Кроха снова вздохнул. Он словно чувствовал полнящийся напряжением воздух того дня.

Вот они, щуплый, но умный Маки, которого за маленький рост прозвали Крохой, и Пека, его верный, хотя и несколько недалекий друг. Вот они стоят на песчаном уступе и жаркий ветер обдувает их, а позади видны черные свечи дыма от костров стражей третьего кордона. Стражи их не пойма-

ли – ни те, первые – толстые и ленивые, разжиревшие на королевской службе, ни другие – из третьего кордона – поджарые, злые, славящиеся жестокостью. Говорили, что тех пролаз, которых не убивали сразу, они заводили вглубь города и оставляли, привязанными к столбу. А это, по слухам, был куда хуже милосердного, пусть даже тупого и забуренного копья стража.

Но стражи были людьми, а людей всегда можно обмануть, подобно тому, как ловкий воин обманывает сильного, но тупого хищника, и Кроха сделал это – и вот они здесь, а под уступом простирается Некрополис, полнящийся островерхними рыжими пирамидами.

Заповедный город мертвых, который живые оставили уже больше двух тысяч лет, со всеми несчетными его сокровищами. Опять же по слухам, богатые горожане и сейчас, за немалую мзду стражам проносят своих мертвецов в город, оставляя их в обнимку с золотом, а то и в золотом саркофаге. Слухи ходили разные, но то, что Некрополис богат и его мертвецам принадлежит в десять раз больше драгоценностей, чем у всей ныне царствующей династии, ни у кого не оставляло сомнений.

Вот и захотел Пека, сын бедного ремесленника, обогатиться. Но далеко не ушел, если бы не Кроха. И ведь ладно, посягни Пега на какую из малых Гробниц, так ведь нет – подавай ему пирамиду самого святого Арсеникума – могучего пришельца из дальних краев, о деянии которого до сих пор

ходят страшноватые легенды. Уж кто-кто, а Арсеникум наверняка знал, как защитить свой посмертный покой. Но Пегу разве убедишь! Это ведь Кроха, а не Пека всегда был слабохарактерным и поддавался чужому влиянию.

А уж кто-кто, а Арсеникум в свою пирамиду уволок такие богатства! Сейчас, стоя на границе Некрополиса Кроха задавался вопросом – если даже их предприятие увенчается успехом, каким образом они сумеют сохранить сокровище? Кроха склонялся к мысли, что им придется навсегда покинуть родные места – иначе все сразу поймут, откуда у жалких неудачников Маки с Пекой столько золота.

Некрополис выглядел уютно – истинно городом мертвых, живые, впрочем, тут никогда и не обретались – зато пирамиды к центру города становились все выше и выше. Усыпальница Арсеникума, хоть и была одной из самых высоких, располагалась у самой окраины – когда осененный знанием пришелец явился в их небольшую провинцию Некрополис уже был плотно застроен, и за те семьдесят лет, что нестаряющийся посланник богов прожил среди людей, окончательно утратил всякую возможность постройки чего-либо большого в центре, задавленный наступающей урбанизацией – тогда еще считалось за честь похоронить покойного среди ему подобных. Поэтому, когда Арсеникум к удивлению многих, почитавших его за бессмертного, склеил ласты (Кроха, впрочем, считал, что отправиться в лучший мир пришельцу помогли) ему выстроили пирамиду на самой границе Некропо-

лиса пожертвовав почетностью места в пользу размеров пирамиды.

И конечно, именно усыпальница Арсеникума стала наиболее привлекательной для многочисленных расхитителей гробниц. Да вот беда – никто не знал, как в нее войти.

Никто, кроме Крохи.

И Пеки, который украл старый папирусный конверт, согласно завещанию самого Арсеникума уже семьдесят лет хранившийся в гильдии писцов.

Вот теперь Кроха сжимал конверт в ладонях, с некоторым сомнением глядя на рубленый пейзаж Некрополиса. Пека сзади топтался, нетерпеливо сопел.

– Ну давай Кроха, пойдем! – сказал он, наконец, – видишь, вон она пирамида!

Кроха передернул плечами и зашагал вниз по слону, обходя острые, торчащие из песка и похожие на зубы скалы. Шагал свободно, он знал, что до наступления ночи опасности в Некрополисе нет.

Зато если кого-то застигнет ночь – до рассвета доживают немногие.

Подле пирамиды остановились в немом благоговении – нечего сказать, старина Арсеникум постарался, отбывая в страну вечной охоты. С ним же уплыли три сотни рабов, а также их жены и дети, кошки и собаки, и, наконец, четыре десятка племенных волов из личных царских стад. Ближе к вершине вся эта убитая рать педантично изображалась,

опоясывая пирамиду широким резным ремешком. Верх усыпальницы был отделан редкой в здешних краях яшмой.

Ее похитить не пытались – все равно через стражей не протащить.

Вход же отделан был скромно – простые двойные двери, без каких либо рисунков – но зато монолитные, как знал Кроха толщиной почти в метр – не пробить, не прорезать.

Была лишь бронзовая, потемневшая на солнце пластинка с изображением песоголового бога Каннабиса – властелина подземного мира, да небольшая прорезь рядом.

– Ну, – нервно молвил Пека, оглядываясь, – чего ждешь, суй давай.

– погоди ты! – шикнул Кроха, – Тут с умом надо.

Он примерился к прорези и аккуратно опустил туда папирусный конверт, так, чтобы печать оказалась сверху. Печать последний раз сверкнула на солнце, а потом ее поглотил мрак усыпальницы. За толстой каменной стеной звучно щелкнул диковинный механизм и двери, тяжело скрежеща, растворились, впервые за семьдесят лет пустив свет в последнее убежище Арсеникума.

– Как просто! – восхитился Пека, – А! Стражи!

– Что стражи? – удивился Кроха, – они сюда не сунутся, они и не смотрят сюда.

Побледневший Пека схватил его за рукав и развернул лицом к кордону. На песочном склоне выросли новые зубья – и они не были скалами. Солнечный свет грозно поблескивал

на бронзовых наконечниках копий стражи. Охрана третьего уровня решила проведать Некрополис.

– Убьют! – испуганно выдавил Пека, – нет! Хуже – бросят здесь на ночь!

И так все это знавший Кроха загнуто огляделся – песок, пирамиды, усыпальницы, гробницы, песок. Стражи пылили вниз по склону – они ясно видели черный провал в гладкой стене усыпальницы Арсеникума.

– Что ж делать-то, Кроха?

– Ясно что, – ответил тот, – идем куда шли – в пирамиду!

На полу усыпальницы застыла густая, копившаяся десятилетиями пыль, бегущий впереди Пека оставлял следы, как в диковинной твердой воде, что заменяет северным народам воду обычную.

Кроха заскочил внутрь следом, и вынул конверт из щели на внутренней стороне врат, за проемом уже можно было видеть фигурки стражей – те уже были на равнине и изо всех сил стремились сюда. Но тут двери вновь дрогнули и с потрясающей для их массы сноровкой гулкой захлопнулись, отрезав расхитителей от издавших гневный вопль стражей. Две секунды спустя в дверь слабо заскреблись с той стороны – это охрана злобно колотила копыями в неподатливый камень.

– Не войдут? – забеспокоился Пека.

– Да куда им, письмо то с печатью у нас.

Пека успокоено вздохнул – здесь было темно, холодно, но

зато не было стражей. С досадой он вспомнил о связке факелов перед самым входом – оставили со всей поклажей.

Хорошо хоть конверт успели вынуть.

– Не тушуйся Пека, – сказал Кроха, прислушиваясь к бесчинствам стражей, – побесятся и успокоятся. Тогда-то мы и выйдем.

Ждать пришлось долго – стражи заняли позицию при входе и терпеливо ждали – знали, без факелов налетчики внутрь гробницы не сунутся. Пека с Крохой отошли чуть дальше по туннелю и там прислонились к стенам. Было неудобно – поневоле прислушивались к посторонним звукам, которыми неявно, но вместе с тем ощутимо полнилась пирамида.

Стражи поколотили в стены, а потом вдруг затихли. А еще через полчаса пирамиду потряс мощный, тяжелый удар, который перевероршил все до единого кирпича, сдвинул украшения из яшмы на вершине, и наверняка не раз перевернул Арсеникума в его саркофаге. Что это было, Кроха так и не узнал – может быть, отчаявшиеся при виде тяжелого случая святотатства стражи применили что-то разрушительное из тайного храмового арсенала, а, может быть, сама пирамида спустя семьдесят лет неожиданно проявила заложенный при строительстве дефект. А может, это было столь редкое в здешних краях тектоническое смещение плит, именуемое земной падучей? Это было совершенно неважно, потому что вернувшиеся в панике ко входу золотоискатели входа не обнаружили – и смогли лишь нащупать трясущимися от

подступающего кромешного отчаяния руками лишь грубые, острые грани расколовшихся плит потолка, что незадолго до этого обрушились и похоронили под собой выход. Так, как снова ввернутая пробка в бутылку, плиты закупорили налетчиков внутри, прибавив к немалому мертвому кортежу Арсеникума еще двоих.

Когда Пека обнаружил завал, то заревел от ужаса и принялся колотиться всем телом от плиты. Вой этот звучал жутко, а в туннеле пирамиды – вдвойне, казалось, ожил кто-то из мертвой рати местного господина.

– Ну, Пека, ну! – закричал Кроха в перерывах между воплями напарника, – не кричи так, может, не все пропало...

– Что?! – закричал тот, – Выход-то вот он! Нет его! Нет!

Завал был капитальный – стражей стало совсем не слышно. Может быть, они ушли, испугавшись сотрясения, а может быть, камень намертво глушил все звуки.

Пека еще некоторое время вопил, а потом охрип и умолк, и тогда Кроха познал тишину – их будущую повсеместную спутницу. Тихо-тихо в пирамиде – лишь капает где-то далеко вода.

Притомившись, уселись у самого завала – Кроха чувствовал массивную стену из камня совсем рядом, а с другой стороны дул слабый, пропитанный холодом глубин, сквозняк.

– Что нам делать... – стонал Пека, – сдохнем тут не за что. И не узнает никто, что мы тут были.

– Вниз идти надо.

– Куда вниз? В пирамиду?

– Да, в пирамиду, – сказал Кроха, – все лучше, чем здесь сидеть. Может быть, есть еще выход.

Приятель Крохи подобрался в темноте. В голосе прорезалась надежда:

– Правда? А ты откуда знаешь?

– Они везде есть, Пека, – Кроха поднялся на ноги, остановился, ощупывая гладкие стены – а в такой пирамиде их не два и не три. Да ты, наверное, слышал – умирая, Арсеникум заказал в своей царскую палату сделать открывающейся изнутри, так, как будто он может выйти и через подземный ход вернуться в столицу.

Зря он это сказал – при мысли о бездыханном Арсеникуме, который к тому же может выйти из усыпальницы, Пека вновь начал всхлипывать. Кроха покачал головой – развезло парня.

И у самого тяжело на душе – как выбираться. Про проходы, понятное дело, не знает вообще ничего. Но ведь должны быть! Не может не быть!

– Вставай друже! – сказал Кроха, – держись мне за плечо, так и пойдём.

Пека покорно поднялся – слышно было, как он всхлипывает в кромешной тьме. Потом его рука, как диковинный потный паук вцепилась Крохе в плечо, так, что тот едва сдержал стон – Пека цеплялся с силой утопающего.

– Входы, да? – просил Пека, – ну пошли тогда.

И они направились вниз по коридору – Кроха щупал камень, а Пека держался за Кроху.

Коридор был не широк и шел куда-то вниз, это было одновременно хорошо и плохо. Хорошо, потому, что если где и быть подземному ходу – так это под землей. А плохо, потому что Кроха знал – пирамида, это только верхняя часть усыпальница. Он бы сказал «верхушка айсберга», но Кроха никогда в жизни не видел айсбергов.

Стена под пальцами – то гладкая, то шероховатая, то сухая как песок пустыни, то чуть сочащаяся влагой. И становилось все холоднее. Спустя полчаса наткнулись на развилку, и Кроха выбрал правый проход, не задумываясь. Тьма давила – казалось ты ослеп или, скажем, заживо похоронен.

– Кроха? – спросил вдруг Пека.

– Ну?

– А ты знаешь... знаешь, как все происходило?

– Арсениково захоронение?

Пека промолчал, но Кроха понял, что был прав:

– Арсеникум был богат, ты помнишь. А еще он был облечен властью, такой, какой не может похвастаться ни тогдашний, ни тем более нынешний царь. Тогдашнего то, собственно, сам Арсеникум и воспитал – на коленях еще держал, мальчишку сопливого. С ранних пор приучал к жестокости – говорил, мол, во многия власти, многия печали, так, что лучше привыкать заранее, и к тому же...

– Кроха?

– Чего еще?

– А кем он был, Арсеникум?

– Сам будто не знаешь.

– Все равно ты больше знаешь.

– Да не знаю я, Пека. Никто не знает, кроме Арсеникума, а он, как видишь, помер. Но слухи при жизни о нем ходили разные. Самый страшный... самый страшный о нем был такой – мол, Арсеникум есть жрец, и даже посланник самого Каннабиса...

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь тяжелым дыханием, потом к нему примешались всхлипывания Пеки.

– Ну Пека! Ну не раскисай ты! Совсем размяк, реवेशь как девчонка! Пека! Не верю я в это, если хочешь знать. Человеком был наш Арсеникум, человеком и помер! Вот неожиданно так – прожил много, но царя все ж не пережил. Нашли мудреца в его покоях ранним утром – лежит себе безмятежный – ну как будто уснул! Борода холеная, маслом намазанная. А рядом – на папирусе подробная инструкция как и что с ним делать. Ну, понятно, что он просто так дубу дать не мог – великий ведь мистик. Царь наш в депрессию впал и в запой. Повелел делать, как написано. Так и сделали.

Три дня вымачивали Арсеникума в вине, и еще три в меду, а когда вынули, да народу показали – так у нищеты и бедноты обмороки голодные случились – так вкусно от него пахло! Потом... потом по максимуму – требуху долой, а мозги отдельно вымачивали – в чане с розовыми лепестками.

Бинты, пропитанные вечной смолой сверху наложили, дабы сохранился Арсеникум во веки веков, и когда придет время смог свое Ка повернуть и возродиться. И знаешь, все в это верили.

Естественно нигде кроме Некрополиса он не мог найти покой – большой шишке большую гробницу. С ним отправили всех его рабов, а также группу фанатов – почитателей, да заодно три десятка раскольников, уверовавших в Каннабиса, что смуту разводили в династии. Царь сильно плакал, Арсеникума провожая, и сам в гробницу рвался, но ему не дали – сказали, что у него еще династия есть. Поэтому царь отдал в последний путь только всех своих старших родственников, бесполезных уже.

– Ого! – посочувствовал Пека, – важный был человек Арсеникум, ежели ему такие почести!

– А ты что думал? Всех собак, кошек, белую ручную крысу царицы, и племенных морских свинок отправили вслед за рабами. Помнишь, Пека, сколько такое стоит? Драгоценных масел не пожалели. Налоги на год подняли втрое, чтобы на яшму накопить. Вот так то! Ну и скот, конечно. Голодали потом три года, рождаемость упала, из-за чего нас чуть было не захватили дикие варвары из пустыни. И плач по Арсеникуму стоял три дня и три ночи, и огни горели разноцветные и говорят, даже пустили секретное храмовое оружие, что взорвалось над Некрополисом громopodobно. Вот! А еще...

Он замолчал. Пека настороженно топтался позади. Нако-

нец робко спросил:

– Кроха, ты чего?

– Подожди... – стена закончилась и справа прощупывалась некая ниша, в которой пальцы наталкивались на что-то сухое похрустывающее.

Кроха напряженно шарил пальцами. Форма предмета складывалась в голове.

– Череп... – сказал Кроха.

Пека снова начал кричать.

И теперь мимо них тянулись и тянулись ниши с бессловесными последователями Арсеникума на разной стадии высыхания. По обе стороны коридора гнездились эти ниши со своими молчаливыми постояльцами, и пол ниш был с какой-то inferнальной заботой выстелен сухими веточками. Пека повопил и замолк – хватило его совсем ненадолго, куда как меньше, чем у входа. В воздухе стояла неприятная сладость, от которой свербило в носу и на глаза наворачивались слезы.

– Еще скот должен быть, – произнес Кроха, – но он ближе к усыпальнице.

Сколько они шли вот так, во тьме, окруженные мертвыми? Кроха совсем потерял счет времени. Временами Пека впадал в отчаяние и начинал стонать и это очень действовало на нервы. Потом руки вновь ощутили камень – ниши остались лишь с правой стороной коридора. Здесь было холоднее и по стенам капала вода.

Кроха остановился и, прислонив к стене, пальцы облизал холодную, горьковатую влагу, которую породила сухая земля. Сразу полегчало в начавшем уже пересыхать горле.

– Пека, если хочешь пить, лизни стену.

Тот завозился, рука его наткнулась на мертвеца справа и он испуганно вскрикнул.

Нащупал справа стену и стал жадно слизывать влагу.

– По крайней мере, от жажды мы не умрем...

– Не от жажды... – сумрачно произнес Пека, – от голода, или холода... выхода то нет.

Они побрели дальше, сквозь темноту, и все гаже становилось у Крохи на душе, все тяжелее. Но вот действительно отчаяние пришло лишь когда он со всего маху ткнулся лбом в неожиданно возникшее в темноте препятствие. Затянув дыхание, Кроха начал шарить руками по стене и везде его ладони натыкались на гладкий, словно отполированный камень. Были, впрочем, какие-то выщерблины, словно кто-то уже попавшийся в ловушку долго и упорно пытался одолеть каменный тупик.

Тупик. Здесь коридор кончался, так и не сделав ни одного ответвления!

– Пека, похоже, ты прав... – тихо сказал Кроха.

Ледяное отчаяние стало овладевать и им. Он уселся у стены, прислонившись спиной к холодному камню. Тоже захотелось плакать, но Кроха помнил, как истерично всхлипывал Пека и ему стало противно. Пирамида давила безмолвием.

Пека опустился рядом с ним. Дыхание-метроном отсчитывало утекающие мгновения. Сколько они уже внутри? Час? Да нет больше. Часа три-четыре. Казалось дыхание вырывается морозным облачком.

– Зачем они это сделали? – горько спросил Кроха у темноты, – зачем было делать такой проход, чтобы в конце поместить тупик? Зачем издеваться над нами? Мы что, так и сдохнем здесь в темноте!

– Не надо, Кроха! – вдруг дрожащим голосом простонал напарник, – не надо, ну, пожалуйста!!

– А что, Пека? Чего-то еще ожидал?!

– Не надо...

– Жажда наживы! – зло сказал Кроха, – будем жить как короли! Нет, круче, чем короли!

Вот так кончаются все авантюры! Вот так вот!! А теперь что нам делать!

– Я не зна-а-аю!!! – закричал Пека истерично и, вскочив на ноги, стал колотиться в неприступную стену – Не зна-а-аю!!! Не зна-а-аю!!!

Кроха вскочил, и стал в темноте нашаривать напарника. Пека, меж тем, отбил о камень руки, и, подхватив с пола острый осколок, продолжил колотить им. Бил часто и яростно, с тупым упорством, словно вознамерился пробить стену, а следом и всю пирамиду насквозь.

– ПЕКА ПРЕКРАТИ!!!

Тот бил. Звонкие удары резко отлетали во тьму. Пека уда-

рил еще раз, и яркая вспышка резанула Кроху по глазам. Яркие рыжие искры на миг выхватили из тьмы лицо Пеки – глаза у него были вытарашены и лихорадочно блестели. Вновь настала тьма.

– Что это было? – спросил Пека недоуменно.

– Ударь еще раз, – сказал Кроха.

Удар – вспышка. Искры – роем короткоживущих мотыльков брызнули с острия. На миг напарники вновь увидели друг друга.

– Вот это да, – произнес Кроха после очередного повторения эксперимента, – это же кремень, Пека. Самый настоящий. Тут вся стена им облицована!

Чирк – короткая вспышка.

– И что? – спросил Пека, – у нас ведь все равно нет факелов!

– Дурень! А ниши? Вспомни, чем они выстелены. Хворост, солома. Давай назад, выгребай из-под ближайшего.

– Но, Кроха... Мы же их потревожим?

– Кого ты собрался тревожить!!! – рявкнул Кроха, поднимаясь, – они все давно слились к Каннабису, вслед за своим обожаемым Арсеникумом! Пошел!

Пека ушел во тьму. На этот раз он не хныкал и крепко сжимал в руках кусок кремня.

Кроха пошарил – и нашел еще один. Слышно было, как напарник шуршит в отдаленной нише.

Потом шелест прерывался и Пека завопил. Кроха вздох-

нул.

– Кроха! Кроха!

– Ну чего?

– Он, кажется, пошевелился! Нет, правда! Дернулся, когда я его тронул.

– Ты хворост принес? – спросил Кроха.

– Вот, охапка целая, но Кроха, он и вправду дернулся!

– Не мели ерунды! Хворост сухой... ты держи его вот так, а я чиркну...

Искры все не шли – Кроха яростно долбил кремнем стену, и вот, наконец, под роем колючих рыжих огненных ос затлел кончик высохшего прута. Кроха оставил кремень и стал раздувать искринку, пока прут не запалился ровным, желтоватым пламенем. Как лучина.

Огонек чуть колебался в сторону тупика – какой то отток воздуха здесь все-таки был.

Тусклый свет пал на стены их темницы – совсем рядом маячило лицо Пеки – тот зачарованно улыбался, глядя на лучину, как ребенок, зачарованный самым древним в мире волшебством.

– Вот видишь, Пека, без света не помрем. Кроме того, здесь дует воздух, а значит за стеной пустота.

Он поднял лучину повыше, помещение озарилось, и стало видно, что стены тоннеля облицованы гладким, янтарного блеска, камнем. По пластинам кочевал изящный тонкий рисунок. А вот тупик был сложен из простых грубых кам-

ней, среди которых выделялась крупная, метрового поперечника картина, нанесенная на плотно пригнанные пластинки кремня. Картина хранила следы чьих то попыток пробиться сквозь стену, но рисунок просматривался очень ясно.

– Ну вот, – сказал Кроха, – это то, что я искал. Еще поживем, Пека!

На стене был изображен достопамятный конверт – тонкая, подробная фреска. Пальцы Крохи пробежались по изящным канавкам и остановились на кругляше царской печати.

– Сейчас... – он ощупал печать, потом сильно надавил на нее и поспешно отступил от стены, потому что за ней просыпалась новая партия диковинных механизмов. С тяжким скрежетом стена провалилась внутрь, и воздух, дунувший мощным потоком, загасил лучину.

В насупившей тьме было слышно, как Пека чиркает кремнем:

– Вот это да! Кроха, ты гений!!!

Из тьмы пирамиды, законсервированный ветерок донес слабый запах пряностей. Пека все восторгался, а Кроха привалился к стене, вслушиваясь в звуки подземного быта.

– Ничего, Пека, ничего. Я же говорю – поживем еще...

– А все-таки он дернулся. Я чувствовал.

– Может быть, это еще одно сотрясение.

Кусок кремня они подобрали и теперь Пека нес его, прижимая к груди, как очень ценный и столь же хрупкий талисман. А Кроха шел впереди с лучиной. Туннель был распи-

сан, и яркие охряные краски смотрелись, как будто вчера написанные. На них по большей части что-то рыли – плоские, в модном ныне примитивистском стиле, рабы копали гробницу все глубже и глубже. Притом неведомый художник поставил себе целью изобразить всех до единого используемых в строительстве рабов – цепь одинаковых плоских охряных человечков все тянулась и тянулась, появляясь из тьмы, и уходя во тьму позади Пеки.

Свет лучины колебался и помаргивал – из глубины дул потом воздуха, словно не в подземелье они спускались, а все выше и выше, там где воздух такой прозрачный, что не может удерживать тепло жаркого солнца, и потому там всегда дуют холодные ветры.

Шли пока не утомились. Дважды туннель дал ответвления, но поход ничего не дал – гладкие галереи издевательски описывали почти полный круг, и возвращали напарников в центральный тоннель. Когда сделали несколько кругов, Кроха озлобился и приказал Пеке делать кремнем на стенах заметки. После этого дело пошло лучше, но туннель окончательно утратил прямоту и стал виться в толщах земли, подобно следу исполинского каменного червя.

Сгорел один прутик, и еще один, и еще обратился в сухой, невесомый пепел – эти лучинки, подобно шагам, как диковинные часы отмеряли время.

В конце концов пришлось сделать привал. Натруженные ноги гудели, подошвы горели от постоянной ходьбы по кам-

ням вверх и вниз. Лучина мерно потрескивала.

– Где он, проход? – спросил Пека понуро, – мы, наверное, уже за пределами Некрополиса.

– Это тебе так только кажется! – сказал Кроха, приваливаясь к стене, – тут на два шага вперед, три в сторону.

– А все равно идем долго. Я чувствую.

Кроха ничего не ответил. От стены позади исходил неприятный, глубинный холодок.

Сверху нависал низкий свод тоннеля. Со вздохом Кроха погасил лучину и тьма снова обступила их. В этой темноте бесстрашные взломщики пирамид не заметили, как заснули.

Над их головами тихо шелестел, несущий далекий, сладкий запах, ветер.

Какое-то время спустя Кроха проснулся оттого, что Пека трясет его за плечо. Кругом царила тьма, и потому он не сразу соориентировался в происходящем, а когда понял, то ему захотелось погрузиться обратно в сон. Действительность ужасала. Но голос Пеки сразу скинул всякую дрему, заменив ее резким и тягостным ощущением опасности:

– Кроха... там!

Тот замер, прислушиваясь ко тьме.

Когда среди привычных шуршаний и пощелкиваний толщи камня над головой выделился новый, непривычный звук у Крохи прошел мороз по коже. Сердце забило, тьма навалилась кругом, мысль бешено скакала в поисках объяснений и... не находила.

Где-то далеко внизу, в толще пирамиды пели. Песнь эта, полная тоскливых, заунывных ноток, навевала жуть. Голосов было несколько – странный, призрачный хор, они причудливо переплетались, проводя каждый свою партию. Мотив был незнакомый, голоса тонкие – как флейта, и чуть более низкие – как тромбон.

Вот тогда Крохе стало по настоящему страшно. Песня звучала как жуткая эпитафия им обоим, печально и вместе с тем агрессивно – может быть, так могло петь все мертвое воинство Арсеникума, обрети оно вдруг голосовые связки. Немалым усилием воли Кроха подавил желание вскочить и вслепую бежать вперед, натываясь на стены и обдирая руки, лишь бы только не стоять на месте. Но это-то как раз и могло привести их к гибели.

Поэтому Кроха просто запалил еще одну лучину, и сказал возникшему и мрака лицу Пеки – белому, как лед далекий северных стран:

– Не бойся, Пека, это ветер.

Пека помотал головой, не соглашаясь. Было видно, что ему тоже хочется бежать, пока ноги не откажут служить и пена не пойдет изо рта.

Или пока те, что поют, не поймают его в темноте.

– Конечно ветер, Пека. Этот туннель – он как труба, ветер в нем создает эту песнь.

Впервые за много лет мы открыли проход – вот и играет. Напарник Крохи пересек туннель и прислонился к стене

рядом. Песня, то печальная, то жесткая, плыла над ними, пробивалась из каменных стен и гладкого пола.

И тут Кроха сделал то, что совершенно от себя не ожидал – он снова заснул.

Истомленный, изнервничавший организм, явно знал лучше хозяина что ему надо.

Лучина догорела, а поющие так и не пришли.

Утром... субъективным, потому что встроенные хронометры расхитителей гробниц показывали только личное время их хозяев, о себе впервые заявил голод. Проснувшись в полной темноте, Кроха печально заметил, что думает о еде – не слишком типичная мысль, если учесть, что ты проснулся в одном из похороненных глубоко под землей туннелей усыпальницы могущественного колдуна, а вместо плюшевого мишки тебе согревали ночь триста добровольно сгинувших фанатиков. Но тем не менее – хотелось есть, и мысль эта, идущая откуда-то из мрачных глубин подкорки имела все шансы выйти на первый план, оттеснив надежду и страх.

Загнав поглубже мысли о еде, двинулись дальше. Коридор был по-прежнему украшен рисунками, наверное, даже богаче чем раньше, но внимания на это уже не обращали – чувство эстетики отмерло окончательно. Лучина – спасительный светоч – разгоняла темноту в двух метрах впереди, в уже чуть позади черный полог вновь накатывал, скрывал пройденные метры.

Дважды проходили крохотные помещения – похоже на ка-

раулки. Если бы тут было кого караулить. Что еще удивительнее – у стен висели на цепях подобие деревянных нар. Для кого были эти минимальные удобства, Кроха не хотел и думать. Его самого терзали смутные видения – проплывал под ногами каменный пол, исчезал позади, и казалось что Пека с Крохой совсем не двигаются – застряли на торце исполинского бесконечного колеса, что крутится и крутится без остановки, вращаемое усталыми шагами тысячи вот таких как они – тысячи потерявшихся без света и в безвременье мотыльков.

Когда стало совсем тоскливо, достигли отстойников. Это Пека их так назвал – на самом деле это были неглубокие квадратные бассейны, облицованные четырехугольной плиткой с замысловатым рисунком. Бассейны наполняла вода – тепловатая и поросшая поземной бесцветной ряской, которая благоухала как центнер пролежавшей полдня на солнце рыбы.

Здесь жили мокрицы – сколькие безногие создания, что медленно ползли по наклонной стене, иногда окуная свои полупрозрачные тела в пахучую влагу. К свету они были непривычны, и потому стремились укрыться в водорослевые заросли. Вода покрывалась мелкой рябью, будто под слоем водяной травки шевелилась, какая то мелкая водная живность – однако, что было на дне бассейна, Крохе выяснять совершенно не хотелось.

А вот Пека со странным выражением смотрел на уползав-

ших мокриц, пока напарник не потянул его за собой.

От нечего делать Кроха считал шаги, занятие это помогало убить время и ненужные мысли. Так, например, отстойники встречались через каждые пятьдесят два шага или тридцать вздохов, или четверть сгоревшего прутика. Примерно на каждый двадцатый шаг приходилась развилка – а на каждый двухсотый – двойная или даже тройная.

Правда, зачастую получалось так, что коридор делал плавный оборот в недрах земных и возвращался назад. Плутать тут можно было до бесконечности и надежда найти верный путь на поверхность все больше таяла в душе Крохи.

Тем неожиданнее оказалось встретить после многочасового пути узкий и длинный желоб, решительно непохожий на все виденное ранее.

– Ой, – сказал Пека, остановившись, – а это что?

Начало желоба находилось прямо под ногами, чуть в стороне обретался очередной бассейн и вытекающая из него струйка воды, спускалась по желобу в темноту. Справа и слева спуск обрамляли узенькие карнизы, которые ступеньками следовали друг за другом. Пол был густо покрыт слизью. Рисунков на стене не было.

– Похоже, они забыли сделать ступени, – произнес Пека и аккуратно шагнул вперед.

– Пека, стой! – крикнул Кроха и попытался уцепить друга за рукав, но не успел.

Поскользнувшийся Пека уже катился вниз по слизи. Он

отчаянно верещал, размахивал руками, и отчасти из-за этого его развернуло поперек желоба. Не проехав и трех метров, Крохин напарник пристал к одному из карнизов. Кроха по-светил лучиной и увидел, как Пека встает на ноги – был он перемазан и здорово смахивал на Арсениковых постояльцев.

– Чего! – завопил он, с трудом удерживая равновесие на узкой полоске камня.

– Это ловушка! – крикнул Кроха, – я знаю! Я читал!

– Чего ты читал?!

– Когда ты достигнешь конца желоба, сверху скатится огромный круглый камень и он размажет тебя по стенам! Я помню, такое случалось!

Пека замер на своем карнизе. Потерянно обернулся:

– Откуда ты знаешь, что это правда?

– Такие гробницы, как эта, всегда наполнены ловушками.

Например, колья, они открываются под тобой, или...

– Постой! – закричал Пека, – я попытаюсь выбраться.

– Нет! Не пытайся! Тут слишком скользко, скатишься вниз, ловушка сработает.

Но Пека все равно попробовал. Первая же попытка чуть не привела к падению. Кроха кусал губы, наблюдая за стараниями приятеля – надо же так вляпаться.

– Что же мне делать!?! – дрожащим голосом спросил Пека, – как же так.

– Подожди! Я что ни будь придумаю! – крикнул Кроха и опустился у стены подле карниза.

В голову ничего не шло. Пека явно попал в западню, да еще сильно давило осознание, что впереди ловушка, а значит тупик.

– Маки... эй, Маки, ты же меня не оставишь?

– Что ты городишь, Пека! Не куда я тебя не оставлю! Да будь ты проклят, Арсеникум!! – заорал, неожиданно, Кроха и по щекам Пеки вновь покатались слезы. Он явно уже причислил себя к тем четверемстам мертвецам в пределах пирамиды.

– Сволочь, Арсеникум, сволочь, и после смерти гадишь людям!!

– Кроха...

– Помолчи!! Я придумал... – сказал Кроха, – сейчас сниму рубашку, ее длины должно хватить, чтобы ты дотянулся...

– Кроха! Ты гений, Кроха!

– Тихо! На, держи рубашку! Да поаккуратнее там...

Кроха лег на живот в мерзкую тепловатую слизь и спустил свою грубую домотканую рубаху вниз по желобу. Там, на карнизе Пека со свежевоспрянувшей надеждой отчаянно потянулся к свободе. Рубашки не хватало – ее рукав болтался в десяти сантиметрах от растопыренной в поисках опоры Пекиной руки. Пека тянулся изо всех сил. Не доставал.

– Ну давай, Пека, еще чуть-чуть!

– Не получается... – стонал тот, – слезь ниже.

– Не могу, скачусь!

Кроха удерживал рубашку кончиками пальцев, спустился еще ниже, и Пека, наконец, сумел ухватить вожаденный рукав. И тут же повис на ней всем весом. Кроха предупреждающе крикнул, но вновь опоздал – рубашка резко выдралась у него из пальцев и Пека, все еще сжимая ее в руках, уехал во тьму.

Кроха окаменел в ожидании неизбежного. Камень вот-вот должен был обрушиться вслед за невезучим напарником. Сердце заполошно билось, на коже выступил ледяной пот.

Томительно тянулись секунды.

Пека начал ругаться только через три минуты. Заковыристые его ругательства были, в основном адресованы святому Арсеникуму, но перепадало и паникеру Крохе, везде видящему опасность. Кроха кричал сверху, что то не паникерство, а напротив, осторожность, но напарник не слушал – продолжая костерить его почем зря, густо мешая ругань со слезами облегчения.

– Спускайся сюда! – закричал он, наконец, и Кроха, слегка содрогаясь, скатился вниз по хоть и странному, но совершенно безопасному желобу.

Внизу оказался такой же и бассейн как и наверху и новый туннель. Еще здесь был Пека – испуганный до икоты, но живой и здоровый. Кроха уселся рядом, и они сидели молча. Лишь спустя некоторое время Кроха заметил, что это все похоже на жестокую шутку, до которых Арсеникум, по рассказам, был очень горазд.

Неприятности этот спуск все же принес – половина из несомого Пекой запаса прутьиков вымокла в слизи и не годилась больше для лучин, а сушить ее было негде.

Обессиленные, напарники сидели у противоположных стен и при свете лучины смотрели друг на друга. Будущее рисовалось им в цвете неотличимом от темноты.

Никуда более не сдвинувшись с площадки у подножья желоба, Кроха с Пекой уснули, истомленные телом и загнанным к поребрику разумом. Вот так бесплодно закончился их второй день пребывания в пирамиде злобного старца Арсеникума.

Ночью хотелось есть, а где-то на расстоянии, но уже ближе чем раньше, несло призрачное подземное пение, наполняя сердца тихим, холодным ужасом – теперь стало лучше слышно, и можно было различить дробное, шелестящее постукивание, словно били тысячи крохотных костяных барабанчиков.

Потом Кроха проснулся в крошечной тьме, и это означало, что начался третий день.

Проснувшись, Маки не поверил своим ушам. Кто-то громко жевал у него над самым ухом.

Не в силах пошевелиться от ужаса, Кроха лежал, вслушиваясь в темноту, а потом рядом чиркнуло и в огненной вспышке запалившейся лучины возникло лицо Пеки.

Это казалось невозможным, но Пека что-то жевал!

– Пека! Что... откуда?!

– Попробуй, Кроха, это не очень вкусно, зато насыщает.

– Что это? – спросил Маки, глядя на подрагивающие на ладони комочки.

– Не поверишь, это мокрицы! Их там у бассейна, полно! Они... почти как мясо.

– Пека, – сказал Кроха, – я не буду это есть...

– Ты что! Это же еда!

– Это мокрицы.

Пека, вздохнув, спрятал мокриц в карман – наверное, про запас. Не говор более не слова он двинулся вперед по изви- вающемуся, как подхватившая судорогу змея, коридору.

Полтора часа они шли в гробовом молчании, пока Кро- ха, стиснув зубы от терзающего кишки голода, не попросил мокриц.

Тут же сделали привал. Кроха по началу давился, а по- том вошел во вкус – мокрицы не были деликатесом, но и к тошнотворной гадости их мог причислить только что плотно отобедавший устрицами гурман. Кроха гурманом не был и раньше, а сейчас не заметил, как умял половину захваченной Пекой снеди. Запил водой со стен и блаженно привалился к холодному камню.

На душе странно полегчало – удивительно, вроде бы по- ложение их оставалось все тем же – безнадежным, безвыход- ным, и шли они все вниз и вниз, ан нет – стало легче, страх отступил, поддавший почти блаженной сытости. Не замечая того, Кроха заулыбался.

– Вот-вот! – сказал, увидевший ухмылку, Пека, – а ты говорил – мокрицы.

– Человек, – сказал Кроха, – он, Пека такое существо, что привыкает ко всему. Вот. А еще, он может все преодолеть, потому что в отличие от дикого зверя у человека есть ум, чтобы поставить цель, и воля, чтобы ее достичь! И если воли хватит, то ничто его, человека не остановит. Понял Пека, ничто! И мы с тобой все преодолеем, победим, как победили голод, и выберемся из этого склепа... нет! Мы не только выберемся, мы и еще захватим сокровища этого ублюдка Арсеникума! В качестве компенсации.

Лицо Пеки просветлело, губы сами собой сложились в идиотскую, но исполненную желаний действовать улыбку. Более не откладывая, напарники двинулись в путь.

Снова встретили желоб, и уже безбоязненно скатились по нему, крепко держа в охапку прутки. Вода в желобах была теплой и маслянистой и потому в воздухе колыхалось некое подобие тумана. Стены начисто лишились рисунков, а вместо них крошившийся камень покрывал бледный кустистый мох, который колыхался, словно подводная водоросль, когда напарники проходили мимо.

Как глубоко они забрались, Крохе не хотелось и думать. Трудно было представить, что этот туннель делали люди – на какую глубину он вообще может забраться? И самое главное – зачем все это?

– Воистину, помыслы Арсеникума для простых людей

неисповедимы, – сказал Кроха, – куда он собрался? В царство Каннабиса?

– Не называй его вслух... – попросил Пека, – Говорят, песоголовый услышит, и явится за позвавшим.

– Пека! Как ты можешь верить в эти сказки? Каннабис... Выдумали себе страшилку... И вообще – этот туннель не сможет бесконечно идти вниз. В конце концов, он упрется в скальное ложе или подземные воды. Я читал. Я знаю.

– Тебе видней... – уклончиво сказал Пека и тут туннель кончился.

Гробокопатели с открытыми ртами замерли на выходе из туннеля. Естественно, ни о каком открытом пространстве на такой глубине речи идти не могло, потому туннель вышел в пещеру.

Каверна эта была высока и протяженна, потолок ее скрывался во тьме, а снизу вздымался целый лес острых сталагмитов, которые стремились соприкоснуться с выныривающими из тьмы под куполом собратями. Со сталактитов срывались капли воды и как замедленный дождь падали в собравшиеся на дне пещеры озера. При каждом падении озера озарялись призрачным сине-зеленым светом, и цветомузыкальная плавная рябь бежала по их глади, и от этого начинали отсвечивать сталагмиты, творя в пределах пещеры диковинную димедрольную дискотеку.

Кроха с Пекой онемели от такого зрелища, представшего их зрению после многих часов однообразного туннеля. Лу-

чина выпала из руки Пеки и зашипела в мелкой лужице. Да она и не нужна была – тут было светло, странный отсвет, но легко можно было увидеть противоположный край пещеры.

– Вот это да... – выдохнул Пека, – как же это может быть.

– Может, – произнес Маки, двигаясь через пещеру, – просто мы достигли каверн. А я то думал, это все сказки.

– Каверны?

– Ага... – наш великий царь, прокапывая гробницу для святого Арсеникума в точности следовал его указаниям, а, следовательно, рыл гробницу как можно глубже. Естественно он не сам это делал, а согнал на раскопки рабов. Причем оголил не только все плантации провинции, но и своих личных не пожалел. Да фанатики еще – те сами работали. В общем, собралось там тысяч пять человек – одни камень тесали в скалах, другие его тащили по песку в Некрополис, ну а большая часть рыла. И все бы хорошо, но в какой то момент они докопались до врат.

– Врат? – встрепенулся Пека, – каких?

– Понятия не имею. Но рабы – народ темный, поэтому, когда на глубине в четыреста метров они встретили врата, то посчитали, что нашли врата в царство мертвых, – Кроха приостановился, и, повернувшись к Пеке, со страшной ухмылкой промолвил – к Каннабису!

Пека побледнел.

– Ну, короче, рабы рыть отказались – в царство мертвых никто не хотел. А царь наш, то ли другое мнение имел, то

ли посчитал, что Арсеникуму у Каннабиса самое место, но застрашал рабов и заставил их взломать врата и идти вниз. В один день три тысячи рабов и четыреста надсмотрщиков спустились во врата. И не вернулся ни один. Царь понял, что пора завязывать, дал команду фанатикам, и те, взяв в охапку господина, спустились в пещеры и врата за ними закрылись, а потом были вовсе запечатаны царской печатью. И прошло два дня, а на третий день царь...

– Кроха... – тихо сказал Пека.

Кроха поднял глаза и прямо перед собой увидел врата.

Были они огромны, в два человеческих роста и сверху до низу покрыты замысловатым узором и увенчаны были мощной аркой с выписанной клинописью фразой. Ворота смотрелись богато, а самое главное – они полностью соответствовали описанию из легенд. В призрачном фосфоренцировании врата выглядели более чем зловеще.

– Прямо как там... – сказал Кроха потрясенно, – вот оно, значит, куда мы забрались.

– Что там написано? – спросил Пека.

– Не понимаю... древние значки... что-то о надежде...

– О! Как раз то, что нам нужно!

– ...и призывают ее оставить, прежде чем войти сюда. Мне кажется, именно здесь царь и сгубил три тысячи рабов.

– И что?! – выкрикнул Пека, – Нам то все равно куда идти!! Все равно только вперед.

– Тут вроде печать есть... смотри! Как на письме, то же

самое!

– Еще бы! Кроха, мы что, так и будем перед ней стоять?

Кроха тяжело вздохнул. Здесь в пещерах было полегче – не так тоскливо, как в туннеле.

Вот только дверь. Даже не дверь – врата. Поневоле поверишь в Каннабиса и в прочую мистическую дребедень.

– Ну что ж, – произнес Маки печально, – выбор у нас небольшой – либо мы идем вперед, либо поворачиваем назад, хотя мы прекрасно знаем, что позади выхода нет. С другой стороны – эта дверь ведет в совсем уж неопознанные глубины, я почти готов поверить, что в царство мертвых. Знаешь, Пека, я никогда не верил во всю эту мистику – в Арсениково бессмертие, в Каннабиса, в духов Некрополиса. Но теперь, когда мы уже третий день идем в глубине, ты знаешь... я готов в это поверить. Эта пирамида... она не простая. Она как... как живая...нет, как обжитое поселение – мертвые дома, а в них потайная, скрытая жизнь. Ты не чувствуешь? Она как Некрополис в Некрополисе!

– Не понимаю... Кроха, здесь неприятно, да...

– Так что мы будем делать Пека?

– Мы пойдем вперед, – уверенно сказал Крохин напарник.

– И достигнем самого дна, – добавил Кроха, и, шагнув вперед, сорвал печать.

И вот тут они ощутили все сказанное Крохой в полной мере. Пирамида вздохнула – просто поток холодного, но свежего, несмотря на глубину, воздуха пронесся по ее тонне-

лям и переходам – по той исполинской кровеносной системе Некрополиса. Пронесся, раздувая песчаный налет на каменных плитах, прошелестел, качнув древний мох, вызвал вялую рябь на тепловатой воде, затрепал ветхую ткань в одеянии мумий.

Пирамидадохнула, и на миг в ней замолкли все звуки. Скрытая жизнь затаилась испуганно, а потом зашевелилась вновь, но что-то было уже не так. Что-то изменилось.

Где-то в глубинах земных гулко стукнула каменная плита. Кроха с Пекой замерли на месте, глядя друг на друга, а потом ворота, хотя никто из расхитителей не касался их, легко, как тонкие бамбуковые створки распахнулись внутрь, явив взору чернильную тьму. Изнутри явственно пахло гарью. И только тогда Пека выдал фразу, которая заставила напарников сорваться с места и сломя голову кинуться вперед:

– Они пробудились.

Не помня себя от ужаса, напарники бросились вперед, в темноту врат и долго бежали так, натываясь сослепу на стены, в панике, словно все слуги Арсеникума гнались за ними разом. Прошло немало времени, прежде чем запыхавшийся Кроха запалил очередную лучину.

Они шли весь подземный день, и прошло немало времени, прежде чем взломщики отважились на привал, но именно с того момента, как открылась дверь, их путешествие приобрело оттенок паранойи.

Подземные часы тикали, складываясь из дыхания, капли,

шагов, но теперь они отсчитывали последние часы, и отчет этот закончится прежде, чем иссякнут жизненные силы двух путников, в этом Кроха не сомневался. Не стоило открывать дверь, а если брать выше – то не стоило заходить и в пирамиду. Все Пека. Эх, Пека...

Ночью невнятная песнь снова донеслась до них, но больше она не пугала – Кроха знал, что замогильные звуки издают белесые, почти лишенные хитинового покрова насекомые, наподобие подземных сверчков. Твари эти, во множестве, обитали на нижних ярусах карстовых пещер, которые проходили сейчас напарники. Сеть пещер заменяла тоннель, низкие своды уже не наводили такую тоску, но все равно – проснувшись после трех часов нервного сна, Кроха с Пекой, не сговариваясь, поднялись и вымученно побрели дальше, всем естеством ощущая нарастающее позади напряжение.

Это было трудно объяснить словами, но ясно и четко ощущалось всем естеством. Пирамида вздохнула, и в тот момент пустился некий механизм, с безжалостной точностью отмеряющий время до того, как нечто случится. Механизм, гигантский, и безумно сложный, с точными выверенными деталями нельзя было не уничтожить, не приостановить. Все было заложено давным-давно, семь десятков лет назад, а может быть, и раньше – ведь придумал это безумный старец еще в здравии.

Страшная мысль пришла в голову Крохе – что, если Арсеникум и задумал так? Имел в виду, что спустя какое то вре-

мя в пирамиду кто-то заберется? И он использует живых... для чего?

Шли, пока усталость не заставила ноги подгибаться. Пещеры не кончались, лишь изредка чередуясь с неровными, прорубленными прямо в скальном ложе туннелями. Становилось теплее – а из глубины стало попахивать гарью. На привале Кроха пересчитал прутьики и с тоской убедился. Что их осталось только три – пещеры, царство камня и известковых налетов, здесь не было растений, и даже вездесущий мох куда то исчез.

Остались лишь медленно, но верно нарастающие шумы – как будто сотни легких, маленьких ног ступают по гладкому камню.

Отдохнув едва ли час, снова поднялись и пошли. Кроха сжал зубы – его мучила паранойя, и казалось погоня уже дышит в спину. Но когда они снова остановились, не в силах идти дальше, никто их не нагнал и не попробовал вцепиться в глотку. И все же пути назад больше не было. Догорел очередной пруттик и их осталось двое – по одному на брата.

Крохе и Пеке.

Не хотелось думать, что случится, когда запас лучин закончится. Наверное, тогда он просто сядет и будет сидеть у стены, пока те, кто идут следом, не настигнут его и не пригласят в свой пахнущий пряностями и тлением круг.

– Пека... – тихо сказал Кроха, глядя на устало вытянувшегося у стены напарника, – Пека, наверное, наверх нам уже

не выйти...

– Я уже понял... – ровным голосом без выражения ответил напарник, – ты извини, что так получилось...

– Пека, у нас теперь один путь. Мы должны во что бы то ни стало добраться до самого дна. Может статься, что один из нас не сможет идти. Тогда пусть дойдет хотя бы один.

– Кроха, я...

– Иногда, чтобы достигнуть рая, нужно идти вниз.

Минуло несколько скоротечных часов, а потом напарников подняло на ноги сильное чувство опасности. При свете последней лучины они до боли всматривались во тьму, готовые при малейшем шевелении пуститься бегом. Но из тьмы так никто и не вышел, и они, пошатываясь, и протирая покрасневшие глаза, побрели дальше.

Теперь их путь проходил по длинной, извивающейся как пробитая судорогой змея кишке.

Грубые серые стены были покрыты буграми и Кроха мог бы сказать, что это похоже на некачественный бетон.

Но Кроха никогда в жизни не видел бетона, и потом просто не мог найти определение.

Кроме того, стены туннеля были густо изрисованы грубым варварским узором, нанесенным когда-то красной, а теперь побуревшей краской. Было в этом узоре что-то жуткое – он завораживал диковатой простотой и казалось что тот, кто нанес его на глубинный, твердый камень обладал совершенно иной логикой, нежели человеческая.

Зачем они шли вниз, в глубину, где нет и не может быть выхода? Зачем идти на верную смерть? Кроха задавал себя этот вопрос раз за разом, а размалеванные стены плыли перед глазами, похожие одна на другую? И снова и снова он отвечал себя – потому, что лучше идти, чем стоять и если бы он знал лозунг «движение – жизнь», то неминуемо привел бы его в пример. И потому, что впереди неизвестность, а неизвестность хоть и страшит, но всегда оставляет нагретое место надежде. Путь был один – как сверкающая, полированная рельса, идущая из пустоты в бесконечность по все расширяющейся спирали.

Потом туннель кончился и они попали в гробницу.

Высеченная в глубинном базальте, она была проста и примитивна – без украшений, и лишь уродливые рисунки на стенах, говорили о ее назначении. Чаще всего среди корявых фресок встречалась уродливая фигура с острой собачьей мордой.

Посередине гробницы красовался саркофаг из полированного дерева с золотой инкрустацией. Крышка саркофага валялась на полу среди пыли, а в самом средстве последнего упокоения никого не было.

Пека увидел пустой гроб и застонал. Обернулся к Крохе с дико расширенными глазами.

Пека медленно срывался с катушек, это факт.

– Не смотри так, Пека, этот саркофаг и был пустой!

Но Кроха понимал, что говорить чушь. Дно саркофага по-

крывал сероватый налет, в котором смешались обрывки ткани, высохшее благовонное масло и еще что-то. Мощный запах пряностей только подтверждал возникающие смутные догадки.

Хозяин гробницы покинул свое обиталище. Еще бы знать, по своей или по чужой воле.

– Ладно, не стой, идем!

– Как ты думаешь, это был Арсеникум?

– Сомневаюсь, скорее кто-то из приближенной свиты. Ну, пойдём!

И снова туннель. Шли полтора часа, а потом привалились к стене, тяжело дыша – безотчетно шагали быстрее, чем раньше, хотя вроде бы их никто не подгонял. Смотрели в глаза друг другу, а между ними догорала последняя лучина. Тонкий прутик становился все короче и короче, а потом обжегшийся Кроха выронил ее из пальцев и случилось локальное падение тьмы.

В темноте Пека заплакал – тихо и печально, как плачут маленькие дети, для которых каждая маленькая беда – конец света, или потерявшие всякую надежду люди.

Крохе тоже захотелось сесть и заснуть. Да так, чтобы не просыпаться, как и хотелось сделать совсем недавно.

Вместо этого он взял Пеку за руку и зашагал дальше, трогая рукой стену справа.

Тьма пала и с тех пор всякое осмысленное движение прекратилось. Они бежали вперед, из темноты в темноту и лишь

слух да запахи доносили до них, что туннель существует, как и вся пирамида. У перекрестков Кроха больше не раздумывал куда идти, ему было все равно, лишь бы только идти вниз. Капала вода, пели сверчки, издалека попахивало гарью, ныл позади Пека, да кто-то шел следом. Медленно, но неотступно, как и полагается тому, кто свое уже отспешил.

Спустя какое то время вывалились в пустое помещение – насколько большое, сказать было невозможно. Но это тоже была гробница и резкий запах пряностей говорил сам за себя.

Кроха наткнулся рукой на гладкое дерево, потом ощутил пустоту – да, и это обиталище мертвых было оставлено своим хозяином.

Бесконечно долго шли, стремясь подальше отдалиться от саркофага, потом наткнулись еще на один – тоже пустой – и смирились.

Позади пели сверчки, а потом резко замолкали, когда те, что шли следом, проходили мимо. Ноги подкашивались, собственное дыхание улетало во тьму, шли часы – тик-так, отмеряя остаток дистанции.

Иногда напарники почти бежали, иногда еле брели. Следом за темнотой ушло всякое понятие о времени и расстоянии. Теперь они не стремились попасть куда-то, они просто – шли.

Да еще эти, саркофаги которым больше не были нужны шагали следом, безмолвные и спокойные, никуда не спеша-

щие. Ибо, зачем спешить, если жертвы все равно идут прочь от выхода, который, к слову, в пирамиде Арсеникума был всего один.

Кроха цедил проклятья мерзкому старцу, люто ненавидел его и всех его фанатичных последователей, которые без сомнения все до единого продались тьме и Каннабису, и шел вниз. Туннель шел вниз по широкой спирали, и его стены, то неровные, то гладкие были покрыты невидимыми во тьме письменами.

Еще одна погребальная камера, полнящаяся отсутствием света, концентрированным страхом и запахом бальзамирования – их встречалось все больше и больше, этих мест последнего упокоения Арсениковых сподвижников, и все они были пустые, покинутые, как шуршащая скорлупа ядовитого гада – не опасная, но хранящая воспоминание об опасности.

Потом был еще один короткий отдых, во время которого Кроху сморил тяжелый, мутный сон – из той же серии, что и посетившее солдат в окопе сновидение – когда вымотался настолько, что спишь уже не реагируя на внешние раздражители и степень грозящей тебе опасности.

А потом гробокопатель Маки по прозвищу Кроха проснулся в свинцовой душной тьме, пахнувшей гарью, и еще холодом, и еще отчаянием.

Вот так – вчера сгорел последний пруттик, но их надежда сгорела куда раньше, где-то в районе двери и царство мертвых.

А виноват в этом был, что ни говори, Пека.

– Все кончилось, друг Пека, а скоро и мы, кончимся.

– Ты только иди. Пока ты идешь, иду и я, так хотя бы знаем, что движемся и...

– Спокойно, Пека, спокойно. Я чувю, скоро дойдем.

И они пошли – Кроха, касаясь рукой исписанной невидимой каббалой стены, а Пека держась за напарника. Пека шел как баран на бойню – только в данном случае убить должны были и мясника.

А Кроха шагал вперед и нехитрая да короткая жизнь его проходила у Крохи перед глазами. Страх. Уныние. Книги. Надежда. Пека. Опасность. Арсеникум. Жадность. Корысть.

Нажива. Безоглядность. Безрассудство. Безысходность.

И вот он теперь здесь, в самой глубине недр земных, все еще идет, переставляет гудящие ноги, хотя умом понимает – идти осталось немного. Печатая шаги по гладкому полу туннеля, Кроха с удивлением осознал, что не может вспомнить как следует поверхность. Где-то на самом краю истончившийся его памяти оставались воспоминания о желтых, бескрайних полях, ярком, слепящем солнце, буйнотравья весной, высоких зеленых пальм. Вот только поблекло как-то все, выцвело и все больше Крохе казалось, что все это не больше чем его собственные фантазии. Как может существовать солнце, если есть только тьма? Как можно летать в синем небе, если можно идти только вниз? Как можно достигнуть рая, если идешь прямиком в ад?

Арсеникум, наверняка знал про все это, и оставил им одну единственную дорожку, и Кроха сказал бы, что чувствуешь здесь себя как поезд метро на своих нескончаемых рельсах, если бы знал хоть что ни будь про метро.

Но это было и не важно, потому что незацикленные в круг рельсы когда ни будь да обрываются в тупике, потому что этот тупик был здесь и дорога больше никуда не вела.

Они пришли. Они достигли самого дна.

Свет первым увидел Пека, потому что веки Крохи были плотно закрыты. Пека закричал, и сдавил плечо напарника, указывая смутным силуэтом руки на проем.

Это была еще одна дверь – приоткрытая, мощная, как и те, далеко вверху. И свет лился сквозь неплотно закрытую створку – зеленоватый и мерцающий как солнце водяных мокриц.

Кроха без колебаний отодвинул створку и увидел тупик. Странно, но теперь он испытал только безмерное облегчение.

– Пека, – сказал он, – Нам больше некуда иди. Закрой дверь, и подбери что ни будь потяжелее, мы будем обороняться.

Побледневший напарник затворил дверь и задвинул тяжелый засов. Дверь была капитальная – она дарила жизнь эта дверь, несколько лишних минут, пока ее не взломают.

Помещение было сферическим, в центре высился очередной саркофаг, а у противоположной стены в полу зияла круг-

лая яма, из которой тянуло жаром и на стенке иногда плясали огненные всполохи. Над саркофагом тянулась медная, сверкающая, точно вчера сделанная арка с выбитым на ней словом: Arsenicum. Пека смотрел на дверь, точно ожидая, что идущие следом вот-вот начнут ломиться в нее.

Движимый нездоровым интересом Кроха смотрел на саркофаг. Что-то странное в нем...

Саркофаг был с крышкой.

На негнущихся ногах Кроха проследовал к последнему обиталищу злобного старца и резким толчком скинул крышку. Лакированное дерево загрохотало по полу, а замогильный свет пал внутренности гроба.

Кроха захохотал. Он ржал и ржал, не в силах остановиться, а Пека испуганно глядел на него, смеющегося стоя посередине погребальной камеры, у раскрытого гроба, прямо над коричневым, мумифицированным лицом владельца...

– Арсеникум! – хохотал Кроха, – зловещий! Повелитель мертвых! Поклонник Каннабиса!

Живой мертвец!! Труп! Мясо! Сухое мясо! Пека, он мертв! Мертв как бревно! Пека, мы все вообразили! Они никуда не ушли, потому, что не могли уйти! Их там просто не было...

И снова и снова он повторял эти слова, а Арсеникум лежал в своем гробу – мертвый как ножка от пластикового стула, мертвых как сломанная швейная машинка, просто высохшее тело в марлях, и когда впавший в истерику Кроха стал бить

его по лбу, никак не отреагировал.

Да и как он мог отреагировать – семидесятилетний выпотрошенный труп, легкий, бессильный.

– Ну и фантазия у нас, Пека! – орал Маки, лущуя Арсеникума по твердым щекам, – никто ведь не оживал! Не бывает живых мертвецов! Не бывает Каннабиса! Ничего этого нет! Есть только мы, понимаешь, и мозги наши дурные. Вообразили, что идут! А всего этого нет!

Нет!

Пека глуповато улыбался. Возразить он мог – труп Арсеникума, который должен был во главе войска мертвых спокойно почивал в саркофаге, а это значит... значит никто не идет. Никого нет за этой дверью.

Кроха завопил, потом схватил Арсеникума за марли и вытянул их саркофага, крича что-то торжествующее, а Пека, улыбаясь, развернулся к безопасной ныне двери, чтобы открыть ее.

Но тут в дверь ударили.

Часовой ход встал и забили куранты.

Кроха выронил Арсеникума и тот грянулся оземь – прямой и серьезный как мореная доска.

Со вторым ударом от двери откололась немалая часть и внутрь проник сизоватый, неживой свет, на фоне которого угадывались множественные рогатые силуэты.

Часы били. Время вышло. Пека стонал. Кроха онемел.

И лишь Арсеникум был совсем не причем.

С четвертого удара дверь слетела с петель и те, кто шли следом, стали наполнять помещение.

А впереди всех шел вождь в длинных, ветхих одеждах, украшенных тусклым золотом, высокий, с червленым железом в руках и собачьей головой. Алые, дикие, глаза светились среди черной шерсти.

В охватившем его полном ступоре, Кроха отметил, что голова Каннабиса слегка другая, нежели изображенная на фресках – там у него была острая морда гончей, а у реального повелителя тьмы тупая, и уродливо приплюснута, как у бойцовых псов. Жесткие брылья свисали на месте щек. Армия умерших и высохших поборников тьмы следовала позади легионом одинаковых силуэтов.

На пол пути к напарникам Каннабис остановился и вытянул вперед руку, покрытую жестким серо-черным ворсом с загнутым агатовым когтем, и, развернув алую пасть, возгласил:

– Тлен!

Люди ждали. Арсеникум лежал на полу лицом вниз.

– Тлен! – снова сказал Каннабис, низко, – Прими же свою участь и, познав смерть и гниение, приди же во прах!!

Он снова шагнул вперед и его нога, в изукрашенном черным золотом сандалиии с хрустом наступила на безропотного владельца пирамиды.

Пека вопил от ужаса, обернулся к Крохе и с еще большим испугом увидел, что тот улыбается. Страшная у него была

улыбка. Такая Каннабису бы подошла, умеи тот улыбаться. Кроха схватил напарника за руку.

– Пес! – крикнул он и Каннабис на секунду озадаченно приостановился.

– Пес ты! И Арсеникум твой гнилой! – крикнул Маки с какой-то мальчишеской бесшабашностью, так кричат, когда точно знают, что положенное возмездие их не достигнет.

– И фанатики твои высохшие!!! И пирамида ваша корявая! Мокрицы!!! Вы мокрицы!!!

Каннабис с ревом рванулся вперед, багровое сияние полыхало в его глазах, и только тогда Пека понял, как может Кроха избежать наказания.

– НЕТ!! МАКИ!! НЕТ!!! – только и успел прохрипеть любивший легкие деньги сын бедного ремесленника перед тем, как дерзко смеющийся напарник увлек его за собой в истекающий жаром провал.

Они падали недолго, а потом достигли огня и жестко об него ударились.

Крохин разлепил веки и потер вздувающуюся на лбу шишку, а после поспешно отодвинулся от палящего жара. От свитых длинной спиралью нитей накала шло сильное тепло – вчера окончился отопительный сезон и остывшие батареи заставили мать Максима поставить ему электрокамин. Тепло было вечером.

Пе... Петьки рядом не было – еще бы, ведь он дрыхнет у себя дома, напротив. Как и положено. Все, как положено.

Глядя на валяющийся на столе рисованный псевдодревний манускрипт, оставшийся от осенней игры в сокровища, Максим еще слышно прошептал:

– Не было... Ничего не было.

Хорошо хоть мама не проснулась. С таким грохотом падал с кровати! Покачав головой, Максим Крохин забрался в кровать и снова заснул, натянув одеяло до подбородка.

Кремень, со следами ударов, он нашел на прикроватном половике только следующим утром, а потом долго убеждал себя что это остаток его коллекции минералов, хотя в душе точно знал – он выкинул все до единого камни еще прошлым летом.

И еще беспокоила навязчивая мысль – он, Максим Крохин, обычный городской школьник, точно знает какие на вкус мокрицы.

Спайсманавт.

Я просыпаюсь и вижу звезды. Каждый раз, каждый день, хотя дней тут нет. Я вижу звезды и очень безбрежное пространство, которое так велико, что затеряться тут проблемы не составляет. Господи – да тут только и делают, что теряются – у них выходят из строя системы навигации, самопроизвольно включаются двигатели, ломаются гироскопы и уносят их бороздить иные звездные системы. Елки-палки, тут есть спутники – вояджер один и два – которые уже вышли за пределы системы и все дальше удаляются в АБСОЛЮТНУЮ ПУСТОТУ и чем дальше, тем она, эта пустота будет пустее!

И вот в этой то пустоте я, Андрей Якутин, простой человек с простыми потребностями, нахожусь в клетке. Я смотрю на далекие звезды, к которым свободно летят вояджеры сквозь толстое стекло иллюминатора и самое страшное, что в этой замкнутой и полной сложной электроники клетушке посадочного модуля я не один.

За что мне это, за что? Ведь я так любил свободу...

Но по порядку... надо сосредоточиться и вернуться к самому началу, ведь простыми жалобами здесь не поможешь... Как все было? Как все получилось? Воистину боги играют судьбами людскими.

С чего все началось? Со скуки. Все большие ошибки со-

вершаются, как правило, от скуки... вернее в аффекте, помутнении разума и больших чувствах, но в начале все равно идет скука. Это как тайфун – пока он не пришел все тихо и спокойно и море отражает небесную лазурь. Но пала тьма и ненастье пришло – и что мы видим? Не следа от былой пасторали. Словно пасторали то и не было. Пастораль быстро-течна и уж никак не тянет на вечность, не то, что нынешние звезды, так что я пришел к выводу, что по-настоящему надежной пастораль бывает лишь на фотографиях, на глянцевых рекламных проспектах.

...как скачет мысль. О чем там я? Про аффект – именно в нем я и нахожусь, и боюсь, это болезненное состояние будет только нарастать, впрочем, оно ничто по сравнению с тем, что имеется у моего так называемого напарника. Он настоящее животное и...

Я хотел по порядку. Мой городок был весьма маленьким и уютным местом, благополучным во всех смыслах, коим наделен этот термин. Именно такие и изображают в рекламных буклетах – крошечный, аккуратный, затерянный в бескрайних экологически чистых степях городок – миниатюрная и автоматизированная копия эдема для среднего класса.

Современные технологии, плюс весьма высокий достаток среднего горожанина делали этот город весьма приятным местом для проживания. Он был надежен, в нем хорошо пахло свежей травой, и облицовка домиков всегда была белоснежной. В округе, где стоял мой город, никогда не бывало

резких перемен климата и зимы были мягкие, но снежные, а грязные вихри большой политики всегда обходили поселение стороной.

Это было замечательное место. Место отдохновения и покоя, оплот надежности и благополучия.

И не было при таких качествах ничего удивительного в том, что город носил название Твердь Земная.

Немного не типичное название, но я всегда считал, что мой любимый город должен иметь хотя бы одну странность.

Да. О скуке. Как и всякий благополучный город, Твердь Земная был серьезно болен скукой. Это, наверное, походило бы на болото, не благоухай так фиалками. Благополучное болото, если можно применить такое определение.

Я был хорошо обеспечен и выращен родителями в любви и заботе, как всякий средний гражданин Тверди Земной. Я ни в чем не имел стеснения, но опять же как всякое выросшее в тепличных условиях растение не имел особой цели в жизни. Нас таких было много – мы плыли по течению ускользящих лет тесной стайкой, в которой каждый озабочен лишь собой.

Такова была вся молодежь города, так, что ничего удивительного в этом опять же не было.

Человек так устроен, чтобы всегда мечтать о большем. У меня было все, или почти все, так что о чем мечтать я не знал. Поэтому вместо четкого и сформированного видения цели, а также отмеченной на внутренней карте мира крас-

ным пунктиром пути к ней у меня была лишь потребность – некое неоформившееся чувство, которое было полной противоположностью скуки.

Я любил выезжать в степь на подаренном родителями к совершеннолетию окрашенном в металлик родстере в степь и подолгу стоять, вглядываясь в идеально ровную линию горизонта, которую никогда не уродовали дымовые трубы – как никак Твердь Земная была ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЗОНОЙ. Тут я чувствовал себя свободно, ветер наполнял легкие воздухом и вновь залезал в машину и гнал, гнал, по идеально ровному шоссе с одинокой желтой полосой посередине – бесконечной, как кусающая себя за хвост змея.

Я был наивен и в то же время чрезвычайно уверен в себе – нормально сочетание для отпрыска благополучных граждан Земной Тверди. Я был воспитан сначала действовать, а уже потом думать. Поэтому потребность моя так и не успела преобразоваться в черную хандру и мизантропное разочарование миром, и увидев в окружной газете рекламное объявление следующего содержания:

"Хочешь решить свои проблемы? Спроси меня как! Хьюстон".

Я понял, что нашел.

О святая наивность! Воистину скука – злейший враг человека. Все большие беды начинаются с легкой скуки. А рыхлая туша благополучия держится на вселенских весах благодаря кучке исторгаемых ее социальных отбросов.

Я позвонил по указанному телефону и уже двадцать четыре часа спустя встречал очередной рассвет в роскошно меблированном звездном городке посередине безлюдной пустыни и готовился к полету в холодные межпространственные дали. Меня встретили здесь с распростертыми объятиями потому, что кто лучше подходит для покорения пространств как не средний житель маленького благополучного городка, наподобие Тверди Земной. Это хорошо влияет на рейтинг ЦАПа и поднимает престиж страны, если вы понимаете о чем я.

Родственники меня, конечно, прокляли, и даже сгоряча лишили наследства, но они же и сами воспитали меня так, что выбрав, наконец, цель, я уже не останавливался ни перед чем.

Вот так я вступил на укрытую красной ковровой дорожкой лестницу в небо, которая и привела меня сюда, в звездный ад. Иногда я думаю, что у каждого человека есть свой путь, и как бы он не пытался избежать предназначенной ему дороги, она все равно окажется под его подошвами, будь это гладь асфальта, стальные змеи рельс или видимая только приборами тонкая курсовая лента.

Расположенный в малонаселенной местности Центр Аэрокосмических Путешествий или сокращенно ЦАП, всегда напоминал мне Лас-Вегас. И не только из-за того, что он неожиданно возникал перед изумленным водителем из унылой, припорошенной серою пылью пустыни. В первую

очередь ЦАП был комплексом развлечений, только средством развлечения здесь была наука, а не деньги.

Денег, впрочем, тоже хватало. Сюда съезжалось много людей с толстыми кошельками, чтобы вздохнуть воздух космодрома и пройти, аккуратно ступая дорогими ботинками, по потрескавшемуся от старта бетону. И, поверьте, очень мало из этих людей брали добровольцами, не страся энную сумму вечнозеленой листвы.

Мне повезло. Может быть потому, что я был средним гражданином Тверди Земной? Таких как я любят ПиАр менеджеры.

Так или иначе, но на второй день, отпечатанный на глянцева бумажки путева лист был вручен мне в торжественной обстановке. Я смотрел на изукрашенную золотистым тиснением бумагу и сердце мое трепыхалось от счастья!

Я должен был лететь на луну!

Ну, не на саму луну – так далеко честолюбие ЦАПовцев не заходило. Но челнок, ведомый мною, должен был стартовать с земли и, достигнув спутника, обогнуть его по перигею, после чего вернуться в лоно родной планеты. Это было трудно назвать полноценным межпланетным полетом, скорее затяжным прыжком.

Прыжком через луну.

Да, мне тоже сразу пришла на ум корова – есть стереотипы, что не признают границ и расстояний. Рогатое млекопитающее с очень сильными ногами перепрыгнуло древний

спутник по своей воле, и я тоже сам выбрал этот путь, но, в конце – концов, корова это все-таки тупое жвачное, а я человек, и тем более, что...

Так. Луна. Конечно, я хотел туда полететь и возносил хвалу нынешнему просвещенному времени, когда самый что ни на есть простой человек – представитель высшего среднего класса может полететь в небеса и посмотреть на голубой шар земли еще в этой жизни. Как я уже говорил – то было время наивности и будущее казалось до омерзения оптимистичным.

Где же на шоссе в рай я пропустил указатель, что впереди дорога раздваивается?

Время шло быстро – в чрезвычайно комфортных условиях нашего звездного городка необходимая предполетная подготовка (весьма короткая) была ничуть не обременительна, и казалась, скорее игрой, нежели чем-то серьезным.

Меня кормили как на убой (о, какими точными теперь кажутся эти слова!), я занимался в дорогостоящих тренажерных залах. Мой полетный комбинезон из гладкой синтетики в стиле хай-тек потихоньку обрастал лейблами известных фирм – все более становясь похожим на костюм пилота формулы-1. А я... я щеголял в нем почти ежедневно, фотографируясь на память и раздавая автографы. Черт побери, я фотографировался со знаменитостями – такими же как я покорителями пространства, только они за это платили деньги.

Я и сам был знаменитостью – интервью, камеры, желтая

пресса прославила городок Земная Твердь, о существовании котором до этого никто не догадывался.

Я белозубо улыбался в объективы, а ночью стоял на гладких мраморных плитах балкона и смотрел на луну – спутник казался маленьким и сморщенным, как червивое яблоко. Я смеялся над ним. Да. Смеялся. Перепрыгнуть луну казалось левой задачей.

Найти бы того шутника, которому первому пришла в голову корова! Этого не в меру ретивого выскочку из рекламной братии. С его живым умом и умение выколачивать деньги даже из того, и чего остальные люди выбивают разве что пыль. Дотянуться бы! Но ведь эта идея пришла на ум и мне, и еще нескольким десяткам ЦАПовцев. Так, что когда крупная компания по сбыту мясомолочных продуктов решила сделать буренку символом нашего путешествия, я же первый дал согласие.

Идиот! Теперь я всегда буду ненавидеть коров! Всю свою жизнь! Впрочем... Это не так уж и долго.

Вот почему на борту нашего спускаемого аппарата совершающего уже неизвестно какой по счету кувырок вокруг древнего спутника нарисована улыбающаяся корова с черными и белыми пятнами. Иногда я думаю о ней – там, на внешней стороне обшивки, под палящими лучами солнца и в ледяной мгле обратной стороны – она тоже смотрит на звезды? На млечный путь – звездное молоко из вселенского вымени?

Опять мысли расползаются... Так или иначе, у нас тут везде эта корова – черно-белый логотип почти на всех существующих поверхностях – комбинезоны, предметы быта, тюбики с питанием. Может быть, корова и стала толчком к...

Хватит о ней. Я ни капельки не боялся предстоящего полета, а известию о том, что буду не один, только обрадовался – будет с кем перекинуться словом, покоряя звездные дали во славу человечества и Тверди Земной. Моего напарника я увидел лишь за три дня до старта – и то мельком. Помню, мы обменялись приветствиями, пожали друг – другу руки.

Он улыбался, я тоже. Все вокруг улыбались...

Проклятье! Проклятье! Проклятье! Извините... Одна мысль о нем вызывает у меня отвращение! Омерзение! Я ненавижу его! Ненавижу! Я...

Пожалуй, допишу в другой раз. Сейчас не могу – душит гнев!

Трансфер 001. Андрей Якутин.

Первый пилот. Орбита луны.

Привет тебе земля в иллюминаторе. Сейчас, когда пишу, смотрю на тебя. Еще три минуты и ты скроешься за синевато-желтым трупом луны. Луна похожа на лицо моего компаньона – столь же изрыта оспинами и равнодушием. Врут, что луна когда-то была частью земли – не могла наша земная твердь породить этого лишенного всякой жизни уродца. Луна пришла извне, я это знаю. Она как звезды. Как цепной пес, который давно сдох на своей цепи – не в силах вырваться из плена земного притяжения.

Помню, в детстве у меня была морская свинка. Крохотная, покрытая густой шерстью, черно-белая, как корова на логотипе. Я назвал зверька Гек – он так смешно чихал и морщил розовый нос!

Мне было лет восемь или около того. Гека я любил, а он вроде отвечал мне взаимностью.

Во всяком случае, не шарахался от рук, и всегда брал протянутое кончиками пальцев угощение. Милый грызун! Летом мы всей семьей выезжали на дачу и я выпускал свинку прогуляться по траве – грызун рыскал между сочных мясистых стеблей, тарасил черные пуговики глаз на всякую мел-

кую луговую жизнь. В клетке он, в основном, спал, перебирая розовыми лапами во сне. Долгие зимы пролежал Гек на боку, зарывшись в картон на дне служившей ему домом клетки и сладко посапывая. Он ни в чем не знал нужды, мой Гек.

И все же однажды он убежал. Хитроумно, стремительно и себе на погибель.

Однажды утром я обнаружил что клетка Гека пуста. Дверь была на замке и я все недоумевал, пока не увидел, что один из деревянных прутьев перегрызен. Прут был толстый. Даже несравненным передним резцам морской свинки понадобился не один и не два дня, чтобы перегрызть его. Но Гек это сделал! Он целенаправленно грыз один и тот же прут, пока ослабленное ранами дерево не уступило ему! Мы обыскали всю квартиру, но зверька нигде не было. Думаю, выпав на пол, он дождался утра, а потом выскользнул с кем-то из домочадцев за дверь.

На улице был февраль. Я точно помню – шел снег и было нетипично холодно для наших широт. Вряд ли даже толстая шерсть смогла защитить Гека. Некоторое время я ждал, что он вернется, но он, конечно уже не вернулся, предпочтя смерть в холодной пустыне стерильному уюту клетки.

Когда высохли слезы и тоска отступила, я задался вопросом – зачем Гек это сделал? Он ведь еще многие годы мог почивать в своей клетке, наращивая жир и отращивая холеную шерсть? Что пришло в голову моему зверьку и заставило его покинуть домашний уют после долгого времени, про-

веденного бок о бок с людьми?

Где ты Гек? Где ты сейчас на этом сине-зеленом шарике колыбели человеческой? О чем ты думал, убегая в кружащуюся льдом метель – не о зеленых ли травяных стеблях в напоенном июньским сладким духом луге?

Я, кажется, понимаю тебя. Только сейчас понимаю. Иногда клетка становится столь невыносимой, столь затхлою, что даже ледяной зимний ветер становится предпочтительнее запаха высушенной мертвой травы у тебя под ногами.

Или вакуум. Или земная твердь.

Мой зверь, отвечая на ласковые поглаживания моих рук, ты на самом деле всегда стремился к свободе и целеустремленно перегрызенный прут только доказывает это! И также я, вот только моя клетка волочилась за мной, каждый раз возникая в новом обличье, и последнее из ее воплощений почти не оставляет шансов на побег – клеткой стала вселенная. Но и отсюда есть выход. Вот только хватит ли воли поступить как ты, Гек!

Меня опять развезло. Боевые действия выматывают, вы знаете. Все время напряжение нервов...

Короче Гек сбежал и тем самым проявил силу воли, которую я никак не найду у себя.

Время летело быстро – как всегда в таких ситуациях. Жвачное улыбалось нам с плакатов.

Я морально готовился к полету и давал многочисленные интервью на пресс-конференциях. Я был в свете софитов, а

мой напарник, как правило, оставался в тени – чуть в стороне, не по центру – он держался скромно, хотя по идее был первым пилотом. Я почти не обращал на него внимания, пригляделся уже только потом, когда было поздно. Лунные ночи были прекрасны.

Пришло время, когда нам показали наш корабль – гордый венец научно технического прогресса в стиле хай-тек. Агамемнон – 13 мощная стремительная машина, созданная единым волевым усилием группы ученых-энтузиастов и призванная доставить нас на лунную орбиту. Пристыкованный к мощному, сверкающему, так и рвущемуся ввысь ракетоносителю Психей-10 этот космический челнок внушал восхищение. С того момента как я увидел это межпространственное чудо, желание у меня осталось только одно – как можно скорее вознестись на ракете над Твердую Земной и устремиться в холодные сверкающие дали открытого Спайс-пространства! Улыбающаяся корова пялилась на меня с бока ракеты – ей предстояло сгореть вместе с разгонной ступенью, и как только теперь стало ясно – она и была первой жертвой нашего путешествия.

Я считал дни, а мой первый пилот каждый день ходил и обмеривал спайс-шатл с помощью рулетки. Я не мешал, хотя это и казалось странными. Но, в конце концов, каждый имеет право на свои маленькие суеверия.

Так или иначе, но час икс наступил. Меня облачили в серебристый комбинезон, сшитый в модном ателье всего неде-

лю назад. Сам инструктор полета вручил мне кожаную папку с рабочими инструкциями. Ночь сверкала от вспышек фотографий. Это был миг моего торжества – я стоял на вершине подъемника, подо мной расстилались степи космодрома, которые сейчас были невидимы под массой людей в дорогих костюмах и шикарными белыми лимузинами, припаркованными на аккуратных асфальтовых дорожках. Тут и там на меня пялились внимательные глаза телекамер. Мне кричали ура и бросали цветы. И я думаю, что не подвел этих людей – освещенный светом ксеноновых прожекторов исполинская белосеребристая громада связки Агамемнон-Психей и моя маленькая фигурка у самого верха казалась каким то исполненным силы и благородства памятником интеллектуальной мощи прогрессивного человечества и даже улыбающаяся королева над головой не портила дело.

Вспышки так и сверкали – я улыбался, и, наверное, на многочисленных фотографиях во всех центральных газетах так и запечатлелась эта сцена, став достоянием вечности – маленькая фигурка у самой вершины огромной ракеты.

И еще одна – в тени. Лицо напарника не было видно, как на тех конференциях, как всегда.

Теперь я понимаю, что он просто ждал своего шанса. Такие умеют ждать. Могут вести тихую жизнь многие годы, а потом взять и проявить себя во всей своей устрашающей красе.

Но почему я оказался рядом с ним в этот момент? Поче-

му?!

Мы заняли места в наших спроектированных с использованием мотивов классической трилогии «Звездных войн» креслах, и, пристегнувшись ремнями «Рекаро», стали ждать. Мне было страшно и весело одновременно – как тогда, когда я уезжал далеко в степь.

Адреналин так и бурлил.

Интересно, чувствовала ли корова нечто подобное? Ощущала ли?

– Готовы ли вы? – спросил ЦАП.

– Всегда готовы!!! – крикнул я в истеричном веселье, а мой напарник только меланхолично кивнул.

– Начинаем предстартовый отсчет! – сказал ЦАП.

– Десять, – сказал ЦАП.

– Девять... – сказал ЦАП.

Корова улыбалась фотовспышкам с гладкого бока ракеты. Народ вопил что-то непечатно – ободрительное – большинство были сильно навеселе – ЦАПовцы перед стартом дали большой банкет с нашим участием, на которые съехалась всяческая богема. Помню, вносили торт в виде нашего Психея и все начали ржать как... Впрочем – это уже сладкие воспоминания, которые в моем нынешнем положении только терзают душу.

– Ключ на старт!!! – сказал ЦАП и был старт.

В недрах Психея зародилось низкое урчание, словно огромная ракета страдала жидкостнореактивным метеориз-

мом, который несколько секунд спустя перерос в оглушительный неконтролируемо извергающийся плазмой Везувий.

В победном грохоте стартующих двигателей наш Агамемнон вознесся в черное летнее небо, сверкающее вселенскими бликами звездных фотовспышек.

– Десять секунд пролета идет нормально... – сообщил ЦАП.

– Проехали!!! – кричали снизу, но мы уже были высоко. Яркой звездой Психей мчал нас в небесные выси.

– Двадцать секунд пролета идет нормально, – сообщил ЦАП, – контролируем вас.

Вот так мы и полетели. Я был счастлив. Счастлив абсолютно. Может быть как птица, только что вылетевшая в форточку из тесной квартиры и еще не ощущающей ледяного дыхания крещенских морозов.

Через два часа была произведена первая коррекция обриту. Дюзы дали два коротких толчка, больше похожих на последнее дыхание умирающего и ЦАП дал нам первую ориентировку.

– Через пятнадцать секунд отстрел основной ступени!

Агамемнон вытянутой серебристой птицей парил над земной гладью. Это, наверное, было красивое и величественное зрелище, как и сама земля, что только начала игриво изгибать свою спину под нашим челноком. Голубые бескрайние просторы нашей уютной родины, белые перистые облака и алмазы городов миллионщиков на темной стороне планеты.

Это было зрелище от которого на глаза наворачиваются слезы восхищения и ты исполняешься гордостью просто за то, что дожил до этого удивительного момента. Звездный купол над головой, сверкающий тысячью и одной жемчужиной млечный путь – зрелище достойное благоговения.

К сожалению, все это великолепие почто полностью заслонялось от меня массивной тушей напарника и мне оставалось лишь тянуть шею в попытках разглядеть хоть кусочек этой космической сказки.

– Сто семьдесят миль, – сообщил ЦАП, – как чувствуете себя?

– Отлично! – крикнул я, – Земля такая красивая!

А мой второй пилот промолчал, он созерцал приборы, словно они были прекрасней Млечного пути в бесчисленное количество раз.

– Агамемно... – помолчав, продолжила земля, – у вас не большая проблема. Телемилия донесла до нас небольшие неполадки в блоке управления основной ступени. Она не хочет отделяться. Агамемно... как слышно.

– Слышу вас хорошо, – сказал я и подавил желание оглянуться назад, в попытке разглядеть остатки Психея:

– ЦАП, дайте ориентировку...

– Даю... – после паузы сказал Цап... – так... Психей отделите вручную. Это просто.

Большая рукоятка справа внизу, под экраном мониторинга жизнеобеспечения. Выкрашена в красный цвет, не оши-

бетесь.

– Что я должен делать?

Земля на миг задумалась. Я вдруг ощутил, что космос вокруг больше не кажется таким уж уютным – его величественность осталась, но теперь это было величие айсберга в Арктике – воплощение антагонизма к кишашему жизнью тропическому острову.

– Агагемно... – наконец сказал ЦАП, – вы должны потянуть за рычаг! Повторяю – потянуть за него!

Я вновь представил себе наш челнок парящий над голубым телом земли. От могучей ракеты остался лишь сам корабль, да сверкающий окурок разгонной ступени – опаленные титановые дюзы медленно впитывают космический холод. На стыке, под которым дремлют до поры до времени пиропатроны, нарисована улыбающаяся корова – точно такая же есть и выше, на самом челноке – она будет красиво смотреться на желтоватом фоне луны. Но жвачное здесь на стыке уже выполнило свою функцию – красиво смотрелась на старте и теперь ставший жестким от скорости воздух безжалостно изуродовал млекопитающее. Ее рога источились и частично исчезли – морда превратилась в жутковатый череп, но ее пятнистое тело и четыре обугленных конечности по-прежнему держатся за остатки ступени и борт корабля.

Удерживают их вместе!

Почему мне пришла в голову эта мысль? Я не знаю... Может быть, она пришла не тогда, а сейчас? Уверенность, что

корова не дает отделиться разгонному блоку? Так четко и ясно представилось, как звезды позади размалеванного стекла. Она держит, цепляется изо всех сил, потому что никому не хочется разрываться пополам. Нет, все-таки это недавняя мысль.

Впрочем, неважно.

– Понял... – сказал я и, внутренне собравшись, потянулся к рукояти.

Напарник тоже сделал это – секунду его рука висела у рычага совсем рядом с моей, а потом, когда я уже обхватил рукоять и собирался его включить, вдруг с силой поднялась и хлопнула меня по запястью. От удивления я отдернул руку и в следующий момент второй пилот уже тянул за рычаг.

Позади нас глухо хлопнуло, а значит, выполнивший самую тяжелую работу Психей отправился на свидание с землей. Мы так и не увидели его – обломанный кусок серебряной сигары, что как отцепленный вагон, медленно теряя скорость, отдаляется от нас.

А напарник впервые повернулся и внимательно посмотрел на меня.

– Не мешай... – сказал он веско.

– Но я...

– Просто не лезь вперед, – произнес он и мне почему-то расхотелось спорить.

Теперь я понимаю, что это был наш первый конфликт. Боже, как давно, кажется, это было. Давно и, вроде бы, не со

мной! Все как в тумане. Тогда... тогда все еще было по-другому.

– Поздравляю Агамемно!! – излучая оптимизм каждым словом, произнес ЦАП, – Проблема устранена, коррекция орбиты завершена, включаем маршевый двигатель!

Из динамика донеслись редкие, но оптимистичные хлопки, и мне явственно представилась надпись applause появившаяся на центральном экране ЦАПа.

Как бы то ни было, наш корабль взял курс на луну и следующие несколько часов не было ничего, кроме ровной, не мешающей тяги.

Возвращаясь в своей памяти к этому первому, еще спокойному, дню, мне неминуемо вспоминается нарисованная корова и один вопрос мучит меня посреди этого холодного околотунного полдня.

Было ли больно корове, когда отделившийся Психей разорвал ее рисованное тело на две равные половины?

Трансфер 002. Андрей Якутин.

Первый пилот. Перигей.

Я знал, что это надолго, но теперь мне кажется что навсегда. Так и проведу вечность в клетке. Слышишь меня Земля? Я тут бороню межпланетные дали запертый в пыльный темный ящик, насквозь провонявший испортившейся пищей и холодный как морозильная камера. Я не то чтобы жалуясь – жалобами делу не поможешь, тем более что у меня вроде бы положительные сдвиги. Даже в самых безнадежных ситуациях есть выход – если уж ты не можешь ее избежать, ты всегда можешь привыкнуть к ней. Просто уменьшаешь запросы, вот и все. В конце – концов, перейти на микроуровень с макроуровня, ведь маленькая победа, это все равно победа...

Впрочем, по порядку. Захватив передатчик, я обещал себе, что расскажу вам обо всем – с чего это начиналось, как развивалось и чем кончилось. Может быть, это будет вам в назидание, может быть, вы просто получите от этого удовольствие. Важно другое – так или иначе, но вы это услышите. И эти слизняки из ЦАПа уже никак не смогут помешать вам в этом. Пускай подавятся своей лунной программой и бешеной пятнистой коровой на корпусе, ведь в конечном итоге, это они виноваты в том, что случилось.

Если выберусь отсюда, стану вегетарианцем, честное слово. Этот запах гниющего мяса невыносим.

К делу. Двигатели работали два часа разгоняя Агамемнон до второй космической скорости, а его заостренный, обросший антеннами дальней связи нос целил прямо в луну.

Думаю, никакой корове и не снились такие ускорения. После того как динамический период окончился, началась вторая фаза нашего полета. Основная – в состоянии свободного падения мы должны были лететь еще два дня, пока не наступит время маневров на лунной орбите.

ЦАП душевно поздравил нас с успешным окончанием разгона, сыграл туш и долго и пафосно вещал насчет нашей великой миссии. Двести миллионов человек, затаив дыхание, слушали эти монументальные слова, а многочисленные компании-спонсоры, рекламные агентства и бюро путешествий «Избушки на луне» подсчитывали барыши. По окончании речи Цап сообщил, что благодаря нашему звездному путешествию продажи сливочного мяса и говядины подскочили в полтора раза и хотел сказать что-то еще, но его заглушила не вовремя прорвавшаяся реклама «Веселой бууренки» – натурального коровьего мяса из субпродуктов.

– Вперед ребята! – напутствовал ЦАП, – мы верим в вас! Ваш полет – это крошечный шагок в пустоту, и огромный шаг для всего мясо – молочного бизнеса!

Я был столь окрылен речью, что, казалось, мог сейчас оторвать от земли и воспарить.

Потом я вспомнил, что и вправду могу, отстегнул и на невидимых крыльях невесомости поднялся в центр кабины. Отсюда я уже легко мог видеть иллюминаторы и прекрасное зрелище удаляющейся родимой планеты – серо-голубой, с блестками городов. Она уже казалась меньше – земля, и утратила свою необъятную ширь, сворачиваясь в шар, подобно испуганному циклопическому броненосцу.

Тогда мне казалось, что я уже достиг той некое метафизической точки в жизни человеческой, когда лучше уже быть не может. Я парил на своей стальной космической птице среди бесконечности пустоты, со скоростью восьми тысяч километров в минуту удалялся от земли и знал, что такое переживание было доступно лишь единицам. Это осознание заставляло ощущать гордость за себя и все человечество.

Налюбовавшись ледяными далями спайс-пространства, я оттолкнулся от потолка нашей кабины и нырнул обратно в кресло. Все это время напарник маячил корявой тенью на фоне иллюминаторов, плавно покачиваясь в своем серебристом комбинезоне с коровой на груди.

Он не произносил ни слова, но как только я занял место в кресле неожиданно очутился совсем рядом и сказал:

– Вылезай!

– Что? – удивленно спросил я, признаться, грандиозное зрелище космической пустоты так захватило меня, что я с трудом ориентировался в том, что происходило внутри кабины.

– Вылезай, – с нажимом повторил он, – ты сел мое кресло.

А твое кресло – вон там.

– Не все ли равно? – спросил я, – ведь сейчас нет никаких маневров?

– Это кресло второго пилота, – произнес он мрачно, – в нем должен сидеть второй пилот, а это я. Вдруг мне понадобится быстро действовать, а я не смогу быть на своем месте?

Я пожал плечами и выбрался из кресла. Мы то было совершенно наплевать, в каком кресле сидеть, но если хочет человек.

– И помни про кресло, – сказал он напоследок и замолчал, вперив неподвижный взгляд в милеометр, который неумолимо отмеривал нечувствительные пустые мили, которые остались до земного спутника. Судя по всему, наш корабль обещал прибыть к луне с солидным пробегом и без надежды на капремонт.

Теперь я помню про кресло. Помню про все остальное и свято берегу свои нерушимые границы...

На земле успела наступить ночь и тьма скрыла планету так словно исполинское веко в макияже вечерних тонов закрыло яркий серо-голубой глаз. Я помню, что совсем не устал – наоборот, был полон адреналина, и никак не удавалось расслабиться. Я твердил себе, что лететь еще двое суток и не стоит так напрягаться, но ничего не мог поделать. Цап дал очередную ориентировку – время ужина, и мы принялись распаковывать концентраты.

На Агамемноне было подобие сейфа, где прикрытые сверху противоперегрузочной сеткой хранились концентраты с тупо лыбящейся коровой на каждой этикетке. Мой напарник снял сеть и скоро мне в руки поплыла упаковка сухого супа. Мне показалось, что этого мало и я потянулся за еще одной, но второй пилот уже захлопнул сейф.

– Эй, – сказал я, – а еще?

– Ты уже получил, – отвечивал напарник и перебрался в кресло.

– Но я хочу еще!

– Ты же спайсманавт, – был ответ, – наш рацион строго рассчитан и мы должны экономить.

Я мрачно сжал зубы и поплыл на свое место – кресло первого пилота. Мрачно дернул за пластиковый шнур своей снеди и стал смотреть как размещивается внутри порошок. При этом я, неожиданно, заметил что второй пилот взял не одну, а сразу две упаковки!

– Послушай! – гневно сказал я, – у тебя же два пакета!

– Один, – невозмутимо ответил он и единым махом всосал в себя один из пакетов. Другой, он, дружелюбно улыбувшись, показал мне.

Признаться, это слегка не укладывалось в голове. Теперь то я понимаю, что все это было злобным, хорошо продуманным планом. Знаю теперь, но откуда мне это было знать тогда?

– Как ты себя ведешь?! – вымолвил я, наконец, – ты спай-

сманавт или нет? У тебя же ответственная операция! Ты ведешь спайс-шатлл на луну. Тысячи людей зависят от тебя.

– Спокойно-спокойно! – прикрикнул он, – не кипятись так! Просто я гораздо больше тебя вешу. Для нормального функционирования мне нужно больше, чем тебе!

– Но это не повод, чтобы ограничивать меня!

А он только ухмыльнулся и, выдув второй суп, скатал упаковки в аккуратные желтые шарики и кинул их в направлении утилизатора, но промахнулся и один из шариков ударился в стену и завис в опасной близости от моего уха.

– Убери, – сказал я.

– К тебе ближе, – невозмутимо ответил он.

Скрипя сердцем, я отправил упаковки в утилизатор. Снова вклинился Цап и, давась пафосом, сообщил, что до некоей точки равновесия между Землей и луной осталось около четырех часов лета, после чего пожелал нам, славным межпланетным скитальцам спокойной ночи.

Спал я плохо. В темной кабине шатла было душно, диковато перемигивались зеленые глаза приборов, да натужное сопение напарника говорило о том, что он тоже не спит. Вот тогда то меня впервые начал нервировать этот тип.

– "Что он там делает?" – думалось мне, когда я слышал шевеление его грузного тела в темноте, – «Что ему еще надо?»

Так или иначе, но я все-таки заснул – у меня хорошие нервы и хороший сон, и я всегда легко засыпаю на новом месте.

Вернее, засыпал... Мне снились лучащиеся радостным идиотизмом лица ЦАПовцев перед полетом и еще снилась наша корова – черный, нелепый силуэт на фоне лунного диска, которая пытается успеть достичь земного спутника раньше, чем это сделают ее рисованные двойники на вышвырнутых в утилизатор упаковках.

В назначенный час вспыхнул свет и радио донесло до меня сигналы побудки – жизнерадостный рожок пастуха, на фоне отдаленного глухого мычания. Я открыл глаза и в ярком свете галогеновых увидел какой-то, желтый поблескивающий комок на уровне глаз.

Секунду я пытался понять, какое из небесных тел так выглядит, а потом мои вечерние подозрение разом вернулись ко мне и я, рывком приняв вертикальное положение, ошале-ло огляделся вокруг.

Повинуясь законам небесной механики, желтые аккуратные шарики смятого пластика подобно редкой стайке крохотных метеоритов парили у пола нашей кабины. Сейф был открыт. Я смотрел и не мог поверить своим глазам!

Весь внутренний объем межпланетного спайс-шатла Агамемнон-13 был занят весело кружащимися упаковками из-под нашего растворимого супа.

Трансфер 003. А. Якутин.

Первый пилот. Экватор.

Сколько себя помню, я всегда был дружелюбным. В нашей Земной Тверди иначе нельзя – нелюдимые бирюки считаются неспособными к продуктивной жизни. А в моем милом городке таких не было вовсе – они просто не допускались в городскую черту из-за обстоятельств в первую очередь экономических и социальных. Земная Твердь была благопристойным городом – это был ее лозунг и девиз одновременно. Понимаете, это как фильтр.

Но я не о том. Я всегда находил со всеми общий язык. Это очень просто – большинство моих соседей свято верили в тезисы Дейла Карнеги, в том числе и мои родители. Поэтому наше общение с друзьями и сослуживцами напоминало игравшийся уже в десятитысячный раз спектакль, в котором все идет по заранее утвержденной схеме. Мы все время улыбались как заводные куклы – мы пожимали руки и говорили банальности. Было несколько простых приемов, заучив которые ты мог пойти достаточно далеко и договориться практически с любым обитателем Земной Тверди. Думаю, что почти все население городка это устраивало.

Это умаляло проблемы с общением, но одновременно об-

легчало проникновение неблагонадежных отщепенцев, которые могли таким образом маскироваться под добропорядочных обывателей.

Занятно, почему-то мысли об идиотизме той, оставшейся на земле жизни стали приходить ко мне только сейчас, когда я почти уверен, что на родину уже не вернусь. Теперь я смотрю иначе. Может быть потому, что теперь сам управляю государством?

Факт есть факт – до этого я отлично ладил с людьми и не знал проблем. И потребовалось удалиться от земли на многие тысячи миль, чтобы наконец-то встретиться лицом к лицу с тем фактом, что по настоящему невыносимые люди мне просто не попадались.

Почти минуту под заунывную побудку ЦАПа я пялился на царящий в кабине бедлам. Мой напарник, это животное, восседал на своем кресле и приканчивал очередную упаковку супа. Он был доволен и улыбался почти как корова на желтой этикетке.

– Что здесь происходит... – наконец слабо выдавил я, – что ты творишь!

Второй пилот обернулся ко мне и его улыбка стала шире, обнажая золотую фикса в правом верхнем коренном зубе. Щеки напарника алели бодрым румянцем, щелки глаз светились какой то диковатым весельем. Он смял упаковку супа и мощным щелчком отправил в полет очередное крошечное небесно тело.

– Что, насорил? – бодрым голосом спросил он, – Ну, извини.

Я заглянул в его лучащиеся звездным светом глаза и мороз пошел у меня по коже. Я хотел что-то сказать и вдруг понял, что не могу вымолвить ни слова.

– Ты что, есть не будешь, что ли?

Шел лишь второй день моего героического полета к луне, а межпланетные странствия подобно сну неврастеника грозили перейти из стадии легких грез в кромешный кошмар. Мне внезапно стало трудно дышать. Легкие с усилием втягивали кислород, словно их вот-вот грозил схватить паралич. Что-то поднялось внутри меня, словно кровь закипела и я открыл, было, рот, чтобы заорать на этого отморозка, моего напарника, заорать так, как я никогда ни на кого не кричал, но тут на табло разом вспыхнули алые лампы и бодрый бубнеж ЦАПовцев перекрыла заунывная сирена, которая диким диссонансом вплеталось в мирное мычание с далеких зеленых пастбищ.

Секундой позже мигали уже все табло, а из-под потолка хлестали тугие струи вонючего пара. Дышать стало тяжело как в бане. Липкий туман заполнял кабину.

Я рванулся к пульту и автоматически отбив код связи заорал в микрофон:

– Ало! ЦАП! ЦАП у нас проблемы! Вы слышите, земля! У нас ЧП!

– Поздравляем Агамемно, – сказал ЦАП, – только что вы

достигли точки равновесия между землей и луной. Слава героям!

Потом в рации глухо щелкнуло и бодрый голос умолк. Пока связь настраивалась, пар бить перестал и воцарилась помигивающая багровым тишина.

Я во все глаза смотрел на напарника. Страх сжимал меня, руки тряслись, и хотелось любой ценой вырваться из этой вдруг забарахлившей стальной коробки с гордым именем Агамемнон. Напарник был совершенно спокоен. Шарики упаковок совершали бег вокруг него, вызывая ассоциации с картинами художников-сюрреалистов.

– Ало, Агамемно! – проснулся ЦАП, – доложите обстановку.

– Система климат-контроля вышла из строя. Был какой-то пар, но не похоже на задымление... видимо не пожар. И кажется... холодает.

– Спокойно, – сказала земля, – мы проверяем показания телемилии... так и есть, система вентиляции не работает... климат-контроль – не работает... теплорегуляция не поддается регулировке... Внимание Агамемно, проверьте, нет ли посторонних предметов в системе циркуляции воздуха?

– Я проверю, – я оттолкнулся от кресла и взмыл в сырую, кружащуюся обертками багровую полутьму под потолком. Одна из оберток ударила меня в лоб и, еще не успев достигнуть решетки вентиляции, я уже все понял. Проклятые упаковки из-под супа, конечно! Всю ночь система втягивала их в

себя и в конце – концов фильтр полностью забило! И я знал, кто в этом был виноват.

Сжав кулаки, я медленно обернулся к напарнику. Злоба переполняла меня – хотелось наброситься с кулаками и бить, бить эту сволочь, пока красные кровяные шарики не украсят стены кабины. Но, взглянув на него, я тут же понял что он не боится. Он был готов к схватке! Больше того, он ее жаждал! Он принимал вызов!

– Агамемно! – зывал ЦАП, – Агамемно доложите обстановку! Что у вас там происходит?!

Усилием воли я обуздал себя – драки допустить было нельзя. Я все еще отвечал за этот корабль.

– Слушай ты... – хриплым не своим голосом произнес я, – сейчас мы справимся с аварией, а после... После будет так: Вот это половина кабины – моя, – я нервно ткнул пальцем в кресло первого пилота. А вот это – твоя. И ты никогда, слышишь, никогда не будешь ее пересекать и твой мусор никогда сюда не долетит. Ты понял меня?!

– Как скажешь... – отвечал он.

И хищно улыбнулся.

Гордый плод человеческой мысли – спай-шатлл Агамемнон-13 продолжал рассекать податливый вакуум, хищно нацелившись в луну своей широкой кормой. Нос его смотрел в сторону покинутого зеленого мира и полустертая корова на облицовке, казалось, печально провожала отдаляющийся дом большими печальными глазами.

Циркуляцию воздуха мы более или менее наладили. Вернее я провел битых три часа под потолком кабины, выковыривая липкие бумажки из фильтра. В награду мне дохнуло в лицо свежим воздушным потоком и слегка отлегло от сердца. Сигнальные лампы продолжали мигать, раскрашивая нашу спайс – каморку в психоделические цвета провинциальной дискотеки. Отключить их не удалось, видимо перемкнуло какие то цепи, или требовалось заменить фильтр целиком. Увы, у нас не было такой возможности.

Вернее у меня – напарник, к которому я впервые в тот звездный день испытал чувство ненависти, продолжал валяться в своем кресле и на все уговоры помочь отвечал снисходительным мычанием, что в сочетании с многочисленными коровами на извлеченных из вентиляции упаковках вызывало безмерное раздражение.

Какое-то время спустя ЦАП душевно осведомился как у нас дышится и получив положительный ответ не преминул подкинуть новую задачку:

– Агамемно, внимание! Телемилия донесла до нас, что климат контроль исправить не удалось. Вам будет немножко холодно.

– Насколько холодно? – спросил я.

ЦАП запнулся – там, на земле, в роскошно отделанном деревом ценных пород зале управления полетом подбирали формулировку помягче. Я слушал, предчувствуя недоброе.

– Агамемно... – наконец сказал ЦАП, – у вас будет гораз-

до теплее нуля.

Я перевел дух. ЦАП помолчал и решительно добавил:

– По Кельвину.

Вновь мороз прошел у меня по коже. Может быть, это был банальный страх, а может быть, это наш челнок уже остывал до температуры окружающего нас пространства. Я медленно обернулся к напарнику, который был виноват во всем и все так же беззаботно сидел в своем кресле, и шагнул к нему.

– Стой! – быстро сказал тот, – ты уже на моей половине!

Так ничего и не сказав, я вернулся в свое кресло.

Через четыре часа Агамемнон настолько приблизился к луне, что ее диск стал казаться больше земного – это в том случае, если бы у нашей кабины было зеркало заднего вида. А так мы видели только удаляющуюся землю – трогательно прекрасную и казавшуюся мне теперь родным домом, со всеми ее странами и континентами.

Ощутимо похолодало. Багровый туман всплыл к потолку, а потом выпал на стекла причудливой изморозью. Наше дыхание тоже парило и казалось, в кабине вот-вот пойдет снег. Мы летели молча – только изредка злобно косились друг на друга. Я шептал проклятья, но так тихо, что он ничего не слышал.

Я никогда не любил холода. У нас в Земной Тверди мягкий и очень приятный климат, без всяких экстремальных выкидков, вроде смерча, или там селевых потоков.

Благопристойный климат!!!

С наших равнин можно писать пасторальные акварели из жизни глубинки. Особенно впечатляют стада бизонов, которые были куплены городским фондом охраны дикой природы за бешенные деньги в разных зоопарках мира.

Я был тогда совсем маленький, еще до того как случилась та снежная зима, когда ушел Гек. Я видел снег лишь в холодильнике и впечатленный какой-то книжкой про отважную полярную экспедицию решил испытать на себе действие холода. Я забрался в холодильник – старую еще модель, ту, с захлопывающимся замком – который мои благопристойные родители то ли из-за экономии, то ли из глупого чувства сентиментальности не меняли уже много лет.

Дверь древнего рефрижератора захлопнулась за мной и открылась лишь пол часа спустя, когда меня, оледеневшего до синевы и почти задохнувшегося извлекли перепуганные родственники. Не помню что было дальше – вряд ли какие то семейный скандалы и сцены, скорее меня утешали и мягкими разговорами наставляли на путь истинный. Но я прекрасно запомнил те бесконечные тридцать минут, проведенных в стальном морозильном гробу – Холод, тьма и ощущение замкнутого пространства.

Может быть, потому я и начал так рьяно стремиться к свободе? Клаустрофобия на всю жизнь?

Те же самые ощущения я испытывал и сейчас. И то, что в стальном ящике со мной находится еще один живой человек только омрачало ситуацию.

Меж тем мой напарник приступил к ужину, уничтожив пять упаковок дегидрированного супа и милостиво разрешив взять мне одну. Меня трясло от злобы, но затевать конфликт сейчас явно не стоило.

Выдыхая в морозный воздух оптимистичные облачка пара, он уничтожил одну за другой упаковки и теперь я заметил, что он держит слово. Вместо того чтобы пускать их в свободный полет, он аккуратно запихивал их в складки своего кресла, откуда они торчали самым безумным образом. Законопачиванию также подверглись некоторые впадины на панели приборов. Куски черно-белого жвачного ехидно пялились на меня с упаковок.

Что ж, уговор он выполнял, следует признать.

Собственно мысль о невменяемости моего второго пилота пришла ко мне только тогда.

Хотя сейчас мне кажется это странным – он вел себя неадекватно с самого старта и я вполне мог его заподозрить, стоило лишь пообщаться с ним поближе там, на земле. Может быть, все было бы по другому. Но тогда мне казалось, что раз он допущен к полету, то наверняка прошел тестирование на психологическую полноценность. Увы, я забыл что ЦАП – это ЦАП – а там всегда больше всего на свете любил деньги – потому и взрываются так часто на стартах наши перегруженные лишним народом спайс-шатлы.

Но теперь я взглянул на него новыми глазами. Напарник улыбался и пускал в невесомость маленькие радужные пу-

зыри, которые замерзали, едва оторвавшись от его губ и на лету превращались в неэстетичного вида снежинки.

Мне было холодно – температура в Агамемноне приближалась к минусовой и хотелось чего ни будь теплого и я отправил свой пакет в положенную для этого микроволновку.

Дегидрированный суп принялся разогреваться, а я вернулся в кресло и предался тяжким думам. Мой идеализм куда то испарился. Вернее, если принять во внимание царящий холод, выпал колкой изморозью. Впервые в моей благопристойной жизни я наврался на настоящие неприятности, которые к тому же грозили стать первыми и последними.

От осознания этого факта мне стало так тоскливо, что я не сразу сообразил что мой суп давно миновал точку перегрева и сейчас активно кипит в своей упаковке. Шум доносящийся из печи заставил меня поднять голову и поспешно рвануться к дверце. Рывком я распахнул задыхающийся в собственном паре нагревательный прибор и замер, когда поток жара рванулся мне на встречу. Решение было простым и захватывающим. Я застыл у потолка кабины и почувствовал, что улыбаюсь.

– Агамемно, прием! – проснулся ЦАП из-под толщи льда оковывающей переднюю панель, – У вас там холодно? Мы, кажется, нашли выход. Это называется «Ершить себя изнутри» – древний сибирский способ. Очень прост в исполнении. Самое главное тщательная, последовательная работа грудных мышц...

– ЦАП, я знаю что делать! – заорал я, – у меня есть решение!!

Мой напарник оторвался от своих пузырей и удивленно посмотрел на меня – кажется, он считал меня сумасшедшим.

Упаковка супа кипела в печке еще полтора часа, распространяя влажное банное тепло, а когда суп полностью испарился, я заменил ее другой. По моим расчетам обогрева должно было хватить недели на три.

Трансфер 004. Якутин.

Первый пилот. Траектория разгона.

Ну вот. Возвращаясь к моим запискам. У меня тут произошли некоторые положительные сдвиги, и, мне кажется, мы скоро попадем домой. Боже, как я устал! Бесконечная война страшно меня утомляет. Сколько длится эта война – в основном холодная, но иногда перерастающая в эпические кровавые битвы?

Мир, услышь меня – кажется, трансферы это единственное, что меня держит, что позволяет остаться в рассудке.

Весь вечер напарник бодро гадил на своей половине. Плевался и мазал слюнями стены.

Мне было тошно. Ночью плохо спал – было душно, стильный серебристый комбинезон лип к телу и пропитывался потом. Второй пилот храпел и переговаривался во сне. Мне показалось, что он говорит даже не с одним, а с несколькими собеседниками.

Иногда он замолкал, а потом начинал тихо и тоскливо выть на приближающуюся луну.

Именно той ночью я впервые ощутил себя запертым в клетке с несколько лет постившимся диким павианом – кошмарное, тягостное ощущение, а самое главное – не поддаю-

щееся никакому прогнозу.

Была лишь надежда – запертая в клетку вместе со мной, а ей прогнозы были не к чему – она была слепа и неменяема, как большинство таких надежд.

Утро красило нежным светом утратившие всякий лоск внутренности кабины – только вместо застенчивого румянца только что показавшегося из-за горизонта солнца нам светила луна, раз и навсегда заменив собой извечный светоч. Желтый ее неприятный свет понуро скользил по разрисованным изморозью приборам, по запотевшим стеклам циферблатов, по многочисленным бессмысленным флажкам этикеток, по слюням, грязным носкам и пропитавшимся потом серебристым комбинезонам от известного кутюрье. Голые волосатые ноги второго пилота парили в воздухе, частично перекрывая мне вид на далекую землю.

Сквозь кашляющий эфир ЦАП донес нам звуки побудки и едва дав ей закончиться, почти без паузы, таратора и захлебываясь звуками как диктор итальянского радио начал поздравительную речь о достижении нами лунной орбиты.

К речи я остался совершенно равнодушный, потому что смотрел на корявые ступни напарника, распространяющие в воздухе совершенно неопишуемый аромат.

Если вы теперь спросите меня, как пахнут луна, я без тени промедления отвечу вам – грязными носками. Впрочем, сейчас то я привык к этому запаху.

– Хочу быть ближе к природе, – заметив мой взгляд ла-

конично сообщил напарник, – пройтись так сказать, своими ногами по лунной пыли...

Я вежливо кивнул, хотя внутри исходил криком. ЦАП закончил речь, которую я совершенно не уловил и предложил преступить к собственно маневрам.

Короткий завтрак с ритуальным запуском смятых оберток в воздух. Заменить одну выкипевшую в микроволновке корову на другую.

– Агамемно, прием! – торжественно сообщил ЦАП, – приступайте к перемещению на орбиту луны. Весь мир сейчас смотрит на наш спутник с надеждой, затаив дыхание. Продажи мяса молочных продуктов подскочили на сто пятьдесят процентов. Агамемно! Так держать!

Я подумал о тех бесчисленных миллионах у которых сейчас день, но промолчал, а вместо этого занял место в кресле, предварительно по инструкции пристегнувшись. Мой второй пилот, шевеля голыми ступнями, встал на боевой пост.

Влекомый пробудившимися маневровыми двигателями Агамемно начал совершать замедленный, неторопливый кувырок, ставя вселенную в запотевших иллюминаторах с ног на голову. ЦАП контролировал телемилию, сообщая что-то о градусах и параллелях. Мои руки оперировали приборами экономными четкими движениями и, словно отдельно от меня. Уроки данные на земле не прошли зря. Я справлялся. Но лишь до поры до времени.

– Не трожь! – трубно заорал напарник, стоило моей руки

протянуться к тумблеру в опасной близости от его кресла.

Я упрямо нажал и тут же сильно получил по ладони. Прижав руку к груди, я очередным усилием воли удержался от того, чтобы ринуться в драку. Земля в иллюминаторах стала смещаться куда то влево и вниз. Кинув на напарника умоляющий взгляд, я снова рванулся к тумблеру и он ударил снова.

– Нажми, кретин!! – заорал я вне себя от боли и страха.

Он нажал. Я вернулся к своим приборам.

– Это мои приборы, – сказал второй пилот, нахмурясь, – никогда их не трогай.

Я не ответил – ловил взбесившийся челнок.

– Агамемно, что у вас там происходит? – взволнованно спросил ЦАП и ответил без ответа.

– Третья панель слева! – крикнул я, – можно нажать?!

– Моя половина!

– Можно нажать!!!

– Нет!

Под заунывные тревоги ЦАПовцев наш челнок совершал свой маневр, похожий на попытку паралитика у которого бездействует половина тела исполнить трюк из арсенала профессиональных гимнастов. Земля впереди стала потихоньку сменяться луной. Я старался как мог.

– Шатл! – крикнул ЦАП, – рукоятка прямо по центру, три градуса на себя... немедленно!

– Это моя рукоятка! – сказал я.

– Нет моя, – сказал напарник.

– Она на моей половине!

– Сволочь! Она по центру!

– Она моя!

– Отдай, гад, отдай!

– Агамемно! Вы промахиваетесь! Повторяю! Вы промахиваетесь мимо луны!!!

Я рванул рукоятку на себя. Он ударил меня в лицо, я боднул его головой и получил еще раз. В воздух вспарила стайка красных, поблескивающих пузырьков.

– ОТДАЙ!!! – вопил я, – МОЕ!! МОЕ!! МОЕ!!

– Нет мое!!! – вопил он, – мое!!!

– Агамемно! – торжественно заявил ЦАП, – мои поздравления! Вы на орбите луны.

Мы замерли, разом повернувшись к окнами. Луна была там за ними, похожий на исполинский неровно выпеченный блин, который миллионы лет пролежал в самой темной углу кладовки. Желтоватый ее отсвет падал на наши лица, выглядевшие в нем уставшими и нездоровыми. Кровь собиралась в шарики, словно вспомнив из чего она состоит и оседала на стенках кабины замысловатым рисунком.

Я повернулся и уставился на напарника:

– Нам нужно отстрелить разгонный блок.

Он внимательно смотрел на меня.

Я перевел взгляд на пульт и замер. Управление маневровым блоком, уродливой ступой торчащего за серебристым телом нашего челнока, находилось ровно на середине при-

борной панели. Кнопки таинственно поблескивали, а на одной из них осела капля моей крови.

– Это моя половина, – сказал я, сдерживая дрожь.

Второй пилот все смотрел на меня и ответ читался в его глазах – в зрачках которых отражалось две одинаковые половинки луны.

– Моя половина... – плачущим голосом повторил я.

И тут он улыбнулся. Что это была за улыбка! Все в ней смешалось – злость, буйная радость, торжество сильного над слабым, азарт хищника. Стало понятно, что он не уступит, но я все же сделал последнюю попытку.

Из кармана со снаряжением на потолке кабины я извлек красный маркер с ухмыляющейся коровой на гладкой боковине. Под пристальным взглядом напарника я стал рисовать линию, тщательно отмеряя расстояние от ближайших симметричных предметов внутри нашей кабины.

Линия протянулась с потолка, пересекла панель приборов, перечеркнув циферблаты, пала на пол и пошла дальше – красная стрела, что стремится укунить себя за хвост. Что и случилось спустя какое-то время. Круг замкнулся. Кабина была опоясана. Отныне и навсегда внутренности межпланетного спайс-шаттла Агамемнон-13 были разделены на две половины.

– Смотри! – хрипло сказал я, указывая подрагивающей рукой на линию, – это граница. То, что справа – мое. Слева – твое. И пересекать границу нельзя! Согласен?!

А он, посмотрев мне в глаза, сказал:

– Согласен, – и хищно, победно улыбнулся, показав крупные белые зубы, между которыми застряли желтые лоскутки суповых упаковок.

И только тогда я заметил, что пульт маневрового блока находится на его стороне кабины.

Трансфер 005. Андрей Якутин.

Первый пилот. На пути домой.

Воистину в клетки мы запираем себя сами – я имел несчастье познакомиться с этим на собственном опыте. Сейчас в сетях запутанной внешней политики, основанной на угрозах и гениальном блефе, я чувствую, как мне не хватает свободы. Не хватает тех бескрайних степей, что тянулись от нашей Земной Тверди, тянулись бескрайние и бесконечные, пока, наконец, не упирались в первый заградительный периметр! Я устал, ужасно устал играть в эту игру!

А он не устал, и поэтому он сильнее меня.

Мой напарник, которого я ненавижу. Я и все мои свободные граждане!

Что там было дальше... это было так давно, что память иногда отказывается мне служить. Все как в тумане. Но тот день я помню. Как глубокие старики, которые забывают что они ели на завтрак, но помнят дни своей юности, так и я – воспоминания о том времени, когда наш полет все еще был полетом, встают перед моим внутренним взором как будто это случилось вчера.

Итак, наш челнок все же вышел на орбиту луны, хотя иначе как чудом это объяснить нельзя. Но полностью коррекция

орбиты естественно не удалась и дико дорогой плод земной конструкторской мысли под названием Агамемно-13 сейчас огибал луну по вытянутой в замысловатый эллипс траектории, при этом совершая вялые обороты вокруг своей вертикальной оси, гротескно взмахивая оставшимся неотделенным разгонным блоком.

Жвачная тварь на обшивке созерцала пустыми глазами луну, звезды совершали замедленный хоровод и холодно поблескивали в запотевших иллюминаторах.

Впрочем, к тому времени на звезды мы уже не смотрели, а полностью сосредоточились на проблемах внутри кабины.

За прошедшие часы мой напарник успел еще больше изгадить стенки своей половины, соблюдая, однако, суверенитет и не заходя за линию. Несколько раз просыпался ЦАП и пытался вызнать причину неотделения блока и второй пилот сказал им, что блок дорог нам как память. Я наорал на этого отморозка за то что он, наклонившись над пультом, слегка нарушил границу и он поспешно сдал назад. Отплыв к своему креслу, он неожиданно показал мне язык, так словно мы находились на разных берегах реки и никак не могли достигнуть друг – друга.

В кабине воняло потом, грязным немытым телом и пригорелым супом. Вот так я стал жильцом самой высокорасположенной коммуналки в мире. Стены чужой половины устилали теперь тщательно приклеенные суперклеем листки с ЦАПовскими ориентировками которые напарник, руководству-

ьясь собственным большим рассудком в шахматном порядке развесил от пола до потолка.

Я внутренне содрогался, глядя на все это, но не преминул поздравить себя о том, что идея с границей была в высшей степени удачной.

О, если бы я знал к чему это в конечном итоге приведет!

Так или иначе, но на своей я чувствовал себя спокойно еще целых три часа, прежде чем начался второй раунд нашего противостояния.

Лишенная веса, но сохраняющая массу пластиковая банка с желе ударила меня в лоб, набрав перед этим приличное ускорение. Я подскочил на месте, уставившись безумными глазами на своего недруга. А он швырнул в меня еще одной банкой, которая болезненно врезала мне по губам.

– Ты что?! – закричал я.

Он продолжал свой обстрел, вынудив меня перебраться за кресло, туда, где быстролетающие продукты питания не могли причинить вред. Он швырнул еще пару раз и притих.

– Ты чего?! – плачуще возопил я из-за своего укрытия, – мы же так не договаривались!

Это же моя половина!

– Я знаю... – спокойно ответил он, – я не пересекаю границу.

– А это что?! – крикнул я, приподнимаясь из-за убежища и гневно тыча в него пальцем.

Возле руки тут же свистнула туба с говяжьим паштетом –

и звонко шелкнула о стену позади.

– Это не я, – рассудительно произнес напарник, – это мои баллистические ракеты. А у тебя нет зонтика.

Мне пришлось снова скрыться в своем самом дорогом на планете окопе. Меня била дрожь, а мозг лихорадочно работал, пытаясь придумать хоть какой-то выход.

Последующий час показался мне адом. В тесном закутке за креслом было душно, темно и неудобно. Если бы не невесомость я бы не продержался бы там и десяти минут – затекали бы ноги. В бока мне упирались корпуса умных приборов, которые сделали обычные, нормальные люди на земле, не подозревающие ни о каком безумии.

Выбраться я не мог – напарник тут же возобновлял свой обстрел и иногда в ход шли предметы, достаточно тяжелые, чтобы причинить увечье.

Долго так продолжаться не могло и к концу третьих суток нашего знаменательного полета я, мучимый голодом и ломотой согнутых в неудобной позе конечностей, предпринял отчаянный прорыв к сейфу с продуктами. Второй пилот обрушил на меня всю свою артиллерию, но остановить меня не смог. Под непрекращающимся обстрелом я выгреб из сейфа половину съестных припасов и вернулся за кресло – все тело отчаянно болело, а на лице должно быть остались следы от увесистой банки консервированной лососины.

Но времени я не терял. Перебрав отвоеванное богатство с безумной усмешкой на лице, я выглянул из-под кресла и

выпустил свой пробный снаряд, который угодил ему в грудь.

Эффект был ошеломляющим! Напарник испуганно побледнел и поспешно скатился с кресла. С победным воплем я вхолостую пальнул в стену над ним и захлебываясь от дикого восторга прокричал:

– Ну что, сволочь! Как тебе мои силы стратегического сдерживания?

Он ошеломленно промолчал и с тем мы встретили время сна.

Ночь прошла в напряженном ожидании, чем-то похожем на то, что бывает накануне крупного сражения. Наши убежища за креслами все больше напоминали окопы, а красная черта линию фронта. Мы не спали, а тщательно следили за поведением противнику. Стоило одному из нас высунуться из убежища, как его тут же загоняли обратно скорострельным подавляющим огнем.

В звонкой, пропитанной страхом и дурными предчувствиями тишине голосом свыше раздавались реплики ЦАПа:

– Агамемно! Прием! Агамемно-13 вызывает земля! Откликнитесь!

Мы молчали, чтобы ненароком не выдать свое местоположение. Через десять часов молчаливого противостояния напарник попробовал навесной огонь по баллистическим траекториям, но это не принесло пользы, а меня обогатило несколькими бесценными боеприпасами. Мне пришло в голову, что придется поститься – патроны были важнее.

Луна восходила и заходила в загаженных иллюминаторах, но я на нее уже не смотрел.

Вообще мысль о том, что я вишу на орбите луны ни в коей мере не волновала меня. Голова моя напряженно работала, а глаза зорко вглядывалась в пропитанный паром полумрак кабины.

Утро ознаменовалось перемирием. Напарник поднял из-за кресла сделанный из носового платка белый флаг, с которого ласково улыбалась мне пятнистая буренка. Второй пилот вел себя спокойно, но все же я следил за каждым его движением, готовый при первой же агрессии с его стороны открыть огонь на поражение. Но он нападать не стал, а толкнул речь о том что я могу не бояться.

– Мы же разумные люди, – говорил он, паря в воздухе, посередине своей измазано какой то дрянью кабины, в облаках пара от кипящей упаковки с супом, – а два разумных, цивилизованных человека всегда могут договориться, не так ли?

Мучимой смутной надеждой я сказал что да, так. Слышите люди, я тогда все еще надеялся на лучшее!

– Так заключим же пакт о ненападении! – продолжал напарник вдохновенно, – В конце – концов, у нас сейчас есть столько боеприпасов, что мы может двадцать раз уничтожить друг – друга! Зачем нам это! Ведь наше противостояние погубит и эту кабину, что дает нам кров и тепло! Она то не виновата!

– Не виновата... – чуть слышно произнес я, – что ж, я

согласен!

Последующие часы прошли в почти блаженном спокойствии. ЦАП с нервной дрожью в голосе поздравил нас с новым радостным днем, а потом вкрадчиво осведомился о том, что мы собираемся делать. Я сказал ему, что у нас теперь пакт о ненападении, который, возможно, выльется в дружбу и партнерство, а также о том, что я собираюсь постараться переломить ситуацию в свою пользу.

ЦАП ошарашено замолчал, а я, наконец, сумел вернуться в свой покинутый форпост – кресло первого пилота, откуда вчера был так безжалостно выселен.

Я чувствовал себя как солдат после утомительной многодневной осады. Хотелось счастливо смеяться и даже дышалось легче.

А за окнами луна – желтая, близкая и одновременно недоступная кружилась и кружилась вокруг Агамемно-13, дразня его пухлыми избитыми метеорной оспой боками.

Трансфер 006 Андрей Якутин.

Стрелок. На траверсе.

Но война есть война – эта безумная старуха, что питается человеческими судьбами не отступает просто так. К тому времени, когда на столь далекой от нас Земной Тверди наступил полдень и верхушки трав серебрились под ласковым, умеренным солнышком, а акции мясомолочных концернов неуклонно снижались, я ощутил, что должен добраться до туалета. Припасов у меня было сколько угодно, я уже потихоньку устраивал продовольственные склады в укромных закутках хай-тековой аппаратуры. Беда заключалась в том, что наш корабельный сортир – один на двоих, оказался за линией фронта. Не думал я о нем, когда проводил эту линию.

Напарник все это время развлекался, загаживая стенки кабины – воняло у нас, наверное, не хуже чем в свинарнике, но к тому времени я уже привык. В час по земному времени я поднялся и уверенно поплыл к красной черте. Напарник заметил это и тут же подобрался, переместив к себе несколько мобильных складов с боеприпасами. Некоторое время мы смотрели друг на друга. Я чуть кивнул в сторону туалета, но он покачал головой. Черное отчаяние охватило меня, но я справился с нервами и, вернувшись к себе, единым движе-

нием выдрал из стены блок ориентационной электроники. Кремниевая начинка не интересовала меня – блок закрывала замечательная стальная крышка – настоящий подарок судьбы!

Напарник обеспокоено наблюдал за моими действиями – его мучили неясные подозрения. И он не ошибся – зарядившись боеприпасами я, под надежным прикрытием щита, медленно двинулся к разделительной линии.

Это был триумф! Перепуганный второй пилот открыл ураганный огонь, но его устарелые средства наступательной обороны не могли эффективно разрушить мою броню. Снаряды просто отскакивали! Из-за стен свой осадной башни я обрушил на врага всю мощь своей артиллерии и он был вынужден отступить под прикрытием стен своего кресла, откуда мог только бессильно ругаться самым черными словами.

Вне себя от упоительного чувства победы я безнаказанно пересек границу и остановился у провала нашего био-туалета. Корова улыбалась мне с его гладкого пластикового бока загадочной улыбкой Джоконды. Но это был еще не все! Стремясь закрепить достижения, я жестом триумфатора воздел маркер и провел новую границу вокруг своего щита, здорово уменьшив площадь неприятельских владений.

Кстати именно эта осадная башня и стала впоследствии моим первым фортом.

Второй пилот в ужасе наблюдал за моим вторжением из-за стен своей твердыни. Кажется, он не мог поверить что это

происходит на самом деле! Он то уже привык считать себя полновластным хозяином своей половины. Я жестко улыбнулся ему в лицо и неприцельно пальнул тубой с морковным пюре среднего калибра. Он поспешно скрылся за стенами.

Я позлорадствовал еще немного, с чувством собственника использовал отхожее место и вернулся к себе. Напарник так и остался в своей твердыне, изредка высовываясь и кидая на меня испуганные взгляды.

Да, люди, мне удалось напугать этого ублюдка! Как известно, чтобы победить своего врага необходимо стать им.

И я стал. Мне тяжело говорить, но я стал...

Что там дальше? Агамемнон-13 кружил вокруг луны, заглядывая в воронки кратеров пустыми глазницами отработавших свое дюз разгонного блока. Что ж, мне оставалось утешаться тем, что задание мы все-таки выполнили. Корова перепрыгнула луну, да, но реактивному жвачному было гораздо легче – в конце концов, в ее маленьких мозгах помещалась только одна личность и левое полушарие не пыталось оспорить права у соседа.

Но мы же достигли луны, не так ли? Ведь достигли, слышите вы там, на земле – онемевшие шесть миллиардов, что слушают и не могут мне ответить! Мы достигли!

Понятно, что второй пилот больше не мог пользоваться туалетом. Его это не очень огорчило и теперь он размазывал дерьмо по стенам. Я, впрочем, тоже отреагировал на это философски – хуже, чем сейчас в нашей летающей скотобойне

пахнуть уже не могло.

Наоборот, сие зрелище доставило мне массу удовольствия, ведь противник подвергался дурнопахнущему унижению. Что может быть лучше!

С тем и пришла ночь. Честно говоря, если бы не ЦАП я бы уже давно потерял всякий счет времени. Или стал бы считать по лунным суткам, то есть полным оборотам луны вокруг нашего корабля. Так получалось, что в одном часе семьдесят пять суток – чересчур быстро на мой счет.

Спал я спокойно – мой форт прикрывал границу, тут и там были разложены аккуратные кучки баллистических снарядов, передвижные склады из подручных пластиковых упаковок были готовы выдвинуться немедленно. Сладкое ощущение покоя!

Однако противник поднес мне сюрприз. Едва проснувшись, я обнаружил, что граница утратила свои старые координаты – новая полоса нахально приблизилась к стенам моего кресла! А совсем рядом появился вражеский форт, сделанный из радионавигационного модуля.

ЦАП умолк навеки, убитый вражескими злодеяниями – провода торчали из пульта, изредка расцветившая его новогодними огоньками вольтовых дуг. Второй пилот уже обретался за стенами форта и вел предупредительный огонь, стремясь разрушить мои тщательно упакованные склады.

Дело принимало опасный оборот и мне пришлось укрыться в недрах своих укреплений. Шли часы, а напарник раз-

влекался вовсю, вяло постреливая в мою сторону боеприпасами средней тяжести и изредка подвергая меня издевательской бомбардировке своими фекалиями! Одна такая оскорбительная бомба попала в микроволновку и по обиталищу поплыл совершенно новый, незабываемый аромат.

– Эй ты! – крикнул я, спустя какое то время, – что ты хочешь? Тебе все равно не взять моих укреплений!

Он промолчал. Я выглянул из-за стен крепости и вздрогнул от ужаса. Напарник возлежал на полу, наполовину перейдя на мою сторону и тщательно рисовал вокруг себя крепостные стены.

Он строил форт! Прямо у меня на глазах и на моей же территории! Я схватился за оружие, но было уже поздно – он дорисовал и с вызовом уставился на меня. Стены новопостроенного бастиона почти достигали твердыни моего кресла!

Меня трясло от злобы, но что я мог поделать – этот мерзавец скрывался за мощными контрфорсами из красного кирпича! Оставалось лишь слать захватчику бессильные проклятья.

Как же я его ненавидел, этого гения стратегической мысли! Моя земля сократилась почти на половину, и ее едва хватало, что бы вытянуться во весь рост! Но этого делать было нельзя, потому, что тогда я легко попадал под обстрел. И мой форт, мой замечательный форт теперь был открыт с одной стороны и прятаться там было нельзя.

Весь день я провел в бункере, изредка подглядывая за действиями противника. Он стягивал свои силы – на полу появлялись красные, коряво нарисованные фигурки пехоты.

Тут и там возникали мобильные ракетные установки, красными муравьиными дорожками тянулись обозы с продовольствием. А он возлежал в центре с жестоким весельем на лице.

Я понял, что он готовится к наступлению. На холмах радиаторов отопления засели его пулеметчики, тут и там пересекали вдоль границы легкая мотопехота, исполненная в детской уродливой манере, на потолке в районе микроволновки я заметил два самолета разведчика. Долго это продолжаться не могло, и потому я, сжав зубы, начал готовиться к отпору. Стараясь оставаться за креслом, я копал окопы и строил укрепления из мешком с песком, старательно вырисовывая своим маркером каждый мешок из соображений надежности.

У меня тоже появилась пехота, но она вся была в укреплениях, потому что это повышало ее эффективность. Вместо наступательной техники я применил оборонительную, и мои ракетные установки все гнездились у дальней стены, где легко было накрывать зону у самой границы. Я знал, что если его войска попытаются пересечь линию фронта, то большая часть погибнет. Его легионы множились, но в бою главное не число, а тактика. Этого мой бедный безумный напарник не знал и потому собирался взять меня числом.

Так прошло какое то время. Вражеские рати множились у самых стен моей твердыни.

Грубый смех их полководца не раз достигал моих ушей в течение этого бесконечно долгого дня. Луна заглядывала в окна и ее мертвое лицо, не видимое на таком близком расстоянии, наверняка смеялось над нами.

Моя мысль бешено работала. Слышите, люди, только в экстремальной ситуации мы вдруг узнаем о том, что практически ничего не знаем о себе! Я не гениальный стратег, нет, но в той ситуации я применил поистине выдающийся тактический ход.

Хочешь победить, нападай первым. Он замешкался, накапливая силы для удара и пропустил момент, когда мои войска, под прикрытием артиллерии перешли в наступление.

Бой был жестоким. Было много крови и в задымленном воздухе носились тубы с паштетом и баллистические упаковки с тушенкой, которые били особенно больно. Я кричал что-то воинственное, а впереди мои крошечные легионы все шли и шли. Их было гораздо меньше, чем у напарника, но они продвигались сквозь вражеские ради подобно копыю, раздирающему слабую плоть! Артиллерийские установки вели шквальный огонь над головами нападавших и вся территория кабины находившаяся за границей быстро оказалась в руинах. Спустя какое-то время, поддерживаемый легкой мотопехотой я двинулся через кордон и сквозь порохо-

вую гарь видел как второй пилот отчаянно бежит, испуганно оглядываясь на наступающие войска.

Я отдал приказ копать окопы, на господствующих высотах заняли место мобильные ракетные установки типа «град», которые точечными попаданиями вынесли притаившихся в складках местности пулеметчиков. Мотопехота патрулировала местность, отыскивая мелкие скопления врага и уничтожая их поодиночке. В воздухе воняло паром, перегретым супом и дерьмом.

Напарник отчаянно пытался спасти положение и стянуть разрозненные крылья своего войска, но единожды разделенное ему уже не суждено было соединиться. Прореха множилась – маркер бешено работал в моих руках, заменяя фигурки солдат на искореженные взрывами крошечные трупки.

Два часа спустя я, усталый, но счастливый, обосновался в кольце полуразрушенных красных стен. Форт был взят.

Трансфер 007. Сэр А.С.Якутин.

Какая-то там орбита. Может, земля?

Перепрыгнула ли бы корова луну, если бы в кузнице не было гвоздя?

Великий воитель Лао-дзы советовал сесть и подождать когда труп моего врага проплывет мимо меня.

Интересно, откуда старый китаец мог знать о моем напарнике?

Я и мой народ ненавидим агрессора. Ненавидим его всей душой, потому как он осквернил наши земли черными сапогами своим солдат. В порыве ударного, пламенного труда создавали мы нашу отчизну! Эта земля впитала нашу кровь и пот, и на наших руках вздувались мозоли, когда мы день и ночь стояли у сталеплавильных печей, станков, конвейеров, у работающей жатки или с сетями в руках. Мы строили новый мир, и сейчас, в эти черный дни мы можем вновь повторить – не пяди родной земли не достанется врагу! За нами дети, женщины и вишни в цвету, но наша грудь, в которой бьется пламенное сердце – это щит, о который разобьется ржавая коса наступающих армий!

И пусть сейчас прошло уже много лет с тех пор как отшумели великие битвы. Пусть сейчас враг не действует в от-

крытую, а предпочитает подлые удары в спину, прикрываемые хитрой дипломатией. Пусть! Для нас не было этих лет, наши спины не согнулись, а в глазах не погас огонь и мы готовы как раньше идти в бой, без страха, без оглядки на свою жизнь. Потому что наши жизни ничто, по сравнению с жизнью страны!

Слышите там, на вашей земле! Это я говорю, Алекс Якутин, единогласно избранный вождь моего народа, переживший годы невзгод и потрясений. Я еще жив, слышите! И пусть агрессор тоже еще поганит лик нашего мира, я вам обещаю – это ненадолго.

Отгремела первая война за независимость. Вновь отстраивались города, строились заводы, фабрики, больницы школы. Росло новое поколение, с детства закаляемое в борьбе.

Вокруг кресельной твердыни вырос город – столица нашего нового Государства. Много чего было в эти тяжелые годы. Люди работали на износ – штамповали военную технику, тачали патроны, крестьяне день и ночь пахали, отдавая последние крохи солдатам. Строились новые поселения, был открыт первый аэродром и у нас появилась авиация – сначала винтовая, а потом реактивная.

Я помню, как в самом начале войны наш спецназ захватил модуль аварийной связи и тогда-то я и начал диктовать свои мемуары к вам, землянам, чтобы оставить в поколениях потомков память о своих деяниях.

Ибо ничего не должно быть забыто!

Я помню, как в маркере закончились стратегические запасы краски и мне пришлось, оперируя стремительно уменьшающейся в числе армией и рискуя жизнью, захватить вражеский склад. Много чего было. Хочу отметить кровопролитные сражения при пульте управления, в ходе которых удалось переломить хребтину вражеской армии, изменив общий ход войны в свою пользу, а также отстрелить разгонный блок.

С этого периода началось развитие дипломатии в нашем государстве. Наши послы отправлялись в различные точки мира с дипломатическими миссиями, не брезгая даже страной-агрессором и посещая самого Второго Пилота Напарника – тирана и узурпатора.

Вот и к вам, Земля, мы теперь приближаемся и на наших стальных небесах я вижу лик вашей прекрасной планеты, который с каждым днем становится все ближе и ближе.

Может быть, когда ни будь придет день, когда я опущусь к вам – как полномочный представитель своего народа, преисполненный благих вестей и надежд на лучшее.

Больше не грохочут пушки, не раздаются очереди пулеметов и небо наше чисто от вражеских эскадрилий, но противостояние не закончилось, нет! Об этом должен знать каждый, из тысяч и миллионов свободных людей, что живут и работают в глубоком тылу.

Враг не дремлет – просто теперь он предпочитает готовить гнусные тайные миссии по подрыву нашей строящейся

мирной жизни.

Днем и ночью на улицах Правокреселья работают его шпионы – маскирующиеся под простых граждан нашей страны. Они не спят, они ищут лазейки и наши слабые места, чтобы ударить в них тонким отравленным кинжалом! Достаточно вспомнить о взрыве машиностроительного завода в правом нижнем Уголье! О стихийной демонстрации в приграничье, которую пришлось подавить большой кровью – погибло множество невинных людей, попавшихся на удочку сладкоречивого убийцы.

А сколько еще горячих точек осталось на лице нашего мира? Точек, в которых и в наши просвещенные времена гибнут, продолжают гинуть люди! Наши мобильные дивизии на пограничных областях зорко вглядываются в горизонт, но что они могут сделать – лживым языком хитрый враг разглагольствует о мире и братолюбии, прикрывая свои грязные замыслы высокими словами!

Все мы помним о порции отравленной гуманитарной помощи для страдающих от разреженного воздуха жителей Подкуполья! А замаскированные под пищу баллистические порции шоколада, в одну страшную ночь сброшенные на нашу спящую столицу. Сколько детишек погибло – пяти, десятилетние тельца, их было так много! Враг хочет погубить наше будущее, наши светлые надежды и радости!

Но я хочу сказать – мы не боимся! Наш дух не сломлен! Пусть мы живем в бедноте, пусть нам не хватает боеприпа-

сов, людских ресурсов, производственных мощностей! Но мы твердо знаем – наше дело правое и мы победим!! Гордо вьется над нашими головами знамя с улыбающейся буренкой и мы знаем – пока мы живы, каждое утро рассвет будет приходить в родную столицу и на ее мирных улицах будет цвести пластиковая липа и «черемуха» и елочки-ароматизаторы будут стоять вдоль седых стен Правокреселья!

И знаете что? Да, нам тяжело, мы трудно живем, но все-таки мы – счастливы! Вы слышите?! Счастливы, несмотря ни на что, и нету в мире такой силы, которая сможет переломить нас!!!

Трансфер 008 Андрей Якутин.

Великий Вождь. Отец Правокреселья. Перепрыгнувший луну.

– Трансфер... не знаю какой. Местонахождение... низкая орбита земли.

* * *

Это я, Андрей...

* * *

...эй вы там, внизу. Вы слышите мой голос? Я все еще с вами... Пока, с вами. Я устал... Очень устал. Сколько можно? Я больше не хочу играть в войну. Мне не нужны эти пакты, перемирия и наступления.

Это все ненастоящее!!!

Вы там, ходящие по твердой земле! О чем вы думали, когда посылали со мной это прямоходящее животное? Что вы хотели достичь, сколько денег срубили и как теперь поживают ваши мясо – молочные корпорации? Мне плевать!

Сумасшествие заразно. Мне уже не выйти из этой игры. Мне не дадут выйти. Я потерял рассудок, потерял себя в этой круговерти и нету выхода.

Нету выхода!!!

Будьте вы проклятые, благополучные жители благополучно опустившегося мира! Будь ты проклят ЦАП, запихнувший меня в клетку с сумасшедшим! Расчетливы, продажные сволочи!

Не на этот ли исход вы рассчитывали?! Предатели!

Но ничего... Выхода нет, думаете вы? Думаете, корабль с вашим мерзкой лыбящейся тварью будет вечно кружиться вокруг луны, сверкая лейблом? Нет! Я помню Гека, и я помню, как он поступил, когда понял, что не сможет жить в клетке!

Я давно уже захватил большую часть пульта управления и переориентировал челнок в сторону земли. И сейчас мы уже подлетает! Я не буду его тормозить и переводить на другую орбиту. Больше того, я рассчитал даже точку, где улыбчивая харя коровы соприкоснется с землей. И произойдет это совсем скоро, сейчас, еще до того, как новая волна помрачения накроет мой разум.

Ваш номер провалился. Корабль потряхивает, а это значит, что мы уже соприкасаемся с атмосферой. Я не буду жить в клетке своего сознания. Я возвращаюсь. Чувствую тепло.

Возвращаюсь к вам, хоть вы меня и не ждете. Нарастает тяжесть, это ничего... это скоро... Я иду к тебе Гек!

Вниз, вниз, прочь из этой холодной пустоты! Вниз! К сияющей земле, где полно счастливым в своем неведении людей! В город, где никому не бывает плохо и все делают вид, что любят друг друга! Вниз, в благопристойное людское стадо, туда, где не бывает войны, в рай на земле, в Земную...
...ТВЕРДЬ!!!

* * *

Андрей Якутин со стоном вернулся в мир живых. Ошарашено заморгал – дико болела вывернутая в запястье рука, голова гудела от удара о жесткий паркет – задремал и свалился на бок, дальше не пустили наручники.

Воспоминания вернулись к нему и они жгли хуже всяких телесных ран. От шума пробудился приземистый каннибал и участливо спросил:

– Что шебаршишь? Сон дурной приснился? Хочешь, побаяюкаю?

Андрей яростно замотал головой. Было ему так погано, что с радостью бы прыгнул с высоты, как в прошедшем сне, да вот только прикован к батарее, куда уж ему...

Каннибал участливо улыбнулся пленнику и заторопился на кухню, где ежедневно маленькими порциями исчезал в его утробе Павлик с родней. Вялый, смурной рассвет просачивался сквозь полузашторенные окна, усиливая тоску. Занимался новый день, но Андрей Якутин был ему не рад.

Слушая, как безумец возится с плитой он заплакал – тихо и безнадежно, стараясь не привлекать себе внимания, как ставший в очередной раз жертвой произвола взрослых, маленький ребенок. С отчетливым щелчком на кухне включилось радио и в комнату донеслись звуки утреннего эфира. Под маршевую музыку бодрый, изобилующий героическими интонациями мужественный баритон напевал:

*Как угоняют космолеты?
Совсем не так, как поезда.
И к звездам быстрые полеты,
Не то что рельсы в два ряда...*

Андрей перестал плакать и озадаченно замолк.

Черная королева.

– Вот так так! – удивленно сказала Аня, – куда же мне идти?

– Неважно куда ты идешь, – авторитетно ответил Розовый Слоненок, – если только ты идешь вниз.

Он восседал на верхушке гриба и мрачно смотрел оттуда на Аню. Гриб тоже был какой-то подозрительный – не белый и не подосиновик, а какой то весь закругленный, темно коричневый в ярко фиолетовых прожилках – псилоцибиновый, не иначе.

Аня подумала, что бы такое сказать, пока слоненок не исчез. С удивлением она обнаружила что не помнит ничегошеньки из того, что было с ней до нынешнего момента.

– А зачем мне идти вниз? – спросила она, просто для того чтобы хоть что-то сказать.

Слоненок недовольно завозился на своем грибе, потом со вздохом прикрыл розовые веки и терпеливым тоном учителя разъяснил:

– Так или иначе, тебе придется идти вниз. Только так можно попасть на коронацию.

– На коронацию?! – удивилась Аня и широко раскрыла глаза от удивления.

– Да, – буркнул Слоненок недовольно, – на коронацию. Разве ты не знаешь, что тебе надо на коронацию. Экая ты

недогадливая! Впрочем, тебя туда все равно не пропустят!

– Это почему же? – возмутилась Аня.

– Посмотри на себя! Ну кто же в таком виде идет на коронацию?!

– "Какой сердитый", – подумала про себя Аня и опустила глаза, чтобы понять, что же не так с ее видом.

На первый взгляд все было в порядке – миленькое сине-бело платье, узорный передник с пышным бантом, правда заляпанный какими то пятнами – вот незадача, Аня совсем не помнила где умудрилась их посадить – на ногах туфли-лодочки, тоже запачканные. А ведь и вправду – ну как в таком виде во дворец?

– Вот видишь, – печально сказал Слоненок.

У Ани от такой новости на глаза навернулись слезы и чтобы не заплакать она поспешно спросила:

– Насчет гриба... его положено есть?

– Я бы не советовал тебе есть этот гриб, – произнес Розовый Слоненок, – его тут все едят, но кто знает, как он подействует на твои расшатанные мозги.

Аня закусила губу, чтобы не сказать этому невыносимому типу какую ни будь глупость.

Слоненок меж тем начал потихоньку исчезать – пропадая по частям – хвост, лапы, туловище, пока не осталась одна голова, которая перед тем как исчезнуть все же соблаговолила добавить:

– Можешь пойти по дороге из красного кирпича. Рано или

поздно она приведет тебя к цели.

После этого исчезла и голова, оставив лишь розовый хобот, очень двусмысленно смотрящийся на фоне отсутствия всего остального. А потом Аня поняла, что осталась одна.

– Ну и ладно! – сказала она после короткого раздумья, – пойду по дороге куда глаза глядят.

Напоследок она из чистой вредности оторвала кусочек гриба и съела его, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям. Ничего не происходило, видать Слоненок врал.

И она пошла по дороге из красного кирпича, звонко цокая туфельками. Места вокруг были удивительные! Небо было из синей акварели, чуть разбавленной белой гуашью. По сторонам росли аквамариновые рощи, тут и там виднелись масляные пастбища с замшелыми карандашно-штриховыми валунами и яркими акриловыми озерами в которых водились рыбки Оригами. Тут и там, среди травы паслись дикие Цворгозавры, носились пугливые Лыси со смешными кисточками на кончиках рожек. А вдалеке вставали величественные пастельные горы – розовые и фиолетовые.

– Ох! – сказала Аня мечтательно, – как здесь красиво! И к тому же...

– Дорогу! Дорогу! – внезапно заверещали у нее над ухом, – Дорогу курьеру!!!

Аня испуганно обернулась и во все глаза уставилась на странное создание. Больше всего оно напоминало огромного краба, идущего на полусогнутых и к тому же страдающего

крайней стадии сколиоза. На спине у членистоногого громоздился мешок цвета хаки – с виду пустой.

– Ой! – воскликнула Аня, – ты кто?

– Не видишь что ли?! – истерично взвизгнул краб, – курьер! Грибки для Королевской кухни!!!

– А зачем им грибки? – удивленно спросила Аня.

– Не знаешь что ли? – смягчился краб, – откуда ты только такая взялась... Все знают зачем Королевской кухни грибки. Но зато никто не знает, кто их возит, – он снова пронзительно взвизгнул, – неблагодарная это работа! Неблагодарная!!!

– Тяжело, наверное, таскать мешки с грибами?

– А ты думала... – промолвил краб и устало сел на красный кирпич – с утра собираешь, а потом как нагрузишь целый мешок и с ним до дворца. А до него знаешь сколько!

– Сколько? – оживилась Аня.

– Долго. – Сказал Краб, – идти и идти. Вот и сегодня. Смотри какой мешок тащить, – и Краб качнул совершенно пустым мешком.

Аня подумала и сообщила крабу:

– Он вообще-то пуст.

Краб взвился на месте:

– Что?! Опять!? Опять!!! – он сдернул мешок и неверяще оглядел его. Естественно мешок оказался пустым, а на дне обнаружилась солидного размера прореха – О нет, – просто-напросто Краб и без сил опустился на тропинку, – не горжусь я для этой работы, – печально сообщил он Ане, – Вот когда

был Домашний Мышь, грибки всегда поспедали ко столу. Но он был мастер, а как исчез, так теперь должен таскать Краб Снак. А Краб Снак никогда этого не умел! Слышите, никогда! – он подскочил на месте и погрозил далеким горам ко-рявой клешней.

– Почему же они выбрали тебя? – спросила Аня с сочув-ствием.

– Почему, почему! Ну неужели непонятно? – Краб Снак уставился на нее черными глазамибусинами, – Краб – это похоже на Крыс. А Крыс – это же почти что Мышь!!! Вот я и таскаю этот мешок в прожорливые глотки замковой свиты! – завизжал он, – Ну да ладно.

Раз уж он пустой, мне беседовать недосуг. Пора снова набирать. Но спасибо что предупредила, если хочешь что узнать – спроси. Чем смогу помогу.

– Уважаемый Краб Снак, – вежливо спросила Аня, – это дорога идет до самого дворца?

– Насколько я знаю, эта дорога ведет к Полевому и Лу-говому Мышу. Можно идти в обход, но тебе так или иначе придется с ними повидаться, – сказал Краб, поднимаясь, – это все?

Аня кивнула, хотя вопросов у нее накопилось целое море, но не хотелось мешать такому занятому Крабу.

– Ну, тогда я пошел, – сказал Снак, – и вот еще что. Ак-куратней с Жаббервохом. Что-то он лютует в последнее вре-мя, – и он затрусил в обратную сторону, пиная перед собой

опустевший мешок. Аня хотела сказать ему, что мешок то по-прежнему дырявый, а значит, новая порция грибов тоже выпадет, но Краб был уже далеко.

Тогда она пожала плечами и пошла вперед. По дороге обшарила карманы – мало ли что там может завалиться. Но правый оказался совершенно пуст, а в левом обнаружился длинный кухонный нож с черной рукояткой и надписью stainless steel на лезвии (как он только в кармане умещался, непонятно).

– Из чего, из чего только сделаны девочки, – задумчиво пробормотала Аня и поместила нож за пояс.

Тропинка вилась и вилась у нее под ногами и неожиданно уперлась в нарядную лубяную избушку из трех труб которой струился синеватый угарный дым. Вернее дым вытекал только из двух, а одна стояла просто так. Дверца была прикрыта и так как больше ничего не оставалось Аня осторожно постучала в нее.

– Да! – сказал из-за двери тонкий голос, очень похожий на визг бедняги Краба, и ту и же его перебил еще один такой же, – входите!

Аня вошла и оказалась лицом к лицу с двумя огромными мышами.

– "Хорошо, что я никогда не боялась мышей", – подумалось ей.

Мыши и впрямь казались кошмаром неврастеника – все покрытые густой лоснящейся шерстью – одна рыжая, дру-

гая черная, с серьезными усатыми мордами, и умильно зачесанными за уши хохолками. Они неприветливо уставились на Аню черными влажными глазами. Между мышами на голлом каменном полу стоял уродливо сколоченный стол на котором стояла одинокая фарфоровая чашка, распространяющая сильный запах чифирия.

– Ну, – наконец буркнул рыжий мыш (а это был явно он, хоть и не в коей мере не напоминал джентльмена), – ты кто? И зачем пришла?

– Ох, как похоже на Краба! – вырвалось у Ани. Вообще-то она хотела сказать нечто совсем другое, но недавняя встреча с крабом все еще стояла перед глазами.

– Вот и нет, – сказал черный мыш, – это Краб похож на нас. С тех пор как исчез Домашний ему приходится входить в роль.

– Но он так похоже пищит...

– Крабы не пищат, – авторитетно сказал рыжий, – у крабов, между прочим, вообще нет голосовых связок.

– Вернее есть, но они только шипят, – перебил черный.

– Как змеи, – добавил рыжий.

– У змей тоже их нету... – сказал черный.

У Ани голова пошла кругом и она поспешно сказала:

– Да я не о том! Краб сказал, что дорожка ведет к Полевому и Луговому мышам...

– Это мы, – сказал черный мыш, – разве не видно?

Аня пригляделась и поняла, что это правда. Позади чер-

ной мыши висело несколько живописных полотен, изображающих цветущий весенний луг во всей своей красе. А у рыжей обретались исключительно пейзажи с унылыми желтоватыми степями, причем центральное место занимала картина Куинджи с волнующимся в лунном свете морем травы.

– Значит вы Полевой, а вы Луговой Мышь? А меня зовут Аня и я...

– Мы так и думали, – сказал рыжий Полевой Мышь бесцеремонно.

– Опять, – печально сказал Луговой Мышь и отхлебнул чифира, – вот если бы Домашний Мышь был с нами!

– А что, кстати, с ним случилось? – заинтересованно спросила Аня.

– Неважно, что случилось с ним, – веско молвил Луговой Мышь, – важно, что случилось с тобой. Тебе ведь надо на коронацию?

– Да, и мне очень хотелось бы попасть побыстрее.

– Бесполезно, – сказал Полевой Мышь, – даже если ты доберешься до дворца, ты не сможешь попасть в подвал где проводится коронация.

– Почему коронация проводится в подвале? – спросила Аня, присаживая за стол.

Мыши фыркнули и закатили глаза – мол, бывают же на свете идиоты.

– А где же она может проводиться? – сказал, наконец, Луговой, – ведь она должна быть скрыта от посторонних глаз.

Что же это за коронация, у всех на виду? Да не о том речь!

Попасть во дворец можно только через черный ход, а где он находится, как раз и знал Домашний Мышь. Он ведь так долго развозил грибы для Королевской кухни. Уж он то точно помог бы тебе. Но он пропал. – неожиданно печально закончил он.

– Так что без него Коронация тебе не светит, – добавил Полевой Мышь и подвинул к Ане чашку.

От мысли о том, что коронация не состоится, Ане стало так грустно, что она храбро отхлебнула из чашки и тут же обнаружила, что в ней был вовсе не чай, а некое зелье, от которогохватило дух и все малость поплыло перед глазами.

– Что же мне делать? – жалобно спросила Аня, – может быть, войти через парадный вход?

Мыши вздрогнули, дружно покосились за дверь, а Полевой Мышь поспешно отобрал свою чашку.

– Ты что! – сказал он, – и думать не моги! Там же Бешенные Псы!

– Кто? – удивилась Аня.

Полевой Мышь покосился на собрата и подсев поближе, чуть слышно зашептал:

– Бешенные Псы. Бойся их. Они тут главные. Их все боятся. Они всегда в черном. Черных костюмах-тройках, в черных очках. С большими черными пистолетами.

– Да, пистолетами! – вставил Луговой мышь тонким голосом.

– На черных машинах, – произнес Полевой Мышь.

– С черными мыслями... – сказал Луговой.

– Хорошо, хорошо, – вмешалась Аня, – я уже поняла, что идти через парадный вход не стоит. Но как же попасть внутрь?

– Не знаю, – нервно подрагивая вымолвил Луговой Мышь, – но по мне так лучше к Жаббервоху в пасть, чем к этим.

– Вот и Домашний тоже так думал, – мрачно сказал Полевой и разом втянул в себя половину не чая. Глаза его затуманились.

– А может, то была Мышеломка, – произнес Луговой.

– А может...

Аня сердито затрясла головой. Мыши, похоже, совсем ушли в себя. Мордочки их уныло склонились к столу.

– Эй, так что же мне делать?

– Идти во дворец, – понуро сказал Полевой Мышь.

– И постараться не попасться Бешеным Псам, – добавил Луговой.

– К тому же тебе их следует опасаться только до Коронации. После нее ты станешь Черной Королевой, а ей подчиняются все-все-все, – произнес Полевой.

– Кроме разве что Жаббервоха, – откликнулся Луговой, – и может быть Мышеломки.

– Да кто же это? – удивилась Аня, – они такие страшные?

– Да как тебе сказать, – заметил Луговой Мышь, отодви-

гая от себя чашку, – насчет Жаббервоха я могу сказать одно: Жаббервох это Жаббервох, его все знают.

– Если его увидишь, не перепутаешь, – ухмыльнувшись, добавил Полевой.

– Когда он был маленький, – продолжил Луговой, – он написал в сочинении о самоопределении «Я – это я и никто другой». С тех пор его совершенно невозможно спутать с кем-то еще.

– А Мышеломка?

Мыши помрачнели еще больше и посмотрели друг на друга:

– Расскажем ей? – спросил Полевой Мышь.

– Хорошо, мы расскажем тебе о Мышеломке, – со вздохом сказал его напарник, – это долгая и в высшей степени поучительная история. Но перед этим я хочу дать тебе совет: все-таки постарайся найти Домашнего Мыша. Может быть еще не поздно. А теперь... ты готова слушать?

– Я готова, – сказала Аня и поудобнее устроилась на жестком стуле.

Луговой Мышь артистично откашлялся, покосился на кружку с не чаем, но там было пусто.

Он печально вздохнул и начал:

Мышеломка.

*И вот, пришел тот день и час,
Когда, набравшись сил,
Я лихо к делу приступил,
То дело – первый класс!
И то и это я смешал,
В единый липкий ком,
И шерсть моя поднялась враз,
И стало все путем.*

*Добавил маковой травы,
Немного конопли,
А сверху жбан белиберды,
Для крепости подлил.
Там сок пейотля утопал,
Зеленый как грифон,
Его аналог закипал,
Придав отвару звон.
Там синтезметики вились,
И синий молочай,
Агава с экстази слились,
Ведь я готовил чай.*

*О да, друзья, о чае том,
Отдельный разговор.*

И если взялся ты варить,
То до конца будь спор.
Зато уже если ты сумел,
Отвар свой доварить,
Кричи Ура! Кричи Гип-гип!
И можешь после пить.
О чуден чай, и странен сон,
Что он тебе дает,
И расцветает небосклон,
И легок твой полет.
Он в замечательных цветах,
Раскрасит серый мир,
Ты лучше всех, сильнее всех,
И сотен ты кумир!
Велик улет, и мощен тот,
Сверхтермоядерный приход!
Да, чай хорош, но у него,
Проблема есть одна,
Как инь и янь, как свет и тьма,
Другая сторона.
Она не видна, не слышна,
Но есть и там и тут,
Ее боится малышня,
И взрослые сбегут,
Услышав имя, ведь ее,
Все Мышеломкою зовут.

О ней услышал в детстве я,
Мне рассказала мать:
Не вздумай тоже чай создать,
А то придет беда.
От этой пакости, сынок,
Скончался твой отец,
Он бы как ты – большой гордец,
И вот, не повезло.
В один ужасный день и час,
Собрался папа твой,
Сварить великий чудо-чай,
Поспорить со судьбой.
Ингредиентов тучу он,
Враз намешал в котел,
Налил в отвар и то и се,
Смешавши в липкий ком,
Он добавлял растений сок,
И порошки и гон,
Веселых ампул перезвон,
Барбитуратов легкий ток.
О, это был всему венец:
Большой был мастер твой отец!
Вот знай, сыночек, он достиг,
Решенья своего, чай был готов,
Он выпил чай...
И с нами нет его.

В пылу страстей, среди огней,
Поникла голова,
И не заметил как его,
Вдруг Мышеломка забрала.
Тяжел рассказ, но правда он,
Как жуткой ломки перезвон.
О бойся, Мышеломки сын!
Мне говорила мать,
Она любого гордеца,
Способна обломать.
Среди цветов и ярких фей,
Чудесных грез сплеть,
Придет она, и над тобой,
Восстанет Мышеломки тень!

О мама, ты была права,
Уже не в первый раз.
Но дело моего отца,
Продолжу я сейчас.
Мне снится чай, и мнится он,
В моем родном лугу,
И не попробовать его,
Теперь я не могу.

Колес цветастый паровоз,
В котел я отогнал,

Аниса корень, жаб принес,
Ядреный самопал,
Там белладонны на пару,
Кружились на лепестки,
Болиголов и волчий глаз,
Как средства от тоски.
Хинин, мышьяк и чайный гриб,
В обнимку с наждаком,
Псилосцибин и цианид,
Кипели там рядком.
Там редкий зверь болиголов,
И черный мухомор,
Поганка гиблая и мох,
Что вызывает мор.
И антидепрессантов ряд,
Включился в общий хор,
Аминазин и торазин,
Я над котлом растер.
Морфин там дико клокотал,
Снов испуская пар,
И перца красного пожар,
В отвар вдобавок пал.
О, что за дух, за аромат!
Проносятся часы,
Глаза мои, как день горят,
Топорицатся усы!

Немного этого, того,
Муры, тупизмов, ерунды,
И глупость сразу заодно,
Полфунта чепухи,
И побрякушек, лживых слов,
Туда наговорил,
Три грамма чуши положил,
А сверху посолил.
Потом добавил я понтов,
И вопли мартовских котов,
Пробирку боевых бацил,
Потом подальше отступил,
И понял я:
Мой чай готов.

Не в силах больше продохнуть,
Поверить я не смел,
Что смог я дело повернуть,
Достичь чего хотел.
О мама, где же ты была,
Когда я чай свой пил.
Быть может, ты б меня спасла,
И я бы дальше жил...
Дурных надежд горячий ком,
Встопорицил мою шерсть,
Я выпил чай одним глотком,

*Забыв про все что есть,
Забыл страшилки и стишки,
Советов мудрых хор
Я выпил все и в тот же миг,
Мир изменил узор...
Но где же краски, что за тьма,
Застлала яркий свет,
Где чудных сновидений слет,
Где термоядерный приход,
– Ну почему их нет?!
Кричал я громко, чуть живой,
В заплывший тьмою день,
А над моею головой,
Вставала Мышеломки тень!
И...*

Тут Луговой мышь неожиданно запнулся и вытаращенными от ужаса глазами уставился куда то Ане за спину. Тут Аня обнаружила, что последние две минуты в избушке совсем темно, а откуда-то сзади нарастет ужасный ржавый скрип, который точно не может принадлежать ничему хорошему. Мыши в ужасе замерли на своих местах, тыкая непослушными лапами куда то в окно. Их рты шевелились не в силах выговорить страшное для них слово. Аня вскочила из-за стола, и поспешно покинула домик, оставив Полевого и Лугового Мыша разбираться с их непонятными (и наверняка ужасны-

ми) проблемами.

Аня бежала долго и остановилась только когда окончательно запыхалась. На бегу она несколько раз оборачивалась, и ей показалась, что она видит, как некая исполинская, ржаво-стальная дуга с поблескивающими острыми зубьями вздымается над крохотной избушкой для последнего, завершающего удара.

Которого, впрочем, так и не последовало. Какая бы судьба не постигла мышей, громогласной она не была. В дальнейшем Аня пришла к выводу, что никакой мышеломки не было, а то, что она видела – последствия неумеренного распивания их «чудесного» чая.

Пейзажи вокруг разительно изменились. Куда-то подевались лужайки, рощи, да и собственно горы тоже куда-то исчезли. Зато кругом была лесостепь, под ногами шныряли на трехпалых ногах мохнатые верткие курницы, разевающие клювики для подачи, росли смокурницы и дымились смолокурницы. Было тут тихо и спокойно, так что Аня решила что это замечательное место, чтобы остановиться и подумать.

Она присела под зонтиком раскидистой смокурницы и стала решать что делать дальше.

Дорога из красного кирпича куда то исчезла (здесь все вообще менялось очень быстро), а значит, в королевский дворец уже не попасть. Оставалось одно – попытаться отыскать Домашнего Мыша, что бы с ним не случилось.

Под пушистой кроной смокурницы было так уютно, что Аня сама не заметила, как задремала. Разбудил ее некий шум, похожий на шелест древесных крон или на шум волн.

Аня подняла голову и тут же распахнула глаза от удивления.

По дороге шло войско! И какое – кольчуги, шлемы, над воинством развивались яркие красные штандарты с двумя золотыми окружьями. Солдаты красиво маршировали, их экипировка сверкала, а сапоги вздымали тучи пыли. Но самое странное заключалось в том, что глаза воинов были плотно закрыты, а на лицах играла блаженная расслабленная улыбка. И кроме того, каждый из них тихонько напевал себе под нос: «Когда поют сондаты, когда поют сондаты, когда поют сондаты...» так, что их речь сливалась в единый смутный шелест. Во главе колонны шагал Пелиморфий в длинном черном плаще.

– Ой, а вы кто? – обратилась Аня к нему, потому что он был единственный бодрствующий из всей этой сонной армией.

– Насколько я знаю себя, то могу предположить, что ответ на твой вопрос будет "я", то есть, в сущности, это та сущность, которая содержит в себе кодированную информацию о моей энерго-информационной ДНК.

– Что-что? – переспросила Аня ошарашено. Из всего сказанного она не поняла ровным счетом ничего.

– Ну, – сказал ее собеседник, – Я Пелиморфий, если тебе

так понятнее.

– А что это значит?... вообще-то я хотела сказать добрый день, произнесла и тут же поправилась Аня.

– А кто тебе сказал, что сейчас день, – спросил Пелиморфий удивленно.

Аня внимательно посмотрела на небо и увидела там рисованное яркой желтой тушью солнце – судя по всему, пока она спала светило вскарабкалось почти в зенит.

– Ну, – сказала она, – меня всегда учили, что если на небе светит солнце, то это скорее день, нежели ночь.

– Мне понятен ход твоей мысли, – произнес Пелиморфий не сбавляя шага, Аня сама не заметила, как стала шагать рядом, – но в погоне за объективностью, ты не учитываешь субъективную точку зрения. А субъективно, мы видим, что каждый из моих солдат спит. А если они спят, то значит для них ночь, потому что солнца они не видят. Дальше, если учитывать теорию вероятностей, а также эффект масштаба и так называемую «ярость толпы», мы можем заключить что если такое огромное количество людей спит и думает, что сейчас ночь, значит так оно и есть.

Стараясь не отстать от быстро шагающего Пелиморфия, Аня пропустила большую часть речи, но заявление о том что сейчас ночь она посчитала возмутительным, и потому сразу попыталась доказать это собеседнику.

– Не знаю, как насчет субъективности, но по законам небесной механики никак не может быть ночь только от того,

что столько людей спит. Спать можно и днем. И, кроме того, можно предположить, что солнце на небе это луна, которая отражает настоящее солнце, ведь луна не может отражать тепло, а сейчас тепло, и светло, а значит, настоящее солнце вовсе ничего не отражает, потому что это настоящее солнце, которое отражать ничего не может, или может... и... – тут она окончательно запуталась и попыталась привести более веский довод, – но ведь мы то не спим!

– Кто тебе сказал? – удивленно спросил Пелиморфий, – мы тоже спим.

– Но мои глаза открыты! – возмутилась Аня.

– Что из этого? Мои тоже открыты, но это не значит, что я бодрствую. Просто кто-то спит с открытыми глазами, но это не означает, что он чем-то лучше, чем тот кто с закрытыми. Просто они решили, что им так лучше.

– Как можно решить, что спать лучше? Вот я, например. Если я буду спать то я не смогу попасть на коронацию. А если не попаду на коронацию, то меня не сделают королевой.

– Черной королевой! – вставил Пелиморфий.

– А значит, мне нельзя спать! – заключила Аня с торжеством, – и я не сплю!

Пелиморфий тяжело вздохнул, и прикрыл глаза – может быть раздумывал, что бы такого умного сказать, а может просто задремал, подобно всем его солдатам.

– Милое дитя, – наконец сказал он бесконечно терпеливым тоном, какой обычно используют учителя младших

классов, – Дело в том, что ты тоже спишь!

– "Ох, – подумала Аня, – чего только от него не услышишь! Может быть я и вправду сплю?"

Сплю под деревом и мне снится сон, что я иду и разговариваю. А может быть я сплю в своем постели и мне снится сон, что мне снится сон, что я иду и разговариваю и сне?

Ох, так и с ума сойти недолго!"

– Видишь ли, дитя, вся наша жизнь это сон, – продолжил меж тем Пелиморфий, – мы спим и нам снится то, что нам снится. Вот посмотри на моих сондат – каждому из них снится, что он идет по дороге, а вокруг него идут остальные, и каждому из идущих снится он.

Получается, что они снятся друг другу и только таким образом продвигаются вперед.

– Как все сложно! – уважительно сказал Аня, – но ведь если я сплю, то я не смогу попасть на коронацию!

– Наоборот, – молвил Пелиморфий, – только таким образом ты и можешь туда попасть!

Аня вдруг и вправду захотелось лечь сейчас под ближайшим деревом и немножко подремать – хотя бы просто для того, чтобы избежать мудреных речей Пелиморфия. Но это было бы в высшей степени невоспитанно.

– Видишь ли, – продолжил ее собеседник, – я не знаю как у вас, а у нас в царстве дива только таким образом и можно попасть хоть куда-то. Необходимо заснуть и увидеть сон, в котором ты куда то идешь, а то у тебя есть шанс так и за-

стрять где ни будь на полпути и болтаться там как бедняга Краб Снак на дороге из красного кирпича.

– Хорошо, – сказал Аня, – значит, чтобы двигаться мне надо заснуть. Но если я сплю, как же я могу знать куда мне идти?

– В этом и есть основная трудность, – произнес предводитель сондатов, – надо уметь выходить в ОС!

– Куда? В нос? – переспросила Аня.

– В ОС, – назидательно молвил Пелиморфий, – ОС – это Остров Сновидений, хотя некоторые его переводят как Осознанный Сон, Осознание Себя, Откровенное Созидание и даже Осторожно Слоны!

– А зачем в него выходить?

– Да потому что только так ты сможешь управлять им! Если ты знаешь, что жизнь это сон, а сама ты спишь, то значит, ты можешь пожелать, чтобы тебе приснилось, что ты попала на коронацию! Но при этом очень важно не проснуться.

– Но что же будет, если я проснусь? – спросила Аня, – и как сделать сон осознанным, и как мне, в конце концов, тогда попасть во дворец?!

– Для начала, – сказал Пелиморфий, – надобно научиться в ОС выходить. Разные существа по-разному пытаются это сделать. Вот, например, Полевой и Луговой Мышь пользуются своим знаменитым чаем, Краб Снак и вся королевская дворня питается своими грибочками, и, поверь мне, это далеко не самый худший способ выйти в ОС! Розовый Слоне-

нок вообще способен сделать это силой воли – очень редкий случай. Жаббервох это делает с помощью чужого страха. Бешенные Псы разрушают себе мозги. Мои сондаты используют самый простой способ – они собираются вместе и сняться друг другу и тем самым дружно маршируют в ОС.

Ну а можно сделать это самовнушением.

– Это как же? – спросила Аня.

– Просто ты концентрируешься, и начинаешь говорить себе под нос: «Я хочу выйти в ОС, я хочу выйти в ОС, я хочу выйти в ОС» и примерно на десятитысячный раз ты вдруг обнаруживаешь, что ты уже давно туда вышел. Так, что способов много, просто выбери какой тебе по душе.

– Ох, – сказала Аня и крепко задумалась, – А никак нельзя без этого выхода?

– Ну, тебе все равно придется куда ни будь выйти, – произнес Пелиморфий рассудительно, – Если ты не выйдешь в ОС, ты выйдешь в Астрал, а если не выйдешь в Астрал, то... страшно подумать, куда ты можешь выйти! Так, что мой тебе совет – выходи лучше в ОС.

– Ну, хорошо, – произнесла Аня, – я попробую. В конце концов, я всегда могу проснуться.

– Как можно проснуться, если ты спишь во сне? Проснуться можно только в другой сон, попомни мои слова.

– А если проснуться и из того сна?

– Ты проснешься в жизнь, – сказал Пелиморфий, – но так как жизнь это сон, то получается, что ты вернешься к началу.

У Ани голова закружилась от этих бесконечных сонных круговоротов. Но что-то необходимо было делать потому что ей надо во Дворец и она решила попробовать самовнушение. Для надежности она все-таки доела запасы грибков из кармана, и зажевала их сочным антрацитовым плодом смокурницы, после чего прикрыла глаза и принялась твердить:

– Хочу выйти в ОС, хочу выйти в ОС, хочу выйти в ОС, – иногда она ошибалась и у нее получалось то нос, то лось, то хвост, но, сжав зубы, она продолжала твердить мантру.

Аня так сконцентрировалась на этих словах, что не заметила как вляпалась в холодную соленую воду.

– Ой! – вскрикнула она, поспешно открывая глаза.

И обнаружила себя на длинном пустом пляже. Пелиморфий куда-то исчез вместе с пыльной лесополосой, вместо нее над горизонтом вставала длинная красная полоса с счетчиком процентов посередине, а грозные воины превратились в волны. Было тут тихо и очень пустынно.

– Как же так, – удивленно спросила Аня, – у меня получилось? Но куда же мне тогда идти? Или плыть?

Море ответило ей равнодушным молчанием, накатывая сероватые волны на пляж. В пене кишели какие то маленькие, верткие существа, природу которых было довольно трудно определить. Впрочем, Аня довольно быстро поняла, что виновата во всем сама – ведь это без сомнения было море вопросов, которое возникло у нее на дорожке из красного кирпича. Изогнутые дугой вопросы так и кишели в мутных

морских глубинах, периодически встречаясь там с ответами и затевали с ними кроткие яростные схватки.

– Как ты невоспитанная, – сердито сказал себе Аня, когда поняла, что плыть через море ни в коем случае не хочет, – не смогла удержать свои вопросы при себе. И то же теперь делать?

Отвечать ей никто не хотел и она побрела вдоль унылого пляжа, потому что больше идти было некуда. По дороге ей почему-то пришли на ум устрицы и она принялась твердить себе под нос некий странный стишок, с таким же усердием как раньше твердила про выход в ОС, попутно разглядывая серые песчинки под ногами.

– ...молчали, потому что, их съели до одной, – задумчиво произнесла она, подняла голову и увидела устриц.

Устриц было трое. Они были большие, откормленные и прямоходящие. Еще они о чем-то оживленно спорили. Аня подошла поближе, но так как спорщики не обращали на нее никакого внимания, она громко откашлялась и вежливо сказала:

– Уважаемые устрицы, не подскажи те ли, как мне попасть на тот берег моря?

– А разве у этого моря есть тот берег? – спросила одна из устриц, – по мне так есть только этот. Ведь если ты будешь очень долго идти по пляжу, рано или поздно ты окажешься там, и поймешь, что все время ты шла по этому берегу.

– Но это все совершенно неважно, – сказал другая устри-

ца, – не хочешь ли сыграть с нами «Устрицы и жемчужины»?

– Ой, – сказала Аня, – А это как?

– О! – произнесла первая устрица, – это очень сложная игра!

– Величайшие умы бились над ней, но так и не смогли выиграть, – добавила ее соседка, и повернулась боком. Аня заметила, что глаза у устрицы располагались на разных боковинах и ей то и дело приходилось поворачиваться из стороны в сторону, чтобы смотреть обоими глазками.

– Неужели она такая сложная?

– Такая, что больше с нами никто не берется играть! – произнесли устрицы хором.

– И нам приходится играть самим с собой, – сказала первая устрица.

– А это неинтересно, мы же знаем ответ, – добавила вторая, – ну что ты будешь?

– Хорошо, я попробую. Только объясните мне правила, – попросила Аня.

– А правила как раз просты! – объявили устрицы, – в одной из нас жемчужина, а в двух других нет. Мы ложимся на песок, вот так, – и они улеглись на песок, став похожими на самых обыкновенных устриц, только очень больших, – А ты отгадываешь у кого из нас жемчуг.

Аня кивнула. Устрицы встали перед ней и раскрылись одним движением. Две и вправду оказались пусты, а в одной такая красивая белоснежная жемчужина, что Ане тут же за-

хотелось получить такую себе.

– Приготовься! – серьезным тоном сказала первая устрица, – мы перемешиваемся.

И они начали бегать вдоль пляжа, то и дело меняясь местами, подбадривая себя гиканьем и смешливыми возгласами. Аня заметила, что устрицы с жемчугом была немного темнее соседок. Поэтому, когда они угомонились и улеглись на песок, она не колеблясь указала на темную и естественно выиграла.

– Ты победила! – воскликнула темная устрица, – я не верю своим глазам, и в подтверждение слов завертелась на месте, поглядывая то правым, то левым глазом.

– Как тебе удалось? Как ты смогла? – завопили ее соседки, и добавили хором, – ты воистину проницательна!

Аня снисходительно улыбнулась, потому что здесь до сих пор никто не хвалил, и сказала:

– Хорошая игра, а теперь можно мне эту жемчужину?

– Но это не все! – вдруг заявила первая устрица, – один раз не считается. Из него даже статистики не вывести.

– Да-да не вывести! – добавили соседки, – нужно еще раз, может быть тебе просто повезло!

– Ну, я готова сыграть еще раз.

– Еще раз! – зычно объявила темная устрица и они вновь начали перемешиваться, – на этот раз мешаемся дольше!

– Эта, – сказала Аня, указывая на темную.

Устрицы поднялись, мрачно переглянувшись.

– Ты опять победила! – сказала темная, – как тебе это удастся?

– Может быть, интуиция? – предположила Аня.

– Ты все еще хочешь жемчужину? – спросила вторая устрица, – может быть, что ни будь другое?

– Я думаю все же жемчужину.

– Ну, хорошо! – сказал темная, – только для этого ты должна еще раз сыграть в «устрицы и жемчужины». В конце – концов, число три всему голова. И... перемешиваться мы будем долго.

Устрицы переглянулись друг с другом, а потом покосились на Аню – их взгляды явственно говорили: «Ну не может же она выигрывать вечно!»

– Мешаемся! – завопила темная и они начали свой бег.

На этот раз «Устрицы и жемчужины» продолжались так долго, что Аня устала стоять и присела на серый песок. Море вопросов шумело совсем рядом. Аню стало жутко клонить в сон, но она вспомнила с каким трудом вышла в ОС и поспешила взбодриться, умывшись водицей из моря вопросов. Вода отдала какими-то травами, от нее сразу посвежело в глазах и зашумело в голове.

Вовремя – оказалось, что устриц уже лежат на песке, умоляюще глядячи на нее своими единственными на верхней половине глазками. Их взгляды говорили: «ну, проиграй хоть раз!». Ане было их жалко, но она была твердо уверена что ей нужна эта жемчужина, поэтому лишь тяжело вздох-

нула и молвила:

– Темная!

– Она выиграла, – печально сказала первая устрица, – она все время выигрывает. Кто она такая, черт побери?!

– Это та, которая идет на коронацию, – ответила ей светленькая соседка, и поднявшись с песка гневно бросила Ане, – ты хуже Жаббервоха! Он, по крайней мере, позволяет себе хоть иногда проигрывать.

– Хотя, он все равно потом отбирает жемчужину силой, – грустно добавила темная устрица и печально спросила, – ты все еще хочешь наш жемчуг?

– Хочу, – ответила Аня, – в конце – концов, я ее честно выиграла, не забывайте.

– Отдать, – зашебетали устрицы, – придется отдать.

И перед ошеломленной Аней на песке возникла целая куча весьма странных вещей. Она удивленно покопалась в них и извлекла на свет бабочку-жемчужницу. Еще в куче обнаружилась упаковка зубной пасты «жемчужная», ночной крем «черный жемчуг», пособие «Разведение жемчуга в домашних условиях» из серии «домашний ювелир», книжка романтических стихов «Небесный жемчуг» совершенно неизвестного автора, стопку полотенец со штампом гостиницы «Рэдиссон – жемчужная», упаковку глазных капель «жемчужный блеск», и наконец, иллюстрированный альбом «Крым – жемчужина юга».

Аня непонимающе подняла глаза от груды сокровищ на

устриц, которые сгрудились вместе и смотрели так, словно говорили: «Ну, ты получила что надо? Так почему ты еще здесь?»»

– Мне нужна жемчужина! – сказала Аня и поднялась на ноги, – Не сердите меня, ведь я будущая королева!!

Получилось так грозно, что устрицы вздрогнули, словно их в очередной раз посетил сам Жаббервох. С тяжким вздохом темная раскрылась и к ногам Ани подкатилась жемчужина – большая, как долго зревший на юге апельсин. Аня подняла драгоценность с песка и, любуясь, повертела ее в руках – с одной стороны жемчужины имелась проба, а другую венчал фиолетовый инвентарный номер.

– Так то лучше, – сказала свежеиспеченная владелица драгоценности.

Так как устрицы явно больше не хотели ее видеть, Аня поспешно покинула этот отрезок пляжа. С собой она взяла только пару полотенец, жемчужину и упаковку глазных капель – просто так, на всякий случай.

Уходя, она еще успела услышать, как одна устрица недовольно пробурчала другой:

– Может быть, нам все-таки стоит начать перекидывать жемчуг друг другу?

Пляж все тянулся и тянулся – похоже у него и вправду был только один берег – уж больно он был нескончаем.

– А если у него только одна сторона, – думала Аня, размеренно шагая вдоль моря, – то кто же тут может водиться?

Кто ни будь, кто имеет тоже только одну сторону? Например, какие ни будь камбалы, мидианы и амебиусы?

От размышлений ее отвлекли звуки чьих-то голосов. Раздавались они дальше по побережью и звучали так неприветливо, что Аня поспешила отойти прочь от берега и углубиться в заросли роскошных розовых гигадинтов. Она прошла немножко вдоль берега и осторожно выглянула наружу.

Зрелище, представшее ее взору, было странным и удивительным. У самой кромки моря аккуратным рядком стояло несколько черных, лакированных «мерседесов» вокруг которых расхаживали люди в аккуратных черных же костюмах – тройках, в белых рубашках и черных галстуках. В ухе у каждого была черный проводок наушника, в руках они сжимали черные ружья очень неприятного вида, а на лице у каждого красовалась черная маска, изображающего оскаленного пса – ротвейлера. Аня поняла что, по всей видимости, это и есть пресловутые Бешенные Псы.

Люди в черном, злобно ругаясь, нависали над сгрудившимся в трясущуюся кучку сказочными существами, каждый из которых не был похож на другого и из которых выделялись знакомые силуэты краба Снака и Розового Слопенка. Видно было, что Снаку достается особенно.

– Ну это что такое, а? – орал на него из-под своей маски Пес, – ты почему всяким посторонним направление указываешь, а? Ты, минтай колченогий!

– Я... ваша милость... – бормотал Снак, – я не знал... не

хотел...

– Ты хотел!! – заорал Пес, – ты прямо сказал про дорожку из красного кирпича! – и он сделал шаг к крабу, отчего тот съежился до земли.

– Ваша милость... – запричитал он, – простите, ваша милость... в последний раз... жизнь клянусь...

– Да ты что? Грибков обожрался? Может быть утаиваешь от королевской кухни?! – и Бешенный Пес, звучно передернул затвор, краб пал наземь и прикрыл обреченно глаза.

– Вы куда смотрите?! – проорал Пес к остальным, – из-за вашего попустительства по царству дива шатаются всякие отморозки. Вы что, снова хотите получить короля-идиота?

Опять?!

– Да кто ж виноват, что к нам такие приходят... – пробормотал кто-то из создание и поперхнулся словами, когда на него нацелили ствол.

– Не бейте... – пропищал краб с песка, – там еще мыши были...

– С мышами мы еще разберемся, – молвил Пес, – а что касается тебя... Я бы отрубил тебе голову, но у тебя ее нет, поэтому мы тебя просто шлепнем. Так, что приготовься Крабовый Салат!

– На вашем месте я бы не стал этого делать... – вставил слоненок.

– А тебе что за дело, мистер Розовый Слоненок?! – завопил Бешенный Пес, оборачиваясь к нему и наставляя на него

ружье, – не ты ли посоветовал ей идти во дворец?

– Вполне возможно это был гриб, – предположил кто-то из толпы, – в конце конов они же вели разговор на грибном поле...

– Молчать!!! – рявкнул Пес. Существа испуганно притихли. Слоненок со хмурой иронией наблюдал за происходящим.

– По мистеру Розовому! – скомандовал Пес, – Приготовиться...

– И это делать я тоже бы не стал, – сказал Слоненок.

– Это еще почему? – удивился Пес.

– Пытаясь застрелить Розового Слоненка вы тем самым подтверждаете для себя факт его существования. А так как на самом деле я не существую, то фактически, это может стать лишь подтверждением факта вашей собственной умственной несостоятельности. Кроме того Розовых Слонят может быть сколько угодно, в зависимости от длины приступа.

Бешенные Псы задумались – видимо решали, признать ли его реальностью.

– К тому же после этого я обязательно пожалуюсь Жаббервоху на то, что вы окончательно потеряли совесть, – добавил Розовый Слоненок мстительно.

Пес злобно сплюнул и махнул рукой, но прежде чем кто-то из его подручных смог нажать на курок Слоненок растворился в воздухе, оставив лишь одинокий розовый хобот, ко-

торый сделал в сторону Псов невежливый жест и тоже исчез.

Предводитель Псов некоторое время побуйствовал перед притихшими созданиями, потом, грязно ругаясь, указал на них:

– А вы... вы запомните! Чужакам помощи не давать!

Дорогу не указывать! В ОС не выпускать! И, самое главное, НЕ ПОИТЕ ЕЕ ЧАЕМ! И прочей психотропной дрянью...

Существа истово закивали, с благодарностью глядя на Пса.

– Вот и хорошо, – устало сказал он, жестом указывая перенацелить ружья на слушателей, – вы же не хотите новой безумной черной королевы?

Создания замотали головами. Пес посмотрел на них и командовал:

– Огонь, пли!!!

Бешенные Псы нажали на спусковые крючки и из стволов с хрюкающими звуками вылетели алые флажки с черными стрелками и вышитой золотом надписью: «БАНГкок Хилтон».

Не выдержавшие нечеловеческого напряжения существа дружно повалились в глубокий обморок.

После этого сцена пришла к завершению и перед ошеломленным Аниным взором предстала вереница черных «мерседесов» яростно буксующих в песке прежде, чем уехать. Вскоре берег опустел и стал совершенно безлюдным, если не

считать мелких писклявых гаек, бродивших в поисках пищи и поклевывающих неподвижно лежащих существ.

– Странные какие то, – фыркнула Аня, подводя итог встречи, но решила в будущем псов по возможности избегать.

Так как вглубь берега шагать ей совершенно не хотелось, она вновь двинулась вдоль береговой кромки, высматривая что ни будь похожее на лодку. К сожалению, ей попадались только кашалодки, да и то такие дикие, что не подпускали себе ближе чем на три метра.

Вконец отчаявшись найти какое ни будь плавсредство, Аня обратила свой взор на берег и сразу увидела маленький белый домик. О, что за чудо был этот домик! В псевдовикторианском стиле, крашенный в белую краску, с резными зелеными ставнями, он располагался в чудесном садике, который, правда, состоял из одних лишь камней, хотя это и не сразу бросалось в глаза.

Аккуратными буквами, вытянувшимися веселой дугой над низенькой дверью домика было написано: «НАШ ДЗЕН».

Ане название показалось знакомым, но чем именно, она совершенно не помнила.

– О, что за чудесный домик! – воскликнула она, – наверняка в нем живет кто-то добрый и вежливый, – она помолчала и с надеждой добавила, – и вменяемый.

Аня подошла к дверке и осторожно постучала: Тук-тук.

– Цок-цок, – ответили изнутри, – входи, милочка!

Открыв дверь, Аня оказалась лицом к лицу с овцой. Конечно же, это была овца, и пусть она была чересчур крупная и имела не очень добрый вид, все равно, Аня поняла, что попала по адресу.

При виде ее овца проворно соскочила с антикварного кресла качалки и галантно повернувшись, кивнула гостье:

– Вот и хорошо, что пришла. Ты проходи... усаживайся.

Овца оказалась очень коренастой, в темных чулках, а на спине у нее обнаружилась довольно крупная кумачовая звезда. Кроме того, у хозяйки дома имелись рога, которые подошли бы скорее горному туру, отчего овечка имела слегка демонический вид.

– Здравствуйте, меня зовут Аня, – сказала Аня, – я вам не помешала?

– Нет-нет, дорогуша, – сказала овца, – я еще не успела приступить к самому главному.

– К главному?

– Ты присаживайся, дитя мое, – молвила овца, вновь опускаясь в свое кресло, – Будь уверена в том, что пришла по адресу. Готова ли ты услышать истину?

– Если только она истинная, – сказал Аня с сомнением.

– О, самая, что ни на есть истинная! – провозгласила овца, доставая из-под качалки толстенный том в кожаном переплете, – это истина из «Настольного учебника прописных смыслин» от талантливомoго литератора и философа Коровы

Му. В общем то я его терпеть не могу, но иногда это жвачное может поведать о смысле жизни.

– Так что же пишет Корова Му насчет самого главного? – спросила Аня.

Овца величаво воззрилась на нее – глаза животного сияли светом высокой истины:

– Самое главное, Аня, – сказала овца торжественно, – это вовремя чистить уши ватными палочками!

Повисла величественная тишина, и прошло не меньше минуты пока Аня пришла в себя и нарушила молчание:

– Что? В-ватой? Какой ватой?!

– Какой, какой, – сказала овца весело, – сахарной конечно.

Только сейчас Аня заметила, что в домике сильно пахнет какими – то лекарственными препаратами, а пол весь усеян использованными ватными тампонами на спичках.

– Я наверно, пойду, – решила она, – мне, конечно, очень приятно ваше общество, но...

– Сиди! – строго сказала овца, – лекция о чистке ушей еще никому не была лишней! Кроме того, тебе все равно понадобится платье на коронацию.

– Но у меня есть платье! – возмутилась Аня, потому опустила глаза на измазанный бурыми пятнами передник и осеклась.

– В таком платье тебе никто не коронует, милочка, – произнесла овца наставительно, – никому не нужна королева-замарашка. Я сделаю тебе платье – отличное замечательное

платье. Черное как день, нежное как дерюга, с розовыми блестками, пахучее как цветок Агавы. Тебе нужно такое?

– Ох, это было бы замечательно!

– Проблема в том, что тебе придется делать большую часть самому. И все-таки послушать про вату.

– "Вата, так вата", – подумала Аня, – «главное, чтобы платье было готово».

– Ну, хорошо, – молвила овца, покачиваясь в своем кресле, – тебе нужно будет приготовить сахарной ваты. Это очень важная часть ритуала. Возьми с полки пудру, сахар, немного розового масла. И подбери тот медный таз – поставь его на огонь. Потом смешивай все в строгой последовательности, и не смей нарушать пропорции, а то опять получится чай этих мышей. В этом деле лучше не доложить, чем переложить.

И пока Аня возилась с неожиданно громоздким тазом и разжигала огонь, овца поудобнее устроилась в качалке и зачитала избранные отрывки из книги философа Му:

О чистке ушей.

"Что терзает нас в тварном мире? Откуда наши тревоги и неудачи, откуда провалы в личной жизни и общая неустроенность? Древние мудрецы говорят нам – это все карма, чакра и ци. Три астральные сущности, что заведуют нашим земным действием.

Неустроенность их в вышних сферах, сотрясая тонкие миры, неизбежно отзываются в нашем мире земном, проходя энергоканалами пхатрических энергий, и зачастую разрушая их, подобно тому, как очень мощное напряжение плавит медные провода. В этом случае поток энергий растекается с положительного полюса, в поисках полюса отрицательного и находят их в точках циркуляции нашей жизненной силы. Это-то и вызывает столь нежелательные для нас последствия. Круговорот небесных кругов нарушается и идет восьмерками, цепь истины срывает, а в ступицах правды повышается трение. Отсюда все наши беды и невзгоды".

Аня откупила ярко-красную коробку с сахаром, и щедро отсыпала его в таз, откуда тут же повалил едкий дым и весь сахар обратился в жженый. Зажимая нос, она попыталась выгрести продукт обратно, но он окончательно разжигился и стал закипать.

– "Что же делать? – спросите вы", – продолжала овца, – "как с этим бороться, ведь даже сильные медиумы рано или

поздно испытывают подобное, обращаясь в итоге в полных лоудиумов. Но я говорю вам – выход есть! И он прост как весь этот мир. Это – тайный метод мистической прочистки ушей ватными палочками.

Ватная палочка Бзя – вот инструмент судьбы, повышающий вашу удачу и привносящий в жизнь первобытную гармонию. Рассмотрим же ближе эту технологию духовного очищения наших предков: (примечание – сведения представленные далее относятся к непроверенным).

Редакция не несет ответственности за причиненный ими или в следствии их ущерб).

Как известно, в нашем ухе имеются два мистических бугорка, каждый из которых имеет своих духов покровителей из царства существ изначальных. Корнями данные покровители уходят в верхний мир, непосредственно к силам, сжигающим в руках нити нашей судьбы.

Это мистическая Улитка и космогоническая Раковина".

Сахар благополучно вскипел и Аня поспешила притушить его взятой из соседней банки пудрой. На беду пудра оказалась для лица и издавала сильный запах парфюма. Но признаваться в этом овце было в крайней степени неосмотрительно, и потому Аня, сжав зубы, обрушила в кипящий сахар три полновесные столовые ложки. Поднявшийся аромат не поддавался никакому описанию.

Аня покосилась на читающую овцу и чуть не подпрыгнула от удивления. Ровным монотонным голосом произнося свои

откровения, овца выверенными движениями срезала с себе прядь за прядью белую шерсть. Гладкие завитки падали на пол. Но тут отвар закипел и вынудил Аню вернуться к работе.

"...есть еще Кочка-Мочка, но этот астральный символ не существенен и не играет никакой роли в движении небесных сфер. Итак, ватная палочка Бзя представляет собой ось судьбы, сделанной чаще всего из твердого дерева (можно черенок от спички) и ватной головки – при том вата должна быть особого приготовления, пропитанная мистическими маслами в соответствии с ведическими ритуалами, о которых было написано выше.

Ни в коем случае, слышите, вату нельзя есть, ибо это может пагубно отразиться на астралозависимых путях, тантрических проходах и пищеварительном тракте.

В соответствии с методикой, палочка Бзя твердо зажимается между большим и указательным пальцами и аккуратно вводится в ауру. Здесь, вам необходимо разобраться к какому именно духу-покровителю вы обращаетесь. Если к мистическому духу улитки, то благодетельствованный ее покровительством бугорок обводится по часовой стрелке, так, чтобы по завершению движения вокруг бугорка возник символ бесконечности – расходящаяся спираль, плавно переходящий в уложенную на бок восьмерку.

Если же космогоническая раковина, то тут следует следовать путями акупунктуры, выводя ровные колющие галочки,

символизирующие раскрытого навстречу космическим ветрам моллюска и тщательно скрытую его суть.

Вполне возможно, что вам не хватит палочек Бзя и понадобится снова..."

– Готово!! – закричала Аня, страшно гордая тем, что вата все-таки получилась.

Розовое масло оказалось смазочным, к тому порядком загустевшим. Но как только эта более чем сомнительная порция была добавлена в общий котел, жидкость прекратила кипеть и загустела ноздреватой розовой массой.

– Скорее наматывай! – крикнула из кресла овца, шерсть на которой оставалась лишь выше шеи, и кинула Ане острую вязальную спицу.

Аня опустила спицу в таз и стала сноровисто наматывать получившийся продукт. К ее удивлению это удавалось просто замечательно и скоро половина спицы оказалось погребена под самой настоящей, одуряюще пахнущей сладкой ватой.

Вата пахла так вкусно, что Аня не заметила, как откусила от нее приличный кусок. На вкус продукт оказался сладко-кислым, от него свежело в голове, а глаза подергивались приятным туманом.

– Что ты делаешь!?! – крикнула овца над самым Аниным ухом, возвращая ее из мира грез.

– Ой, – испуганно вскрикнула Аня, – а что я делаю?

– Ты же ее ешь!!!

– И что, ведь это же сладкая вата. И потом, она очень вкусная, особенно если забыть об ингредиентах.

Овца негодуяюще мотнула рогами – без шерсти она окончательно приобрела вид совершенно спятлившей химеры:

– Нет, я не понимаю, – недовольно сказала она, – Тебе нужно платье или нет?

– Нужно, – твердо сказала Аня, решив до конца держать себя в руках, что после лекции о палочках Бзя было довольно затруднительно.

– Так давай сюда свою вату, неразумная девчонка!! – крикнула овца, надсаживаясь и буквально выдрала спицу из протянутой руки Ани, – неужели тебе не дорого твое время?!

И она под села к массивному деревянном ткацкому станку, имеющемуся в углу. Копытом овца топнула по педали. Не успела Аня заметить, как ее с такими стараниями приготовленная сладкая вата оказалась насажена на один из штырей, на другой скомпоновалась овечья шерсть, а также в ход пошли заблаговременно захваченные полотенца с пляжа. Станок пронзительно закрипел таким мерзким тоном, что Аня была вынуждена сморщиться и закрыть уши руками, и провести так довольно долгое время. В какой то момент ей показалось, что она задремала, а уже в следующий овца осторожно тронула ее за плечо.

– Готово, – буркнуло копытное, – получай свою обнову.

Аня подняла голову и затаила дыхание от восторга. Платье было готово, и какое платье!

Длинное, истинно королевское, в искрящихся блестках – о да, в таком не стыдно и во дворец пойти!

Странно, но не смотря на разноцветный материал пошедший в дело, платье было абсолютно черным.

– Все правильно, – сказала овца, – ведь ты же собираешься стать черной королевой! Вот твоя жемчужина – не забудь вставить ее в корону, когда придет время.

– Хорошо, – сказала Аня, – пусть будет так. Но я все равно не знаю как попасть на тот берег.

Овца вздохнула, потянулась, было, к своей книге, но тут же отняла копытце.

– Сэнсей Му учит нас пристально смотреть вглубь вещей, ведь зачастую скрытое оказывается главным. Через море вопросов нельзя переплыть, нельзя перелететь и перескочить, как корова через луны. Но его можно перейти по загрузочной дорожке.

– Загрузочная дорожка! – воскликнула Аня, – как же все просто!

– Ты очень ненаблюдательна, дитя, – печально сказала овца, – что-то подсказывает мне, что нам грозит очередная легкомысленная королева. Но тут уж ничего не поделаешь... работа есть работа. Слушай внимательно, Аня. Дорожка приведет тебя в Ментолуоловые топи – опасное место для тех, кто не смотрит под ноги. Но ты сможешь пройти, если будешь следовать тропе. А после топей войдешь в рощу боянышника с земляничными полянками, там то ты и найдешь

желаемое.

Аня была так тронута, что отвесила доброй овце изящный вежливый поклон, отчего копытное заметно смягчилось и даже улыбнулось напоследок. С тем они и распрощались.

И вот Аня стояла на берегу, одетая в черное, сверкающее платье, море вопросов лизало ее туфли, а над горизонтом величаво вставала полоса загрузки. Медленно росли проценты, пока не достигли ста и исполинская красная радуга не коснулась серого песка пляжа.

Тогда Аня легко ступила на нее и побежала вперед, туда, где ее ждала цель путешествия: украшенная жемчугом корона черной королевы.

С этого момента путь ее пошел по накатанной колее. Мрачные Ментолуоловые топи, где в дурнопахнущей жиже плавали оторванные конечности неудачливых ходоков она миновала без проблем, благодаря дельному совету стаи перелетных прачек, и даже не замочила ноги. В алой, налитой боянышниковой роще она срывала с ветвей сочные, брызжущие сладостью ягоды, которые кислили во рту и взрывались хорошим настроением в голове. Тут она чуть не потеряла направление, но вовремя попавшаяся поляна с земляникой указал ей путь.

Роща кончилась внезапно, и Аня замерла на пороге большого, абсолютно гладкого поля, которое уходило за горизонт. Здесь господствовал красный цвет – тысячи и тысячи кустов земляники качали ярко красными головками в такт

легкому бризу. От красного слезились глаза и казалось, что поле до горизонта залито кровью. Чуть в отдалении возвышалось одноэтажное, деревянное строение радикально черного цвета, украшенное сверху одинокой витой башенкой.

Аня прошла сквозь одуряюще пахнущие заросли (от аромата слезились глаза и начинало казаться, что смотришь на мир сквозь розовые очки) и остановилась перед дверью цвета туманности Угольный Мешок. На двери золотыми буквами было написано:

– "Земляничные поляны навсегда", – прочитала Аня и, пожав плечами, открыла дверь.

Внутри оказалась одна совершенно пустая комната, единственным предметом обстановки которой был простой деревянный табурет. В комнате пахло сыростью и застарелыми миазмами. Как только свет из проема пал на середину комнаты, в самом темном углу что-то тяжело заворчалось и со стоном подползло к табурету. Только при пристальном наблюдении в этом измученном существе можно было опознать Домашнего Мыша. Шерсть его почти повылазила, лапы скрючились, а ребра жутко выпирали под кожей. Подслеповато мигая на свету, это замученное создание взгромоздилось на табурет и, едва держась на подгибающихся лапах, мучительно закашлялось. Когда приступ прошел, Домашний Мышь с хрипом вздохнул и дрожащим голосом начал декламировать:

Дер Жаббервох.

Эс бриллиг вар. Ди шлихте товен,
Вертен унд вимельтен ин вабен.
Унд алле мюмьсиге бургтовен,
Ди момен рат аусграбен...

– Уважаемый мышь! – громко сказала Аня, – я очень уважаю ваш талант к стихосложению, но стихи, это немножечко не то, что я хотела бы от вас услышать.

– КТО ЭТО!!! – вскрикнул Домашний Мышь страшным осипшим голосом и грянулся с табурета без чувств.

Аня всполошилась, и поспешила вытащить пленника на воздух. Понадобилось полчала и три алых земляники, чтобы Мышь пришел в себя.

– Спасибо, что спасла меня, – доверительно сообщил он ей, – если бы не ты, то зачитали бы меня насмерть, это точно.

– А что с вами было? – с любопытством спросила Аня, – Мышеломка?

– Ну, не все так страшно, – Домашний Мышь с удовольствием вдыхал полной грудью, – всего лишь Жаббервох. Поймал меня, когда я нес грибки для королевской кухни... ОЙ! – он внезапно подпрыгнул на месте, – он ведь вернется... дай-ка, я на тебя обопрюсь и мы покинем этот оплот сладости.

– Ты знаешь дорогу?

– Только во дворец, – просипел Мышь, тяжело опираясь на ее руку, – но ведь тебе туда и нужно. Скоро коронация, а ты и так потеряла много времени, ища меня.

И все же, несмотря на спешку Домашний Мышь двигался очень медленно. К тому же изо рта у него плохо пахло, а рот он не закрывал ни на минуту.

– Что поделаешь, – говорил Мышь, – я сильно ослаб. Когда Жаббервох поймал меня, он съел все мои грибы, и после этого совершенно забыл, что хотел со мной сделать.

Пришлось быстро сказать ему, что он пригласил меня на чтение поэмы в его честь. К сожалению по окончании поэмы он тут же забывал ее начало, так, что мне приходилось читать ее снова и снова. О, это была ужасная пытка! Знаешь что Аня, я просто счастлив, что Жаббервох не может быть коронован. Это было бы хуже всех предыдущих королей вместе взятых!

Не успели они, однако, дойти до края земляничного поля, как в отдалении раздался невероятной силы рев, в котором смешались ярость и разочарование. Аня вздрогнула, а Домашний Мышь втянул голову в плечи и прошептал:

– Это он! Слышишь как в гуще мовит!

Жаббервох мовил еще очень долго и затих только тогда, когда Аня с Мышом ступили на дорогу из красного кирпича.

Конечно, такой профессионал как Домашний Мышь знал дорогу во дворец. Никем не замеченные они проскользнули

сквозь черный вход со строгой табличкой на дверях: «Вход только обслуживающему персоналу и номинантам на коронацию». Внутри оказалась собственно королевская кухня, на которой в десятке печей готовили грибы жаренные, грибы маринованные, соус грибной острый, соус грибной сладкий, грибы сырые поперченные, филе грибное мелко порезанное, грибницу пареную, грибной суп с грибными грецками, ростриб и грибштекс, грибные котлеты и винегриб. Все это шипело и клокотало, и распространяло странные ароматы от которых перебивало дыхание и начинали блестеть глаза.

А потом началась лестница, что вилась ступенька за ступенькой все ниже и ниже, так, что казалось можно пройти по ней в самый что ни на есть центр земли.

– "Какая длинная лестница", – подумала Аня, – «Интересно, а если глянуть на нее сверху, она будет похожа на спираль, плавно переходящую в восьмерку – официальный символ бесконечности. И если похожа, то значит ли это, что по ней ходил Корова Му и достиг центра земли, и...»

Но тут они вышли в просторный зал и со всех сторон оглушительно грянули бледные трубы и с жестяным звуком ударили гитавры, возвещая о начале коронации.

Звук был столь громок, что Аня сначала зажмурилась и закрыла уши руками, а когда открыла глаза, то увидела, что все сидят за столом и смотрят на нее.

Кого тут только не было! Вся элита царства дива собралась поприветствовать будущую королеву! Были здесь су-

щества и создания, были звери и зверушки, копошашки и шебаршанчики, крошки и крохотули, лапочки и рыбочки. Здесь стояли рука об руку Краб Снак и Крыс. В углу при-тулились Луговой Мышь и Полевой Мышь, украдкой потягивая чай из большой красной кружки. Напротив них три устрицы сосредоточенно прятали под панцирем столовое серебро. У дальней стены собралась шумная компания сондат, и их предводитель Пелиморфий был рядом, сидя за одним столом с группой Бешенных Псов в идеально отглаженных черных костюмах. Здесь была овца, которая так и прибыла к празднеству в своем кресле качалке, и сейчас она втолковывала философские истины Розовому Слопенку, который кивал с мрачным видом, а также был безмолвный Астрал и целая стая мистических улиток и раковин. Все это сборище шумело и вопило и подбрасывало в воздух кепки (у кого они были), славя новую королеву.

Вопили они так громко, что Аню охватило очень странное чувство, и даже показалось, что она вот-вот выпадет из ОСа, а то и еще хуже. Но усилием воли она подавила неприятное ощущение – сейчас была ее коронация и она ни за что не хотела пропускать такое событие.

Вновь прогремели трубы, высокие золоченые двери в дальнем конце залы стали величаво открываться и Аня, чтобы справиться с волнением отпила из стоящего перед ней бокала.

Питье отдавало легким холодком, от него проходила

дрожь в ногах и сводило судорогой сознание.

Гости орали оглушительно. В открывшемся проеме показались два лощеных пажа, все в золоте и павлиньих перьях. Между собой они несли красную атласную подушечку на которой покоилась – Аня затаила дыхание от восхищения – сверкающая драгоценными агатами черная корона! Пажи медленно и величественно ступали, но тут их триумфальный ход преградил стол и они, нимало не смущаясь, взгромоздились на него и двинулись дальше, аккуратно ставя ногу между блюдами с грибным салатом.

Аня не удержалась и захлопала в ладоши. Она всю жизнь ждала этого момента! Рядом с ней отощавший Домашний Мышь с inferнальным энтузиазмом налегал на тарелку с грибштексами.

Третий раз пропели трубы, и кто-то плохо видимый в пахучих испарениях залы луженым голосом прокричал:

– А теперь приступим к церемонии! Будущая Черная Королева, встань, чтобы мы могли тебя видеть!

Аня поспешно вскочила, толкнув Мыша локтем, и достала заготовленную жемчужину. Она уже хорошо видела пустую оправу в короне – место, куда надо вставить белый символ власти.

Пажи дошли до середины стола, умудрившись никому не отдавить руку, как вдруг случилось непредвиденное. Из толпы гостей поднялся некто, до этого совершенно незаметный. Но как только он встал, то в зале тут же повисла пропитан-

ная ужасом тишина. Грибы застыли на вилках, глаза выпучились, а Домашний Мышь выронил свой грибштекс и бесцветным голосом вымолвил:

– Жаббервох...

Аня во все глаза смотрела на чудовище. Жаббервоха и вправду невозможно было спутать ни с кем другим. Настоящий исполин, это был он и никто другой!

В мертвой тишине Жаббервох проследовал через зал и тяжело взгромоздился на стол, распахивая чешуйчатым хвостом тарелки с грибами. Мощным толчком он спихнул со стола ближайшего пажа и схватив корону, обернулся к залу.

– Сколько можно!?! – вымолвил он, обращаясь к притихшей толпе, – сколько можно, я спрашиваю, выбирать в короли всякий пришлый сброд?! Почему, имея такие ценные кадры, мы раз за разом приглашаем иноземцев?! Все! Баста! Отныне и навеки веков королем будет ЖАББЕРВОХ!!!

Толпа вздохнула как единый человек. Бешенные псы повскакивали со своих мест, опрокидывая стулья, оружие тут оказалось в их руках и стволы были направлены на узурпатора. Сондаты разлепили веки и схватились за украшенные резьбой самострелы. Кто-то собирал в кучку объедки, кто-то вооружался вилками. Устрицы поспешно извлекали из панцирей серебряные десертные ножики. Краб Снак растопырил клешни.

– Ну чем я вам не король?! – промовил Жаббервох напыливая корону, – или вы мне не дадите?!

Сотни глаз смотрели на него, сотни рук сжимали оружие. Повисла гнетущая тишина и, казалось, даже сам воздух над столом был напряжен. В нем был так много недружелюбия, что пар начал конденсироваться и оседать на стенках. В тарелках завозились, попискивая, не выдержавшие потока негативных эмоций грибы.

У Ани на глаза навернулись слезы. Но, почему?! Почему именно сейчас дело всей ее жизни должно сорваться?! Она столько шла, пережила такие трудности и лишения только для того, чтобы какой-то Жаббервох отобрал у нее корону под самым носом. Аня поняла, что гнев переполняет ее.

– НУ, НЕТ!!! – вскрикнула она не своим голосом и метнула жемчужину, свою трофейную жемчужину с инвентарным номером в Жаббервоха, но промахнулась и снаряд угодил в Розового Слопенка.

Тишина прорвалась. Секунду спустя стреляли уже все. Грохот был такой, что с потолка посыпала оставшаяся от пара изморозь. Наиболее сообразительные гости попадали на землю, прикрывая головы руками, остальные же включились в схватку. Так как почти все выстрелы прошли мимо Жаббервоха, они угодили в гостей, которые тоже открыли огонь кто чем мог.

В пространство над стволом взмыли стрелы, пули, пустые бокалы, тарелки, грибные объедки и те из гостей, которые были полегче и вполне годились для роли снарядов.

Гости орали, матерились, кто-то пытался уползти, кто-то

улететь, кому-то сосредоточенно били лицо в углу.

Мощно пахло гарью и грибами. Стены стонали и трещали, стулья падали и взлетали в воздух, стол вдруг изогнулся и тяжело просел на одну сторону, скатерть слетела, волоча за собой уцелевшие тарелки и погребая под собой полностью закрывшихся устриц.

Жаббервох пал среди первых, сраженный томом философа Му, метко кинутого овцой.

Корона, неслышимо во всеобщем гаме, звякая, подкатилась Ане под нос. Сама Аня давно уже делила место с Домашним Мышом под своим королевским стулом.

Битва разгулялась не на шутку – отряд Бешенных Псов с пеной у рта поливал свинцом все живое. Часть сондатов уже спала мертвым сном, а Пелиморфий поспешно вышел в ОС и не вернулся. Объединенные силы Существ и Созданий с десертными вилками наперевес теснили маленькую кучку Крошек, делая их все меньше и меньше. Шебаршанчики не на жизнь, а на смерть сцепились с крохотулями и утопили часть в бокале с вином пятилетней выдержки.

Домашний мыш под креслом поспешно доедал свой грибштекс.

Аня беззвучно рыдала и лупила кулаками по полу. Ее чудесное платье было перемазано густым грибным соусом. Вокруг нее падали чьи то перья, когти, и клочки дурнопахнущей шерсти. Грибы пищали от ужаса.

Тут началось что-то уже совершенно странное. Группа

прачек обратилась в крачек и улетела на юг. Стол поднялся, стряхнул с себя драчунов и объявил себя конем Александра Македонского и сказал, что ему давно пора идти. Тарелки сошлись по двое и все до единой поспешно вступили в секту Керамических Устриц, после чего поспешили присоединиться к сэнсеям в их полной замкнутости.

Откуда не возьмись, в зал вломилась полоса загрузки и как голодный питон стала рыскать среди дерущихся гостей и проглатывать неосторожных. И, наконец, многочисленные снаряды замедлили свой полет и стали оставлять ясно видимые белесые круги, которые сопровождались гулкими ударами в барабан, специально нанятого человека-оркестра.

Аня устало прикрыла глаза.

– "Опять не удалось", – как-то вдруг совершенно трезво подумала она, – «Опять не получилось. Как тогда. Как всегда. Это ведь не жизнь. Это полный бред... Бред?!»

Внезапная догадка заставила глаза широко распахнуться, но теперь вместо детского удивления в них светилась мысль. Аня рывком потянула к себе ближайший бокал, понюхала и сморщилась от резкого химического запаха. Схватила убегающее блюдо с грибами – так и есть – явно не шампиньоны!

На подгибающихся ногах, среди свистящих со всех сторон объедков и разбитых сервизом, она взобралась на кресло и, сжимая в руках свою корону, завопила, перекрывая безумный гам:

– ЭЙ ВЫ!!! Вы слышите?! Это уж слишком!! Так не бы-

вает!!! Нет никаких Жаббервохов! Нет овец со звездами, сондат, говорящих крабов!!! Мыши не пьют чай! ЭТО ВСЕ БРЕД!!! Это галлюцинации! Мои галлюцинации!!! Мои! И я хочу проснуться! Проснуться! ПРОСНУТЬСЯ!!!

Тут она почувствовала, что знакомое ощущение все нарастает, становится мощным и всеобъемлющим, затмевая собой все на свете. Вселенская свалка поблекла, стала плоской как плохая фотография, и напоследок, перед тем как покинуть залу, Аня почувствовала как Домашний мышь выбирается из-под кресла и неловким движением опрокидывает его.

Атласная подушка ушла у Ани из-под ног и она пребольно упала на пол.

Вернее с грохотом рухнула, так, что наверное перебудила весь дом. Анна тяжело вздохнула и вскарабкалась на свою узкую кровать. Бок ныл от удара. В окно светила такая шикарная желтая луна, что на глаза сами собой навернулись слезы. Но почему в таком гнусном мире может быть такая красотища? Почему чудесные сны не длятся долго?

Со стены напротив на нее укоризненно пялился сэр Чарльз Людвиг Доджсон в обрамлении простой деревянной рамки.

На тумбочке в изголовье кровати стоял пузырек со снотворным, которое добрые доктора из лечебницы прописали как раз для таких случаев. Анна приняла две таблетки, мучительно борясь с желанием проглотить все разом. После этого

села на кровати и стала смотреть на луну.

– Что у меня за жизнь? – спрашивала Анна у светила, – ни света, ни радости?

Беспросветная жизнь... бессмысленная... без будущего.

В руках она держала корону, которая мешала и она поспешила водрузить ее на голову.

Так и сидела Анна Воронцова в лунном свете с короной на голове, пока до нее не дошло, что что-то не так.

Интерлюдия третья.

Крутится-вертится шар голубой. Плещутся моря, солнце всходит и заходит, растет трава и шумят деревья. В небесах близится солнцестояние и проходит парад планет. Принимают парад клоун, поэт и жница (молчит). Все очень красиво, однако радости на лицах нет, как нет. Клоун смотрит вниз, на красивый и полный суетливой жизни мир. Поэт, как и положено, смотрит на звезды. Жница никуда не смотрит – у нее не видно глаз.

Клоун (после паузы): Возможно это – последний парад.

Поэт (в ту же тему): Последний и решительный бой... Ну кто же знал, что выйдет так.

Клоун: И рвались тонкие миры... Не вышло вот, опять не вышло.

Поэт: Но кто же знал. Видать зашло так далеко, что не распутать уж вовек. Лишь разрубить!

Клоун: А это мысль.

Поэт: Да что ты! У кого достанет силы на это? Да и грязно так!

Клоун: Нам все средства хороши! Ха-ха (откровенно невесело смеется). А силы...

Поэт: Нету сил. Мне страшно, друг. Впервые страшно. Вдруг мы не устоим? И тонкие миры... все так смешалось – сон и явь. Не разберу уж. Нет, затея наша обречена была...

Клоун (сжимая кулаки): А виноват то кто?

Поэт: Я что ль?

Клоун (поворачиваясь к нему): А мож и ты!!! Вот почему б тебе вниз не пойти да не исправить клубок сплетающийся проблем?

Поэт: Так силы... Сил ведь нет.

Клоун (наступает на него): Ах, сил... Да ты... марионетка! Орудие судьбы, ничтожное, ты прах, убожество, слюнтяй, что ты забыл здесь жалкий...

Поэт: Ведь есть еще она! (указывает на жницу).

Жница: (молчит) Клоун замолкает и с побагровевшей под гримом физиономией поворачивается к жнице. Та, не реагирует.

Клоун (злобно-язвительно): Ваше святейшество...

Жница: (молчит) Клоун: Ведь вам то сил не занимать, милейшая. Что ж вы молчите, ведь нам все грозит катарсис?

Жница: (молчит) Клоун вдруг оставляет спокойствие и начинает, сжав кулаки, наступать на жницу.

Клоун (без паузы переходя на крик): Молчишь скотина!? Да ты хуже всех! Ты жалкая статистка в нашей пьесе!!! Бездарщина! Ты ничего не хочешь делать! Зачем нужна ты только? Ты не нужна нам, слышишь! Не нужна! Твоя игра достойна отвращения! Ты не живая! Ты никто!!! Ты не годишься даже в мимы! Не прячь глаза! И почему я их не вижу!

Ты что скрываешь? А ну открой лицо! ОТКРОЙ ЛИЦО!!! (надсаживаясь).

Парад планет сбивается с ритма. Планеты начинают шагать не в ногу то и дела налетая друг на друга. Клоун быстрым шагом идет по подмосткам к жнице, но когда до нее остается метра два жница преобразается. Темная фигура привстает, балахон развивается, садовый инструмент с жутким звуком режет застоявшийся вакуум. Под темным капюшоном вспыхивают два багровых ока, фенечки светятся неприятным алым отсветом. Вся фигура жницы излучает inferнальность. Клоун отшатывается. Его лицо становится белым как грим поэта. Он увидел лицо жницы. Сам поэт в ужасе закрывает лицо руками и падает на доски помоста. Жница глухо и надсадно ревет, отчего на подмостках вздымается маленький ураган звездной пыли. Секунды две кажется, что это конец всему. Но нет, жница успокаивается и опускается обратно. Огни гаснут, но остается ощущение, что они в любой момент могут вернуться. Долгое время никто не произносит ни слова. На земле, меж тем, продолжают вершиться судьбы избранной семерки.

Клоун (после долгого молчания): Ну что ж, да будет так. Значит я один. Один. И пусть!

(поднимает голову, поэт робко улыбается ему в ответ, но заглядывает в глаза клоуна и улыбка стынет) ДА БУДЕТ ТАК!!! (встает, вся нелепая фигура излучает решительность) Вы не хотите, вы, спасти хоть собственные жизни! Бессильные! Да мне плевать! Я сам пойду!

Пойду и разберусь во всем!

Поэт: Ты что, опомнись, наше место здесь!

Клоун: Твое!! Ха-ха! И этой твари! А я пойду. По мне так лучше сдохнуть там, в бою, чем тихо ожидать конца на этой сцене!

Поэт: Пожалуйста... не надо.

Клоун весело, заливисто хохочет. Оборачивается к спутникам, шутовски кланяется.

Клоун: Ждите меня с победой. Мы еще покажем кто здесь главный кукловод.

Поэт (сквозь слезы): Не подведи... одна надежда на тебя.

Клоун кивает, поворачивается и со сосредоточенным лицом делает шаг со сцены. Его фигура тут же исчезает, растворяясь на фоне беспечной земли. Голубая планета стремительно надвигается, слышен лишь шум ветра и стихающий голос поэта, кричащего «в добрый путь!» Клоун уходит.

Вновь воцаряется тишина. Крутится-вертится земля, наступают приливы и отливы, шумят пальмы, бегут секундные стрелки, грохочут метрополисы, на луне виден силуэт рогатого зайца.

Поэт (тихо, почти про себя): Ну вот, ушел. Способен ли? Сумеет ли? (еще тише) орудие судьбы... статист... ведь так оно и есть! Мы статисты, а главные герои – ОНИ (тоскливо смотрит вниз).

Замолкает. Жница тоже молчит, потому что знает, что молчание – золото. Кроме того, она почти всегда смеется последней.

Катрен третий.

Caught in a landslide...

Красноцветов ищет истину.

Взошло солнце и Алексей Сергеевич Красноцветов вернулся в этот мир. За окном светило солнце и тысячи искристых его двойников отражались в каплях весенней капли. Мир, в сущности, не изменился – жил как жил, катясь по проторенным заранее рельсам, от зимы к весне, а там и к знойному налитому лету. Мир гудел гудками автомобилей, вещал шестью миллиардами голосов на разных наречиях, а также на шести сотнях птичьих языков.

Разносилась почта, утренние газеты, диски из видеопроката нашли хозяев, и сеть расцвела свежими байтами. Начинался обычный день, в котором почти все были нормальными. Мир и сам был нормальным.

Алексей же Сергеевич находился в помрачении. Первым делом, поднявшись с кровати, он пожелал доброго утра своей собаке Альме. Альма выразительно посмотрела на него желтокарими глазами и ничего не ответила, что повергло Красноцветова в искреннее изумление.

Рана на лапе затянулась и не доставляла собаке никаких

проблем, в отличие от ее хозяина.

Красноцветов добрался до ванной и долго и внимательно разглядывал себя в зеркало, пытаясь хоть как-то наладить мыслительный процесс, заодно автоматически подмечая, что он стареет и вообще выглядит неважно. Мысль пробуксовывала и замечательный весенний мир, такой сверкающий, и как раз из той серии, что вызывает беспричинные улыбки у людей на улице – казался не очень хорошим сном.

Где-то на задворках сознания витал позыв почистить зубы, умыться, поесть и отправиться на работу, но Алексею Сергеевичу, человеку обычно в высшей степени прагматичному, почему-то казалось, что стоит ему открыть входную дверь, как он тут же провалиться в некую черную дыру ведущую черт знает куда. Поэтому Красноцветов продолжал смотреть в собственные мутные и, надо признать, порядком испуганные глаза.

Странно, единственная мысль все же появившаяся на внешней поверхности его серого вещества была о золотых монетах. Почему-то казалось, что именно монеты и все объясняют. Тут же захотелось пойти и отыскать тех двух школьников, что играли прошлой зимой в пирамиды... или вот что они там играли? В пиратов! Захотелось отыскать их и расспросить с пристрастием. Красноцветов сжал зубы и замотал головой. Бред, бред какой! Он порывисто отвернулся от зеркала и вышел из ванной. Альма провожала его удивленным взглядом.

Алексей Сергеевич подошел к окну и так же пристально, как только что в зеркало стал смотреть на текущую внизу жизнь. Ему казалось диким и странным видеть все в ярких, сочных цветах. Его нос был забит и ничего не чувствовал отчего Алексей Сергеевич ощущал себя никчемным инвалидом.

– Все нормально! – громко и с выражением сказал Красноцветов и стукнул ладонью по стеклу, – нормально, нормально, нормально. Это был сон.

Для большего успокоения он перебрал в памяти небогатую событиями свою жизнь, улыбнувшись при черно-белых детских воспоминаниях, монохромных же фотографий студенчества, а также большую часть моноцветных снимков молодости и зрелости. Потом понял, что ему доставляют удовольствие серые оттенки и ужаснулся. Рассудок его опасно колебался, подобно воздушному акробату, которого хватил мышечный паралич в самой середине опасного трюка.

Откуда у Альмы рана? Может быть Бульдозер? Но последняя стычка с Бульдозером была давным-давно! Щелчком пульта Алексей Сергеевич Красноцветов, мужчина в высшей степени основательный и респектабельный, но находящийся близко к безумию, оживил телевизор и тут же испытал острое облегчение при виде черно-белых кадров старого фильма. Фильм был «ко мне, Мухтар», но находящийся в помрачении Красноцветов этого не заметил, наслаждаясь серым цветом и непрерывным собачьим лаем. Это успоко-

ило Алексея настолько, что он все-таки решил посетить работу. Больше того, она ему была сейчас нужна как воздух и поелику как можно нуднее. Кроме того, хотелось увидеть лица живых людей.

Кино прервалось блоком рекламы, в котором жизнерадостные, холеные псы восхваляли очередные безумно вкусные, питательные, богатые поливитаминами, попросту замечательные собачьи корма. Лай шел непрерывно и Альма на своем коврике заинтересованно дергала ушами. Она-то была совершенно спокойна.

Забыв про завтрак, Красноцветов стал собираться. Одел теплые носки из собачьей шерсти, вязаный жилет из шерсти собаки, которые связала ему бывшая жена (он ностальгически вздохнул, вспомнив покинутую супругу – она была хрупкой, невысокой женщиной, с серыми глазами, светло серыми волосами, почти белой, лишь с легким оттенком серого, кожей и всегда предпочитала очень яркую, серо-стальную помаду).

Также, кряхтя, нацепил кусачий пояс из собачьей шерсти, что в сырую погоду очень хорошо помогал от ревматизма, полосатый шарф из неизвестного бобика, китайскую кожаную куртку из кожзаменителя (коровья кожа была заменена на шкуру шавки из ближайшей подворотни, он был уверен), а на голову нацепил меховую шапку из собачьего меха и задумался над тем, не будет ли жарко.

Телевизор продолжал лаять – реклама корма для собак

что-то очень уж затянулась и длилась уже минут двадцать. Иногда ее, правда, перебивали рекламы собачьего шампуня от блох, и слезоточивые ролики общества охраны собак. Красноцветов с облегчением ощущал, что мозг больше не кажется музыкальным инструментом с перетянутыми струнами.

Пожелав Альме хорошего дня, Алексей Сергеевич некоторое время помялся под дверью, а потом храбро открыл ее. Разумеется, никаких иных пространств за ней не обнаружилось – только крашенная унылой краской лестничная клетка да дверь соседской квартиры.

Которая, впрочем, тут же отворилась с немзыкально-пусторонним скрипом явив серый (о, да!) полумрак прихожей и Марью Ерофеевну Касаткину, которая в свободное от забивания баков соседям время работала на городском вещевом рынке.

– О! – сказала она с жутковатым энтузиазмом, увидав одетого в собачий мех Красноцветова, – а я как раз до вас! Тут новость такая, не поверите, о собачке вашей, кстати, как ваша собачка?

– Хорошо, – ответил Красноцветов, – лапа уже зажила.

– Да я ж не о лапе! – воскликнула Марья Ерофеевна и триумфальным жестом воздела в холодный воздух подъезда яркую упаковку неизвестного продукта, – Вам, кстати, почтальон не заходил?

– Не выписываю периодических изданий, – молвил Алек-

сей Сергеевич, напряженно вслушиваясь в недра чужой квартиры. Он был уверен – оттуда доносился собачий лай.

– Ой, да при чем тут издания! – соседка махнула неразгаданной упаковкой перед носом Красноцветова, – приходил тут один, с толстой сумкой на ремне. О вас все спрашивал.

Пришлось на него гавкнуть, чтоб отстал!

И она шутливо гавкнула, плотоядно ухмыльнувшись Красноцветову. Тот похолодел. Лай раздавался все громче. Алексей вдруг заметил, что у Марьи Ерофеевны явно слишком много волос и они жесткие и вьются мелкими кудряшками.

– Что за упаковочка то... – слабо молвил он, чтобы нарушить молчание.

– А корм, корм для собачки вашей! – и Марья Ерофеевна, улыбнувшись еще шире, поднесла пакет к самому носу Красноцветова. Тот сморщился – корм вонял отвратительно, но было, однако, в нем нечто... притягательное, воскрешавшее целый сонм ненужных воспоминаний.

– Замечательный корм, – вкрадчиво добавила соседка, – корм для настоящих собак.

Поливитамины, кальций, углеводороды и мясная мука. Пальчики оближешь! Я и своей бы дала, но вам я считаю, нужнее.

– У вас нет собаки... – вымолвил Красноцветов.

– Ой, да я и сама бы съела. Это ж такая вещь – плохо не сделают! Ну что, берете?

– Беру! – непослушными губами сказал Алексей Сергеевич и резким движением выхватив пакет из рук соседки, быстро зашагал вниз. Мир вокруг снова поплыл. Красноцветов понял, что он больше ничего не хочет слышать про собаку. Совсем ничего.

Навстречу ему аккуратными прыжками взбиралась на ступеньки древняя бабулька с десятого этажа. Поравнявшись с Красноцветовым, она пожелала ему доброго утра, для чего ей понадобилось вынуть из вставных челюстей изжеванную ручку пакета с продуктами. Два других она несла в руках, опасно покачиваясь при прыжках. Красноцветов деревянно улыбнулся ей и поспешил мимо, однако не удержавшись, оглянулся.

Короткий хлястик от пальто божьего одуванчика оторвался и вилял при движениях как живой. Мозг Красноцветова опасно затрещал и он поспешил отвернуться.

На площадке четвертого этажа разместились похожие на соты пораженных киберпанковой зависимостью пчел, почтовые ящики. Алексей вспомнил про почтальона и ему пришла в голову идея отпереть собственный ящик. Идея более чем глупая, если учесть, что почту Красноцветов и вправду не выписывал. Но на этот раз, стоило лишь повернуть ключ, как на руки ему лег яркий глянцевый листок. Рекламная брошюра?

С тяжело бьющимся сердцем Алексей Сергеевич вгляделся в текст так пристально, словно от этого зависело его даль-

нейшее существование:

"Вас беспокоят волосы? Этот ужасный пух, который, кажется, угнездился везде! На груди, под мышками и, конечно, в местах бикини! От него жарко, он колется, он доставляет вам настоящие страдания! Так и хочется прибегнуть к крайнему средству – машинке для стрижки.

Остановитесь! Зачем уродовать себя, когда современные технологии нашли замечательный выход! Итак, мы представляем уникальную триминг-расческу «Нежная прополка» от компании «Тримминг Лабс» – корпорации с более чем полувековым стажем на поле стрижки.

Уникальность этой чудо-расчески заключается в ее коротких, мощных зубцах из углеродистой стали, каждый из которых снабжен микровпадинами для твердого и надежного зацепления, а также тремя отверстиями для вентиляции, благодаря чему «Нежная прополка» никогда не греется. Благодаря этим выдающимся достижениям процесс тримминга идет гладко и нежно, не доставляя Вам никаких страданий, удаляя этот ненужный пух, и оставляя лишь Ваши жесткие волосы – гладкие и красивые!

Вы все еще пользуетесь этими ужасными расческами прошлого поколения, которые выдирают пух с корнем, оставляя на коже страшные раздражения? Вы бежите за машинкой? Неужели вам не жалко себя, ведь чудо расческа «Нежная прополка» делает свое дело быстро и без малейших неудобств! Кожа не раздражается. Потому что «Нежная про-

полка» ТРИМИНГУЕТ РОВНО И НЕ ЦАРАПАЕТ! Ноль вреда для кожи!

Вы не можете купить это в магазинах! Для того чтобы приобрести чудо-расческу просто отправьте письмо по адресу: Стаффордшир, проспект Энтумиазмов, дом 10, корпус 2, под гостиницей «Ротвейлерсон – отель» или позвоните по телефону 555-5555-DOG. Запомните, «Нежная прополка» НЕ ЦАРАПАЕТ..."

– Мама... – простонал Алексей Сергеевич тихо, – мамочка...

Взгляд его пал вниз, туда, где должна была совершать свой стремящийся к квадрату символ бесконечности лестничный пролет. Куда бежали ступеньки, по которым Алексей Сергеевич Красноцветов ходил каждое утро много лет подряд. Но теперь он пришел. Все-таки пришел, о чем и оповестил Алексея некий внутренний голос, прорезавшийся глас чувства самосохранения.

Лестницы больше не было. Ровная плита лестничной площадки обрывалась в пустоту. В четыре этажа пустого холодного воздуха. Но плохо было не это – лестница могла обрушиться в результате взрыва, усталости конструкции, локального землетрясения и еще целого ряда подобных катаклизмов. Хуже было другое – ничто не напоминало о том, что здесь когда-то была лестница. Ни следа на унылых стенах подъезда, ни обломков крепежей, ни бетонной крошки внизу. Лестница исчезла. Была лишь унылая серо-синяя краска

да сюрреалистические прямоугольники закрытых дверей напоминали об исчезнувших пролетах. Получилось нечто вроде узкого, квадратного колодца, при одном взгляде на который начинала кружиться голова.

Истин, добравшихся до кружившейся головы Алексея Сергеевича было ровно две. Первая:

«Все-таки что-то не так», вторая: «Из дома не выйти».

Вот тут-то Красноцветов поднял голову к грязному потолку и завыл, отчего испытал некоторое облегчение. Мир все же сошел с ума, и ужасно радовало, что все-таки мир, а не Алексей Сергеевич Красноцветов.

Некоторое время Алексей сидел так возле колодца возникшего на месте лестничного пролета и отрешенно смотрел вниз, подобно китайцу, который ждет у реки когда проплывет труп его врага. Но так как никто не проплыл (и даже не прошел) Красноцветов, наконец, пришел в согласие с самим собой. Он понял, что не хочет сходит с ума. Еще он понял, что хочет выбраться отсюда на волю. Мысли эти пришли так легко и естественно, словно он последние сорок лет только и делал, что выбирался из различных безумных ситуаций.

Прошлое (каким бы оно ни было) отошло на второй план. Голова работала четко и лишь где-то на самом дне крупноячеистого сита сознания темным комком бился в затаенной панике здравый смысл. Красноцветов поднялся на ноги и посмотрел вверх.

Лестница там еще была и это, несомненно, радовало.

Алексей Сергеевич скомкал злосчастную брошюру «нежной прополки» и швырнул бумажный шарик в провал. Если нельзя пойти вниз, а в свою квартиру возвращаться не хочется (в этом он был уверен) стоит постучаться в ближайшие двери и расспросить их хозяев.

Красноцветов отвернулся от провала и, пройдя одинокий лестничный пролет, остановился перед отделанной дорогим ясеневым шпоном стальной дверью. Внутренне содрогаясь, потянулся к звонку, подумав, что если услышит за дверь собачий лай, то повернется и побежит прочь. Но лая не было, а звонок не звонил. Алексей постучал по стали костяшками пальцев и подивился, что звук выходит глухой и тусклый. Никто так и не отозвался, и Красноцветов подергал узорную ручку двери. Ручка неожиданно подалась и тяжелая дверь бесшумно растворилась на тяжелых петлях. За ней был все тот же серый полумрак в успокаивающих мышинных тонах.

Хотелось позвать хозяев, но перехватило горло. Вместо этого Красноцветов сделал шаг в темноту, испытывая при этом тяжелый приступ страха. Который перешел в ужас, когда полумрак сменился вспышкой белого света. Алексей непроизвольно зажмурился и закрыл лицо руками, а когда прошло две минуты, а его все еще никто не сожрал, осмелился взглянуть на происходящее.

Дверь снова была перед ним – стояла приоткрытая, свет газоразрядной лампы тускло поигрывал на узорном металле. Красноцветов обернулся и обнаружил, что только что вышел

из двери напротив – она была отделана черным кожзамени-
телем и тоже открыта.

– Это как это? – спросил Алексей Сергеевич у пустого ко-
ридора и не получил ответа.

В голове было пусто. Лампа чуть слышно жужжала. Полу-
мрак манил. Красноцветов резко развернулся и вошел в со-
седнюю дверь. Полумрак разорвала новая вспышка и теперь
он смотрел на черную дверь, стоя на пороге стальной. Два
шага вперед, рывок за ручку, выход в полумрак, вспышка и
теперь он заметил, что это просто свет лампы в коридоре.

Ясенева дверь позади. Черная впереди. Полумрак драз-
нит. Красноцветов до боли в глазах всматривался во тьму,
но увидел лишь часть прихожей да крупное старое зеркало
в потускневшей бронзовой раме. В нем отражался коридор,
соседняя дверь и одетая в нелепый мех фигура самого Алек-
сея Сергеевича.

Две последующие попытки войти в прихожую принесли
один и тот же результат. Входя в одну дверь, Красноцветов
оказывался на пороге другой – той, что оказывалась напро-
тив.

На лбу Алексея выступил холодный пот. Он сделал еще
одну попытку, а потом ему подумалось, что так можно хо-
дить бесконечно – входя в одну из дверей и выходя из дру-
гой. Или хуже того – возможно, он уже давно покинул свой
дом, и теперь с каждым новым входом оказывается во все
более дальних (и чуждых) краях. Страх вернулся с новой си-

лой и возникло то ощущение, которое испытала бы неожиданно обретя сознание белка в колесе – без сомнения очередном символе бесконечности. Черета крошечных Красноцветов друг за другом бредущих из начала времен в конец, наискось пересекая вечность, пугала настолько, что Алексей Сергеевич снова вскочил и побежал наверх. Он тяжело дышал, взмок в своем мехе, шапка сползала на лоб, а ноги подкашивались. Ни на секунду не останавливаясь, Красноцветов добежал до пятого этажа и, дернув на себя ближайшую дверь (опять не заперта) со слабым криком ввалился внутрь, зажмурив от страха глаза.

Ощущение, которое последовало в следующую секунду, вполне было сравнимо с коротким, но резким ударом по голове твердым тупым предметом. Мир померк.

Тьма, однако, скоро рассеялась и из неких глубин вселенной донесся чей то голос.

– Кушай, Шарик, – сказал он из-за ширмы просыпающегося зрения, – Жри, давай как следует. А то отошал то как, бедняга. А ты что думал – жизнь цепная, она такая.

Тяжелая. Да и у кого она легкая, скажи мне на милость?

Алексей Сергеевич поднял свою легкую, пустую голову и в сознание хлынули родимые черно-белые цвета. Над ним наклонилась кошмарная, одутловатая харя, один вид которой вызывал тошноту. Харя была помята, несла следы алкогольной интоксикации и неряшливую седую щетину. Такого же цвета на голове были и волосы. Ласковая улыбка субъек-

та обнажала три черных пенька передних зубов и снежной белизны зубной мост. От всего этого хотелось выть и Алексею завыл.

Рожа неуловимым образом переменялась.

– Ну-ну, Шарик, ты чего? Боишься меня что – ли? Да ты не бойся, бить не буду, я сегодня добрый... – одутловатый хмыкнул и в нос Алексея Сергеевича хлынул мощный аромат, в котором легко выделялись молекулы этилового спирта, три фенольные составляющие и букет сивушных масел разной летучести.

– То что на цепи, ты не обессудь, – добавил похмельный тип, – все мы на цепи ходим. А ежели оторвемся, як серы волки, да все одно недолго гулять будем.

Красноцветов вдруг все понял, и в диком ужасе рванулся вперед, загребая всеми четырьмя лапами. Мир рванулся навстречу, закрипела земля, и до ушей донесся пронзительный визг – отвратный и свербящий, заставляющий корчиться мозг, а потом оказалось, что это вопит он сам, во всю мощь своей собачьей (кошмар) глотки. Потом тянущаяся за ним цепь натянулась и мощным рывком бег Алексея был остановлен. Он тяжело рухнул на землю и забился в конвульсиях. Небритый субъект (хозяин! Хозяин!!!) что-то орал матерно на заднем плане звукового фона, а Красноцветов вновь вскочил и помчался обратно, выкрикивая «не хочу, не хочу, не хочу», да только из глотки рвался гортанный вой. На глаза ему попалось темное отверстие будки, он кинулся туда, за-

быв о ее реальных размерах и едва заскочив в темное нутро со всей силы врезался в дощатую заднюю стенку. Боль была ошеломительна, в глаза брызнуло светом и все вернулось на круги своя.

Лестничная клетка была все так же пуста и уныла, и единственным ее украшением мог считаться только сам Алексей Сергеевич вновь в человеческом облике и неменяемом состоянии возившийся на цементном полу. Дверь позади была приоткрыта.

Какое то время спустя Красноцветов немного пришел в себя, только сердце билось заполошно, да в глазах все плавало. То что случилось... было так ужасно. Словно былые кошмары... недавние кошмары вновь вернулись. А, впрочем...

– Это были не кошмары... – сказал Красноцветов, поднимаясь, – не кошмары.

Свет слепил глаза. Цвета вернулись. Здравый смысл умолк. Алексей понял, что полностью влип. То, что сейчас произошло просто не могло быть. Все это казалось сном. Некоторое время Алексей Сергеевич задумчиво щепал себя за щеки, надеясь проснуться, но сон не уходил, да и не сон это все же был, и Красноцветов тяжело зашагал вверх. Лестничный пролет, знакомый до мелочей, исхоженный вдоль и поперек вдруг стал казаться полным зловещих тайн. Тени в углах пугали, двери – еще больше. Прямоугольные их силуэты казались выполненными из дорогих пород дерева надгробиями.

На площадке седьмого этажа силы оставили Красноцветова и он уселся передохнуть и обдумать происходящее. Оказалось, что одна хорошая новость у него есть – бесконечное путешествие ему не грозило. Двери все-таки куда-то вели. Пусть и не туда, куда ведут обычно.

Плохо было то, что он опять оказался в шкуре пса – воспоминание осталось яркое и болезненное. Лучше это или хуже, чем выход в коридор – Алексей твердо знал, опять становиться псом он не хочет. Хватит. Отгавкался.

Может быть, на другом этаже все изменится? Он не заметил, как очутился перед ближайшей дверью – обшитой дешевым коричневым дерматином и с номером 111. Ручка вновь подалась легко – похоже, двери в доме больше не запирались.

Красноцветов сделал глубокий вздох и шагнул вперед. На этот раз тьма не рассеялась.

В грудь бил мощно пахнувший воздух, под ногами стелилась земля, а где-то далеко раздавался истерический собачий лай, иногда разрываемый задорным медным звуком рожков.

Звуки эти будоражили кровь и заставляли бежать быстрее.

Он понял, что света нет, потому что ночь. Где-то вверху, за темными небесными кронами скрывалась светло-серая луна. И он бежал не просто так... нет... впереди стелился остро пахнувший след испуганного маленького зверька... добычи!

Красноцветов в голос, с удовольствием зарычал, насла-

ждаясь каждым мгновением погони.

Нет, он был не так уж кровожаден, просто если это маленького напуганное существо окажется у него в зубах, те большие черно-белые тени, что идут следом, подарят ему свою ПОХВАЛУ. Это большая честь, которая заставляет трепетать все его простое существо. Воистину, царское ощущение.

Добыча впереди угодила в мелкий овраг и потерянно заметалась. Звуки рожков становились все ближе. Лаяли где-то справа – целая свора соперников... быстрее же! Он прыгнул и подмял под себя маленького лесного зайца. Тонкое верещание зверька потонуло в истошном лае подбежавшей своры. Красноцветов резко обернулся, держа в зубах обмякшее тельце. Псы надрывались, но добыча была не их.

Неожиданно он ощутил запах тревоги – сквозь лающую массу выдвигался мощный, коренастый вожак. Пасть его была приоткрыта, обнажая клыки, глаза смотрели презрительно и враждебно. Алексей все осознал – вожаку нужна была его добыча! Честная добыча, он отберет и тогда ПОХВАЛА достанется ему!

Торжество сменилось моментальной паникой. Зубы сами собой оскалились, хвост испуганно поджался. Красноцветов знал, что это самоубийство – вожак не прощает пошедших против него. Но добыча... честная добыча.

Пес больше не смотрел презрительно – теперь осталась лишь чистая злоба. Свора притихла – значит бой будет не на

жизнь, а насмерть. За право быть главным.

Красноцветов в испуге завыл, но отступить было некуда. Позади был придушенный заяц.

С горящим смертным огнем глазами вожак рванулся вперед и мощно ударил грудью Алексея Красноцветова, отчего тот опрокинулся и покинул собачью охоту.

Дверь позади захлопнулась с оглушительным грохотом. Голые стены коридора вызывали явственное отвращение. Лампа жужжала. На этот раз Красноцветов пришел в себя быстрее.

Дверь номер 111 снова была перед глазами, но возвращаться в нее не хотелось. В номер 110, к которому он прижимался спиной – тоже.

Отгоняя неуместную тоску по утерянному кролику, Алексей Сергеевич сидел, понуро вслушиваясь в звуковой фон. Дом существовал, жил, издавал звуки, запахи, грелся на солнце и очень медленно оседал в землю. Но это бы уже не тот дом. Нечто страшное и объемистое – лабиринт без конца и начала, бесчисленные галереи квартир, переходящие из одной в другую и так всегда. Дом по прежнему жил, может быть даже больше, чем тогда, когда его наполняли люди, но жизнь эта была однообразна и страшна.

Из всех дальних углов, из скрытых во тьме закоулков, потаенных комнаты, подвалов и чердаков, коридоров, пролетов, ступеней, подъемов и спусков доносился до слуха Алексея Красноцветова собачий лай.

– Нет! – сказал он, поворачиваясь к сто десятому номеру, – да не может же быть так везде!

Едкий пот капал на глаза. Алексей сорвал уродливую собачью шапку, скинул куртку, с омерзением ощущая собачью шерсть. Подумав мимоходом, что все это очень похоже на изощренное наказание для него – собачника.

Дверь сто десятой квартиры была обшита простой вагонкой, под которой скрывалась судя по всему простейшая базовая фанера. Из-за неплотно прикрытой створки просачивался странный едкий запах, заставившийся Красноцветова сморщиться. Но отступить он не собирался – в коридоре было слишком сильное ощущение замкнутой на себя бесконечности.

Резко толкнув дверь, он вошел. Тьма не заставила себя ждать.

Сначала ему показалось, что судьба выдала ему черную карту и он провалился в некое подобие Дантова Ада. Как и в творении буйного итальянца здесь стоял оглушительный надрывный гам. Вой, визги, хрипы висели в пропахшем паленым воздухе. Едва очутившись здесь, Красноцветов тут же получил сильный толчок по ребрам и повалился с ослабших вдруг лап.

Человеческая речь выделилась на общем шумовом фоне внезапно – просто от того, что содержала связные звуки.

– Ну че, бобик, – сказали рядом неприятным голосом, – попал ты, значит.

Крупноячеистая сеть упала на Красноцветова откуда-то сверху, а потом мощным рывком вознесла его, ничего не понимающего, в высоту, откуда, наконец, ему открылась панорама творящегося вокруг хаоса.

Десятки выпученных собачьих глаз смотрели на Алексея со всех сторон. Псы выли и орали, красные пасти разевались в бессмысленных оскалах. Не сразу стало видно, что животные находятся в тесных боксах, столь маленьких, что псов прижимало к решеткам, он бились и дрались за лишние сантиметры пространства. Пол был загажен, тут плавали нечистоты и клочки выдранный шерстью. Одинокая шестидесятиваттная лампочка под потолком с трудом разгоняла тьму.

Два человеческих отброса, держащих стальную рукоятку сачка в котором запуталось нынешнее мохнатое вместилище Красноцветова во всем напоминали своих питомцев. Глаза их были пусты – лица оскалены в жестких усмешках, руки по локоть закрывали черные резиновые перчатки. Они перебрасывались редкими словами, со страшными черными ухмылками глядя на беснующееся собачье племя. Псы бросались на решетки, бились о них, окрашивали стальные прутья своей кровью.

Проплывая в сачке между рядами боксов Алексей вновь осознал, куда он попал. И забился изо всех сил, стремясь уйти, избежать уготованной ему участи, оказаться где угодно, только не здесь!

Но тщетно. Ржавая, сваренная из арматуры дверь с лязгом

захлопнулась, отделяя помещение с вольерами от лобного места.

Здесь сильно пахло паленой шерстью и кровью. Здесь были унылые кафельные стены, здесь был ржавый конвейер,двигающийся с раздирающим уши скрипом. Здесь было двое палачей с деревянными дубинками, к рабочей поверхности которых прилипла окровавленная рыжая шерсть. Дубинки ровно и механически опускались на головы четвероногих соратников Алексея. Псы умирали, кто с воплем, кто беззвучно – замершие изогнутые туши уходили в машину по производству костной муки.

Место было настолько полно боли и ужаса, что Красноцветов вновь завыл, и не прекращал орать, когда его вытряхивали на ленту конвейера, выл, продвигаясь к месту казни, видел, как отразился в глаза старой овчарки перед ним взмах дубинки. И лишь когда орудие казни вознеслось над ним самим, устало прикрыл глаза...

Кажется, после этого сознание его все же помутилось. Очнувшись в коридоре, он не стал сидеть и ждать чего, а вскочил и побежал, выкрикивая несвязные проклятья, плача и смеясь. Он заскакивал в двери, бился лбом о стальную поверхность, запинался о ступени и падал, вновь поднимался. Он побывал в десятке квартир, он видел всякое, но мозг уже ничего не воспринимал. Лапы заплетались, шерсть застыла дыбом, а по морде расползлся безумный оскал.

Именно поэтому, когда очередная дверь, открывшись,

явила не следующий эпизод безумного дог-шоу, а захлавленную комнату со встрепанным человеком, на лице которого отразилось безмерное удивление, Алексей Сергеевич Красноцветов сделал единственное, на что ему хватило тогда разума.

Он громко, истерично залаял.

Тест на кретинизм.

– Значит это здесь... – сказал Александр Ткачев, заглядывая в заполненный дверями провал. Вместе с многометровой ямой они смотрелись как самый лучший на свете портал в никуда.

– Здесь, Саша, – устало сказал Алексей Красноцветов, – не поверишь, я как увидел, так чуть с ума не сошел. Прямо тут.

Сам то он на взгляд Александра выглядел вполне нормально, хоть и несколько затравленно. Но перед глазами сетевика все еще стояла безобразная сцена, когда этот самый представительный, немолодой дядька бежит к нему, пуская слюни, и визгливо лая. В тот момент чуть не пошатнулся рассудок самого Александра.

– Бывает, – сказал он, – мне и самому несладко пришлось. Как я проснулся, да увидел во что моя комната превратилась... Вы очень вовремя пришли, Алексей Сергеевич. Я уже начал подумывать, что кроме меня никого не осталось. А это... Кроме того пришлось бы ломать очередную систему, а меня тошнит от оптоволокна.

– Твое волокно, по крайней мере, не лает, – сказал Красноцветов, мрачно.

– Оно хуже, – отвечивал Ткачев, флегматично, и погрузился в тяжкие думы. Провал стал как бы точкой, в цепи

странных и крайне неприятных случаев. В сущности именно в провал ухнула вся его старая жизнь, а вместо нее началось нечто совершенно новое и на жизнь не слишком похожее.

Сосед сверху по фамилии Красноцветов, напротив, похоже, прибывал в эйфории. Он выглядел очень потасканным и Александру даже не хотелось думать о том, через что ему пришлось пройти. Собачьего лая, к которому прислушивался Алексей Сергеевич, Ткачев не слышал.

– А собаки вас больше не беспокоят? – спросил сетевик, участливо.

– После того как встретил тебя – нет, – сказал Красноцветов, – и это дает мне некоторую надежду.

Через два опыта с дверьми закончилась с четверть часа назад. Двери нижних этажей никуда не вели, не обращая внимания на то, кто в них заходит. Можно было бы попробовать зайти одновременно в обе двери, но последствия такого эксперимента могли быть катастрофическими. В двери же ведущие к собакам лезть тоже не решились – Красноцветов содрогался от одного воспоминания, а Ткачев решил, что у него хватает и собственных проблем.

Они оба хотели выбраться наружу. Стены давили, и пусть вдвоем эта тяжесть была легче – совсем она не исчезала. Тем более, что Александру все время казалось, что он слышит гудение бегущей по спрятанным в бетоне проводам информации. Воспоминания об этом у него остались чрезвычайно неприятными, и отбивающие всякое желание иметь дело с

чем ни будь сложнее микрокалькулятора.

– Так что же нам делать то, Саня? – спрашивал Красноцветов, пытливо заглядывая в глаза, – мы что, так и останемся здесь? Так и сгнием на этой лестничной клетке?

– Не сгнием, – хмуро ответил Ткачев, – говорите, вам рекламный листок пришел?

– Да, – сказал Красноцветов и указал в провал, – а теперь он там. Вместе с кормом.

– А что придет мне? – спросил сетевик, запуская руку в прорезь собственного ящика.

Глянцевый листок был и здесь. Едва развернув его, Александр тут же сморщился от отвращения. Фон листовки был стилизован под зеленоватую системную плату, на которой ярко синим шрифтом parsek было написано:

"Что есть счастье? Я спрашиваю еще раз – что для вас есть счастье, стадо человечье?"

Что ответите вы? Я слышу? Что? Счастье – это сочетание любви, труда и созидания?

Счастье – это посаженный дом, выращенное дерево и построенный сын?

НЕТ! Я скажу вам, что такое счастье! Истинное цифровое счастье для свободной паствы!

Откройте свои уши, откройте свой разум, вдохните полной грудью электронный ветер!

Счастье – говорю я вам – это мощный компьютер седьмого поколения и стакан водки..."

Александр резким движением смял брошюру и отправил ее следом за посланием Красноцветова. Потом обернулся к соседу и произнес:

– Мой друг Кусака, которого никогда не существовало, не колеблясь прыгнул бы в этот провал. Только для того, чтобы проверить есть ли у него дно. Вы ведь не пробовали спуститься вниз?

– У меня нет крыльев, – сказал Красноцветов, – и я боюсь высоты — Мы можем попробовать менее экстремальные способы, – со вздохом произнес Ткачев.

– И я не скалолаз, – сказал Алексей Сергеевич.

Александр Ткачев повернулся и искоса глянул на помрачневшего соседа:

– Вы никогда не пробовали передавать человека по оптоволоконному кабелю? – спросил он.

Перед дверью в квартиру сетевика они приостановились. Дверца выглядела нехорошо – стальной каркас просвечивал сквозь порванную обивку, куда то бежали, сплетенные в разноцветные жгуты провода. Низко гудел ток, прокачивая сквозь кабели неизвестно откуда взявшиеся киловатты.

Александр качнул головой и отворив дверь вошел. Шедший позади него Красноцветов остановился на пороге комнаты.

– Слушай, – спросил он, – она у тебя всегда такая захлапленная или после...

– После, – огрызнулся Ткачев, пробираясь через сплете-

ние гофрированных шлангов, усеявших пол, как дюжина завершивших обильную трапезу питонов.

Стены были обшиты страницами с печатным текстом, в которых опознавались ошметки литературных творений Уильяма Гибсона, постеры модного кино в стиле киберпанк и однообразные фотографии электронных кошек Мяучи – безусловно, каждая со своей глубокой индивидуальностью. Ветвящиеся кабели с клеймами «нанотек», «хайтек», «эколайн» и «кибердайн системз» свешивались с потолка как не очень удачно притворяющиеся лианами ядовитые змеи. Над монолитной стальной дверью, воплотившей в себя все ночные кошмары профессиональных взломщиков, висел поясной потрет Такеши Китано, наполовину обращенного в самообучаемую игрушку Фурби.

Элитный терминал с шестью различного калибра экранами и мейнфреймом в котором, после некоторого размышления, опознавался холодильник «минск – 217» заменил собой скромный домашний компьютер Александра Ткачева. Клавиатур было почти столько же сколько экранов и большая часть из них была виртуальными – то есть тщательно нарисованные на крышке письменного стола.

Разгоняя шустрых четвероногих роботов из стали и пластика, сетевик осторожно двинулся в самые дебри сплетенных кабелей. По пути он опасливо косился на терминал, по экранам которого задумчиво гулял одинокий скринсейвер выполненный в форме классического алого ока. Где-то тихо

и задумчиво играл электронный транс.

Схватив наиболее безобидно выглядящее оптоволокно, Александр резко дернул. Где-то в гуще кабелей коротко сверкнуло и стало слышно, как из оборвавшегося кабеля с булькающими звуками изливается информация.

Кабель был что надо – с пятислойной защитой и сверхпроводимостью, к тому достаточно длинный, чтобы попробовать использовать его как веревку. Сложный штекер на одном его конце навел Александру тяжкие воспоминания и он поспешил свернуть находку в кольцо.

Ничего больше не трогая, они поспешно покинули квартиру, твердо уверенные, что возвращаться сюда не будут.

– Вы ж когда ко мне вломились, Алексей Сергеевич, – сказал Ткачев, пока они осторожно спускались по ступенькам к провалу, – я систему взламывать собирался... вряд ли это хорошо кончилось.

– Так и не стал бы, – буркнул Красноцветов, – сбежал бы как я...

– Да я тогда думал, у меня только один выход остался. Мне об этом сразу сказали.

– Кто сказал то? Эти что ли, табуретки электронные?

– Да нет, голос из терминала. Сказал, что меня избрали и иначе уже не получится.

– А ты бы и спросил, кто избрал...

– Нет, не спросил бы, – устало вздохнув, произнес Ткачев.

– Что ж, так?

– Боялся, что ответят... Вот мы и пришли.

– Кто ползет?

Александр посмотрел на Красноцветова – пожалуй, староват тот для подвигов. Но лезть то все равно придется. С очередным вздохом сетевик обвязал оптоволокно вокруг уцелевших перил. Хвост шланга, из которого веселой капелью вытекали последние байты, оказался где-то внизу, в районе недостижимого пола. Выглядел кабель надежно, хотя Ткачев сразу вспомнил, как прогуливал физкультуру в школе, чтобы лишний раз провести время с электронным идолом. Был у них тогда канат или нет? Все одно никогда не лазил.

– Ты давай, я подстрахую, – сказал Красноцветов.

Александр осторожно обхватил кабель ногами и стал сползать вниз, с казавшейся столь надежной кафельной площадки. Соты ящиков, которые медленно уползали вверх, казались зрелищем в высшей степени сюрреалистичным. Кабель заскользил и Александр, испытав моментальный приступ страха, вцепился в него обоими руками. Теперь опоры больше не было. Площадка осталась в полуметре наверху, а покрытый скользкой изоляцией кабель ни в коей мере не напомнил шероховатый канат.

– Ты как там, держишься? – спросил сверху собачник, – все в порядке?

– Да нормально все! – выкрикнул Ткачев и недюжинным усилием воли заставил себя слегка ослабить хватку. Он

тут же начал сползать вниз, и пока что эта скорость была не слишком пугающей. Но все равно – висия над провалом, Александр Ткачев чувствовал себя большим и полным пассажиров автобусом, который со слабыми тормозами несется по затяжному спуску. Ощущение для истинных фаталистов.

Отсюда, с каната провал почему-то казался гораздо глубже, чем на самом деле.

Украшенный дверями разной выделки он начал казаться Ткачеву неким подобием индейского колодца смерти, на дне которого, наверняка, накопилось много сокровищ, таких как их брошюры и упаковка собачьего корма. Последняя, кстати была не видна – хотя пол, вроде бы присутствовал. Вроде бы – потому, что освещение на первом этаже не работало и тьма там стояла могильная. Она впрочем, там всегда стояла, стоило хулиганам грохнуть очередную лампочку.

Скольжение так и не ускорилось и Александр немного успокоился. Он даже стал перебирать руками, контролируя спуск. Странно, перед глазами так и не появилось дверей, хотя по всем расчетам он должен уже был достигнуть площади третьего этажа.

Ткачев даже немного ускорился, потому как спуск явно затягивался. Серый бугристый бетон плыл перед глазами, мерно покачивался канат и это навевало легкую дрему, что в нынешнем положении сетевика было явным безумием. Но глаза начинали слипаться.

– "Что-то я не пойму", – подумал он, отвлеченно наблю-

дая, как скользят мимо крошечные кратеры выбоин и шероховатостей, похожий на затейливую лунную карту, – «То ли я слишком медленно спускаюсь, то ли этот тоннель слишком длинный».

Мысли о вечности уже успели посетить его голову, когда недовольный голос Алексея Сергеевича вернул Александра к реальности:

– Ну что? Ты так и будешь висеть?

Ткачев поднял голову и обнаружил, что по-прежнему находится в полуметре от последней площадки. Красноцветов смотрел снисходительно – думал, что Александр просто струсил и оцепенел?

– Давай лучше я, Сань... – сказал Красноцветов, но Ткачев смотрел уже не на него.

Позади, у самого узла изоляция начала сползать с редкоземельного металла кабеля как шкура начавшей линьку змеи.

Сетевик мигом оценил свое положение и его пробил холодный пот. Мрак под ногами мигом стал полным смутных угроз. Изоляция ползла, сухо потрескивая и оставляя на металле разноцветные праздничные лоскуты.

– Держи!!! – заорал Ткачев и рванулся вверх.

Красноцветов хватанул изоляцию и тут же отдернул руки, с проклятиями разглядывая стальные занозы в обоих ладонях. Александр утроил усилия, широко раскрытыми глазами глядя на одинокую лампу под потолком как сделавший

свой последний вздох из опустевшего баллона ныряльщик смотрит на солнечный блик, проникший сквозь хмурую толщу соленой воды. Шкура сползала быстрее, чем он поднимался, пальцы сходили от усилия, во рту пересохло, в груди бился ужас. Судорожно поднимаясь, Александр неожиданно понял, что пришел его смертный час. Осознание это было таким ясным и всепроникающим, что он чуть было не отпустил руки и не рухнул в клубящийся мрак, отдаваясь на волю судьбы, но тут Красноцветов, не прекращая ругани, обрушился всем телом на дико извивающийся кабель и придавил его к кафелю.

В два рывка Ткачев достиг площадки и перевалился через ее край, задыхаясь и глотая открытым ртом воздух, волосы у него стояли дыбом. Сосед отпустил оптоволокно и шкура под собственной тяжестью соскользнула с металла и исчезла в чернильной мгле. Оттуда не донеслось ни звука.

Сетевик некоторое время сидел, привалившись к стене, и пытался отдышаться.

Красноцветов участливо ждал. Наконец Ткачев поднял на соседа безумные глаза и произнес:

– Здесь нельзя спустится...

Алексей Сергеевич лишь развел руками, соглашаясь. Блестящий металлом кабель так и остался свисать с края площадки, являя собой, пожалуй, самую идеальную вывеску для отеля «у погибшего альпиниста».

Отдышавшись, угрюмо поплелись назад. Двери подозри-

тельно смотрели на них стеклянными зрачками глазков.

– Может ли такое быть, – сказала Ткачев, – что если бы я туда пригнул, то падал бы вечно? Может быть, туннель шел все дальше и дальше и я пролетел бы сквозь центр земли?

И так и болтался бы там всегда – как маятник.

– Саня, не забивай себе голову, – наставительно произнес Красноцветов, – не получилось так, получится эдак. Все равно мы тут не останемся.

– Что же с нами случилось, Алексей Сергеевич? – помолчав, спросил сетевик, – как же так вышло?

– Что вышло, Сань? – сказал Красноцветов, – то, что мы здесь, а все остальные по ту сторону? Кто знает, по каким качествам выделяет нас судьба – тебе вот жить, а тебе умереть, а тебе прославиться, а кому-то сойти с ума и проснуться во сне...

– Выделяет... – произнес Ткачев, – а ведь, наверное, кроме нас и еще кто ни будь есть?

– Соседка моя, Марья Ерофеевна – только она не настоящая, и бабулька еще, божий одуванчик – тоже фантом.

– А в других подъездах? – спросил Ткачев.

– В других может и есть, – произнес Красноцветов, – только как ты Санька туда попадешь? Сквозь стену?

Александр задумался. В голову все время приходил терминал, охраняющий запертую дверь – начинало казаться, что это единственный выход. Или вот вообразить себя птицей и прыгнуть с балкона...

– Балкон! – сказал сетевик, – лоджии в доме соприкасаются!

– Что нам с того?

– Одну лоджию от другой отделяет тонкая стенка. В один кирпич. Лазают же люди, если, например, ключи от квартиры потеряли.

Красноцветов остановился и посмотрел на него:

– Так что же, ты лезть предлагаешь? Да это, знаешь ли...

– Соседняя лоджия – это лоджия квартиры из другого подъезда. Я хорошо помню планировку. И там, Алексей Сергеевич, лестница может быть не обрушена.

– А полезешь ты? – после паузы спросил Красноцветов.

Сетевик сокрушенно промолчал. Перед глазами стоял сползающий в бездну шланг цифрового века. Меньше всего на свете Александру Ткачеву хотелось сейчас покидать твердь земную.

Роботы айбо что-то деловито строили в углу. Трудно было сказать что, но судя по вырисовывающимся в сварочных вспышках стальных конструкциях, нечто глобальное и с уклоном в тотальный абстракционизм. В остальном же комната Ткачева изменилась мало, лишь на мониторах появилось на один скринсейвер-глаз больше, придав тем самым невидимому наблюдателю полноценное бинокулярное зрение. Соседи неохотно переступили порог.

– Ну давай, – произнес Красноцветов, – веди.

У двери на балкон сплетение кабелей было особенно гу-

стым. Тут, помимо обычных лиан, уже намечались выполненные из дорогого печатного пластика листочки, с трогательными резными фрактальными жилками, а кое-где качались угрюмого сизого цвета бутоны, в сумрачной глубине сомкнутых листьев которых мигал багровый диод.

Сквозь сплетение ветвей светило солнце, доказывая тем, что за пределами дома по-прежнему день. Странно, когда Александр глядел на замершее за двойными стеклами светило, перед глазами возникали золотистые концентрические круги, которые исчезали, стоило прикрыть веки.

С медитативной неторопливостью бывалого серпентолога Ткачев протиснулся сквозь сплетение кабелей и махнул Красноцветову – иди мол. Тот замешкался, а Александр обнаружил, что у лоджии теперь отсутствует внешняя стена. Необъятное пространство открывалось прямо у ног сетевика, дул холодный свежий ветер, а вдоль всей лоджии протянулся ровный белый карниз, уходящий куда-то за пределы видимости. Ткачев сделал шаг, и у него закружилась голова, когда он увидел во что превратился их дом снаружи.

Под ними было никак не положенные семь этажей. Семьдесят – вот точнее. Или все семьсот. Гладкая кирпичная стена уходила отвесно вниз, изредка прерываемая безликими квадратами окон, цвета зеркальных очков. Там внизу, наличествовал некий индустриальный пейзаж, но пушистые белые облака, словно взятые с рекламы провинциальной аэрокомпания, почти полностью скрывали панораму. Александр

задрал голову и увидел точно такую же картину. Только теперь здание уходило в горные выси, а облака ограничили бы в порывах всякого астролога любителя.

– Ты уверен, что пришли туда куда надо? – спросил Красноцветов, заглядывая за край карниза.

– В любом случае нам не туда, а в соседнюю квартиру, – пожал плечами Ткачев и скромно отступил в сторону.

Красноцветов вздохнул укоризненно и осторожно ступил на карниз. Порыв ветра тут же налетел на него, шутиливо пихнул в живот, заставив опасно качнуться. Стоя на узкой полосе бетона и держась обеими руками за остатки ограждения, Алексей Сергеевич мог видеть соседнюю лоджию – коробку из бетона и несущих металлоконструкций, на которой вроде бы все было НОРМАЛЬНО. Отсутствие сюрреалистичных интерьеров прибавило Красноцветову сил и он стал осторожно перебирать ногами, продвигаясь к соседней ячейке. На середине пути ограждение закончилось и Алексей Сергеевич почувствовал себя канатоходцем. Причем неумелым канатоходцем. Ветер налетел вновь и заставил его изо всех сил прижаться к холодному шершавому бетону.

– Получается! – Крикнул Ткачев от своей двери, – еще метра три, не держась.

– Не держась, только летать можно! – крикнул Красноцветов с какой-то сумасшедшей бравадой, – и то вниз!

– Не вздумайте! – крикнул сетевик.

Царапая ногтями бетон, Красноцветов сделал еще три ша-

га и услышал над головой нарастающий свист. Прежде, чем хоть какая то догадка, насчет его источника смогла посетить голову Алексея Сергеевича, мимо стремительно пролетел небольшой темный предмет, двигаясь согласно закону всемирного тяготения к подножию кошмарной башни, вставшей на месте их бывшей панельной многоэтажки.

Красноцветов многое повидал к моменту своего рывка над пропастью, но теперь разум спасовал, и лишь очень много времени спустя собачник констатировал, что неопознанный падающий объект был ничем иным как модным сотовым телефоном от компании «нокиа», окрашенный в элегантный черный цвет. Кто и зачем на верхних этажах небоскреба выронил дорогую погремушку – так и осталось загадкой.

А потом Алексей Сергеевич ударился о небо. Ударился сильно. Расшиб нос и расшатал зуб, отчего чуть не свалился в пропасть. Неверяще посмотрел на препятствие – фиолетовая даль, прозрачный воздух, одинокий след самолета – пространство было необъятным. Красноцветов вытянул руку и наткнулся на гладкую, прохладную стену. Тупик.

Он непонимающе обернулся и увидел, что Александр внимательно всматривается в панораму.

Заметив обернувшегося соседа, Ткачев крикнул:

– Возвращайтесь, Алексей Сергеевич, это бесполезно!

– Может быть ты мне объяснишь, что происходит? – крикнул Красноцветов, с трудом удерживая равновесие.

– Накололи нас! – крикнул сетевик, – проведи, как детей.

Ну ладно там вы, но я то, дурак, мог догадаться!

– Да о чем ты?! – сосед снова качнулся, потом плюнул на все и оперся о небесный свод.

Свод держал. С близкого расстояния стало заметно, что идиллическая картинка состоит из мелких разноцветных квадратиков, наподобие экстремально сложной мозаики.

– Следовало сразу догадаться! – прокричал Ткачев, – они нам просто текстуру повесили, имитирующую небо. Издали кажется что тут ширь необъятная, а на самом деле три метра до холста.

– А облака?

– Движущаяся текстура – детский лепет. А мы купились!

И в подтверждении своих слов сетевик плюнул в клубящиеся облаками бездны и с удовлетворением проследил, как плевок осел на ближайшем облачке. Судя по всему облако было не только твердым, но еще и гладким настолько, что на нем можно было поскользнуться, найдись кто ни будь столь дурной, чтобы по нему прогуляться.

Глядя на уплывающую слюну, Красноцветов испытал сильный позыв каким-то образом выразить свое праведное негодование и он не нашел ничего лучше, чем погрозить лживой пустоте кулаком и крикнуть: «сволочи!», после чего необъятная ширь дала легкое эхо.

– Кто? – прокричал со своего балкона Ткачев.

– Знать бы, – устало сказал Красноцветов и зашагал обратно.

Больше его не качало. Ледяной ветер высот конфузливо утих. Далекий пейзаж на расстоянии вновь стал казаться далеким пейзажем.

– Опять не вышло, Алексей Сергеевич, – печально сказал сетевик, когда Красноцветов без всяких приключений достиг балкона, – выходит один у нас путь остался...

Собачник выразительно глянул вниз, но Ткачев покачал головой:

– Видно придется мне взломать систему.

– Но ты же сам говоришь, что это опасно.

– Тут все опасно, – вздохнул Александр, – Просто одно опасно очень, а другое не слишком. Так или иначе это мой выход.

И он, повернувшись, протиснулся в комнату. Красноцветов, качая головой, последовал за ним. Опволоконные кабели увлеченно играли в верхние ярусы дождевого леса.

Работа айбо подходила к концу. Без особого удивления Александр Ткачев понял, что они сооружают точную копию пирамиды Хеопса, в масштабе 1:43, сложенную из одинаковых кирпичиков процессоров интель самого свежего поколения, так что Ткачеву сразу вспомнилось туманная мудрость из его собственной брошюры.

– "Возможно", – подумал Ткачев, – «это новое электронное святилище, капище высоких технологий, или гробница для их нового мессии, собранного из стали и пластика, и с таким же вот процессором внутри. Может быть, спустя го-

ды, эта пирамида, неустанно обновляющаяся не знающими покоя айбо разрастется и поглотит собой всю поверхность планеты, следуя непонятым и чуждым целям собранного из транзисторов гениального мозга».

Уныло проводив глазами глубоко впечатанную в пластиковую гладь пирамиды надпись S.P.Q.R (System Populus Que Robotycus), Ткачев посмотрел на терминал.

Любимое кресло сейчас как никогда сильно напоминало электрический стул. Свет от одинокой лампочки падающий сверху, только усиливал это ощущение. Александр глубоко вдохнул, как человек прыгающий с очень высокого трамплина в очень глубокий бассейн и опустился в кресло. Красноцветов занял место подле, почти испуганно косясь на соседа, словно тот уже успел уйти в астрал, обратиться в зомби, слиться виртуальностью или проделать что-то такое же жуткое.

Сетевик потянулся в одной их редких не виртуальных клавиатур и, содрогаясь, под мрачным взглядом скринсейверов, звучно скомандовал:

– Пуск!

Одновременно с пролившейся из скрытых динамиков формата 5.1 мелодичной звуковой заставкой тяжелые черные браслеты с резким щелчком захлопнулись на ногах и руках изумленного сетевого. Прежде чем он успел дернуться, стальной обруч обхватил его шею, а второй зафиксировал голову, как у жертвы предстоящей лоботомии. Ткачев попы-

тался вырваться, но не тут то было. Красноцветов уставился на него с суеверным ужасом.

Заставка закончилась бравурными фанфарами и на многочисленных экранах появилось выполненное витиеватым шрифтом слово «приветствие!». Роботы айбо оторвались от своего эпического труда и зарукоплексаки корявыми болванками лап.

Меж тем из глубины экрана вынырнул давешний попугай, который на лету гротескно изменился и превратился в плохо выполненную из полигонов совершенно отвратную клоунскую рожу. Рожа была покрыта сильно пикселизированным белым гримом, рубленые щелки глаз стеклянно блестяли, широкая улыбка обнажала нарисованные на одной плоскости зубы. Вид сего существа не внушал ничего кроме отвращения.

– Ха – ха – ха, – сказал клоун, его голос был синтезирован и от того говорил с сильным немецким акцентом, – вы только что загрузили тест. Спасибо.

– Э... – сказал Ткачев, – а что собственно...

– Вы только что загрузили электромеханический тест. Скажите да, если хотите начать.

Скажите «нет», если хотите уйти. Скажите далее, если хотите узнать подробности.

Александр мучительно сглотнул и сказал «далее».

– Компания нанософт кибертех системз инкорпоретед (все права защищены и являются собственностью компании)

предлагает вашему вниманию электромеханический тест, разработанный лучшими умами человечества, для определения его худших умов. Правила просты. Есть дверь – в которую сможете пройти, если пройдете тест. Если вы не пройдете тест, вы не войдете в дверь. На каждый вопрос полагается ответ. Не правильный ответ карается по всей строгости закона.

– Я хочу уйти, – побледнев, быстро сказал Ткачев и задержался в своих оковах.

Лицо клоуна на секунду исчезло и вместо него появилась желтая улыбающаяся рожица с пулевым отверстием на месте лба.

– Ха-ха-ха, – сказал Клоун, возвращаясь, – уйти можно только совсем. И из жизни. Вы хотите уйти, да?нет?

– Нет! – завопил сетевик, – я хочу начать!

– О кей, – сказал клоун, – Перед этим я хочу напомнить вам, чтоб вы зарегистрировали вашу версию, для получения доступа ко всем функциям.

– Начинай! – крикнул Ткачев.

Гротескная физиономия вновь растворилась и на черных экранах под музыку из фильма Кубрика «Космическая одиссея», величаво всплыли золотые буквы:

ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКИЙ ТЕСТ НА КРЕТИНИЗМ.

Буквы повисли пару секунд и исчезли. Вместо них на экране возникло крошечное изображение болида формулы 1 в очень плохом разрешении. Синтезированный голос за кад-

ром электронно кашлянул и неожиданно демонически завыл. Остолбеневшие соседи не сразу опознали в этом кошмарном вое имитацию работающего двигателя машины. Рев чуть сбавил тон и на его фоне прорезался голос:

– Передача? – спросил.

– Что? – выдавил Ткачев, потом до него дошло и он вымолвил, – вторая!

Рев на секунду стал нестерпимым, а потом голос торжественно произнес:

– Не правильный ответ! Первое предупреждение.

И тут Алекса Ткачева потрянуло так, что ему показалось, будто он стал дефектным трансформатором, на который аварийно скинули излишки напряжения. Это продолжалось полторы секунды, но в памяти осталось навсегда.

– Ааа! – заорал он, как только обрел голос, – не надо!!

– Передача? – спросил терминал.

Ткачев изо всех сил напряг перегревающиеся мозги. Плоский болид продолжал скользить по своей невидимой трассе и передачи переключались с пулеметным темпом. Александр ощутил себя стоящим на краю пропасти и, чувствуя, как расползается под ногами почва, кошмарным волевым усилием собрался, за долю секунды побив все рекорды овладения дзенбуддизмом.

– Четвертая! – выкрикнул он срывающимся голосом.

– Правильный ответ, – сообщила система и болид сорвался в узкие виражи трассы в Монако, – счет один-один... пе-

редача?

Где-то рядом испуганно кричал Красноцветов:

– Саня, как тебя оттуда вытащить?! Ты только скажи, я сразу...

Александр закрыл глаза, вслушиваясь в дрянную имитацию ДВС. Сознание его испытывало момент экстремальной концентрации, отчего мозги казались сделанными из хрупкого горного хрусталя.

Поворот, поворот, разгон, торможение, поворот, разгон, разгон!!!

– Пятая! – заорал Александр Ткачев, дергаясь в своем кресле.

– И вновь правильный ответ! – сообщил голос из компьютера на фоне победоносных фанфар.

Два-один! Поздравляю, вы прошли первую часть теста. Если хотите продолжить, скажите «да».

– Да!!! – крикнул сетевик.

Болид исчез с экрана, сменившись сложной математической выкладкой. Имелась некая кривая, агрессивно торчащие в стороны оси, ряд цифр. Голос тоже изменился, приобретя глубину и модуляцию профессионального лектора.

– Часть два, – сказал терминал, – спасибо, что пользуетесь продукцией нашей компании.

Итак: даю условие задачи. Вы корова-логотип компании «пятнистая буренка» и вы собираетесь перепрыгнуть луну. Вы стартовали с ускорением восемь же и достигли второй

космической скорости. В данный момент вы находитесь в эклиптической луне. Ваша скорость 10, угол 45%, сила Кориолиса

5. Ваши действия?

– Да вы че, издеваетесь?! – закричал Ткачев, – я вам че, гений-математик?! Алексей Сергеевич!! Красноцветов!!

– Начинаю отсчет до выполнения экзекуции, у вас есть пять секунд для ответа... четыре секунды... ваши действия?

– Думай, Саня, думай! Давай хотя бы примеримся!

– Скорость 8, угол 45%!!! – заорал Александр, – подавись ты!!!

– Вы приближаетесь к Луне, – ваши действия?

– Скорость 6, угол 60%, – быстро сказал сетевик, – сила Кориолиса?

– Меньше трех... – сообщил монитор, – вы приближаетесь к луне.

– Скорость 4, угол 70%!

– Внимание, опасность сваливания... высота три тысячи метров.

– Скорость 6, угол 70%, – поспешно выкрикнул сетевик, покрываясь холодным потом.

– Опасность сваливания... Сила Кориолиса приближается к критической отметке... высота тысяча сто... ваши действия?

– 6, 80! – выкрикнул Ткачев.

– Критический уровень крена... внимание – вы вошли в штопор. Высота пятьсот. Ваши действия?

– Нас разворачивает! – закричал Красноцветов, сжимая кулаки. Позади роботы айбо восторженно зааплодировали реплике.

– 5, 180%, – выдохнул Ткачев и понял, что ошибся.

– Внимание критический уровень высоты... сила Кориолиса – ноль. Угол девяноста... процесс неконтролируем...

Издав невнятный скриперный звук, экран потемнел, а потом вспыхнул вновь с аляповато изображенной лунной поверхностью и кучкой черно-белых пикселей на месте катастрофы. От картинки пахло дешевой комиксовой трагедийностью. Золотые буквы говорили о непоправимом: «Вы врезались в Луну».

Александр очень быстро бледнел.

– Счет два-два, – бесстрастно сообщил терминал, – повторное предупреждением. Внимание – в экзекуции под номером три будет применяться фатальное напряжение.

– Нееееет! – заорал сетевик и тут же испытал родственные чувства со всеми погибшими на электрическом стуле за все время использования сего средства правосудия. Полторы секунды спустя он, хрипя, осел обратно в дымящееся кресло. Красноцветов стоял рядом и нервно сжимал пластиковый стул, готовый швырнуть его в монитор.

Из последних сил Александр приподнял трясущуюся руку, прося не делать этого. Что-то говорило ему, что при попытке агрессии это самое напряжение последует немедленно.

– Счет два-два, – повторил призрак из компьютера, – приступаем к третьей части нашего теста. Благодарим за пользование продукцией нашей компании. Часть номер три – грамматическая часть. Внимание! Назовите слово, первая часть которого – гастарбайтер, третья – астроном, а вторая – комический челнок «Ностромо»?

– ЧТО ЗА БРЕД!!! – закричал Александр Ткачев, от отчаяния заплывывая ненавистный монитор.

– Внимание... начинаю отсчет до выполнения экзекуции...

– Думай, Ткачев, думай! – крикнул Красноцветов, – что это за слово? Гаст? Астра? Номо сапиенс? Давай же!

– Внимание, две секунды до начала экзекуции...

– Я не знаю... – простонал Александр, пытаясь повернуть перепуганное лицо к соседу, – я не соображаю ничего, меня трясет...

– Одна секунда... пристегните ремни... Внимание, приступаем к...

– Гастроном!!! – крикнул Ткачев и заплакал от облегчения.

– Правильный ответ! – воскликнула система, – поздравляю, вы выиграли бонусные фанфары!

На содрогающегося в рыданиях Александра вывалился браваурный, режущий уши марш.

Всхлипы попавшегося в ловушку сетевика были полностью заглушены звоном медных тарелок.

– Три-два в пользу благоразумности! – громогласно заявил терминал, – спасибо, что пользуетесь нашей продукцией! Для продолжения скажите «далее».

– Далее! – простонал Ткачев, – далее, далее, далее...

– Часть номер четыре. Приготовьтесь. Внимание: назовите десять синонимов к слову «удар током».

– Садист... – прошептал Александр Ткачев, – проклятый садист! Я бы вышиб тебе твои электронные мозги, я смял бы тебе корпус, я бы долго бил тебя ногами по мониторам, пока они все не лопнули, я бы давил...

– Десять секунд до начала экзекуции...

– Электрошок, напряжение, вольтаж, разряд, гальванизация, встряска, вспышка, прокатиться на молнии, дефибриляция... – проговорил сетевик, перемежая ответы с заковыристыми ругательствами, – и... и еще...

– Ответ не полон. Возможно снятие дополнительных очков.

– Саня, думай, а то и вправду снимет, – закричал Красноцветов, – ну, удар током, давай же!

– Короткое замыкание!!! – заорал Ткачев во всю глотку и страшно изогнулся в своем кресле так, что собачнику показалось, будто к бедняге уже применили экзекуцию.

– И снова правильно! – возвестила система, – счет пять-два! Внимание – уровень агрессии подопытного критически превышает уровень его умственных способностей. В случае дальнейшего противодействия будет применена систе-

ма умирения типа «нежное касание» (корпорация «Добрый Мир», все права защищены), мощностью в тридцать киловатт.

Александр тут же замолк и с тщательно сдерживаемой ненавистью уставился на ближайший монитор. Рожа клоуна всплыла из его темных глубин неожиданно, как всплывает недельный утопленник из мутного чрева канализационного коллектора.

– И, наконец, тест на ассоциативное мышление. – Возвместил он деревянным голосом.

Роботы айбо согласно замурлыкали и засияли неоновой имитацией глаз. Алексей Красноцветов опустился на загаженный электроникой пол и устало закрыл глаза. Ему хотелось встать и убежать, но еще больше преследовало желание лечь и заснуть прямо тут. Происходящее смахивало на предсмертную галлюцинацию гибнущего от перегрева процессора. Ткачев же давно уже находился за гранью добра и зла, испытывая мощнейший адреналиновый всплеск, который впрочем, мешался с новообретенной надеждой все же выжить. Судя по всему – тест был не вечен.

– Поздравляю, – объявил клоун, – вы дошли до финальной части нашего теста. Так, что не огорчайтесь, если вы не ответите на следующий вопрос. Выше имя уже внесено в хит-парад лучших участников Электромеханического Теста На Кретинизм и находится на третьем месте. Если вы готовы продолжать – скажите «далее».

– Далее!

Клоун исчез, отчего Ткачев испытал сильное облегчение. Картинка с однообразными символами инь и янь, возникшая вместо него, сетевикау ничего не говорила.

– Часть номер 5. – возвести динамики, – простая последовательность символов. Здесь представлено восемь символов борьбы света и тьмы, добра и зла, единства и борьбы противоположностей. Символы находятся в особой последовательности. Какой бы из символов, помещенных внизу, вы бы поставили следующим?

Голос из терминала замолк, а Александр до боли в глазах всмотрелся в череду однообразных изображений. Насколько он понял, все символы были совершенно одинаковыми.

Александр Ткачев смотрел.

– "Ну, Алекс", – сказал он себе – «Сосредоточься. Вот твой последний шанс. Именно от того, как ты сейчас ответишь, будет зависеть будешь ли ты дальше ходить по этой земле, жить, бороться, или останешься здесь обугленной головешкой. Не спеши, призови интуицию, говорят, она обостряется в критические моменты».

Похожие как две капли воды символы злорадно пялились на него с экрана, и казались они Александру то многочисленными улыбающимися рожами, то черными метками одновременно. В какой то момент (растянувшийся на часы, хотя прошло меньше секунды) ему показалось, что один из символов, крайний справа, немного отличается от других. Вроде

бы темная половина Янь была немного больше светлой Инь. Думать было вредно, дальнейшее размышление вело лишь к гибели, и потому Александр Ткачев и вымолвил в звонкую тишину своей ответ:

– Символ номер семь...

– Ты что?! – в ужасе закричал Красноцветов, приподнимаясь, – как ты знаешь? Они же все одинаковые!

Монитор долго не отвечал, а роботы айбо, как один задрали уродливые, выполненные в стиле нью эйдж, морды и пронзительно, замогильно завывали. Ор пробирал до костей.

– Ответ принят, – наконец, сказал монитор, и Александр робко улыбнулся, не в силах поверить своей удаче. Терминал помолчал, и добавил, – не правильный ответ.

Воцарилась тишина, а в груди сетевики вдруг стало пусто-пусто, словно оттуда разом исчезли все внутренности и в реберной клетке поселился космический вакуум.

Вот и все. Он проиграл. Его жизнь закончится здесь, в его же любимом кресле, в котором прошло столько веселья и интересных открытий. Он сторит на глазах у единственного живого человека, оставшегося в этом безумном мире. Александру стало страшно, нестерпимо жаль себя и свою загубленную молодую жизнь. Перед глазами всплыли золотые воспоминания детства и подернутые романтической дымкой события, которым уже никогда уже не свершиться. Слезы сами собой хлынули из глаз и застлали вид ненавистного кремниего болвана.

– Саша, как же так?! – восклицал Красноцветов, – что же нам теперь делать?! Куда мне идти потом, Саша?!

Александр повернул к нему печальное лицо. Слезы текли ручьем у него из глаз, но он все-таки нашел в себе мужество выдавить слабую улыбку обреченного:

– Алексей Сергеевич, – тихо сказал он, – после того, как я сторю, пожалуйста, идите, и найдите выход. Найдите любой ценой, и тогда я буду знать, что погиб не зря. И еще...

– Внимание, – сообщил монитор, – вы провалили Электромеханический Тест На Кретинизм.

Благодарим за пользование нашим продуктом. По окончании теста будет включена тридцатисекундная готовность системы экзекуции. По истечении времени система будет запущена в действие. Вы уверены, что хотите завершить свой земной путь? Ответьте да или да или подождите десять секунд. Время пошло.

– И еще... – продолжил Ткачев, с тоской глядя в лицо Красноцветову, – личная просьба.

Пожалуйста... пожалуйста, скажите Лани, что, умирая, я думал о ней.

– Лане, какой еще Лане? – спросил растерянно Красноцветов.

– Да не лане, а лани!!! – заорал Ткачев, брызгая слюной, – Лани, Фавну! Слышишь, Красноцветов, не забудь!!!

– Десять секунд до начала экзекуции...

– Прощай, Саша, – сказал Алексей Сергеевич, и хотел, бы-

ло, взять сетевику за руку, но вспомнил про киловатты и передумал.

– Прощай, Алексей Сергеевич, – прошептал Александр и закрыл глаза.

– Три секунды до начала экзекуции, – возвести монитор, – две секунды, одна секунда, – Ткачев внутренне сжался – ноль секунд... Внимание, невозможно активировать функцию уничтожения, так как эта функция недоступна в демо-версии Электромеханического Теста.

Пожалуйста, для полного доступа ко всем функциям теста купите полную версию продукта, или введите двадцатизначный пин-код, который вы можете найти на первой странице Вашего лицензионного соглашения. Благодарим за внимание.

Оковы с оглушительным лязгом разомкнулись. Сетевик так и остался сидеть на месте своего неслучившегося аутодафе, тусклым взглядом глядя на пестрящий символами экран.

Посередине темноного фона высветилось слово «Команда?» Красноцветов с робкой надеждой поднял голову.

– Открыть дверь, – после долгого молчания, мертвым голосом, произнес Ткачев.

– Выполняется... Ошибка! Программа «открыть дверь» не может быть исполнена, так как дверь не найдена или уже существует. Пожалуйста, выйдите из всех программ и перезагрузите компьютер...

А в следующую секунду Александр Ткачев, неистово во-

пя, уже разносил терминал титановой штангой от собственного кресла, крушил мониторы и клавиатуры, проламывал тонкий металл мейнфрейма и с диким хототом давил юрких айбо. В разные стороны брызгали сиреневые искры, вольтовые дуги плясали в недрах разбитой аппаратуры, от всюду полез густой черный дым, немилосердно воняющей горелой изоляции. А сетевик все бил и бил свой бывший компьютер и сейчас был похож на неолуддита, дикаря нового века, идущего в последний и решительный бой против машины.

В конце концов, аппаратура взбунтовалась, и оцетинившиеся острыми шипами айбо плотным строем вытеснили впавшего в неистовство царя природы и его впавшего в ступор соседа в коридор, а там и вовсе из квартиры. На пороге Ткачев и Красноцветов переглянулись и побежали прочь, потому что им казалось, что электронные зверушки вот-вот кинутся за ними в погоню. Так как бежать вниз не было смысла, соседи побежали вверх, спотыкаясь на каждой ступеньке и подвывая от пережитого ужаса. Он миновали десятый, одиннадцатый и двенадцатые этажи, проскочили тринадцатый и четырнадцатый и остановила их стремительный рывок в небеса только толстая стальная дверь на чердак.

Они все еще тупо смотрели на нее, когда створка стала медленно приоткрываться и оттуда на пришедших уставился воспаленный, покрасневший глаз и хриплый голос нервно спросил:

– Вы люди? Вы живые? Настоящие?! У меня есть вам одна

просьба... Пожалуйста... умоляю вас... Ну что вам стоит...
Пожалуйста, не обращайтесь пока в морских свинок!

Еще один кирпич в стене.

– Спасибо, что остались людьми, – с чувством сказал бомж Валера, стоя на бетонных ступеньках перед закрытой дверью, – в наше время знаете, иногда так трудно сохранить человечность.

Двое пришельцев хмуро переглянулись. Они его не узнавали, а вот сам Валера их узнал – соседи как ни как. Вид у них был не очень – сам Валера в золотые и давно минувшие дни своего падения выглядел лучше.

Впрочем, сейчас его узнать можно было только по неряшливой двухнедельной щетине и слезящимся с недельного перепоею да происшедших этой ночью событий, глазах, потому как одет он был в эксклюзивный пиджак от Кардена с золотыми запонками, кремовую рубашку «Брукс бразерс», лаковые ботинки от Гуччи с подошвами из самой лучшей телячьей кожи ручной выделки, волосатое худое запястье Валеры охватывал массивных золотой браслет часов фирмы «тиссот» с двумя бриллиантами и стоимостью около четырех тысяч долларов.

Завершали картину модные очки «Рей бан», которые висели на пляжный манер в вырезе элитного пиджака, жутко диссонировав с галстуком от Валентино. Все до единого предметы одежды выглядели несколько потасканными, а штаны дорогих брюк испятнала грязь. Но все равно, Валера Зо-

лотников сейчас выглядел в разы лучше своих незадачливых гостей. — Сам то ты кто? — мрачно осведомился один из них, тот что постарше. Валера помнил, что у него вроде бы есть собака — огромная, злобная восточноевропейская овчарка, которая рычала, всякий раз проходя мимо валяющегося на площадке бомжа. Второй, чумовой тип, живший под квартирой собачника (Валера на раз наблюдал, как он шагает вниз по ступеням, полностью погруженный во внутренний мир) похоже, погрузился окончательно и временно потерял дар речи. Что-то с ним произошло очень нехорошее, нечто вроде того, что пережил недавно сам Валера.

Чука у него на плече сонно завозилась, цепляясь за дорожную ткань крохотными розовыми коготками. Соседи с омерзением покосились на свинку.

— А сосед ваш, Валера... — сказал Золотников, широко улыбаясь, подумал и добавил, — ...Валерьянович Золотников. Жилец.

— Что-то я тебя не помню, — сказал старший, — Сань, а может сказать ему, чтобы пиджак снял? Вдруг там мех или металл?

— Не помнишь, это да, — сказал Валера, — а все равно мы рядом живем. Только ты в квартире, а я здесь на чердаке. Да не в том суть. Вы же на чердак хотите пройти, да?

— Ну, положим... — выдавил из себя молодой, которого звали Александром.

Валера покивал, пригладил Чуку розовую шерстку, неж-

ную как шелк:

– Нельзя вам на чердак идти! Я потому и вышел, что бы вас предупредить. Он... он теперь не любит, когда посторонние приходят. Лютый стал.

– Слышь, жилец... – осведомился старший, – а ты нас не пугаешь? Там ведь проход должен быть, в соседний подъезд. А мы твердо настроены в этот подъезд попасть. И ты нас, в случае чего, не пытайся удержать.

Они вновь переглянулись. В глазах застыла угрюмая решимость. Валера вздохнул. Широким жестом указал на ступеньки:

– Да вы не стойте, присаживайтесь. Все одно вам рассказать придется.

Александр помедлил, а потом присел. Его сосед опустился рядом. Оба с некоторым удивлением смотрели Валере за спину – только сейчас заметили, что дверь бывшего его жилья украшает массивная, отполированная до блеска золотая пластина, на которой черным буквами было вытравлено:

«СТРАДОПРИИМНЫЙ ДОМ» и чуть ниже: «Нет покоя без боли, ибо через страдание мы обретаем спасение. С.К.ниг» и еще ниже «самопожертвования, пожалуйста, опускайте в предназначенную для этого прорезь».

– Значит, хотите в подъезд попасть? – спросил Валера, помолчав, – вынужден вас огорчить, господа. Прохода больше нет.

– Как это нет?! – закричал Александр, – он же там был?!

– Был, да, но его постигла злая судьба. Его закрыли. Теперь там Стена.

– Что еще за стена? – спросил старший, теперь припомнилось, что его фамилия Красноцветов и он часто ратовал за закрытие родного Валерова чердака.

– Не стена, а Стена, – сказал Золотников, – из каменных блоков. Различных. Из разных стен мира. Тяжелые каменные блоки.

– И что? – спросил Александр, – любую стену можно сломать, была бы решимость. Сломаем и эту! Все равно на ту сторону попадем!

– Сломать-то можно, – медленно проговорил Валерий, – да вот только там теперь страж. И он не допустит, что бы Стену сломали. Он страшен в гневе, он совершенно безумен, настоящее чудовище.

– Неужели он так свиреп? – удивился Красноцветов.

– К сожалению да, – со вздохом сказал Валера, – там Волчок.

Косые красноватые лучи вечернего солнца падали на пыльное пространство чердака сквозь мутное крошечное окошко у самой крыши. Где-то рядом однообразно ворковали голуби.

Валера, Ткачев и Алексей Красноцветов укрылись за грудой размокших картонных коробок из-под японской видеотехники, что находилась у самых дверей. Если наклониться немного в сторону, то открывался хороший вид на Стену и ее

стража. Валера не смотрел – он, прикрыв глаза, вспоминал.

Волчок заявился этим утром, через два часа после того, как Валерий Золотников продрал глаза от самого странного сна, который только видел в своей нелегкой жизни. К счастью, за эти два часа, он сумел уяснить, что происходит нечто из ряда вон и слегка адаптироваться, а то бы визит Волчка в его нынешнем виде, безусловно, свел несчастного бездомного с ума. Впрочем, даже тогда Валера, едва увидев давешнего приятеля, тут же бежал с вытасненными глазами. Волчок не препятствовал и ничего не говорил, но четко дал понять Валере что его жилье отныне больше не принадлежит бывшему хозяину. Так что Валерий совершенно не удивился, увидев, что его пентхауз переименовали в страдоприимный дом. В конце концов, чердак всегда был обителью чьих-то страданий.

Красноцветов и сетевик, напротив, смотрели во все глаза.

Стена протянулась на всю длину помещения, аккуратно отделив четвертую часть чердака.

Блоки, из которых было сложено сие монументальное сооружение были абсолютно разнокалиберными и сделаны из разного материала. Судя по всему, здесь были желтые камни из Великой Китайской стены, рыжие из римской оборонительной, красные из Московского кремля и бетонные, с матерными надписями латиницей, из Берлинской. Все вместе создавало впечатление, что здесь некий гигантский ребенок позабавился с не менее гигантской версией конструктора.

ра «лего».

Под стеной обретался Волчок, которого ныне не опознала бы даже родная мать, буде у нее вообще бы возникло желание глядеть на своего непутевого отпрыска. Гора жирной, покрытой темными пятнами, наподобие лишайных, плоти, из которой торчали скрюченные крысиные лапки с длинными отманикюренными ногтями. При некотором рассмотрении оказалось, что этот вздрагивающий в натужных столах бурдюк покрывает редкая засаленная шерсть, а из-под коротких и уродливых задних лап прихотливо вьется чешуйчатый хвост.

Жирдяй сопел, отдувался, булькал, непрерывно дрожал крупной дрожью, и производил впечатление в высшей степени тошнотворное. Впрочем, черные бегающие глазки утонувшие в складках жира остались прежними и только по ним можно было опознать старого психопата Волчка.

Какой ни будь не очень брезгливый юный натуралист, доведись ему изучить это произведение природы после долгих изысканий пришел бы к выводу, что видит перед собой разросшуюся до неприличия морскую свинку, с некоторыми, однако, антропофорными чертами. Но свинку, откормленную настолько, что партия зеленых с дальнего запада, несомненно, подала бы в суд на его владельца за жестокое обращение с животным. Но Волчок владел собою сам.

С тяжким стоном он наклонился и поднял с земли округлый белый предмет, после чего поднес его к глазам и звучно

откашлялся.

– Бедный Жорик... – хорошо поставленным голосом произнес он в пустоту чердака, – я знал тебя еще ребенком...

Он замолк и минуту тупо изучал предмет, оказавшийся свежим человеческим черепом, а потом с гневом зашвырнул его в дальний угол. Валера содрогнулся – он прекрасно знал ЧЕЙ это череп.

Волчок вздохнул. Передернулся жирной тушей и устремил печальный взгляд в сторону двери.

– Такой убогий и хромой... ничтожество... я так отвратен, что собаки, когда пред ними ковыляю, лают...

Он оборвал монолог и театрально завздохал. Тяжело походил из стороны в сторону под стеной, потом снова уселся на место. Взгляд его был полон печали.

– Зачем я живу? – патетично спросил он, в эффектном жесте вытягивая руку, – Для какой цели я родился? И ведь была же цель, имелась и...

Волчок вновь оборвал себя. В дальнем углу подвала Валера разглядел тело невинно убиенного Слюнявчика, чье вместилище сознания только что использовалось в любительской постановке. Воцарилась тишина.

– Good bye, cruel world, – наконец сказал Волчок, после долгой паузы, – I'm leaving you today...

– Вот так все время, – прошептал Валерий.

– Он не выглядит очень опасным, – сказал Ткачев, – может нам попробовать пройти мимо?

– Я бы не стал этого делать, – произнес Золотников, – Волчок по-прежнему опасен, в каком бы виде он не находился.

Но Александр уже поднимался из-за коробки, вытягивая перед собой руки в интернациональном миролюбивом жесте. Полусвин перестал трястись и жестко уставился на него. Ткачев нервно ухмыльнулся и сказал:

– Уважаемый... эээ... Волчок. Мы, конечно, понимаем всю важность занимаемого вами поста, но нам очень надо пройти. Нам надо попасть в соседний подъезд...

Слова, канувшие в пыльное нутро чердака, звучали потрясающе глупо. Теперь Волчок смотрел на Александра с явным презрением.

– Сломать Стену... – сказал Ткачев.

Волчок вскинулся. Рыхлое его тело в едином порыве покрыло два метра, когтистые лапы работали как поршни, пасть распахнулась и оттуда в облаке кошмарного зловония вывалились два исполинских резца, заточенных до бритвенной остроты. Набегая на Александра как товарный состав со сорванным тормозом, Волчок глухо ревел. Ткачев стояли на пути не более секунды – в следующий момент, он, как и его соседи с искаженным страхом лицами бежали прочь с чердака, преследуемые ревушим и изрыгающим однообразные проклятья полусвином. Толкая друг друга в спины, они выскочили в проем и в следующую секунду дверь страдоприимного дома захлопнулась за ними.

Тяжело дыша, соседи привалились к стенам и уставились

друг на друга.

– Ну, признаю, – сказал, наконец, Ткачев, – это было ошибкой.

– Волчок никогда не отличался дружелюбием, – произнес Валера с ухмылкой, – в конце концов, это же он съел Чука.

– Я все хотел спросить, – сказал Красноцветов, – что это у тебя за создание на плече?

Валера тепло улыбнулся и, сняв крошечное мохнатое существо с плеча, аккуратно разместил на сложенных ковшиком ладонях. Свинка сонно уставилась на людей крупными фиолетовыми глазами.

– Это Чука, – сказал Валера, – когда я подобрал ее, мне казалось, что это инкарнация моей прежней свинки. Той, которую съел Волчок. Но оказалось, что это девочка. Стало быть, Чука. Вот, смотрите, какая у нее масть!

– Как насчет, Волчка? – спросил Красноцветов, – он тоже похож на морскую свинку.

– Увы, здесь все похожи на морских свинок. Те немногие люди, что я встретил сегодня, все до единого деградировали. Кругом свинки. Что же до Волчка, то он всегда был животным.

Ткачев и Красноцветов переглянулись. Что-то роднило их с этим странным типом. Было что-то общее. Но цельной картины не складывалось.

– Он не взбесился, пока я не завел речь о Стене, – сказал Александр, – одолеть мы его все равно не можем. Стало

быть, надо попробовать его уговорить.

– Какие доводы может воспринять дошедшая до белой горячки двухметровая морская свинка?

– спросил Красноцветов, – твою систему и то было бы гораздо легче уговорить.

– У него есть слабое место, – с усмешкой сказал Александр, и распахнул дверь.

– ...не отягощать жизнь сомнениями, – донеслось до них, – ибо сомнения и ненужные сожаления о несбывшемся – вот наш груз, наши цепи, что путают нас по рукам и ногам...

Ткачев прикрыл дверь:

– Кто ни будь из вас имел опыт психоанализа?

– Насчет психо не знаю, но у меня брали анализ на чесотку, – ответил Валерий Золотников.

Понурый Волчок встретил осторожно подошедшего Александра благожелательно. Начальные округлые фразы о самочувствии он пропустил мимо ушей, но насторожился, когда Ткачев завел разговор о сущности счастья.

– Что ты можешь знать о счастье? – спросил Волчок, своим хорошо поставленным баритоном, – и о его вечном антиподе если пошло на то?

– Я вижу, что тебя гнетет нечто, Волчок, – сказал Александр, осторожно присаживаясь, напротив чудовищной свинки, – может быть ты поделишься со мной своим несчастьем.

Волчок гневно засопел и передернулся всем телом:

– Что ты понимаешь! – горько сказал он, – ты такой же заложник системы, как и остальные. Твои глаза зашорены, ты живешь во сне! Ибо только спящие, да неразумные идиоты могут быть счастливы в этом жестоком мире!

Александр вдруг заметил, что у ног полусвина лежит испачканная в дурнопахнущих слюнях массивная книга с тисненым золотом переплетом. Ткачев совершенно не удивился, увидев, что Волчок читает творение некоего Карлунда Фрюнга «Основы психоанализа для морских свинок». Иного и быть не могло.

– Волчок, – сказал сетевик проникновенно, – я здесь, чтобы помочь тебе. Поделись со мной своею бедой. Я ведь знаю, как тяжело быть не таким как все.

– Что ты знаешь... – с надрывом вздохнул Волчок, – но ты прав, я не могу держать все это в себе. Не могу скрывать от мира свет нового знания. Увы. Что ж, я расскажу тебе, а ты расскажешь кому-то еще.

– Да-да! – горячо воскликнул Ткачев, – народ должен знать правду.

– Тогда слушай, – сказал исполинка и донельзя уродливая морская свинка, – это очень печальная история. История войны индивидуума с обществом. История про еще один кирпич в стене.

– Я весь во внимании, – сказал Александр Ткачев.

Еще один кирпич в стене

(или почему я стал морской свинкой).

"Теперь я вижу – жизнь моя не заладилась с самого начала, и в истоках ее кроется то, к чему я пришел сейчас. С самого начала мне приходилось испытывать гнет системы, и начиная с рождения меня окружала Стена.

Я родился тридцать лет назад в уездном городе, неблагополучной семье и грязной областной больнице. Пьяный врач, который принимал роды, не удержал меня в руках и уронил на пол, отчего в несчастных моих мозгах произошел необратимый сдвиг. От удара я испугался и заревел – и то был мой первый крик в этой полной фекалий вселенной!

Нельзя сказать, чтобы в детстве я был окружен любовью и лаской. Моей первой трапезой стала бутылочка смеси «крутыш» – в равной доле состоящая из детского питания, перловой каши и технического спирта. Каждый вечер я засыпал в своей кроватке, сделанной подобранной на свалке арматуры, а моими единственными игрушками были шустрые домашние клопы и сделанный из чугуна памятник собаке-герою в соседнем сквере. Прелесть же первого купания я познал, когда маманя по пути из роддома уронила меня в лужу.

Мои родители – настоящие советские неинтеллигенты,

были людьми азартными и увлекающимися. Увлекались они в основном водкой, хотя иногда отдавали дань неизысканным плодово-овощным винам. К сожалению, я почти ничего не могу сказать об этих, без сомнения милых людях, потому что их брак продлился всего лишь два года. Что ж, все что я знаю, это то, что они жили недолго и несчастливо и умерли в один день, поубивав друг друга.

После их похорон (только много позже я узнал, что они хотели забрать меня с собой, но что-то им помешало. С тех пор мне часто снятся сны, как они зовут меня, а я бегу к ним, широко-широко раскинув руки, словно хочу обнять весь мир) я остался сиротой, хотя и не знал об этом.

На меня претендовали папины знакомые – многоопытные и многопьющие люди, но в тот момент мне не светило стать свободным. Проклятая система – свод правил и уложений поведения одних людей, по отношению к другим – бездушная машина из титановых шестеренок, бумаг и канцелярского клея – она взяла меня под свое свинцовое крыло.

Я был отправлен в муниципальный приют – интернат для бездомных детей. Один из многих, я лежал там в стальной, хромированной кровати с инвентарным номером и смотрел в потолок, по которому в любое время года ползали жирные, откормленные мухи.

Это была младшая группа, но порядки там были куда более жесткие, нежели в старшей. Я хорошо помню это время – школа жизни началась для меня там, среди серых стен и

заунывных воплей соседей.

В шесть следовал подъем. Нам всем очень хотелось спать, но включался огромный алюминиевый репродуктор на стене и он работал так оглушительно, что напрочь заглушал наши вопли. Как правило, ставили что-то оптимистическое, но искаженная картонным динамиком музыка превращалась в раздирающий уши рев. Именно с тех пор я страдаю некоторой тугоухостью и тугодумием, а также ненавижу песню: «солнечный круг – небо вокруг» с которой начиналось почти каждое наше утро.

В определенное время нас кормили из одинаковых стеклянных бутылочек с выписанными краской инвентарными номерами разведенной перловой кашей, в которую для густоты добавляли крахмал. В середине дня нас выводили в туалет.

Именно там, в младшей группе я познал злобу и жестокость человеческого стада, был подвергнут остракизму и у меня появились первые враги. На четвертый день пребывания в интернате массивный и откормленный двухлетний карапуз перебрался через низкие бортики моей кровати и придавив мне голову к подушке, отобрал бутылочку с кашей. Я плакал и отбивался – но что я мог поделать? Он ушел, покачиваясь на нетвердых ногах и гнусно ухмыляясь.

Я воззвал к справедливости – а именно к одетой в строгую мышиную униформу нянечке, которая поднимала нас каждое утро. Но система есть система и справедливости в ней

нет – но чтобы понять это мне понадобилось долгих двадцать лет.

Мне сказали, что жаловаться нехорошо и отшлепали скрученной в жгут простыней, так что следы оставались с неделю и более. А карапуз вновь пришел на следующий же день и властно протянул руку к бутылке. Мне не оставалось ничего, кроме как отдать.

Так я жил впроголодь. Шли дни, мы росли, а я все не мог никак набрать достаточно веса и оставался самым маленьким в нашей группе. Злобный неприятель по кличке Бутуз верховодил среди нас и никто не мог ему сказать слово поперек. Расправа была моментальная. Теперь, я не только делился с ним кашей, но и заправлял ему кровать, а также убирался на его тумбочки. Бутуз же только жирел. В какой то момент я понял, что я его ненавижу – и это было первое сильное чувство, которое я познал.

Впрочем, у меня появились и друзья. Приятель по имени Костя, был добросердечен и всегда тайно отдавал мне часть своей пайки. Возможно, именно это не дало мне помереть с голоду.

В какой момент наша воспитательница – жестокая старая дева пятидесяти лет, улыбку которой я видел только раз, когда воспитанники принесли ей разбившуюся о наше окно дохлую птицу – объявила, что мы достаточно взрослые, чтобы сами убирать за собой. А стало быть, назначайте дневальных для чистки и уборки сортиров. Предполагалась посмен-

ная работа, при которой каждый чистит унитазы и моет пол в назначенный день. В тот же вечер, ко мне подошел Буруз и спросил, не хочу ли я сыграть в увлекательную игру под названием «трамвай»? Чувствуя подвох, я все же согласился, и эту же ночь провел с тряпкой в руках. И следующую и последующую. Запах мочи и мокрой тряпки стал для меня родным. Я мыл пол семь дней в неделю, отработывая за всю группу, по пол ночи проводя в покрытых унылым зеленым кафелем стенах. А утром приходили они – воспитанники интерната и смотрели на меня с холодным презрением, как смотрят на противную слизистую тварь, вроде мокрицы, неосторожно раздавив ее кованым каблуком. Именно в такие моменты я острее всего ощущал Стену – невидимую, но от того не менее прочную, между мной и этими детьми с сытыми лицами. Между мной и обществом!

Черное отчаяние не взяло меня только потому, что иной жизни я не знал.

В какой-то момент я заметил, что Костя избегает меня и больше не делится своей кашей, которую к тому времени стали подавать в алюминиевых тарелках с выбитым инвентарным номером. Я не знал что и думать, пока однажды не встретил его в узких темных переходах интерната. На мой вопрос, что же случилось, он печально улыбнулся и поведал мне:

– Буруз сказал, что отныне ты ЧМО, потому что моешь за нас всех пол. С тобой нельзя разговаривать, а каждый, кто

захочет с тобой дружить, тоже станет ЧМОм. Так, что извини...

И он ушел. Так я познал предательство. Два дня прошлись в полной изоляции, а на третий я, движимый ненавистью, попытался убить Бутуза. Ночью подкрался к его кровати с подушкой и навалился ему на лицо. Бутуз вырывался и сипел, но ярость придала мне сверхчеловеческие силы, так, что оторвать от полузадушенного недруга меня смогли лишь трое специально вызванных нянечек.

Случай прогремел на весь интернат. За провинность я был бит нянечками скрученным в жгут одеялом и посажен в чулан на неделю, на хлеб и воду, причем чтобы проглотить хлеб, его приходилось размачивать в воде. Впрочем, после перловой каши это даже казалось изысканным.

В чулане были крысы. Они приходили ко мне каждую ночь. Ползали у меня по рукам и ногам. Я кричал и отбивался, но они только нагтели. С тех пор я ненавижу крыс.

За время отсидки я узнал, что Бутуз три дня провалялся в лазарете, а вернувшись, пообещал устроить мне вендетту, так что на этом свете мне уже не жить. Бутуз был настроен серьезно.

От неминуемой гибели меня спасло то, что закончился очередной год и я был переведен из младшей группы в старшую, и мы с Бутузом попали в разные коллективы. Так как изоляция в интернате была полной, своего первого недруга я больше никогда не видел.

Нельзя сказать, чтобы в новой группе мне стало много легче. Но «трамваев» больше не было. Сюда просочились слухи о случившемся в спальне и все смотрели на меня с некоторой опаской. В неполные восемь лет я уже слыл безумцем и серийным убийцей. Так или иначе, но за все эти годы, отчуждение – глухая стена вокруг меня стала только выше и толще.

Я не хотел так жить. Смутные видения посещали меня, будущее, сверкающее и ясное, будущее других людей, там за колючей проволокой ограждающей двор интерната, манило меня издалека, как очень редкая экзотическая птица. Я захотел учиться – возможно, поиск знаний стал бы для меня спасательной палочкой-выручалочкой, за которую я смог бы ухватиться и вытащить себя из этой трясины под названием жизнь.

Но, конечно, с тем багажом и черными отметками в моей личной карточке ни о какой учебе не могло идти и речи. Вместо тетради и карандаша я получил в руки лопату и был послан, вместе с сотней таких же, вскапывать колхозные поля. Мы убирали картошку, свеклу и брюкву. Движимый тягой к прекрасному, я выбрал большую красную свеклину и держал ее в алюминиевой кружке с инвентарным номером на боку, как редкий красивый цветок, пока она окончательно не сгнила.

В двенадцать лет моя фея хранительница – без всяких сомнений, жестокая старая дева пятидесяти лет – подарила

мне одну из своих редких улыбок. Меня настигла любовь. Окна в коридоре нашего мужского интерната выходили на угрюмое серое здание интерната для девочек. Мою избранницу я заметил как-то вечером, когда бесцельно стоял у окна и смотрел на недоступный вольный мир.

Она видела меня и она улыбалась мне – светлой, застенчивой улыбкой. У нее было дивное лицо и странные раскосые глаза – марсианские глаза, решил про себя я. Ибо не могло такое замечательно существо жить на этой угрюмой земле. Она приходила каждый вечер, а я уже ждал ее на подоконнике и мы просто смотрели друг на друга и улыбались. Иногда дружески махали друг – другу руками, или строили рожи. От этого в сердце становилось теплее.

Я был уверен, что моя отрада тоже испытывает ко мне какие то чувства. Все это было столь новым и незнакомым, что ночью я сжимал в объятия подушку и тихо смеялся или плакал в нее, воображая себя рядом с моей таинственной незнакомкой. Мне кажется, я был счастлив – первый и последний раз. И единственное, что вгоняло меня в тоску – это то, что мы были разделены Стеной. Вернее двумя стенами – ее и моего интернатов.

Загадочная улыбка моей Моны Лизы сводила с ума и в один прекрасный момент я, второй раз в жизни, решил дать бой против системы – бежать из интерната. Глубокой ночью я выскользнул из спальни и неслышимой тенью проскользнул к дверям интерната. Ключ я украл у воспитатель-

ницы еще раньше.

К сожалению, кроме меня не спал и еще один воспитанник нашего славного заведения. Все тот же Костя, который попал вместе со мной в одну группу. Он то и застиг меня в самых дверях и принялся звать подмогу. Он горел праведным желанием угодить воспитателям, он торжествовал! Меня обуяла дикая ярость и я ударил его кулаком, в котором как кастет была зажата связка ключей. Он закричал и упал, а я все бил и бил его, и только понабежавшие воспитатели смогли оторвать меня от окровавленной жертвы.

На этом история моего побега и закончилась. Я получил очередную черную отметку в карточку, был бит скрученными в жгут простынями и отправлен в чулан на пир крысам.

Костя же месяц провел в лазарете, ему требовалась операция, но денег на нее не было и он так и остался с изуродованной нижней губой. Он больше не контролировал свой слюноток и довольно быстро получил за это прозвище Слюнявчик.

Моя же Дожоконда у окна больше не появилась. Много позже я узнал, что ее зовут Фрося Бардакова и она в интернате навсегда, потому что ее марсианские глаза – это признак синдрома Дауна, коим она и страдала.

С этого дня, я понял, поблажек мне больше не будет. Сердце мое еще больше ожесточилось. Но все течет, все изменяется, прошла и невеселая пора моего детства. По достижении восемнадцатилетия бюрократическая машина срабо-

тала вновь и я оказался за массивными дверьми моего родимого заведения. Никаких чувств, кроме омерзения, я к нему не испытывал.

Новая жизнь лежала передо мной и это был последний момент, когда я попытался хоть как-то изменить то убогое существование, которое вел.

Но, увы. Некоторые идут по жизни легко, порхая как бабочки, а кто-то ступает кованными сапогами с гирями у каждой ноги. Будучи детдомовцем, я не имел в жизни никаких перспектив. Один из многих – тех, что прошли впереди меня – моя жизнь катилась по накатанной колее. Идти мне было некуда и я оказался на улице.

А там меня закружила-завертела вольная жизнь, которая, однако, была чуть ли не хуже, чем в интернате. Довольно скоро я обнаружил себя в человеческой стае, собравшей в себя без сомнения самых отвратительных индивидуумов этого славного рода. Будь проклята система, что подминает под себя людей, калечит их изначально и заставляет их ступать на дорогу, уходящую во зло!

Я ненавидел власть, за то, что она сделала со мной. Ненавидел закон, за то что он поддерживает власть. Ненавидел людей, которые принимают закон и власть, будучи крошечными шестеренками в единой сложной машине. И еще я ненавидел крыс.

Естественно с такими взглядами я старался нарушить закон где только можно, таким образом мстя за свое не сло-

жившееся счастье.

Сначала мы занимались по мелочи – подкарауливая и избивая случайных прохожих, потом освоили взлом квартир и кражу кошельков. В стае меня не любили, но уважали, особенно после серии жестоких драк. Лишний раз старались не связываться. Но мне нужны были деньги, и мы перешли к более крутым грабёжам. Мы были отморозками, плевавшими на все правила – о, как мне все это нравилось! Так приятно было бить чужие удивленные лица – сытые и довольные лица сподвижников системы, а потом валить людей на землю и бить их ногами по почкам.

Разумеется, долго это не могло продолжаться. В один из как всегда отвратных дней мы подкараулили в темном переулке старушку – божий одуванчик, однако, при деньгах. Пока мы потрошили ее кошелек, старая кошелка вырвалась и побежала к свету, громко крича.

Наш главарь – тупой, но упорный детина крикнул мне, чтобы я заставил ее замолчать.

Догнав ее, я ударил обухом своего туристского топорика и она замолчала. Навсегда.

На следующий день нас кто-то сдал. Подозреваю, что кто-то из своих. Доблестная милиция повязала всех участников банды. Всем дали по десять лет. Мне – пятнадцать.

Я пошел в тюрьму с ухмылкой – место было мне знакомо и уж конечно не могло испугать такого как я, прошедшего школу жизни в самом интернате. Порядки то везде одинако-

вые – если вы понимаете, что я хочу сказать.

В тесной душной камере на шесть персон, в которую втиснули ровно в два раза больше и прошли мои несколько следующих лет. Я знал как себя вести, и очень скоро за мной закрепилась слава отморозка и беспредельщика, с которым лучше лишний раз не связываться. Я полностью владел койкой на верхнем ярусе и был вполне доволен. Утром мы вставали в шесть часов под звуки гимна, рвущиеся из хриплого динамика, завтракали из алюминиевых тарелок с выписанными краской инвентарными номерами. Потом мы работали, обедали, ужинали и засыпали под звуки гимна. За окном кипела вольная жизнь, но в отличие от золотых детских годов я уже не рвался так напряженно на свободу.

Мои сокамерники – без сомнения худшие представителя рода человека разумного, чурались меня. Стена была и тут, и я удивлялся, не находя общего языка даже с этими низколобыми существами с напряжением и подневольным трудом проделывающих тяжелый путь от неандертальцу к кроманьонцу. В конце – концов, я стал ненавидеть и их тоже.

Так прошло какое то время, пока в нашей камере не начался передел собственности и не пришло новое начальство. Авторитетный орангутанг из новоприбывших не терпел своеволия у подчиненных ему заключенных. Как-то раз я дерзко ответил ему и он решил обрушить меня вниз, в зловонную пучину, где обретались те, кто оказался недостойн даже звания рабов. У меня стали перехватывать пищу, а

также совершать массу мелких гадостей, как это свойственно человеческому социуму. Но я уже знал, чем это закончится и знал, что надо делать. Давние воспоминания всплыли в моей голове, и на следующую ночь, после того как пять подручных орангутанга попытались избить меня скрученной в жгут простыней, я прокрался к главарю с набитой сеном подушкой в руках.

К сожалению, жестокий орангутанг хрипел слишком сильно и перебудил всю камеру.

Разразилось побоище, в котором меня пытались оторвать от дергающегося тела, и я вынужден был защищаться изо всех сил. Я не очень хорошо помню, что там было, но сломанный передний зуб, говорит о том, что я кого-то покусал. Ворвавшиеся охранники довершили дело.

Я оказался в карцере, который естественно был пыльным и полон крыс. С тех пор я ненавижу крыс!

Сидя в карцере, я узнал, что орангутанг все же отошел в страну вечной охоты. Мои сокамерники пообещали отправить меня вслед за ним, а высшие власти навесили мне дополнительный срок за убийство, а также, что меня посылают на некую медэкспертизу.

По окончании отсидки в карцере я отправился на экспертизу и так получилось, что обратно в тюрьму я уже не вернулся, а тот же вечер встречал в не очень уютной больнице с зарешеченными окнами.

Откровенно говоря, совсем не помню что я делал в этой

больнице. Кажется, мы вставали в шесть утра под звуки песни из хриплого громкоговорителя и ели из алюминиевых тарелок с выписанными краской инвентарными номерами, а потом нам всем делали уколы из стеклянных шприцев – шизофреникам отдельно, психопатам – отдельно. И еще было что-то про электричество...

Нет, не помню... а ведь я провел там десять лет и под глазами у меня до сих пор остались странные шрамы.

С этих самых пор, жизнь моя, ранее такая простая и ясная погружается во мглу. Я снова был на улице, слишком слабый, чтобы участвовать в стае, да и все желания покинули меня, оставив лишь ледяное равнодушие и странные поступки, которые мое тело совершало само по себе. Я убивал крыс во множестве. И кошек, за то что они касались крыс. Потом я понял, что делал это зря. Мертвые крысы вернулись и стали разговаривать со мной.

Приходилось много пить, что бы заглушить голоса. А потом много пить, потому что накануне много пил. Жизнь вновь стала на рельсы, которые вели, правда, в тупик. Ко мне вернулись старые друзья – Слюнявчик вновь был рядом и словно не помнил о том, что было раньше. Я тоже не помнил. Мы вставали рано и всю утро искали пустые бутылки, а днем ели всякую дрянь из краденных алюминиевых тарелок с инвентарными номерами.

Мы были одними из многих. Нас было множество – таких вот, никому и не зачем не нужных, прошедших интер-

нат, тюрьму и психдом. Мы были огорожены Стеной, но мы и сами были Стеной – составляющие системы, крошечные кирпичики в бастионе всеобщего зла. Мы работали на зло и приумножали его своими деяниями. Каждый из нас был всего лишь еще одним кирпичом в Стене!

Система могла праздновать победу – она почти сломала меня.

И в один очень странный день, когда моя совесть в корчах умерла, а я опустился на самое дно, съев крысу моего близкого друга... в этот день, ко мне пришли. Я не помню кто, но хорошо помню вопрос, который мне задавали.

Хочешь ли ты изменить свою жизнь? – спросила они. И я ответил – «да»! Потому что, друзья мои, где-то там, в глубине, под засохшим дерьмом и коростой все еще скрывается маленький мальчик, который верит в чудеса и у которого еще не отобрали бутылочку с перловой кашей «крутыш».

И тогда я стал морской свинкой. И все изменилось, словно по мановению волшебной палочки. Отныне я, кажется, свободен. Теперь сторожу Стену, а не пытаюсь сквозь нее пробиться. И я верю – пройдя все круги социального ада, испытав все, что только можно испытать на этом свете, пройдя огонь, воду и медные трубы, я наконец-то попал в тот край, где нет скрученных в жгут простыней и алюминиевых тарелок с инвентарными номерами. Где будущее не окрашено в серый цвет и моя усталая судьба влечет меня в тот радостный и сияющий миг, в котором в котором все будет хорошо,

и где я, наконец, найду свое скромное счастье!

И там не будет крыс".

Волчок замолчал, лишь подслеповатые его черные глазки смотрели поверх головы собеседника сквозь бетонные стены в некие сияющие, необозримые дали...

– Ох, – сказал Ткачев, по лицу его катились крупные слезы, – это ужасно, то, что произошло с тобой, просто ужасно. Какой кошмарный жизненный путь и...

– Лишь в страдании мы обретаем спасение, – мягко произнес Волчок, – это наш путь и наше Дао и в конце мы все обретем счастье и умиротворение.

– Да-да, – сказал сетевик, извлекая из кармана носовой платок и вытирая им покрасневшие глаза, – но, насчет стены? Наше Дао требует от нас действий и мы бы хотели...

Рев. Острые желтоватые клыки взметнулись над самым плечом Александра, когтистые лапы уродливо скрючились. Поспешно вскочив, Ткачев побежал к двери, все еще произвольно всхлипывая. Волчок гнался за ним до самого порога и еще немного дальше по лестнице и только потом отстал.

На площадке десятого этажа, напротив наглухо закрытой двери в квартиру Красноцветова, его ждали соседи. Из-за дверей доносился сильно приглушенно собачий лай.

– Ну? – спросил Валера, – как он?

– Самое несчастное существо на земле, – тоскливо сказал Александр, – у меня сердце от жалости разрывается! Да после того, что он пережил, мне мои сегодняшние беды кажут-

ся детским лепетом!

– Ну не скажи, – проговорил Красноцветов, – я чуть не поседел... Существенное что ни будь узнал?

– Да... Волчок нас не пропустит, потому, что он охраняет стену. Кажется, это его новый смысл жизни... А еще у него все время в рассказе проскакивало, что он не любит крыс.

– Ничего удивительного, – сказал Валера, – после того, как он съел Чука...

Алексей Сергеевич поднял руки:

– Ближе к делу! Он охраняет, судя по всем, единственный путь в соседний подъезд.

Напасть на него мы не можем – слишком здоровый. Мы могли бы выманить его. Только чем?

– Крысой, – вставил Ткачев, – он ненавидит крыс.

– Хорошо, крысой, – сказал Красноцветов, – где мы возьмем крысу?

– Я, кажется, знаю, – произнес вдруг Валера, и все уставились на него.

Неприметная дверь на пятом ничуть выглядела ничуть не опасной, но соседи смотрели на нее с некоторой нервозностью.

– Ну, я не думаю, что это хорошая идея, – сказал, наконец, Красноцветов, – снова лезть туда. Да вы вряд ли даже представляете, что вас там ждет.

– О, – произнес сетевик, – еще как представляем. Вам еще повезло, Алексей Сергеевич – у вас собаки, а не кремнеор-

ганические наносистемы.

– Или морские свинки, – добавил Валера, – я так понимаю – вам крыса нужна. Больше вы ее нигде не достанете.

– Можно взять айбо, – неуверенно предложил Ткачев, – хотя вряд ли Волчок на него поведется... Ну же, Алексей Сергеевич, не мы ли обещали прорваться любым способом когда бежали со всех ног из моей квартиры?

– Хорошо, я иду, – Алексей Красноцветов широко вздохнул и взялся за ручку роковой двери, воспоминания о кошмарном пребывании в шкуре четвероного было еще чересчур свежи.

– Э нет, – Валера ухватил его за локоть, – не так скоро, друг! Идем все вместе.

– Это еще почему?

– Не факт, что войдя туда, вы не погрузитесь в какие ни будь пятимерные бездны и навсегда исчезнете отсюда, – произнес Ткачев, становясь рядом, – а нам очень не хочется оставаться тут вдвоем.

Красноцветов окинул их взглядом – ни дать не взять потерявшиеся дети. А разве он сам не ощущал себя таковым? Мир вокруг стал зачарованным лесом, в котором к тому же все тропинки связаны в морской узел и никуда не ведут.

– Но ведь это моя дверь, – молвил, наконец, Алексей Сергеевич, – неизвестно, что случится, если мы войдет туда втроем!

– Авось не пропадем, – сказал, широко улыбаясь, Валера и

сквозь его лощеный светский облик неожиданно проступило нечто дикарски раздольное, заставив соседей вновь сделать попытку припомнить, где же они видели этого типа, – шагай, давай!

Взявшись за руки, как детсадовцы на утреннике, они шагнули в открывшийся проем.

Каждый еще успел увидеть свое отражение в зеркале, прежде чем их накрыла тьма.

– Жри, Шарик, – говорил старый Захарий, владелец лучшей в округе крысиной фермы, нежно поглаживая плоскую Шарикову голову стоим старым нейропротезом советского производства, – кушай свою похлебку, заряжай фуел селлы.

За его спиной по земле ходили зеленоватые лучи термосканеров со спутниковым наведением, а чуть дальше сонно помаргивали огни над периметром, да слышался неумолчный крысиный писк. Входила Луна.

Шарик вздрогнул под хозяйской рукой, вывернулся и посмотрев на хозяина пустыми глазами, в которых дико светилось кошмарное тройственное сознание, вихляя припустил в сгущающиеся лиловые сумерки. На повороте его занесло и он чуть не приложился о сосну.

Захарий рассеянно подумал что стареет пес и, наверное, скоро придется тратить деньги на новый гироскоп.

Поймать крысу оказалось делом нескольких минут. Шарик, судорожно управляемый сразу тремя человеческими индивидуумами, на время взял инициативу в свои лапы и

скоро что-то маленькое и отчаянно сопротивляющееся испуганно запищало в собачьей пасти.

С крысой в зубах пес возвратился в родную будку и лишь там распался на отдельные составляющие. Оказавшись на свету лестничной площадки, соседи некоторое время растерянно моргали, отходя от непривычной роли четвероногого. Потом Красноцветов взглянул на трофейную крысу, аккуратно прижатую к груди Александра и досадливо произнес:

– Я говорил, что мне надо было идти одному! Посмотрите на это!

Александр осторожно погладил зверька пальцем по мохнатой голове и воздел его на уровень глаз. Крыса слабо задергалась, пытаясь вырваться у него из рук, но хромированные колесики, которыми она была снабжена вместо конечностей решительно не могли зацепиться за твердую почву. При ближайшем рассмотрении крысий хвост оказался горизонтально расположенной антенной от радиостанции Моторола. Крыса тихо попискивала синтезатором.

– Это твое, Саня, влияние, – осуждающе сказал Алексей Сергеевич, брезгливо разглядывая зверька, – ну да может и такая сойдет...

– Сойдет, сойдет! – сказал Валера, уверенно, – так даже лучше.

По пути на чердак они совершили короткий рейд в квартиру Ткачева и под неживым вниманием уцелевших айбо подобрали полутораметровый титановый лом с остатками

чьей-то гидравлики.

У дверей страдоприимного дома соседи остановились.

– Я кидаю крысу, – сказал Ткачев, – после этого оставляем дверь приоткрытой и бежим до площадки четвертого этажа. Дальше вы знаете.

– Чай я вам не спортсмен, чтобы так бегать, – устало молвил Алексей Красноцветов, – одышка у меня... а, впрочем, лишь бы он крысу не поймал!

– Ну, пошли, – скомандовал Александр и, резко открыв дверь, выпихнул псевдомеханическое создание в полутьму. Крыса взяла курс.

– ...есть только миг, между прошлым и будущим, – тут же донеслось до них, – именно он, называется... ЙААААА!!!

Слома голову, соседи ринулись вниз по лестнице. За их спинами нарастал дикий, режущий уши вопль:

– НЕНАВИИИЖУУУ!!!

На подкашивающихся от быстрого бега ногах он достигли пролома, и дикими глазами, глядя друг на друга, распахнули ближайшую дверь. Позади орали. Красноцветов обернулся и увидел лихо скатывающуюся по ступенькам крысу – все четыре подвески грызуна звучно срабатывали на пробой. Позади нее перло что-то кошмарно раздувшееся, с торчавшей во все стороны жесткой, маслянистой шерстью и резцами цвета слоновой кости.

– Сейчас! – крикнул Ткачев, чуть ли не силой проталкивая соседей в проход. За секунду до того, как полусвин до-

стиг площадки, внутрь заскочил и сам сетевик.

Они исчезли с одной стороны лестничной клетки и секунду спустя появились на другой.

Но этой секунды хватило чтобы не рассчитавший ускорение, ревуший как самая большая в мире газонокосилка, Волчок на всех парах миновал площадку и с воем низринулся во тьму.

Соседи как один кинулись к краю провала. Вопль все еще длился, а значит, Волчок продолжал двигаться к центру земли, с каждой новой секундой ускоряясь на очередные тридцать шесть километров час.

– Вот это да, – только и вымолил Валера, – Вот это как... Бедный Волчок!

– В пропасть Волчка! – резко сказал Алексей Красноцветов, – нам теперь, вроде, никто не мешает стену ломать.

Валера кивнул и они, уже не торопясь, отправились вверх по лестнице. Александр на миг задержался у края, задумчиво глядя вниз. Крик заметно отдалился, но все еще звучал.

Кажется, бывшему человеку по кличке Волчок все же довелось узнать есть у провала дно или нет. Ткачев передернул плечами, словно от холода и тоже поспешил наверх.

Стена ждала их – гротескное смешение стилей и жанров. Вблизи оказалось, что она вся исписана разноцветным граффити, большая часть которых была посвящена страстным признаниям в верности заграничным поп звездам, а также тщательно выписанными красным кирпичом политическим

лозунгам. Выделяясь среди однообразных восклицательных знаков в самой середине Стены крупными, неровными буквами было написано:

Идущий за стену, За шелковую тьмою таится, Алый агат.
(М. Настрадамус) Золотников взмахнул ломом и ударил в самый центр надписи «но пасаран». Целый блок желтого кирпича с грохотом выпал из Стены и образовалось полуметровое отверстие. За стеной было темнота. Соседи на миг замерли.

– Эй там... – еле слышно сказал голос из тьмы, – За стеной... вы настоящие? Живые?

– Живые, живые! – крикнул Валера, – живее некуда. А вот ты что за тварь?

– Да вы не стойте, пролазьте. Здесь безопасно.

Пожав плечами, Валера расширил дыру до приемлемого размера и соседи, пригнувшись по одному, проскользнули в пролом.

За стеной было темно – дверь на чердак оказалась плотно закрытой. Убогое, заляпанное голубиным пометом окошко под самой крышей почти не давало света – на улице наступала ночь.

С той стороны каменной перегородки во множестве лежали дохлые крысы с оскаленными, изуродованными ртами – похоже, перед тем как погибнуть зверьки из последних сил пытались грызть неподатливый камень, чтобы когда ни будь, ценою гибели сородичей, оказаться на той стороне.

– Вот, я тут, немного дальше, – сказал голос, – добро пожаловать в подъезд номер три.

Чердачное помещение тянулось во всю длину их дома – исполинский, полный строительного хлама зал с низкой крышей. Четверть помещения отделяла теперь стена, а еще одна часть оказалась отгороженной массивной решеткой из тусклого серого металла. В полутьме за толстыми прутьями угадывалось чье-то лицо.

– Идите сюда, – сказал этот тип, – да не смотрите так... я не порождение мрака. Я ваш почтальон, Поляков моя фамилия!

– А ты то, как тут оказался, друг мой ситный? – спросил Красноцветов, подходя ближе, – ты ж вроде не тут жил?

– Жил, не жил, какая разница, – поморщился Поляков, – я тут уже целый день, с утра. И, похоже, уже не смогу выйти... да не в том суть! Я был уверен, что здесь еще есть люди кроме меня.

– Есть, как видишь, – сказал Валера, – повезло тебе, братец, счас взломаем твою решетку...

– Бесполезно, – почтальон взмахнул рукой, – прутья из титана, десять сантиметров в обхвате. Вам не сломать. Да дело даже не в решетке. Я ведь в соседнем подъезде. Во втором.

– Да ты не отчаивайся! – произнес Алексей Сергеевич, – я двоих вытащил, Саньку вон с электрического стула снял, и тебя как ни будь достанем.

– Не пытайтесь... не надо, – сказал Поляков, придвигаясь

поближе к решетке, – я ведь специально сюда пришел. Знал, что рано или поздно вы здесь объявитесь. Поэтому я хочу с вами поговорить.

– О чем? – спросил Ткачев, – что ты можешь нам сказать? Почтальон покачал головой:

– Так получилось, что я знаю немного больше, о том, что здесь происходит. Я здесь с утра, и успел успокоиться и все обдумать. Как вы думаете, где мы сейчас находимся?

– В бреду... – фыркнул Александр, – в каком-то кошмарном сне.

– Это довольно близко к истине, – сказал Поляков, – это кажется дурным сном, но в отличии от бреда у этого места есть свои законы. Своя система.

– Нет тут системы, – пробурчал Красноцветов, – безумие одно. Ну чего, спрашивается, может быть общего у моих собак, наносистем Ткачева и... морских свинок, кажется?

Крыс...

– Да вы ведь и сами заметили, – улыбнулся почтальон, – Общего нет ничего, но вспомните, что было с вами до того, как этот безумный день начался? Где были крысы, электроника, собаки и... и мои степи, полные демонов?

Соседи молчали. Смутные, нервные обрывки, приходившие им в головы в течение всего дня, неожиданно складывались, сливались, обрисовывая нечто единое. Единое, и темное, как грозовые тучи у низкого горизонта.

– Я помню... – неохотно нарушил тишину Ткачев, – пом-

ню Кусаку и Бутчера, помню, как мы ломали... там была крыса, да... Но это всего лишь сны!

– Не всего лишь... – сказал, улыбнувшись, Поляков, – Это Сны. Вы ведь заходили в двери? Заметили связь?

– Я тоже помню, – сказал Красноцветов, – А связь... мы ведь как-то влияем на двери?

– Мы тут на все влияем! – Поляков стукнул по толстому пруту решетки, – это все, вокруг, построено на нас! Это мы и есть! Еще одно замечание – вы смогли добраться из одного подъезда в другой. Без сомнения это было трудно, но вы смогли! А это значит, что несмотря на выверты пространства по дому **МОЖНО** передвигаться! Достаточно выучить правила.

– Звучит пугающе, – произнес Александр, – наверное, потому что этим мы признаем реальность происходящего.

– Это и есть реальность, – сказал курьер, – в той или иной степени... Главное, я могу сделать два вывода – первый: кроме нас, наверняка есть еще живые, второй: также есть выход и я, наверное, единственный знаю каким он должен быть.

– Каким же? – спросил Красноцветов, – лестница обрывается.

– В четвертом подъезде выхода нет. Во втором тоже – я смотрел, пробовал. Но вы сейчас в третьем. Вспомните еще один объединяющий факт. То, что мы видели незадолго до Снов?

Ну, посмотрите на меня – я почтальон.

– Письмо, – сказал Александр, – я видел письмо, оно валялось возле подъезда. Я еще подумал, подобрать его, но решил не трогать... вы тоже его видели? – он обернулся к соседям.

– Как же, лежало справа от ступенек, долго лежало, – произнес Красноцветов, – белый конверт, синий штемпель.

Поляков негодуяюще качнул головой, словно у него с этим письмом были связаны некие тяжелые воспоминания:

– Письмо. Но главное не оно. Главное – почтовый ящик. Во сне я опускал письмо в ящик, после этого просыпался.

– Ящик? Но в нашем доме нет почтового ящика, – заметил Красноцветов, – только на соседней улице.

– Вам надо искать его не в коридорах, – Поляков вновь наклонился к решетке, – нет!

Зайдите в двери. Послушайте меня – только так, мы сможем вырваться на свободу. Это возможно!

– О, да, – усмехнулся сетевик, – также возможно, как шизофренику самому преодолеть болезненный бред. Только в нашем случае болен весь мир.

– Идите к почтовому ящику, – настойчиво повторил почтальон, – больше я ничем не могу вам помочь. Я постараюсь найти остальных живых... может быть, проберусь в первый подъезд. А вы найдите ящик... и тогда возвращайтесь.

– Как же мы вас найдем? – удивился Красноцветов.

– Встретимся здесь. На чердаке второго подъезда. Да, и у меня есть подозрения, что в соседние подъезды можно по-

пасть не только через чердак. И через двери тоже, если идти достаточно долго. Ну. Это все.

– Постой, – заговорил Александр, – а как же...

– У вас есть цель, – твердо сказал Поляков, – теперь есть. Поверьте, я немного понимаю законы этого дома, с целью идти гораздо проще! Найдите ящик! Это важно!

– Что ж, ящик так ящик, – покачал головой Алексей Сергеевич, – вы уверены, что не хотите остаться?

– Это бессмысленно. Кроме того, здесь не слишком уютно – территория подъезда номер один тонет во тьме. И, кажется, там кто-то есть...

Поляков осекся, потому что тьму за его спиной разорвал чей-то резкий, жестокий хохот.

Соседи вздрогнули, захотелось поскорее покинуть него-степриимный чердак. С полминуты жуткий смех длился, а потом сменился издевательским ерническим голосом:

– Один из них утоп, Ему купили гроб, И их осталось трое!

После последней строчки вновь настала мертвая тишина. Поляков посмотрел в глаза, отделенных от него решеткой людей:

– Помните про ящик... Ну, до свидания! Встретимся здесь, – и он, резко оттолкнувшись от решетки, устремился в глубь чердака.

Скрипнуло, на загаженный пол легла тонкая полоса света от открывшейся двери.

Почтальон ушел.

Некоторое время соседи молчали.

– Ну что ж, – сказал, наконец, Красноцветов, – ящик так ящик. Ничуть не хуже чего ни будь другого. Во всяком случае, на нем не растет шерсть и он не лает.

Валера согласно кивнул, а Александр Ткачев удивленно заметил:

– А ведь мне знаком этот голос... ну, тот который смеялся. Это ведь тот самый клоун из моего терминала. Только он теперь не синтезирован!

Алексей Сергеевич пожал плечами и они побрели к единственной в помещении двери, за которой теперь скрывалась страна мрачных чудес, страна растекающихся будильников, в которой солнце встает на западе и садится на юге и где у каждой из множества лун обязательно есть свое стремительное копытное. За дверью ждала змея, кусающая себя за хвост – пересеченная лестницами вертикальная шахта подъезда номер три.

Эстафета.

После того, как дверь на чердак закрылась за ним, Константин Поляков уверенно отправился вниз по лестнице. Там, за чередой одинаковых ступенек, на уровне четвертого этажа лестничный пролет подобно ленте Мебиуса встречал свою вторую сторону и, немислимо изгибаясь в неких внепространственных далях, приводил на площадку этажа двенадцатого. Ходить так можно было до бесконечности, но Поляков не дойдя до точки сдвига, свернул в неприметную дверь под номером 73 и, внутренне собравшись, потянул дешевую силуминовую ручку.

Со скрипом, протирая на древнем линолеуме широкую полосу, дверь отворилась и явила за собой бескрайнее сверкающее пространство о котором Константин, с самого начала этого безумного дня не переставал втайне вздыхать.

Он сделал шаг и жгучий ветер свободы дунул ему в лицо, заставив прищуриться от едкой, мелкой пыли, которую игривый воздушный поток вздымал с верхушек одиноких барханов, что примостились в кольце угрюмой каменной породы, как редкие животные в клетке зверинца.

Курьер огляделся – он снова был одет в знакомый по снам неприятный костюм – вытертые джинсы с псевдомедными заклепками, куртка из кожзаменителя сделанная в далекой экзотической Турции, да тяжелые ботинки на толстой

подошве – яркой и глупой молодежной окраски. Непрозрачные очки в толстой пластиковой оправе давно вышедшие из моды и защищавшие глаза от палящего солнца торчали из правого верхнего кармана.

Впереди лежала земля – пустынная и унылая, она хранила и пестовала свои горькие воспоминания, что лежали на ней подобно тяжелой серой печати. Что-то случилось здесь – давным-давно, что-то нехорошее, прошедшее по окрестным холмам подобно бешеной буре сметая все следы мира и процветания.

Впрочем, скорее всего и до катаклизма, эта обитель уныния не могла похвастать особым богатством.

Константин шел вперед, километр за километром, его привычные к ходьбе ноги почти не знали усталости. Палило солнце, слабый ветерок гонял по каменистой почве скомканные шарики промасленной оберточной бумаги, а вокруг валялся техногенный мусор – остатки ныне сгинувшей цивилизации – всяческого рода железки, пружины от задней подвески «жигулей», смятые жестянки «кильки в томате», будильники «слава» и «полет» – все без стрелок, алюминиевые ножи и вилки с таинственной надписью «нерж», чугунные олимпийские мишки с улыбками идиотов, стальные календари-перевертыши с навеки застывшим числом тринадцать, да битые бутылки из-под портвейна «агдам» и «солнцедар».

Где-то здесь, в глубинах этой негостеприимной земли скрывался вход, нет, скрывались врата, выход в подъезд но-

мер один, где могли быть еще живые люди – потерянные, дезориентированные, испуганные за свою жизнь и свой рас-судок.

О том что он, в сущности, находится в одной из квартир, Полякову напоминали только изредка встречающиеся оди-ноко стоящие стены – остатки обрушившихся домов – окле-енные одинаковыми безвкусными обоями в розовый цвето-чек.

Через два часа он достиг утлой деревеньки расположив-шейся в угрюмой, похожей на кратер котловине. В наспех собранном из разнокалиберных гнилых бревен бараке трое обросших, бомжеватых личностей, напряженно слушавших молчащий картонный динамик, неприветливо зыркнули вос-паленными глазами на Константина и на его вопрос о бли-жайшем крупном городе, махнули рукой в сторону встающе-го солнца. Помимо солнца, в том направлении, должен был находится город Сарайск – самый большой (и единственный) культурный центр этих познавших беду земель.

До Сарайска курьер добирался еще часа три, сначала пеш-ком, а потом на пронзительной скрипящем средстве мест-ного сообщения – потерявшем цвет кузове «запорожца» по-ставленного на тележное основание, в который была запря-женная старая кобыла по кличке Манька.

Владелец транспорта, пьяный и веселый дедок Николаич, всю дорогу тешил Полякова последними новостями столич-ной жизни, густо мешая их с немудреными, душевными на-

ставлениями.

– Ты сынок, как в городе-то окажешься, ты рот не раскрывай – не ворона, чай. Враз облапошат – это у них мигом. Со стервятниками не связывайся, божество почитай, а как прижмут – деньги отдай. Деньги, они – тьфу, жисть важнее. И оружие на виду не носи – обидеться могут и голову тебе снесут.

Впрочем, применить на практике полученные знания, Поляков так и не смог. Въезд в Сарайск им преградила неряшливо собранная из шиферных листов пограничная будка с прилегающим полосатым шлагбаумом. Поверх будки, между двух бетонных фонарных столбов, трепетала на ветру алая растяжка с коряво выписанными буквами:

«Автоматическая КПП. Предъявите документ». Судя по всему, на всем посту автоматическим являлся только древний как небо АК-47 в руках подошедшего пограничника.

Страж порядка хмуро смотрел на подъезжающий экипаж, переминаясь выглядывающими из-под длинной линялой шинели кроссовками «адидас». Проверив захваченный документ, полученный от Николаича, пограничник воззрился на Полякова с нехорошей заинтересованностью и показал деду три поблескивающие медью монетки. Что значила сия пантомима курьер спросить уже не успел, потому что Николаич, не с того не с сего, хакнув, опустил на голову Константина недопитую в пути бутылку «южной полночи». Полночь, не замедлила наступить.

– Ну, проснись, соколик! – сказал тьма, – тебе чего тут надо, а?

Константин поднял голову и тупо уставился на говорящего. Мысли путались. Чем-то Полякову была знакома эта обрюзгшая рожа, на которой явственно отпечатались все многочисленные пороки предков.

– Да ты приди в себя, – повторил этот тип, похлопывая по изрисованной поверхности древней, рассыхающейся столешницы, – давай, новый день настал.

Видно этого не было – они находились в очень тесном закрытом помещении. Курьер скосил глаза на унылые некрашенные стены с полинявшими от времени ломкими постерами «безумного Макса» и рисованными плакатами к фильму «первая перчатка». У единственной двери обретался еще один солдат в вытертой шинели без знаков различий и в ярком пластмассовом хоккеистском шлеме. Автомата воину не дали и он довольствовался остро заточенным прутком арматуры.

Помимо солдата и потасканного типа комната была полна древними подшивками газеты «советский спорт» за октябрь 79ого года. Поляков вновь уставился на зачуханного и тотчас узнал его.

– Я в Сарайск шел, – сказал Константин рассудительно, – никаких претензий ни к кому...

Говорят, у вас здесь есть врата.

– А то! Есть, конечно, – довольно улыбнулся зачухан-

ный, – врата есть, а вот со спортивным просвещением у нас плохо. Не идет народ в спортсмены, что ты будешь делать!

Короче, я хан Юрик. Я здесь главный судья, тренер и комментатор. В общем, я здесь самый-самый.

– Вон куда забрался, – пробормотал Поляков, – ну, хорошо, ты – тренер. А я то, для чего тебе нужен?

Хан Юрик довольно заулыбался и невежливо ткнул в Полякова грязным кривым пальцем:

– Я ж грю, в спортсмены не идет никто, демоны! Умные все стали, итить их! Как что – прячутся. А у нас с каждым поколением все более хилый народ рождается. Своих скоро и брать перестанем. Вот и приходится пришлых ловить, да спортсменами делать.

– Так тебе спортсмен нужен? А кто сказал, что я тебе в спортсмены пойду?

– Ты вона какой здоровый, – сказал Юрик, с ухмылкой, – выдержишь долго... может быть даже до конца дойдешь! А кто сказал? Тебе ведь во врата нужно? Так они заперты все равно, кого попало туда не пускают. Меня только, да победителей Эстафеты.

– Что еще за эстафета?

– О, демона вошь! Эт-та, братец наше главное культурное событие года. Спортивное состязание и религиозный праздник! Рассказывать тебе о нем не буду, сам увидишь, но народ это любит, обожает. Ну что, пойдешь ко мне спортсменом?

Поляков посмотрел в бегающие глаза хану Юрику и не

увидел там ничего кроме провинциальной хитрости и немалой доли жестокости.

– У меня есть выбор? – спросил курьер.

Юрик широко улыбнулся и кивнул солдату у дверей. Тот встрепенулся, дернулся как заводная машинка, и с диким воплем метнул свое копье в сторону остолбеневшего Константина. Арматура просвистела у самой головы курьера и с грохотом на четверть вошла в плакат «первой перчатки», продырявив черно-белую голову нарисованному боксеру.

Оказавшейся свободной рукой солдат нервно взмахнул в воздухе и неумело отдал честь.

– Я согласен, – быстро сказал Поляков, как только обрел дар речи.

– Ну и ладушки! – посветлел лицом Юрик, – будешь моим спортсменом, и демона только кобенился? Пройдешь – сам тебя во врата отведу! А не пройдешь – звиняй, брат, тогда тебе уже ничего не надо будет... Ну, бывай, побегу утрясать в министерство. А ты пока в себя приходи, как надо позовут.

Хан Юрик поднялся из-за своего стола – оказалось, что на самом-самом нацеплен грязный до невозможности синий комбинезон, поверх которого обретался одnobортный пиджак с алым флажком на лацкане. Завершал картину многоцветный ремень с олимпийской символикой.

Хлопнула дверь и Поляков остался один. Солдат покопался за пазухой и вынул кухонный нож с синей пластиковой рукояткой. За стенами комнаты раздавались смутный низкие

звуки – как будто там работала тяжелая техника или плескались волны неизвестного моря.

Константин некоторое время думал что будет, если он сейчас попытается выдрать арматуру из стены, но оценил глубину погружения снаряда и смирился.

Как и обещалось, через два часа за ним пришли. Угрюмые люди в полосатых пиджаках и вытянутых на коленках тренировочных штанах вытолкали курьера из комнаты и провели по узкому, короткому коридору. Скрипнула дверь и в глаза Константину брызнуло солнце.

Он ошеломленно поморгал, а в уши в это время вливался мощный, многоголосый рев, которые может издавать лишь штормовое море и пришедшая на аутодафе толпа. Глаза привыкли к жаркому сверканию и Поляков ошеломленно огляделся.

Судя по всему, после Катаклизма от Сарайска осталось не так много – потресканная пятиэтажная хрущоба, с закопченными стенами и перекрещенными бумагой окнами в окружении живописных развалин и кое-как собранных из жести унылых барачков. В результате пятиэтажка внушительно возвышалась над всем городским пейзажем, как последний островок сомнительной цивилизованности.

Чуть в стороне от этого местного небоскреба, минуя загаженный двор, где на вросших в землю каруселях сушилось тряпье, когда-то располагалась спортплощадка, а сейчас было странное нагромождение не сразу поддающихся иден-

тификации предметов. Размеченная позывными «старт» и «стоп» асфальтовая дорожка убегала на шестьдесят метров, а далее, проломив ржавый забор, сворачивала на чудом сохранившуюся улицу.

В основании дорожки громоздился донельзя нелепый помост, собранный из подручного хлама и покрытый кумачового цвета материей с неким подобием занавеса и одинокой ржавой стойкой для микрофона без микрофона. Чуть дальше, в самой середине асфальтового поля для игры в футбол, окруженное блестящими ступенями из неровно обколотых мраморных плит, выросло донельзя уродливое сооружение явно религиозного толка. С нарастающим изумлением Поляков узнал в нем кузов ассенизаторского грузовика с прилегающей гидравликой и порядковым номером, украшенный самодельными бумажными цветочками и вырезанными из картона самодельными же гирляндами в виде вереницы кособоких утят.

Два огненно красных транспаранта, обрамляли площадку с двух сторон. На той, что у дома было написано: «О, Спор – ты мир!». На той, что напротив: «О, спор – ты мертв!»

Между транспарантами находилась толпа – донельзя пестрая, смеющаяся, кричащая, поющая и матерящаяся на все голоса. Большинство людей было одето в страшный сон всех кутюрье мира – в основном превалировали ватники, шинели без нашивок, заношенные до крайности пальто и футуристического вида образования из предметов быта. Народ вопил

и кидал в воздух шапки, кепки, панамы, каски и шлемы.

Как раз в тот момент, когда Поляков появился на свежем воздухе, четыре громкоговорителя по углам площади трескуче откашлялись и с энтузиазмом грянули:

Все выше и выше и выше, Несет нас мотор наших птиц...

Народ взревел, по углам площади звучно гроыхнули минометы, в воздух взвились десятки шаров однообразного серо-черного цвета и на сцене появился ведущий. Песня оборвалась и репродукторы выдали мощное хардрокковое приветствие.

Как нетрудно было догадаться, вел представление хан Юрик. Только теперь он был облачен в умопомрачительный больничный халат с нашитыми стальными ложками и блестящий на жарком солнце шлем пожарного. От одного его вида хотелось закрыть глаза и больше их не открывать. Юрик экспрессивно взмахнул руками и, вцепившись в стойку без микрофона, крикнул:

– Привет, Сарайск!! Как дела!!

– ААААА!!! – отозвалась толпа.

– Как дела, я спрашиваю?! – выкрикнул Юрик, голос его пер из динамиков подобно реву.

Народ неистовствовал. Из толпы вылетело два десятка штопаных носков и темно-синий рабочий халат, осевший на правом сапоге Юрика. Тот широко и безумно улыбнулся.

– Хорошо, да?! Ну тогда ДА НАЧНЕТСЯ НАШЕ ШОУ!!!

– ААААА!!! – надрывалось человечье стадо. Наиболее

экзальтированные пытались залезть на сцену к Юрику, но были скинуты угрюмыми солдатами в разнобойных шинелях. Из громкоговорителей вновь грянула бравурная музыка.

Пока длилось вступление, два мрачных солдатика вели Константина к беговой дорожке, упирая ему в спину древнюю двустволку четырнадцатого калибра. Вокруг бесновался народ – лица были искаженны, глаза выпучены, изо рта брызгала пена. Спазматически дергаясь, они тянули скрюченные руки в направлении сцены. Справа от Поляков женщины в одинаковых оранжевых бытовках слитно вопили «Юрик, мы тебя любим!!!» и махали сделанными из покрашенной мешковины флажками.

Поляков же на сцену не смотрел. С брезгливым удивлением он пялился на своего соперника, который уже топтался на своей полосе беговой дорожки. Осунувшийся, в рваном синем комбинезоне с затертой эмблемой, это без сомнения был Плотный. В ожидании старта он разминал ноги в потерявших цвет кедах из парусины.

– Слышите, вы!! – выкрикнул Юрик, страстно обнимая стойку, – сегодня у нас Эстафета!

Третий этап! Двое уже на старте – **ВЫ ХОТИТЕ ВИДЕТЬ, КАК ОНИ ПОБЕГУТ?!!!!**

– ДААААА!!! – заорали благодарные слушатели и на занявшего стартовую позицию Полякова обрушился град бумажных и пластиковых цветов, некоторые из которых были

весьма увесистыми.

– Эти двое – молодые таланты! – кричал Юрик, – надежда нашего спорта!! Гордость, Сарайска и пустынных земель!!! Они чемпионы!!! ЧТО ВЫ ХОТИТЕ ИМ СКАЗАТЬ?!

Людской вопль был оглушительным, разразилась настоящая буря эмоций, все кричали, надсаживались, самые экзальтированные стали набрасываться на соседей с кулаками.

– ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЛУЧАЕТ ВСЕ!!! – рявкнули зрители. Плотный, покосился на Константина со злобной насмешкой. Он явно собирался победить.

– ДА!!! – возвестил Юрик, – Это так! Победителю – слава, побежденному – смерть! Но перед тем, как мы начнем состязание, давайте же отдадим почести тому, без кого все это не могло произойти! Восславим нашего кроткого бога!!! Ну! Три-четыре!!!

– СОР!!! – выдохнуло разом несколько тысяч глоток, – О СОР – ТЫ МИР!!! О СПОР – ТЫ МЕРТВ!!! САРАЙСК! ЮРИК! МЫ С ТОБОЙ!!!

– Принесем же почести Сору – нашему божеству, Богу Праха и Гниения Без Которого Ничего Бы Не Было. Принесите агнца!

Народ раздался в стороны, как вода расступается перед быстрым судном. Двое солдатиков в милицейских шинелях тащили связанную овцу, размеры которой превосходили всяческие границы. Тварь весила килограммов восемьдесят и яростно вырывалась. Надрываясь, солдатички прота-

щили создание мимо сцены с почтительно замершим Юриком и вскинули на мраморные ступени алтаря. Только теперь Поляков заметил, что облезлом боку контейнера прищиплен крупный рекламный щит, на котором была изображена известная фотомодель в дорогой норковой шубе и кривым ритуальным ножом в руках. Над тысячедолларовой голливудской улыбкой дивы игривыми золотистыми буквами было написано: «красота требует жертв».

Агнца доволокли до ступеней и с грохотом обрушили в украшенный бумажными цветами мусорный бак. Овца забилась, пытаясь высвободиться, но это ей было уже не суждено.

– СОР! – мощно выдохнул Юрик, – Из праха мы пришли в прах и уйдем! Сор – ты держишь все и без тебя бы ничего не было! Прими же нашу жертву, чтобы у нас все было!!!

– ЧТОБЫ ВСЕ БЫЛО!!! – выкрикнула толпа и затихла. Медленно и торжественно Юрик нажал потайную кнопку и бак, отчаянно скрипя, стал возноситься к вершине контейнера. Голова брыкавшейся овцы на миг появилась над срезом бака. С ней, что-то явно происходило – она деформировалась на глазах, пасть ее перекашивалась, уши съезжали на одну сторону.

Когда бак вознесся на максимальную высоту, жертвенное животное нарушило молчание.

– Братцы!! – выкрикнула овца слезливо, – Братцы, не губите!!! За что, товарищи?! Я же не виноват, что проиграл!! Я не хочу! НЕЕТ! Снимите это с меня! Снимите!!

– Сор милосердный, – торжественно сказал Юрик, – прими нашу скромную жертву.

– Аааа!! – заорала овца, раздирая собственную шкуру, а потом вместе с баком обрушилась в недра контейнера.

Секунду ничего не происходило, а потом внутри стального кузова заработал электродвигатель, прессуя накопившийся мусор. Некоторое время агнец глухо орал из-за толстых стенок, а потом затих.

– Сор принял жертву! – возвестил Юрик и молитвенно простер руки к контейнеру.

Толпа отозвалась единым рубленным выкриком: «Сор!» и вновь стихла. Все взгляды были устремлены на контейнер. Поляков кинул быстрый взгляд на Плотного и обнаружил, что тот, вместо контейнера со злобным ожиданием смотрит на него.

– А сейчас, главная часть нашей сегодняшней программы! – обронил Юрик в затихшую паству, – они уже близко! Смотрите! – и он резким жестом указал куда-то за спину Полякову.

Ожили репродукторы и излили из себя первые негромкие наплывы Вагнеровского «Полета валькирий». Все смотрели теперь назад – глаза широко раскрыты, в них застыло напряженное ожидание. Под набирающую мощь музыку из-за дальнего барака появилось две шатающиеся фигуры, за каждым из которых тянулось по странному, чрезвычайно длинному хвосту.

– Они идут! – вымолвил Юрик и толпа коротко вздохнула.

Поляков потоптался на месте и, приготовился бежать. Фигуры приблизились, хромая на обе ноги. Они явно направлялись к участникам. Плотным развернулся лицом к бегущим и злобно скривился. Константин внутренне собрался.

Марафонцы миновали хрущобу и оказались совсем рядом. Тот, что был справа, побежал к Полякову. Курьер увидел как смертельно устал бегун, как он хрипит и задыхается. Он был мертвенно бледен. С нарастающим изумлением Константин увидел, что несчастный несет в сведенных судорогой руках древний дисковый телефон из черной пластмассы. Длинный шнур выходил из аппарата и исчезал вдали.

Бегун достиг стартовой отметки и судорожным движением кинул телефон Константину:

– Донеси... – прохрипел марафонец, – не подведи... приказ должен быть выполнен... – и он без сил повалился на асфальт. Ноги его дернулись и он замер. Толпа взревела и в тот же миг минометы выпалили еще раз над самым ухом, отчего, не ожидавший этого Поляков чуть было позорно не распростерся на земле в самом начале гонки. А когда он поднял инстинктивно вжатую в плечи голову, то увидел, что Плотный уже вовсю бежит.

– Поооошлиииии!!! – взревели динамики, и Константин Поляков побежал.

Бежал не торопясь – сэкономил дыхание, силы должны были понадобиться позже. Проклятый телефонный провод

путался под ногами. Чуть впереди столь же не торопливо трусил Плотный, изредка оборачиваясь и меряя противника уничтожающими взглядами. Он тоже тащил телефон, но не черный, а темно-коричневый.

Первая полоса препятствий оказалась несложной – ряд уличных заграждений из полосатого дерева. Поляков перепрыгнул их сходу, следя, чтобы не зацепиться шнуром. Дальше длинное бревно над канавой полной битого стекла. Плотный уже бежал впереди. Константин вскочил на мостик, и, балансируя, телефоном быстро одолел препятствие.

– "Похоже", – подумал он, – «будет не слишком сложно».

Однако дальше начались настоящие препоны. Дорожка впереди ныряла в узкий проем между массивными бетонными стенами. Единственный проход загораживали два метрополитеновских турникета с хмуро моргающими красными глазками. Плотный уже всюду рылся в карманах, выискивая нечто непонятно. Наконец тускло поблескивающая монета исчезла в недрах машины и она с агрессивным щелчком убрала блокиратор. Глядя в спину бегущему дальше Плотному, Константин изо всех сил напряг мозги, пытаясь вспомнить, что же опускали в эти агрегаты до карточек. Три копейки? Пять? Ругаясь сквозь зубы, Константин отодрал от куртки круглую медную пуговицу с надписью «леви штраусс» и, единым движением сломив дужку, пихнул монету в приемник.

Внутри звякнуло, и снисходительно мигая зеленым бло-

кираторы убрались. Плотный уже трусил где-то впереди – шнур за ним извивался и подергивался как самый длинный в мире хвост. За автоматами Поляков споткнулся о ступеньки положенного горизонтально эскалатора и чуть не приложился зубами о поручень. Где-то вдалеке вопили зрители.

Сжав чудом спасенные челюсти, Константин рванулся вперед и на конце эскалатора, задыхаясь, настиг Плотного. Тот мрачно покосился и что-то злобно пробурчал, тряхнув для грозности телефоном в сторону соперника.

А тот уже смотрел вперед – на новую линию препятствий. Прямо на дорожке разместилось два десятка крошечных парт с поверхностью из лакированной фанеры. Судя по всему, пользоваться ими могли только страдающие недоразвитостью роста гномы и маленькие дети.

Константин остановился, не зная что делать и глянул на Плотного. Тот, жестко ухмыляясь, подхватил с первой парты альбом с трогательными черно-белыми утятами и поскакал вперед, ускоренно форсируя карликовые кресла знаний.

Константин поспешно схватил с ближайшей столешницы аляповатую пластмассовую мозаику и, держа телефон в одной руке, ринулся следом. Ногу на парту, прыгнуть вниз, на парту, держать равновесие, смотреть в спину сопернику.

Мало помалу Полякова начал разбирать некий азарт. Видно было, что Плотный, не смотря на длинные ноги, никак не может от него оторваться и периодически озабоченно оглядывается, потрясая проводом. Ну нет, победитель сегодня

получит все!

Ряды парт закончились и Поляков, как и его соперник, не преминул поднять с последней листок с синей печатью.

Короткая прямая и открытая деревянная дверь – древняя и разболтанная ведет в новый класс. На этот раз парты были побольше – с открывающимися крышками, чернильными пятнами и выкорябанными матерными надписями. Константин ринулся к ближайшей, подхватил с нее крошечный ранец, оказавшийся неожиданно тяжелым из-за толстой кипы тетрадок и учебников и лихо перемахнул через столик. Плотный мчался рядом, периодически накалываясь на кнопки и поскальзываясь на исписанных тайными посланиями бумажных самолетиках. Константину же все больше попадались обгрызенные ручки и наполовину выкуренные сигареты «астра».

Со стены на соревнование сурово смотрел человек похожий на Баха, Ломоносова и Пушкина одновременно.

Отшвырнув попавшуюся под ноги швабру с грязной тряпкой, Поляков первым достиг конца класса и вышвырнул прочь ранец. Распихивая в стороны разнокалиберные значки, галстуки (а также первые костюмы в полосочку) и крохотные колокольчики, курьер хватанул с парты синюю корочку и вылетел за дверь под раздающийся неизвестно откуда пронзительный звон.

Короткая прямая – бежать уже стало тяжелее, нагрузки брали свое. А впереди утлый закуток, красная книжица и

противогаз. Поляков поспешно нацепил маску и кинулся к турнику. Телефон прижать подбородком, прыжок – раз, два, три, четыре, пять! Справа костлявые руки обхватили планку и Плотный что-то невнятно пригрозил, но из-за прижатого челюстью аппарата смысл остался неясным.

Семь, восемь! Расписка в книжице – «нормы ГТО сдал», противогаз в кусты и вперед.

Лозунг «Догнать и перегнать и выпить» над головой. Из-за худобы Плотный возился с турником дольше и потому несколько отстал. Курьер вырвался в лидеры, со всех ног летя к новой двери – на этот раз массивной, важной, обшитой черным кожзаменителем.

За ней – большой зал без крыши. Ряды парт, уходящие куда-то вниз. Ухватить кожаную сумку, ручки, толстые тетради, часы на руку. Прижать телефон к груди и вниз. Позади Плотный уже врывался в двери с перекошенным озлобленным лицом.

Кросс по партам, стараясь избегать попадающийся под ноги мусор – в основном битые бутылки портвейна, окурки лизинговых «мальборо», вялые цветы, хлопковое женское белье и многочисленные катушки записей «битлз» и Высоцкого.

На середине пути, Константин подхватил стоку листов с умным названием, на бегу подписал ее и кинул под ноги, а потом еще и еще и еще, сумка переполнялась тяжелыми учебниками с многоступенчатыми названиями так, что та-

щить ее становилось все тяжелее и тяжелее. Стремясь избавиться от навалов бумаги, Поляков стал добавлять в них найденные тут же деньги и ему сразу стало полегче.

На середине зала он поднял с парты очередной колючий значок из-за чего ему целых четыре ряда тащить на себе тяжеленную стенгазету, и идущий налегке и без значка Плотный вновь вырвался вперед, показывая сопернику непристойные знаки. На тринадцатом ряду Константин опрометчиво поднял рукопись, отпечатанную на папиросной бумаге, из-за чего чуть было не лишился значка и лишь очередная партия денег, вложенная в толстую книгу, спасла его от снятия с дистанции.

Достигнув массивной кафедры, курьер притормозил, и под строгим взглядом с портрета человека похожего одновременно на Планка, Лобачевского и Адама Смита, вынужден был быстренько доказать общую теорию поля с применением всех доступных знаний и четырнадцати чертежей с графиками.

Получив заветную синюю корочку с печатью, Поляков свирепо ухмыльнулся Плотному, который упустил возможность использовать значок и сейчас корпел над гипотезой квантовых струн.

С радостью избавившись от тяжеленного багажа, с одним лишь телефоном Константин выскочил из аудитории, промчался под аркой с алым лозунгом: «все на субботник!», и, подхватив, тяжеленную шпалу, потащился по пересечен-

ной, загаженной до невозможности местности. Под ногами все время путались метла, грабли, на которые он наступал, и ведра с известкой.

Как-то раз Поляков обернулся и увидел, что его нагоняет Плотный с массивной блестящей рельсой на плечах и лютой злобой на лице.

В конце этапа Константин бросил шпалу, получил отметку в карточке и поощрение, после чего принялся поспешно вскапывать картофельное поле, причем лопата все время натыкалась на полные бутылки мутного первача, обгорелые головешки и лакированные гитары. Плотному же досталось убирать свеклу, из-за чего он довольно сильно продвинулся вперед, не забывая облегчать свой мешок подкидывая свеклу на сторону.

Константин уже видел свою новую цель – стол, накрытый аккуратным зеленым сукном с двумя огненно красными корочками. Быстрее! Быстрее! Но Плотный уже скинул свой мешок, и, получив стопку красных купюр, первым достиг стола.

О, ужас! Константин заскрежетал зубами, увидев что соперник не только берет свой билет, но и под строгим взглядом с портрета человека, похожего на Ленина, Маркса и Энгельса одновременно, скидывает билет Полякова вон, заменяя его толстой стопкой купюр.

Курьер разразился бранью и, потрясая телефоном, устремился к столу – увы, ветром билет отнесло так далеко, что и

нечего было мечтать дотянуться.

Закусив губу, Константин побежал к началу нового этапа – поднял заламинированный пропуск со своей фотографией и показал его пустому окошку пропускного пункта.

Открылись тяжелые металлические двери и курьер влетел в помещение, уставленное столами и чертежными кульманами.

Он бежал сквозь комнату, подбирая с каждого стола по чертежу на желтой клетчатой бумаге, выкладывая через каждые три стола ежемесячный отчет и опасаясь наступать на аккуратные кучки грязи, в которой виднелись все те же красные и синие бумажки.

Почти у самого выхода Поляков нацепил на нос очки и белый лабораторный халат. Вокруг валялись чужие шубы, записные книжки с номерами и журналы на нерусском языке, которые приходилось все время нудно переводить.

У самого выхода он отыскал толстую кожаную папку с тесемочками и, уложив все чертежи, понял, что он близко к победе.

Плотный тоже не мешкал – хотя его папка была куда тоньше, он уверенно стремился к какой-то своей цели. Поляков, однако, видел, что подошвы врага слегка измазаны грязью, а к правой прилепилась десятирублевая купюра.

Теперь следовало протолкнуть имеющееся. Последующая дверь была обшита натуральной кожей и имела представительную бронзовую табличку. Плотный уже скрылся за ней

и Константин поспешил потянуть золоченую ручку.

Внутри открылась приемная, еще одна дверь – раза в два представительнее предыдущей с черной надписью «Грация Иннокентий Вениаминович. Первый». У большого окна с фикусами на подоконнике стоял письменный стол с печатной машинкой «ятрань», за которой сидел отвратительного вида клоун и делал себе маникюр.

Несмотря на спешку, курьер удивленно притормозил. Это выпадало из общей картины – по мнению Полякова здесь должна была сидеть строгая секретарша, которой Константин уже приготовил шоколадку. Клоун явно не вписывался, но время уходило и Поляков кинул в атаку.

– Мне к Иннокентию Вениаминовичу... – начал, было, он, но клоун тут же резко отрезал.

– Иннокентий Вениаминович на совещании!

– А не знаете, когда оно закончилось? Мне надо подписать... – не сдавался Поляков.

– А когда закончится, он поедет на партсобрание, а оттуда на прием гигиенических процедур в банном комплексе и сегодня уже не вернется.

– Ну а завтра?! – в отчаянии крикнул Поляков.

– А завтра у него командировка в Казахстан... Да что вы волнуетесь, – клоун привстал и выразительно глянул на Полякова, – он вам все равно ничего не подпишет, пока вы не заверите у Николая Семеновича и Петра Петровича и с бухгалтерией не разберетесь.

– Где?! – выкрикнул Константин.

– Налево и пятая дверь! – сказал клоун, – да вы не спешите, все равно опоздаете.

Но Поляков уже бежал в указанном направлении.

Довольно быстро он понял, что топчется на месте. Из одинаковых дверей из одинаковой черной кожи и одинаковыми медными табличками с разными именами Константин выбегал с одинаковым штампом на своих чертежах – «отказать!» К тому же оказалось, что Плотный, умело оперируя своим членским билетом нашел короткую дорогу к оледенелым сердцам чиновников. Несколько раз соперники встречались в покрытых красными ковровыми дорожками коридорах и взгляд Плотного лучился неприкрытым торжеством. Штампы на его папке были в основном положительны, хотя Константин определенно не понимал за что продвигают этого выскочку.

– Лизоблюд! – кричал он, в очередной раз встречая врага в коридоре (тот уже был впереди на пять дверей).

– Неудачник! Канцелярская крыса! – вопил тот в ответ и бряцал телефоном.

В какой-то момент Поляков догадался подкладывать в чертежи красненькие бумажки и дело пошло на лад – теперь по выходе из дверей штампы были в основном «рекомендовать» и «согласен», хотя иногда и «доложить». Тут, к сожалению, наступила очередная дата и карьерный рост пришлось отложить для участия в демонстрации и целых полкиломет-

ра волочить тяжеленный транспарант с надписью: «Слава Героям спорта!»

Так что, когда Константин – запыхавшийся, и на подгибающихся ногах ворвался в приемную, он успел увидеть как Плотный скрывается за заветной дверью. Усталый курьер издал вопль разочарования. Мерзкий приспособленец, скользкая личность, умудрился добиться аудиенции раньше! И сейчас уже вовсю бежит на новый этап!

– Мне к Иннокентию Вениаминовичу!! – выкрикнул он клоуну, который сидя в своем кресле, спокойно попивал чай с лимоном.

– Иннокентий Вениаминович на совещании, – невозмутимо ответил клоун и посмотрел Полякову в глаза с неприкрытой издевкой.

– Все еще на совещании!?

– Это уже другое совещание, – сурово ответил клоун, – и вам нету смысла дожидаться его окончания. Потому что потом Иннокентий Вениаминович отправится делать ревизию в Даниловский гастроном, а оттуда в охотохозяйство, и, кстати, у него вот-вот будет командировка в Красноярск. Так что ждите, молодой человек, имейте совесть!

– Ждать?! – яростно спросил Поляков и встряхнул телефоном, – бюрократы чертовы!

Бумагомаратели! Чугунные головы! Идолы! Демоны! Да плевать, что у него совещание!! – и пройдя мимо оторопевшего от такой наглости клоуна, он резко рванул на себя дверь

и ввалился внутрь, выставив папку с чертежами перед собой как некий многотонный таран.

Разумеется, никакого Иннокентия Вениаминовича там не было. Была лишь асфальтовая дорожка, велосипед «Украина» и далекая фигура рвущегося к победе Плотного.

– Стой! Стой, гад! – заорал Поляков и принялся оседлывать свой велосипед.

Перед этим ему пришлось поднять с очередной столешницы потрепанные, с ожогами от сигарет и круглыми следами от бутылок, корочки с правами группы "Б". Приютив телефон на руле, курьер раскрутил педали отчаянно скрипящего железного коня и ринулся догонять.

Но было уже видно, что он не успеет. В километре впереди их дорожку пересекали железнодорожные пути, а чуть дальше виднелись огромные ворота, криво, но надежно сваренные из различного мусора, и красный транспорант-растяжка перед ними с надписью:

«финиш».

Плотный тоже увидел надпись и наддал так, что сразу заметно отдалился от Полякова.

Тот мог лишь скрипеть зубами от собственного бессилия. В памяти мигом всплыло все то, что Юрий обещал сделать с проигравшим, безвременно сгинувшая в недрах мусорного контейнера овца, и курьера пробил холодный пот. Он заработал ногами в два раза быстрее и с резким щелчком сорвал у велосипеда цепь.

Летевший на своем велосипеде к финишу Плотный, из-за длинного провода чрезвычайно похожий на радиоуправляемую машинку, обернулся и дико захохотал, тыкая телефоном в неудачливого соперника, который чуть было не распростерся на асфальте. Велосипед рвался к финишу, но тут Плотного ждала неожиданность – не успел он доехать до путей, как почти перед самым носом Константинова соперника резко опустился полосатый шлагбаум. Плотный едва успел от тормозиться и тут же начал пугливо оглядываться назад.

Увиденное придало курьеру сил, он опрокинул обезноженную конягу и принялся поспешно вправлять цепь. Плотный торчал перед шлагбаумом и нервно сжимал руль. Над его головой сонно мигали две красные лампы, возвещая о приближении поезда.

Поляков вставил цепь и в пятнадцать секунд настиг соперника. Тот поглядел на него дикими глазами.

– Погоняемся?! – спросил Константин.

Лампы мигали. Перед воротами неторопливо выстроился духовой оркестрик, и, приведя свои потускневшие инструменты в боевую готовность, грянул: «Взвейтесь кострами, синие ночи!» Время шло, а поезд не показывался.

Плотный вдруг кинул на Константина быстрый взгляд и, подняв велосипед на дыбы, проскочил на нем мимо шлагбаума, отчаянно забуксовав на рельсах, и оказался по ту сторону.

Как громом пораженный, курьер смотрел как он прибли-

жается к финишу. Оркестр приободрился. Плотный бросил велосипед и поднял свой телефон в дикарском жесте триумфа. Оркестр заиграл туш.

– Нет... – прошептал Константин Поляков, – это же нечестно! Не по правилам.

– Сделал тебя!!! – еле слышно из-за рева труб проорал Плотный и оркестр заиграл «Прощание славянки».

Поезд, наконец, подошел – еле слышно завывая трескучим двигателем, по рельсам ползла древняя ржавая дрезина, на которой восседал сам хан Юрик в старой милицейской фуражке с гербом. Достигнув переезда рассыпающаяся машинерия со скрипом затормозила и остановилась чуть дальше, начисто перерезав чугунными колесами провод телефона Плотного. Музыка стихла.

В абсолютной тишине Юрик слез с дрезины и важно прошествовал к финишу. Откуда не возьмись, у врат оказалось пятеро солдат в шинелях и один в бушлате и тельняшке.

Плотный забеспокоился.

– Я победил, – сказал он и не очень уверенно ткнул пальцем в Юрика, – я достиг финиша.

Победитель получает все!

– Восславим Сора, – величаво сказал Юрик и солдаты подступили поближе, – ибо без него не было бы такого захватывающего состязания.

– Да-да! – воскликнул Плотный, – а победил в нем я! А этот неудачник – проиграл!

– Ну что ж, – произнес Юрик, – слава победителю! Все богатства этого мира будут принадлежать тебе! Ты избранный!

– Да!

– Но есть одно но, – сказал Юрик и Плотный нервно устался на него, – в уставе нашего спорта говорится о том, что спортсмены никогда не нарушают правила и всегда вовремя проходят допинг – контроль.

– Какие правила! Я выиграл честно! – завопил Плотный, но тут обнаружил что солдаты обступили его со всех сторон и смолк.

– ПДД Сарайска, часть 1, пункт 3.1 – процитировал Юрик, – запрещено пересекать железнодорожные или трамвайный пути при опущенном шлагбауме и включенными предупредительными лампами. В случае невыполнение оных правил виновный присуждается к выплате штрафа или снимается с дистанции.

– Как... как же так? – вымолвил, перепугано Плотный, – ведь я же хотел как лучше... я стремился к победе... моя цель оправдывала средства...

Юрик ласково улыбнулся и положил Плотному на плечо свою пухлую короткопалую руку:

– Ну-ну, не нервничай так. Не может быть так, что бы ничего нельзя было переиграть или отменить, – внимая речам Юрика, Плотный робко улыбнулся, – мы может спросить совета у самого Сора! И если он одобрит твои действия, я так и быть присужу тебе победу.

Плотный улыбался уже широко. У него явно отлегло от сердца, но улыбка увяла вновь, когда Юрий взял его телефон. Хан Юрий снял трубку и некоторое время вежливо вслушивался.

– Ах какая жалость, – вымолвил он, наконец, и лицо Плотного посерело, – Сор молчит.

Похоже, телефон не работает.

В этом Константин не видел ничего удивительного – провод-то был перерезан колесами дрезины.

– Ну, раз Сор не хочет почтить нас своим разговором, – все так же елейно продолжал Юрий, – придется тебе поговорить с ним лично, чемпион!!

Плотный заорал, отбиваясь, но дюжие солдаты уже заломили ему руки и, награждая пинками по почкам, повели прочь. Оркестр грянул «Интернационал».

– Ну, иди сюда спортсмен! – помахал Юрий Константину и шлагбаум поднялся.

Катя велосипед руками Поляков добрался до финиша. От пережитых волнений его пошатывало.

– Ну что ж, спортсмен, ты победил, – торжественно сказал Юрий, – ты гордость нашего спорта. Его честь и его слава. Что ж, ты честно боролся и победил. О, если бы все наши спортсмены были бы такими, мы бы перевернули мир. Ну... раз не все, что ж поделаешь.

Наша молодежь будет помнить тебя, а твоя фотография украсит доску почета. Как бы я хотел, чтобы ты остался и

начал учить нашу молодежь! Но увы, я, кажется, знаю, чего ты попросишь...

– Ты все правильно понял, – прохрипел Константин, – я хочу пройти во врата.

– Что ж, желание чемпиона – закон. Чемпион получает все. Давай сюда телефон.

Поляков дал. Юрик набрал номер и напряженно вслушался в гудки:

– Але, Сор? – на том конце провода ответили, – Да, это я! Тут спортсмен просится в родные пенаты. Пропускаешь? Ну и ладушки!

Юрик расплылся в улыбке и передал телефон оркестру. Двери позади него начали медленно открываться.

– Ну что ж, – сказал Юрик, – в добрый путь тебе чемпион. Желаю новых спортивных побед!

– Спасибо... – выдавил Константин, – желаю и вам тоже... победить на олимпиаде!

– Ах если бы, – грустно улыбнулся Юрик, – если бы...

Уходя в раскрывающиеся врата, Поляков обернулся и помахал рукой. Оркестр дул в трубы, медь сверкала на ярком солнышке. В отдалении была видна дрезина и брошенный велосипед.

На налитых усталостью ногах курьер переступил порог и все звуки тут же стихли. Он стоял на пустой и холодной лестничной клетке. И пусть этот знакомый до боли пейзаж не вызывал особой симпатии, курьер готов был прыгать и вопить

от радости – потому что это был подъезд номер один.

Почтальон повернулся и зашагал, было, вверх по лестнице, но тут его слуха достиг тонкий, захлебывающийся плачем голос:

– Дяденька, помогите! Помогите же! Ну, пожалуйста!!

Голос был детский, испуганный и что-то подсказывало Полякову – живой. Еще одна живая душа в этом свернувшимся в ленту Мебиуса строении. Идти наверх было бессмысленно и Константин повернул ручку двери номер 25 – ту, из-за которой шел крик.

Долина Фараонов.

Максим Крохин стоял на крошечном пяточке метр на метр, куда его забросила прихотливая судьба и полными слез глазами взирал на только что появившегося человека. Человек выглядел усталым и, без сомнения, живым. Ну, почему, почему он пришел так поздно?

– Помогите мне... – плакал Максим, – ну скорее же!

Вообще, в том неприятном положении, в котором он очутился, Максим Крохин был полностью виноват сам. Вернее его сохранившаяся в неприкосновенности среди чудовищных событий прошедших месяцев детская наивность и трогательная вера в чудеса. Казалось бы – едва выбравшись из провонявшего мертвечиной склепа, он должен был запереться в своей комнате и сидеть там, накрывшись с головой одеялом, но нет – его понесло на прогулку по залитым тусклым светом пустым этажам. Зайдя в несколько дверей и выйдя из тех, что напротив, он принял это как должное и заскучал.

Все куда-то исчезли, и играть было определено не с кем. В своих понурых скитаниях он добрался до четвертого этажа и залез тонкой рукой в щель чужого почтового ящика. Да, Крохину, конечно говорили, что так делать нельзя, но... Что-то пестрое лежало в ящике, так, что Максим поспешно вытащил глянцевый листок и подставил его помаргивающему свету от газоразрядной лампы.

– Ух ты! – вымолвил Максим, восхищенно, потому, что ему досталось настоящее сокровище.

С гладкой поверхности листка рвались яркие краски и броские слова, набранные веселым шрифтом. Это, несомненно, был пригласительный билет, почему-то на имя Максима Крохина, хотя ящик явно был не его.

«Долина Фараонов – игра, где много решает случай! Но не все! Только для людей не считающих себя животными – напрягите свой ай-кью! Реализуйте себя! Дойдите до самого конца и докажите, что вы достойны нашего ПРИЗА! Внимание, вы можете купить набор в подарочной упаковке с автографами авторов всего за 9.90! По вопросам оптовых закупок ПРИЗОВ, обращайтесь к фирме производителю».

– ПРИЗ! – громко сказал Крохин и глаза его заблестели, – настоящий приз из тайной секретной Долины Фараонов! Лишь достойный победит!

Чудесная игра! И приглашают лично его, Крохина! Максим отправился по указанному адресу и открыл дверь номер 13, изо всех сил надеясь, что послание не было розыгрышем!

Он понял, что не ошибся. За дверью открылось просторное помещение, аляповато отделанное под древний Египет. Разрисованный плиткой линолеум на полу, бронзовые подсвечники тускло светят лампами сороковаттками, а над всем этим вытянулась дугой роскошная неоновая вывеска, жужжащая и бросающая дискотечные блики по сторонам:

«ДОЛИНА ФАРАОНОВ». Под ней в даль уходил узкий

коридор с одинаковыми квадратами на полу.

Сбоку примостился стилизованный под обтесанный камень прилавок, за которым, обложившись горсткой блестящих брошюр расположился клоун, который благожелательно смотрел на Максима.

– Это та самая «Долина фараонов?» – спросил Максим, – «Ну, которая у меня на буклете?»

– Самая настоящая, маленький храбрец, – весело ответил клоун, растягивая нарисованную улыбку в подобие натуральной, – ты пришел по адресу! Игра все игр, только здесь вершатся людские судьбы и достойный доказывают, что могут получить ПРИЗ. Ты ведь хочешь ПРИЗ, малыш?

– Конечно, хочу! – воскликнул Максим, – и...

– Ну, тогда вот твои кубики, малец, – воскликнул клоун, – давай свой билет и вперед!

Но не забывай, что у нашей Игры немного другие правила. Я перечислю их тебе, если ты готов рискнуть.

– Я готов! – сказал Максим и схватил кубики, которые оказались массивными и с длинными белыми полосками материи, привязанной к каждому.

– Ну так слушай! Правила игры: Ты можешь ходить, а можешь стоять. Ты должен бросать кубики чтобы идти. Если попадаешь на змею, то она либо кусает тебя, либо ты проваливаешься на несколько клеток назад. Но если ты попадешь на лестницу в небо, то продвигаешься на несколько клеток вперед. Еще ты покупаешь и продаешь и следишь за курсом

акций. Все понятно?

– Да, – сказал Максим, ему не терпелось кинуть кубики.

– И еще... – сказал клоун внушительно, – запомни! Это серьезная игра, и не все в ней реагирует так как ты думаешь. Не лезь в места, которые перед этим не пробил своими кубиками. Ну, в добрый путь, храбрый малыш!

И Максим кинул кубики – выпала цифра три. Он храбро сделал три шага по клеткам и остановился на третьей плите. Посмотрел под ноги и с разочарованием увидел, среди многочисленных корявых рисунков песоголовых жаворонков надпись, набранную «древнеегипетским» шрифтом: «вы попали в тупик и пропускаете хода». Максим печально вздохнул – похоже дело пойдет не так быстро, как хотелось бы.

– "А кто будет делать ход, если я один?" – удивился он про себя, но тут в дело вступил второй игрок.

Унылая, покачивающаяся фигура в источающих приторную вонь обрывках медицинского эластичного бинта, неуверенно ступая, подошла к прилавку и протянула билет. С нарастающим ужасом Максим Крохин увидел проглядывающее сквозь бинты молодое дебильное лицо, почти не тронутое распадом.

Арсеникум Гребешков, вернувшийся из неких мрачных запредельных бездн в мир живых получал свои кубики и собирался включиться в игру. Содрогнувшись, Максим сообщил, что у Арсеникума есть шанс достигнуть той клетки,

на которой стоит сейчас сам Крохин.

Максим дернулся, и собирался, было, побежать вперед, в глубь лабиринта, но его не пустила прозрачная твердокаменная стена, опустившаяся перед самым его носом. Крохина пробил холодный пот. Мумия Гребешкова сделала ход и у нее выпал один. Скрипя всеми суставами и воняя как мертвый парфюмер, Арсеникум продвинулся вперед и приобрел акции известной телекомпании.

Крохин бросил свои кубики и они, неприятно загрохотав, выбросили всего два! Максим застонал от страха, когда, продвинувшись всего на две клетки вперед, прочитал: «выход из тупика привел вас в тупик и пропускаете два хода».

Гребешков злорадно скрипнул и бросил кости. Опять один – мумия не торопилась. Она сделала шаг и вдруг с диким воем провалилась в открывшийся на месте клетки провал.

Створки люка сошлись, образовав надпись: «яма, идете назад на две клетки».

Тут-то и появился этот тип – их почтальон – Максим его узнал. Он помнил, что когда-то профессия разносчика писем казалась ему чрезвычайно интересной. Понимая, что Арсеникум вот-вот появится, Крохин дико завопил:

– Скорее! Билет и становитесь в начало!!!

– Но у меня нет билета! – крикнул почтальон, но обернувшись к прилавку, обнаружил, что за ним никого нет. Клоуна он так и не увидел, а если бы увидел, то, без сомнения, при-

задумался. Лишь лежали одиноко округлые кубики с привязанными белыми полотняными хвостами. Почтальон схватил их и выкинул сразу четыре. Клетка под ним гласила:

«Денежные махинации – +200» и Поляков ощутил в кармане пачку банкнот. Он тяжело вздохнул – похоже судьба ему сулила лишь бесконечные гонки.

– Держись! – крикнул он, завязшему, парню, – Держись... как тебя зовут.

– Максим Крохин! – прокричал тот, – а его – Арсеникум Гребешков! Бойтесь его, он опасен!

Означенный Гребешков вновь появился под аркой. На этот раз его глаза горели жадной мести. Судя по всему, призом демонической мумии в этой Игре являлся сам Максим.

Схватив свои кубики, Арсеникум с хрустом швырнул их оземь. Вновь выпала единица.

Гребешков глухо выругался под своими бинтами и сделал шаг.

– Ну давай же! – крикнул Поляков, – твой ход!

Максим швырнул кости вперед и явственно услышал, как они разрезают воздух. Кубики упали и покатались, посверкивая гранями. Пять! Крохин глубоко вздохнул и зашагал вперед по гладким плитам. Ему хотелось зажмуриться, но он мужественно уставился вниз и оказалось, что он только что приобрел нефтяное месторождение. Максим оглянулся, прикидывая как далеко идущие следом – почтальон стоял в семи клетках, Арсеникум в десяти. Поляков уже кидал свои

кубики.

Ему выпало четыре и он поспешил продвинуться подальше от дурнопахнущего соперника.

Полякову достался захудалый отель на двести мест, но он был рад и такому, особенно когда идущий следом Гребешков снова выбросил один и провалился в долговую яму, украшенную прихотливыми иероглифами с изображением падающего индекса, после был вынужден отступить на шаг.

Максим поднял голову – черед квадратов убежала от него вперед, в темноту коридора.

Там, клетках в десяти в будущем, одна из плит была красного цвета, и Максим твердо решил ни в коем случае на нее не наступать.

Он бросил кубики и шагнул сразу на три единицы. Клетка под его ногами извещала:

«Живительный отдых в пустыне – +1 ход». Два – гремят кости, стучаются о разрисованные под Египет стены: «Чунгкингский экспресс – +1 ход». Максим победно улыбнулся, вновь кидая кубики.

– Эй, не отдаляйся слишком! – обеспокоено крикнул почтальон, но Крохин уже уверенно шагал вперед.

Раз, два, три, четыре, пять, вместе весело шагать – подумал Максим и тут обнаружил, что наступил на красную клетку. Он обмер.

В глаза Максиму смотрела змея. Песчаного цвета азиатская гюрза, с нахмуренными, словно брови, роговыми щит-

ками. Змея мерно покачивала плоскую голову из стороны в сторону и выплевывала в холодный воздух черный раздвоенный язычок. Максим замер, не зная что делать. Змея изогнулась, изящной дугой выстлала свое тело на гладком камне клетки – сложный черный узор на ее песочной спине складывался во вполне читаемую надпись.

«Клетка номер пять». Створки под Крохиным растворились и он, с испуганным воплем полетел куда-то вниз, в непроглядную мглу. Далеко, правда, улететь не успел, и понял, что сидит в самом начале лабиринта, а в глаза ему смотрит стоящий через одну клетку позади Арсеникум. От падения в памяти Максима остались лишь летящий в лицо воздух и странная ассоциация со словом «роллеркостер». Гребешков нехорошо ухмыльнулся под своими бинтами. Глаза его тлели гнилушечным светом. Он выразительно потряс перед Крохиным кубиками и шмякнул их оземь. Опять выпала единица – судя по всему, скорость не являлась сильной стороной мумифицированного Арсеникума.

Кроме того, он обнаружил, что стоит на клетке извещающей: «Вы попались на нелегальной торговле мумиями. Пропускаете ход — 200кр». Арсеникум оскорблено завыл. Поляков в это время купил еще один отель и поспешно сделал в нем евроремонт, уплатив из своего кармана наличными и поставив на клетку значок филиала.

Крохин сделал ход и приобрел в единоличную собственность нефтеперерабатывающий доход, который поспешно

объединил с месторождением, получив солидную прибыль. Почтальон, вслед за кубиками, прошагал четыре клетки и угодил в «забастовку горничных» стоившей ему следующего хода и энной суммы кредитов. Гребешков стоял, а Крохин вновь сходил, угодив на Поляковский отель, к счастью не тот что большой, а его филиал, и был вынужден оплатить пребывание. Взятку нефтью сырцом почтальон гордо отклонил.

Арсеникум сходил и выкинул сразу два, что вызвало его довольное урчание. На клетке же оказалось маленькая ретрансляционная вышка, которую он тут же присоединил к своей телекомпании и начал пробную трансляцию «Принца Египта» среди малограмотного гостиничного персонала и операторов буровых. Качество работы трансляция не поднимала, а, напротив, подстрекало к революциям и забастовкам.

Нахмурясь, Максим кинул кости и, пройдя сразу семь клеток, оказался в малоиспользуемой пустынной местности, покрытой песком. Пользуясь моментом, он, однако отрядил на четыре фишки геологов, объемно спонсировав каждого и, на всякий случай, застолбил территорию, после чего остался почти ни с чем и стал надеяться на лучшее.

Поляков, которому дышал в затылок Арсеникум, долго и сосредоточенно тряс кубики в кулаке, а потом зашвырнул их вперед, так, что они почти достигли Максима. Вновь выпало восемь и окрыленный почтальон остановился на клетке с надписью «многоэтажный гараж», который он тут же купил и стал коситься в сторону нефтеперегонного завода Максима.

Тот, однако, пока не реагировал, так как не имел никаких средств. Крохин, обдумывал дальнейшие ходы – может быть, стоило бы скооперироваться с почтальоном? Но рынок сбыта пока слишком мал – посетители двух гостиниц курьера были пока не слишком избалованны автотранспортом. Может быть, стоит выпустит опытную партию масел для привлечения покупателей?

Злобно глянув в спину удаляющемуся сопернику, Арсеникум в облаке воняющей парфюмом пыли выкинул два и обнаружил у себя под ногами надпись: «нечестные методы», после чего в трансляциях его телекомпании, показывающей помимо фильма, также сериал: «жизнь богатых и знаменитых» (о вольготном существовании нефтяных магнатов и гостиничных королей), замелькали двадцать пятые кадры с подрывным содержанием. Так, там трижды в час транслировались рушащиеся небоскребы Сан-Франциско во время знаменитого землетрясения, да горящие скважины на ближнем востоке. Это, естественно, не замедлило сказаться на соседях – так как телекомпания «Ар-Тв» была единственной – в отелях смотреть было больше нечего, из-за чего обвалью рухнула посещаемость и Полякову никак не удавалось провести гостиничную реформу.

На очередном ходу Максим остановился на здании суда, и с радостным изумлением обнаружил, что оставленные позади геологи отыскали месторождение бокситов, которыми он очень удобно расплатился с долгами, и, походя, скупил суд

со всеми потрохами. После чего вплотную занялся Арсеникумом.

Погибающий от чрезмерных затрат Поляков почуял под собой долговую яму, и, когда ему на следующем ходе досталось «заказное письмо», поспешил обратиться с просьбой к Максиму. Тот, только, что потративший кучу денег на скупку суда мог помочь только дельным советом и направил в ближайший отель Полякова судебных приставов, для расследования ситуации.

Приставы объявили ошеломленному владельцу отеля, что он на грани банкротства, но они обнаружили противозаконные действия со стороны конкурентов и собираются разобраться с этим, при небольшом его, владельца, пособничестве. Просветленный почтальон все понял и поспешно предоставил свой гараж для личного автотранспорта судей, а также их семей, родственников и знакомых. С молчаливого согласия Крохина сделка была свершена, так, что ничего удивительного не было в том, что на следующем же ходу гордый владелец «АрТв» встал на клетку" «вы уличены в противоправных действиях», за что заплатил ходом и немалой суммой кредитов.

Покачивающаяся фигура Арсеникума была уже довольно далека, бессильно грозя корявыми руками более удачливым соперникам. Перед Максимом оказался поворот – оклеенный обоями под полированный камень с золотыми инкрустациями. За поворотом ждала неизвестность – новые открытия

и свершения. Сердце Максима бешено забилося – пока что он выигрывал. Он прикрыл глаза и представил себе приз – огромный, золотой, сияющий. И достаточно смертоносный, чтобы отделаться от подлюги Арсеникума.

– "Вот ведь не лежится, скотине!" – подумал Максим, встряхивая кубики, – «он как тигр людоед, или раненый слон – преследует своего обидчика до конца... ну, что день грядущий нам готовит?!»

Семь! Уверенно шагая вперед, Максим с некоторым содроганием миновал опасную алую клетку и вскрикнул от радости – его ждала бесценная добыча! Здесь на этой клетке, вольготно раскинулся нефтеносный морской шельф, на который какая-то добрая душа уже установила плавучую буровую платформу. Активы рванули вверх, словно получив адреналиновый укол. На денежной волне Крохин модернизировал производство своих ранних буровых, что позволило поднять уровень добычи на 30%, выплатил премиальный работникам, позаботившись о хвалебных отзывах последних в нижние правительственные круги, и расширил гамму поставляемого продукта на 76, 92 экстра, и этилированный 95 бензин, который тут же начал поставлять судебным чиновникам и нижним правительственным кругам по льготным ценам. Сей финт, позволил выполнить давнишнюю мечту и выпустить пробный набор масел для двигателей и трансмиссий и, с благословения чиновников, учредить фирму «Маки Шелл» с двумя филиалами.

Поляков оскорбительно махнул замершему на своей клетке Гребешкову и выбросил целых двенадцать, остановившись на повороте. После того как психозомбирование прекратилось и постояльцы стали присылать озлобленному Арсеникуму кипы писем о том, как они любят героев «Богатых и знаменитых», денежные активы поползли вверх, а тут подвернулась удачная клетка и Поляков, наконец-то, стал владельцем своего первого четырехзвездочного отеля, в котором он на остатки средств провел капитальный ремонт, повысив статус здания до пяти звезд и оплатил рекламу на недружественной телекомпании, после чего постояльцы повалили валом, приезжая на своих новеньких машинах, заправленных 92ым «экстра» и маслом «Геликс супер» от «Маки Шелл».

Повинуясь указаниям кубиков, Максим сделал три шага вперед, и, активно пользуясь нерастраченными средствами, произвел повторную модернизацию своих скважин, а также на остатки отослал своих работников на стажировку за рубеж. Расчет был точен – помимо нефти, теперь появился и газ, который тут же был частично отослан иностранным державам как оплата за стажировку рабочих. Моментально связавшись с оправдавшим доверие партнером – центральным отелем Полякова, он за небольшую, но постоянную плату стал поставлять газ для обогрева гостиницы, что позволило почтальону организовать роскошную сауну с отделанным мрамором бассейн, о котором тут же разнеслись вести.

Константин тоже не терял времени даром – в связи с выплатами за газ, денег на новое строительство не хватало, но это не помешало предприимчивому владельцу купить несколько новых железных коней и начать делать регулярные перевозки постояльцев в аэропорт и из аэропорта, гася затраты на бензин чуть повышенными ставками за новую услугу и получая крупные скидки от «Маки Шелл», упоминая в каждом новом пресс-релизе о том, топливом какой знаменитой марки заправляют гостиничные автомобили. Имидж топлива значительно вырос, после чего Крохин подумал и ввел знак качества на все до единого свои продукты.

Карманы Максима и Полякова ломались от свежих банкнот и не менее свежих чеков в солидных западных банках, но тут, наконец, поймал свою мумифицированную птицу удачи Арсеникум Гребешков.

Он выкинул один и наступил на клетку: «*deus ex machina* +2 хода» и победно завыл.

Следующий же ход принес ему крупную ретрансляционную вышку со спутниковой связью и целых два канала, один из которых тут же стал оппозиционным к нынешней политической системе, а по второму круглый день гнали криминальные боевики с бюджетом никак не менее 1000 долларов, что безумно повышало рейтинг канала. Следующий же шаг (один, как всегда) – клетку «пожертвования заинтересованных лиц» Арсеникум использовал как плац-

дарм перед наступлением. Организованная им на оппозиционном канале гневная передача с участием партии «зеленых» всколыхнуло народное мнение. Агрессивно плюясь в экран, «зеленые» призывали к запрету использования этилированного бензина в автомобилях, демонстрируя душераздирающие кадры больных детишек. Повинуясь строчке телефонов внизу экранов на анонимные счета «Ар-ТВ» посыпались денежные пожертвования соболезновавших, что позволило Гребешкову подкупить экологическую полицию, которая согласилась провести инспекцию на нефтеперегонных заводах «Маки Шелл». Одновременно с этим, взбудораженные передачей молодые радикалы начали повсеместный саботаж фабрик и скважин, с утра до ночи торча у ворот, закрывая своими телами проход грузовиками и размахивая плакатами с надписями типа: «Нет Этилену!», «Маки Шелл – что для тебя стоит слезинка одного ребенка?» или даже «Смерть Убийце! Доктор Крохин – скольких детишек вы убили сегодня?»

Скрипящий зубами Максим Крохин вынужден был с кровью оторвать от сердца денежные фонды и потратить их на отряд частной охраны, которая резиновыми дубинками принялась разгонять демонстрантов. К сожалению, в разгар бойни появилась группа журналистов «АрТВ» которая засняла побоище. Вышедший на следующее утро выпуск новостей на канале оппозиции был полностью посвящен случившемуся и одиозные люди с лихорадочным блеском в глазах орали с

телеэкрана: «Он показал свое лицо! Вот, как он думает о нас! Вот, что он хочет с нами делать! Но нас не испугаешь! У него есть деньги, но на нашей стороне – правда!!!»

Разгон не удался, и явившаяся на следующее утро комиссия, осмотрев кровавые пятна у ворот, лоббировала в правительстве закон о запрете этилированного бензина, а когда закон прошел, выдвинула против «Маки Шелл» обвинение в злоупотреблении здоровьем граждан в целях частной наживы. Крохин был вынужден снять марку 95того с производства и выплатить кошмарную по размерам контрибуцию, частью которой комиссия щедро поделилась с «Ар – ТВ», что позволило Арсеникуму приобрести заштатную типографию и тут же начать производство анонимных подрывных листовок очень плохого качества.

Довольно урча, Гребешком кинул кости и, шагнув на целых две единицы, остановился на зеленой клетке с нарисованным эскалатором. Жестокая улыбка расколола ссохшиеся губы мумии, но ее никто не увидел под бинтами. Раздался нежный звон, который перешел в очень романтичный гитарный перебор, и откуда-то сверху, в темень коридора стала спускаться блестящая мрамором лестница, очень похожая на Каннскую. Красный ковер прилагался. Покачиваясь, Арсеникум встал на ступеньки, прошел под аркой с надписью:

«Лестница в небо» и, неожиданно, очутился на соседней с Поляковым клетке. Тот похолодел, ощутив как мумия злобно дышит в затылок. Максим стоял всего в четырех клетках

впереди и нервно оглядывался на настигающих.

Настала его очередь ходить. С грустью ощущая истончившуюся пачку банкнот в кармане, он швырнул кубики и выбросил всего два. «Маки Шелл» переживала не лучшие времена.

Радикалы – борцы за свободу, экологи, пацифисты, социалисты, просто шпана, которой нечего было делать – продолжали осаждать предприятия, мешая нормальной работе. 95ый был снят с производства, что повлекло за собой значительные потери (и отразились также на Полякове, которому пришлось спешно выступить и сказать, что их машины всегда заправлялись только 92ым и начать заправлять гостиничные «мерседесы» низкооктановым топливом, от которого они чихали и дергались), но гораздо хуже было утерянное доброе имя компании. Скрипя сердцем, Максим выступил на «Ар-ТВ» с трогательным (и абсолютно неискренним) извинением, пообещав лично помочь каждому из больных детей энной суммой, появившись в эфире в прайм-тайм, как раз между испанской мелодрамой и гонконгским боевиком. И без того высокий рейтинг канала запредельно вырос после выступления главы «Маки Шелл», что привлекло часть не страдающих радикализмом инвесторов, и дополнительные барыши для Гребешкова.

Константин Поляков обернулся и встретился глазами с горящими мертвенным зеленым светом глазницами Арсеникума. Тот смотрел покровительственно и поигрывал кубика-

ми в костлявой забинтованной руке. Почтальон чувствовал себя чрезвычайно неприятно по соседству с агрессивно настроенной мумией и потому, бросая кости, постарался пустить их так, чтобы выпало максимально большое число. Однако кубики укатились недалеко и издевательски посмотрели на него единицами. Арсеникум одобритительно буркнул из-за спины, а Поляков, сжав кулаки, сделал два шага и попал на клетку: «нерабочий день» что, безусловно, не прибавило ему настроения.

Повальный отток испуганных бензиновым кризисом постояльцев удалось предотвратить, активно открестившись от некачественной продукции «Маки Шелл», а ушедший на незапланированный выходной персонал, Поляков компенсировал сезонными рабочими, нанятых за мизерные суммы. Недовольная этим часть постояльцев все-таки покинула отеля, вынудив нанимать еще и шоферов со стороны, что пагубно отразилось на и без того истерзанном кризисом бюджете.

Отправив домой последних недовольных, успокоившийся было Константин, тут же получил очередную неприятную новость. По дороге из аэропортов нанятые водители не оправдали возложенных на них надежд и бессовестно бомбили на казенных «мерседесах», сдирая с ни в чем не повинных пассажиров втридорога за имиджевую машину. Получив это известие, разгневанный Поляков тут же уволил нерадивых водил и изъял нечестно заработанные деньги, после чего подсчитал их количество и призадумался. Не про-

шло их трех дней, как к каждому из вернувшихся гостиничных шоферов было приставлено по ученику с открытым ртом внимающих мастерам, а озаренный идеей почтальон, с большой скидкой заплатив контролируемым Крохиным агентствам, учредил компанию «Хотел Карриер групп» в собственность которой тут же поступило два десятка «мерседесов трэвелеров» в пассажирской комплектации. Подземный гараж переполнился. Денег на новый уже не было, а Поляков писал слезные письма Максиму Крохину как можно скорее вывести в продажу дизельное топливо с низким содержанием серы. Тут Константин вспомнил об Арсеникуме и его передернуло.

Жестом опытного кегельбаныщика Арсеникум швырнул кубики и ему тоже выпало два, после чего он вновь пристроился в затылок Полякову, вызвал целый град нервных ругательств почтальона. Гребешков же держал свою линию. Заработанные на речи Крохина деньги он вложил в подмасливание среднего эшелона правительственных чиновников, а также на очередное взбудораживание «зеленых», которые, обеспокоенные экологической обстановкой в регионе написали слезливое письмо властям, требуя ввести жесткие экологические нормы, в последствии названные «нервы 1 и 2». Остатки средств пошли на взятку антимонопольному комитету, который обратил свое неблагоклонное внимание на корпорацию Крохина. Письма страждущих чистого воздуха пошли эшелонам, и на дружеские пожертвования жертв

нездоровой атмосферы Арсеникум реорганизовал типографию в одиозную газету, большую часть которой занимали гневные письма люмпен пролетариата и скверно выполненная реклама.

Сходивший на шесть клеток Крохин остановился, кусая губы. Антимонопольный комитет отвадить не удалось, и попытка объявить матушку природу основным конкурентом (производит нефть сырец и прочие полезные ископаемые) провалилась, после чего на «Маки Шелл» тяжким бременем пал монопольный налог, сразу же съевший львиную долю доходов.

Несмотря на это, верный своему слову Максим все же взялся за производство дизтоплива глубокой очистки и начал поставлять его «Карриер групп», оживляя замершие перевозчики.

К счастью, в этот момент удача вновь улыбнулась Максиму Крохину и затерявшиеся в диких лесных дебрях ранних клеток геологи прислали донесение, что обнаружили крупное месторождение алюминия как раз неподалеку от разработки бокситов. Крохин тут же мобилизовался и, потратив огромные деньги, построил на бесплодной клетке сталелитейный завод, тут же принявшись за ограниченный выпуск алюминиевого проката. За большие деньги продал его тяжелому машиностроению и заключив целый ряд выгодных контрактов, Крохин, наконец, достиг чего хотел – легкие, с широким использованием алюминия дизели поступили в

широкую продажу, оправдав затраты на не содержащее серу дизтопливо.

Пилотную партию двигателей приобрела страдающая от безденежья «Хотел Карриер групп».

Максим вздохнул от облегчения. Он выиграл очередной бой в этой бесконечной войне.

Теперь, после того, как он с такими трудностями поднял свой бизнес с нуля, Крохин, кажется начал понимать о чем говорил клоун. Скрытой особенностью правил Игры было то, что в ней вообще нет никаких правил. Осознавать это было горько, но отступить уже давно было не куда.

А в это время Поляков вновь сделал свой ход. Кубики его покатались, стуча как кастаньеты судьбы и замерли одинаковыми шестерками кверху. Двенадцать. Поляков пошел, чувствуя, как отдаляется гнилостное дыхание Арсеникума и остановился на зеленой клетке. Дело его шло в гору. Перевозки ширились, закупались новые машины, автобусы, вот уже рейсовые поездки сменились частной таксофирмой. Поступало топливо и масла, платились налоги, подкупались чиновники. Константин разбогател настолько, что открыл отель высшей категории и назвал его, конечно, «Эксцельсиор», и в него съезжались только самые состоятельные клиенты.

Курьер поставил ногу на лестницу.

Арсеникум рвался к деньгам. Доходы от канала с боевиками показались ему слишком маленькими и он учредил клуб-

ничный канал для самых взрослых, прерывая трансляцию рекламными выпусками каждые девять с половиной минут. Барыши текли рекой и бинты на Гребешкове теперь были от Валентино, а парфюм, наконец, приобрел конкретику и пах «хьюго босс».

Максим поднял кубики и тут его окликнул Поляков:

– Эй! Не торопись!

Как во сне, Крохин оторвал взгляд от плит у себя под ногами и посмотрел вперед. Это казалось невозможным, но почтальон по-прежнему стоял на своей клетке, одной ногой на лестнице в небо. Он улыбался. Акции его шли в низ, но он улыбался.

– Максим! – крикнул он, – сейчас ты должен выкинуть девять! Девять и не единицей больше! Ты понимаешь меня? Ты должен попасть на мою клетку!

– Но... – произнес Крохин, – зачем?

– Мы уходим отсюда, Максим, – сказал, серьезно почтальон, – хватит, наигрались. Ты должен попасть в девятку! Пробуй!

– Но как же так? У меня же бизнес! Акции! Аккредитивы! Облигация и займы! Тут еще непаханая стезя!

– К демонам бизнес! – крикнул Поляков и взмахнул рукой, – ну, давай же!!!

Словно сомнамбула, Максим Крохин, единоличный владелец финансовой империи «Маки Шелл» поднял два крупных, округлых кубика и бросил. Они покатались, гремя и

сталкиваясь друг с другом и замерли у ног Полякова: 5:4.

Девять! Чувствуя, что происходит нечто странное, Максим прошагал эти девять клеток и впервые встал рядом с почтальоном. В Крохине что-то менялась, он начинал мыслить, как будто просыпаясь от тяжелого, болезненного сна. Заумные термины утекали у него из головы. Поляков подал ему руку, и они начали возноситься, но прежде, чем душное пространство игры отпустило их, Максим мстительно потратил оставшиеся активы на судей, напустив их на клубничный канал, параллельно выставив иск «Ар-ТВ» в растлении молодежи за то, что они крутили свое видео до часу ночи.

Почувяв, что добыча ускользает, Арсеникум взревел раненым зверем и принялся яростно кидать кубики, с каждым броском продвигаясь на одну клетку, стремясь как можно скорее добраться до лестницы. Но было уже поздно. Под чудный перебор гитарных струн Максим и Поляков поднимались все выше и выше, пока не оказалось, что они идут по бетонным ступеням лестничного пролета подъезда номер один. Донесся издали затихающий рев мумии и настала тишина.

Максим словно открыл глаза. Все только что происшедшее казалось ему горячечным бредом.

– Чем мы только что занимались? – только и сумел спросить он, – и как смогли выбраться? Как не остались там навсегда?

– Просто я уже испытал это, Максим. И я знаю настоящие

правила, – сказал почтальон, – тут главное не забыть кто ты есть на самом деле. Дальше уже все просто. А как мы выбрались... Ты знаешь, в какой-то момент я все же потерял себя и так увлекся, что когда мне попаласть лестница... я подумал – а почему нельзя подкупить и ее тоже? Дал взятку водителю эскалатора!

– Какой изящный ход, – усмехнулся Максим, – мы бы сработались и... – он оборвал себя и недоуменно уставился под ноги. Но там были только ступени.

Двое бывших мультимиллионеров не знали куда идти им дальше и радовались лишь тому, что оторвались от Арсеникума. Судя по всему, он так и остался зарабатывать частный капитал. Поэтому, когда им попаласть гостеприимно открытая дверь квартиры, Полякову и Крохину ничего не оставалось как зайти.

Прихожая была темна и захламлена. Из двери на кухню тянуло неким кисловатым неприятным душком, а в глубине жилой комнаты шевелились смутные тени. Заслышав шаги, одна из теней дернулась, повернулась там, в темноте и сиплый, низкий голос встревожено спросил:

– Это вы, духи заживо съеденных? Так ведь? Да вы проходите, присаживайтесь, не стойте, как истуканы...

Разговор по душам.

– Говорю же тебе, они не духи, – еле слышным, неизбежно мрачным голосом произнес Андрей Якутин, – Живые люди. Такие как я!

– Но ты же сам говорил, что духи могут вселяться в тела людей и повелевать ими, – рассудительно произнес каннибал, – посмотри на них, посмотри как они выглядят! Это же настоящие ненормальные!

Якутин подавил тяжелый вздох. Два бедолаги, которых неизвестно каким ветром занесло в этот локальный дурдом на двоих, обеспокоено переглянулись. Пожалуй, они рады бы уйти, но каннибал имел на этот счет другое мнение. Он сидел, по-турецки скрестив ноги, в самой верхней точки обрванного людьми круга и в руках держал два разделочных ножа – один с пилкой, а другой простой, гладкий, которым когда-то давно любящая мама любящего сына Павлика резала мясо к семейному ужину. Ныне ему нашлось другое применение.

Просторная темная комната была обставлена с минимумом предметов – загаженный матрас в углу, холодильник в другом и изящный стеклянный столик между сидящими – толстое стекло в деревянной оправе с инкрустацией. Еще было окно с толстым итальянским стеклопакетом и бесконечные космические бездны за ним. Желтый шар луны, види-

мый так, как если бы вы находились на середине пути от Земли. Но никого из собравшихся лунный пейзаж совершенно не интересовал.

Дорогой дубовый паркет комнаты плотным узором покрывали странные закорючки, чем-то похожие на попытку создания единого языка для арабо-тайваньской коалиции, в который зачем-то привнесли скандинавские умлауты. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что это стройные и не очень шеренги атакующих, защищающихся, совершающих подвиг и бесславно гибнущих нарисованных красным маркером солдатиков. Помимо расходования красителя в маркере призрачное войско бледнело и у двери почти полностью обращались в тени самих себя.

За дверью начинались коридоры и темные комнаты заброшенного дома – старого, многоквартирного особняка в псевдовикторианском стиле – скрипучего и воющего на четыре печных глотки под промозглым ноябрьским ветром.

Но и это сидящих вокруг столика уже не интересовало. У них шел обстоятельный и вдумчивый разговор, двоим из участников которого он был явно в тягость, одного не интересовал ни в коей мере (ему уже было давно и на все наплевать), а еще один испытывал к нему жгучий интерес.

– Они ведут себя как одержимые, – сказал каннибал, – что ты на это скажешь?

– Ну, почему же одержимые? – спросил один из гостей (почтальон, Костя, или как его там...), – Мы не одержимые

и уж точно не духи, правда, Максим?

– Почему вы разговариваете о духах? – спросил мальчик, – зачем вы держите ножи?

– Парень, на твоём месте я бы не стал спрашивать про ножи... – устало молвил Якутин.

– Ножи для того, чтобы лишить духов их телесной оболочки, – объяснил каннибал, – если вдруг они взбунтуются.

– ...поэтому мы не будем говорить про ножи, – вставил Андрей, – а почему мы говорим именно про духов? Но ведь с них-то все и началось... Я попытался убедить моего собеседника, что то, что он творит с людьми идеально для создания приведений.

– Да у нас вышел небольшой мистический спор, – продолжил каннибал, – я попытался доказать моему оппоненту, что когда я ем своих жертв, они испытывают непередаваемое блаженство, которое продолжается до самого конца, то есть до того момента, когда последний их кусочек исчезнет в моём чреве.

Гости покосились на говорившего с суеверным ужасом, а потом уставились на совершенно спокойного Андрея. Тот глазами, показал – «не дергайтесь».

– Вот, а я осмелился возразить, – сказал Якутин, – и выдвинул гипотезу о том, что погибший мучительной смертью человек почти наверняка превращается в привидение.

– А я ударил тебя ножом в ногу, но не сильно, – с дружеской улыбкой произнес каннибал, – но меня взял интерес.

Не был ли прав мой оппонент? А, что если и вправду существуют тонкие миры, о которых он говорил... Но, по порядку. Коллега Андрей выдвинул целый ряд гипотез о том, что бывает со съедаемым заживо человеком.

– А он ударил меня ножом... – без выражения произнес Андрей и тусклые его глаза, коротко, но яростно блеснули, звякнули браслеты наручников, которыми он был прикован к батарее.

На миг замолчали. В окно светила луна – мертвенным, синим светом ртутной лампы. Выл холодный ветер – из тех, что несут свинцовые серые тучи первых снегопадов.

– Расскажите про призраков, – сказал вдруг мальчик.

– Я уже рассказывал, – утомленно молвил Якутин, – впрочем, мой коллега настаивает и я расскажу. Слушай парень, Максим вроде, да?

Да, призраки... Духи... они есть везде, у каждого живого существа, и у некоторых вещей тоже. Растения, животные, канарейка в клетке, жук-древоточец, вошь, которая живет на вашей собаке – у всех есть духи – такие же как и они, маленькие и большие, сильные и слабые. Духи – их жизненная сила. Они вселяются при рождении, а может быть позже, а некоторые их долго не имеют, и в какой-то миг получают.

– А вещи? – спросил Максим.

– Вещи? Вещи как раз из тех, что получают. Духи вселяются в предметы лишь очень близкие к людям. Есть такие вещи, которые ни дня не обходятся без людского внимания.

Те предметы, которым мы дарим свою симпатию и даже любовь – красивые безделушки, имиджевые аксессуары, сложные механизмы. Женские украшения, лакированные ботинки, прадедушкины часы на цепочки. Дорогая новая машина. Эти вещицы никогда не оставляют вниманием, им дарят ласку, нежность, ими гордятся и в какой-то момент от изливаемых психических энергий в них зарождается нечто. Нечто, что мы не видим, но которое есть и которое питается нашими чувствами, как младенец материнским молоком. В какой-то момент мы замечаем, что уже не может обходиться без этой вещицы, а мысль о том, что мы можем потерять ее, разрывает наше сердце.

– Я помню, – вставил Максим, – у меня была... счастливая ручка. Зеленая, с металлическим верхом, очень тогда модная! Я любил грызть эту железную окантовку. До сих помню этот вкус – если честно, то мне иногда его так не хватает.

– А у меня была сумка, – сказал почтальон отрешенно, – армейская, планшетная. Я всегда ходил с ней, пока она однажды не зацепилась за подходящий к станции метро поезд.

Хорошо, что ремень оказался слабым.

Якутин отрешенно кивнул:

– Да, мы дарим вещам тепло, а в это время нечто там, внутри, растет, развивается как эмбрион, чтобы в итоге вырасти в полноценного духа вещи. Они бывают разными, эти духи – добрые и злые, как и люди. Никогда не знаешь, как тебе с ними повезет. Питаемая твоими эманациями призрач-

ная тварь может помогать своему хозяину, налаживая его жизнь, а может отравлять и пускать ее под откос. Ваша сумка, Константин, как из этой серии.

Вместе с эмоциями хозяина вещи покидает и жизнь. Так бывает. Кстати вот эти ножи у вас в руках, как раз годятся для того, чтобы в них завелись духи. Ведь ими убили столько людей...

– Тихо! – вдруг резко сказал каннибал.

Все недоуменно уставились на него. Каннибал внимательно вслушивался. За окнами луна медленно поворачивалась вокруг своей оси, наполняя комнату мертвенным, холодным светом, который, однако, порождал в углах бесформенные, подрагивающие тени. Тишина стояла звенящая.

– Вот опять! – сказал каннибал шепотом, – я опять это услышал!

– Это трубы, – сказал Якутин, – я же тебе говорил...

– Такое равномерное биение. Разве такое бывает? Словно кто-то бьет по трубам, чем-то тяжелым. Словно ритм. Вы слышали?

– Нет, – сказал Поляков, – я думал о своей сумке... Кроме того, Андрей...

– Говорю же, это трубы! – с нажимом повторил Якутин и блеснул глазами на Полякова, – так, что там про ножи?

– Такой старый дом, – тихо произнес каннибал, – зачем это мясо поселилось здесь? Здесь так неудобно... А мои ножи – они всего лишь выполняли то, что я им приказывал. Я к

ним равнодушен.

– Ты так думаешь? – прикованный прислонился спиной к батарее, – это ведь твои любимые инструменты. А они пили не только твои эманации, но и муки убиваемых... а ведь это и точно бойлер – в батарею отдает, вы потрогайте.

Поляков осторожно протянул руку и дотронулся до батареи. Кончики пальцев ощутили легкое биение, как пульс у коматозного больного – во только эти удары были неравномерны и складывались в примитивные синкопы. Максим внимательно слушал. Где-то далеко отсюда, в темных заброшенных недрах дома зарождался смутный неясный ритм – удар, пауза, удар-удар, пауза.

– На мой взгляд, совсем непохоже на бойлер. У нас был дом в деревне, где стояла газовая печь, когда пар скапливался в трубах они начинали шелкать... но совсем не так, – сказал почтальон, – может быть что-то другое?

– Затихло, – произнес каннибал и дернул ножами, – опять. До поры?

– Не мели чушь! – с раздражением молвил Якутин и дернул головой, – такой большой каннибал, а ведешь себя как... А! Это трубы – если бы хозяин дома был жив, он бы рассказал тебе...

Якутин замолк, вслушиваясь в тишину. Из всех четверых уютней всего приходилось каннибалу, потому что он сидел спиной к черному проему двери, из которого ощутимо тянуло холодом – дом был слишком большой, и отопительная

система не справлялась. — Вы хотели рассказать про призраков, — сказал Максим тонким голосом, — наверное, это все таки лучше, чем слушать то, что скрывается в темноте.

— Да, пожалуй, — произнес Якутин со свистящим вздохом, — Я уже говорил вам про вещи — добрые и злые. Но это все, в сущности, ерунда — при умелом обращении они опасны не больше, чем сушильная машина в прачечной. Не забывай об осторожности, и с тобой все будет в порядке. Другое дело те, что населяют живые существа. Они ведь есть в каждом из нас, и большая часть мирно проходит с людьми их срок, а потом отправляется в неведомые дали за порогом. Что там с ними происходит, мы не знаем, но влиять они уже ни на что не могут. Но бывает так, что человеческая жизнь — известноеместилище всевозможных страстей — он кивнул в сторону каннибала, — прерывается на середине, когда впереди вроде бы еще так много времени и столько дел осталось не сделанными.

Эмоции переполняют погибающего, а более всего его мучит сожаление и досада! Чувства эти порой так сильны, что дух его, оторвавшись от брэнного тела, не доходит до порога, застревая в некоем пространстве между Гранью и миром живым. Оттуда, сверху смотрит он на ныне живущих и пытается, хочет что-то изменить, но не может ибо лишен возможности обращения с материей.

Такие духи мы и называем привидениями — пронизанные печалью тени умерших, они раз за разом пытаются донести

до нас то, что их мучит и тревожит, но мы боимся их, бежим от них, скрываемся. А они остаются, замерев между небом и землей в тихой тоске. Люди, которые живут в одном доме с такими призраками страдают от частых депрессий, накатов тоски, что приходит откуда-то извне, и словно бы не их. В самых тяжелых случаях духи входят в близкий контакт с жильцами и те, если не смогут ничего изменить, зачастую, не выдержав наплыва потусторонней грусти, кончают с собой. Такова плата за чужое знание...

– У меня был дом в деревне, – тихо сказал вдруг Поляков.

– Что? – переспросил каннибал.

– Дом. Старый деревенский дом. Мы купили его, когда он пустовал – село было зажиточное, народу много, но никто почему-то не селился в этой избушке. Мои родители купили его, и стали приезжать каждое лето. Я тогда еще был ребенком – лет десять, как тебе Максим, и помню, что в отличие от других своих сверстников никогда не радовался наступлению лета. Они то были счастливы – лето, бесконечная череда солнечных дней, лес, речка, веселые игры... А мне с наступлением тепла всегда становилось не по себе, потому, что я знал – как только солнце войдет в силу, мы переедем в деревню, в этот дом. Наверное, я уже тогда что-то ощущал – радостные мысли приходили в нем крайне редко, я плохо спал, а солнце... даже в самый солнечный день в нем была полутьма. В конце – концов, я приноровился – стал делать вид, что болен простудой, перед самым переездом. Мы оста-

вались в городе... передать не могу, как меня это радовало.

И лишь позже, много лет спустя я узнал, что до нас, в этом доме жил старик – он был нелюдим, сумрачен и редко покидал свое убежище. В селе его не любили и побаивались.

Говорили, была у старика дочь. Совсем давно, лишь самые старожилы ее и помнят. Обычная девчушка, мать ее умерла вот она и жила с отцом. Добрая, хозяйственная – будущая первая невеста на селе. Вот только не пришлось ей повзрослеть. Война разразилась, и в дом их угодила бомба зажигательная. Дом, понятно, дотла сгорел – одни головешки остались. Живых, естественно уже и не искали – какие уж тут живые. А два месяца спустя, шел один деревенский мимо пожарища и слышит – вроде плач какой-то. Он кинулся, руками доски разгреб – видит, дверь в погреб. Он ее отвалил, а там отец – запаршивевший, но живой, лежит стонет.

Отправили в больницу, спасли. Там, про дочь спрашивали – говорит, не знаю, где она, в погребе был, когда бомба упала. А трупов-то в развалинах нет как нет! Ни костей обгорелых, ничего! И главное – погреб был пустой абсолютно. Мужик этот никак на своем жиру эти два месяца просидеть не мог. Помер бы с голодухи, а вот если не один он был...

Короче, так и остался бобылем жить. А к старости забрала его тоска, да и повесился он. В этом самом доме. Так вот.

– И что, – спросил Якутин, – с домом-то?

– А ничего, продали его и дело с концом, – произнес Поляков и замолчал.

Настали тишина. Каждый думал о своем. Дом содрогался под порывами ветра, стучала черепица на крыше, позвякивали стекла, да выл и ярился неумолчный ветер в лабиринтах старых печных труб.

– Значит, не стало девчухи... – медленно произнес Андрей Якутин спустя какое-то время, – жалко. Но странно, что в доме поселился не ее дух, а призрак ее отца. А может быть, их там было двое и ночами они выходили на прогулку на задний двор, она собирала цветы, а он шагал по негнущейся под ногами траве и смотрел на звезды? Или махал улетающим в небо духам сгоревших поленьев? Быть может...

– Ну-ка тихо!!! – крикнул каннибал, – Тихо вы!

– Что? – нервно спросил максим и обернулся на дверь. Там была пустота.

Мороз прошел у присутствующих по коже. В тот момент, когда Якутин начал говорить свою последнюю фразу к его речи примешался некий новый звук, достаточной тихий, чтобы слова его заглушили. Но он был, и это не было трубами.

Две секунды собравшиеся у стола широко раскрытыми глазами смотрели друг на друга, а потом как один вздрогнули, когда в ночи четкой раздался тонкий переливчатый вскрик.

Страх быстро перерос в затаенную подспудную панику, когда звук стал нарастать, меняя тональность – четкий, тоненький, он был больше всего похож на плач очень малень-

кого существа, у которого уже не осталось сил громко кричать. В темноте пустого дома это стенание навевало жуть. Люди застыли на месте с ужасом слушая потустороннюю мелодию, и у каждого в глазах застыл один единственный вопрос – что, что это может быть?! Бытовые объяснения приходили голову, но не одно из них не могло объяснить источник звука.

Начавший мелко вздрагивать Максим Крохин живо припомнил лабиринты гробницы. Но тут было хуже, много хуже. Каннибал вскинул ножи – руки его подрагивали.

Неожиданно Якутин рассмеялся, заставив остальных вздрогнуть:

– С духами можно говорить, – сказал он, – только они не отвечают. Узнаете мелодию? «If you go away». Он всегда любил эту романтическую чушь...

– Мобильник, как я не догадался! – неестественно громко сказал каннибал и хлопнул себя кулаками по бокам.

– Ну знаете, так и поседеть недолго, – произнес Поляков и нервно усмехнулся, – я чуть с ума не сошел, пытаюсь понять, что это звучит.

– Пашке кто-то звонит. Если учесть, сколько времени прошло с момента его гибели, Павлику должно быть приятно, что кто-то о нем еще помнит, – Якутин внимательно слушал переливы звонка. Отыграв еще партию телефон смолк – мелодичный плач перестал нарушать тишину.

– Да брось, – сказал каннибал, – ему не приятно и не обид-

но. И его тут нет – он весь до кусочка у меня вот здесь – и он похлопал себя по животу.

– Не скажи, – Якутин вздохнул, – он тут, я уверен. Он погиб такой нехорошей смертью, что просто не мог не превратиться в призрака. Чувство вины и незаконченные дела на земле – это что... Гораздо хуже, когда человек гибнет какой ни будь гнусной, насильственной смертью. Зачастую – гибнет долго, изливая в тонкие пространства свою боль, свой страх и отчаяние. Этим он образует некий барьер, который не дает ему уйти за порог. Настает миг, и он умирает, а после смерти превращается в беспокойного духа.

Погибнув таким образом, дух уносит в тонкие сферы всю свою боль и она уже остается с ним навсегда. Он терзается ею, терзается всеми чувствами, которые испытывал незадолго до конца. Эта боль, как зацикленная пластинка – он уходит с ней в вечность. Но дело не только в этом. Нехорошо... не правильно умерев, такой человек, будь он даже добрым и отзывчивым при жизни, он... меняется, становится не такой как прежде. Телесная смерть навсегда впечатывается в его сознание, она крушит и ломает разум, сминает волю. Не остается ничего от него прежнего – теперь это тварь, не рассуждающий сгусток темной злобы, которая испытывает лишь ярость и страдания, которые только усиливают злость.

Эта тварь, беспокойный дух хочет только одного – отомстить, найти своего убийцу и отправить его во тьму. И горе тем, кто встал между ними. Зачастую, этот призрак не мо-

жет покинуть место своей гибели и, не имея возможности, найти убийцу мстит тем, кто имел несчастье оказаться рядом. Тварь не устает, ее активность возрастает ночью, и она не оставит вас в покое, пока вы не сразитесь с ней, либо не исполните ее волю.

И так получается, что чем добрее, чем чище был при жизни человек, тем более черная тварь из него получается. Особенно дети – с ними получается хуже всего. То, что остается после трагической гибели ребенка, все еще хочет играть, но это уже другие игры. Понимаете? Внешняя сторона детского быта – игрушки, фантазии, капризы, остаются, но то что стоит за ними уже давно потеряло всякий человеческий облик. Растоптанное детство – атмосфера неслучившихся надежд, прерванной и уже никогда не возобновленной игры...

Выл, ярился за стенами ветер, круглую застывшую луну стало заносить рваными лохмами облаков – свет ее моргал, высвечивал затемненные углы комнаты, да ветки старых деревьев без листьев аккуратно, пугливо постукивали в стены. Под полом что-то заскреблось, как будто целый выводок мышей пытался штурмом взять толстые доски пола, да раздался вновь тягучий ритм – как очень дальний барабанный бой невидимой армии, вечно идущий в неслучившийся бой.

– Разгулялась погода, – сказал Поляков, – а ведь вроде апрель на дворе, или... май?

– Неважно, здесь всегда тридцатое октября, – произнес печально Якутин, – Ветер и печные трубы дают нам сегодня

концерт – октябрьская симфония для печных заслонок и задающего ритм бойлера. Слышите, как они отбивает такт?

– А ведь у меня тоже было... – вставил каннибал.

– Что, дети? – Поляков, поежился. Хотелось ему вскочить и побежать сейчас прочь, но там, за дверью была тьма, а значит бежать было некуда.

– Нет, животные... – сказал каннибал.

– А, бывает, – Якутин кивнул, – духи животных, что обитают, чаще всего в скотомогильниках, привязываются к неосторожным путникам по ночам. Или собаки и кошки, что возвращаются к любимым когда-то хозяевам, чтобы увести их за собой... А что было у тебя?

– У меня... – каннибал опустил взор, – у меня была черная курица... Но не та, нет. В общем-то, она была белой, до того как издохла. Ну, обычная несушка – жила у нас во дворе, вместе с десятком других. А мне всегда было интересно, какова на вкус ее кровь – мне всегда подавали кур жареными, хотя я и просил их держать в духовке как можно меньше. Я всегда был сыроедом, как вы понимаете. Мне было одиннадцать лет, когда я решил. Почему именно эта курица? Ну, она имела два черных пятна на крыльях – мне всегда казалось что она особенная, не такая как все. Выждав, когда дома никого не было, я поймал ее и, зажав в столярных тисках отца, отпилил ей голову ржавой ножовкой.

Как можно медленнее, чтобы понять насколько долго она сможет прожить. Она протянула целых пятнадцать минут – и

из белой превратилась в красную. Мне понравилось. Да. Но больше я так никогда не делал, потому что курица пришла ко мне ночью и она была черной как смоль, даже ее клюв, даже глаза и глотка. Она укоряла меня за то, что я отнял у нее жизнь и хотела выклевать мне глаза. Я спросил, что ей от меня надо и она сказала, чтобы я впустил ее в свою голову.

– И ты впустил? – холодно спросил Якутин.

– Да, а что мне оставалось делать? Курица осталась со мной и отныне диктовала свои условия что делать и как. А хотела она одного – чужой крови, как можно больше. Так она и жила со мной долгое время. Если честно, она до сих пор приходит.

– То есть, как приходит? – переспросил Поляков, – курица, но ты же ее убил... Ты ее видишь как-то?

– Просто чувствую, что она рядом – смоляная несушка с агатовыми глазами, пропитавшаяся кровью настолько, что стала черной, – охотно объяснил каннибал и испуганно замолк.

Потому что в этот момент, где-то неподалеку отчетливо хлопнула дверца. Возникла небольшая, пропитанная страхом пауза, и дверца хлопнула вновь. Громко, с силой, каждый удар сопровождался тихим резиновым чмоканьем.

– Холодильник... – дрогнувшим голосом сказал Якутин, – это же холодильник на кухне.

– Но почему... – вымолвил Поляков.

– Он там хранил Пашку, когда от того оставалось так ма-

ло, чтобы поместиться в холодильник.

Дверца хлопнула. Рядом, совсем рядом.

– Не пугай ты!! – рявкнул каннибал, – я пойду посмотрю!

– Нет! – испуганно выкрикнули Поляков и Максим одновременно, – не ходи!

Дверца грохнула – звук был резкий и действующий на нервы.

– Напугались?! – крикнул каннибал зло, – историй наслушались и в штаны напустили? Я сказал, что иду! Посмотрим, что стоит это взбунтовавшееся мясо против двух моих ножей.

И резко поднявшись, он решительно зашагал к дверям, держа ножи наизготовку. Остальные провожали его взглядами, пока каннибал не исчез в темноте за дверным проемом. Как только шаги его отдалились, Поляков повернулся к Якутину:

– Все, он ушел. Самое время сейчас сбежать! Долго он тебя держит так, этот псих?!

Якутин мрачно улыбнулся и позвенел наручниками:

– Я бы сбежал с вами, ребята, но мои оковы не отпустят меня никуда кроме как в мир теней. Кроме того, куда бежать – тут ведь и вправду полно призраков...

– Какие призраки! – яростно сказал Поляков, – их тут нет, это все штучки этого проклятого места, оно как-то использует наши чувства, отражает как кривое зеркало... ох, кажется он дошел.

Дверца хлопнула последний раз и настала тишина. Где-то там, во тьме каннибал встретился с источником звука.

Собравшиеся неотрывно смотрели на дверь – почтальон и Максим, испуганно, Андрей Якутин устало и тоскливо. За дверью раздались шаги – кто-то тяжело ступал, вызывая протестующий скрип старых половиц. Звук шагов нарастал и непереносимо жуткое мгновение спустя хлопнула дверь и из мрака возник каннибал. Он был бледен как смерть и тяжело дышал.

– Что?! – испуганно вскрикнул Поляков, – ЧТО ТАМ БЫЛО?!

– Я видел клоуна, – мертвым голосом произнес каннибал, – Он смеялся и звал меня к себе в темноту.

– А Пашки там не было? – спросил Якутин.

– Нет, только клоун, – каннибал со стоном опустился у столика, – но я к нему не пошел, мне стало страшно...

– Но Павлик тоже здесь, – отрешенно заметил Андрей Якутин, – он нас внимательно слушает уже долго время.

– ЕГО НЕТ!! – взвизгнул каннибал, – ОН УМЕР!!! Я СЪЕЛ ЕГО!! ПЕРЕЖЕВАЛ СОБСТВЕННЫМИ ЗУБАМИ!!! – он ударил по столику ножом, глубоко вогнав сталь в полированное дерево, – и потом, я же сказал, мои жертвы испытывают блаженство, когда я их поедаю. Павлик умер счастливым!

– А давай спросим у него самого, – все так же спокойно произнес Андрей, – давай вызовем его дух.

– Ну может быть не будем экспериментировать... – взмолился Поляков, но Якутин устремил на него тусклый взор и Константин осекся – заключенный явно выходил на финишную прямую. Он и сам сейчас походил на духа – печальное усталое привидение, что и в посмертии осталось на цепи – щеки его бледнели, скулы заострились.

– А вызови! – со злобным азартом крикнул каннибал, – вызови эту тварь и пусть она ответит перед нами лицом к лицу!

Максим смотрел умоляюще. «Не надо» – говорил его взгляд. Поляков глядел в пол, губы сжаты – он не верил во все это, он знал, что это сон и все равно боялся. Якутин жестко улыбнулся – он сверлил каннибала взглядом, в котором начал разгораться странный огонь.

– Ты сказал, – произнес прикованный, – мы вызовем дух и он скажет нам все. Только это будет опасно... как все такие сеансы.

– Я готов, – сказал каннибал и выдернул нож из столешницы.

– Хорошо, – произнес Якутин, – оставь ножи, мой сыродедящий друг, и возьмитесь за руки...

Каннибал протянул руку и Поляков с содроганием взял холодную жесткую ладонь в свою.

Другой рукой он держал пятерню Максима, а тот, в свою очередь, цеплялся за свободную руку Якутина.

– Руки на стол... – жестко скомандовал тот, – ладонями

кверху... мне нужно что ни будь блестящее... ключи от наручников подойдут.

Каннибал выложил ключи на середину стекла и устремил на Якутина внимательный взгляд.

Тот смотрел прямо на ключи.

– Начинаем, – сказал он, – сконцентрируйтесь... – Якутин на миг прикрыл глаза, вслушиваясь в некие непостижимые дали, а когда открыл, стали видны только одни белки, отчего вздрогнули все трое участников, – Духи... – слово слетело с языка как мертвый осенний лист, как шелест дождя, где каждой капле предстоит разбиться о твердь, как ветер, что кружит холодную снежную взвесь, – Духи придите к нам... вы слышите меня... я взываю, я открываюсь... духи вы слышите меня... слышите меня... слышите?!

Стол ощутимо вздрогнул, звякнули ключи, ножи от сотрясения скрестили лезвия с холодным металлическим звуком, снаружи ветер с удвоенной яростью бросился на холодную стеклянную броню окон.

– К вам взываю! Вы здесь?! – спросил Якутин, голос его набирал силу и глубину.

Стол начал мелко подрагивать в такт темному ритму труб, внизу вновь ожил мобильник покойного Павлика исторгая во тьму жалобную свою мелодию, а секунду спустя к общему хору присоединилась дверца холодильника, раз за разом хлопающая с неистовым остервенением.

– Вы пришли ко мне!? – крикнул Якутин – ВЫ ЗДЕСЬ?!

ДА ИЛИ НЕТ?!!

Шквал резко утих. В наступившей тишине отчетливо грохнула дверца. Один раз. Луна просвечивала из-за туч, к внешней стороны стекла ветром прижало мертвый серый лист и на миг стало видно тонкую сеточку хрупкого его скелета.

– Да. – Возвестил Якутин и дернулся, – Да. Они здесь. Они пришли.

Пересохшим ртом Константин хотел что-то сказать, но каннибал предупредительно сжал ему руку. Время для разговоров было неподходящее. Было тихо. Максим заметил, что в комнате ощутимо похолодало.

– Мне нужен один из вас, – тихо сказал Якутин, – только один. Павлик, убитый и съеденный здесь, в этом доме, ты слышишь меня?

Дверца вновь захлопнулась. Максим закусил губу от страха.

– Так приди же к нам... ты хочешь видеть своего убийцу? Так приди же к нам... явись таким, кем ты стал... мы хотим видеть тебя... приди! Приди!

– Приди... – повторил каннибал.

– Приди, – сказали Максим и почтальон, – приди к нам!

– Приди! – сказали все вместе, – Приди же! Приди! Приди!! ПРИДИ!!!

И он пришел. С оглушительным грохотом дверь в коридор слетела с петель в облаке крошащегося дерева. Максим

дикое заорал от страха, Поляков усилием воли подавил желание отрубиться, а каннибал, схватив ножи, стал стремительно разворачиваться в сторону нового гостя. Якутин дико и истерически хохотал.

В проеме материализовалась массивная темная фигура. Стояла, ждала, явившись на зов.

– Ну давай!!! – заорал каннибал, срывая голос, – иди сюда, мясо!!!

Под остолбеневшими взглядами фигура нетвердо шагнула вперед, и прилетевший из коридора сквозняк донес до медиумов запах дорогого парфюма. Гость сделал еще шаг, дергаясь как паралитик, вытянул вперед обмотанные бинтами руки и заурчал.

Несмотря на ситуацию Поляков чуть было не присоединился к Якутину в его нервном хохоте, когда понял, кто именно отозвался на зов новоявленных вызывателей духов.

Арсеникум, оказавшийся достаточно разумным, чтобы сунуть взятку владельцу лестницы, картинно попытался ухватить каннибала за горло и получил ножом в живот, что ни в коей мере не отразилось на безмятежном лице мумии.

– МЯСО!!! – орал, душимый сухими пахучими руками, каннибал раз за разом втыкая ножики в противника, – МЯСО, МЯСО, МЯСО!!!

Нервно хихикая, Поляков открывал наручники Якутина, тот дергался, стремясь как можно скорее сняться с места своей долговременной стоянки. Максим голосил, умоляя обоих

как можно быстрее бежать.

Каннибал закашлялся и ударил мумию в горло, оставив аккуратный разрез на бинтах.

Глаза его выпучивались, лицо багровело. Арсеникум приблизил к нему тлеющие зеленым головешки глаз и невнятно и агрессивно прошипел «негоциант...» и усилил нажим.

Замки поддались и, волоча на себе Андрея, Поляков с Максимом ринулись мимо дерущихся к двери, туда в безопасную тьму, в которой не скрывалось никаких привидений.

Уже выбегая за порог, Поляков обернулся и увидел, как изловчившийся каннибал размахнулся и всадил свой мясницкий нож по рукоятку в голову Арсеникума. Брызнула дурнопахнущая жижа, Арсеникум взвыл, мотая головой и вцепился крошащимися зубами в лицо противника. Каннибал тонко и пронзительно завизжал, как визжит на бойне свинья, тупенькие глазки которой уже видят всех до единого сгинувших ее свиных родственников.

Визг этот длился и длился – тоненький и переливчатый, как звонок мобильного телефона умершего нехорошей смертью приятеля Андрея Якутина, пока тяжелая внешняя дверь квартиры с железным грохотом не захлопнулась, отрезав всякие звуки внутри обреченной квартиры.

А трое уцелевших бежали вниз со всех ног, стремясь как можно скорее отдалиться от места схватки. Остановились лишь на четвертом этаже, где лестничный пролет вдруг сильно сдавал в размерах, стремительно уменьшаясь по мере

продвижения вперед, пока не приобретал нулевую ширину. При этом туннель казался трехмерным воплощением перспективы и создавался эффект, что лестница, скручиваясь в спираль, удаляется в бесконечность, от которой тут же начала кружиться голова.

Задыхаясь, остановились. Обессиленный Якутин привалился к стене. Изможденное его лицо, меж тем, выражало тихое счастье и тихая улыбка нет-нет, да и появлялась на нем.

Простор уходящей в перспективу спирали кружил сбежавшему узнику голову.

Поляков некоторое время оглядывался назад, но там было тихо и покойно – судя по всему, схватка оказалась фатальной для обоих противников.

– Спасибо... спасибо вам за то, что отомкнули наручники... за все спасибо, – наконец произнес Якутин, – я думал, так и сгнию с выродком этим. Верите, когда вся эта катавасия с домом началась, подумал что наконец-то с ума сошел и так легко мне стало.

Меня ж этот ублюдок три месяца взаперти держал, на хлебе и воде, на моих глазах напарника убил и съел, и Пашку, и родителей его... всех... Через луну прыгать заставил. А уж, в полете, так вообще...

– Да что мы, – сказал Поляков, – ты сам молодец! Так грамотно вокруг пальца его обвел с наручниками. Напугал его, истории эти про призраков... я и сам напугался, если честно.

– А откуда вы столько про призраков знаете? – спросил Максим.

Якутин поднял голову, наморщил лоб:

– Про призраков? Но я ничего не знаю про призраков – никогда не интересовался этой темой. Она мне всегда казалась какой-то... чересчур нереалистичной что ли!

– Но постой ты же целую лекцию нам прочитал, – удивился почтальон, – а потом еще и вызвал!

– Я прочитал... – удивленно спросил Андрей, недоуменно переводя взгляд с Крохина на Полякова, – я вызвал?

Максим и почтальон переглянулись, и Константин Поляков тихо, одними губами, словно про себя, произнес нечто похожее на «дом...», но что именно, никто так и не узнал.

Отдохнув еще с четверть часа, они поднялись и пошли на пятый этаж, где ждала скромная, обшитая дешевеньким дерматином дверь, ведущая в подъезд номер два. Они надеялись добраться туда живыми.

* * *

Выполненные в виде кусающей себя за хвост позолоченной змеи стрелки атомных часов вечности, на двенадцати алмазных камнях, в очередной раз повернулись вокруг своей оси, когда на темном захламленном чердаке подъезда номер три встретились две тройки людей.

Появившись из разных входов, они остановились, насто-

роженно глядя на соседей. Обе тройки выглядели неважно – усталые, с синяками и кровоподтеками, с мрачными огнем в глазах и в изодранной одежде. Они стояли и смотрели друг на друга, всматривались в лица этих малознакомых и вовсе незнакомых людей – лица тех, кого в обычной, ныне сгнувшей жизни, они почти и не замечали. Но сейчас, в этот момент, здесь на крошечном островке спокойствия, посреди бушующего хаоса, они вдруг ощутили между собой некое родство, некий связующий элемент, из-за которого эти усталые пришельцы начинали казаться чуть ли не братьями. Миг, и напряжение спало, и на лицах появились улыбки, люди шагнули и скрепили ладони в рукопожатиях.

– ...ведь это же вы выписывает журнал «собаководство»?

– ...я, а вы приносите почту? Много раз видел вас...

– ...а ты тот самый парень, что все время тащит в квартиру всякие коробки со сложной аппаратурой...

– ...да ничего сложного, а ты друг Пашки, ну, того, что в соседнем подъезде живет?

– ...жил, к сожалению... ну да ничего, мы то живы, приятно познакомиться!

– ...а ты малец, все еще играешь в «катастрофу»?

– ...теперь я в ней живу, у нас ваша собака в прошлый раз утащила клад...

– ...а вас я где-то видел... только не помню где. Это не ваш «лексус» время у подъезда так неудобно паркуется, нет?

– ...нет, но ты много раз переступал через меня, парень...

но, впрочем, это в прошлом!

– ...ой, какая замечательная, а можно погладить? Как ее зовут?

– ... Чука, в честь погибшего... На подержи... Максим, так тебя звать? Не бойся. Она ласковая, как котенок.

– ...Как смешно сопит! Нос морщится... розовый!

– Ну что, вы сделали это? Дошли до почтового ящика? – спросил Константин Поляков.

Красноцветов покачал головой:

– Нет, ящик мы не нашли, но мы отыскали лучше – мы узнали, что третий подъезд не замкнут. Лестница идет до самого низа, во входной тамбур, и из него есть выход.

– Что? – раздались голоса, – там нет провала? Нет скрученного в ленту пространства? И лестница не свивается в перспективу? Не может быть!

– Я говорил, что выход должен быть, – сказал Поляков, – но вы пробовали пройти туда?

Троица синхронно вздохнула – Ткачев покачал головой, Валера рассеянно поглаживал Чуку, а Красноцветов сказал:

– Нас не пустили.

– Кто это был?

– Не кто, а что – дверь. Обычная такая стальная дверь, массивная...

– Панели из розового дерева, ручки – фулл-браш алюминиевый, замки фирмы «крейг», лист углеродистой стали толщиной десять миллиметров, двойное армирование, около двух

с половиной тысяч долларов, – вставил Валера.

– ...да, мы попытались войти и не смогли. Дверь заперта.

– То есть, заперта, – спросил Поляков, – все двери в доме открыты, мы уже не раз убеждались.

– Она закрыта. Больше того, вместо скважин для ключей на ней стоят некие электронные устройства... такие, вроде...

– Там цифровые замки, плюс система распознавания отпечатков пальцев – ступенчатое сканирование, сличение по двадцати пяти позициям – не обманешь даже если захочешь, к тому же полная блокировка после трех неудачных попыток, – сказал Ткачев, – и выведение смертельного напряжения на дверь, в случае взлома. Знакомая практика!

– От себя могу лишь добавить, что на двери висит табличка: «осторожно злая собака»... это все, безусловно, отбивает желание попробовать войти.

– Но, два раза-то вы могли попытаться? – сказал почтальон, – здесь все может быть – ну как она сработала.

– Не сработала бы, – произнес Алексей Сергеевич, – мы могли сколько угодно дактилоскопировать свои конечности – это не поможет, могли бы даже сейчас пойти проделать это все вместе. Но это бесполезно – дело в том, что устройств – семь!

Воцарилось молчание. Ночь за тусклым окошком так и не закончилась – желтая луна светила из-под далеких облаков. На чердаке пахло пылью, крысиным пометом и порушенными надеждами.

– Выходит не всех я собрал, – негромко произнес Поляков.

– Выходит не всех, – Красноцветов кивнул, – но это еще не все. Консьержка все еще там.

Якутин хмыкнул:

– Я совсем не удивлен. Она была такая въедливая, что я никогда не сомневался – бабка пережила и этот катаклизм.

– В том-то и дело что не пережила. Во всяком случае, не в том виде, как обычно, но вам, наверное, знаком тот, кто теперь охраняет вход вместо нее. Там сидит клоун.

– Что, опять клоун? – удивился Поляков, – везде этот клоун, да кто он такой в конце то, концов?

– Я думаю, настало время немного прояснить ситуацию, – представительно произнес Алексей Сергеевич Красноцветов, – Константин, у тебя вроде в нашу прошлую встречу были какие-то гипотезы?

– Были, – сказал Поляков, – и со временем подтвердились. Вам троим я уже говорил, а вот вы, Максим и Андрей, еще этого не слышали.

– Ну же, – сказал Якутин, – как ты это все объяснишь? Весь этот бедлам?

– Объяснить его невозможно, – произнес почтальон, – но его можно принять и поверить в него. Для начала усвойте, что все вокруг, каким бы безумным оно не казалось, имеет свою систему. Она упорядочена, пусть это и не видно с первого взгляда. Есть несколько нитей, что объединяют весь

этот хаос.

Первая – это дом. Мы не можем покинуть его пределы. Его внутренности пожирают сами себя – у нас тут полный набор пятимерных пространств, вкупе с временными парадоксами.

Но! При некотором умении мы можем перемещаться в нем – и сегодняшним присутствием всех шестерых на этом чердаке успешно подтверждаем это. Перемещаемся мы с помощью второй связующей нити.

Вторая нить – это наше прошлое. Наши поступки, начиная с зимы и кончая тем днем, когда мы все заснули, а также наши мечты, наши страхи и надежды. Пример – вот он я – я был почтальоном и мне досталась нехорошая история с письмом, а за этим последовала эпопея с курьером и сейчас, стремясь пройти в соседний подъезд, я вновь вынужден что-то нести, что-то доставлять. Задумайтесь! У вас всех что-то было, которое как в зеркале отразил этот свихнувшийся дом!

Собравшиеся кивали. Да, они ведь и сами замечали все это, да только безумие и постоянный риск не давал им собрать доводы воедино.

– У тебя ведь была электроника, так? – спросил Красноцветов у Ткачева, – ты ведь был связан с компьютером... как это сейчас называют – хакер?

– Просто пользователь, – усмехнулся Александр, – но да, до того как все началось, я больше жил там, нежели здесь. А эти собаки? У вас есть собака, Альма, неужели все из-за нее?

– Скорее из-за меня, как видишь, чрезмерные увлечения иногда плохо кончаются.

– А меня Сеня Гребешков доставал! – сказал Максим, поворачиваясь к Полякову, – потом он постарел, умер и пролежал в гробнице семьдесят лет, но все равно так и не отстал!

Только это было уже во сне.

– Вот! – произнес Константин, – Сны – это нить номер три, напрямую связанная со второй. Они проистекают из того, что случилось с нами зимой, но гротескно искажают происходящее. Старые враги, старые страсти уже с нами, но теперь у них другие лица!

Старые долги не оставляют нас в покое. Не знаю, думаю, если сравнить наши сновидения, еще что ни будь всплывет. Однако уже сейчас можно сказать – они не закончились, а плавно перетекли в нечто новое. Теперь открывая свою дверь здесь, в доме мы попадаем в странное смещение снов и яви – винегрет, от которого становится дурно. Но именно в этом наша сила – помня свои сновидения, помня правила, мы можем если не подчинять, то, по крайней мере, лавировать и оставаться живыми в этом жутком коктейле.

– Я помню... – отрешенно сказал Валера, – но ведь я тоже не остался другим! Я изменился, после того, как пришли сны.

– Нить номер четыре – это мы сами, – сказал Поляков, обводя взглядом остальных, – мы – соседи. Не знаю почему, но нити судьбы каждого из нас собрались здесь. Не подлежит

сомнению также, что хотя каждый обладает своим собственным сновидением, он может влиять на сорвавшиеся с цепи сновидения других, это тоже доказано опытным путем – яркой иллюстрацией будет дверь, преградившая путь посланной на разведку тройке. Нет сомнений, что она представляет собой сборную солянку из разных квартир... или взять хотя бы наши с Максимом посиделки с людоедом.

Алексей Сергеевич, Ткачев и Валера глянули друг на друга и кивнули, соглашаясь с Поляковым – по пути вниз они уже насмотрелись на откровенно тошнотворные сочетания.

– Нить номер пять, – сказал Константин, – сквозные персонажи – несколько личностей, как реальных, так и взятых из снов, которые следуют за нами за квартиры в квартиру, держа след, словно гончие. Они страшно меняются внешне, пройдя сквозь горнило катаклизма, но внутренне остаются неизменными, а именно – нашими врагами. И тут нить номер пять сплетается с нитью номер один, два и три – как и мы, они не привязаны к определенной квартире, как и у нас, у них есть прошлое – но, скажите, что стало с настоящим Сеней Гребешковым? И, наконец, они тоже прошли сквозь сны и вышли с другой стороны. Они как мы, за тем исключением, что они не настоящие. К счастью, они подчиняются тем же законам, установленным домом, и вынуждены играть по правилам, а значит, их тоже можно победить. Это доказали мы с Максимом и Андреем – столкнули людоеда и Арсеникума – бывшего Арсентия Гребешкова – и, похоже, они

нам уже не угрожают... И есть еще нить номер...

– Нити... – проворчал, вдруг, Якутин, делая шаг вперед, глаза у него блестели, – нити, нити... Так много нитей, и они сплетаются друг с другом! Это не нити, Поляков, это клубок! Узел! Сеть! Мы все опутаны этими нитями, мы идем по ним, не в силах свернуть.

Мы как... марионетки! Дешевые куклы в дешевом представлении – кто-то наверху дергает нас за ниточки, подсовывает нам наши собственные страхи и надежды и смотрит на нашу реакцию! Нас ведут уже долгое время! А кто же зритель, Костя? Скажи, мне?

– Да, ты прав, это клубок... – негромко сказал Поляков, – и эти нити – за них действительно кто-то дергает, и есть зритель, который смеется, азартно сопли и пускает слюни в самый острый момент.

– Да вы поглядите на это все! – крикнул Якутин, оборачиваясь к соседям, – Это же дешевый балаган! А мы тут звезды, на нас смотрят, мы увлеченно играем, да вот только гонорар все равно достанется тому, кто дергает за ниточки! Балаган! Представление!

Вот, у нас даже клоун свой есть!

– Кстати клоун, – вставил Поляков, – вот это загадка! Это нить номер шесть. Почему я выделил его в отдельную нитку? Его не было раньше. Его не было в снах. Он появился только теперь, когда мы прошли сны и пытались выжить среди рушащихся всех до единого устоев.

– Кто же он тогда? – спросил Красноцветов, – что ему нужно?

– Он не из снов, это точно, – мне кажется, он со стороны. Он один тут, из всего этого сонма, не соприкасается ни с одной нитью.

– Ты думаешь, он связан с кукловодом? – спросил Ткачев.

– Может быть, но нет сомнений, что клоун мешает нам, – кивнул Поляков, – все его действия были направлены на то, чтобы не дать нам собраться вместе. То, что у него это не удалось – слепое везение. И, внимание! Вот эта ниточка представляется мне наиболее важной. Клоун – зацепка! Он не из нашего представления – откуда-то еще! Он – извне! – Поляков сделал паузу, потом снова обвел взглядом своих слушателей, – вы понимаете?

Извне! И, поэтому, я бы настоятельно рекомендовал отыскать его, и заставить сказать нам правду.

– Ха! – сказал Валера, – ну ты сказанул, однако! Это ж, получается, наш самый упорный враг, а мы к нему на рожон полезем?

– А я бы полез! – сказал Ткачев, хмуро, – я то, что он мне в кресле устроил, никогда не забуду. Найти бы его, да поквитаться!

– Он и меня в «Долину фараонов» завлек! – выкрикнул Максим, – я тоже припомню.

– А я из-за него чуть не проиграл эстафету, – сказал Поляков, – да поймите же – он наша единственная надежная нить

– за него цепляться надо, иначе все – утонем, накроет нас шиза эта! И представление дойдет до конца по сценарию... и вряд ли он будет хорошим, этот конец. Счастливым... Алексей Сергеевич, вы как?

– Если мне это позволит больше никогда не слышать собачьего лая, я, пожалуй, готов рискнуть... Вот только как вы собираетесь его ловить? И где?

– Он приходит не в каждую квартиру. Неплохо бы отыскать надежный вариант, и появиться там, не привлекая особого внимания. Знать бы, где нам не сразу дадут главную роль. Где мы сможем затеряться! – произнес Константин, – думайте! Чья из квартир подходит больше?

– А ведь я, пожалуй, знаю, – с некоторым удивлением сказал Валера и, пошарив в нагрудном кармане своего дорого пиджака, извлек огненно красный платок с монограммой и смятый лист бумаги бежевого цвета.

– Что это? – спросил Красноцветов, – неужели...

– Да, это из моего почтового ящика.

– Гадость... – сказал Ткачев, – что, опять рекламная брошюра?

Валерий покачал головой и передал лист почтальону, который подошел поближе к окну чтобы разглядеть текст. Остальные сгрудились вокруг, любопытствуя.

Это был лист дорогой веленовой бумаги с изумительной красоты золоченым тиснением – в верхней части страницы, под отпечатанными пухлыми ангелочками в викторианском

стиле, каллиграфически было выведено: «господину В.В.Золотникофф`у», а ниже следовал столь же выверенный текст:

"Сударь мой милый Валерий Валерьянович! Имею честь пригласить Вас на карнавал по случаю окончания сего года, что, милостью патриция нашего, послезавтра устроивается. Ждем вас с нетерпением в нашем скромном обществе, и поелику надеемся этим обществом скрасить ваши досуг, в десять вечера, в подъезде номер три, в квартире 77. И не забудьте маску!

Всегда ваша, баронесса Маньянна фон Бософф".

От листка слабо пахло цветочными духами, которые пробуждали у большинства присутствующих сладкие воспоминания об элитных альпийских курортах, а у Максима и Полякова о склепах и мумиях. Низ приглашения венчали две картинки: изящная шарманка конца девятнадцатого века слева и уродливое изображение криво улыбающегося клоуна справа, которое страшно диссонировало с общей стилистикой письма.

– Ну да, конечно! Где еще искать клоуна, как не карнавалу! – произнес Ткачев.

– Кажется, вопрос решен, – провозгласил Валерий Золотников, с великолепной небрежностью пряча платок обратно в карман, – я надеюсь, у всех есть маски, господа?

Карнавальная ночь.

Последнюю ночь уходящего года в провинции традиционно отмечали шумным карнавалом. Вот и в этот раз, стоило теплему ночному ветру зашевелить верхушки зонтичных сосен и запахнуть далеким морем, как сиятельный патриций в своей резиденции подписал указ, о проведении очередного праздника.

Весть, как всегда распространилась быстро. Стоило только солнышку приподняться, а народ уже вовсю судачил и строил планы на сегодняшней вечер. И прилетевшая по беспроводному телеграфу в восемь тридцать официальное сообщение о дате проведения праздника, уже никого не могла удивить. Радостное возбуждение, окатило провинцию – незаметное, не вместе с тем всеобхватывающее, и чувствовалось они в повышенном количестве улыбок на лицах, в том, как чаще стали здороваться всегдашние соседи, в цветной мишуре, что негаданно – нежданно объявилась в только, что открывшихся лавочках молочника и булочника. А последний вовсе не показывался за прилавком, поручив все подмастерьям, а сам удалился в недра лавки, откуда тут потек восхитительный аромат, заслышав который, постоянные покупатели улыбались и мечтательно прикрывали глаза.

– ...вы чувствуете? Он снова готовит свой карнавальная приток. Как считаете, превзойдет рекорд?

– В прошлый раз хватило на сорок человек... ну да нет предела совершенству... Кстати, кем вы будете сегодня?

– Секрет, как всегда. Но, обещаю, никто не разочаруется... да, спасибо, и передай хозяину, что мы надеемся на него!

Сонный и спокойный внешне, внутри город бурно жил. Множились негромкие разговоры, из конца в конец передавались сплетни, пожелания и поздравления. За закрытыми ставнями женские руки трудились над приглашениями, над снедью, украшениями и масками. Внутри дома почти не украшались – все знали, главное действие будет на улице. Скрипели перья в руках хозяев – чернильные, с платиновым пером, шариковые, из дешевой пластмассы, капиллярные, в хрустальном корпусе, а потом все эти послания – с пожеланиями счастья, здоровья, или скажем выражением надежд на скорейшую встречу, написанные на разлинованной бумаге в клетку, или пластиковом листе, или скажем на оберточной бумаге – как разноцветные бабочки слетались в почтовые ящики.

В девять тридцать, в провинции появился Кассиммо – почтальон, сумка которого уже через две улицы оттягивала плечи. Но он улыбался и не забывал здороваться с прохожими, которые иногда норовили вручить послание ему лично. В этот день, накануне карнавала он всегда чувствовал себя как никогда нужным, и подумал вдруг, что на карнавал он нарядиться почтальоном – вот смеху то будет, когда его ни-

кто не узнает!

В десять часов произошло событие давшее пищу для новой волны сплетен. Запыхавшийся курьер, примчавшийся на цветастом скутере, принес весть о том, что в соседней провинции тоже будет пирог! И на этот раз они полны желания побить все рекорды!

Провинция возмутилась! Нет, вы слышали, что собираются сделать эти выскочки! Побить рекорд! Да никогда в жизни!

Подобное соревнование происходило почти каждый год, но с каждым новым разом страсти меньше не становились. Сразу же из двух десятков семейств была отряжена оперативная команда хозяек, которые, засучив рукава, властно присоединились в булочнику в его трудах, а вокруг собралось еще два десятка зевак, которые выкриками поддерживали готовящих.

В одиннадцать, у входа в город собралась небольшая толпа, состоящая, в основном, из детей и подростков. Они всматривались в даль, смеялись и махали проходящим обывателям.

Вскоре появился объект их ожидания – под приветственные крики в город на трех выкрашенных в оранжевый цвет грузовиках въезжала команда декораторов, которым предстояло украсить провинцию к предстоящему торжеству. Приветствовали их так шумно и радостно, словно они были первыми колоннами карнавального шествия. Дети вос-

торженно кричали, завидев яркие материи и цветы в кузовах грузовиков, а самые смелые, бежали позади машин, и норовили оторвать яркий лоскут, чтобы потом целый день хвастаться перед сверстниками, а вечером нацепить на костюм, в знак собственной доблести.

Дальнейшие события происходили стремительно – шипя и шурша щетками по улицам, сопровождаемы ребятей, проехали уборочные машины, отдраивая брусчатку до зеркального блеска так, что в ней стало отражаться яркое синее небо. Жаворонки уже давно жили полной социальной жизнью, а совы просыпались от шума машин, провожали их взглядами и на их сонных физиономиях появлялись слабые улыбки. Ну да, как же я мог забыть – ведь сегодня же карнавал!

Грузовики разъехались в разные стороны, и вот уже через улицы тянутся цветастые растяжки, трепещут яркие разноцветные флаги, а бумажные гирлянды повисли между столбами как радужные лианы. В двух или трех местах оглушительно грохнули фейерверки, перепугав случайных прохожих и вознеся в голубые небеса блеклые пока огненные цветы.

Остро пахнувший белесый дым поплыл над городом, как крошечные облачка цеплялся за гирлянды и туманом оседал в фруктовых садах.

Провинция менялась на глазах. Раз – и в каждом внутреннем дворике появилось по баллону с гелием, где продавались все желающим причудливых форм шарики – всех размеров и

видов. Желаящих нашлось так много, что за баллонами выстроились целые очереди, состоящие в основном из нетерпеливых детей, и их снисходительно улыбающихся родителей.

И вот уже первые шарики вырвались из неумелой ручонки маленького владельца и понеслись все выше и выше, под обиженный рев растеряш. Прохожие задирали головы и смотрели, как шары яркими точками летят сквозь синее жаркое небо, стремясь форсировать облака и долететь до набирающего жар солнца.

Два – и в теньке появились лотки со сладостями – пока в основном расписанные рекламой крошечные рефрижераторы с мороженым, но ближе к вечеру, когда поутихнет жара, подтянулся сласти и кремовые пирожные на тонкой папирсной бумаге в форме солнышка, которыми так удобно швыряться в соседа во время праздничного разгула!

Три – и вот на каждом углу, под черепичными козырьками возникают красиво украшенные резьбой шарманки, которые наигрывают «Ламбаду», «Ла Луну» и фламенковый отрывок из «Иннуэндо», создавая праздничную атмосферу. Вокруг них мигом собираются слушатели, в основном молодые парочки. Некоторые начинают танцевать, пока полуденная жара не загоняет их в тень.

В два часа пополудни провинция немного затихает. Жара набирает силу, термометр ползет вверх, и горожане стремятся укрыться в прохладе собственных домов. С щелчками включаются кондиционеры, схлопываются зеленые ставни.

Улицы пустеют и лишь у городского фонтана и двух старинных бронзовых водоколонок наблюдается оживление. Вода в фонтане ледяная – питается с ледника, она прозрачна как слеза, но лишь самые отчаянные головы рискуют искупаться в ней. Обычно это запрещено, но сегодня полиция смотрит на шалости сквозь пальцы – они ведь тоже любят карнавал, и этим вечером, одетые в костюмы героев и сказочных существ стражи порядка вольются в гуляющую толпу.

Час спустя на улицах еще никого нет, а вот в домах наблюдается оживление. Костюмы впервые достаются из коробок для генеральной примерки. Кто-то спешит поставить последний штрих, подогнать по фигуре – иголки так и мелькают в ловких руках – работают. А кто-то уже вовсю празднует: из-под неплотно сомкнутых ставень доносится бодрая танцевальная музыка из мощной аудиосистемы и мелькают дискотечные вспышки – народ вовсю разогревается, и из дома выйдет уже к самому карнавалу. В двух же кварталах ниже, в тени крытого оранжевой черепицей навеса негромко наигрывает гитара – слышится прихотливый, чувственный перебор струн, и хотя слушателей не видно – в доме напротив открыты все ставни, и отворены окна, впуская музыку в полутемные прохлады комнат, да замер над навесом одинокий женский силуэт.

В пять, когда жара спадает, местные профсоюзы устраивают свое собственное шествие. На улицы выходят лавочники, лоточники, мелкие мастеровые, работники бытовых служб,

представители десятка социальной организаций. Люди несут плакаты и транспаранты, все они одеты в свою форменную одежду. Им машут из окон и даже кидают цветы, но особого интереса нет – кому сейчас интересна политика? К идущим присоединяются только всегдашние зеваки да кучка анархистки настроенной неформальной молодежи, которые выкрикивают противоречащие сами себе лозунги и довольно смеются над произведенным эффектом.

Пройдя через весь город и дойдя до площади у фонтана, колонна разбредается по домам – все формальности выполнены, а мастеровые тоже хотят участвовать в карнавале.

Вечереет, налетает слабый ветерок, пахнувший хвоей и очень слабо – солью. Воздух свежеет – окна и двери открываются, и на порогах появляются почтенные отцы семейств с молотками и коробкой гвоздей в руках. С помощью (в основном моральной) многочисленного семейства они украшают крыльцо гирляндами из цветных лампочек. Гирлянд много – ночью, все должно блестеть, сиять и звучать! Домов много, и эффект от множества ламп будет чудесным! Старожилы смотрят на небо и довольно вздыхают – ночь будет что надо – теплая, но не душная, небо чистое, звездное. Самое то!

Около половины седьмого в город на всех парах влетают два роскошных белоснежных «Бентли» и сразу за ними огненно-красная «Феррари ф-360». Шурша шинами, лимузины следуют по главной улице, а затем сворачивают на дорожку к стоящей чуть в стороне шикарной вилле из розового ра-

кушечника. Видно, как машины притормаживают у увитого цветущим вьюнком крыльца. Аристократическое сословие пожаловало на праздник.

Весточки все еще рассылались. К семи часам пирог начал поспевать, и наработавшиеся хозяйки по одной выходили на свежий воздух, вытирая пот с покрасневшихся лиц.

Прохожие подбадривали их, спрашивали – готов ли пирог, на что они лишь устало отмахивались – мол, сами увидите, да только этим, из соседней, ни в жисть нас не обогнать.

Народу становилось все больше. Кое-где раздавались песни и выкрики, но основная часть горожан сосредоточилась по домам. Оранжевые грузовики уехали, и, напоследок, рабочие подключили гигантскую гирлянду пересекающую центральную улицу, чем вызвали восторженные рукоплескания свидетелей экспериментов.

Часы на низкой городской ратуше пробили восемь и растратившее задор солнце скрылось за сглаженными вершинами невысоких лесистых гор и на долину, в которой лежала провинция, пал фиолетовый сумрак, в котором по одному стали зажигаться огоньки – синие, зеленые, желтые, красные и оранжевые – словно целые семейства светлячков облюбовывали сады, стайками рассаживаясь на невысоких южных кустарниках. Это одна за другой включались гирлянды, бросающая разноцветные, праздничные блики на сгущающиеся сумерки пастельных тонов. В садах пахло апельсиновым и персиковым цветом – резкий и терпкий аромат, мешающийся с

запахами дыма от готовящейся снеди.

Время было садиться за стол – и столешницы уже накрыты прямо в саду, под светящимися ночной радугой гирляндами. Праздновали умеренно – основное веселье начнется позже, когда в город войдут первые ряды карнавального шествия. То тут то там, вспыхивали яркими цветными искрами блески на ждущих своего часа костюмах, массивных браслетах, брильянтах и стеклянной бижутерии, черном жемчуге и его подделке с номером на боку, на кольцах, серьгах, поясах, застежках, запонках, брошках и шпильках для волос.

Где-то в садах играла музыка – маленькие островки мелодии. В сгущающемся сумраке.

Улицы вымерли, теперь уже до самого начала карнавала, пустые, но вместе с тем странно напряженные, ждущие.

В десятом часу вошла луна – обычная для провинции – круглая, крупная, желтая как сыр, и ее призрачный свет, павший на расцветенные огнями окрестности, подал сигнал для начала карнавала. Оглушительно взвыли пропущенные через многоваттные динамики медные трубы – и этот ликующий, победный звук проник в самые отдаленные уголки города.

– ...трубы, вы слышите? Карнавал... карнавал начинается!

– ...Быстрее, одевайте маски и бежим!

– ...главное занять места у дороги, оттуда лучше видно...

– ...Папа, ты посадишь меня на плечи, а то мне не видно?

– ...Да поторопитесь вы! Соседи вон уже пошли...

– ...черт, каблук!

– ...Брось, брось его! Осторожно, плащ!

– ...Снова гудят! Это второй сигнал. Да что ж вы копае-
тесь!

– ...Музыку включили! Сейчас пойдут! Ох, напляшем-
ся...

– ...Возьмите бутылку...

– ...Как насчет пирога? Говорят, его на всех хватит...

– ...Я похож на лису?

– ...Нет, стой, это же моя маска...

– ...да быстрее же!

И все встают из-за столов – накрытых расшитыми скатер-
тями и вовсе без них, из-за деревянных лакированных с ин-
крустаций, из-за грубо сколоченных из неошкуренных до-
сок. Снедь бросают недоеденной, вино недопитым. Не до них
сейчас – главный праздник провинции начинается!

Центральная улица уже полна народом – все кричат, из
толпы взмывают низкие фейерверки и оглушительно раз-
рываются прямо над головами. Ароматный дым стелится
по улице, застревает в ветках деревьев, играет в салочки с
электрическими светлячками. Издалека нарастет сложный,
зажигательный ритм и толпа отзывается ликующим ревом.
Карнавал, карнавал начался!

Кого тут только нет – все в костюмах, начиная от баналь-
ных черных полумасок, кончая самыми экзотическими тво-

рениями. Здесь есть рыцари, морские разбойники, мульти-миллионеры, снежные люди, инопланетяне, звери и птицы, рыбы, короли, принцессы, ярлы, ханы и викинги. Есть гномы, гоблины, кобольды, биржевые брокеры, банши, привидения, доктора, полицейские, пожарные, учителя, сантехники и судебные приставы, и никто не является тем, кем на самом деле. В толпе слышатся шуточные выкрики, пожимаются руки, люди обнимаются, братаются, флиртуют, влюбляются и назначают свидания. В некоторых местах образуются стихийные танцплощадки, и в кругу хлопающих в ладоши химерических существ мужчины и женщины танцуют сегидилью, звучно стуча каблуками.

Крики нарастают, когда на улицу, сопровождаемая шумной толпой выкатывается первая платформа, увитая розовыми цветами и яркими атласными лентами, что вьются на ветру и тащатся вслед за повозкой. Из колонок рвется ритм, воздух теплеет и уже трудно устоять на месте – толпа пританцовывает, хлопает в ладоши, в воздух вздымаются руки, все кричат, фейерверки окрашивают небо в розовый цвет. Вьются ленты, воздушные шары, а жители бросают под повозки цветы и блестящее конфетти.

На платформах лихо отплясывают сложный танец местные красавицы – все как одна смуглые, черноглазые и черно-волосые, с немислимыми боа из перьев, из-за которых танцовщицы донельзя похожи на редких экзотических птиц. Девушки белозубо улыбаются всем и каждому, им бросают цве-

ты и они ловят их, чтобы почти тут же снова кинуть в толпу обладателю понравившегося костюма.

Ритм нарастает, динамики работают во всю мощь, десятки рук, наяривают на десятках гитар и все сливается в единый, многоголосый гомон. Вспыхивают греческие огни, и женщины кружатся, держа в каждой руке по факелы – яростный, страстный танец, огненный ритмика, удары ладоней, удары каблуков, короткие выкрики... Вся толпа танцует как единый человек, танцует, забыв о том что было и о том, что будет, есть только эта ночь, ночь танца, ночь огня, карнавальная ночь в провинции!

Появляется вторая и третья повозка, с них в воздух взмывают уже настоящие мощные фейерверки, взрываются в вышине дивными огненными цветами. И нет уже сил остановиться и не хочется отдыхать и думать о завтрашнем дне, забываются беды и тревоги, смутные надежды есть у каждого – ведь это карнавал, на котором исполнятся самые сокровенные желания! Потайное и скрытое становится явным в этот день, и нет врагов, и нет надоевших знакомых, только скрытые масками чьи то лица, кружащиеся вокруг в дикой огненной пляске.

Буйно вакхическое действо – вот что такое карнавал в провинции.

Все больше людей присоединяются к повозкам, и танцующая толпа следует за ними, и на улице становится так тесно, что часть разгоряченных участников перетекает на дру-

гие улочки, толпа разветвляется, звучат барабаны, щелкают кастаньеты, и кажется, что сейчас вся провинция, нацепив красную атласную юбку, сошла с летним вечером в жгучем танце. Конфетти так много, что кажется, будто идет снег. Хлопают хлопушки, петарды, шипят греческие свечи в руках и под ногами, рвутся струны у гитар. И хочется танцевать, и держать чужие руки в своих. И луна, как самая большая в мире гирлянда!

Пестрое карнавальное шествие, проследовав через всю улицу останавливается там же где и профсоюзники – у фонтана, но на этот раз на площади яблоку некуда упасть. Везде горят огни, дым от фейерверков стелится вокруг, окрашиваясь на секунду в дивные цвета и уже не понять, где жители, где танцовщики. Девушки спрыгивают с платформ и их тут же кружит и уносит смеющаяся толпа.

Здесь, на площади, для развлечения участников карнавала устроены всячески игрища на любой вкус, здесь торгуют сладостями, шутихами, ледяной водой из фонтана, масками, сувенирами, делают мгновенные фото и моментально регистрируют браки. Здесь бочки с вином пятилетней выдержки, что хранились в темных погребах, приготовленные специально к этому дню, и на каждой бочке заранее стояла дата проведения именно этого карнавала.

Здесь могут погадать по руке, картам Таро, кофейной гуще или зеркалам, могут вызвать дух вашего прапрадедушки и сделать так, чтобы вы поверили в это. Здесь есть чре-

вовещатели, факиры, фокусники и шарлатаны всех мастей. Пожиратели огня, ходящие по углям, шпагоглотатели – все есть в пустившемся в пляс карнавале. Ночь, когда сбрасывают оковы и комплексы, меняются личинами, как перчатками и каждый может хоть немного побыть тем, кем мечтает.

Да и это и есть ночь, когда исполняются мечты – странная ночь бутафорской магии и карточных чудес, среди которых нет-нет, да и затешется чудо самое настоящее... И кто хоть единый раз вдохнул пропахший сладким дымом, виноградом и безоглядной свободой горячий воздух карнавала, тот не забудет его уже никогда.

Длится танец, с платформ всем желающим раздают листки для участия в выборах королевы сегодняшней ночи – кульминации действия, которая наступит после полуночи. Люди берут листки, но пока еще мало – сейчас хочется лишь забыть обо всем и отдаться ритмике.

Луна взбирается выше, мельчает в размерах и наливается светом как медная монетка.

Призрачный свет падает на ликующие толпы, и придают им странные, невесомые очертания, и вот уже кажутся настоящими все эти расшитые огненным шелком сказочные существа.

Город сбрасывает свой обыденный облик, и облачается в карнавальный костюм.

В двенадцать люди все еще танцуют – но толпа уже распалась на отдельные группы. Кто-то покинул площадь и от-

правился шататься по узким улочкам провинции, глядя на иллюминацию, млечный путь и темные громады гор вокруг. Тут и там, в стороне от предающихся пляске, образуются оазисы тишины, в которых зажигательная песня сменилась на протяжную и красивую, льющуюся точно поток, и несущиеся мимо в безумной джиге люди в карнавальных костюмах, вдруг останавливаются, заслушиваются тонкой мелодией, а потом, словно очнувшись, снова кидаются в буйный водоворот разряженных в яркие одежды тел, в круговерть танца, где даже воздух, кажется, закипает от взглядов.

У фонтана остаются лишь самые стойкие – остальные разбредаются кто куда, рассаживаются на скамейки, портики, на ступеньки лестниц, кто-то парочками спешит домой, трепетно держась за руки. Целые группы покидают площадь, и вот уже на улицы полны народа, вокруг светло как днем от иллюминации, полным полно празднующегося люда, и самый распоследний бродяга сегодня счастлив – карнавальная ночь такова для всех, и никого не гонят прочь. Слышен многоголосый говор, поздравления, смех, неясные выкрики.

Гуляющих все больше, но уходят они недалеко. Все до единого вернутся в два, когда будут выбирать королеву. Приз нешуточный, да и где еще увидишь сразу так много красивых девушек? А сразу после настанет церемония разрезания пирога – и тогда станет ясно, какая же из провинций оказалась впереди.

Винные бочки ополовиниваются и самые уставшие танцо-

ры засыпают прямо на скамейках, что бы завтра проснуться с больной головой и не оправдавшимися надеждами. Но это завтра, а в этот час ночь кажется бесконечной, а круговорот скрытых масками, смеющихся лиц никогда не закончится. И пусть кто-то уже устал, пусть ноги уже подкашиваются, но все равно народ поднимается и танцует-танцует-танцует до умопомрачения.

Вот в этот-то яростный и прекрасный ночной час среди шумного бала отнюдь не случайно встретились семеро...

* * *

Она снова была королевой и это было правильно. Все было правильно, ибо разве эти жалкие деревенские простушки могут составить конкуренцию ей – истинной диве? На Анне было прекрасное черное платье, длинное, струящееся, в ага-товых блестках, она сама, наверное, сейчас казалась сотканной из ночной тьмы. Толпа обожала ее, ей кричали и кидали синие и красные розы. Префект, подрагивающими руками, водрузил отделанную серебром корону ей на голову и Анна благосклонно кивнула. Ну что ж, она опять королева и теперь остается ждать только прекрасного принца.

Принцы не замедлили появиться – целых шестеро, но далеко не все из них выглядели должным образом. Пожалуй, только один из них соблагоизволил прилично одеться, остальные же были кто в чем, в каком-то диком рванье, а ви-

димые из-под одинаковых черных полумасок лица покрывали синяки и недавние царапины. Кроме того, двое из этой шестерки определенно были не молоды, а один и вовсе был не то карликом, не то ребенком. И они не танцевали. Анна оттопырила нижнюю губу, высказывая пришельцам свое «фи», но те только переглянулись и тот, что постарше, сказал: «она». Остальные закивали. Анне все это не нравилось – сейчас карнавал и люди должны танцевать, а не стоять с угрюмым видом и смотреть на нее.

Видимо, приняв какое-то решение, старший качнул головой и один из принцев, тот, что помоложе, вскочил на платформу, где стоял резной трон королевы. Вблизи претендент оказался так себе – синяки, нечесанные, спутанные волосы и покрасневшие глаза в прорезях маски.

– Пойдем, – сказал принц, и протянул руку.

Она нейтрально улыбнулась ему, так, чтобы улыбку можно было истолковать по-разному – вдруг отстанет? Но принц оказался настойчивым и повторил:

– Ну, пойдем же! Нас ждут!

– Ты принц, да? – спросила Анна, – Что-то ты хиловат для принца. И одет непонятно во что...

Претендент, казалось, смутился. Анна подумала, что он сейчас с позором спустится вниз в толпу, но, вместо этого, он сделал нечто неожиданное – схватил ее за руку, больно сдавив кожу. Это уже ни в какие рамки не лезло!

– Ты что?! – закричала Анна, – отпусти меня немедленно,

я же королева... Ты, что, хам!

– Ты не королева! – крикнул тот в ответ, – И это, – он обвел вокруг – не твое царство!

Этого нет всего!

– Как это нет, это же карнавал! Смотри, все танцуют...

Принц!

– Я не принц! – крикнул он, надсаживаясь и вытягивая ее из кресла, – И ты не королева, но в отличие от всех этих, – он кивнул на толпу, – ты настоящая! Как и мы!

Теплое спокойствие, воцарившееся в эту ночь, неожиданно, стало покидать Анну, и она с ужасом почувствовала, как оживают спрятанные ею же самой глубоко-глубоко тяжкие воспоминания. И сцены эти были столь ужасны, что она ощутила страх. Нет! Она не хочет возвращаться, не хочет в этот жуткий мир, где все поголовно сошли с ума, она королева, она может творить, что пожелает. И поэтому она не пойдет за этим жутким пришельцем по усеянной битым стеклом и ржавыми гвоздями дороге в реальность.

– Пойдем же... Аня! – закричал пришелец.

– Неет! – завизжала она, вырываясь, – я не Анна, не она, нет! Сегодня я Лань... нежная, трепетная...

Лжепринц вздрогнул и внимательно уставился на нее, но уже секунду спустя встряхнул головой и стащил отпирающуюся Анну с помоста на твердую землю. Там бывшая королева поняла, что сладкое забытие окончательно покинуло ее и жестокая реальность властно возвращает свои права, и за-

плакала. Почему они такие жестокие, эти люди? Зачем они так?

– Зря ты так, Сань, – сказал старший, – довел девушку.

– Да я не... – смущенно сказал тот, что стащил ее, – просто она слишком долго была в этом... почти полное погружение.

– А это не та, – спросил другой, в дорогом костюме, – у которой истерика была, так, что неотложку даже вызывали? И, говорят, потом в психушке сидела?

– Ну, это-то, кажется, было уже ПОСЛЕ того как все началось... – сказал старший и все глубокомысленно кивнули.

– Что вам надо! – крикнула Анна, – раз уже вы разрушили все, я имею право хотя бы знать?!

– Не здесь... – произнес старший принц и кивнул в темный проулок. Анне страшно не хотелось туда идти, но выбора у нее уже никакого не было.

В переулке было тихо, лишь двое одиноких гуляк шагали куда-то в сторону площади. На идущую плотной группой шестерку они даже не посмотрели. Остановившись под одиноким фонарем с украшенным чугунными завитками колпаком, все сняли маски. У Анны из глаз по-прежнему капали злые слезы.

– Ну не плачь, – сказал старший, – ты даже не представляешь, Аня, как тебе повезло. Ты ведь встретила единственных настоящих людей в этом доме... Тебе ведь знакомо мое лицо?

Да, они и вправду все ей были знакомы, эти странные при-

шельцы, и одно этого вызывало целый сонм неприятных воспоминаний.

– Алексей Сергеевич... Красноцветов? У вас же собака была... Альма?

– Вряд ли теперь когда ни будь заведу собаку, – улыбнулся тот.

– А ты Максим, да? Как школа... тьфу, да что я... Вы наш почтальон... Константин, извините, не помню фамилии...

– Поляков, – улыбнулся тот.

– Вас я не помню... хотя нет, это же ваш друг Павлик, на четвертом этаже жил, всегда такой прилизанный, правильный, неприятный... извините... извините, пожалуйста...

Андрей, да? А вы тот сетевик, ну которого не видит никто, но слухи ходят, что он...

– Да, – сказал тот, опустив глаза, – Александр... Ткачев.

– А вот как вас зовут... вы мне знакомы, это точно... у меня хорошая память на лица... постойте, извините... но мне кажется, вы наш местный бомж... Валера... еще раз извините.

– А ведь точно! – хлопнул вдруг в ладоши Ткачев, – Валера! Бомж! То-то я все голову ломал, где я его видел! Но ты ведь теперь...

– Теперь, Саня, у меня вилла в этих горах, – скромно сказал тот.

– Вот так, Анна, – произнес Красноцветов, – мы все когда-то жили в этом доме... ну, или хотя бы бывали там. Так

или иначе, дом изменился, а мы остались. Мы ведь, в сущности, единственный островок здравомыслия посреди всего этого хаоса. И нас всего семеро, больше никого нет.

– Откуда вы знаете? – спросила Анна, глаза ее высохли, и теперь она смотрела прямо.

– Мы много чего узнали о доме, – сказал почтальон, – узнали как можно выжить здесь.

Поверь мне, это возможно, и не наша вина, что тебя нашли так поздно. Ты хоть представляешь, где находишься?

Анна повернула голову, задумчиво посмотрела на бурлящую гуляками площадь, вздохнула, и сняла с головы корону – она точно повторяла ту, что была вручена ей в королевском замке, перед тем как Жаббервох учинил разгром, но вблизи стало видно, что обруч сделан из крашеного картона, с крупными стеклянными бриллиантами. Анна бросила корону наземь и смотрела, как та катится в сторону.

– Представляю, – сказала бывшая королева, – я сошла с ума и уже очень давно. Так обидно... – она истерически хихикнула, – жила была девочка Аня, а потом у нее съехала крыша... вот так бывает с неосторожными.

– Ну-ну, – улыбнулся Красноцветов, – никуда ты не сошла. Мы же не сошли, а я, например, это вообще в одиночку расхлебывал.

– А меня посадили на электрический стул, – сказал Ткачев, – самые ужасные часы в моей жизни, я буду помнить их всегда.

– А Павлика съел каннибал, – пожал плечами Андрея Якутин, – так что он теперь не прилизанный и вовсе никакой. Нет его. Так получилось, что каннибал держал меня взаперти два месяца. Я тоже думал, что сойду с ума, но не сошел.

– Мы многое пережили, – сказал Красноцветов, – просто, чтобы ты не думала, будто одна напереживалась. Но, как видишь, все в здравом уме и твердой памяти, насколько это вообще возможно в этой ситуации. И мы тут по делу...

– Да... – сказала Анна, – я понимаю... Просто очень хотелось поверить во все это, – кивок в сторону карнавала, – забыться, знаете... Тут так красиво и так беззаботно...

– Но это все фальшивое, – сказал Алексей Сергеевич, перебирая пальцами свою маску, – как твоя корона... Но к делу! Анна, это очень важно! Ты, видела здесь где ни будь клоуна?

– Клоуна? – удивилась Анна, – но... ах, да, клоун. Конечно, я его видела. Это же единственный клоун на карнавале! Вы заметили? И он редкостная скотина – пытался подтасовать результате выборов королевы в пользу моих соперниц! Хотела бы я знать, кто скрывается у него под гримом!

– Вот и мы хотим знать! – сказал горячо Ткачев, сжимая кулаки, – он ведь и тут умудрился подгадить! И мы узнаем, Алексей Сергеевич...

– Анна, где?

– У фонтана... его оттуда никак не отпустят – все время заставляют сниматься с ним, развлекать детишек, те прямо

виснут на нем.

– Пошли... – скомандовал Красноцветов, – маски оденьте... и присмотрите кто ни будь за нашей королевой.

– Я присмотрю, – быстро сказал Ткачев, и твердо сжал Анин локоть, – держись нас, – сказал сетевик, – это твоя единственная надежда, Аня. Больше нет.

Быстрым шагом, они миновали переулок и влились в ряды гуляющим. Приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не быть разделенными людским потоком.

– А ведь у нас получилось! – крикнул Поляков Валере, перекрывая гам, – нас не замечают. Выходит, мы зашли с черного хода. Все ведь как у тебя было, да?

– Да! – Валера, вновь облаченный в безукоризненный костюм от Дольче Габбано, пробрался поближе, чтобы его могли слышать, – Все как раньше, если бы не одно «но».

– И что же? – спросил Красноцветов.

– У меня в провинции никогда не было таких карнавалов! – прокричал Валерий Золотников, – это, наверное, из-за нее! – и он кивнул на Анну, та нахмурилась.

– Стоит поторопиться, кто знает сколько продержится такая ситуация... – произнес Алексей Сергеевич, – стойте, я его вижу!

Клоун и вправду был облеплен детьми – сразу пять или шесть окружили его, тыкали пальцами, смеялись. Мелькали вспышки фотоаппаратов, клоуна то и дело звали потанцевать, но он не реагировал.

– Пошли... – выдохнул Красноцветов, и шестерка, распределившись полукольцом, рассекая толпу, двинулась по направлению к намеченной жертве. Народ вокруг крутился в танце, цепкие руки хватали идущих, в поле зрения возникали искаженные в экзальтированной улыбке лица, люди звали за собой, оторваться, танцевать, это же карнавальная ночь, развевались яркие одежды, пахло горячим вином.

Клоун заметил. Непонятно как, но он увидел их! Оттолкнув удивленно разревевшихся детей, он кинулся прочь, побежал, то и дело натыкаясь на танцующих. Соседи рванулись за ним, Ткачев грубо отталкивал с пути пьяных гуляк.

– Держи! Держи его! – заорал Красноцветов, отставая. Он тяжело дышал.

Они обогнули фонтан – нелепый цветастый силуэт впереди, были уже у самого края площади, и канул бы сейчас в сплетения узких городских улочек, если бы группа разгоряченных карнавалом молодых женщин, безумно смеясь, не закутили его в танце, страстно прижимаясь всем телом. Отбиваясь от неожиданных партнерш, клоун потерял те драгоценные секунды, что требовались ему чтобы уйти, и вот уже Ткачев схватил его за левую руку, Валера сдавил плечо, Якутин выворачивал правую. Клоун заголосил, но ему тут же заткнули рот чьей-то маской и, наградив жестоким пинком, быстро проволокли прочь – в ту самую темную улочку, где он так надеялся скрыться. Здесь было совсем тихо – узкий, глухой проулок, и даже окна домов никто не решился вывести на

него. Пара кошек, мусорный бак, одинокий фонарь и звездное небо в узкой щели между нависающими крышами.

– Ну что?! Попался гад?! – заорал Ткачев, обеими руками резко толкая клоуна в грудь и припечатывая его к грубой кирпичной кладке, – Сволочь такая! Уйти думал? Поймали мы тебя, да? Ты думаешь, я не помню электрический стул?! Ты думаешь, я забыл?!

Клоун попятился, но идти было некуда – позади стена. Грим не позволял судить о цвете лица пойманного, но не было сомнений, что оно сейчас равняется с краской по оттенку.

– Тише, Саня, – сказал Красноцветов, – мы все помним про электрошок...

– А про каннибала, – тихо спросил Якутин, и клоун вздрогнул, – мы тоже все помним?

– Ведь это он заставил Волчка съесть Чука, – сказал Валера, делая шаг вперед, – скажешь, нет?

Алексей Сергеевич Красноцветов неожиданно ощутил, что ситуация вот-вот выйдет из под контроля – и эти люди, его соседи, сейчас набросятся на клоуна, повалят его на землю и начнут бить смертным боем, мстя за содеянное им, но еще больше просто вымещая всю накопившуюся свою ярость к невидимому жестокому кукловоду. Будут бить, и, может быть, убьют.

– Ну же! – рявкнул Красноцветов, – Говори! Говори быстрее, ты что не чувствуешь?!

Клоун прерывисто вздохнул, скребя скрюченными паль-

цами по стене и крикнул:

– Вы не понимаете!!! Я пытался предотвратить! Я помочь хотел!

– Электрический стул – странная помощь, да? – сказал Ткачев, – чем ты в следующий раз нам поможешь?

– Постой, Саш, – произнес Красноцветов, – Слушай внимательно враг наш размалеванный...

Нам, в сущности, один ответ от тебя нужен – Зачем? Зачем все это? – он вскинул руку и обвел и карнавальное буйство, площадь, дома, горы вокруг, звезды, который выстраивались в несуществующие созвездия.

– Да я разве ж, знаю... – плаксиво сказал клоун, – кто может сказать, отчего все это заварилось? Я лишь пытался это разгрести – один, заметьте, единственный!

– Как же так, откуда же ты тогда?

– Откуда? – закричал клоун, дергаясь, – Да откуда и вы! Связаны мы, связаны! Не понимаете, вы что ли? Скованы, одной цепью! Я все сделал, чтобы эти путы разорвать!

Выложилась весь, что бы не дать вам собраться вместе... а теперь вот...

– Ну-ка, по порядку, – вздохнул собачник, – Почему мы?

– Почему, почему... Я не знаю почему... Просто так случается, что иногда, довольно редко, судьбы людские сплетаются вместе, замыкаются друг на друге, и происходит... вот такое вот. Все становится, и чем дальше, тем сильнее. Это как эрозия. Все плывет, все меняется...

Вы... Вы ведь все стремились к чему-то? У вас у каждого были свои страсти, потаенные желания – настолько сильные, чтобы начать эту заварушку. Вы хотели стать героями? Ну поздравляю, вы ими стали! Вы и весь этот проклятый дом, да поразит его чума!

– Постой, – сказал Ткачев, – но дом... Там ведь жило столько народу.

– Там и сейчас живет столько народу!!! – выкрикнул клоун и стукнул кулаком по стене, – Я же говорю – вы не поняли! ВЫ – ВНУТРИ! Вы уже не там, где раньше... А в этом месте есть только вы, я и дом. И мы теперь будем идти по этим невидимым рельсам до победного конца!

– Что ж, я подозревал это, – сказал Поляков, со вздохом, – но ты хочешь сказать, что наши стремления стали причиной всей этой круговерти?

Клоун покачал головой. Он слегка успокоился. Семеро человек стояли вокруг него с несколько потерянным видом, а чуть в отдалении продолжался праздник, в котором несуществующие люди с несуществующими горестями и радостями кружились и кружились по брусчатке к которой не прикасалась рука камнетеса.

– Не только... кто знает, почему были избранны вы? Иногда жизнь играет с нами в странное представление и никогда не узнать, почему она выбрала для этой цели именно нас.

Если хотите услышать мое мнение, то я считаю, что вам ни в коем случае нельзя было объединяться. Вам надо было

остаться поодиночке и дать твари добраться до вас. А еще лучше, если бы вы тогда утопились, удавились, отравились, зарезались или покинули этот свет еще каким ни будь способом. Поверьте, это было бы лучше для всех.

Глаза Ткачева вновь блеснули гневом и клоун осекся.

– Но все еще можно исправить, – быстро сказал он, – я как раз и хотел с вами об этом поговорить. Все конечно не очень хорошо, и тварь проснулась, но у нас тут есть волшебство. Не дай бог, конечно, что, но ведь можно попробовать...

– Ну? – сказал Красноцветов.

– Вы же на карнавале! – воскликнул клоун, – А это место где исполняются желания. Ночь магии, ночь волшебства и кусок чудесного пирога не облагаемый налогами! У вас есть какие-то мечты? Пожелания? Может быть, вы хотите вернуться домой?

– Мы и так дома, – желчно сказал Красноцветов, – мы хотим, что бы все стало как раньше.

– Вы хотите, чтобы все стало как раньше! – с энтузиазмом выпалил клоун, вызвав новый прилив неприязни у соседей, – Так в чем же дело? Вон там, у фонтана, между кибиткой гадалки и тиром – Волшебный Почтовый Ящик Желаний! Напишите письмо с самой сокровенной мечтой, распишитесь, запечатайте в конверт и киньте в ящик! Адресуйте письмо деду Морозу, волшебной Фее, Снежной Королеве, Оле Лукойле, почтовым работникам, а лучше всего – самим себе. Напишите и я гарантирую – оно дойдет. Вы понимаете меня?

– То есть... – медленно сказал Поляков, – ты предлагаешь нам предупредить себя самих?

– Ты все верно понял, Костя, – качнул головой клоун, – не зря же ты столько лет работал почтальоном... Вы – те вы, которые еще не погрузились с головой в этот омут, получите письмо с предупреждением на свой адрес. И если хотя бы кто-то из вас поверит и последует предостережению – ничего этого не будет! – он махнул рукой в сторону карнавала, – этот отрезок времени будет уничтожен – ваша жизнь пойдет дальше, начиная с поздней осени прошлого года! Другая жизнь... нормальная жизнь, вместо нынешнего кошмара.

– Письмо... вернуться назад... – проговорил Красноцветов, – но, мне казалось, пути назад уже нет?

– Есть, есть! – сказал клоун, облегченно улыбаясь, – как напишете, так и сбудется. Ну что, вы удовлетворены?

Ткачев вскинул голову:

– Удовлетворены? Ну, нет! – он вновь толкнул клоуна, придавив его к стене, – Письма, ящики... А не сказки ли ты нам плетешь, а? Ты ведь нам гадил всю дорогу, ты нас убить пытался, а теперь, значит, предлагаешь выход? Что еще за тварь ты упоминал? Она будет нам мешать? Отвечай, ну! Кто ты такой?! Ну!!! – клоун молчал, – Ты, ничтожество, ублюдок вырядившийся в костюм! Что у тебя под гримом!!! СОТРИ ГРИМ!!!

– Саша... не надо. Оставь его, – внезапно сказал Анна, осторожно кладя руку на плечо Ткачеву, – ты разве не ви-

дишь? Он же не человек.

Клоун молчал. Его лицо утратило всякое выражение. Ткачев до боли взгляделся пойманному в глаза и вздрогнул. Сквозь спрятавшиеся среди белого жирного грима узкие прорезы глазниц на Александра Ткачева смотрела пустота. С произвольным отвращением сетевик оттолкнул клоуна от себя.

– Марионетка... – сказал он сдавленным голосом, в котором ненависть мешалась с презрением – Такая же марионетка... как и все!

– Эй вы! – раздался голос со стороны улицы, – Что вы с ним делаете?

– Не твое дело! – заорал в ответ Поляков, – Отваливай!

– А вот и наше! – вступил новый голос, пьяный и задиристый, – Быстро его отпустили!

Теперь уже повернули головы все соседи – начало перелука перекрыли с десятков гуляк, все в костюмах – тут было два дракона, рыцарь в картонных доспехах, безобразно пьяный сантехник, унылое синюшное привидение и девушка, безуспешно пытающаяся прикинуться осьминогом.

– Мы не позволим, чтобы на карнавале кого ни будь обижали! – с запалом выкрикнул рыцарь, – сегодня счастье для всех!

– Кретин, да ты хоть знаешь почему мы... – начал, было, Поляков, но тут клоун рванулся.

Он оттолкнул все еще оторопевшего Ткачева и кинул-

ся к гулякам, отметившим это победным воплем. Под бессильными взглядами семерки он миновал карнавальщиков и остановился. Позади него пестрым потоком неслись танцующие, оттуда смеялись и бросали в клоуна конфетти.

– Глупцы!!! – заорал клоун, перекрывая шум карнавала, – Вам все равно не остановить тварь!! Она уже поглотила все остальное и скорое доберется до вас!! Все срослось, сплелось в такой тугой комок, и тварь держит его в своих когтях!! – он сжал кулаки и воздел их к звездным небесам, потом повернулся и исчез в толпе.

– Ушел... – сказал Ткачев, – все, ушел. Ищи его теперь...

– Ушел и черт с ним! – резко произнес Красноцветов, – что мы будем делать, а, соседи?

– Очевидно – писать письмо, – пожал плечами Константин, – у кого-то есть идеи?

– Глупо не попытаться, – сказал Андрей Якутин, – в конце концов, я бы дорого дал, чтобы все это не случилось.

– Что ж, – собачник кивнул, – идемте, раз ничего больше не остается.

На выходе из проулка они остановились, глядя на карнавал. Ритм все еще звучал – однообразный, навязчивый, вокруг танцевали. Горели и источали резкий аромат факелы, а с черного неба, как разноцветный снег, падал и падал конфетти. Ночь казалась бесконечной и бескрайней. Время словно замерло – остановилось, заиклилось на одном коротком отрезке, вмещавшем резкую музыку, стробоскопи-

ческие вспышки и изогнутые в танце тела. Казалось, утро уже никогда не наступит, и дикий вселенский карнавал будет пробивать себе путь из одной вечности в другую. Это нагнало темный суеверный страх – соседи казались себе мошками, навеки завязшими посреди янтарного озера, застывшими в подвешенном состоянии без опоры под ногами, не имея возможности ухватиться рукой и на километры вокруг нет ничего реального, и есть только карнавал, и ты можешь принять его, или сбежать единственным доступным тебе способом – сойти с ума. На фоне озаряющих небеса ярких вспышек от фейерверков конфетти казался абсолютно черным.

Волшебный Почтовый Ящик Желаний и вправду оказался между балаганом гадалки – колоритной чернявой тетки с золотыми зубами – и простецким деревянным тиром с жестяными зверушками. Вокруг было полно народу, но не к тиру, не к гадалке никто не подходил, и вокруг Ящика образовался островок пустоты. Ящик выглядел соответствующе – деревянная коробка, обшитая вытертым алым крепом с кричаще безвкусным псевдо-золотым шитьем и аляповатыми кистями по углам. Прорезь для писем была обшита медью и выглядела входной щелью для факса времен Жюль Верна. Бланки и конверты лежали здесь же – аккуратной стопкой. На лицевой стороне Ящика тем же золотым житьем было каллиграфически выведено: «Испытай судьбу»

– Никогда не любил лотереи... – сказал Константин Поляков, беря из стопки чистый бланк – на дорогой тисненой

бумаге, с гербом и аккуратными линиями для письма – у кого ни будь есть ручка?

– На, возьми, – Валера протянул ему «Паркер» с вечным платиновым пером.

Поляков расстелил бланк, поднял, было ручку, но вопросительно обернулся к соседям:

– Но, что мы будем писать?

– Пиши предупреждение... для себя, – сказал Красноцветов, а каждый из нас добавит что-то свое.

Поляков кивнул, склонился над бланком. Несколько секунд «Паркер» бесшумно порхал над бумагой, потом почтальон выпрямился и передал перо Валере. Тот взял лист, внимательно его прочитал:

– Постой, – сказал Золотников, – Ты же хотел про себя писать!

– Я и писал про себя, – нахмурился Константин.

– Да как же про себя... Тут написано: «Не бери морскую свинку!», это мое послание, я сам хотел его написать! Так, что...

– Там этого не было, – быстро сказал Поляков, – я писал: «Не заходи в дом номер...»

– Дай мне! – резко сказал Красноцветов и выхватил листок из рук Валеры, – кажется, нам уже не надо ничего писать... у меня здесь: «Твоей собаке не нужна опека». Как раз то, о чем я когда-то думал... Были соображения – имею ли я право воспитывать, могу ли принять ответственность... Вы-

ходит – не могу.

– Можно мне? – Ткачев осторожно взял бланк, и с некоторой опаской заглянул:

– "Нельзя любить призрака" – прочитал он, – а ведь и правда, нельзя. Ах, если бы я это прочел до того, как полез в чат! Если бы успокоился, вышел на улицу, посмотрел вокруг! – он повернулся, держа в руках письмо и посмотрел на Анну, – нельзя любить призрака, – повторил он, – только живых. Настоящих.

Анна, вдруг смутилась и опустила глаза. «Но я ведь живая!» – подумала она, – «Настоящая!»

– Я, кажется, понял! – воскликнул Поляков, – Очень меткие выражения. Стоит нам прочитать и мы... мы переменим свои решения! Все будет по-другому.

– Как сказал клоун, у нас тут немного волшебства, – произнес Якутин, – дайте-ка глянуть! «В наши клетки мы загоняем себя сами». Помню, в тот день, когда я шел к Павлику мне как никогда хотелось бросить все и побродить по проспектам. Просто так. Но я был слишком правильным, чтобы делать хоть что ни будь без восьмидесятипроцентного КПД. Здравый смысл тогда победил. С этим же письмом...

– А я! – воскликнул Максим, – Дайте мне... Что тут: «Сядь у реки и жди, когда труп твоего врага проплывет мимо тебя...»

– Древнекитайская мудрость, – сказал Поляков, – Терпение, Максим, и Арсентий сам бы от тебя отстал. Но ты ре-

шил победить его, а в итоге сам угодил в ловушку... Аня, осталась ты, у тебя ведь тоже были какие то проблемы?

– О, да! – невесело усмехнулась Анна, – здесь написано: «Кривое зеркало. Картины лживы. И лишь жизнь никогда не врет». Так оно и есть. Я рисовала наш дом, и картина лгала мне, а я верила ей. Если бы я не думала все время о ней, все было бы по-другому.

Совсем по другому. Господи, я была совсем сумасшедшая.

– Не больше, чем мы все, – произнес почтальон, – что ж, мы получили шанс.

Расписывайтесь. – И он сам поставил свой росчерк под текстом – строгим наклонным почерком.

Красноцветов кивнул, взял «Паркер» и расписался – ровными прямыми буквами много практикующего бухгалтера. Следом Валера – его роспись начиналась крупными, неумелыми, как у третьеклассника, буквами, а кончалась лихим многоступенчатым вензелем. Роспись Ткачева была крупной, округлой, а у Якутина – резкой и неровной как колючая проволока.

Максим старательно вывел свое имя – аккуратно и с неестественной тщательностью, как в прописях. Почерк Анны был легким и летящим – она лишь слегка прикоснулась пером к бумаге.

Неяркий свет от выпущенной зеленой ракеты пал на листок, сделав его похожим на королевский указ и древний ма-

нускрипт одновременно – строчка текста, колонка подписей снизу. Поблескивало тиснение. Поляков взял конверт, и, поместив аккуратно сложенный листок внутрь, запечатал его. Замер у ящика, всматриваясь в получившееся письмо.

– Ну что, – неуверенно сказал он, – я опускаю?

Рука его замерла над прорезью. Толпа разразилась ликующими воплями – на специальной тележке вывозили праздничный пирог. Никто из соседей не удивился, увидев, что он похож на почтовую бандероль. Сделанная из марципана печать льдисто поблескивала.

– Ну же, опускай письмо! – сказала Анна, – Оно дойдет, ведь я его видела!

Константин Поляков убрал руку от ящика. Письмо осталось не отправленным. Почтальон повернулся к соседям, держа конверт перед собой, как щит, или неоспоримую улику, обрушивающую все построения защиты.

– Вот... – сказал он, дрогнувшим голосом, – вот это я и хотел вспомнить! Мы все его видели! Но кто ни будь, скажите мне... кто ни будь из вас подобрал его?

– Я хотел, но как-то не собрался, – сказал, удивленно Алексей Сергеевич, – не до того было.

– А вам? – Поляков повернулся к Валере и Якутину, – вам знакомо оно?

– А то, – сказал Валера, – белый конверт, синие штемпели... Без сомнения, это оно!

Письмецо это два месяца у подъезда валялось, пока я с

Чуком разбирался.

– Дольше, – мрачно сказал Красноцветов, – с самого начала осени... когда я его не поднял. А ты Саня, пытался?

– Я не о том думал, – произнес Александр.

– А мне оно попало в феврале месяце... – сказал Анна, – что же оно, столько пролежало и даже не пожелтело? Чистый белый конверт. Вот только чернила уже выцвели – ничего не прочесть. Я его кинула обратно.

– Вы хоть понимаете, в какую ловушку себя чуть не загнали? – спросил почтальон, – Письмо дойдет, это точно. Но никто же из нас его не поднимет! Лишь Анна, но и она, только после того, как уже упустит свой шанс. Оно так и останется лежать у подъезда, а мы пойдем по своим рельсам напрямик в нынешний день. Как и раньше.

Ткачев зябко передернул плечами. Он смотрел на письмо – на знакомый белый конверт, мимо которого он проходил в тот замечательный и ужасный день середины декабря, не зная и не догадываясь, что путь его уже свернул с освещенной автострады обыденности и ведет напрямик в сумеречную зону. То самое письмо. Так нестрашно выглядит и такие бездны в себе содержит.

– Выходит, обманул нас клоун, – сказал Алексей Сергеевич, – подставил...

– Выходит так, – почтальон взмахнул конвертом, – единственный, кто его поднял, был я.

И я пытался его доставить по адресу, но... не сумел. Те-

перь я понимаю, что это было началом сдвига. Поверьте мне, я старался как мог, но у меня, похоже, не было никаких шансов. Это самое письмо и стало причиной, по которой я попал в один силлок с вами, хоть и никогда не жил в этом доме. Причина всех моих злоключений, – он задумчиво посмотрел на письмо.

– Так что же, Константин, – произнес Красноцветов, – если отсылать мы письмо не будем... что же нам делать?

– Вспомните сны, – сказал Поляков, – сны – это ключ.

– Наши сны – это бред, – произнес Ткачев, – я не понимаю, что из них можно достать. Я отлично помню свой сон. Я помню Кусаку, помню Бутчера и радиокрысу. Мы стремились в его бункер, глубоко под землей. Там был искин, и в его бездну мы сверзились. Но ведь это сон, не так ли?

– Занятно, – сказал Алексей Сергеевич, – у меня тоже была бездна – бездна за тронном Мясника. Болезненное было падение.

– Мы с Пекой прыгнули, спасаясь от Арсеникума, – заметил Максим, – но он все равно нас настиг.

– Моя пещера была внизу, под землей, – кивнул Валера в сторону гор.

– Постой-постой! – воскликнул Красноцветов, – вы это не упоминали!

– Я отправил свой корабль вниз, на землю. Я упал... – произнес Якутин.

– А моя первая коронация проходила в подвале, – сказала

Анна, – так, что же это все значит?

– Вниз! – воскликнул почтальон, – вы, все до единого, шли вниз. Под землю! Вот вам ответ – под землей! Мы должны спуститься на первый этаж, и... ниже.

– Третий подъезд, – одновременно с Ткачевым произнес Валера, – да, там дверь... и нас теперь семеро.

– Мы идем, – сказал Алексей Красноцветов, – Константин, спрячь письмо. Оно не будет отправлено. Мы ломаем установленный порядок. И мы пойдем вниз, что бы нас там не ждало.

Соседи кивнули. В небесах разорвалась очередная ракета, высветив окрестности резким, неприятным цветом. Вдруг стало заметно, что карнавал уже не источает веселья – изогнувшиеся в танце фигуры стали пугающими, звуки слишком громкими. Конфетти шуршал под ногами. Гадалка повернула круглое, улыбающееся лицо, и ласкового посмотрела на замерших у ящика людей красным глазным имплантантом. Среди танцующих оказалось слишком много одетых в костюмы собак из плюша и натуральной шерсти, торт сменил форму и из бандероли превратился в искусно выполненную морскую свинку, которую азартно разделявали на бисквитные части хмельные гуляки. Потянуло сладкими благовониями, кто-то начал игру в веселые старты, на лотках во множестве появились подарочные наборы игрушечных солдатиков в ярких упаковках цвета хаки, а на фоне раздавшейся в несколько раз полной луны величаво пролетел нелепый

коровий силуэт верхом на детском велосипеде.

Из распахнутых зеленых ставень окна ближайшего к соседям дома мощно и победно ударил гимн «God save the queen» в исполнении «Секс пистолз».

– Вы видите это? – спросил Красноцветов, оборачиваясь.

– Да, все меняется, – кивнул Константин Поляков, – Нас заметили.

– Валера, – сказал Алексей Сергеевич, – Твой «Роллс – ройс» все еще на ходу? Мы уезжаем.

– Всегда к вашим услугам господа, – произнес Валерий Валерьянович Золотников и улыбнулся развязной щербатой улыбкой безнадежно опустившего человека.

* * *

Дверь изменилась, но иначе и быть не могло. Деревянное покрытие сменилось на дешевую пленку под необтесанный камень, на которой через грубый трафарет были выписаны знак радиационной опасности и логотип национальной почтовой службы, а в самой двери появилось зарешеченной арматурой окошко, через которое виделась даль необъятная. На стене справа имелся красочный постер «Кривого зеркала» – мюзикла, поставленного в Королевском военном театре по мотивам «Портрета Дориана Грея». Предупреждение осталось, но поменяло смысл – отныне надпись на двери читалась как: «Не будите спящую собаку!» что звучало не в

пример более зловеще.

А у каждого дактилоскопического устройства появилась лаконичная медная табличка с именем. Здесь были все семеро. Обладатели имен стояли напротив, вокруг них имелись голые унылые стены и лампа дневного света над головой. Это был коридор первого этажа, и, исключая дверь, он выглядел столь обыденно, что накатывались мощные ностальгические чувства.

– А ведь я узнаю ее, – нарушил тишину Валера, – а вы узнаете?

– Откуда мне ее знать, если я ее никогда не видел, – сказал Поляков.

– Ну да, понимаю, она сильно изменилась, но ее все еще можно узнать, – усмехнулся Валера, – Впрочем, вы и прошлой жизни могли не раз пройти мимо и не заметить. Конечно, зачем это вам, с вашими квартирами. А вот я здесь провел немало времени, особенно по зимнему периоду. Здесь теплотрасса и котельная. Это дверь в подвал.

– Что ж, – сказал Красноцветов, – стало быть, мы у цели. Понимаю, выглядит это не слишком привлекательно, но идти нам больше все равно некуда. Пусть каждый из вас приложит палец к сканеру помеченному своим именем.

– Как насчет предупреждения? – спросил Ткачев, – Это ведь они говорят про тварь?

– Судя по всему, да, про тварь, – кивнул Алексей Сергеевич, – Клоун сказал, что она доберется до нас, рано или

поздно. Так, не все ли равно когда ее встретить?

– Что вообще за тварь? Кем она может быть?

– А вот это простой вопрос, – ответил за Красноцветова почтальон, – думаю, я знаю что это. Да ты и сам знаешь... тварь все время была рядом, она последовала с нами и в сны.

Вспомни. В моем сне это был демон, во сне Максима – песоголовый бог мертвых.

– Бутчер... – выдохнул Александр, – но, неужели...

– Бутчер, Мясник, Жаббервох, какая разница? – произнес Красноцветов, – мы его все видели! Это черный ротвейлер, у него много имен и еще больше обличий! Но внутри – он одинаков... Бульдозер!

– Этот злобный пес, что живет у нас во дворе? – изумилась Анна, – черный как смоль, да он всех ненавидел. Но ведь он всего лишь пес! Как же он мог...

– Скорее всего, это не тот Бульдозер, которого мы знали, – сказал Красноцветов, – Нечто, принявшее его личину, как символ антагонизма нам. Бульдозер ненавидел всех нас, и то чем он стал, ненавидит тоже. Во всех снах он пытался свести с нами счеты. Думаю, и сейчас он не оставит попыток. Меняя личины как перчатки, но не меняя сущность.

– А ведь только у меня он и назвался настоящим именем, – сказал Золотников, – просто тварь. Но ведь я убил ее, в конце концов! И я убью ее еще раз! И еще, сколько понадобится.

– Давайте руки, – произнес Алексей Сергеевич, – и нажимайте.

Осторожными движениями каждый из соседей прикасался к сканеру и тот отвечал коротким мелодичным звоном. После сканирования отпечатков над каждым из устройств зажигался зеленый огонек. Последней коснулась своего сканера Анна, и вздрогнула, когда из стены донесся короткий змеиный шик пневматики. Газоразрядная лампа мигнула и зажглась зеленым.

– Мы можем идти, – сказал Ткачев, – думаете, получится остаться незаметными? Как на карнавале?

– Сомневаюсь, – вздохнул Красноцветов и взялся за ручку, – Думаю, смешение будет по полной программе. На всякий случай приготовьтесь. Я нажимаю... Ну... Поехали!

Акростих.

*Its not escape from reality?
Open your eyes,
Look up to the skies and see...*

Дао семерых.

– Все-таки зря вы это, – сказал бармен, помешивая в стакане коктейль «Собачий байт»

(одна часть «Бьянко rosso», две части «Советского шампанского», часть бальзамирующей жидкости и часть раствора для чистки мониторов, сверху оливка) прозванный также в народе «кабыздохом», с натугой орудуя изношенным протезом русского производства, – это же совсем дикие места! Тамошние обитатели не видят света цивилизации, прозябая в язычестве и каннибализме! И даже немногочисленные колонисты потихоньку перенимают их омерзительные повадки. Нет, конечно, я понимаю, новые земли – данники нашей империи, колониальные амбиции, но в конечном итоге, мегаполис ведь самое безопасное место! Наши традиции, завещанные нам отцами и дедами – наши моральные устои – все это создает здесь в городе поистине райскую жизнь!

Бармен был одет в толстовку из собачьей шерсти и вы-

тертую до белизны летную кепку Королевских ВВС. Позади него на полках громоздились многочисленные бутылки, среди которых преобладали применяющиеся для бальзамирования вина, белесые технические жидкости, портвейн «Солнцедар» и «Монастырска изба», а также французский коньяк «Ле каннибал» и пиво «Корона». Указанные жидкости предлагалось закусывать насыпанными с горкой в широкую плоску сероватыми капсулами крайне подозрительного вида. Шустрые айбо, гудя сочленениями, пытались добратся до плоски, но каждый раз были отогнаны протезом бармена. В полутьме бара выделялись три монитора, один из которых транслировал чей-то взлом с применением боевых вирусов, другой показывал ретроспективу «Метрополиса», а третий – научно-популярный фильм про гибель Помпеи на английском языке.

– Так то оно так, – рассудительно сказал Алексей Сергеевич Красноцветов, отхлебывая из стакана и морщась от отвращения, – но ведь эти земли потому и стали наши, что гордые сыны империи вырываются из теплого и уютного, но поднадоевшего отцовского гнезда, чтобы вдохнуть воздух свободы, приключений, и умножить славу нашего государства. Правь империя морями, городами и горами! – процитировал он, поднимая стакан.

Бармен ответно отсалютовал бутылкой спирта «Баттл Рояль», которую в тот момент протирал. Самый резвый айбо воспользовался моментом, и, воровато ухватив капсулу,

умчался, довольно урча серводвигателями.

– Кроме того, после моего доклада в Королевском Географическом Обществе у меня просто не остается выбора, – сказал Красноцветов.

– Да, ваши коллеги отличаются всеядностью. Сожрут и не поморщатся, – кивнул бармен, – Кстати, как там в Обществе?

– Не слишком хорошо. По-прежнему грозятся прикрыть и превратить его в Королевское Хранилище для собачьих мумий. Нехорошая ситуация – владельцы давят на палату лордов, задействованы большие деньги. Ну вы, понимаете... Кроме того есть еще сэр Жаббервох.

– О, да! – саркастически молвил бармен, – вы слышали, что он учудил на прошлой неделе?

Ввел мораторий на ввоз мяса морских свинок, якобы под предлогом, что зверушки генетически модифицированы. Это они о новой, золотистой масти, представляете! Целый ряд ресторанов Южных провинций закрылись из-за банкротства, в том числе мой любимый «Чук и Гек»!

– Большая потеря, – согласился Красноцветов, – Там подавали замечательные «escalope del sweenkulo» с черным перцем и веточкой тмина... Впрочем, я все равно успею обернуться до того, как общество прикроют. Еще утру нос этим высокоученым снобам!

– Все же надеетесь найти Золотой ящик? Не бойтесь, что это просто легенда, или хитрая утка, пущенная в сеть ваши-

ми неблагожелателями?

Красноцветов рассмеялся:

– Они не настолько умны, уверяю вас. Кроме того, у меня есть козырь в рукаве.

– Говорите, сэр, я умею хранить секреты.

– Мы сумели подобрать коды к северокорейскому археологическому спутнику. Ну, тому, что наносил баллистический удар по Мемфису в Луизиане пятнадцать лет назад. Теперь у меня есть снимок. Ящик существует. —В вашей команде настоящие профессионалы, Алексей Сергеевич, — произнес бармен, — отдаю вам должное!

– Спасибо... нет, больше не наливайте. Это пойло уничтожает мозг... Что ж, время вышло. Мне уже пора. Процветания вам и вашему заведению. Оно, воистину, самое достойное в этом кластере мегаполиса.

– Спасибо сэр. И вам удачи в вашем путешествии. Я буду выкачивать всю свежую информацию, что попадет в официальные каналы сетей.

Красноцветов кивнул и вышел из бара. На улице царил полутьма – туман, густо смешанный со смогом, не пропускал достаточно света. Две чахлые клумбы со смартфонами «Моторола» скудно освещались неоновой вывеской с названием бара – «Пирамида», и телефоны тянулись к надписи жадно подрагивающими солнечными панельками.

По доставленным из дальней юго-восточной колонии древним каменным плитам – общеизвестным символам про-

цветания империи, ходили многочисленные прохожие со своими четвероногими питомцами на поводках, а также роботы инкассаторы, избалованные лорды во фраках и пилоты Королевской почтовой службы в кожаных куртках и летных шлемах с очками-биноклями. Далеко вверху, над уходящими в небеса километровыми небоскребами, что-то взлетало, садилось и брало курс. Чуть дальше по улице продавались тюльпаны, астры, маки, гашиш, опиум, и ворованные прошивки для мозговых чипсетов. Все это зрелище наведало жуть. Алексей Сергеевич вздохнул, и отправился в район Бест-энд – скопище дешевых гостиниц и пятизвездочных отелей с однообразными названиями «Метрополь 00», «Метрополь 01», «Метрополь 02», «Метрополь NN».

Соседи ждали его в номере – голом боксе на семерых, не вызывавшем никаких чувств кроме уныния.

– Все порядке, – сказал Красноцветов, в ответ на их безмолвный вопрос – все документы собраны. Вакцины при мне, микрочипы вживил. Ха, я даже заплатил пожертвования в фонд братьев наших меньших, который занимается мумифицированием собак. Теперь к нам невозможно придаться, так что вечером мы отправляемся. Берите с собой только самое необходимое.

– Даже самого необходимого у нас совсем немного, – усмехнулся в ответ Ткачев, – В данном случае самое необходимое – это мы сами. Где вокзал?

На играющем дивными красками из-за очередного хими-

ческого выброса закате они покинули Мегаполис, сев на Восточный экспресс – без сомнения, самое комфортабельное средство передвижения в империи. Сверхзвуковой моно-рельсовый состав на электромагнитной подушке мчал сквозь богатые обжитые имперские земли, а пассажиры, растянувшись на обшитых дорогим собачьим мехом креслах внимали всем благам цивилизации, таким как климатконтроль, встроенный терминал, спутниковое ТВ на триста каналов, ванна для ускоренного бальзамирования и предупредительные стюарды в белых перчатках.

Увы, Восточный экспресс обслуживал лишь ядро империи, и потому, соседи были вынуждены сойти в Кривич-Вилледж – крупном областном центре, неподалеку от административной границы округа.

Здесь, в утопающем в синтетической зелени городке они пересели на Полуночный экспресс, который шел не так быстро и не имел золотых инкрустаций в ваннных комнатах, но зато двигался в нужном направлении. Без особого труда миновав границу, потеряв лишь небольшую сумму выездных пошлин и пожертвование в фонд для борьбы с отторжением имплантантов, они въехали в Периферию – обширную область, давным-давно присоединенную к империи и ныне обладающую правами лишь чуть менее свободными, чем в Центре. Народ здесь жил вольный, занимающий в основном культивированием сельскохозяйственных культур – под благодатным жарким солнцем отлично возрастали солнечные ба-

тарей и зрели мобильные КПК, разводили домашнюю скотину – собак, морских свинок, мышей и радиокрыс. Здесь произрастали глинка и ориондры – дающие отличные смолы для мумифицирования. И именно здесь делались лучшие в империи благовония от знаменитой компании «Хьюстон Босс», которые благодаря наличию феррамонов повышали уровень железа в организме, тем самым решая многие ваши проблемы и улучшая сверхпроводимость.

По мере отдаления от столицы нравы в Периферии становились все более вольными, вплоть до попыток автономии, об имперской чести и гордости уже никто не вспоминал, а знаменитый имперский флаг со встающей из-за горизонта в ореоле лучей снежинкой можно было встретить лишь на почтовых станциях да редких миссиях Красного Клеста – благотворительного ордена, единолично осуществляющего в этих местах услуги по мумификации за смешные деньги.

Только эта красная птица на полотнище, развивающемся над похожими на крошечные моторизированные крепости гарнизонами ордена и напоминала путешественникам о том, что они все еще находятся в империи.

Увеличились и поборы. Соседям пришлось сдать деньги в фонд беспроводного телеграфа, в общество по борьбе коррупцией в среде анимадиспетчеров, пожертвовать сумму одиозной секте Слепых Братьев Пожирателей на строительство общественной столовой, а также уплатить совершенно возмутительный налог на мозговой трафик, взятый десят-

ком подозрительных людей с автоматическими винтовками «Хеклер и Кох Мрак 5» в заскорузлых руках. На четвертый день путешествия поезд остановился в Парагвайз-холлз – воючем и грязном городишке со смешанным населением – самом юго-западном населенном пункте империи.

Здесь было жарко и не работала канализация. Здесь все время стоял неумолчный людской ор и гомон, было ярко, шумно и бестолково. Грязные кривые улицы, вымощенные редкоземельным кремнием, глинкабитные дома с нависающими над улицей крышами, белье, сохнувшее над головами – в Парагвайз-холлз кипела жизнь! Здесь все время что-то продавали – прямо с лотков торговали краденным боевым железом, наноинплантатами от ведущих фирм производителей по бросовым ценам, золотом, палладием и германием, собачьими почками, марочными винами и марочными коллекциями, портативными расширителями сознания для всех и каждого, не здоровыми идеями и религиозными истинами.

Порядка не было никакого и редкие представители Имперской Колониальной Полиции в белоснежных мундирах, пробковых шлемах и встроенных в ладонь шокерах играли здесь чисто представительскую роль. Здесь было много бездомных собак, а еще больше бездомных людей. Имея деньги, в этом благословенном краю можно было повернуть почти все, например, доставить письмо аж в мегаполис, сколотить революционную армию и закупить для нее пару пламенных идей, вызнать, где находится заповедный город мертвых

Шатланта и получить надежного бандита проводника, сколотить религиозную секту и, запасаясь расширителями, подавителями, антидепрессантами и оптоволоком, наконец, совершить прорыв в Астрал. В конце концов, можно прямо здесь, в одной из гнилых хибар, за большие деньги забальзамировать свою любимую морскую свинку, что в мегаполисе каралось жестоким штрафом и экстрадицией из империи.

Долго задерживаться в этой грандиозной человеческой помойке не хотелось, и соседи, выплатив немалые деньги, сумели взять плацкартные билеты на вечерний Чунгкингский экспресс – узкоколейный локомотив без лежачих мест. Влекомый изношенным локомотивом с неработающей системой охлаждения, поезд был доверху набит человеческими отбросами, теснившимися на каждом свободном клочке пространства. В основном в пассажирах преобладали смуглые крикливые эмигранты, дзен-буддистки настроенные сезонные рабочие и белые имперские поданные с волчьим взглядом и туманным прошлым. После серии свар, соседи сумели занять две полки по соседству с шумным табором, отвратительно горлающим «бамбалео» под плохо настроенные дешевые аналоговые синтезаторы «ямаха». Последовало еще несколько драк, не вовремя сунувшегося продавца краденного ножного детского нейрорепозитора выкинули в окно, и экспресс, наконец, тронулся. Местные еще некоторое время бежали следом за вагонами, осуществив через окна несколько сделок, пару фьючерсных контрактов и даже одну транс-

фертную акцию.

Под гомон и вонь Чунгкингский экспресс покинул Парагвайз-холлз к вящему удовлетворению семерых путешественников. Границу империи они достигли в тот же день.

Три десятка рослых полицейских в черных мундирах и шапках из собачьей шерсти прошлись по вагонам, неся за собой стон, плачь и разрушение. Жестоко метеля окружающий люд детекторами движения и изымая «ненужные» пассажирам вещи, под общий женский вой полицейские добрались до соседей, которые поспешно уверили стражей порядка, что являются полноценными гражданами империи. Сосчитав уверение, ближайший полицейский козырнул, продекламировал «правь империя морями» и пожелал удачного путешествия.

Соседи лишь кисло улыбнулись в ответ и продолжили путь без единой кредитки.

Миновав под дружные проклятья кордон из колючей проволоки, поезд вышел в пограничные земли, населенные преимущественно метисами, беглыми преступниками и колониальными миссиями. Закон тут уже терял всякую силу и оставалось лишь надеяться на удачный исход. Еще полные четыре дня Чунгкингский экспресс шел через бросовые земли.

Становилось все жарче. По ночам целыми вагонами пели протяжные песни про оседлавших шторм и на людские голоса накладывался стук колес по неухоженным стыкам. На второй день в четырех вагонах разразилась эпидемия дизен-

терийного макровируса избирательно уничтожавшего контрольные датчики пищеварительных имплантов. Несчастные обладатели оных день напролет обогащали природу вокруг ценным одобрением, отчего на перевозимых тут же морских собачек напал черный мор. Стенающие владельцы по-походному мумифицировали безвременно ушедших питомцев и мягко намекнули сделать то же самое с изготовителем вируса. Его, впрочем, так и не нашли.

На третий день поезд догнали дюжина людей с оружием и на предельно изношенных четырехколесных скутерах. Главарь в роскошной собачьей шубе прошелся по вагонам, пригрозив убивать каждого десятого пассажира через каждые десять минут, если ему не предоставят нечто достойное его внимания. На вопрос о том кто он, собственно, такой, господин представился скромным служителем древнего культа личности и двинул спросившего в подсердечную сумку. Получив энное количество раз портативными анализаторами нитратов по чувствительным частям тела, пассажиры скоперировались и откупились от налетчиков чьей-то древней мумией из почтового вагона. Чья она была – так и осталось загадкой, потому как никто из присутствующих не решился взять на себя ответственность быть ее владельцем.

По прошествии невыносимо долгих суток поезд наконец то уперся в тупик. Дальше рельсы не шли. В заросшей однообразными чахлыми SD карточками пустынной местности пассажиры сошли и рассосались кто куда. Впереди лежала

Марафонка – узкая и загаженная промышленными отходами и бактериологическим штаммом речка, несущая свои воды вглубь неисследованных земель и порождая там все новые и новые неисследованные виды животных.

В ближайшем портовом городке Волкокраде соседи нечестными махинациями получили билеты на имперский турбоход «Королева Анна» – старую изношенную посудину с выкрашенными в траурный черный цвет бортами и тремя бутафорскими трубами из четырех. На этом флагмане марафонского флота с текущим реактором и регулярно глючащими электрическими цепями они провели еще два дня, регулярно заступая на вахту у текущего днища. Несмотря на обветшалость, «Королева Анна» считалась лучшим кораблем в этом регионе и содержала на себе весь цвет марафонской аристократии, состоящей преимущественно из беглых владельцев крысиный ресторанов да заросших шерстью потомков первых колонистов.

Осторожными расспросами Красноцветов добился от этой жесткошерстной публики адрес человека, который мог бы помочь с проводником.

Ночью встала луна – неестественно большая, круглая и пикселизированная, а по берегам реки сгустилась сельва. В глубине джанклей парило, там вопили и визжали противными сэмплированными голосами, лаяли собаки, что-то шуршало и трещало. На легком ветру качались оптоволоконные кабели и росянки разевали жадные пасти ти-коннекто-

ров. Ночью стало душно, и потому большинство пассажиров предпочитали проводить время на палубе, наблюдая как пересекают реку, поблескивающие в лунном свете, пустые шкурки мумифицированных пчел. Похожий на ботинок хулигана нос корабля рассекал маслянистую воду и по бокам вспухали горбы желтоватой дурнопахнущей пены. Места стали совсем дикие, непролазные, а из лесного массива на проходящий турбоход помаргивали огоньки жуков-светодиодов да глаза хищных собакоголовых хабов.

Следующим утром «Королева Анна» прибыла в Махаос – местный административный центр, стоящий возле самых джанклей и уже многие годы служащий пересадочной станцией для разного рода охотников за удачей. В Махаосе имелось все пригодное для дальнего путешествия и именно там ошивалось большинство потребных в проводники индейцев. Едва сойдя на жирную прибрежную почву, соседи направились в сторону от городка, туда, где на невысоком холме разместились построенная в псевдоегипетском стиле гасиенда.

Красноцветов остановился перед входом и велел остальным ждать здесь, и, откинув в сторону противомоскитную сетку, зашел внутрь дома. Вернулся он вместе с владельцем гасиенды, отрекомендовавшимся решающим проблемы.

Владельца звали ван-Доорн и он был бур-колонист, что подтверждали пластиковый полицейский шлем, бывший когда-то белым полувоенный френч со знаками различия капраля Египетского колониального полка и целых три нейро-

протеза – руки, ноги и глаза, соответственно. Глазом капрал гордился особенно, потому как его делали на заказ в фирме «цейтнот gmbh», известной своими давними традициями и высоким качеством изготовления. Присоединенный к левому моноклю имплант начинал работать как телескоп с возможностью увеличения в десять раз.

– Господа, – сказал представителью ван-Доорн, помахивая электрошоковым стейком, – Вы не представляете какая большая удача, что вы нашли меня! Уверяю вас, в Махаосе нет человека более осведомленного о нравах и обычаях племени, которое вы ищете. И двойная удача в том, что именно сегодня я собирался отправиться в эти дикие места для антропологических изысканий!

Двойная удача потребовала двойной платы, и недовольно вздыхающему Ткачеву пришлось взломать местный банкомат с помощью вырванной с корнем арматуры, а потом поспешно убежать от разъяренного владельца машины, грозящего скормить взломщиков пеккининям – мелкой, но особенно злобной разновидности речных свинок, обитающий в здешних водоемах.

Ван-Доорн пересчитал кредиты, довольно кивнул, и пообещал предоставить лучшего проводника в этом забытом богами всех конфессий и налоговым комитетом краю. И вскоре перед семеркой предстал заморенный тип набедренной повязке и теплых унтах из собачьей шерсти. Сей гордый представитель человеческого рода с бегающими глазами и

нервным тиком был представлен ван-Доорном как Юпиэс – лучший охотник за собачьими мумиями в регионе.

– Это что, и есть нас проводник? – спросил Красноцветов, подозрительно оглядывая тщедушного охотника.

– Нет, это наш полупроводник, – молвил ван-Доорн с некоторой гордостью, – он доведет нас только туда, а обратно придется возвращаться самим.

– Не извольте беспокоиться, – посвистывая в дырки в зубах, сказал полупроводник, – Доведу до места в целости и сохранности. Никто не пострадает. Будете заказывать страховой полис?

Вслед за полисом пришлось уплатить за месячную аренду понтонной лодки, налоги на литраж, сетевой траффик, пользование запрещенными частотами, электричество, носимый багаж, экологический сбор за загрязнение дикой природы и внести взнос в фонд охраны традиций предков, а также фонд санитарного контроля сырого мяса (для людоедящих жителей глубинки). Денег не хватило и семерке пришлось заложить свои тела в местном Музее Антропоцентризма, завещав, после гибели, предоставить их для фронтальной пластинации.

Из-за всех проволочек отбыли только на следующий день, провожаемые благотворительным душевным оркестром Махаоса, трогательно исполняющим имперский марш на полифонических сотовых телефонах. С пристани махали какие-то люди, возможно провожающие, а может быть члены

очередного фонда, пришедшие к шапочному разбору.

Так или иначе, гостеприимный Махаос скрылся вдали, а собранная из пластиковых бочек из-под персикового концентрата лодка двинулась дальше по Марафонке, перевозя на себе восемь пассажиров и одного проводника.

Суда здесь уже не ходили, и лишь изредка встречались почтовые колониальные канонерки, да окучивающие в неглубокой воде заросли нелегальных копий верткие джанки браконьеров, которые при приближении понтонки бросали хозяйство и пытались укрыться в прибрежных камышах. Зато здесь многоголосо пели птицы, а по верхним ярусам джанклей прыгали дымчатые мыши-летяги – доверчивые и ласковые как дети. Якутин подкармливал зверьков капсулами валиума и скоро за лодкой вилась целая стая этих забавных существ, попискивающих скриперами и просящих подачки.

Какое-то время спустя лодка путешественников свернула в узкую протоку в сторону от основного русла Марафонки. Джанкли нависали со всех сторон – серые лианы оптоволокон на свешивались над рекой, колыхались под ветром. Пахло горелым пластиком и мумием, во множестве вырабатываемым дикими лесными пчелами. Огромные цветы из папиросной бумаги, растущие в низинах, распространяли чарующие ацетонные ароматы, на которые спешили глупые насекомые долготоксики, не ведающие, что уже в следующую секунду они лишаться сознания, повалившись на груду сво-

их же бездыханных собратьев. Берега стали болотистыми и лишь корни мандражоры, подобно остаткам железобетонных конструкций, торчали из теплой воды.

– Совсем дикая природа, – сказал, как-то раз, Красноцветов, – как называется эта река?

– Это не река, это канал, – произнес полупроводник.

– А что за канал?

– Обычно дело – Цифровой, – отвечивал Юпиэс, – их тут полным полно.

– Насколько я помню, – вставил ван-Доорн, – именно здесь водятся верткие хищные биты и медленные гамбиты с кожистыми панцирями, чьи яйца ценятся как большой деликатес в центральной империи. А еще, говорят, тут можно встретить тромбофлебитов, но я лично не разу не видел. Впрочем, здесь оседает весь мусор из Махаоса, так, что я бы не стал с порога отметать их присутствие.

За день они сделали пару сотен километров в глубину девственных джанклей. Тут и там среди пластиковой листы вставляли остатки железобетонных бункеров, радиовышки, потерянные самолеты, лишившиеся финансирования собачьи питомники – где одичавшие Бобики, Жучки, Кабыздохи и Линды-Минелли неимоверно расплодились и представляли опасность для всего живого, рискнувшему углубиться в сельву больше чем на километр.

Такие места путешественники старались проходить как можно скорее, и лишь полоса загрязненной воды отделяла их

от прожорливых диких собак. И все же здесь царило некое свое очарование – прелесть дикой природы, не тронутой рукой человека разумного.

Исполинские башенные краны вставали там и тут, густо оплетенные сверхпроводящими кабелями и грибовидными наростами трансформаторов. Экзотические конструкции из металла и пластика, вросшие в землю «Бентли» разных годов выпуска перед пустыми пусковыми шахтами, которые использовала как норы местная лесная живность. Древние пирамиды сгинувших цивилизаций, плавно переходящие в современные пирамиды казино, противотанковые рвы войны, которой не было, облепленные вьющимися кредитами ПиАр конторы, густо наклепленные на стволы деревьев листовки по гражданской обороне – все это сливалось в единый жгучий коктейль, пьянящий не хуже пресловутого «Собачьего байта». И задирая головы чтобы увидеть сияние ксеноновых гнилушек в кронах деревьев, соседи с удивлением замечали, что им впервые так вольготно дышится и совсем не хочется думать о будущем.

Когда стемнело, остановились на выбранной по указу Юпиэса полянке, крошечным полуостровом вдающейся в канал. В основании ее простирались в основном строительные леса, среди которых выделялись целых два листовочных дерева (политическое и рекламное, соответственно) загадочно шуршащие глянцевыми листовками.

– Это место зовется Ямалка – пояснил полупроводник,

отыскивая в известке самую работоспособную пропановую горелку и запаливая ей строительный мусор, – Здесь все останавливаются. Еще здесь можно почувствовать биение жизни.

– Советую вам попробовать, – сказал ван-Доорн, – хотя у меня никогда не получалось.

Синеватым угарным пламенем разгорелся костер, на котором жарилась убитая недавно каннибара – злобное существо известно тем, что не гнушается пожиранием своих сородичей в голодные дни. Биение жизни почувствовать не удалось, если только не считать оным донесшийся откуда-то с запада еще слышимый ритм. Когда яркие южные звезды проступили на небесном своде, к костру стали собираться ночные звери, большие и маленькие. Они оставались за пределами круга света и лишь поблескивание глаз говорило о том, что они есть. Наметанный взгляд Юпиэса сразу выделил в этой разношерстной толпе трех надутых токующих сидюков, которых он подманил к костру крупницами диодов и когда они впали от близости огня в транс, поспешно мумифицировал их с помощью походной аптечки, пополнив запасы продовольствия. А сразу за ними к огню сунулся любопытный копир – тяжелый и неповоротливый, переваливающийся на двух тумбоподобных лапах. Его пытались подкормить, но пасть добродушного зверя принимала лишь листы формата А4 и ни в какую не хотела глотать листовки, так что зверюге пришлось уйти ни с чем.

– Если собираетесь отойти в джангли, будьте бдительны, – предупредил ван-Доорн, – в этих местах встречается витая пара – самая ядовитая змея в здешней сельве. Ее яд нервно-паралитического действия и убивает почти мгновенно, переполняя буфер памяти. Я как-то раз видел человека укушенного этой змеей – страшное зрелище, могу вас уверить.

– Как насчет того племени, Юпиэс? – спросил Красноцветов, – расскажи нам о нем.

– Наше племя живет обособленно, – сказал проводник, – мы не имеем коннектов с внешним миром. Племенем правит Великий Вождь – носители истины и великих идей Чук-хе. Чук-хе – бог-морская свинка, символ благородства и любви к ближнему, но одновременно также бог смерти во имя высоких идей. А так как все высокие идеи принадлежать только ему Чук-хе также и просто бог смерти. Считается, что Чук-хе сам передал свои идеи Великому Вождю, что возвысило его над остальными и дало ему право повелевать племенем. Известно, что нет идей кроме идей Великого Вождя, а все идейные противники приносятся в жертву Чукхе или отправляются на принудительное перевоспитание.

– Это как это? – спросил Ткачев.

– Их подселяют к коллективу идейно-благонадежных товарищей и те дружно съедают его.

Пройдя сквозь пищеварительную систему верных Чук-хе, идейные противники очищаются в благоприятной атмосфере и выходят в мир уже совсем в новом качестве. После ри-

туала перевоспитания они приносят пользу родному племени, работая на полях в качестве перегноя, помогая растить урожай во славу Чук-хе.

– То есть племя практикует каннибализм? – уточнил Красноцветов.

– Ну, не зря же ими так интересуется фонд помощи сыроедящим. Миссионеры фонда уже трижды приплывали в племя, но, будучи признанны неблагонадежными, тут же отправлялись на перековку, дабы не растлевать умы паствы Великого Вождя, – произнес ван-Доорн.

– А как насчет нас? – спросил Валера, – у нас-то тоже не очень хорошо с идеями.

– У вас есть Великая Цель Ради Которой Можно Пойти На Смерть, – сказал Юпиэс, – это напрямую сочетается с идеями Чук-хе.

– Кроме того, у меня с Великими Вождем контракт на поставку собачьих унт для полярников, а имея дело с деловыми партнерами, Вождь всегда закрывает глаза на идеологию, – добавил ван-Доорн, – кстати, это неотъемлемая черта всех Великих Вождей этого племени, и так завещал сам Чук-хе. Так что, не беспокойтесь. Кстати о Чук-хе – божество этого племени действительно было реальным существом, погибшее мученической смертью и впоследствии канонизированное. Но подробнее, наверное, знает Юпиэс. Что скажешь братец?

– Есть легенда, – покивал головой Юпиэс, – про то, как

Чук-хе, едва появившись на свет, тут же был озарен великой Идеей. Состояла она в том, чтобы все вокруг были братьями, все помогали друг другу и любили друг друга. Но в то время, кроме Чук-хе так не думал никто. А кроме самого Чук-хе в мире жили другие боги, главным из которых был волк Чок – северное божество неудачников. Именно из-за него удача отворачивалась от людей, карьера их не задавалась, любимые девушки уходили к другим, процессоры попадались с браком, а их собаки болели чумкой. Однако в то время Чоку поклонялось великое множество людей, главным ритуалом которых являлся праздник Зарывания Талантов в Землю. Их зарыли такое множество, что до сих пор северные земли все изрезанны траншеями и ямами.

Но появился Чук-хе, который нес свою истину людям, и все больше и больше племен отворачивались от Чока, чтобы приобщиться к истинной вере! А значит, они переставали зарывать таланты и все меньше талантов попадали к ужасному волку (а тот ими питался).

А надо сказать, что волк Чок был злобен и мстителен. Он до того не имел никаких неудач, потому, что всю удачу отдавали ему люди. И возревновав, Чок однажды прокрался на вершину плоской скалы, где жил Чук-хе и съел его, изжарив в пламени огненной горы.

Молча погиб Чук-хе, так ничего и не сказав напоследок, и было среди его последователей великое горе. А все потому, что носителю Великой Идеи было противно насилие, ведь он

призывал к всеобщей любви!

Но случилось чудо! Оказавшись в желудке волка, мясо Чук-хе слилось с мясом Чока и это было согласно Великой Идее – ведь в посмертии своем Чук-хе слился со своим врагом и изменил его. Чок прозрел и раскаялся, а раскаявшись, отдал обратно все проглоченные таланты и с тех самых пор люди племени стали удачливы настолько, что первые несколько сотен лет после гибели Чук-хе срывали джекпоты во всех до единого казино Монако.

Чок же, мучаясь от стыда, удалился на крайний север, где выпустил Чук-хе через выхлопную систему и теперь сторожит край мира. Когда же, через много-много поколений, удача изменит людям племени, Чок вернется и пожрет этот мир со всеми его обитателями, дабы они, как и великий Чук-хе смогли пройти ритуал возрождения.

Именно отсюда и идет славная традиция перевоспитания идеологически ненадежных членов племени – пожирая их, Великий Вождь как бы сливается в астральном смысле с Чоком, повторяя его действия. Причем перевариваемый в это время считается воплощением самого Чук-хе. Это очень давняя и красивая традиция.

– Я понял, – сказал, после паузы, Алексей Красноцветов, – пожалуй, я не буду есть каннибару. Извините.

Еще два дня понтонка плыла по каналу, все больше углубляясь в девственные дикие земли. Юпиэс знал свое дело, уверенно лавируя лодкой между отмелями и сливами, мел-

ководьем, бетонными дамбами и чьими-то плантациями искусственного жемчуга.

На закате второго дня, когда красное и раздутое из-за сажи в верхних слоях атмосферы солнце садилось за частокол строительных лесов, путешественники вновь услышали загадочный ритм, доносящийся из сельвы. Теперь он был гораздо ближе – четкая и не избыточная синкопами ритмическая секция. Барабанный бой в глубинах джанклей звучал неприятно зловеще. Юпиэс внимательно прислушался к ритму и произнес:

– Мы уже близко... слышите? Нас уже заметили и теперь передают ритмическое приветствие!

– Вы хотите сказать, что это все ради нас? – удивился Красноцветов, – это хороший знак?

– Доброжелательный, – кивнул Юпиэс, – Великий Вождь обещает пока не приобщать нас к Истине и говорит, что вы не будете скучать.

– Что-то знакомое... – задумчиво произнес Ткачев, – Раздва-три... Стук-стук-хлоп...

We will rock you! Нет, точно! – и он ничуть не удивился, когда стук закончился мощным гитарным риффом, донесшимся из-за дальних деревьев.

До племени они добрались лишь к полудню следующего дня. На выжженной напалмом, пологой полянке, что спускалась к реке, ютились пирамидальные хижины, выстроенные в современных стилях «ац-тек» и «ню-инк» из простых, обо-

женных на солнце процессоров фирмы «интель».

Индейцы приняли путешественников радушно. Специально для них из хранилища племени была принесена ковровая дорожка из шерсти собак, покрашенная кармином в ярко алый цвет. Сам Великий Вождь поприветствовал гостей, стоя на парапете храма Чук-хе и назначил аудиенцию на завтра, минувя всех своих заместителей, что, по словам Юпиэса, было очень хорошим знаком.

Люди племени находились на низком уровне технического развития. Они строили свои хижины из кремния и германия, разводили деликатесных собак, а также добывали пропитание путем охоты и собирания подножного корма – преимущественно макулатуры и пустых бутылок из-под пива «Корона». Источником дохода для них служили также редкие вылазки в сельву, целью которых было обнаружение скопищ редких цветных металлов.

Некоторые барыши приносил также и туризм, но из-за того, что большинство туристов съедались сразу же после покупки сувениров, КПД этого бизнеса стремился к нулю. Без сомнения, с таким уровнем доходов, племя давно бы вымерло, полностью нивелировавшись на фоне бескрайних джанклей, но к счастью, их социальное устройство привлекало огромное множество всяческих антисоциальных элементов, преимущественно западноимперского происхождения, которые находили приют в племени, и поддерживали его геннофонд. Так, что ничего удивительного не было в том, что

уже несколько последних поколений цвет кожи индейцев белым, а одиозные татуировки передавались по наследству подобно родимым пятнам. Совершенно не удивляло также торжество Великой Идеи, среди данной публики.

Граждане Чук-хе интересовались окружающим миром – среди них были отличные трапперы, охотники, рыболовы и полупроводники. На вертких пирогах, выточенных из отработавших разгонных ступеней имперских баллистических ракет, они отправлялись в дальние вояжи вдоль Цифрового канала, нападая на одинокие миссии Красного Клеста и похищали месячный запас мумий, пополняя тем самым свое скудное пропитание.

Племя старалось следить за техническим прогрессом, но денег на имплантанты никогда не хватало и людям Чук-хе приходилось делать их из крашенной глины, речной гальки и рыбьих костей. Сей процесс так широко разошелся среди народа, что даже редкие номенклатурные обладатели реальных имплантов старались украшать их с помощью природных красителей.

По прибытию, гостей препроводили в самую крупную пирамидальную хижину, возвышающуюся среди ровного строя японских пирамидальных аудиосистем, что были сюда завезены группой туристов, сразу после этого пошедших на удобрение для своих деревьев. Разделенная внутри на множество крохотных боксов хижина тут же напоминала приснопамятный отель в Мегалополисе. Почетный караул из двух угрюмых

воинов с примотанными к заграничным швабрам с микрофиброй деталями от цифрового микроскопа, встали по сторонам от двери, мягко намекая дорогим гостям, что им надо отдохнуть с дороги. Видя нервозность гостей, Юпиэс поспешно призвал к спокойствию, а ван-Доорн робко попытался напомнить об унтах, но взгляд его пал на босые ноги караульчиков, указывающие на их принадлежность к касте Смертников За Великую Идею, и поспешно осекся.

День, впрочем, прошел спокойно. Посетителей не было, только за стенами все время что-то скребли, отмывали и красили. Завершился он громогласным исполнением из скрытых динамиков песни «I was made for loving you», посвященной Великому Вождю благодарным народом Чук-хе.

Утром следующего дня путешественников подняли не свет не заря давешние солдаты и через Юпиэса объявили о том, что их представителя хочет видеть Великий Вождь.

Сопровождаемые эскортом, неприятно напоминающим стражу, Алексей Сергеевич и Юпиэс ушли, причем Красноцветов потерянно оглянулся напоследок, отчего сердца его спутников болезненно сжались. Первую половину дня прошла в тревогах, а также попытках расспросить ван-Доорна поподробнее о нравах в племени.

– Они не заговаривают об унтах, – мрачно сказал капрал, протирая имплант полый своего мундира, – это плохой знак. Боюсь, как бы они не переметнулись к конкурентам – говорят, компания «Кинза фармасьютиклз», прикрываясь им-

портом зелени, занимается нелегальным изготовлением меховых сапог для стран третьего мира. Как бы что не вышло...

После полудня, когда душа последнего мумифицированного сидюка потеряла всякую надежду вернуться в телесноеместилище в виду полного поглощения последнего, хлопнула входная дверь, заставив всех вздрогнуть. Однако вошедший Красноцветов широко улыбался.

– Все прошло замечательно! – объявил он, – Великий Вождь очень рад нас видеть и просит чувствовать себя как дома. Сегодня вечером будет пир в нашу честь, обещают нечто особенное! И мы говорили с ним про Ящик. Он действительно существует!

– Кто, – спросил Валера, – Вождь?

– Золотой Ящик! Цель нашего путешествия! Оказывается, это совсем рядом – в джанклях.

Вождь согласен провести нас туда, если мы откроем ему дверь. Они, видите ли, столько не могут войти внутрь, что появилась легенда, будто там находятся меховые унты всех ушедших к Чук-хе членов племени, хранящиеся там с незапамятных времен. Довольно зловещая легенда. Кстати, Валера, нас теперь считают озаренными Великой Идеей из-за той морской свинки, что ты носишь на плече. Полагается, что сам Чук-хе выразил к тебе благосклонность, появившись в образе зверька.

– В некотором роде так оно и есть, – сказал Валера серьез-

но.

В преддверии пира дорогим гостям была устроена показательная прогулка с осмотром достопримечательности деревни. Деревня в целом понравилась – очень чистенькая, с отмытыми до блеска стенками хижин и выметенными дорожками. Смущало лишь то, что среди жителей встречались в основном бесстрастные босоногие солдаты, тактично прикрывавшие собой входы в дома. Периодически из хижин появлялись чистые отмытые дети в опрятной одежде и с лучшими имплантами. Они белозубо улыбались гостям и шли дальше, чинно держась за руки. Через каждые три хибарки появились киоски с прохладительными напитками, преимущественно лимонадом «Траяны» и газированной водой «Полкан».

Как и полагается, посередине деревни, на сделанном из древнего «Крея» постаменте, покоилась медная статуя Чук-хе. Полный и невысокий, Чук-хе протягивал к гостям скрюченные короткие лапки и по-доброму улыбался, глядя ласковыми раскосыми глазами.

Валера прерывисто вздохнул, и сделал шаг вперед, осторожно погладил статую по лапке.

– Ну, здравствуй, Чук, – сказал он, – вот и свиделись. Ты уж извини, друг, что так вышло. Я не хотел, честно. Обстоятельства были против нас. Но ведь нет худа без добра?

Я изменился, ты вообще познал эту вашу Великую Идею... Все к лучшему в этом мире, ведь так?

Чук-хе спокойно смотрел на Валеру сверху вниз и безучастно улыбался, ослепительно сияя под солнцем начищенной медью.

Этим же вечером был дан торжественный пир по случаю посещения дорогими гостями племени. Вечер прошел в теплой дружественной обстановке. Собравшийся за одним столом с гостями Великий Вождь непринужденно смеялся, слушая последние имперские сплетни, и, ласково похлопывая Красноцветова по плечу, обещал всяческую помощь отважным искателям приключений. Соседи же, не преминули отметить, что Великий Вождь чрезвычайно похож на Чук-хе, что без сомнения явилось следствием тотальной преданности Великой Идее ведущего скульптора племени.

Стол был хорош. Ради дорогих гостей из темных подвалов и казематов племени извлекли редкие блюда – жженных сидюков, мясо копира, хрустящие будочки, сотовые телефоны фирм LG, которые надо было аккуратно открывать, а потом специальной гнутой вилочкой изымать нежное содержимое, экзотические плоды бинго, и жаркое из собаки динго, квашеную лангусту, королевского омара и вертких хребеток, что приятно хрустели на зубах. Гостей попотчевал свежими, поджаристыми рубликами, найденной в глубокой заморозке и оставшейся еще с прежних времен «мокко-колой» с пахнущей химикатами шапкой сливов.

Были здесь жаренные в масле анацины и атланасы, скрученные в трубочку листки с чердака, исходящие мощным

ароматом.

Великий Вождь на протяжении всего праздника оставался чрезвычайно любезен, самолично подкладывая огненные сварки сидящему по правую десницу Красноцветову.

Завершился пир выступлением хора лучших девушек племени в расписных национальных унтах и резных калашниках. Трогательно волнуясь и перевирая ноты, хор пропел «Марафонные вечера», а также «Perfect day», посвященную то ли Великому Вождю, то ли Чук-хе, то им обоим одновременно.

После окончания пира, осененные великой идеей и пожеланием хорошей ночи гости, сытые и довольные, расползлись по своим номерам, с удивлением отметив, что деревня племени кажется им весьма милым местом, и даже сам Чук-хе, казалось, махал им вслед и улыбался улыбкой клоуна из темноты.

В полдень следующего дня сладко спящего Александра Ткачева грубо подняли двое босоногих солдат с выточенными из альмового листа мачете за поясом. Пока сетевик пытался понять хоть что-то, ему скрутили руки за спиной и, щелкнув наручниками, поволокли на улицу. В дверях гостиницы процессия столкнулась со своим подобием, только в качестве эскортируемых выступали Красноцветов и Юпиэс. Проводник был белее снега.

– Что... что происходит?! – только и успел выдавить Ткачев, когда их вместе вывели на ярко освещенную солнцем

улицу, – за что нас? Великий Вождь обещал...

– Беда, господин! – крикнул Юпиэс, кривясь от боли в заломленных руках, – большая беда! Сегодня утром Белый Червь похитил дочь Великого Вождя – юную принцессу второй утренней свежести! Большое горе всему племени... большие жертвы Чук-хе.

– А мы то тут причем?! – возопил тут Алексей Красноцветов, – Вождь, негодяй, улыбался вчера...

– Умерьте гнев! – поспешно крикнул проводник, – и может быть все еще обойдется!

– Как же... – рывкнул Ткачев и тут же осекся.

Еще вчера двух клеток перед резиденцией Вождя Чук-хе не было и в помине, однако, монолитные конструкции, собранные из труб от гидравлической системы экскаватора, без сомнения были сделаны не вчера. В одной сидела Анна, в другой – ван-Доорн, оба выглядели слегка ошарашенными.

– Что же это, сэр Красноцветов?! – спросил капрал при приближении новых зрителей, – как же это получается?

– А это у вас надо спросить, – процедил Алексей Сергеевич, – Аня, а ты как?

– Хорошо, – сказала Анна, – вот только...

Но соседей уже провели в резиденцию. Тяжелые литые двери звучно захлопнулись, отрезая доступ к свету и воздуху. На каждой створке двери было написано: «Человека создал Чук».

Великий Вождь был совершенно бесстрастен. Глаза его,

спокойные и безразличные как у медной статуи, как у родной земли, посылающей своих сынов на смерть, смотрели на дорогих гостей. От взгляда этого делало нехорошо. Движением руки Вождь повелел отпустить пленников и, подозвав к себе Юпиэса, молвил ему короткую фразу. Юпиэс просиял.

– Хорошие новости! – сказал он, – Нас не будут есть.

– А что же будут? – мрачно спросил Красноцветов.

– Нам предлагается стать героями. В идеологии Чук-хе всегда есть место подвигу, и, как правило, к нему приговариваются идейно выдержанные гости нашего племени, ну, те, что не проходят ритуал очищения. Великий Вождь собирается вложить в наши руки справедливое оружие возмездия и послать вслед за Белым Червем, и убить его во славу Чук-хе.

Поверьте! Это большая честь! Не вздумайте отказываться, а то мы все равно пойдем, но только связанные!

– Что еще за Червь такой? – кисло спросил Александр, – откуда он вообще взялся?!

– Обычный Червь, – пожал плечами Юпиэс, – Белый. Цифровой. Полиморфный. Он давно живет в здешних пещерах. Считается, что он один из ранних отпрысков Чока, когда тот еще идейно не перековался и обильно плодил разных химер.

– Но почему только мы с Сашей? – спросил Красноцветов, гневно. Нельзя сказать, что он не ожидал чего-то подобного, но их бдительность уже довольно давно сдала сбой, посреди этой невменяемой круговерти.

Великий Вождь вновь вставил свое веское слово и Юпиэс, криво улыбаясь от облегчения, произнес:

– Вождь говорит, что на Белого Червя можно охотиться максимум вдвоем. Червь очень умен – если будет много народу, он может испугаться и уйти в коллекторы. Но Вождь также сказал, чтобы вы не беспокоились. Вы пойдете не одни – с вами будет Чук-хе, который, конечно, защитит своих преданных слуг.

Алексей Сергеевич тяжело вздохнул, а Ткачев резко спросил:

– А Анна с ван-Доорном? Что они делают в клетках?!

– Ваша женщина будет исполняющей обязанности принцессы, до тех пор, пока сама принцесса не будет найдена, – снисходительно молвил через переводчика Великий Вождь, – по-моему вполне нормальная рокировка, вы не находите? Что же касается ван-Доорна, то наши наблюдатели в империи прислали сведения, что унты были незаконно списаны из ракетного гарнизона на дальнем севере. Так как именно в том месте по легенде находится место последнего упокоения Чока, есть большой риск, что использование этих унт может пробудить зверя от сна раньше положенного срока и тем самым приблизить конец мира.

Так, что ван-Доорн обвиняется в злостных махинациях с целью уничтожение правящего режима Чук-хе, через всеобщий Апокалипсис.

– Да ты... – начал было Ткачев, подаваясь вперед, но тут

оказавшийся рядом солдат нежно приложил его штырем от фотоувеличителя, отчего сетевик на некоторое время потерял свободу волеизъявления. Красноцветов, которому трубу показали сразу за этим, благоразумно промолчал.

– Да озарит вас светом Чук-хе, храбрые воины, – сказал Великий Вождь и взмахнул ладонью, после чего дорогих гостей поспешно вытурили с аудиенции.

Им выдали редкие унты, вручную раскрашенные соком диких ягод в кроваво-красный оттенок и обвязали головы шелковой полосой такого же цвета. Выдали имперские карабины «спайка», переделанные для стрельбы патронами 7.62 и имеющие до трех систем распознавания владельца. Дорогое вишневое дерево, медная полированная пластина цевья с гравировкой, по две обоймы на брата, ремень из натуральной кожи. Каждому вручили по платиновой фляге с водой, крохотную аэрофлотовскую бутылочку «Баттл Рояля» для поднятия боевого духа, капсулу микропередатчика с возможностью отслеживания со спутника и капсулу цианида, если дела пойдут совсем уж плохо. Также оба охотника получили красную книжечку-цитатник «Свет Чук-хе», которую читать не предлагалось, а предлагалось находить пробитыми на холодных трупах героев. Также оба получили по пятилитровой канистре топлива «Маки Шелл» с октановым числом не ниже 98и – явное свидетельство покровительства Великого Вождя.

– Кажется, влипли мы, Алексей Сергеевич, – сказал Тка-

чев, разбирая свой карабин, – что-то они на нас так жалостливо все смотрят. Даже эти – вечный караул. Уж им то что?

– Юпиэс сказал мне, что Червь опасен не сколько силой или дикостью, сколько хитрыми речами. Зверюга из породы драконов, а тем, как известно ни в какую нельзя верить, – произнес Красноцветов, – ничего, Саня, раньше не сломались, и теперь не ломаемся. В двух шагах то от цели!

– А знаете что? – спросил Александр.

– Ну? – Красноцветов зарядил обойму в свой карабин, звучно взвел затвор, раздался короткий сигнал и подле курка загорелась зеленая диодная лампочка. Ружье было готово к бою.

– Нам мешают, Алексей Сергеевич, – сказал Ткачев, – Пытаются остановить. И я знаю кто.

– Думаешь, Червь – это тварь?

– Нет сомнений, – сетевик со вздохом поднялся, – мы должны вернуться с охоты живыми!

Иначе все зря. Остальные не справятся и тварь доберется до них. И не поможет никакой Чук-хе, будь он неладен.

Красноцветов кивнул, и Александр вышел из уютной хиба-ры, предоставленной им на ночь великим вождем. На улице было свежо. Зеленая луна, похожая на самую большую в мире рекламу заплесневелого сыра висела над сельвой, и все так же крутились в пустоте колеса летящего на ее фоне велосипеда. Ткачев задумчиво уставился на светило и четвероногое, уже столько времени пытающееся его перепрыгнуть –

беззаботное чернобелое создание – счастливо и безалаберно помахало ему копытом. Пахло речной тиной, резкими благовониями и электроникой, в речке мелодично похрюкивали лягушки стоп сигналов для автомобилей «волга», да шевелились и шумели угрюмо джанкли – ветер уныло выл в проемах металлоконструкций. Ткачев неожиданно понял, куда сейчас пойдет.

Ван-Доорн тихо посапывал в своей клетке, а вот Анна не спала. Она подняла голову и улыбнулась, узнав пришедшего:

– Саша?

– Да, я... Анна, я просто хотел сказать, чтобы ты не теряла голову. Мы, в любом случае, освободим тебя... слово имперского гражданина! Ты не останешься у этих рабов Чукхе, слышишь?! Я все сделаю ради этого! Это не твоя судьба.

– Но Червь...

– Червь – это Тварь, а значит, битва будет серьезной. Червь – это настоящее, и я не знаю, кто из нас возьмет верх. Мы впервые выступим в открытую... ну, или хотя бы попытаемся.

– Страшно как... – прошептала Анна, – если бы ты только знал, Саша, как я устала от всего этого. Непрерывный кошмар все последние месяцы. Я... словно отрываюсь от земли.

Не чувствую тверди под ногами. Не чувствую опоры. И не знаю, что будет дальше. Это и есть, чудо, Саша? Я ведь так мечтала о чуде.

– Мы все мечтали о чуде, – молвил Ткачев, – все, так или

иначе. Потому и попались в эту сеть. Но я хотел сказать тебе еще одну вещь, Анна. Ты ведь помнишь тот чат осенью прошлого года... Фавн? — Мой никнейм... — произнесла она, — откуда ты его знаешь? Неужели... Но как же такое может быть?

— Дом не дал нам встретиться. Ты знаешь, я даже не верил, что ты существуешь на самом деле. Мы жили в одном доме и не знали об этом. Но ты все-таки есть и мы встретились, так или иначе. И это, пожалуй, главное чудо из всех, которые со мной случились.

— Паромщик... это ведь ты, да?

— Да, ты знала меня как паромщика. Хотя тогда у меня было много разных прозвищ... так, кажется, давным-давно. Судьба ведет нас прихотливыми тропинками, Фавн, и на них есть место настоящим чудесам. Я просто хотел напомнить тебе об этом. Есть и хорошие чудеса.

— Есть! — произнесла Анна, — есть! Теперь я верю, они есть! Я ведь чувствовала... я... возвращайся, поскорее. Не покидай меня теперь, когда мы встретились, наперекор этой бешеной твари судьбе! Пожалуйста...

Александр Ткачев протянул руку сквозь прутья и осторожно, кончиками пальцев, коснулся плеча Анны Воронцовой.

— Обещаю, — улыбнулся он, — ну, прощай... моя королева!

Ван-Доорн пробудился в своей клетке, и, продрав глаза, сонно и недовольно уставился на соседей. У него были со-

всем другие проблемы.

В полночь Красноцветов и Ткачев выступили в поход против червя. Босоногие камикадзе довели их до сумрачной границы джанклей и предоставили самим себе. Место обитания Белого Червя – старый сливной коллектор было указано заранее. Круглая зеленая луна и не думала заходить, однообразно зависнув в горних высях. Сельва не спала – качались по ветру черные кабели высокого напряжения, бесшумно перепархивали с ветки на ветку летучие собаки, кора деревьев отдавала дорогим лаком. Крошечные полевые мыши – белые с красными пронизательными глазами прыскали из-под ног, и остановившись на некотором расстоянии замирали, наблюдая. Почва под ногами была сухая как пыль – смесь золы, сажи, битых бутылок, затвердевшего гудрона, песка и торфа, а под ними тонкий, ломкий слой шлака, что хрустел под ногами подобно настоящему снегу.

Ткачев поправил карабин и обернулся к собачнику:

– Как будем брать зверюгу?

– У коллектора два выхода, – произнес Красноцветов, – если обложить только один – червь неминуемо уйдет. Нам придется разделиться.

– Так узнали, на что он похож?

– Никто не смог мне объяснить точно. Большинство поселян сходятся на том, что он похож на Чук-хе. Кто-то видит его в образе Великого Вождя, а некоторым он видится Чоком.

Между тем, Юпиэс, наш проводник, один раз видел Червя и утверждает, что тот очень любит образ офицера эмигрантской службы. Ван-Доорн с ним соглашается, но только в том, что это офицер, вот только на этот раз из налоговой полиции. Судя по всему червь не имеет определенного образа.

– Ну да, – кивнул сетевик, – ведь он же полиморф. Следовало догадаться.

На первые следы червя они наткнулись километром спустя – крупная горстка экскрементов, отвратительно пахнущая порушенными надеждами и кремнеорганикой. Еще здесь имелось три оплывших от желудочного сока твари романа ужасов в мягких обложках, кусок дешевой целлулоидной пленки и полупереваренный фрак с костяными пуговицами. Еще здесь же нашел билет Чук-хе, что, безусловно, не прибавило соседям настроения. Длинный слизистый след Червя вел от кучи в западном направлении, огибая врытый в землю «Морган 4/4» и дикорастущую поросль шотландских кильтов, а после нырял под землю, в скромной роще постеров малобюджетных фильмов про вампиров. Чуть дальше след вновь возникал на поверхности, о чем свидетельствовал полупровалившийся в недра коммерческий грузовик с кузовом полным специй «веджетта». Фары машины тускло горели, привлекая романтично настроенных ночных мотельков, преимущественно отмеченных тремя звездами.

Настоящие звезды, ровно и не мигая, смотрели на сельву с темного неба и медленно крутились вокруг своей оси,

и казалось сейчас соседям эта дикая чаща странным набором декораций, выдуманных страдающим расширением сознания декоратором для авангардного спектакля одиозного режиссера по мотивам пьесы сидящего в психиатрической больнице автора. Соседи ничуть не удивились, когда в следующей куче червя нашли полусъеденные произведения Франца Кафки и Кобэ Абэ – судя по всему, червь страдал дурным привкусом.

– Вот он, коллектор, – прошептал Красноцветов, указывая во тьму, – а второй вход с той стороны.

Здесь, доселе ровная, выжженная поверхность сельвы вспучивалась уродливым оплывшим горбом с потрескавшейся широкими трещинами поверхностью. Остаток асфальтовой беговой дорожки выходил из сельвы и под невероятным углом вздымался к вершине, на которой подобно копьё над могильником древних племен возвышался плакат на массивных стальных опорах с яркой, округлой надписью: «Черви – цветы жизни. Они полезны для почвы под ногами. Берегите червей!»

Идеально круглое черное отверстие – судя по всему выход какой то трубы у самого подножия холма и было логовом Белого Червя.

– Здесь мы разделимся, Саня, – произнес Алексей Красноцветов, стискивая ружье, – В этом ходе я запалю бензин, после чего червь побежит на тебя. И тут уж не мешкай. И помни, он может попробовать заговорить с тобой. Не давай

ему себя уболтать. Помни про тварь. Помни про нас всех.

– Не бойтесь, Алексей Сергеевич, – кивнул Ткачев, – Мне есть зачем возвращаться домой.

Собачник вздохнул, и принялся отвинчивать крышку канистры. Остро запахло топливом.

Ткачев двинулся в обход холма – на середине пути потрескавшаяся шкура кручи сменилась выщербленным бетоном, поросшим древним обесцвеченным мохом, и исписанным непристойными граффити. То было некое подобие древней дамбы, неизвестно как оказавшейся здесь, в трех километрах от канала, и выходное отверстие гидротехнического сооружения было в несколько раз больше скромной трубы на той стороне. Это уже был целый туннель, из которого мощно благоухало слизистым разложением. Оценив обстановку, Александр занял место напротив входа, скрывшись в густой роще ядовитых грибов-мониторов, чьи суперплоские стогерцовые экраны слегка помаргивали голубоватой матрицей, надежно укрывая спрятавшегося охотника. Ствол карабина смотрел прямо на тоннель.

Ткачев замер в ожидании. Луна светила с небес, бросая резкие, секущиеся тени и трудно было понять, что есть что. Мелкие ночные сондания извивались и шевелились во тьме пожирая и спасаясь от пожирания, спаривались и производя все новые и новые химеры.

Голая вершина холма выглядела грандиозным памятником всему на свете.

Пауза затянулась, а потом лес вздрогнул – с вершин деревьев сорвались птицы-истуканы и с каменным грохотом вошли в почву у подножий, стремясь как можно скорее скрыться в надежных теплых недрах. С той стороны холма стало занимать яростное оранжевое зарево, донеслось потрескивание огня – Красноцветов запалил выход. Теперь червя оставалось ждать с минуты на минуту.

Сетевик нервно стиснул карабин вспотевшими ладонями. Червь все не шел. Там, под холмом, прихотливая сеть канализационных туннелей сейчас наполнялась едким ядовитым дымом с высоким содержанием тетраэтилсвинца, вызывая разрывающий голову кашель и помутнение сознания. Но Червь по-прежнему не появлялся. Возможно, он был устойчив к ядам, а может быть у него просто не было легких. Спрятавшийся в засаде Александр Ткачев, неожиданно стал казаться себе бесконечно маленьким и незначительным, подобно единственному оставшемуся в живых пехотинцу в окопе, на который вот-вот должен пойти танковый клин. Здесь, посреди неприветливого леса, который мог, пожалуй, привидеться лишь Рене Магриту после длительного употребления под абсент гравюр Босха, Ткачев ощутил то пронзительное и жгучее как мороз чувство потери твердой почвы под ногами, о котором недавно говорила Анна. Ощущение было страшным, мир дернулся, поплыл, в земле словно разверзлась невидимая, ледяная бездна, откуда ощутило тянуло безумием.

Стремясь отогнать некстати подступившее наваждение, Александр зло тряхнул головой и тут же услышал шорох.

Вот оно! Ствол карабина смотрел во тьму тоннеля, но пришелец возник откуда-то слева, из джанклей, и поспешно вскинул руки, показывая, что не намерен проявлять агрессию.

Свет луны пал на лицо гостя и Ткачев нервно вздрогнул – к нему, широкими шагами шел Красноцветов.

– Алексей Сергеевич! – крикнул Ткачев, – Это вы? Но зачем...

– Не стреляй, Саня, – крикнул тот, приближаясь, – Так было надо. Подожди...

– Но Червь же уйдет! Огонь сейчас прогорит! Все провалится... Красноцветов!!! Я...

Он хотел сказать еще что-то, но с изумлением осекся. Потому, что вдоль стены бежал еще один Алексей Красноцветов – точно такой же как и первый. Он очень спешил, и размахивал карабином.

– Саня! – крикнул бегущий, оскальзываясь на слизистых камнях – Саня, стреляй, это же Червь!

Страшная догадка пронзила Ткачев, руки его дернулись и направили карабин в грудь первому Красноцветову. Сетевика начала бить неприятная дрожь. Значит, полиморф?

– Стой! – сказал Александр.

– Саш, да ты чего? – спросил собачник, что появился первым, – Тут же червь! Он ведь нас сожрет так! – однако, оста-

новился и опустил руки.

– Да стреляй же в него! – завопил второй Красноцветов, надсаживаясь, – это же Червь, убей его!!

– Встали оба!!! – рявкнул Ткачев, поводя карабином.

Гости остановились. Один, метрах в десяти позади другого. Оба были похожи как две капли воды. Каждый имел унты, карабин и канистру. Александр ощутил, как мороз идет у него по коже – один из пришельцев, безусловно, Червь. Но вот кто?!

– Полиморф... проклятый полиморф! – выдавил из себя сетевик, поводя ружьем с одной цели на другую.

– Саша... Александр, послушай меня... – рассудительно начал первый Красноцветов.

– Нет, не слушай его! – тут же крикнул второй, нелепо взмахивая руками, – это же тварь! Не слушай ее!

– Правильно, – сказал первый, – не слушай эту тварь. Она пришла по наши души и любой хитростью постарается доказать тебе, что она и есть настоящий Алексей Красноцветов. Но Саша, слушай сердце. Я – настоящий! Ты что, не чувствуешь?

– Н...нет, – вымолвил Ткачев, нервно, – Не чувствую. Червь... Тварь, тебе лучше сразу признаться, а не то...

– Не то, что? – спросил первый Красноцветов.

– Я не знаю!! – крикнул сетевик, – но Червь отсюда живым не уйдет.

– Что ты хочешь сказать?! – дрогнувшим голосом спросил

второй собачник, – ты будешь стрелять в меня?

– Убей же его, Саня! – выкрикнул между тем первый, – он пытается заговорить тебя, сыграть на жалости. Ну же! Я бежал от него, чтобы предупредить тебя! Я не успел... Но это он, я уверяю тебя, он! Это Тварь, Червь, сладкоголосая дрянь!!!

– Не слушай его! – завопил второй, – не надо!

– ЗАТКНИТЕСЬ ОБА!!! – заорал Ткачев изо всех сил. Гости заткнулись и испытующе уставились на Александра – одинаковые, как пара мишеней в тире.

– Попробуем от противного, – сказал сетевик, облизнув пересохшие губы, и, кивнув на второго, крикнул, – эй ты, как звали твою собаку?

– Ее звали Альма, Саша, – со вздохом сказал тот.

– У нее был палевый окрас и мы с ней брали замок Мясника... – вставил первый.

– Она дралась с Бульдозером во дворе... – произнес второй.

– Она исчезла, когда все началось... – высказался первый, – ну, ты доволен.

– Это тупик, Саша, – устало опустив руки с карабином, сказал Красноцветов номер два, – он же тварь. А тварь, единственная из всех, кто знает о нас все.

– Судя по всему, принимая мой облик, Червь скопировал и всю мою память, – заметил первый, – так ты ничего не добьешься. Тварь поймала нас, Александр...

Сетевик почувствовал, как глаза наполняются слезами бессилия. Два одинаковых Красноцветова виновато стояли перед ним, и лишь один из них был настоящим, живым Алексеем Сергеевичем, без которого – он чувствовал – уже ничего не получится и идти к Ящику будет не зачем. А Тварь... Тварь, наверное, сейчас ухмыляется про себя, храня на лице неподвижную чужую маску. Прицел карабина прыгал с одной фигуры на другую и казалось, что у охотника двоится в глазах.

– Извини меня, Саша, извини, что так получилось, – сокрушенно сказал пришедший вторым Красноцветов.

– Что мне делать?! – крикнул Ткачев, обращаясь одновременно к обоим, – Что?! Ну?!

– Я не знаю... – произнес второй Алексей Сергеевич, – Но, боюсь, тебе придется сделать выбор.

– ...И сделать его довольно скоро, – добавил первый, – мы не сможем стоять так всю ночь. Тварь может напасть, пока ты целишься в меня.

Ткачев сжал зубы. Сельва вокруг замерла – гулкая тишина пропитала массивные уродливые конструкции. Кабели не шатались под ветром, ночные создания собрались на границе джанклей и смотрели – множество безмолвных зрителей с выпуклыми, поблескивающими глазами. Сетевик заметил, что лунный свет падает теперь совсем отвесно, освещая немую сцену, наподобие мощного софита. Тени съежились и стремились спрятаться под ногами хозяев. Наступала пол-

ночь.

Красноцветов и Тварь, Тварь и Красноцветов, Тварь, Тварь, Красноцветов, Тварь. Кто из них кто?

Лучи небесного прожектора падали отвесно сверху, разделяясь на три четких луча – в которых стояли Красноцветов один, Красноцветов два и Александр Ткачев. Невидимые зрители напряженно следили за развязкой. Сетевик ощутил их внимание – тупая и жадная до зрелищ толпа напряглась, готовясь испустить дружный вздох удовлетворения разочарования. Мир как никогда раньше казался фальшивым.

– Безвыходное положение, да, Сань? – хорошо поставленным голосом провозгласил первый Красноцветов, – но безвыходных положений не бывает. Тварь знает, что так или иначе, но живой ей не уйти. Даже если ты убьешь меня, следом все равно убьешь ее. Во всяком случае, здесь.

– Что он мелет? Тварь нельзя убить... – крикнул второй собачник, – тварь нельзя убить...

– Тварь призналась сама, – сказал первый, – видишь? Но она боится нас, несмотря на всю свою неуязвимость. Но выход есть, Саша. Мы можем дать ей уйти. Отступить. Слышишь, тварь, мы можем дать тебе уйти, как насчет этого...

– Я не собираюсь давать ей уйти!! – взвизгнул Ткачев, дернув карабином, – молчите...

Молчите оба, мне надо подумать!

Они замолкли. Одинаковые. Даже выражения на лицах – тоскливая усталость. Ткачев тяжело дышал. Способ опреде-

лить кто есть кто только один – взять и выстрелить в ближайшего Красноцветова, и посмотреть на результат. Шансов – пятьдесят на пятьдесят.

С другой стороны – Червю можно дать уйти. Но тогда... тогда Анна останется в клетке.

Его Анна останется в клетке! Однако Красноцветов... если это все же будет он, что тогда? Их станет шестеро. Собачник вел их всю дорогу, только он, да еще, пожалуй, Поляков был для них объединяющим звеном. Нет, нельзя, нельзя допустить! Ствол ружья дернулся в сторону одного, потом другого. Оба синхронно вздрогнули, что привело Ткачева в состояния тихой ярости.

– Ненавижу... – тоскливо произнес он, дрожащим пальцем елозя по спусковому крючку, – сволочи... за что вы меня так? За что? Я сейчас с ума сойду. Съеду с катушек... червь, я тебя все равно не отпущу...

– Александр! – резко выкрикнул второй Красноцветов, – соберись! Соберись же!

– Молчите... – слезы уже лились по щекам Александра. В голове промелькнула холодная отстраненная мысль, что он становится законченным истериком. Ткачев хрипло усмехнулся, и твердо нацелил карабин на второго Красноцветова – тот вроде бы держался поспокойней и это казалось подозрительным. Очень хотелось закрыть глаза, но делать этого было нельзя.

– Ну, хорошо! Давайте рассмотрим еще одно предложе-

ние... – сказал первый Красноцветов поднимая руки в умиротворяющем жесте. Договорить он уже не успел, потому, что второй Красноцветов без всякого перехода сделал нечто совершенно невероятное – крикнул «лови» и швырнул в двойника своим карабином.

Это было настолько дико, что Александр застыл с раскрытым ртом, так и не нажав курка.

Первый собачник дергано обернулся с выражением крайнего изумления на лице и ловко поймал карабин левой рукой.

– Что за... – начал он и тут на полированном древке оружия с отчетливым резким зумом вспыхнул красный сигнал. Потрясенное сознание Александра Ткачева все еще пыталось переварить увиденное, а руки уже сами твердо направили ружье в живот первому Красноцветову и нажали на спуск. Карабин сухо и отрывисто протарахтел, выплевывая очередь из десяти патронов калибра 7.62. Джанкли резко вздохнули. Красноцветов попятился – рубашка на животе превратилась в кровавое сито, из которого торчали обрывки ткани. Он не падал. Напротив, он пошел в атаку. Где-то на границе сознания второй Красноцветов дико завопил: «Червь», а сетевик со странным чувством холодной радости успел высадить остаток обоймы в надвигающуюся на него бледную слизистую тушу, в которой уже не осталось никакого подобия человека, а потом истекающий белой дрянью в трех десятках мест Белый Червь в последнем конвульсивном дви-

жении дотянулся до Александра Ткачева.

Софит погас резко, словно кто-то выключил свет. Мизансцена завершилась. Джанкли не аплодировали, но это не значит, что им не понравилось – просто у большинства населявших их существ не было рук.

Появление бывшего ведущего бухгалтера Алексея Красноцветова из темнины леса с принцессой в одной руке и бездыханным телом Александра Ткачева в другой было встречено в племени бурными овациями. Сам Великий Вождь почтил их своим присутствием, троекратно облобызал удачливого воина и, не сходя с места, вручил ему орден красного пламени, и кирзу героя. Принцесса совершенно не пострадала, разве что после суточного пребывания в коллекторе могла теперь именоваться разве что третьей вечерней свежестью, да и то в полутьме. Выразить свою радость, по поводу чудесного спасения она не могла, потому что после паров этилированного бензина вот уже третий час переживала небольшую, но красочную галлюцинацию в южно-испанском стиле. Сетевик прибывал без сознания. Без промедления выпущенная из клетки Анна с воем бросилась к нему, по пути наградив Великого Вождя ненавидящим взглядом, словно в том вдруг проступили черты Твари, и принялась нахлестывать Ткачева по щекам, причитая:

– Да очнись, же, Саша, очнись!!! Ты обещал, слышишь?! Обещал мне...

– Очнется, куда он денется... – усмехнулся Красноцветов,

передавая Великому Вождю карабин, – червь его придавил малость, но силы у твари были уже не те. – Он обернулся к племени и крикнул, – убит ваш Червь! Нету его...

Цепь босоногих воинов племени Чук-хе на миг утратила свою обыкновенную мрачность и троекратно салютовала в воздух деталями точных приборов. Анна подняла на Красноцветова сияющие глаза:

– Он ведь из-за меня пошел! Из-за меня!

– Я знаю, – кисло сказал Красноцветов, – он, похоже, и выбрал тебя. Чудом уцелели.

Сетевик пришел в себя лишь день спустя, когда в племенных мастерских уже всюду стучали зубила – сноровистые руки туземцев вытачивали из бронзового дерева статуи героев-победителей. Их лица – задумчивые и величественные одновременно уже были готовы, а сильные мускулистые тела еще ожидали своей очереди. Встать статуи должны были по правую и левую руку Чук-хе, а сделанная из использованной резиновой шины туша червя навсегда уляжется них под ногами – для ежегодного ритуала оплевания и загрязнения.

О случившемся Алексей Красноцветов и Ткачев никогда больше не говорили. Только в тот, первый же вечер, когда Александр, наблюдал как оранжевое, раздутое солнце скребет по верхушкам лесов на той стороне реки и не мог никак поверить в спасение, собачник спросил:

– В тот момент... у коллектора... Ты бы рискнул выстрелить?

– Да, наверное... – сказал, после паузы, сетевик, – Раньше бы, видимо, нет. Но теперь... мне теперь есть что терять помимо себя самого.

Красноцветов кивнул и вышел из хижины – его ждал Великий Вождь. Собачник так и не рассказал никому из соседей, каким образом он тащил сразу два сопротивлявшихся тела долгие километры по кишащим ядовитой гадостью джанклям, как останавливался и грозил звездам, луне и ночной сельве кулаком, обещая отыскать эту сволочь режиссера и сделать из него Белого Червя. От пережитого остался лишь сорванный голос, да сломанные ногти на обеих руках, но и то и другое прошло через некоторое время бесследно исчезло.

Три дня спустя, по узкой звериной тропе прошествовал небольшой отряд из семерых соседей, Юпиэса, великого Вождя, десятерых босоногих воинов элитной стражи и вандОрна, который купил себе свободу заложив всех нелегальных импортеров собачьих унт на севере. Прошествовал и остановился перед небольшой низиной, где сельва ненадолго распахивала свои удушающие аммиачным запахом объятия над крохотной полукруглой полянкой. На дне овражка громоздился изломанный асфальт со следами дорожной разметки.

Впереди, чуть дальше, лесные выющиеся кабели густо оплели некое сооружение, казавшееся угрюмой одинокой скалой, но ей не являющееся.

Увидев сие зрелище, Константин Поляков криво ухмыльнулся. О да, все слишком знакомо.

– Это Золотой Ящик, – торжественно молвил через переводчика Великий Вождь, – сюда уходят души людей Чук-хе, чтобы вернулся обратно озаренные Великой идеей и в новых белоснежных унтах.

При ближайшем рассмотрении скала оказалась древним строением из красного кирпича – когда-то оштукатуренным в веселый желтый цвет, но ныне желтизна поблекла, уступив место всепоглощающему серому. Совместными усилиями, пришедшие очистили от вьющегося хай-тека дверной проем – дверь была массивная, каменная. Чуть отступив назад, Поляков уважительно присвистнул – грубые борозды на древнем монолите складывались в искусное изображение гигантского копира, вымершего еще в древние эпохи. Зверь стоял на задних лапах. В глаза рельефа были вправлены технические рубины, которые остро и ярко блеснули, стоило свету, впервые за многие века, пасть на тело древнего камня.

– Он кажется очень старым! – воскликнул Поляков, – сколько же он тут стоит?

– С предначальных эпох, – охотно пояснил Великий Вождь, – это наследие народа, жившего еще в доцивилизированную эру. Мы называем это время Донашим. Донаший Эон – смутное время, о нем много кривотолков и почти ничего нельзя сказать точно. Единственное что мы знаем, так это то, что именно в те времена происходили грандиозные битвы богов и героев за передел собственности. Некоторые из наших докторов наук утверждают, что именно вот этот

рельеф и есть истинное изображение Чока, не искаженное поздними толкованиями. В пользу этого довода говорит его пасть, которые и сейчас, по прошествии бесчисленных веков принимает все, что в нее положишь, лишь бы это подходило по формату.

– Нет сомнений, что это замок, – произнес Красноцветов, – пасть копира – замочная скважина. И механизм все еще работает!

– Донаши умели делать вещи, – сказал Вождь, – видите ли, они верили, что их эпоха будет длиться вечно. Возможно, они почитали себя бессмертными, а может быть, и были ими. Так или иначе, но они старались строить свои механизмы так, чтобы многие века спустя они еще функционировали. Смиренные последователи Чук-хе стараются следовать им в этом начинании, но увы, наши собственные изделия недолговечны, и нам приходится закупать все у прогнившей империи. Возможно, мы просто еще не достигли просветления.

Красноцветов кивнул, и осторожно освободил от кабелей часть стены справа от двери.

Ярко блеснул свет – под ползучей растительностью обнаружилась яркая позолоченная пластина, с темными, глубоко выгравированными буквами. Собачник всмотрелся, а потом отступил назад и, хлопнув в ладоши, от души рассмеялся.

– Золотой Ящик! Ну, конечно же!

Надпись на пластине гласила: «НИИ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ АКАДЕМИИ РАН СССР. Вход по пропускам».

– Никто не знает, что означает эта надпись, – произнес Великий Вождь уважительно, – Некоторые полагают, что это и есть истинное имя бога Чук-хе... Но так или иначе мы не можем попасть внутрь. Чего мы только не просовывали в пасть копиру – листовки, акции, рекламные брошюры по собаководству, прайс-листы, техническую документацию на пятидесяти страницах, письма солдат своим девушкам, медицинские заключения, репродукции известных картин, и даже банкноты! Через некоторое все возвращается обратно с пометкой «Адресата не существует. Письмо будет возвращено отправителю».

Система не дает сбоев. Судя по всему, обитающий внутри дух не берет взятки даже имперскими ассигнациями, что, безусловно, указывает на его принадлежность к высшим силам. А его уверения о не существовании адресата, породило множество псевдо – философских теорий о том, что окружающий мир и все кто его населяет есть иллюзия.

Эдакий сон, снящийся кому-то еще. Сонлипсизм – эта теория называется. Ее основатели давно отправились на товарищеский суд к Чук-хе, дабы выяснить как там все на самом деле, но их последователи периодически всплывают в нашем племени.

За спиной Вождя соседи быстро переглянулись. Поляков осторожно вынул письмо из-за пазухи и произнес:

– Вы просто писали не правильный адрес.

Все обернулись на него и синхронно шагнули в стороны.

По этому живому туннелю Константин Поляков прошествовал, держа в обеих руках свой конверт – письмо, которое волею судьбы, пройдя через столько превращений, вновь оказалось у него. Почтальону казалось это чудом, и сейчас, стоя перед Ящиком, он вспоминал тот день, когда увидел послание первый раз – шумный предновогодний день, и Поляков тогда не сумел выполнить свой долг. Ему дали вторую попытку, но, какой же ценой он вновь получил этот безобидный с виду конверт – белый, синие штампы, фиолетовый почерк. Коллективное послание. Да, его собственное послание. Самому себе от самого себя. Константин вздохнул – он чувствовал себя старым и разбитым, усталым путником после долгого долгого пути. Пути длиною в жизнь. Может быть, так чувствует себя бандероль, восемьдесят лет пролежавшая в горах, но в конце концов дошедшая до адресата? Письмо в руках как спасательный круг.

Сжав зубы, он одним движением поместил конверт в пасть копиру. Отчетливо шелкнуло и алый огонь в глазах химеры сначала притух, а потом вспыхнул зеленым. Дверь со скрежетом начала отодвигаться и внутрь здания с резким змеиным шиком ворвался воздух.

Ошеломленные босоногие воины попадали на колени, и даже сам Великий Вождь выглядел ошеломленно. Поляков обернулся к своим, приглашающе махнул рукой, идемте мол, и двинулся в темноту.

Соседи потянулись за ним, один за другим они исчезали

в недрах Ящика, и лишь идущий последним Ткачев на миг оглянулся и увидел как с нежно алеющей, восточной части утреннего небосклона со вселенским треском отрывается кусок грубого разрисованного холста, обнажая унылую бетонную стену. Мир становился тесен. С неуместным громоподобным пафосом дверь в Ящик захлопнулась.

Арена.

Они стояли на арене – широком пустом кольце, посыпанном мелким техническим песочком – слишком чистым и одноцветным, что бы быть настоящим. Вокруг арены громоздились некие циклопические конструкции – смесь Колизея и самого дорогого японского стадиона – впрочем, намеченные столь условно и грубо, что казались примитивными декорациями, как оно собственно и было. В южном ярко-синем небе светило жаркое солнце да описывали круги два гиппогрифа, на такой высоте кажущиеся едва видимыми точками.

Трибуны были пусты, а в дальней части арены имелась дверь – единственное, что абсолютно не вписывалось в антураж арены – вызывающе сирая и убогая, обшитая дешевым пурпурным дерматином. Кособоко прикрученный номер – наследник советской стандартизации – был, впрочем, не совсем прост. На гладкой поверхности номерка была выписана цифра ноль. Нулевой этаж. Ground zero.

Было здесь тихо и покойно, как только может быть покойно на морском дне, в самой глубокой точке исполинского водоворота – или в центре убийственного циклона. Там, за пределами арены ярился и завывал хаос, выдавая на гора ворохи причудливых видений и химер, там семеро пришедших людей были в центре внимания. Здесь же – за сценой, царили тишь и покой. По крайней мере до поры.

Соседи оглядывались. Они находились в центре арены, а позади них не было и намека на дверь – лишь схематично прорисованные трибуны. Великий Вождь, Юпиэс, ван-Дорн и десятка охраны бесследно исчезли. Вернее сказать их никогда и не существовало.

Лишенные болельщиков ряды трибун лишь подтверждали это. Соседи потерянно переглядывались, моргали, словно только что очнулись от тяжелого полуденного сна.

– Арена... – сказал, наконец, Алексей Красноцветов, щуря глаза от яркого солнца, – что ж, я ожидал нечто подобное... – он повернулся к остальным, – Поздравляю, соседи дорогие, мы все же дошли до самого дна. Это точка ноль – точка отсчета. Мы прорвались к истокам.

– И что теперь? – вяло спросил Поляков. Он заметил, что письмо вновь лежит здесь, частично зарывшись в песок. Почтальон нагнулся и поднял его – странно, но, пройдя сквозь оставшуюся незнамо где щель почтового ящика, конверт стал слабо светиться жемчужно-голубоватым светом, отлично видимым, несмотря на царящий вокруг полдень.

Константин поднес письмо к глазам, любуясь отблеском, а потом нежно прижал к груди.

– Теперь мы будем ждать, – сказал Красноцветов, – думаю, к нам выйдут. На вашем месте я бы порадовался – в конце концов, мы совершили то, чего не было в сценарии. Мы собрались вместе, мы прошли сквозь полное безумие, мы здесь – у самого логова Твари. И я бы не сказал, чтобы

этот путь дался нам легко.

– Не то слово! – усмехнулся Ткачев, – этот путь до племени... Я думаю, мы все временно сошли с ума – полное погружение. Страшно, под конец мне стало казаться, что я теряю себя. Эта бездна под ногами, к тому же мне почему все время казалось, что я гражданин империи. Я пытался себя убедить в обратном, но логика пасовала.

– Мы ведь могли там остаться, – добавил Валера, – вы что, не почувствовали? Затянуло бы и все дела...

– Так или иначе, мы здесь, – произнес Алексей Сергеевич, поднимая руку, – Живы, и в более или менее здравом рассудке, что иначе как чудом считать трудно. Вот за этой дверью прячутся те, кто все это затеял. Они, наверняка боятся нас, но отступить им некуда, а значит, они будут сопротивляться до последнего. Сплотитесь! Саша, вспомни Червя! Костя – держи свое письмо при себе, не выпускай его из рук. Я не знаю, что будет дальше, но если они нас одолеют, значит все было зря! Все что случилось – зря были Мясник и Бутчер, Тварь, демон, Каннабис, каннибал и Жаббервох. Зря убили Павлика, зря был съеден Чук и изуродован Волчок, напрасно травили Арсеникума, были бессмысленны гонки и эстафеты, наши нервы, болезни, наш страх. Я просто хочу, чтобы это вы усвоили.

Помните, что нам идти тоже некуда. Только туда, за эту дверь!

– Странно, – сказал Андрей Якутин, – я совсем не бо-

юсь...

– И я, – произнес Ткачев, – мы долго гонялись за Тварью. Теперь мы здесь. Мы настигли ее. Я снова думаю свободно. Я – это я и никто другой! Проклятье, да я счастлив!

Они улыбались, пожимая друг – другу руки, похлопывая по спинам, учтиво кивая. Мы здесь. Мы дошли. Лица окружающих людей казались родными и близкими. И сам факт, что они вот так, просто стоят все вместе посередине пустой спокойной арены, наполнял их непонятным ликованием, от которого хотелось пуститься в пляс. Больше не надо были играть в прятки. Вообще не надо было играть.

– Эй ты там! – весело крикнул Красноцветов, поворачиваясь к дальнему краю арены, – Выходи, что ли! Хватит скрываться за дверью от человеческого общества!! Гости пришли!

За дверью зашебаршилось, заскреблось, словно в смятении, а потом пурпурная створка, скрипнув, открылась, и на желтый песок арены вышла Альма. Она была точно такая же как обычно, только ростом увеличилась, став размером с доброго теленка – явно чересчур крупный размер для немецкой овчарки. Она уселась на краю арены, уставив на Красноцветова внимательный взгляд умных медовых глаз. Ярко красный язык свешивался из пасти, а шею собаки обхватывал кожаный ошейник. Альма потрянула головой:

– Ну что хозяин, – мелодичным голосом легко произнесла она, – Что же ты встал? Где моя миска? Где моя ласка?

Ты что, забыл обо мне? О ком ты должен заботиться? Ведь тебе это было так необходимо! Это наполняло твою жизнь смыслом, хозяин.

Красноцветов пошел вперед. Поляков предостерегающе крикнул:

– Не ходи! – но собачник даже не отреагировал.

Алексей Красноцветов сделал десять шагов и остановился перед своей собакой. Та смотрела на него сверху вниз. По сравнению с Альмой ее бывший хозяин казался совсем незначительным.

– Альма... – ласково сказал Алексей Сергеевич, без всякого страха протягивая руку и чуть касаясь шерсти, – я не забыл. Конечно нет! Просто побыв здесь некоторое время...

– он легонько погладил морду псины, потрепал густую шерсть на мощной шее, – я понял одну вещь. Кажется я плохой воспитатель, Альма. Отвратительный... Да, я старался, честно, но я не могу и не хочу больше делать то, к чему не имею способностей.

– Послушай... – сказал собака, – все еще можно исправить. Вспомни наши прогулки, наши революционные идеи – вы ты был с нами. Ты знаешь, как ведут себя животные, с которыми плохо обращаются? Они нападают на хозяев! Они могут даже съесть их!!!

– Да, я знаю, – со вздохом сказал Красноцветов, а потом его рука легко скользнула к ошейнику, и, щелкнув застежкой, резким движением содрала его, – И именно поэтому я

отпускаю тебя. Ты отныне свободна от попечения. Свободна от меня, своего непутевого воспитателя. Мне уже не нужны воспитанники! Беги, Альма!! – крикнул он и резко стегнул ошейником животное по крупу.

Альма взвилась с хриплым ревом, ее зубы клацнули совсем рядом с Красноцветовым, но тот увернулся, и поспешно отступил в сторону, по-прежнему держа перед собой ошейник.

Животное дернулось, но вместо того, что бы прыгнуть на бывшего хозяина нелепо крутнулось, а в следующую секунду то, что появилось на месте Альмы, холодно уставилось на Александра Ткачева.

Это был человек, но невообразимо уродливый. Его кожа была мертвенно серебристого цвета, с разветвленной системой тонких имплантов, по которым пробегали блеклые вспышки. Его живот отвратительно раздувался, плавно переходя в плоский экран монитора.

Бледное лицо с прозрачными глазами, однако, было знакомо – перед сетевиком стоял, безусловно, Кусака, чудовищно скрещенный с рыжим Васей Рябушевым. Бледные губы весело, хотя и несколько безумно улыбались.

– Привет Паромщик, – сказал человек-терминал, – Вот и встретились. Не ждал старых гостей, да? Ну да ничего... Я хочу помочь тебе. Ты же запутался, так ведь? Что ты стоишь среди ЭТИХ? Иди сюда – люди, в сущности, злы, а мир жесток. Не так ли?

Ткачев кивнул и подошел ближе. Он был спокоен, даже расслаблен.

– Тут у нас совершаются чудеса. Ты уже заметил? – продолжил человек-терминал с улыбкой, – мы можем забрать тебя отсюда. Устроить такой мир, где у тебя все будет хорошо, просто замечательно! Иллюзия, но вся наша жизнь иллюзия – иллюзия счастья, иллюзия взаимности, иллюзия надежд? Ну, как тебе такое предложение. Учти, мы действительно это можем! Тварь все равно убьет тебя, а так ты выживешь! Ну же, отступись... Что делают умные люди, когда понимают, что не могут справиться? Они отступают! Пусть даже в себя! Ну?

– Я вас понял, крушители моих надежд, – сказал Александр с легкой улыбкой, – вот только вы привираете. Счастье иллюзорно, надежды иллюзорны, а вот в бедах реальная жизнь всегда правдива. Она одна никогда не врет.

Человекообразный терминал дернулся, кулаки сжались, лицо безобразно искривилось:

– Опомнись! – заорал он, – мы же предлагаем тебе самое главное – забвение!!! Ты забудешь это все! Нирвана! Ты что, забыл – счастье – это стакан водки и процессор седьмого поколения!!! Да, жизнь жестока, но ты то можешь от нее убежать, глупец!!!

Александр покачал головой:

– Извините ребята, – сказал он, – я, кажется, стал приверженцем традиционных ценностей, – и он резко, с места

ударил ногой прямо в центре уродливого животамонитора. Экран с грохотом лопнул, разбрызгивая алые искры, человек-экран согнулся, держась руками за живот, а когда распрямился, это уже был Волчок. И одновременно Чук – то самое существо, что страдало на чердаке подъезда номер четыре.

– Валера... – слабо протянул Чук-Волчок, покачиваясь и болезненно вздрагивая, – Посмотри, до чего ты меня довел! Смотри, в кого я превратился... В какую жалкую развалину! Это ведь ты виноват, Валера! Я был твоим единственным другом – единственным существом, которое нуждалось в тебе. Ты предатель... исковеркал мне жизнь, пусть тебя заест совесть за это. Пусть она не даст тебе спать ночами! Запомни мое лицо Валерий Золотников, запомни на всю свою бессмысленную теперь жизнь, – черные слезящиеся глазки химеры смотрели на Валеру – со строгим сочувствием столетнего призрака.

Валерий Валерьянович Золотников сделал нечто странное в данной ситуации – он пожал плечами.

– Знаешь Чук, комплекс вины – это немного не то, в чем я сейчас нуждаюсь. И потом... ведь тебя уже давно нет. Тебя съели, и виноват в этом не я, и даже не этот шизофреник Волчок. Тебя съела Тварь, доступ к которой ты сейчас закрываешь. Простите Чук и Волчок, но время ложной жалости прошло, а я больше не нуждаюсь в суррогатах!! – и он жестоко ударил болезненную тварь в грудь, отчего та пова-

лилась на песок, нелепо дрыгаясь.

В стане соседей это приветствовали несколькими возгласами, а к месту схватки уже бежал Поляков.

И вправду – с песка поднялся уже демон – крупный, с огненно красной, словно окрашенной фуксином, кожей, одетый в потертый комбинезон мусорщика и в древнюю фуражку почтальона. На боку у демона красовалась сумка из кожзаменителя, которую Константин точас же узнал. Демон хмуро смотрел на Полякова.

– Костя, тебя уволили... – сказал он с неприязнью, – ты больше не курьер и не почтальон. Ты не выполнил свою работу – не доставил письмо по адресу. Ты забыл о своем долге!

– Мне помешали... – сказал Поляков.

– Не важно, – помотал головой демон, – Это была твоя любимая работа и те ее потерял, а вместе с ней и людское доверие. Ты теперь никогда не сможешь смотреть на людей так как раньше, не почувствуешь себя полезным. Тебя ждет страшная жизнь! Страшная... Но, так или иначе, у тебя теперь нет права переносить письма – поэтому отдай свой конверт мне.

Я донесу его до адресата, и тем самым исправлю твою ошибку.

– Предпочитаю свою работу делать сам, – сказал Константин, – У меня теперь есть свой долг, и я его выполню, даже если мне потребуется сокрушить тебя.

– Долг – это только слова!! – зашипел демон, – кроме того, ты находишься в заблуждении. Страшном заблуждении! Ведь ты потерял письмо – оно покинуло тебя и исчезло в мусорном контейнере! Но я могу исправить это положение – вот оно, – и демон, запустив руку в свою сумку извлек на свет точно такой же конверт как у Полякова.

Одновременно с этим вид демона стал изменяться – на голове возникла шляпа, в когтистых руках – аккуратный портфель из крокодиловой кожи. На бычьей шее болтался галстук в синюю полоску.

– Мы ведь сможем все исправить, не так ли, молодой человек? – с хитрецей молвил демон, – Надо только доложить, дожать и обсудить! Пойдемте со мной, и мы решим эту маленькую проблемку. Ваше письмо рассмотрят компетентные... эээ... специалисты и все будет хорошо... у вас, да чтобы не получилось, а я буду ходатайствовать в меру моих скромных сил... Ну же, Костя, вы же у нас выдающийся сотрудник! Настоящий герой.

Поляков вынул свое письмо – оно все так же чуть светилось – казалось бумага наполнена молочным светом, и покачал головой:

– Я ведь выполнил свой долг. Письмо, оно вот, со мной. И я его не терял, просто потому, что в ту декабрьскую ночь его у меня просто не было! Оно не лежало перед подъездом. А герои... знаете, я уже был героем. И мне не понравилось! – резко присев Константин зачерпнул песка с глади арены и

швырнул его (так похожие на пыль!) в сочувственно-огненные глаза демона.

Создание оглушительно завывало, пытаясь протереть запорошенные глазницы, а когда это все же удалось, на мир глянули блекло-голубые глаза Сени Гребешкова. Он все еще был в бинтах, но лицо вновь стало живым и более или менее полнокровным.

– Максим, иди сюда!!! – заревел он требовательно, – я тебе даю последний шанс, засранец малолетний! Ты кем себя возомнил, чмо? Думаешь, такой умный, обскакал меня раз и выиграл войну? Да я тебя поломаю... Ты забыл мельницу? Если ты сейчас не подойдешь ко мне, я к тебе подойду, и тогда мельница тебе покажется развлечением.

Максим подошел. Он старался не смотреть в глаза Сене.

– Ты шибко умный, да?! – заорал на него Гребешков – думал, мой бизнес подорвать, магнат хренов?! Ум, мол, побеждает силу. А вот что ты сделаешь сейчас? Вот так, стоя передо мной, а?

– Когда ум побеждает силу – это почти всегда бывает подлость, – сказал Максим Крохин, – Но ты, Сеня давно не силен. Ты слабак! Ты прогнул изнутри, Гребешков!!! – и он со всей силы ударил прямым правым в нависшую над ним массивную харю Арсентия. Казавшееся когда-то несокрушимым, лицо Сени Гребешкова лопнуло под ударом с отрывистым сухим хрустом, словно под колеса машины попал грецкий орех. Из разломившегося черепа хлынул сухой, пах-

нущий корицей, песок.

Без звука мумия осела на землю арены, задергалась там в пыли, а потом на ноги нетвердо встал человек. Андрей Якутин вздрогнул. Пашка жалобно и заискивающе улыбнулся ему, а следующую секунду на пленника уставились холодные глаза каннибала, смотрящие с круглого невыразительного лица второго пилота. Одет он был в летный комбинезон с улыбающейся коровой на груди, а сверху накинул полувоенный френч.

– Зачем ты сбежал из клетки? – спросил пилот-каннибал, – ты не подумал, что именно она спасала тебя?

– Думал, – согласился Якутин, подходя ближе, – я носил ее с собой, и она позволяла мне жить не думая о будущем.

– Так что же случилось? – участливо спросил каннибал, – ты сломал ее. Что те сделаешь среди этого быдла? – он махнул рукой в сторону, – они ведь не ровня тебе. Нет! Ты же лучше их, и прекрасно это знаешь! Так зачем же опускаться, втаптывать себя в грязь. Ты уже извини, но, приковав тебя к батарее мы невольно оказали тебе услугу, хотя это и не входило в наши планы.

– Не извиняйся, – качнул головой Якутин, – не вы посадили меня в клетку. Я сам себя в нее посадил, чтобы отгородиться от остальных. Моя броня всегда была со мной, и я не чувствовал ее тяжести. Мне было легко. Но вот летать я не мог. Спасибо вам всем, пытаюсь помешать, вы и вправду помогли мне. Я все-таки полетел. Я перепрыгнул Луну.

Другие глаза теперь смотрели на Андрея – усталые, покрасневшие, его собственные, а на лицо падала перекрещенная тень от решетки. И Андрей Якутин ударил по этим ненавистным прутьям, круша и ломая их. С воем, создание схватилось за лицо, и через пальцы проступила алая кровь. Но лишь на мгновение. Фигура врага раздалась, огрузнела, пальцы укоротились и обзавелись золотыми перстнями и холеным маникюром.

Кошмарный андрогин, состоящий одновременно из матери Анны Воронцовой, друга семьи Николая Петровича и Жаббервоха, сочувственно улыбался. Метаморфозы происходили с врагом стремительно, глаз не успевал заметить момент изменения.

– Аня... – слабо вымолвила мать, – посмотри на меня, дочка. Посмотри на свою маму. Что ты видишь перед собой?

– Я вижу того, кто стоит на моем пути, – сказал Анна, делая два шага вперед.

– Что ты, доча, опомнись! Приди в себя! То, что ты видишь вокруг, это иллюзия – ты не думала об этом? Ты находишься в помрачении – тебе все это кажется! Ты совсем ушла в себя! Я так боялась, что это случится! Ты закончила так же как твой отец – полностью сошла с ума! Стала безумной!

Анна заколебалась. Такая мысль приходила ей в голову и не раз.

– Не верь всему, что вокруг тебя! – продолжало вещать

создание, – Этого не существует, это сложная галлюцинация. Подойди же ко мне, не дичись. Мы вызовем врачей и они выведут тебя из этого психоза. Все будет хорошо! Подумай о будущем! Обо мне подумай!

Глядя широко открытыми глазами на говорящего, Анна сделала еще один шаг. Андрогин улыбался – ласковой улыбкой работника учреждения для трудных подростков.

– Не существует? – спросила Анна тихо, – не настоящее?

– Мы вернем тебя на землю, – пропело создание, протягивая холеные руки, – материнская любовь, она навсегда...

– Анна! – резко крикнул Ткачев и она обернулась, растерянно заморгав, словно смотрела на яркий свет.

– Но ведь всего этого не существует, – сказал Анна Воронцова сетевнику, – он не врет!

– Он говорит полуправду, – сказал Александр, – это еще хуже, чем ложь. Ты существуешь, Аня. Я существую. Они все – он кивнул в сторону соседей, – а вот эта дрянь, – нет!

Анна повернулась к матери. Маленькие глазки андрогина хитро поблескивали. Голубая радужка, черный зрачок, а внутри... внутри ощущалась все та же пустота. Такая знакомая! Глазницы окон, портрет...

– Ты врешь! – крикнула Анна, – ты, тварь, прикрывшаяся лицом моей матери! Я не безумна, я более нормальна, чем когда-либо! Это все ты! Ты, пыталась свести меня с ума! Врачей не будет, слышишь, и я выйду отсюда сама, потому что я так хочу! Я сама решу, что буду делать! Я действитель-

но королева, слышишь! Королева самой себя!!

И она от души залепила отвратительному существу жгучую пощечину. Не слишком сильный, этот удар, однако, оказал разительное воздействие. Существо отбросило метров на пять, у краю арены, где оно кувыркаясь, пробороздило песок, вздымая крошечную песчаную бурю, и застыло. До соседей донеслись тонкие стоны.

Шатаясь и подвывая, с покрытия Арены кое-как вставала кособокая фигурка в нелепой яркой одежде, которая, впрочем, была изодрана до состояния лохмотьев и побурела от крови. Все еще мешая причитания с грязными проклятиями, она побежала прочь, хромя на обе ноги, и с натугой отворив дверь, исчезла внутри. Ткачев было рванулся следом, но Алексей Сергеевич положил ему руку на плечо:

– Пусть уходит... Это Клоун, он честно пытался остановить нас. Но ему больше некуда бежать.

Ткачев кивнул и соседи, сбившись плотной группой, пересекли арену, остановившись перед закрывшейся дверью. Они чувствовали странное освобождение. Их дао, наконец-то, подошло к завершению.

* * *

За дверью оказалась сцена – древние пыльные подмости, ветхие настолько, что не оставалось сомнений – стоит ступить на них, и ты провалишься вниз, в темный, унылый

чулан с ошметками декораций и высохшими трупиками насекомых. Было видно, что на сцене уже много лет никто не ставил спектаклей, и даже величественная панорама Земли, что медленно вращалась на месте зрительного зала, не могла, никак не могла улучшить общее убогое впечатление. Пахло пылью и мышиным пометом.

Взгляды соседей, обежали сцену и остановились на трех силуэтах, затерявшихся среди складок изъеденного молью пурпурного бархата. Справа, у самого края сцены застыл тощий субъект в беловатых нечистых одеждах – точь-в-точь заигравшийся в привидения дистрофик. Лицо его было вымазано белым гримом и выражало крайнюю степень ужаса. Мим нелепо взмахивал руками, словно старался отогнать от себя незваных пришельцев. Отчего то вид их, повергал несчастного в панику.

Чуть в стороне от него невнятной грудой изгаженной разноцветной ткани застыл Клоун.

Этот почти не шевелился, лишь слабенько хныкал и постанывал. Под ним, в темное дерево подмосток медленно впитывалась дурнопахнущая лужа.

А слева – темным, неподвижным изваянием застыл мрачный силуэт в агатовом плаще с капюшоном. Из складок одеяния возникала складная коса на алюминиевом основании, с порядком затупившимся лезвием. Профессиональная принадлежность создания не оставляла сомнений. Отчего то именно это нелепое существо, похожее не смерть канарейки

из известного анекдота, привлекло внимание семерых. Они, не сговариваясь, сделали шаг в его сторону, и тут черный плащ отлетел прочь. Соседи застыли, мим закрыл глаза ладонями, а Клоун с проклятиями стал отползать в сторону зала.

Из-под бугристой черной ткани с грохочущим рыком выползала Тварь. Она выглядела точь-в-точь как черный ротвейлер, но являлась им в той же степени, в какой термоядерный реактор напоминает обычный костер. Это, без сомнения был Бульдозер, но это был и Мясник, и Бутчер, это был Жаббервох, во всей своей неотразимой красе, это были каннибал, Арсеникум и Волчок, Ханурик, мусорщики, карнавальщики, фанаты и бизнесмены, гении высоких технологий, владельцы морских свинок, короли и смерды, собаки, прыгающие через луну копытные, ЦУПы И ЦАПы, полевые мыши, огненные демоны и прочие, прочие, прочие... А вернее всего – это был дом. Черная демоническая тварь, сущность которой и был дом в нынешнем его виде. Тварь, которая была внутри и снаружи здания, и которая держала в лапах клубок их судеб, одновременно и властвуя над ним и порожденная им.

Вскрикнула, отшатываясь, Анна – она поняла вдруг, что пыталось прорваться на нее из портрета. Скривился Ткачев, вспоминая терминал, и Красноцветов мотнул головой в тяжелом моменте узнавания. Валере почудился призрак съеденного Чука, Максим, вздрогнул, вновь ощутив себя маленьким и незначительным. Десятки и сотни мелких воспомина-

ния терзали соседей, сливаясь в единый агатовый сгусток – тело твари, что росло с каждым мгновением.

Тварь низко рыкнула – мощный вихрь прошел по сцене, яростно трепля ветхую ткань и сгоняя пыль – и открыла глаза. На людей словно взглянули все до единого пустые окна громадного здания, а одновременно глаза тех, кто, так или иначе, вставал у семерых на пути. И, несмотря на то, что эти радужные оболочки были разных цветов, взгляд твари был ярко-алым, словно там внутри черепа демонического пса кипел расплав.

Дом, их дом, поселившаяся в нем черная сущность в образе агатового зверя рос на глазах, раздаваясь во все стороны. Мощный запах перегретого металла, часть портьер вспыхнула и а веселеньким рыжим пламенем. Могучая, вбирающая в себе все, но вместе с тем загнанная в угол тварь низко взревела, отчего плотно сбившаяся кучка людей попятилась, зажимая руками уши. Мощный, переходящий в инфразвук бас, заставил сцену вздрогнуть и заколебаться звезды на их тонких серебряных гвоздиках. Вздрогнула и на миг остановила вращение земля, пыль и гарь взметнулись столбом. Клоун и мим лежали лицом вниз, изо всех сил вжимаясь в старое дерево. А все массивное строение панельной четырнадцатизэтажки тяжко содрогнулось от верха до основания.

Жница перестала молчать.

Чудовище продолжало расти, все больше и больше нависая над крохотной группкой людей.

Тварь открывала все новые и новые веки – яркие вспышки глаза зажигались тут и там, и вот это уже действительно был дом – мрачное его отражение – угрюмый стоокий замок, стремящийся уничтожить, раздавить своими полнящимися тьмой стенами.

Да, они действительно достигли истоков, вот только вместо чистого бодрящего ключа, началом здешний событий послужил бьющий из-под земли черный расплавленный вар.

Ревя так, что закладывало уши, Тварь рванулась вперед, намереваясь единым движением покончить с кучкой посмевших выйти против нее людей. Они в испуге подались назад, а Поляков в нелепом жесте защиты выхватил из-за пазухи письмо. Резко поднятое его рукой, белый конверт вдруг ослепительно вспыхнул, столь ярко, что стоящие рядом люди поспешили закрыть глаза ладонями. Уже не жемчужное свечение, но яркое, минующее все линии спектра всепроницающее фиолетовое сияние. Это было похоже на дуговую сварку, только в тысячу раз ярче. Сцена высветилась, резкие рубленные тени пали во все стороны.

Тварь ошеломленно взвыла. Алые рубины глаз слепли один за другим. Бешеный напор света остановил продвижение черного пса, и отогнал его прочь. Отступая тварь, слишком поздно заметил, что сияние творит с ее плотью. Чернота таяла, не выдерживая интенсивности светового потока, словно чернила бесследно растворяясь в бурном потоке обездумевших фотонов. Демонический пес стремительно сдавал

в размерах, пласты черноты отваливались от него, и словно стремясь укрыться текли в сторону, но уходили недалеко и испарялись, подобно попавших на раскаленную жаровню каплям воды.

С широко закрытыми глазами Константин Поляков двинулся вперед – он и сам сейчас казался тенью – жалким и ничтожным картонным силуэтом на фоне локального большого взрыва. Пес снова завыл, но на этот раз неуверенно и испуганно. Он пятился вглубь сцены, с каждым шагом все больше уменьшаясь. Вой утратил раскаты, стал свербяще визгливым.

Шаг, еще шаг и еще и вот уже на вытертых ногами тысяч актеров стоит Бульдозер – в своем оригинальном размере. Стоит, шатаясь на подгибающихся лапах, и дико затравленно воеет, мигая красными пустыми глазницами. Ему было некуда уменьшаться. Поляков подошел к съежившемуся, скулящему псу – казавшемуся жалкой кляксой на огромной и пустой белоснежной скатерти, и, источая ослепительный свет, наклонился, и подал твари конверт, со словами:

– Вам письмо, – и добавил, – распишитесь в получении...

В последнем отчаянном вопле тварь стремительно распалась, словно смытая световым потоком тень. Ни осталось ничего – ни пепла, ни клочка черной шерсти. Мигнув, ослепительное свечение погасло, оставляя на сетчатках людей фиолетовые тени.

Константин, словно во сне, смотрел на свои пустые руки.

Конверт исчез – без сомнения туда, куда уходит весь свет после выключения электричества. Поляков ошеломленно покачал головой.

– Все же доставил его по адресу... – произнес он ни к кому не обращаясь.

Тишину нарушало только слабое хныканье Клоуна. Соседи смотрели на почтальона. Земля крутилась.

– И что же теперь? – потерянно спросил Красноцветов.

– Что теперь?! – яростно крикнул на него из своего угла Клоун, – А вы не знаете?! Все кончено! Тварь мертва! Вы убили ее! Клубок разрублен, так или иначе! Вас больше никто не держит! Уходите отсюда, счастливики, уходите, оставьте нас!

– Но вы...

– Что мы? – крикнул клоун, плаксиво, – мы тут ничего не решали. Мы даже не знали, что тварь прячется здесь! Умоляю вас, уйдите, путь свободен, оставьте нас одних в нашем горе! – и он залился рыданиями, стуча кулаками по сцене.

Воцарилась тишина, прерываемая лишь ненатуральным всхлипываниями клоуна. Кружиласьвертелась земля – красивая, как картинка.

– Да, уходите, – сказал, вдруг, мим, – Монстр мертв. Закончены три акта и вы свободу обрели! Так тщитесь ей распорядиться, что бы потом не было мучительно больно. Вы понимаете меня?

– Ну, соседи? – спросил Алексей Сергеевич Красноцветов.

тов, – тварь мертва. Ваши планы на будущее?

– Жить, – сказал Андрей Якутин, – просто жить. Уеду куда ни будь, посмотрю мир – вольному – воля.

– Перестану играть людьми, – хмуро сказал Максим Крохин, – это, пожалуй, лучшее, что я смогу сделать в будущем.

– Уйду с почты, – произнес Поляков, – свое последнее письмо я доставил. Хватит. На свете есть много куда более занимательных вещей... А ты Валера, куда?

– А что я, у меня теперь новая жизнь. Буду деньги зарабатывать – сколько можно жить в бедноте? Я теперь человек – самый настоящий. —Похвально, – сказал собачник – может быть еще покатаешь нас на «Бентли»... А у тебя, Сань, каковы планы?

– Определенные, Алексей Сергеевич, – улыбнулся тот, и осторожно обнял Анну за плечи. А она – не отстранилась. Только спросила с легкой усмешкой:

– Ну, а вы, сами то как? Куда теперь?

Алексей Красноцветов на миг задумался, а потом решительно сказал:

– Перееду на другую квартиру, – и качнул головой – ну, что, идем?

И они пошли прочь, оставляя позади сцену, на которой один за другим гасли огни.

Соседи на миг остановились перед дверью, а потом распахнули ее и вышли вон. Они прошли сквозь темное и пустое помещение котельной, полное угрюмых неработающих

печей. Сбившись тесной группой, прошагали по короткому коридору и поднялись на четыре ступеньки в холл. Прошли мимо оторопевшей консьержки, которая с недоумением глядела на их изорванную одежду, исцарапанные лица и безумно поблескивающие глаза. Консьержка приняла их за бомжей и плотно сжала и без того тонкие губы, пробормотав про себя:

«недочеловеки».

А они отворили дверь подъезда и вышли в сияющий теплый полдень. На дворе был июль, и одетые по летнему люди спешили туда и сюда, ездили машины, пели птицы, мир жил бурно и радостно, как всегда возрождаясь и оживая после долгой зимней спячки. Мир был велик и полнокровен, а никак не решающиеся сойти с крыльца соседи напоминали извлеченных на поверхность подземных существ – бледные, они зачарованно щурились на буйствующую вокруг жизнь, и все не могли поверить. А потом, все же решившись, они ступили вниз и пошли вдоль улицы, не замечая удивленных взглядов прохожих. Они смотрели в лица – такие разные, смеющиеся, печальные и безразличные, но – живые. Мир вокруг них был вмняем – он был серьезен, смешлив, опасен и уютен. В нем жили шесть миллиардов человек. Он был настоящим.

Они шли и теплый летний ветер гнал им навстречу легкие катышки тополиного пуха, и перед каждым из этих семерых усталых людей, лежали их собственные судьбы. Они убегали

вперед, в туманное смутное завтра, прямые и блестящие, как
череда новеньких рельс.

Убегали, и расходились в разные стороны.

Интерлюдия финальная.

После того как за семеркой закрылась дверь, Клоун и Поэт еще некоторое время печально смотрели друг на друга, и в их пустых, черных глазах, можно было еще прочитать какую-то невысказанную мольбу, какую-то просьбу, обращенную неизвестно к кому. А потом, замершая было вселенная, сделала циклопический выдох, несущий перемены и новые свершения, и они исчезли – так, словно их никогда и не было.

Сцена осталась. Звездный ветер перекатывал по ней катышки пыли. Огонь окончательно погас. Опустевшие подмости ждали. Пустота никогда не бывала слишком долго и, рано или поздно, ее заполняли новые персонажи. Поэтому пустая сцена терпеливо ждала, как ждала уже бесчисленное количество раз и это ее ожидание неизменно, снова и снова, оправдывалось.

Сцена ждала нового представления.

Конец